ВАЛЕНТИН

ВАРЕННИКОВ

НЕПОВТОРИМОЕ

6

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шестая книга известного русского генерала В.И.Варенникова «Неповторимое» информирует читателя о его деятельности на посту Главнокомандующего Сухопутными войсками СССР. В ней подробно рассказано о трагических событиях, приведших к насильственному разлому Советского Союза, а также обо всем, что связано с деятельностью ГКЧП — арестом, следствием и судом над участниками событий.

Автор книги, генерал армии Валентин Иванович Варенников, Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, лауреат Ленинской премии, в 1942 году получил назначение на Сталинградский фронт и воевал до победного конца. Он был участником исторического Парада Победы, а перед Парадом как начальник почетного караула принял на Центральном аэродроме Знамя Победы. Кадровый военный, отдавший армии больше шестидесяти лет, крупный общественный деятель и патриот, В.И. Варенников, безусловно, заслужил право быть услышанным.

- Валентин Иванович Варенников
  - Предисловие к шестой книге
  - Часть 8. Главнокомандующий
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
  - Часть 9. Вера и надежда. Трагедия отечества 1985–2000 гг
    - Глава I Прелюдия трагедии
    - Глава III
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Вместо заключения
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX

Валентин Иванович Варенников
Неповторимое. Книга 6

Посвящается соотечественникам и особо — офицерскому корпусу

Предисловие к шестой книге

Книга включает восьмую и девятую части. Процессы развала государства, доведенные Горбачевым до необратимости, конечно, создают в стране драматическую картину, от пустых полок в магазинах и на рынках до кровавых столкновений на национальной и сепаратистской почве. Во всех сферах жизни — одни вопросы и никаких ответов, никаких хоть приблизительных перспектив. А в военной области — вообще катастрофа! Куда мы спешим с выводом своих войск из Восточной Европы и Монголии, тем более выводим их в совершенно не подготовленные районы? Чем объясняется наше одностороннее сокращение вооружений и Вооруженных Сил? Почему США диктуют, а Горбачев покорно склоняется? И всем этим дышит книга.

Социально-политический накал в стране дошел до такого уровня, что государство становится неуправляемым.

Деструктивные силы открыто идут на слом конституционного строя и захват власти. Особенно это проявляется в Литве в лице «Саюдиса», а в Азербайджане — Народного фронта. И хотя руководство страны фактически не предпринимает никаких мер по пресечению развала государства, патриотически настроенная общественность выступает со знаменитым «Словом к народу», предупреждая наших сограждан о нависшей страшной опасности и что всем нам надо сбросить с себя оковы онемения, наступившего от сладких, но ложных речей Горбачева — Яковлева, и, сплотившись, спасать Отечество.

Главное командование Сухопутных войск невольно оказывается в центре происходящих событий, в центре политической жизни страны. Военный совет Сухопутных войск рассматривает на своем заседании и направляет обращение к Верховному Совету СССР, в котором просит навести порядок в стране и оказать законодательную помощь Вооруженным Силам с целью смягчения ущерба, который они несут с выводом войск из Восточной Европы и Монголии.

К сожалению, коллегия Министерства обороны не заняла по этому вопросу однозначную позицию. То ли по причине общего гонения на Вооруженные Силы, негласно организованного Горбачевым; то ли потому, что вывод войск коснулся только Сухопутных войск и частично ВВС, а всех остальных это не тронуло; то ли по другим причинам, но отстаивать позиции по этой проблеме было невероятно трудно. При этом командующие войсками военных округов не чувствовали должной поддержки, что порождало у них неустойчивость.

В это же время Горбачев старается максимально приблизить к себе начальника Генерального штаба и тем самым склонить его на свою сторону. И это уже сказывается на военно-политических взглядах Генштаба, в частности, на декабрьской 1990 года научно-практической конференции руководящего состава Вооруженных Сил. К величайшему прискорбию, коллегия Министерства обороны скептически отнеслась к моему докладу о предстоящем развале Варшавского Договора и предлагаемых мерах. Мало того, желая попасть в струю Горбачева {а она означала блеф на словах и полностью противоположное развитие — на деле), отдельные члены коллегии заявляли, что о развале Варшавского Договора речи не может быть. Он вечен. Что, как известно, было умышленным заблуждением.

Однако кровавые события на Кавказе и в Прибалтике, наконец, просачивание в прессу подготовленного Горбачевым проекта нового Союзного договора (вопреки проведенному в марте 1991 года всенародному референдуму) и уход Горбачева в это тяжелое время в отпуск — все это вконец расшатало обстановку, и лица, составляющие фактически руководство страны, вынуждены были собраться и принять решение: что делать дальше.

Выступление Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) не было спонтанным. Оно логически вытекало из обстановки и было спровоцировано Горбачевым (ему надо было «выпускать пар»). Но народ с подъемом встретил появление ГКЧП, тем более его благие намерения подтверждались опубликованными документами с конкретной программой. Однако ГКЧП оказался несостоятельным и нерешительным, чем воспользовались псевдодемократы, которые захватили власть, но долгое время не знали, что с ней делать. И самое трагичное: желая избавиться от Горбачева, они видели выход только в физическом разломе Советского Союза.

Автор допускает, что в конце 70-х и начале 80-х годов были крайне низкие темпы развития народного хозяйства, недостаточно была развита в стране демократия и гласность, были другие негативы. Но зачем надо было разрушать государство? Ведь даже тогда было понятно, что этого делать нельзя. А сейчас всему миру ясно, что личности, даже с ярко выраженной шизофренией, не должны были этого делать.

В книге документально представлены ходатайства, речь (показания) на суде и последнее слово автора-подсудимого. А также речи государственного обвинителя и защитника, текст оправдательного приговора, объявленного председательствующим суда.

Не менее интересны отдельные фрагменты суда. В том числе — допрос Горбачева в качестве свидетеля и особенно вопросы, ему задл автор этих строк. Очевидно, шестая книга прольет свет на многое неизвестное и поэтому заинтересует всех читателей, независимо от их возрастной и социальной категории.

Знать меру в радости, В беде не огорчаться, И неизбежноеС достоинством нести.

Основные вехи (события) шестой книги

Предельное социально-политическое напряжение. Кровавые события на Кавказе и в Прибалтике. ГКЧП. Арест, Беспрецедентное нарушение прав человека. Три суда. Оправдательный приговор — победа Закона.

Часть 8. Главнокомандующий

Знать меру в радости,
В беде не огорчаться,
И неизбежное
С достоинством нести.

Глава I
Проблемы огромные, а решения нулевые

Взгляд на Москву из Афганистана. Главкомат Сухопутных войск. Опять самое пекло — руководство страны приняло решение в короткие сроки вывести войска из Восточной Европы и Монголии. Куда мы спешим с выводом войск? Почему идет одностороннее сокращение ВС? США диктуют, а Горбачев покорно склоняется.

Встретив перестройку с распростертыми объятиями, доверчивый народ страны пошел за своими лидерами, совершенно не имея не только ясных и четких ориентиров, но даже общего представления о том, что мы все-таки должны получить в итоге. Везде муссировалось к месту и не к месту: «гласность», «демократия», «плюрализм мнений», потом появились горбачевские лозунги: «больше демократии, больше социализма», «социализм должен быть с человеческим лицом», «общечеловеческие ценности», «гуманный социализм», «ускорение» и прочие.

До 1985 года чувствовалось, что страна, ее огромное хозяйство хоть и медленно поворачивается, но в целом стоит на тормозах, которые не позволяют развернуться в полную мощь экономике и проявить свой огромный потенциал. Главным тормозом было отсутствие материальной заинтересованности в труде. Все нивелировалось. Народ видел это и ждал изменений, которые бы соответствовали объективным законам развития нашего общества.

Еще в начале 80-х годов у нас в магазинах было всё, причем по низким ценам. Денежное содержание позволяло сделать нужные покупки.

Получив наконец (не без труда) квартиру от Министерства обороны, наша семья купила мебель и полностью прилично оборудовала свою семейную пристань. Никогда не было никаких проблем с питанием — мы в основном пользовались гастрономом на Смоленской площади. А на праздники, если вдруг заглянет дорогой гость, всегда можно было за 20–30 минут сходить «на Смоленску» и приобрести необходимые деликатесы. Что же касается бытовых предметов, то вообще никаких вопросов по этому поводу не возникало.

Закончился 1985-й, 1986-й, близился к концу 1987-й. И тут мы уже почувствовали, что в стране творится что-то неладное и весьма опасное. Во всех крупных городах, в том числе в Москве, будто огромным пылесосом прошлись по магазинам и рынкам —

везде зияли пустые полки. Колбасу, ветчину, сыры и даже овощи и фрукты рисовали на стеклах витрин, а внутри — хоть шаром покати. Даже в Москве отдельные товары стали дефицитом. Появились огромные очереди, в том числе и за счет иногородних.

Гласность нужна? Конечно. А демократия? Несомненно, причем истинная социалистическая демократия. Она-то и признает истинную гласность, как составную свою часть. Но почему с наступлением эпохи горбачевской демократии и гласности стали дефицитом продовольствие, стиральные порошки, мыло, зубная паста и прочие необходимые в быту мелочи? Ведь одно другому не только не должно мешать, но обязано способствовать успешному функционированию народного хозяйства, повышению качественного уровня и объема производства. У нас шло все наоборот.

Приезжая из Кабула в Москву на пару дней с отчетом по Афганистану, я имел возможность пообщаться и с крупными экономистами. Спрашивал в лоб: «Что происходит?»

Отвечали в шутку и всерьез: «Падение экономики и подъем демагогии. У общества есть заданная весомость, и если что-то убывает (у нас — экономика), то другое должно прибавляться». Короче, никто толком ничего объяснить не мог. Хотя невооруженным глазом было видно, что налицо саботаж, неисполнение элементарных приказов и постановлений, грубая демонстрация силы тех новых общественных структур, которые рвутся к власти и которые фактически поощряются Горбачевым — Яковлевым.

Меня мучил вопрос: если все эти перекосы столь очевидны, то почему же не принимаются экстренные меры для их устранения? Потом сам себя спрашивал: кто же должен и может принять меры в условиях существующей партийной и государственной системы? И получалось — никто. Партия строилась по принципу демократического централизма, а понимался он так: что генсек сказал — закон для всех партийцев. Для государственных силовых структур главное — это Конституция и военная присяга, приказ начальника — закон для подчиненного. А на самом верху — Верховный Главнокомандующий, он же Генеральный секретарь ЦК КПСС, а потом еще и президент. Таким образом, власть сосредоточена в одних руках — генсека-президента. Но он никаких команд не дает, а плывет по течению, так чего ждать стране и народу? Каждый начальник смотрел на вышестоящее начальство, и так снизу вверх до генсека — Верховного Главнокомандующего — президента страны. Вот когда начался истинный застой! Сначала застой, а потом — разруха, гниение верхушки, разлом.

Сейчас объявилось много «спецов», которые выступают с различными обвинениями в адрес и отдельных партийно-государственных деятелей, и в целом КПСС, что, мол, было же видно, куда ведет Горбачев, так почему не было принято своевременных и эффективных мер в целях сохранения Советского Союза? Может, дело в том, что если бы у нас была не одна партия, а многопартийность, то такого бы развала не произошло?

По этому поводу прекрасно сказал Шота Руставели в своей поэме «Витязь в тигровой шкуре»: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Если быть абсолютно объективными, то надо признать, что у нас была система, которая, опираясь на все лучшее, что было создано до революции, в течение десятилетий изменила наше общество, решительно преобразила его социально-политический портрет к лучшему. Естественно, быстрый рост экономики, науки, культуры наложил отпечаток на народное сознание — люди уже верили в лидеров, как когда-то в царей. Правда, в годы правления династии Романовых вера в царя внушалась с помощью церкви. Да и цари последних трехсот лет были мощными, за исключением двух-трех, в том числе Николая II. А что касается революционных и послереволюционных лидеров Ленина и Сталина, то они и без специального их прославления прославились. Высочайшую оценку им дали выдающиеся деятели планеты, как, например, Черчилль — Сталину.

Когда после смерти В. И. Ленина руководство страны возглавил Сталин, он в течение тридцати лет с помощью партии привел советский народ действительно к великим победам, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Неудивительно, что народ боготворил его. Всем известно, что Сталин лично себе ничего не брал и никому из близких и своих товарищей не позволял использовать служебное положение в личных целях. Он всего себя отдавал народу, стране, он сделал ее могучей державой. Отсюда его «культ», а на самом деле — всенародная любовь, которая не погасла и поныне и не погаснет никогда.

Интересно, что тот, кто в свое время явно переусердствовал в прославлении Сталина, тот в первых рядах, вслед за Хрущевым, орал потом о культе Сталина. Как и сейчас — кто больше всего кричал о социализме, коммунизме? Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин и их компания. Эти к 60-ти и 70-ти годам своего возраста «прозрели» и, будучи у власти, вначале обманным путем, а потом открыто развернули народ назад к капитализму. А народ все еще продолжал по инерции верить своим лидерам. Правда, мы сожалели, что после смерти Сталина к власти

пробрался авантюрист Хрущев и «наломал дров», за что его и сняли со всех постов, но предателем он не был. Сожалели также, что после десяти лет правления не отпустили в отставку Брежнева, а он после этого, будучи совершенно больным и уже не способным руководить, не очень-то крепко держал власть в руках, чем пользовалось его окружение.

Но страна воспряла, когда на фоне одряхлевшего Политбюро ЦК КПСС к руководству пришел молодой Горбачев. Ему было всего 54 года, но он уже имел более чем шестилетний опыт работы в ЦК секретарем и членом Политбюро, отвечавшим за программу подъема сельского хозяйства. Правда, оно в его бытность еще больше заросло бурьяном, но он за этот участок отвечал.

Придя к власти, Горбачев делает Яковлева вторым лицом в партии (естественно, и в стране), подбирает удобное окружение, руководит «демократически». И на съездах народных депутатов СССР, и на пленумах ЦК КПСС слово давалось именно тем и столько раз, кто был нужен Горбачеву и горбачевцам. На каждом съезде на трибуну в обязательном порядке восходили по многу раз известные «демократы» Г. Попов, Ю. Афанасьев, А. Собчак, а Андрею Дмитриевичу Сахарову такую возможность предоставляли несколько раз за день. И всем этим дирижировал председательствующий. В то же время я, например, только на III съезде с большим трудом добился, чтобы мне дали один раз выступить, да и то в самое неудобное время. Горбачев знал: я не стану восхвалять его так называемую демократию, которая фактически расшатывала государство, инспирировала войну законов и анархию вместо укрепления государственности. А я говорил о мерах по укреплению государства и, в первую очередь, о нуждах и проблемах Вооруженных Сил, о повышении роли съезда народных депутатов СССР в укреплении обороноспособности страны.

Такая же картина царила и на пленумах ЦК КПСС. К примеру, последний пленум, состоявшийся в июле 1991 года. Кроме других вопросов, на нем зашла речь об обращении «Слово к народу». Основным автором его был Валентин Распутин, самое активное участие в сотворении «Слова» принимали Г. Зюганов, Ю. Бондарев, А. Проханов и другие. Мне тоже довелось принимать участие в работе над обращением, особенно в той части, где идет речь об обороне страны и нашей армии. В принципе «Слово» — это предупреждение о том, что может произойти со страной, если немедленно не принять мер к ее спасению. Горбачев специально дал слово тогда О. Лацису, чтобы он «разбил» наше обращение к народу. В своем выступлении Лацис сказал: «Подписавшие это

обращение известные своим экстремизмом лица. Ну, это понятно. Но непонятно, чего в политику лезут военные, например генерал Варенников? Ему надо заниматься своим военным делом, а не этой суетой».

И хоть пленум воспринял это выступление отрицательно, Горбачев не дал мне возможности выступить, хотя я и послал в президиум записку с просьбой об этом. А я хотел разъяснить Лацису и лацисам, что когда идет речь о судьбе Отечества, то каждый, а военный тем более, должен стать политиком.

Еще до назначения на должность Главкома Сухопутных войск я как-то в 1987 году прилетаю из Кабула в Москву с очередным отчетом и, как всегда, в первую очередь иду к начальнику Генштаба. В то время на этом посту был Сергей Федорович Ахромеев. Открываю дверь, захожу в кабинет, Сергей Федорович поднимается из-за стола мне навстречу и вместо приветствия говорит на ходу:

— Нет, нет! В этом виноват не я. Это личное указание Верховного.

Мне сразу стало ясно, о чем идет речь. В то время был подписан договор между СССР и США о сокращении ракет меньшей и средней дальности (естественно, и боеголовок к ним), т. е. с дальностью полета от 500 километров и более. Договор был составлен на крайне невыгодных условиях для нас: мы сократили носителей в 2,5 раза больше и боеголовок в 3,5 раза больше, чем Соединенные Штаты. Но если бы наша односторонняя уступка ограничивалась только этим! Оказывается, наша сторона включила в число уничтожаемых недавно созданный ультрасовременный оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока». Он в то время только пошел в серийное производство, и мы смогли поставить его в наши группы войск, в некоторые наши военные округа западного направления и в некоторые страны Варшавского Договора. У американцев нет даже сегодня приблизительного аналога «Оки». Особенно по точности попадания боевой части и по живучести комплекса. Кроме того, он стоил колоссальных денег и огромного труда ученых, инженеров и рабочих. Этот комплекс просто по формальным признакам, изложенным в Договоре, никак не мог быть включен в число уничтожаемых, так как дальность полета головной части ракеты была лишь до 400 километров.

Когда нам в Афганистане стало известно об этом, мы были просто поражены таким решением. Я даже не стал звонить ни Ахромееву, ни другим товарищам — вопрос уже решен, договор подписан и ничего не изменишь. Единственное, хотел узнать, как могло случиться, что интересы нашей страны были ущемлены

безмерно. Решил сделать это при первой же поездке в Москву. Но, видно, мое настроение и оценки были уже известны в Генштабе. Вот почему у Сергея Федоровича при нашей встрече был такой озабоченный вид. Он продолжил:

— Во-первых, я был удивлен, что у Горбачева оказались в руках данные о ракетном комплексе «Ока». Во-вторых, когда он только в первый раз об этом заикнулся, я постарался его переубедить. В-третьих, Шеварднадзе давил на Горбачева по этому вопросу, как бульдозер, заканчивая при этом каждый раз свой разговор загадочной фразой: «Если мы этого не сделаем, то провалится весь наш последующий план». Горбачев, делая задумчивый вид, многозначительно произносил: «Да, об этом еще стоит поговорить». Но никакого должного разговора не произошло, он дал прямое указание мидовцам: «Включить!»

— Но ведь это противоречит условиям договора, — заметил я. — Мало того, это выпад против нашей обороны.

— Да, формально это противоречит договору. Что касается второй части, то я не стал бы говорить так категорично. Видно, он в обмен на «Оку» намерен что-то у американцев заполучить…

— Сергей Федорович, вы что, их не знаете? Назовите хоть один случай, эпизод, где они выглядели бы благородно?! Они всегда рвали всё с мясом и кровью. У меня такое впечатление, что Горбачев и Шеварднадзе в плену у Шульца, госсекретаря США.

— Не исключаю, что Шульц по какому-то вопросу держит их на крючке. Вы правы — американцы практически никогда на уступки не шли. На выгодный для них обмен — да. Но не на уступки.

Продолжать разговор на эту тему было бесполезно. Я проинформировал начальника Генштаба о положении дел в Афганистане, сказал, что надо быстрее кончать с этой проблемой, рассказал о настроении наших офицеров и солдат в связи с ухудшением жизни нашего народа. Прямо сказал ему, что даже из Афганистана видно, как резко упал уровень благосостояния, общего порядка и организованности в стране.

С. Ф. Ахромеев молчал. Он никогда не поддерживал разговор, если в нем проскользнут критические нотки в отношении начальников. Но по выражению его лица было видно, что ему полезно выслушать все это.

Итак, еще задолго до возвращения к себе на Родину у нас в Афганистане сложилась в основном полная картина начавшегося падения нашего государства. Последующие годы только подтвердили эти представления.

Главкомат Сухопутных войск

Приступив к своим обязанностям Главнокомандующего Сухопутными войсками — заместителя министра обороны СССР, я понял, что здесь скучать не придется. Если брать все Вооруженные Силы СССР, то фактически именно в этих войсках было самое пекло.

Генерал армии Евгений Филиппович Ивановский, передавая мне обязанности главкома, обрисовал подробно сложившуюся картину. Самой острой и сложной задачей был предстоящий вывод в Советский Союз групп войск, расположенных на территории стран Восточной Европы и Монгольской Народной Республики. Подготовленной для этой цели базы на территории СССР не было. А ведь в составе выводимых войск сотни тысяч людей!

О Сухопутных войсках Вооруженных Сил Советского Союза надо сказать особо. Подобно тому, как стратегические ядерные силы являются ядерным щитом сдерживания возможного агрессора, так Сухопутные войска являются опорной базой всех Вооруженных Сил и Отечества в целом. Охватывая оперативными границами своих военных округов всю страну, они создают остов всей военно-административной системы, на которую опирается государство.

Военные округа осуществляют живую связь между воинскими частями и гражданскими организациями. Они проводят призыв в Вооруженные Силы, а в военное время — мобилизацию. Самый тесный контакт поддерживают с военно-промышленным комплексом, с гигантами нашей промышленности и, когда требует обстановка, помогают им. Особые отношения сложились с сельским хозяйством: военные округа в основном сами, согласно разнарядке центра, заготавливают себе овощи и картофель, их военные автомобильные колонны вывозят с полей зерно на элеваторы. Кстати, многие военные округа, чтобы облегчить бремя народного хозяйства, имеют свои военные совхозы: мясо-молочные, овощные и даже зерновые. Кроме того, округа поставляют в народное хозяйство прекрасные кадры, а в институты и среднетехнические учебные заведения надежных студентов. Постоянно поддерживается тесная связь военных учебных заведений с высшими учебными заведениями и средней школой страны. Год от года крепнут шефские связи округов и регионов. В случае стихийных и других бедствий военный округ своими силами оказывает помощь пострадавшим районам, особенно в спасении людей.

Но самое главное — военные округа несут полную ответственность за незыблемость государственных границ и совместно с пограничными войсками отражают агрессию

противника, а в случае высадки в тылу уничтожают его десанты. Охраняют особо важные государственные объекты и создают благоприятные условия для развертывания главных стратегических сил страны с целью ведения войны по защите Отечества. В связи с этим они организуют и проводят боевую и оперативную подготовку входящих в их состав войск, в том числе авиации и ПВО. Организуют взаимодействие с силами флота, если округа находятся на приморском направлении. Военным округам в их оперативных границах подчиняется всё, за исключением стратегических ядерных сил и баз центра.

И когда проводятся различного рода реформы или просто какая-то реорганизация, то странными кажутся вопросы: «Не много ли у нас военных округов? А нужны ли нам управления армией? А к чему нам дивизии, когда можно обойтись бригадами?» И т. п.

К чему эти вопросы? Ведь всё проверено и подтверждено жизнью и кровью. Реформирование Вооруженных Сил — это тоже проявление военного искусства. К сожалению, в сегодняшнем реформировании Российской армии никаким искусством и не пахнет.

Главнокомандующий

Еще при Сталине Сухопутными войсками одновременно был и первым заместителем министра обороны. Это в первую очередь объяснялось количественным составом Сухопутных войск (они составляли 40 % от всех Вооруженных Сил), размещением их на всей территории страны и за рубежом, а также функциями, которые они выполняли. Пока Главкомат возглавлял маршал Р. Малиновский (а до него — маршал Г. Жуков), все шло нормально. Но когда Малиновский стал министром обороны, а Главкомом Сухопутных войск — маршал В. И. Чуйков, начались всевозможные трения. Дело дошло до того, что через несколько лет, чтобы избавиться от Чуйкова, Малиновский поставил вопрос о ликвидации Главкомата Сухопутных войск, а самого Чуйкова предложил на должность начальника гражданской обороны страны. Хрущев с этим согласился. Для Василия Ивановича Чуйкова была введена должность: заместитель Председателя Совета Министров СССР — начальник Гражданской обороны. А главные управления, которые входили в Главкомат Сухопутных войск, были подчинены напрямую министру обороны и Генеральному штабу.

Естественно, жизнь показала, что это абсурд: самый

многочисленный вид Вооруженных Сил остался без объединяющего его органа управления, который должен не просто отдавать различные распоряжения и контролировать их выполнение, а проводить соответствующую военной доктрине политику по строительству, развитию и подготовке вида Вооруженных Сил, организовывать систему боевой и оперативной подготовки, совершенствовать способы и методы боевого применения, проводить заказы в военную промышленность, принимать активное участие в НИОКРах, совершенствовать структуру с учетом получения новых видов оружия и т. д.

Вполне понятно, что Главное командование Сухопутных войск было восстановлено. Правда, чтобы как-то оправдать тот неуклюжий шаг с «реорганизацией», в непосредственное подчинение главкому выделяют половину военных округов, в основном внутренних. Группа же войск и приграничные военные округа продолжали подчиняться министру обороны (для более, так сказать, оперативного разрешения проблем). Но фактически каждый командующий войсками военного округа как решал вопросы и с главкомом, и с Генштабом, и с министром, так и продолжал решать.

Вот и в настоящее время, на мой взгляд, несмотря на значительное сокращение Вооруженных Сил, совершенно необъяснима ликвидация Главного командования Сухопутных войск. Создается впечатление, что это сделано с целью избавиться от главкома генерала армии В. М. Семенова. В результате Сухопутные войска потерпели разгромное сокращение (совершенно неоправданное и необоснованное) и уродливую структурную реорганизацию. Тем не менее они обязательно должны иметь орган, который хотя бы отстаивал их интересы. Объяснение, что прямое подчинение военных округов министру и Генштабу обеспечивает оперативность, — это блеф. Округа и раньше подчинялись им. Но подавляющее количество повседневных вопросов решались и будут решаться через главкома. И эту проверенную жизнью практику надо восстановить. Ведь Сухопутные войска вообще осиротели. Они этого не заслуживают. Если же учесть военно-политическую обстановку в мире, то их, наоборот, надо укреплять. Судя по некоторым признакам, здравый смысл все-таки восторжествует.

В условиях жесточайшего финансового и общего кризиса проводить такие реорганизации, тем более не во благо, а в ущерб армии и обороне страны, просто недопустимо. Уверен, что придет время и на эти оскудевшие обломки Сухопутных войск поставят главное командование, и главной задачей его станет возрождение этого вида Вооруженных Сил, который существует во всех армиях

мира.

Конечно, когда меня назначили Главкомом Сухопутных войск СССР, я и в мыслях не мог себе представить, что когда-нибудь их доведут до нынешнего бедственного состояния.

Сухопутные войска Вооруженных Сил СССР к началу 1989 года имели по штату 1350 тысяч человек. Штат был почти полностью укомплектован. Главнокомандующему подчинялись все 18 военных округов и групп войск (о чем было специальное решение министра обороны Д. Язова), 6 военных академий, 40 высших военных и 8 суворовских училищ, несколько научно-исследовательских институтов, испытательных полигонов, сотни различных арсеналов, центральных складов, ремонтных заводов для всех видов вооружения и боевой техники и т. д. Сухопутные войска насчитывали 209 мотострелковых и танковых дивизий (плюс несколько десятков отдельных бригад и полков). Эти соединения включали в себя приблизительно одну треть полностью развернутых дивизий, одну треть — сокращенного состава и одну треть — базы хранения с соответствующими сроками развертывания. Конечно, у нас было и достаточно вооружения. В частности, были десятки тысяч танков. Но ведь и наши сухопутные границы достигали тогда десятков тысяч километров. У нас были и десятки государств-соседей, а иные из них при определенных обстоятельствах нам могли предъявить территориальные претензии.

А в целом, по большому счету, в условиях «холодной войны» мы обязаны были иметь на каждом стратегическом направлении такую группировку войск, которая обеспечила бы отражение внезапного нападения агрессора и создала бы условия для отмобилизования и развертывания главных сил армии и флота, чтобы защитить Отечество. Имея значительные Сухопутные войска, мы в то же время не нарушали баланс сил в целом. Дело в том, что военно-морские силы США значительно превосходили наши. А в целом сохранялся паритет.

Опять самое пекло — руководство страны приняло решение в короткие сроки вывести войска из Восточной Европы и Монголии.

В большой политике всегда есть разделы, которые не только обывателю, но и более посвященному в политический курс государства кажутся туманными. Вот такая приблизительно сложилась ситуация с выводом наших войск из стран Восточной Европы и Монголии. Во-первых, было совершенно непонятно, почему Яковлеву разрешили организовать масштабную, по всем средствам массовую кампанию очернения Советского Союза за участие в событиях в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году. В США ни один шаг такого рода не подвергался

сомнению. Во-вторых, почему мы вообще поддержали и начали муссировать идею вывода наших войск, абсолютно не связывая его с одновременной ликвидацией военных баз США по всему миру? Ведь ни одна из стран Варшавского Договора не поставила этого вопроса! В-третьих, почему эта проблема была поднята в условиях, когда даже не было решено, куда же выводить войска. Никакой базы для этого не было. В-четвертых, несмотря на фактически нулевую нашу готовность принять войска хоть на какую-нибудь базу, почему руководство страны без конца понукало военных и заставляло выводить эти войска в короткие сроки?

Было много и других вопросов.

Возмущение возмущением, однако для самоуспокоения мы сами фантазировали и придумывали различные сказочные условия, которые нам якобы неизвестны, но руководством страны поставлены в обмен на требования быстрее убраться из Европы. Но как показали дальнейшие события, наша фантазия осталась фантазией: Запад нагло давил на Горбачева, а тот соответственно на руководство Вооруженными Силами СССР.

Мне было предложено баллотироваться кандидатом в народные депутаты СССР.

С возвращением из Афганистана на Родину на меня обрушился ряд проблем. В частности, мне было предложено баллотироваться кандидатом в народные депутаты СССР в Калмыкии. Главный аргумент был такой: это зона Сталинградской битвы, а я к ней имел прямое отношение. Я дал согласие и поэтому несколько раз вылетал в Элисту и в Волгоград, а там уже на автомобиле ездил по районам, которые входили в избирательный округ.

Калмыки восприняли меня по-доброму, гостеприимно. У меня, собственно, и было такое предчувствие. Однако один момент меня тревожил — проблема отселения этого народа в глубь страны во время Великой Отечественной войны. На этот вопрос я не мог дать однозначного ответа, но зато у меня был мощный козырь — был лично знаком и находился в близких отношениях с генералом Окой Ивановичем Городовиковым (познакомились с ним еще на похоронах Сталина). Естественно, я изучил всю историю Калмыкии в целом, подробно, в деталях — о своих районах. Проблем было много: вода, газ, жилье, строительство школ, асфальтирование дорог и т. д. Забегая вперед, должен сказать, что многие проблемы, благодаря хорошим отношениям с союзными министрами, мне удалось решить. Отдельно выделяю проблему оказания помощи грузовым автомобильным транспортом, который (после уборки урожая) я

мог направить в эти и в другие районы страны. Отношения в республике у меня сразу сложились толковые, деловые. Естественно, возникало очень много личных проблем избирателей, особенно когда я, уже став депутатом, вел прием посетителей, разбирая их житейские дела вплоть до взаимоотношений с соседями.

Меня несколько смущало, что по округу я как кандидат шел один. Поэтому задолго до выборов я объяснился и с республиканским, и с районным руководством. Мне казалось целесообразным внести в список еще нескольких кандидатов. Однако местные руководители категорически возражали. И однажды на одной из встреч один избиратель — русский по национальности, инженер по образованию — спросил:

— Валентин Иванович, а почему кроме вас нет других кандидатов в депутаты? Ведь нынешние выборы — альтернативные.

— Наверное, этот вопрос надо адресовать организаторам выборов и в избирательную комиссию, — сказал я.

— Ну, а как вы сами относитесь к альтернативе? У нас есть такие.

— Несомненно, я буду приветствовать, если вместе с моей фамилией в списках будут и другие кандидаты.

В зале начался шум, отдельные выкрики. Слово взял доверенное лицо. Затем выступил председатель райисполкома. Они разъяснили, что на общем собрании избирателей района было принято решение выступить только с одной кандидатурой. «А вот уже к следующим выборам будем готовиться, имея список кандидатов на одно место. Вносить сейчас какие-то изменения нет смысла».

Избиратель, однако, не унимался. Организаторы встречи вынуждены были поставить вопрос на голосование. В итоге этот непокорный, но справедливо ставивший вопрос избиратель остался в одиночестве.

На выборах за мою кандидатуру проголосовало 98 процентов избирателей. Но, должен сказать, обсуждение кандидата на собраниях, наказы и просьбы высказывались весьма настойчиво и активно. Люди чувствовали себя раскованно. Вообще-то не в защиту чего-то и кого-то, а также не ради личной похвалы я должен заметить, что на моих выборах и в прошлом я не чувствовал формализма в беседах с избирателями. Люди, как правило, без стеснения излагали свои пожелания, ставили интересующие их вопросы. Впервые депутатом меня избирали смоляне — в Верховный Совет РСФСР. Затем туда же — автозаводчане города Горького. Потом дважды от Черновицкой

области Украины в Совет Союза Верховного Совета СССР. И никогда эти выборы не были формальными. Естественно, очень многое зависело от руководителей: на Смоленщине первым секретарем обкома партии тогда был И. Е. Клименко. Автозаводом имени Горького руководил Н. Пугин. Черновицкий обком партии возглавлял В. Г. Дикусаров. Все они располагали людей к неформальному разговору. На трибуну поднимались все, кто хотел выступить.

А если взять областные партийные конференции во Львове и пленумы ЦК Компартии Украины, то я не видел разницы между тем, что было до перестройки и что стало с ее объявлением. О недостатках, причинах, персоналиях и о путях устранения недостатков откровенно говорили всегда. Сколько помню, первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий и первый секретарь Львовского обкома партии Виктор Федорович Добрик (как, кстати, и все члены бюро обкома — я был членом бюро) всегда были настроены решительно, по-деловому. В результате поднимались жизненно важные проблемы.

А вот с началом перестройки и на съездах народных депутатов появилось много «пены». Выделялись две категории людей. Первая — это те, кто фактически уже открыто выступал против социалистического строя (хотя он закреплен Конституцией) и против КПСС. Они кричали о том, что 6-я статья Основного закона, закрепляющая партию в качестве основной направляющей и организующей силы в стране, должна быть изъята из Конституции. Все напоминало театр абсурда. На XIX конференции КПСС, как и на каждом пленуме ЦК, Горбачев и его соратники говорили: нам надо больше социализма; только под руководством партии мы сможем достигнуть цели, при этом плюрализм мнений и гласность должны развиваться в самой партии. А на заседаниях съезда народных депутатов Горбачев и иже с ним молчаливо соглашались со всеми антисоветчиками и антикоммунистами, которым, сидя в президиуме съезда, они преимущественно давали слово. И с трибуны съезда звучало: долой социализм, долой Советы, долой КПСС, да здравствует многопартийность и капитализм. Причем некоторые из «народных избранников» о капитализме говорили завуалированно, тогда как более откровенные вопрос ставили прямо: «Почему мы краснеем, когда говорим о капитализме?»

Другая категория людей — это открытые хулиганы и лица с неуравновешенной, мягко выражаясь, психикой. Им просто не нравилось все советское. Они примыкали к первой группе, хотя ни по своему интеллекту, ни по внутреннему содержанию не имели с ней ничего общего.

А первая группа, напомню, была четко организована в так называемую Межрегиональную депутатскую группу, антисоветскую по своим целям и программе действий. Хулиганствующие элементы (типа народного депутата Шаповаленко, который в годы Ельцина, кстати, был представителем президента РФ в одной из областей России, что не удивительно), как правило, «цеплялись» к наиболее порядочным и авторитетным депутатам-коммунистам, старались своим хамством и невежеством всячески их унизить и оскорбить, невзирая на возраст, заслуги и т. д. Особенно «неравнодушны» они были к генералам, тем более если кто-то из них был еще и Героем Советского Союза — делали все, чтобы опорочить героев, а вместе с ними и все Вооруженные Силы.

Им было ясно, как и любому, даже тупому человеку, что генералами становятся не сразу. Прежде они проходят тяжелый, часто боевой путь. На заре своей службы, как и все офицеры, они были лейтенантами, а некоторые — и солдатами. «Носила» их служба по всему свету. К примеру, мой младший сын (старший уволился в связи с событиями августа 91 года) родился в Заполярье и прожил там со мной почти пятнадцать лет. Став лейтенантом, он прошел суровую школу, служил во многих местах, от Калининграда (Прибалтийский военный округ) до Афганистана (где воевал 2 года), Туркестанского и Дальневосточного военных округов. В последнем служил вначале в центральной части Сахалина, затем — на Камчатке, сейчас — опять на Сахалине. Имеет три боевых ордена. Его судьба типична для многих наших офицеров. А ведь в офицерском корпусе есть те, кто является участником Великой Отечественной и других войн. Как же может повернуться у кого-то язык сказать в их адрес что-то оскорбительное?

Но так можно рассуждать в нормальном обществе. Но тогда благодаря Горбачеву — Яковлеву атмосфера уже была наэлектризована экстремизмом, национализмом, сепаратизмом и другими подобными «измами». Гласность и демократию многие восприняли как вседозволенность, считая, что можно говорить все, везде и сколько хочешь, не придерживаясь при этом не только норм культуры, но и справедливости. Кто этим воспользовался? Конечно, все эти распущенные, психически ненормальные и непорядочные люди, чисто случайно попавшие в народные депутаты.

На съездах народных депутатов

Грустно вспоминать, но все те, кто стоял за Советы и социализм, за Советский Союз и КПСС, лишь робко оправдывались и как могли отбивались от этих выпадов. Однако их робость объяснялась не только тем, что они впервые попали в такую обстановку и им фактически не в чем оправдываться. Нет, они вынуждены были занимать такую позицию именно под давлением Горбачева и его окружения. Внушалась мысль: если мы подавим их (то есть эту антисоветскую мразь и хулиганствующих шизофреников), то из нашей гласности и демократии ничего не получится. «Надо дать им разговориться, — поучал Горбачев, — а потом уж будет видно». Вот и дали «разговориться», так что и сам Горбачев загремел со своего поста, но самое главное — не стало Советского Союза.

А ведь уже открытие Первого съезда предвещало нечто зловеще-трагичное. Открывать съезд было поручено народному депутату Орлову. Он поднялся на сцену Дворца съездов, вышел к середине стола президиума и, совершенно не обращая внимания на то, что происходит в зале, уселся на место председательствующего и стал что-то монотонно читать. Между тем одновременно из зала направился на центральную трибуну народный депутат от делегации Грузии для выступления. Орлов успел произнести всего две-три фразы, как грузинский депутат, не обращая на него внимания, начал рассказывать об известных трагических событиях 9 апреля 1989 года в Тбилиси, когда погибло 18 человек, хотя люди вышли на мирное гуляние (это «мирное гуляние» происходило в 2, 3 и 4 часа ночи). Депутат обвинил в этом армию и предложил почтить память погибших минутой молчания. Что и было сделано.

Грузинская группа народных депутатов добилась своей цели — она скомкала начало работы съезда, заявила о своей исключительности, бросила тень на Вооруженные Силы, ложно обвинив Закавказский военный округ в применении силы против мирного населения. Но главное — задала работе съезда характер антисоветский, антисоциалистический, антикоммунистический. А что же «председательствующий» Орлов? Вместо того, чтобы с появлением на центральной трибуне непрошеного оратора выключить микрофон и потребовать от нарушителя порядка вернуться на свое место и действовать в соответствии с регламентом, а вопрос грузинских депутатов самому председательствующему поставить перед съездом, Орлов действовал, как послушная кукла — что ему навязали, то он и выполнял. Как и весь съезд, выслушал оратора, как и все, встал почтить память погибших, как и оратор после минуты молчания, сказал: «прошу садиться», а затем продолжал читать то, что ему

написали. Большинство депутатов были возмущены поступком грузинских депутатов, но не обостряли этот вопрос потому, что выступление было связано со смертью людей. Но еще больше были возмущены Орловым. Ну, разве с такими «бойцами» какой-нибудь цели достигнешь? Поручили бы открывать съезд одному из старейшин, тому же А. Д. Сахарову — трижды Герою Социалистического Труда. Даже он не допустил бы, чтобы съезд открывался таким базаром.

Во время первого съезда со мной был примечательный эпизод. Как-то во время перерыва ко мне подошла группа незнакомых мне, в основном молодых людей. Представившись, что они из телецентра, они затем сообщили, что к ним из Лондона прилетел английский генерал. Сейчас он в отставке, занимается историей и хотел бы повидаться и побеседовать с кем-нибудь из военных, который тоже, как и он, побывал в свое время в Германии. Видно, мои собеседники предварительно навели обо мне справки, потому что оказалось, что им известна моя биография. Они знали, где воевал я в годы Великой Отечественной войны и что участвовал в штурме Берлина. Знали и то, что по окончании войны я пять лет служил на территории Германии, а затем второй раз служил там в конце 60-х — начале 70-х годов. Я подтвердил, что их данные соответствуют действительности, заметив, что в принципе не возражаю против такой встречи. И мы договорились такое собеседование провести на следующий день в обеденный перерыв.

Генерал оказался в военной форме, и по всему было видно, что человек он заслуженный, однако симпатии не вызвал. Глаза у него не думающие, а бегающие (кстати, у Хрущева такие же), прямо в глаза не смотрит, постоянно суетится. В общем, о нем осталось весьма неприятное воспоминание. Нашу беседу снимали советские и английские телеоператоры. Я знал (точнее, чувствовал), что у них помимо обычной демагогии будет и главный вопрос, ради которого они затеяли эту встречу. Предчувствия меня не обманули. Вначале все шло ровно, плавно — говорили в основном о боях и взятии Берлина. Затем его интересовала длительная служба на территории Германии — как она сказалась на изучении народа, какие отношения сложились между немецким народом и советскими военнослужащими. В свою очередь я спросил генерала — какие отношения были у англичан с немцами в их зоне, припомнив некоторые неприятные для него факты. Беседа по времени шла к концу, а главного вопроса все еще не было. Я посмотрел на часы, давая понять, что пора бы уже и поблагодарить друг друга за беседу. И вдруг он «выстреливает» тот самый главный вопрос:

— А как вы смотрите на объединение двух Германий?

— Этот вопрос надо задать немцам, а не наблюдателям со стороны, — сказал я.

— Но наши стороны, как и американская, были участниками разъединения Германии.

— Чтобы быть точным, хочу напомнить вам, что Сталин был против разъединения Германии.

— И все-таки, если возникнет вопрос объединения двух Германий, как вы к этому отнесетесь?

Свою судьбу немецкий народ должен решать сам: жить ему вместе или порознь, как сейчас. Прошла большая, тяжелая война. Это не немецкий народ ее организовал, а нацисты, захватившие власть. Война принесла много бед и страданий. В итоге этой войны было подписано Потсдамское соглашение. И если возникнет вопрос об объединении двух Германий, то оно должно проводиться в рамках этого соглашения.

— В общем, вы за объединение этих стран?

— Я еще раз повторяю, что я за то, чтобы немецкий народ сам решил эту проблему, но в рамках существующих договоров.

Буквально через два дня мне докладывают текст телеграммы нашего чрезвычайного и полномочного посла в ФРГ Ю. Квицинского в адрес министра иностранных дел. По заведенному порядку такого рода телеграммы (где речь идет о лицах другого ведомства) рассылались из МИДа в Министерство обороны, КГБ и, конечно, в ЦК (в международный отдел). Квицинский сообщал, что по лондонскому телевидению выступил английский генерал, который встречался с генералом армии Варенниковым, и что последний заявил, что он, Варенников, за объединение двух Германий. При этом генерал показал портрет Варенникова. В связи с этим Ю. Квицинский просил принять экстренные меры и поправить генерала Варенникова, сказав, что такое объединение может иметь место только при соблюдении духа и буквы Потсдамских соглашений.

В нашей когорте дипломатов было много одаренных лиц. К ним я отношу, кроме А. Громыко и Г. Корниенко, таких, как Ю. Воронцов, А. Бессмертных, А. Добрынин, В. Петровский, Ю. Квицинский. Это были не случайные люди в дипломатии. Они не только прекрасно знали профессию, но и свободно говорили на нескольких языках. А при Горбачеве во главе этого дипломатического ведомства, от которого во многом зависела судьба страны, поставили человека, который не только не знал ни этой профессии, ни одного языка, но и по-русски объяснялся так, что часто трудно было его понять. А главное, он, этот человек, не был патриотом Советского Союза, он был предателем Отечества,

что вскоре стало очевидно.

На Квицинского я, конечно, не обиделся — это все проделки средств массовой информации. Связался с МИДом, рассказал, как все было на самом деле, и все встало на свое место. Но что поразительно — приблизительно через год именно то, чего так опасался Квицинский, сделал Горбачев: он сам предложил Колю, который приехал в резиденцию президента СССР в Ставропольском крае, объединить две Германии без каких-либо условий. Вот тут меня удивило глухое молчание Квицинского и других деятелей из МИДа. А ведь это уже был разговор на официальном уровне, и выглядело все это не иначе как предательство интересов Советского Союза.

На съездах народных депутатов мы все широко общались, и, конечно, каждый приобрел себе новых друзей, в том числе и я. О некоторых хотелось бы сказать несколько слов.

Первым из них был В. А. Стародубцев. Он уже тогда был в центре внимания страны.

Вторым моим новым приятелем стал, как ни странно, еще один председатель колхоза, но уже с Волги. Мой ровесник, он в годы войны окончил курсы, получил лейтенанта, командовал танковым взводом, затем ротой. И так с ротой прошел до конца войны. Много раз его машину подбивали, горел в танке, был ранен, имеет награды. Тяжелый прошел путь, но выжил. В 1946 году демобилизовался и приехал в свою деревню. Естественно, стал первым кандидатом на пост председателя колхоза. Его и избрали, хоть и отбивался: «Я в танковом деле толк понимаю, а в колхозном — ни уха ни рыла». Ему отвечали: «Ничего, поможем! Через год станешь профессором. Нам главное, чтобы мужик был работящий, непьющий и честный».

— Так вот, насильно и сделали меня председателем, — шутя жаловался мне Вагин. — Стал почитывать, ума набираться. Ветеранов-колхозников собирал, советовался, да и поврозь с ними говорил. Колхоз стал подниматься. Создал хорошую тракторную бригаду — «танкистами назвал». Сам двигатель знал хорошо, так что если что — бегут ко мне и я иду им помогать. Авторитет среди колхозников поднялся. А тут и дела пошли в гору. За два года построили дорогу от основной магистрали до колхоза. Ну, совсем зажили.

У нас, — говорил мне в другой раз Вагин, — колхоз специализируется в основном на зерне и молоке, мясо тоже есть на продажу, а вот овощи и картофель выращиваем только для себя. Параллельно развивали и ремесла. У нас работала кузница, где не только ковали лошадей со всего района, но и делали различные поделки — петли для дверей, засовы, ухваты да

кочерги для печей — печи-то у нас настоящие. Появилась у нас и столярная мастерская, а вместе с ней и мастера по резьбе. Чего только не делали! И ложки, и разные тарелки, чашки. Потом нашли недалеко хорошую глину — наладили производство крынок для молока и другой посуды. Причем расходилась эта посуда не только по колхозу, но и вывозилась на рынок. Стали побогаче — организовали два небольших цеха: один — под соление грибов, во втором — повидло делали из ягод. Стеклотару и крышки закупали. И эту продукцию хорошо покупали. И горожанам хорошо, и колхознику прибыль.

Но уж как меня только не мордовали — и в районе, и в области. Особенно в районе: «Почему не сеешь?» Отвечаю: «Еще рано». «Для всех не рано, а тебе рано». «Мне рано — земля холодная, зерно в тепле прорастает, а не в холоде». «Ох, и достукаешься ты, Вагин, исключат тебя из партии и снимут с председателя». А я им: «Из партии вот такие, как вы, может, и исключат, а вот председателем меня выбирал народ, поэтому ничего не получится». Они, конечно, еще пуще грозиться стали. Особенно свирепствовали, раздавая «указивки» — когда сеять, когда убирать (и сведения им подавай), когда пахать, когда хлебосдача. А уж в отношении ремесел и вовсе за горло брали: «Ведь ты поощряешь частную собственность, а это недопустимо!» Отвечаю: «Во-первых, это не частная, а коллективная собственность; во-вторых, все делается собственными руками, трудом колхозников; в-третьих, это совершенно не влияет на выполнение плана по основным показателям колхоза.

А в ответ все угрозы и угрозы. Всего лет восемь или десять, как отстали. Была областная партийная конференция. Я там выступил: «Вот уже скоро будет сорок лет, как я председатель колхоза. И все это время мне диктуют из района, когда мне сеять, а когда жать. И ни разу я не выполнял эти указания и не буду их выполнять, потому что это погибель. Нам на месте виднее, чем в районе и в области. Доказательством этого является то, что наш колхоз — миллионер». На конференции был какой-то представитель из Москвы — толковый человек. Он сказал: «Прав товарищ Вагин — не надо колхозу предписывать, когда что делать. Вот если колхоз не готов к посевной или уборочной, тогда надо и потребовать, и помочь. Но практика показала, что вмешиваться в колхозное производство не следует. Если есть толковые рекомендации — тогда другое дело.

С тех пор все начальники отстали. Но все равно чертом смотрели в мою сторону. А дело в том, что все районы соревновались меж собой — кто быстрее посеет, уберет, сдаст зерно стране. Каждому хотелось отличиться. Теперь же надо было

отыскивать другие мотивы соревнования. Вот так мы и жили все эти годы. Нам отдавали приказ сеять или пахать, мы говорили: «Есть! Будет исполнено», а делали так, как надо. Потому и жили хорошо. А если бы всю бюрократию потопить или хотя бы выгнать в поле на прополку — было бы еще лучше, — говаривал Вагин.

Когда в ходе заседания съезда разворачивалась никому не нужная бестолковая демагогия, то я, как правило, уходил на задние ряды (там было свободно), располагался со своей папкой деловых бумаг и, не теряя времени, решал свои задачи, одновременно прислушиваясь к ораторам. Сюда же приходил и Вагин — ему тоже надо было разобраться со своими документами. Вот здесь мы с ним и познакомились.

В конце первого съезда народных депутатов я подал в президиум одну записку, а на следующий день — вторую, с просьбой дать мне слово. Никакой реакции не последовало. Между тем намеревался в своем выступлении поведать о состоянии Вооруженных Сил, особенно Сухопутных войск, рассказать о задачах по выводу наших войск из Восточной Европы и Монголии, которые предстоит выполнять, о трудностях, которые при этом возникают. Хотел высказать народным депутатам и просьбы оказать содействие и помощь в выполнении этих задач. Однако выступить мне не дали ни на первом, ни на втором съезде. Лишь на третьем съезде, после многократных обращений к А. Лукьянову, который вел заседание, мне дали слово, однако в неудобное время. Так что хоть мои тезисы и прозвучали, но в памяти остались далеко не у всех.

Широкий резонанс вызвали трагические события 9 апреля в Тбилиси, с которого, собственно, и начался самый первый съезд. Печально, что погибли люди — восемнадцать скончались от давки и удушия, а один от травмы. Народные депутаты Грузии (не все) в своих выступлениях обвиняли в этом войска Закавказского военного округа, которые якобы напали на мирно гуляющих у правительственных зданий людей. Я уже говорил, что это «гуляние» проходило в три часа ночи.

Фактически это подняла голову контрреволюция, воспользовавшаяся смутой, которая поднималась в стране в связи с горбачевской перестройкой и так называемой демократией. Естественно, она, контрреволюция, спровоцировала на противоправные действия тысячи людей, которые выступили против Советской власти и Советского Союза и вышли к Дому правительства с требованием передать власть «демократии», т. е. сторонникам Гамсахурдиа. Грузинская газета «Заря Востока» в номере за 14 апреля 1989 года подробно анализирует и правдиво описывает все это.

Да, точные, взвешенные оценки трагедии и тому, что ей предшествовало, дала газета «Заря Востока». Но республика продолжала бурлить.

В связи с гибелью людей в Тбилиси и политическим напряжением, сохранившимся в Грузии, съезд народных депутатов создал парламентскую комиссию под председательством А. Собчака. Перед ней была поставлена задача разобраться с причинами конфликта и гибели людей и предложить меры для нормализации обстановки в Грузинской ССР.

Параллельно, в связи с обвинениями в адрес Закавказского военного округа, было проведено расследование военной прокуратурой. Ее материалы и выводы полностью подтвердили, что событие было спровоцировано экстремистскими элементами. Гибель же людей наступила не от ударов саперных лопаток, как это преподносили средства массовой информации, а от давки. Были названы и те, кто должен был понести за все случившееся персональную ответственность.

Однако комиссия Собчака не учла выводов расследования военной прокуратуры и обвинила в трагедии партийное и советское руководство Грузии, в том числе значительную вину возложила на Закавказский военный округ.

На том же заседании съезда выступил и командующий войсками округа генерал-полковник И. Н. Родионов. Убедительно и точно представив картину случившегося, он аргументированно ответил на все вопросы оппонентов, не дав им ни малейшей возможности продолжать балаган. Понимая, что в поддержку Родионова надо бы выступить еще кому-то из авторитетных, обладающих точной информацией депутатов, причем хорошо, если бы это были не военные, а гражданские, я стал искать Поляничко, но его в зале не оказалось. Тогда я послал в президиум записку с просьбой дать мне слово. Как и следовало ожидать, мне было отказано, т. е. выступить не дали. Была надежда, что, может, свое слово скажет министр обороны генерал армии Д. Язов. Но и он не выступил. А между тем грузинские экстремисты продолжали напирать: они уже требовали снятия Родионова с поста командующего и лишения его мандата народного депутата.

По этому поводу у нас состоялись объяснения с Д. Т. Язовым, был разговор и на коллегии Министерства обороны. В результате было принято решение — Родионова ни в коем случае в обиду не давать. Однако оставаться в этом зверином логове ему было нельзя. И тогда министр обороны, естественно с ведома Горбачева, назначает Игоря Николаевича Родионова начальником

Военной академии Генерального штаба. Фактически это было повышение. Все мы были рады такой «концовке», тем более что народным депутатом Родионов оставался.

Уже на Первом съезде была организована Межрегиональная депутатская группа антисоветской направленности во главе с Гавриилом Поповым — греком по национальности и сионистом по политическим убеждениям. Фактически эта структура была сформирована еще до съезда, с началом же было объявлено о ее создании, и она весьма громко и крикливо начала свою антинародную по сути деятельность. Не думаю, что наши партийные «боссы», а тем более КГБ, не знали о том, что создается такая группа. Конечно, знали. И они должны были оперативно создать в противовес ей свою группу во главе с лидером. Но этого не было сделано. Свою депутатскую группу «Союз» мы организовали с некоторым отставанием. Во главе ее стал В. Блохин — малоизвестный депутат из Молдовы. Правда, в правление вошли такие сильные фигуры, как Г. И. Тихонов, В. И. Алкснис и им подобные. Наши заседания проходили бурно, однако на них в основном критиковалась разнузданная, открыто антисоветская истерия, наступательная тактика Межрегиональной депутатской группы, однако все бурные дискуссии уходили «в песок». Почему? На наши заседания, как правило, приезжал Председатель Верховного Совета Анатолий Иванович Лукьянов и всех успокаивал: «Не надо пикироваться, надо находить согласие. Мы с Михаилом Сергеевичем Горбачевым решили придерживаться центристских позиций». И далее «популярно разъяснял», что значит центристская позиция. Естественно, слушая уговоры Председателя Верховного Совета СССР — ближайшего сподвижника главы государства, мы «остывали» в надежде, что они отдают отчет в происходящем и их действия по отношению к оппозиции будут адекватными. Тогда мы еще верили, что к гражданскому согласию в обществе можно прийти без потрясений.

Фактически же в последующие дни и недели Межрегиональная депутатская группа вообще обнаглела и стала садиться верхом на съезд. Их агрессивный пыл несколько охладила внезапная смерть А. Д. Сахарова. Вообще эта смерть Удручающе подействовала на всех. Что касается нас, то мы скорбели не только потому, что страна лишилась такого крупного ученого. Мы видели в нем выдающуюся личность, гражданина, который по многим позициям действительно стоял на истинно демократических позициях. Почему о нем сегодня «забыли» псевдодемократы Г. Попов, Ю. Афанасьев, Е. Гайдар и прочие? Да потому, что он их явно не устраивал, ибо он в принципе стоял за

социализм. Во всяком случае, он был за сохранение существовавшей системы народного образования, здравоохранения, обеспечения народа жильем, гуманного отношения к детям и молодежи, он ратовал за развитие науки и культуры, участие общественных организаций в жизни страны. Он был против узурпации власти кем бы то ни было. Это псевдодемократов не устраивало. Но они охотно подхватывали, смаковали и тиражировали его ошибочные заявления, сделанные на основе ложной информации. Например, как известно, Сахаров был категорическим, хотя и далеко не единственным противником ввода наших войск в Афганистан. Однако если ввод состоялся, то наши солдаты, выполнявшие свой воинский долг и присягу, заслуживали по-настоящему отеческой заботы. Сам Сахаров в Афганистане не был, но слушал различных злопыхателей, которые питали его беззастенчивой ложью о нашей армии. Он верил в эти россказни и выдавал полученную «информацию» иностранцам на своих пресс-конференциях. Так, в Канаде на одной из встреч с прессой заявил, что будто в Афганистане бывали совершенно дикие случаи: чтобы солдаты и офицеры наших подразделений, окруженных душманами, не попали к ним в плен, в этот район высылались советские вертолеты и самолеты, которые и уничтожали попавшее в окружение подразделение. Когда мне впервые сказали об этих измышлениях Сахарова, я не поверил. Но когда мне показали видеозапись пресс-конференции, на которой кроме Сахарова присутствовала Е. Боннер и переводчица, то я был поражен, и в первую очередь тем, что сам Сахаров мог поверить в эту ложь. На эту же тему он как-то выступил и на заседании съезда, что вызвало возмущение депутатов.

А возмущаться были основания. Ведь если наш убитый солдат по каким-то обстоятельствам оставался на вражеской стороне, то специально организовывался бой, чтобы захватить этот район и вытащить тело убитого воина. Что же касается живых, попавших в засаду или окружение, то принимались все меры по оказанию помощи, в том числе вертолетами. Это прекрасно могут подтвердить боевые летчики, Герои Советского Союза генерал-полковник Виталий Егорович Павлов и генерал-майор Валерий Николаевич Очиров, прекрасно знающие, что такое война в Афганистане, тем более оба вертолетчики.

Но Сахаров стал жертвой враждебных социализму сил, поэтому они его «обрабатывали» и использовали, как могли. Мне хочется верить, что в последующем он жалел об этих своих выступлениях. Когда он был жив, мы знали, что он — сдерживающая сила в осином гнезде псевдодемократов. Когда же

он умер, то они вначале несколько приутихли, а затем с еще большим психозом обрушились на существующий строй. Но ни Горбачев, ни кто-либо из его ближайших соратников совершенно никак не реагировали на их выпады. Разонно напрашивался вопрос — кто ты, товарищ Горбачев, и товарищ ли ты?

И никто не знал, может, за исключением председателя КГБ В. А. Крючкова, что Горбачев уже полностью переродился, стал предателем и к тому времени совершил несколько государственных преступлений. Вот он и сидел молча, пропуская мимо ушей антисоветские выпады.

Интересным событием для съезда народных депутатов и для страны в целом стало избрание Горбачева президентом СССР. Когда было внесено предложение — в целях экономии средств и оперативности избрать президента страны не всенародным голосованием, а на съезде народных депутатов, то всем стало ясно, для чего был вообще учрежден этот орган — съезд народных депутатов. Просматривалась стратегическая цель — избрать в народные депутаты, помимо достойных лиц, и противников существующего строя, даже отбросы общества, которые и станут раскачивать государство. А оно к тому времени и без того плыло в неизвестность без руля и без ветрил. Подавляющее же большинство оппозиции были открытыми сторонниками Горбачева. И расчет был прост — за счет подобранного состава депутатов избрать Горбачева президентом. Но если были бы выборы всенародными, то, конечно, Горбачев провалился бы с треском. Однако для выборов президента нужна альтернатива. Наша депутатская группа «Союз» выдвинула Николая Ивановича Рыжкова. Делегированные от нас представители получили от Рыжкова согласие и твердое слово, что он ни при каких обстоятельствах свою кандидатуру не снимет. От работников МВД был выдвинут Бакатин. Свою кандидатуру предложил народный депутат Оболенцев.

На следующий день на трибуну выходит Бакатин, благодарит за доверие и снимает свою кандидатуру. Это никого не удивило. Но каково было наше изумление, когда то же самое заявил и Рыжков! Мы делали на него ставку, у него были все шансы стать президентом, и тогда, возможно, события развивались бы совсем иначе, но…

Как впоследствии стало известно, состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, где Рыжкову настоятельно предложили снять свою кандидатуру, что он и сделал. В результате избрали Горбачева. Надо было набрать 50 процентов плюс один голос. Горбачев набрал… Но если бы мы избрали даже Оболенцева, я уверен: Советский Союз не развалился. Однако если бы не снял

свою кандидатуру Николай Иванович Рыжков, то у нас не только был бы сохранен Советский Союз. Перед нашей страной открылись бы пути развития социализма в современных условиях, т. е. с наличием рынка и трех видов собственности.

В той ситуации я тоже голосовал за Горбачева. Но должен сказать, что на меня очень сильно подействовала реплика народного депутата от Кузбасса Авалиани. Выступая с места при обсуждении кандидатов на пост президента, он сказал о Горбачеве: «Уважаемые народные депутаты! Опомнитесь! За кого вы хотите отдать свою голос? Я этого человека знаю прекрасно. Он предаст нас. Уже сегодняшние дела говорят о том, что именно это он делает. Ни в коем случае не голосуйте за Горбачева!»

Это прозвучало очень сильно. Почему-то не нашлось среди депутатов еще двух-трех, которые бы выступили с подобными заявлениями. Но если бы это случилось — ситуация была бы переломлена и депутаты проголосовали бы против Горбачева. Однако голос Авалиани прозвучал как в пустыне. Но это был поступок. И как бы кто ни оценивал Авалиани сегодня, его выступление на съезде народных депутатов против Горбачева было смелым, достойным, и оно останется в истории ярким примером правильного предвидения событий и образцом гражданского мужества.

То, что никто, в том числе и я, из военных депутатов не выступил против кандидатуры Горбачева в президенты, — это ясно: некорректно выступать генералу или полковнику против Верховного Главнокомандующего с трибуны съезда. Да и не знали в то время, что он нас предал. Но до сих пор не могу понять, почему мы, военные (а мы посоветовались, прежде чем голосовать), «поплыли по воле волн», по заданной инерции и проголосовали за Горбачева. Видно, нас обескуражил отказ Рыжкова. А больше выбора не было. Не думаю, что это только сила дисциплинированности толкнула нас на такое решение. Все-таки и в этом случае, и в последующем — во всех событиях, которые потрясли нашу страну, главную скрипку сыграло крайне слабое и незрелое политическое ядро. Сюда я отношу ЦК КПСС.

Конечно, первоначальный состав ЦК мог себя проявить, смог сказать свое слово. Скажу откровенно, лично я большие надежды возлагал на Егора Кузьмича Лигачева. Хоть он и является автором выдвижения и продвижения на высшие посты такого чудовища, как Ельцин, но это уже другой вопрос. Ельцин мог бы и не состояться в том мон-стреальном виде, если бы на пути действий Горбачева возникали препятствия. Ведь у генсека-президента, не считая Раисы Максимовны, была опора в два-три человека — Яковлев, Шеварднадзе и в какой-то степени Медведев. Неужели

все остальные и в Политбюро, и в целом в ЦК не видели, что творится? Будучи одним из старших по возрасту и вторым секретарем ЦК, Егор Кузьмич просто обязан был поставить вопрос о пребывании Горбачева на посту генсека. Он же чего-то ждал, мельтешил, а в целом просто трусил выйти и открыто сказать: «Жизнь показала, что Горбачев не оправдал нашего доверия. Предлагаю освободить его от должности генерального секретаря и вывести из состава ЦК КПСС». Все! И ЦК, несомненно, поддержал бы его. Но Лигачев на такой поступок был не способен. Наоборот, он всячески помогал генсеку, а тот разваливал страну.

Не встречая препятствий, Горбачев сам начал вышибать вначале из Политбюро, а затем и из ЦК наиболее видных и стойких лидеров — Кунаева, Щербицкого и т. д. Затем сразу сто человек — членов ЦК вдруг «добровольно» подали заявление о выходе из ЦК КПСС «по собственному желанию». Некоторое время сопротивлялся только генерал армии Анатолий Иванович Грибков. Он прямо заявил: «Я не намерен выходить из состава ЦК». Естественно, аппарат засуетился, начал всячески его обрабатывать, чтобы он дал согласие и написал заявление о добровольном уходе из состава ЦК по возрасту. Давили до тех пор, пока не получили это заявление.

Из ЦК вывели именно тех, кто, несомненно, поддержал бы предложение об освобождении Горбачева от должности генсека или сам бы поднял этот вопрос. Создавалась парадоксальная ситуация — Лигачева «уходят» на пенсию, а его одногодок Яковлев продолжает рулить в ЦК. До сих пор не могу понять: то ли партийная элита не представляла тех последствий для страны, к которым вел Горбачев, или же все были скованы страхом о возможных последствиях для себя лично, если вдруг выступят против Горбачева.

Надо признать, что наши противники умели делать «ход конем», в особенности когда дело касалось лично их. Взять того же Шеварднадзе. На посту министра иностранных дел СССР он нанес огромный ущерб стране, о чем не раз выступали на заседаниях съезда и в печати депутаты Алкснис и Петрушенко. А вот когда для него лично запахло «паленым», то Шеварднадзе вылез на трибуну с заявлением, будто к власти рвется диктатура полковников (он имел в виду полковника Алксниса и полковника Петрушенко — только их реплики из зала тогда и можно было слышать), поэтому-де он, Шеварднадзе, не видит дальнейшей возможности оставаться на своем посту, слагает с себя обязанности министра иностранных дел и уходит в отставку. Фарс был разыгран по высшему классу. Особенно в отношении

диктатуры полковников. Все, конечно, выглядело смешно. Но Шеварднадзе цели достиг. Вся «демократическая» пресса подхватила его домыслы о грядущей диктатуре.

А ведь подоплека всему этому состояла в том, что Горбачев и его ближние, несмотря на соратнические отношения с Шеварднадзе, были весьма озабочены тем, что на международной арене тот все больше слыл как «великий демократ» и миротворец. Чем больше он сдавал интересы своей страны, тем больше комплиментов получал на Западе, заслоняя собою главного творца «нового мышления». Эти лавры Горбачев не хотел бы делить ни с кем. Видимо, потому и возникла идея с почестями увести Шеварднадзе со своего поста. Решено было ввести должность вице-президента и предложить съезду народных депутатов избрать на эту должность именно Шеварднадзе. Синекура — лучше не надо: сам ни за что не отвечает, и ему никто не подчиняется, выполняет отдельные поручения президента — всё. Новый же министр иностранных дел потратит достаточно много времени, чтобы поднатореть в своей области. Поэтому все международные дела снова будут в руках Горбачева.

Шеварднадзе «пронюхал» о замысле и решительно сделал упреждающий ход, обезоружив всех, и Горбачева тоже. Отставного министра на вице-президента предлагать нельзя. Вот все и засуетились. Распространители слухов начали пропагандировать среди депутатов на эту должность другого кандидата — Геннадия Ивановича Янаева. Его и избрали. А Шеварднадзе готовил себя уже к более крупным делам.

И этот, и другой случай наталкивают на мысль — почему антисоветчики, люди, ненавидевшие социализм и компартию, могли в нужный для себя момент сделать какой-то выпад, а вот истинные коммунисты, готовые даже свою жизнь отдать за сохранение Советского Союза, такого шага не сделали? К примеру, председатель КГБ Владимир Александрович Крючков. Ведь в свое время он располагал материалами о том, что Александр Яковлев был связан с ЦРУ, однако не пресек его разрушительную деятельность. Он лишь «отважился» на разговор с Горбачевым, который фактически не отреагировал на просьбу Крючкова дать разрешение проверить данные о связях члена Политбюро ЦК А, Н. Яковлева с ЦРУ США. А ведь тогда можно было взорвать всё «кодло»: убрать Горбачева и разоблачить Яковлева. И страна продолжала бы жить как единое целое. Но этого не произошло. Не нашлось нужных сил, чтобы разоблачить и убрать откровенных врагов. Видно, в бытность Горбачева на ключевые посты в Политбюро ЦК КПСС и в правительство, особенно на силовые министерства, умышленно назначались

такие, кто должен думать по Горбачеву — получив пост, в первую очередь несет ответственность не перед Конституцией СССР, нашим народом, партией и государством, а именно перед Горбачевым, который их выдвинул и «протянул» (кое-кого с трудом) через Верховный Совет. Значит, и ответственность они должны нести именно перед ним, а не перед народом. Горбачев понимал это именно так и только так!

Когда в отношении меня проходил суд по делу ГКЧП, то по моему требованию, совпавшему с требованием суда, на заседание в качестве свидетеля был вызван Горбачев. Суд был открытый, зал был переполнен. В первом ряду в качестве свидетелей находились почти все члены ГКЧП и другие лица, которые проходили по этому делу. В своем выступлении Горбачев пространно говорил о «неблагодарности», которую ему пришлось испытать от тех, кто, по его мнению, лично ему обязан всем, и в первую очередь своим государственным или партийным постом. Обращаясь к суду и ко всем присутствующим, Горбачев, стоя на трибуне, повернулся к тем, кто сидел на первом ряду, и, показав на них пальцем, сказал: «Вот они все здесь сидят, посмотрите на них. Ведь это я каждого за уши вытянул на его пост! А они?!.»

Но все-таки надо отметить, что даже эти лица, которые «обязаны» были Горбачеву, не могли дальше терпеть развал государства и в августе 91-го года выступили против его политики. Однако выступление было запоздалым и к тому же вялым и нерешительным. Четкие организующие позиции отсутствовали. А самое главное — не было никаких действий. Все члены ГКЧП чего-то ждали — может, пришествия мессии? Совсем забыли организаторы предупреждение Владимира Ильича: «С революцией не шутят!» Фактически тогда и должна была свершиться революция, а получился пшик, которым воспользовалась контрреволюция. И ее зловонный шлейф, отравляя людей и жизнь, тянется по всей стране по сей день. А страна не умирает, потому что заложенные в нее в течение 70 лет гены до того живучи, что даже в огне ада не сгорают. Любая другая страна уже бы давным-давно вымерла, а наша — живет!

Вот еще один пример того, что наша партийно-государственная опора не обрела, к сожалению, той реальной силы, которая была бы над всей страной и только во имя народа.

Одно из заседаний IV съезда народных депутатов неожиданно для большинства началось с того, что слово предоставили народному депутату от Чечено-Ингушской автономной республики Сажи Умалатовой. Она спокойно вышла на центральную трибуну и, не пользуясь никакими записями, детально и популярно обрисовала то странное положение, в

котором оказалась наша страна в результате пресловутой перестройки. Люди ждали улучшения жизни, процветания, а получили самое худшее, что нельзя было даже предположить. И, обращаясь к Горбачеву, Умалатова сказала: «Михаил Сергеевич, вы не оправдали наших надежд, поэтому обязаны добровольно оставить пост президента СССР».

12–15 ярких минут прозвучали, как набат. Ведь кто говорит? Женщина! Да еще и от рабочего класса! Не нашлось ни одного мужика, а тем более партийца, которому деятельность Горбачева должна быть виднее, чтобы выйти и вот так, как Умалатова, развенчать «вождя».

К тому времени партия, уже болея, деформировалась под давлением чуждых элементов, находившихся в ее рядах. С одной стороны, она, как перегруженный и добром и мусором (19 миллионов коммунистов, но кого там только не было?!) воз, еле плелась, но не впереди, а за народом и за событиями, не предопределяя не только тактику и стратегию, но даже не реагируя на события и тормозя действия народа. С другой стороны, она была больна всеобъемлюще — идеологически, организационно, структурно. Под видом демократического централизма развивалось холуйство и угодничество, ибо партия была засорена случайными и недостойными людьми. Демократический централизм предполагает безоговорочное выполнение решений ЦК КПСС, принятых большинством при голосовании. Но вся беда в том, что другой системы не придумали еще, а эта внутренне порочна: главный демократ (в этом демократическом централизме) сидит, естественно, в центре, как и положено генсеку, и определяет (сам или с несколькими приближенными по Политбюро или Президиуму) линию, которую надо, по его мнению, проводить. «Линия» эта распространяется и, естественно, «одобряется». Проводится голосование — большинство «за». Но есть и строптивое меньшинство, которое «против». Оно обязано подчиняться. Но поскольку в последние годы ничего из начатого не доводилось до конца, а генсек-президент этого и не требовал, то государство стало киселеобразным, аморфным: никто ничего не выполняет. Так и с законами — в центре их принимают, а в республиках не выполняют, выпускают свои. Началась «борьба законов». Но никто за это не поплатился, а народ страдал и продолжает страдать.

Вот и сейчас у нас, в КПРФ, отдельные фрагменты напоминают прошлое КПСС. И в малом, и в крупном.

Взять, например, организацию борьбы за тех кандидатов в депутаты на выборах в Государственную Думу или на пост губернатора, которые наверняка не пройдут, но мы все равно

агитируем, хотя многие против такой «работы». Или еще хуже — проводим в области агитацию за нашего, действительно достойного, кандидата и уверены, что он будет обязательно избран, а руководство за три-четыре дня до выборов меняет свое решение в пользу человека, которого не только не уважают, но презирают. При этом дается команда, чтобы «наши» голоса были отданы в пользу последнего. Так было в Курске. Провели солидную работу по агитации избирателей за кандидата на пост губернатора Александра Николаевича Михайлова — первого секретаря областного комитета КПРФ. В области Александра Николаевича все отлично знают, пользуется он высоким авторитетом, нигде ни в одном районе по поводу его кандидатуры не было ни малейшей тени. Все были уверены, что будет избран Михайлов. Но за три дня до выборов поступает команда руководства КПРФ — Михайлову выступить по телевидению и призвать избирателей, чтобы они отдали свои голоса за… Руцкого!

Это было как гром с ясного неба! Перед тем как ехать в Курск, я поговорил с руководством КПРФ, и было принято решение — призывать голосовать только за Михайлова. Однако Руцкой, обнимая и целуя партийных боссов, заверял их чуть ли не со слезами, что если ему доверят народно-патриотические силы (куда входит и КПРФ), он всю жизнь будет работать только на народ и во имя народа. Зацеловав всех начальников, он заставил их вначале дрогнуть, а потом и изменить решение в пользу его, то есть Руцкого.

Став губернатором, Руцкой на второй день собрал свое окружение и официально заявил: «Всё! Базар кончился. С этого дня в Курске и Курской области никаких демонстраций, сборищ, митингов, шествий и прочего — не будет. Все это запрещается! Надо заниматься делом». А уже на следующий день попросился на прием к президенту Ельцину, приложив к сему свои клятвы в верности и любви. Президент, правда, по какой-то причине не допустил «лизателя» к своему телу. Зато Руцкой в порядке благодарности за избрание скрутил две смачные дули — одну Геннадию Зюганову, а вторую Николаю Рыжкову. Это факт. Да и можно ли было ожидать чего-то другого?

Много шумим, да мало делаем. Ежегодно, к примеру, собираем миллионы подписей с целью отрешения Ельцина от власти, но дела до конца не доводим.

Все последние годы НПСР во главе с КПРФ старается как-то пристроиться к профсоюзам. А те и близко их не подпускают. Видимо, считают, что именно они и есть решающая сила, за которой идет трудовой народ. И народ действительно идет за

ними. Нам конфликтовать с профсоюзной элитой вроде ни к чему, но и унижаться — нельзя. А что же дальше? Ответа нет. Топчемся на месте.

А возьмите вопрос объединения российских компартий. Проблема эта встала уже в 1993 году. В 1994 году после того, как надо мной закончился судебный процесс и я был оправдан, мне уже совсем можно было включаться в общественную деятельность, что я и сделал. Тогда Геннадий Андреевич переговорил со мной на эту тему и попросил принять участие во встречах руководителей компартий и посодействовать их объединению. Я, естественно, согласился и считал для себя это важнейшей задачей, тем более что она стояла значительно шире, чем объединение только компартий. Надо было объединить все оппозиционные силы, включая Российский общенародный союз Сергея Бабурина и «Трудовую Россию» Виктора Анпилова. Взялись за дело горячо. Организационную часть, т. е. сбор лидеров, решили возложить на Сергея Николаевича Бабурина. Он благородно согласился.

Четыре раза назначались сроки встречи, причем согласовывались в первую очередь с КПРФ, и четыре раза собирались все, кроме представителя КПРФ. Лидер РКРП Виктор Тюлькин дважды приезжал из Ленинграда, а лидер КПРФ, находясь в Москве, не удостаивал собравшихся своим присутствием. Каждый раз, когда после срыва я спрашивал руководителей КПРФ — в чем же дело, почему не является даже представитель от КПРФ? Остальные ведь приходят… А в ответ слышал: «А что толку, что приходят? Они против объединения, мы же с ними по отдельности беседуем». «Тогда, может, нам не надо собираться?» — задавал я резонный вопрос руководителям КПРФ. «Почему же не надо? — отвечали мне они. — Наоборот, надо». Мы уточняем день, час новой встречи. Опять просим С. Бабурина — увы, теперь все заявили, что больше не придут.

Возможно, я в чем-то ошибаюсь, но предвзятое отношение к другим «братьям по оружию» у руководства КПРФ есть. И чем дальше, тем все больше оно проявляется. К примеру, выдвижение кандидатов по одномандатным округам на выборах в Государственную Думу второго созыва обсуждалось еще до начала избирательной кампании. Не хочу раскрывать в деталях того, что касалось меня, — все было очень странно. Но об Олеге Семеновиче Шенине кое-что сказать необходимо. Думаю, всем известны неприязненные отношения между Зюгановым и Шениным. Чем это объяснить — не знаю. Однако личные отношения, на мой взгляд, не должны отражаться на таких крупных политических кампаниях, как выборы. Первоначально

планировалось, что председатель Союза коммунистических партий — КПСС О. Шенин пойдет по центральному списку партии, в числе тех двенадцати видных фигур, которые определяли лицо КПРФ. Всеми это было воспринято с пониманием. Уже сам этот список говорил о многом, в том числе и о единстве коммунистов. Но наша радость длилась недолго. Через некоторое время тех, кто составлял вторую половину центрального списка, вызывают на заседание группы и от имени Президиума ЦК КПРФ во главе с Г. Зюгановым предлагают перейти в региональный список — якобы для усиления последнего. Смешно, но факт. Ну, для меня и таких, как я, не имеет значения, в какой части списка находиться, однако для председателя СКП — КПСС это очень важно. Ему же предложили идти по региональному списку — на Северном Урале. О. Шенин категорически отказался. Первую причину я уже назвал — конечно, Шенин, как и Зюганов, должен идти по главному списку. Вторая — для Шенина Свердловская и прилегающие к ней области — малоизвестный регион. Да и избиратели этих областей, знаменитые своей приверженностью в то время к Ельцину, тоже мало знали Олега Семеновича, а если кто и знал, то только как противника Ельцина. Поэтому правильно сделал О. Шенин, что отказался от этого эксперимента. Но, что примечательно, его особенно и не стали уговаривать. Вроде на это и рассчитывали, и спланировали предложить такой вариант, чтобы он отказался. Вроде и «приличия» соблюдены и в то же время без особых хлопот избавились от политика, который лидерам КПРФ явно будет мешать.

Но как решить глобальную проблему объединения братских народов в одну семью, не объединив компартий? Видно, этот вопрос для руководства КПРФ не актуален. Вообще за эти годы у меня накопилось немало претензий к нему.

Но приведу еще примеры — ратификация договора между Россией и Украиной. Руководство КПРФ, в том числе и Г. Н. Селезнев с С. П. Горячевой, стояли горой за ратификацию и в свое время, побывав в Киеве, пообещали, что Дума непременно так называемый «большой» договор ратифицирует. Накануне рассмотрения вопроса о ратификации состоялось заседание нашей фракции. Большинство высказались за ратификацию. Однако 16 депутатов из нашей фракции решили не голосовать, а четверо категорически высказались против.

Почему я не голосовал за ратификацию? Потому что этот договор не учитывает интересов России. Вместе с договором почему-то не решается проблема Черноморского флота и судьба Севастополя, как того требуют справедливость и история. Я уже

не говорю о той дикой ситуации, которую создала Украина вокруг фарватера в Азовском море и Керченском проливе. Не поднимаю и вопроса о том, кому фактически должен принадлежать Крымский полуостров, если исходить из исторической справедливости. Не говорю и о том, была ли вообще когда-либо Украина государством. В истории известна Киевская Русь, знаем мы, как она создавалась, как и какие народы отстаивали ее единство. А когда центр Великой Руси переместился в Москву — Киевская Русь стала Краиной (Украиной) Великой Руси, т. е. ее частью. И вполне понятны кровные и культурные связи двух наших народов.

Но, не поднимая всех этих проблем, я задаю единственный вопрос: если мы намерены жить в мире и согласии, а в перспективе вернуться в общую семью, то зачем нам сейчас договором устанавливать государственные границы между Россией и Украиной, которых не было за всю тысячелетнюю историю их существования? Зачем? Мы же с Белоруссией таких границ не устанавливаем.

Когда на пленарном заседании Государственной Думы РФ был объявлен перед голосованием перерыв, то, прохаживаясь по залу, случайно оказался возле заместителя председателя Госдумы С. Горячевой и министра иностранных дел России И. Иванова. Они разом задали мне вопрос; «Как вы будет голосовать?» «Я презираю авторов этого договора. Он не сближает, а разъединяет наши народы…» — ответил им я.

Думаю, мало кто в Государственной Думе так близко и тесно связан с Украиной, как я (может, только те, кто там родился и долгое время жил). Посудите сами: в годы Великой Отечественной войны после Сталинграда я прошел с боями всю Украину, форсируя все ее реки — Днепр, Южный Буг, Ингулец и т. д. Жена моя, Елена Тихоновна, — украинка из Запорожья. После войны очень мало служил в Киевском военном округе, в Черкассах, где в 1951 году родился мой первый сын. В 70-х годах командовал Прикарпатским военным округом. Дважды от Украины меня избирали депутатом Верховного Совета СССР. Был я членом ЦК Компартии Украины. Во Львове у нас родилась внучка. В общем, корней, связывающих меня с Украиной, предостаточно. Народ этот и его чаяния знаю прекрасно. И со всей ответственностью могу сказать, что договор, который Дума ратифицировала, конечно, на руку США, НАТО и националистам Украины, в том числе коммунистам-националистам, и особенно Л. Кучме, но он против интересов народов России и Украины.

Время высветит истину.

12 декабря 1991 года из всего Верховного Совета РСФСР

против ратификации Беловежских соглашений проголосовали только 6 человек, в том числе С. Н. Бабурин. А ведь депутаты — члены КП РСФСР проголосовали тогда «за» — фактически за ликвидацию Советского Союза. Это никогда не забудется.

А почему они так проголосовали? Неужели по злому умыслу? Неужели хотели развалить Великую державу — Советский Союз? Нет, конечно! Многие, стремясь избавиться от Горбачева, который действительно заслуживал только презрения, а вместе с ним и от центра. Голосовали за ратификацию Беловежских соглашений, совершенно не думая о последствиях этого шага для государства и народа. Предположим, что в Беловежье под пьяным угаром Ельцин, Шушкевич и Кравчук могли подписать любую глупость. Но ведь были Верховные Советы республик, значит, их элитная и наиболее разумная часть, т. е. коммунисты, истинные демократы, патриоты, должны были подумать: сможет ли каждая республика существовать совершенно самостоятельно и что же станет со страной в целом? Об этом не подумали.

Вернемся к одному из положений демократического централизма — право меньшинства на изложение своих взглядов, учет их при выработке решений и подчинение меньшинства большинству после принятия решения. Иными словами, должна соблюдаться партийная дисциплина, поскольку невыполнение принятого большинством решения или отход от положений демократического централизма могут в итоге привести к анархо-синдикалист-ским изращениям и в конечном итоге к краху.

И все-таки возникает вопрос: как быть в случаях, когда меньшинство право?

Думаю, что нужны дополнительные положения, чтобы избежать ошибок. Я убежден, что ратифицированный договор России и Украины принят во вред России и обоим народам. Время и история это докажет. Главное — не голосовать против своей совести. И в то же время, согласно демократическому централизму, я не должен голосовать против общего решения. Наоборот, обязан голосовать против своей воли «за». Но, простите, какая же это демократия? Ведь нельзя же путать завод, колхоз, воинскую часть (где приказ — закон) с законодательным учреждением, научно-исследовательским институтом или конструкторским бюро, где должна быть борьба мнений и где кого-то лишать возможности отстаивать свою позицию, наверное, неправомерно.

В общем, здесь есть вопросы.

Почему идет одностороннее сокращение ВС?

Но я, кажется, увлекся. Давайте вернемся в конец 80-х — начало 90-х годов, когда я должен был заниматься проблемами

Сухопутных войск Вооруженных Сил Советского Союза, куда занесла меня военная судьба.

Центральной проблемой для Главного командования Сухопутных войск, Министерства обороны СССР, да и для страны в целом в то время было обеспечение вывода нашей огромной группировки войск из стран Восточной Европы и Монголии. Самым сложным было то, что для выводимых войск на территории Советского Союза фактически не было подготовлено не только военных городков, но и жилья для офицерского состава. Вторая проблема — это совершенно безумные и необоснованные темпы вывода.

В связи с этим я всегда приводил в пример Канаду. Эта благополучная в экономическом, политическом и в других отношениях страна выводила из ФРГ свою пехотную бригаду численностью полторы тысячи человек более двух лет. А мы почему-то ежегодно обязаны были выводить по 100–120 тысяч.

Куда мы спешим? Почему мы спешим? И вообще, если говорить о Германии, то зачем нам эти гроши, которые выделял Коль Горбачеву в обмен на согласие объединить две Германии? Коль выделял всего 13,8 млрд. марок, а мы оставляли в ГДР только нашей недвижимости более чем на 90 млрд. марок. И вообще — зачем нам немецкие деньги? Мы оказались в Германии не по своей воле. Поскольку возникла проблема объединения двух Германий и, следовательно, поднимается вопрос о выводе наших войск, то мы готовы сделать это, но при условии, что Германия для нашей группировки, уходящей с ее территории, построит военные городки, жилье для офицеров и прочую инфраструктуру — уже на территории СССР. Вот тогда и мы будем готовы выводить свои войска. И выводить соответствующие части будем постепенно, по мере готовности военных городков.

Не надо нам никаких денег. Мы же победители! Немцы обязаны построить в нашей стране все, что необходимо для вывода наших войск из Германии.

Что касается других стран Восточной Европы, то тоже не они, а мы должны диктовать условия нашего вывода. Тем более таким странам, как Венгрия, которая в годы Второй мировой войны выступала в качестве сателлита фашистской Германии.

А сколько погибло наших воинов при освобождении стран Восточной Европы от гитлеровской Германии! Только в той же Венгрии, в одном сражении у озера Балатон, погибли тысячи советских воинов. А сколько наших ребят сложили свои головы в одной только Пражской операции в Чехословакии! При освобождении Польши от фашистской оккупации полегло 640 тысяч наших солдат и офицеров. Какие могут быть претензии к

советским воинам? На них молиться надо, а Горбачев за период своего пребывания у власти до того натравил народы Восточной Европы против Советского Союза, что мы уже не были не только друзьями, но и союзниками, а в последующем даже стали врагами. Одни покаяния Горбачева — Яковлева за 1956 год в Венгрии и 1968 год в Чехословакии — чего стоят.

Как отличается вывод наших войск из Афганистана от того, как уходили советские части из Восточной Европы. В Афганистане были и цветы, и слезы, и дружеские рукопожатия. А из Восточной Европы наши ребята уходили как после подзатыльника и пинка. Это был не вывод, а бегство наших войск с территорий стран, которые были нам обязаны очень многим, в первую очередь, свободой и самой жизнью. А свобода эта была добыта в бою, и ей нет цены, ибо кровь и отданные жизни сотен тысяч наших воинов бесценны. Кому и за что мы должны были еще платить за проезд и провоз по их территории? Это же дикость! Только Горбачев и особенно Яковлев и Шеварднадзе могли довести нашу страну до такого падения и унижения. Причем умышленно.

На завершающем этапе вывода Западной группы войск из Германии туда припожаловал сильно «подогретый» президент России и стал дирижировать полицейским оркестром, при этом приплясывая по-сатанински. Бедный Коль, и тот не знал, куда ему деть свое большое тело подальше от этой пьяной клоунады — ведь кругом были телекамеры. Вот это действительно было «торжество». Кстати, непонятно почему наш всеми уважаемый глава Русской Православной Церкви Алексий II до сих пор прилюдно не объявляет, что в теле Ельцина сидит сатана. Ведь это же всем очевидно: как только Борис Николаевич «врежет» — сатана тут же выскакивает наружу. Ведь это же позорище, умудряется в церкви по праздникам позировать со свечкой перед телекамерами.

Что касается Восточной Европы, то это был единственный торжественный момент, который немцы с превеликим удовольствием записали на видеопленку и прокручивают ее по Германии и на всю Европу в основном в двух случаях: в рубрике «Вечер смеха» или же в передачах на серьезную тему «Развитие человечества. Раздел — русский интеллект». Для кого-то «концерт» Ельцина до сих пор вызывает гомерический хохот высшего класса, а для нас — это срам и стыд, в котором участвовал глава нашего государства, гарант Конституции, призванный олицетворять честь и авторитет России.

Вывод же войск из Монголии прошел тихо, незаметно, безлико. Как и в Европе, там были оставлены прекрасные военные

городки и другие сооружения. Особенно добротными, современными были построенные нами аэродромы и все необходимое для жизни и боевой деятельности авиации. Семьи летчиков были обустроены ультрасовременно — мы не имели такого комфорта в СССР. А сейчас все это превращено в руины. Никому не нужно. Развалено и растащено.

Для того, чтобы читатель представил объем нашей работы по выводу войск, я назову несколько абсолютных цифр, которые сегодня, конечно, уже не представляют никакой государственной, а тем более военной тайны. Да и в 90-е годы, когда выводились наши войска, США и НАТО, конечно, имели все необходимые сведения. Наконец, в переговорном процессе о сокращении обычных вооружений мы тоже обязаны были называть цифры.

За период с 1989 по 1994 год мы должны были вывести 625 тысяч офицеров и солдат. Это всё то, что стояло в строю.

Сюда надо приплюсовать и семьи офицерского состава и прапорщиков, а также вольнонаемный состав — это еще несколько сот тысяч человек. А всего около миллиона (для сравнения: население республик Северного Кавказа составляет в среднем 300–350 тысяч человек). И всем им нужен был не просто кров, а современные условия для жизни и деятельности. Это в послевоенные годы люди вынуждены были жить и в палатках, и в бараках, и в сборнощитовых домиках. Но тогда было понятно: только что закончилась самая кровавая и разрушительная война. Сегодня же наши воины должны быть оснащены современной боевой техникой и вооружением, иметь современную жилую и учебную базу. Вот тогда и можно говорить о боевой готовности армии. Увы, к сожалению, при выводе наших войск из Германии это элементарное требование не соблюдалось.

Предстояло же вывести: 35 мотострелковых и танковых дивизий, 2 мотострелковые бригады, 17 ракетных и 15 зенитно-ракетных бригад, 10 артиллерийских бригад, 1 бригаду ВМФ. Далее — 11 авиационных дивизий, включающих в себя 43 авиационных полка, плюс 18 вертолетных полков. Кроме того, около 2 тысяч различных частей и учреждений типа ремонтных заводов, арсеналов и т. д.

В числе крупного вооружения и боевой техники предстояло вывести около 2 тысяч самолетов, почти 1,5 тысячи вертолетов, более 13 тысяч танков, 15,5 тысячи боевых машин пехоты, 8,5 тысяч единиц артиллерии.

Кроме того, нужно было принимать решение относительно управленческого аппарата. Управления Западного и Юго-Западного стратегических направлений, как и управление всех групп войск, а также ряда армий, были расформированы. Жаль,

конечно, что были ликвидированы управления таких армий, которые навечно вошли в историю нашего народа и Вооруженных Сил. Например, управление 8-й Гвардейской Сталинградской армии (бывшей исторической 62-й армии). Мне жаль не потому, что я в ней воевал в Сталинграде и прошел с боями до штурма Берлина включительно. А потому, что в наших Вооруженных Силах таких армий больше нет. Переформировали управление армии вначале в корпус, а потом «зарубили» корпус. И произошло это не потому, что к руководству Вооруженными Силами пришли военачальники, которые сами не воевали. А потому, что допущены непростительная небрежность и безразличие к нашей истории. Подход был механический. Никто не думал и не думает о том, что одним из факторов высокой боевой готовности является моральный дух. Я помню, как одни эти слова: «Служу в 8-й Гвардейской Сталинградской армии» — поднимали морально-боевой дух солдат. А когда они узнавали в деталях о ее боевом пути, то у каждого крепло желание стать достойным ратной славы гвардейцев-сталинградцев.

В течение 1989–1991 годов мне удалось с помощью Военного совета Сухопутных войск, начальников главных и центральных управлений, с непосредственной помощью заместителя министра обороны по строительству Н. Ф. Шестопалова, заместителя министра обороны по тылу В. М. Архипова и заместителя министра обороны по вооружению В. М. Шабанова решить многие вопросы по минимальному устройству выводимых войск с последующим расширением материально-технической базы. А из 35 дивизий удалось вывести 21 и несколько десятков различных специальных бригад и полков.

Конечно, при необходимости помощь оказывали и министр обороны и Генеральный штаб — когда нужны были их какие-либо распоряжения.

Особо я должен подчеркнуть важную роль и значение в разрешении этой проблемы местных органов власти. Большую помощь нам оказали руководители Украины — по размещению войск в Ждановке, Кривом Роге, Белой Церкви, Ворошиловграде, Гвардейском и в Советском; руководители Белоруссии — по размещению войск в Марьиной Горке, Заслонове, Слонине. В Белоруссии разместилось и много авиации. Уральцы помогли разместить войска в Тоцком, Черноречье, Чебаркуле. Нижний Новгород хорошо принял танковую дивизию, а Тверь — мотострелковую. Читинская область полностью «приютила» все пять дивизий 39-й армии, которая стояла в Монголии. Одна дивизия была расформирована, из двух сделали базы хранения, две разместились в Забайкальском военном округе.

Должен сказать, что решение всех проблем, связанных с выводом войск, мы не просто держали под своим контролем. Мы непосредственно принимали участие во всей подготовительной работе, а затем выезжали в дивизию, которая должна была прибыть в этот пункт, формировали там группу во главе с заместителем командира дивизии и направляли ее в новый пункт назначения, поставив перед ней задачу — вместе с выделенными для группы силами готовить пункт новой дислокации к приему войск. Часто я вынужден был посылать и войска с техникой той дивизии, которая обязана была подготовить себе новое место.

Поистине это было великим переселением. Не преувеличивая, я не пропустил ни одного нового военного городка, который должны были подготовить к приему войск. С сожалением отмечаю, что во многих случаях приходилось вносить капитальные изменения в эту работу, особенно там, где речь шла о реконструкции или приспособлении казарм под временное офицерское семейное общежитие. И с благодарностью вспоминаю, что все отданные распоряжения выполнялись безукоризненно — в срок и качественно.

В перечисленные выше пункты войска были переведены уже при мне. Но еще многое строилось, и строилось капитально. Например, на Украине — на Широколанском полигоне и под Черкассами; в России — Волгограде, Владикавказе, Юрге (СибВО), Чайковском (ПриВО), Богучаре и Ново-Смолине (МВО).

Большую помощь нам оказали мои коллеги — главкомы других видов Вооруженных Сил, хотя бывали и случаи, когда казармы фактически пустовали, но передавать их с баланса на баланс кое-кто не хотел, хотя на этот счет и был приказ министра обороны.

Но все и военные и гражданские начальники хорошо помогали нам, понимая наше бедственное положение. Однако решающей фигурой во всех этих делах, несомненно, был командующий войсками соответствующего военного округа. На Украине — вначале генерал-полковник Б. Громов, затем генерал-полковник В. Чечеватов; в Белоруссии — генерал-полковник В. Костенко; в Московском военном округе — генерал-полковник Н. Калинин; на Урале — генерал-полковник А. Макашов; в Одесском военном округе — генерал-полковник И. Морозов. Что касается группировки войск, выведенной из Монголии, то ею полностью занимался фактически только командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-полковник В. Семенов. Кстати, он очень удачно разрешил все проблемы в гарнизоне Кяхта.

Вот эти военачальники сыграли главную и решающую роль в

подготовке пунктов для приема войск и в самом приеме войск.

Оперативные группы, созданные мной на базе Главкомата Сухопутных войск, были закреплены конкретно за определенными войсками и ежемесячно (а если осложнялась обстановка, то и еженедельно) подробно отчитывались о выполнении графика хода работ по подготовке объекта к приему войск. Это же делал и каждый командующий войсками военного округа: при моем посещении округа или же специальным донесением и устным (по телефону) докладом. В функцию же наших оперативных групп входил не столько контроль за ходом работ, сколько оказание помощи командующему войсками соответствующего военного округа в выполнении стоящей задачи.

У себя в Военном совете мы считали, что вопрос вывода наших войск из стран Восточной Европы и Монголии является чрезвычайным, а фактически оборачивается многими бедствиями, так как он почти не был обеспечен. То, что на перспективу закладывалось строительство, мы приветствовали, однако ждать надо было годы.

Но Военный совет Главкомата был озабочен и другой проблемой, которая по своей значимости не уступала первой. Ведь на самом деле это было одностороннее, то есть только Советским Союзом, сокращение Вооруженных Сил и обычных вооружений. Несмотря на то что к концу 80-х годов советником президента СССР стал маршал Сергей Федорович Ахромеев — лучший знаток всей переговорной «кухни», мы делали такие «ляпы» в этой области, что просто уму непостижимо. Фактически уже тогда Горбачев шел по пути диктата США по сокращению не только стратегических ядерных вооружений, но и обычных вооружений и Вооруженных Сил. Причем, как ни странно это звучит, в переговорах с Соединенными Штатами по этой проблеме совершенно отсутствовал принцип равной безопасности и поддержания паритета в обычных вооружениях, а также Вооруженных Сил. Мало того, за рамки переговоров выносились целые виды Вооруженных Сил США — их военно-морские силы. То есть они совершенно не подлежали обсуждению. Почему? Да потому, видите ли, что они, оказывается, самые крупные и самые мощные военно-морские силы и фактически превышают своей боевой частью все вместе взятые военно-морские силы всех стран.

В то же время Сухопутные войска Вооруженных Сил СССР почему-то подлежали рассмотрению. Вместе с Вооруженными Силами Варшавского Договора они действительно количественно превышали такие же Сухопутные войска стран НАТО. Что ж тут странного или удивительного? Ведь у Советского Союза и сухопутная граница имеет протяженность десятки тысяч

километров. Да и соседей у нас десятки, а не два, как у США. Это надо же учитывать! А если наши Сухопутные войска сравнить с аналогичными у некоторых наших соседей, то они у нас не самые большие — у Китая больше. И это их дело.

Из общего паритета Вооруженных Сил в Европе и в мире вырываются наши Сухопутные войска и рассматриваются как объект, угрожающий Европе. При этом, повторяю, военно-морские силы США, все их флоты во всех океанах и морях вообще никак не рассматриваются.

Мало того, на переговорах американцы определяют нам не только количество войск и вооружений, которые мы имеем право иметь в своих Вооруженных Силах на своей территории в европейской части (до Урала). Они нам диктовали, в какой группировке должны пребывать наши войска в пределах до Урала, и даже определили, какую численность войск мы имеем право иметь на флангах, т. е. на севере и юге европейской части.

То, что здесь и близко не было никакой объективности, думаю, это видно и слепому. С кем обычно поступают таким образом, как с нами? Верно, с поверженным противником. Именно ему диктует победитель — сколько и какие Вооруженные Силы он имеет право держать и в какой группировке.

Действовал молох предательства Горбачева — Яковлева — Шеварднадзе. Это они фактически разваливали все основное наше обычное вооружение и группировку Вооруженных Сил на Западе.

США диктуют, а Горбачев покорно склоняется

Давайте проанализируем — объективно ли для нас складывалась ситуация? Ведь мы согласились на вывод наших войск из Восточной Европы даже в обход Потсдамских соглашений, если это касалось Германии. Мы даже пошли на то, чтобы вывод состоялся в крайне сжатые сроки, нереальные для нормального проведения этой чрезвычайно сложной операции. К тому же на наших глазах разваливается Варшавский Договор. Следовательно, Вооруженные Силы этих стран не могут и не должны рассматриваться как единое целое — союза между ними уже нет, как нет и никакого блока. А блок НАТО остается.

Хочу напомнить, что, увидев разрушительные поездки Горбачева по странам Варшавского Договора, я написал доклад на имя министра обороны маршала Д. Т. Язова и начальника Генерального штаба генерала армии М. А. Моисеева о том, что Варшавский Договор неминуемо развалится. И произойдет это

через несколько месяцев. Учитывая это обстоятельство, я предлагал внести руководству страны предложение — выступить инициатором роспуска Варшавского Договора (оговорив этот вопрос с его членами) и призвать Запад к роспуску блока НАТО. Конечно, писал я, Запад никогда на это не пойдет, но наша инициатива будет доведена до мирового сообщества, и народы планеты, несомненно, одобрят нашу действительно мирную инициативу.

Однако коллегия Министерства обороны под давлением определенных сил мое предложение оценила отрицательно. Я очень сожалел, что вопрос на обсуждение был поставлен в мое отсутствие — в это время я находился в Армении в связи с очередным ограблением нашего склада с оружием. Дальнейшие события подтвердили мои предположения.

В общем, Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе довели нашу страну до такого унижения, какого она не испытывала со времен приснопамятной Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Мы сократили обычные вооружения и наши Вооруженные Силы до уровня, который устраивал США и НАТО. Это было открытое разрушение нашей армии. Так сказать, «во имя общечеловеческих ценностей», но вопреки нашим национальным интересам и нашей безопасности. Это было преступление. А преступники не только остались на свободе — они даже частенько красуются на экране. Но это со временем можно будет поправить. Есть беда более опасная, и вот ее-то поправить будет трудно, если мировое сообщество не объединит своих усилий.

Дело в том, что диктат Советскому Союзу был не просто откровенной демонстрацией превосходства и над нашей страной, и над холуйствующими перед США президентом — предателем Горбачевым. Нет, это было нечто значительно большее.

Когда в 1990 году Буш проводил операцию против Ирака «Буря в пустыне», то это была демонстрация силы и полной независимости США от международных законов, от Организации Объединенных Наций. США показали мировому сообществу, что могут направить удар туда, куда они посчитают нужным. По призыву США «под ружье» встали все страны НАТО, к ним присоединилось еще десять государств. А на колеблющихся типа России Буш просто плевал.

Проигнорировав ООН, США и в последующем продолжают действовать в том же духе.

Еще в 1989 году, когда военные убедились, что внутренняя и внешняя политика Горбачева ведет нас к пропасти, мы начали настойчиво предлагать министру обороны поставить вопрос о проведении Горбачевым Главного Военного совета (он, кстати,

обязан был делать это). В Главный Военный совет входила не только коллегия Министерства обороны, но и председатель правительства, председатель Военно-промышленной комиссии, он же первый заместитель председателя правительства, затем председатель КГБ, МВД, министры военных отраслей промышленности, все командующие войсками военных округов (групп войск) и члены военных советов.

18 октября 1989 года такое заседание состоялось. Председательствовал Горбачев. Доклада не было. После его вступительного слова («Вы хотели встретиться — я пришел!») начались выступления. Наиболее резко высказывались все главнокомандующие видами Вооруженных Сил — Ю. П. Максимов, В. И. Варенников, И. М. Третьяк, А. Н. Ефимов, В. Н. Чернавин, В. М. Архипов, а также командующий войсками Приволжского военного округа генерал-полковник А. М. Макашов, министр оборонной промышленности М. Б. Белоусов.

Все с огромной тревогой и озабоченностью говорили о катастрофическом положении в Вооруженных Силах в связи с выводом войск и в военно-промышленном комплексе — из-за отсутствия финансирования заказов. Правительственные же органы, которые непосредственно за это отвечают, на наши запросы не реагируют. В общем, «дебаты» шли полдня. Подводя итоги, Горбачев поблагодарил всех за честный и откровенный разговор, пообещал незамедлительно принять меры по устранению и сказал, что в таком составе мы будем встречаться как минимум два раза в год. Кстати, там же нами был поставлен вопрос о присвоении звания маршала Советского Союза министру обороны — это тоже показатель отношения к Вооруженным Силам. Вскоре звание было присвоено, но ни одной встречи, ни одного решения Горбачева в пользу Вооруженных Сил или военно-промышленного комплекса так и не последовало…

Соединенные Штаты с окончанием «холодной войны» (как они считают, но я не разделяю этого мнения, что «холодная война» закончилась, а наоборот — приобрела другие формы и таит в себе большую опасность возникновения вооруженных столкновений) не только полностью стали диктовать Советскому Союзу свою волю, но и вообще устранили его с арены как великую державу, а затем с помощью предательского руководства и пятой колонны разрушили его. Таким образом, важнейшее препятствие на пути США к мировому господству было ликвидировано.

Однако еще не все пути к этой цели расчищены. Существует Совет Безопасности ООН, в котором страны-победительницы представлены с времен Ялтинского соглашения на равных. США

считают, что это анахронизм и стараются превратить Совет Безопасности из органа, который принимает важнейшие решения, в том числе по проблемам войны и мира, в рядовой, совещательный. Тем самым ликвидировать на своем пути к мировому господству вторую важнейшую преграду.

Судя по событиям января 1999 года, американцам удается скомпрометировать этот международный орган. Председатель спецкомиссии ООН австралиец Р. Батлер фактически является сотрудником ЦРУ. Батлер и его комиссия по сути выполняли в Ираке шпионские функции, чем нанесли удар по ООН. Одни говорят, что Совет Безопасности от действий Батлера находится в нокдауне, другие — в нокауте, а третьи даже считают, что Совету Безопасности пришел конец.

Соединенные Штаты рвутся к мировому господству. Вроде бы формально путь к нему расчищен. Ан нет! Как мне кажется, в Европе начинают понимать опасность гегемонизма США. Тут нужно вспомнить, что при создании НАТО в 1949 году французы проявили осторожность и вступили в альянс не действительным членом этого военного блока, а только политическим. Генерал де Голль не раз заявлял, что в Европе хозяевами должны быть европейцы, а не пришельцы из-за океана. Эта позиция разделялась всеми, кроме англичан. Дальше — больше. Начиная с 50-х годов европейцы пытаются создать Европу без американцев. Далее они определяют единую денежную единицу экю (присоединились практически все страны Европы, даже Великобритания). В 1991 году Коль инициировал подписание в Маастрихте европейцами (без США) договора о создании Европейского экономического и валютного союза. Коль ничего против американцев вслух не говорит, но делает. И правильно делает. Вскоре во Франкфурте появляется Европейский валютный институт — наметка будущего Европейского центрального банка. Наконец, в 1998 году специально существующая Еврокомиссия приняла ряд стран Европы в систему евро. Единая валюта евро уже реально «примерена» на свою национальную валюту большинством стран Европы, которые готовы к обмену пока ценными бумагами, а с 2002 года в Европе будут ходить живые евро, которые станут на пути до этого всемогущего (но не подкрепленного золотом) доллара США.

Вслед за единой европейской валютой, конечно, будет пересмотрена и внешняя оборонная политика. Несомненно, что вслед за долларом будет потеснен и Североатлантический альянс, на который опираются США. На мой взгляд, третье тысячелетие для этой страны не будет столь радужным, каким его рисуют американцы. А вот европейцам «грозит» процветание — через

самостоятельность. Но чтобы необходимые ресурсы были бы у Европы в достатке, последней, несомненно, надо ориентироваться на Россию.

Глава II
Военный совет Главного командования сухопутных войск

Состав Военного совета и его приверженность. Не на обочине, а в центре событий. Участие Военного совета в решении проблем. Заявление съезду народных депутатов. Участие в политической жизни страны. Поездки, и не только к избирателям. Съезд народных депутатов. Пленумы ЦК КПСС. Г. Зюганов, «Слово к народу», июль 1991 года. В. Ельцин в Доме кино против Горбачева. Создание армейской авиации и дорожно-строительных войск.

На протяжении всего времени своей службы и особенно когда я уже изучил круг обязанностей и деятельности Главного командования Сухопутных войск непосредственно, мне этот орган представлялся весьма положительным. На первом плане в решении всех проблем, естественно, всегда выступал главнокомандующий. Вслед за ним — Главный штаб, Главное управление боевой подготовки и другие главные управления. Сами главнокомандующие Сухопутными войсками, в первую очередь Г. Жуков, Р. Малиновский, В. Чуйков, да сами начальники Главных управлений выглядели высоко. Взять хотя бы генерала армии Владимира Яковлевича Колпакчи, бывшего до того командующим Северным военным округом, а затем стал начальником Главного управления Сухопутных войск. Надо заметить, что на эту должность назначался, как на повышение, уже опытный командующий войсками военного округа. И не просто опытный, а достойный военачальник, способный учить и строго спрашивать с командующих военных округов. Вот всеми этими качествами высшего класса и обладал генерал Колпакчи, который был не просто профессионалом, незаурядным организатором и отличным военачальником, а вообще особенным человеком широкой, многогранной эрудиции. И когда он на учении погиб в вертолетной катастрофе, то скорбели все Вооруженные Силы, и не только.

Разумеется, в Главкомате, как правило, были сильные штабы и их начальники, а также Политическое управление во главе с членами Военного совета. Все рода войск и службы были представлены на уровне главных и центральных управлений, а их начальники — в звании генерал-полковника. Ракетными войсками и артиллерией, как правило, командовал маршал артиллерии.

Когда я принял у Евгения Филипповича Ивановского Главное

командование Сухопутных войск, то Военный совет Главкомата, в который фактически входили все заместители главкома, начальники родов войск, служб и начальники главных управлений, был высоко подготовленным, исключительно организованным и деятельным. Вообще всю свою службу, начиная с войны, я попадал в сильные коллективы и меня окружали замечательные офицеры и солдаты, хорошо подготовленные, самоотверженные. Естественно, бывали и исключения, но весьма редко. Основная масса действовала так, что я верил в них как в себя. И сейчас вспоминаю их исключительно с теплотой и уважением.

У генерала армии Анатолия Владимировича Бетехтина богатый послужной список. Служить ему приходилось в суровых краях, да и родился он на севере. Обладает отличной подготовкой и организаторскими способностями. Весьма авторитетный человек. Любые задачи выполняет легко, но с высокой ответственностью.

Генерал-полковник Михаил Данилович Попков — член Военного совета — начальник Политотдела. Хоть он и подчинялся Главпуру СА и ВМФ, но положительной чертой его было то, что он не копировал начальника Главпура А. А. Епишева, а был весьма самостоятельным в принятии решений и руководстве порученным участком.

В 1990 году на этот пост пришел генерал-полковник Николай Андреевич Моисеев. Он добросовестно выполнял свои обязанности, всячески помогал главкому и другим членам Военного совета, был связующим звеном в Военном совете, а Политуправление в его бытность стало более открытым и прозрачным. В нем не было духа цековщины, т. е. какой-то загадочности, таинственности, недосказанности, отчужденности, хотя такие функционеры в наше время были, и старались они говорить вроде все «начистоту», по-партийному… однако между ними и истинными коммунистами, к сожалению, была преграда. Отталкивало от таких деятелей стремление подчеркнуть, что, мол, ты — командир, но и я — член Военного совета, я тебе не подчинен и буду делать так, как считаю нужным. Вот Н. А. Моисеев не был таким и ничего подобного не демонстрировал. Он делал то, что записывалось в решениях Военного совета. И это поднимало его авторитет. Что касается меня, то у нас с ним сложились самые добрые откровенные отношения.

Генерал-полковник Дмитрий Александрович Гринкевич был начальником штаба Группы Советских войск в Германии и несколько лет возглавлял Главный штаб Сухопутных войск. Он немало сделал для совершенствования работы Главного штаба,

постоянно помогал штабам военных округов. Для главкома Главный штаб был, разумеется, основной опорой в разрешении всех наших проблем, отношения у нас были хорошие, открытые. Он, как и другие заместители главкома, заходил ко мне в любое время без стука. Д. А. Гринкевич был начальником штаба высшего класса и брал на себя многие крупные вопросы. Но, как и многие люди, побывавшие в своей роли десятилетия, совершенно не терпел ни малейшей критики. Я же на одной из коллегий Министерства обороны критически высказался и в свой адрес, и в адрес Главного штаба СВ относительно недостаточного проведения контроля за службой войск в военных округах. Это вызвало у Дмитрия Александровича обиду — он просто не мог даже представить, что у него могут быть какие-то недостатки. И мы, к сожалению, расстались не так, как хотел бы этого я.

Д. А. Гринкевича сменил генерал-полковник Михаил Петрович Колесников. Он включился в работу так, что никто и не почувствовал, что у нас появился новый начальник Главного штаба. Это был уже опытный руководитель. Перед тем командовал армией и длительное время был начальником штаба Южного стратегического направления. Главнокомандующие этого направления приходили и уходили, а начальник штаба оставался. Надо иметь в виду, что это стратегическое направление и по территории, и по количеству союзных республик фактически было самым большим. Сюда входили: Закавказский военный округ — три союзных (Азербайджан, Армения, Грузия) и несколько автономных республик; Туркестанский и Среднеазиатский военные округа — пять союзных (Казахстан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан и Узбекистан), ряд автономных республик и округов. Естественно, в этих условиях главнокомандующий стратегического направления должен быть на высоте, а его штаб — обеспечить взятие этой высоты. Думаю, что Михаил Петрович с такой задачей справился успешно. Поэтому Главному штабу Сухопутных войск просто повезло, что именно Колесников был назначен на эту должность. Служба у нас с ним спорилась прекрасно.

Неудивительно, что в последующем его забрали в Генеральный штаб, где он был начальником вначале Главного управления, а затем — Генерального штаба. А после этого возглавлял важный федеральный орган, который подчиняется правительству Российской Федерации.

Заместителем главнокомандующего по боевой подготовке — начальником Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск был генерал-полковник Алексей Артемьевич Демидов. Это самое беспокойное управление: никогда не

«сидело» в Москве — только в войсках. Оно было призвано обеспечить высокий уровень боевой подготовки каждого военного округа и группы войск, сообразуясь с театром военных действий. Имея за плечами богатый опыт работы в войсках, в том числе успешно командуя одной из групп войск наших Вооруженных Сил, Алексей Артемьевич умело организовал работу Главного управления и обеспечивал решение возложенных на него задач. Напряжение было, естественно, большое, и в один из роковых дней А. Демидов получил инфаркт миокарда. После излечения, по предложению министра обороны, генерал уволился в отставку, хотя в целом мог бы еще потрудиться.

Эту должность занял генерал-полковник Эдуард Аркадьевич Воробьев, который до этого командовал Центральной группой войск. Его я знал прекрасно еще по Прикарпатскому военному округу и поэтому сразу дружески «предупредил», что не следует рассматривать должность заместителя главнокомандующего по боевой подготовке как конечный этап службы. Так оно и получилось — через некоторое время Э. А. Воробьев стал первым заместителем главнокомандующего.

Генерал-полковник Евгений Иванович Крылов был заместителем главнокомандующего по военно-учебным заведениям. Как уже сказано ранее, их в Сухопутных войсках было очень много, поэтому начальники родов войск и служб постоянно следили за своими специальными высшими военными училищами и военными академиями, а генерал Крылов сосредоточивал свои усилия на общевойсковых и танковых высших военных, а также на суворовских училищах, курсах «Выстрел» и Военных академиях им. М. В. Фрунзе и Бронетанковых войск. Каюсь, из-за постоянной нехватки времени я не так уж много внимания уделял Е. Крылову и его управлению, но он успешно решал возложенные на него задачи. Учитывая его высокую эрудицию и умение особо достойно держаться на официальных мероприятиях, я иногда привлекал Евгения Ивановича себе в помощь, если приезжал кто-то из иностранцев с официальным визитом на высоком уровне.

Все названные военачальники были моими ближайшими сподвижниками в Главкомате Сухопутных войск.

Дальше шли рода войск и службы.

Маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин — начальник ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск. Учитывая, что в Сухопутных войсках артиллерия придавалась уже мотострелковому батальону, естественно, и мотострелковому полку, а ракетные войска — мотострелковой и танковой дивизии, то читатель может себе представить эту огромную систему

артиллерийских (в том числе реактивных и минометных) и ракетных частей и соединений. Если говорить о высшем уровне, то в каждой армии была своя ракетная бригада и плюс несколько ракетных бригад, а также одна-две артиллерийских дивизии окружного (группового) подчинения. И четко надо организовать у них учебу, боевую подготовку, чтобы на общевойсковых учениях, особенно с боевой стрельбой артиллерии, можно было бы получать результаты, нужные для реального боя. Мало того, надо было вести научную работу (в том числе через артиллерийскую академию) и иметь тесную связь с промышленностью и военными учеными, чтобы наша артиллерия и ракетные войска своевременно получали все необходимое.

И всё это Владимир Михайлович со своим штабом обеспечивал безукоризненно. Он даже находил время, чтобы приехать в Афганистан, где бывал у нас на боевых действиях. Толковый военачальник. Не знаю его как политика, хотя мы с ним знакомы 25 лет. Дело в том, что и Михалкин, и в еще большей степени Ахромеев имели прямое отношение к уникальному ракетному комплексу оперативно-тактического значения «Ока». В нарушение всех положений договора о сокращении ракет меньшей и средней дальности комплекс был незаконно включен в число уничтожаемых. Но оба эти военачальника позже заявляли, что они были против. Однако ущерб стране нанесен огромный. Выходит, протестовать можно категорически и во всеуслышание, но можно протестовать и так, чтобы никто не обиделся, особенно высокий начальник.

Генерал-полковник Юрий Тимофеевич Чесноков — начальник войск ПВО Сухопутных войск. Структура этих войск такая же, как и у артеллеристов и ракетчиков, но зенитно-ракетные комплексы спускаются еще ниже, т. е. в мотострелковые роты, если говорить о носимых зенитно-ракетных комплексах разового действия типа «Стрела» или «Игла». То есть всё и все в Сухопутных войсках готовы вести самую активную борьбу с любыми самолетами и вертолетами противника. От «Стрелы» и «Тунгуски» и до С-300. Все это плюс стрелковое оружие и автоматические пушки на БМП готовы были отразить любую атаку с воздуха. Нам всем просто повезло, что ученые и военная промышленность оснастили нас уникальными средствами ПВО, а военные училища смогли организовать высококлассное освоение этого супервооружения, которого до сих пор нет у американцев. Генерал-полковник Ю. Т. Чесноков был прекрасным военачальником.

Генерал-полковник Виталий Егорович Павлов — заместитель главнокомандующего по армейской авиации, Герой Советского Союза — это звание он получил за Афганистан. Толковый,

честный и очень работоспособный начальник. Под стать ему был штаб армейской авиации. Скажу честно, рождался этот новый род Сухопутных войск на моих глазах. Тяжелое это дело, тем более если приходится решать такую задачу параллельно с выводом наших войск из Восточной Европы и Монголии, заниматься сокращением обычных вооружений и войск, а также участвовать в проведении мероприятий по наведению порядка в горячих точках (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). Это просто судьба, что командовать армейской авиацией доверили генералу Павлову. Он сам лично и его самоотверженный коллектив сделали все, чтобы через год забилось сердце этой авиации. Вначале было несколько десятков вертолетных полков. Затем мыслилось иметь полки штурмовиков. В начале августа 1991 года, взяв за основу аэродром Броды, мы провели на базе Прикарпатского военного округа установочные сборы для командования всех полков армейской авиации. Было продемонстрировано, как организуется жизнь, быт и боевая деятельность вертолетного полка, поддержание высокой боевой готовности и участие его в общевойсковом учении с боевой стрельбой. Это было, так сказать, крещение. И все прошло отлично.

Жаль, что рухнула страна, а с нею и Вооруженные Силы, и Сухопутные войска превратились в мираж. Но важно, что надежда и вера живы, а также есть люди типа В. Павлова, которые смогут поднять все из руин.

Генерал-полковник Павел Иванович Баженов — заместитель главнокомандующего по вооружению. Учитывая, что еще существуют самостоятельно главные бронетанковое, автомобильное и ракетно-артиллерийское управления с прямым подчинением и главкому, и министру обороны, то роль заместителя главкома по вооружению заключалась в координации действий этих управлений, слежении за прохождением заказов в промышленность и за выполнением в руководстве научно-техническим комитетом (который, кстати, действовал весьма плодотворно), наконец, в контроле выполнения войсками директив министра, Генштаба и Главнокомандующего Сухопутными войсками по соответствующим разделам. Будучи по природе умным человеком, Павел Иванович во имя дела умел найти контакт с любым начальником, любым работником, даже с теми, кого мы относили к числу непримиримых и несговорчивых. Это возвышало его в наших глазах.

Но года идут, настало время, и на смену пришел теперь уже генерал-полковник Сергей Александрович Маев — «афганец». Прошел в Афганистане, как и многие, огни, воды и медные трубы. Если говорить о медных трубах, то мы в 1988 году в Кабуле

отмечали присвоение ему первого генеральского звания. Все задачи Сергею Александровичу были ясны, человек он контактный, поэтому с коллективом сразу сложились нормальные отношения. А на плечи ему свалилась тяжелая ноша. Но он вытянул свой воз. А когда в Вооруженных Силах пошли реорганизации, он возглавил объединенное Главное автобронетанковое управление.

Генерал-полковник Александр Александрович Галкин. Сегодня он депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ (как и Э. А. Воробьев), а в то время успешно руководил бронетанковой службой. Танков у него было больше всех в мире, к тому же он имел уникальный музей бронетанковой техники, какого ни у кого в мире тоже нет. У Галкина были отличные контакты со всеми конструкторскими бюро, со всеми танковыми и другими заводами. Поэтому все вопросы решались оперативно, без тяжелых проблем, хотя вопросов, конечно, возникало много, да и служба была непростая.

Генерал-полковник Василий Федорович Попов — начальник автомобильной службы Вооруженных Сил. Фактически он обеспечивал все виды Вооруженных Сил, все рода войск и службы, весь тыл и строителей. Эта служба подчинялась министру обороны, но, учитывая, что она в коллегию не входила, мы ввели генерала Попова в состав Военного совета Сухопутных войск. Василий Федорович личность уникальная. Мне довелось с ним успешно решать задачи в Прикарпатском военном округе, а когда он возглавил автомобильную службу Вооруженных Сил, то, естественно, это было большим приобретением. Войска и силы флота обеспечивались своевременно и в полном объеме всеми видами автомобилей, что создавало условия для поддержания высокой боеготовности. Многие автозаводы выпускали и бронетранспортеры — Василий Федорович здесь тоже не отставал. Учитывая, что уборка урожая каждый год становилась целой эпопеей в жизни страны, В. Ф. Попов капитально занимался обеспечением перевозок хлеба, другой сельскохозяйственной продукции автотранспортом Вооруженных Сил. С ним всегда можно было решить любую проблему.

Генерал-полковник Михаил Егорович Пенкин — начальник Главного ракетно-артиллерийского управления. «Щупальцы» этого громадного управления пронизали весь наш военно-промышленный комплекс. Практически заказы всех вооружений в области стрелкового оружия, артиллерии (в том числе реактивной), ракетных войск, войск ПВО, разведки, разведывательно-ударных комплексов — все шло через это управление. Поэтому и объем, и многогранность работ,

несомненно, накладывали отпечаток на работу всех, в том числе и начальника. Надо отдать должное, Михаил Егорович ворочал этой махиной умело, и наши войска своевременно и в достаточном количестве имели необходимое вооружение и должные к ним запасы. А ремонтные заводы всегда перевыполняли планы. Склады и арсеналы по всей стране построены были таким образом, что на любое стратегическое направление можно было в короткие сроки подать все необходимое. Нужные выводы были сделаны из афганской войны. Однако большие проблемы возникли у М. Е. Пенкина, когда подняли голову различные экстремистские силы. Надо было обеспечить сохранность всего того, что мы имели и на что покушались экстремистские группировки. Вообще-то это были уже не только его проблемы, а всей нашей армии.

Генерал-полковник Владимир Павлович Кузнецов — начальник инженерных войск — был достойной сменой маршалу инженерных войск С. Х. Оганову. Он не только прекрасно продолжал традиции этих войск, но и шагнул далеко вперед в обеспечении операций и боевых действий войск. Естественно, многое было взято из опыта войны в Афганистане. С учетом достижений, а также в целях изучения взглядов на перспективу Владимир Павлович летом 1990 года на базе Киевского военного округа подготовил и умело провел специальные сборы, на которых присутствовал весь руководящий состав инженерных войск Вооруженных Сил. Оценки и выводы этих сборов легли в основу дальнейшего развития инженерных войск и наших заказов в промышленность.

Генерал-полковник Станислав Вениаминович Петров — начальник службы химической защиты. На первый взгляд, вроде особого беспокойства она не должна составлять, но на самом деле это не так. И развитие всех ее направлений, начиная от специальной радиационной, химической и бактериологической разведок, и разработка средств защиты, методов применения этих средств и способов действий войск — все требует большого внимания и усилий. Особое место занимали и занимают химические боеприпасы, созданные накануне и в ходе Второй мировой войны, которые подлежат уничтожению. Это проблема из проблем. Она существовала и в конце 80-х годов, не снята с повестки дня и сейчас, что, естественно, составляет большой раздел деятельности Станислава Вениаминовича. Меня одно только несколько удивляет — не слишком ли сам он ударился в строительство церквушек, часовенок? Черномырдин тоже построил у себя на родине, в оренбургском селе, храм (спрашивается — откуда лично у него такие огромные деньги?),

но страна от этого не стала жить лучше — ее как обворовывали с помощью Черномырдина, так и обворовывают. Но это замечание так, между прочим. В целом же генерал С. В. Петров достойный начальник.

Генерал-полковник Аракелян — начальник вновь созданного Центрального дорожно-строительного управления. И сам генерал, и его управление, да и подавляющее число офицеров и солдат — выходцы в основном из инженерных и строительных войск. К земле они приросли еще раньше. Это для них родная область. Но само рождение этих войск, конечно, было колоссальной проблемой.

Решение по их созданию было принято на уровне правительства СССР. Цель — максимально развить дорожную сеть в районах европейской части Советского Союза, которые крайне в этом нуждаются. Под эту программу подпадали в основном районы Нечерноземья и те, что ближе к северу. Было образовано три дорожных корпуса. В каждый из них входило несколько дорожно-строительных бригад, которые, располагаясь побатальонно, «накрывали» большие районы и строили дороги параллельно во многих точках. Между прочим, у нас в этой области все делалось параллельно: создавались строительные части и подразделения, разрабатывались для них (еще не созданных) планы строительства дорог, подбирались кадры, строились времянки — дома для офицеров и бараки для солдат, создавались элементарные условия для быта, забрасывались продукты, горючее и одежда, подавалась необходимая техника, разыскивались необходимые материалы. Правда, все это финансировалось через пень колоду.

И куда только не сунешься с этими проблемами — везде стараются переложить их на другую инстанцию. Лишь некоторые областные и районные органы на местах с пониманием подходили к этим вопросам и кое в чем помогали. И только напор Военного совета нашего Главкомата и в первую очередь непоколебимая настойчивость генерала Аракеляна и его управления помогли нам все-таки встать на ноги и уже в 1990 году докладывать о первых построенных десятках, а затем сотнях километров дорог. Дорожная служба стала жить, прокладывать дороги, хотя условия работы были очень тяжелые. Бывая в тех краях, где по топям, болотам, лесам и скалам пробивались наши дорожники, наблюдая их самоотверженный труд в тяжелейших природно-климатических условиях, при отсутствии элементарных бытовых условий, а также понимая, что вот так, сразу, прямо я ничего им дать не могу, я тяжело переживал это и старался создать им обстановку потеплее.

Дорожная служба немало сделала для улучшения жизни многих районов страны. Жаль, что правительство и в прошлом, и в настоящем недооценивает эту силу. Генерал-полковник Марчук, который продолжил начатое дело, безусловно, должен иметь всесторонюю поддержку свыше. Ведь без дорог не будет жизни.

Вот, уважаемый читатель, я представил всех членов Военного совета Главкомата Сухопутных войск с весьма кратким описанием. В целом Совет разбирал все важнейшие жизненные проблемы. Он не плелся в хвосте и на обочине событий. Наоборот, всегда находился в центре. Вот почему, наблюдая безучастное отношение руководства страны к судьбе Вооруженных Сил, мы приняли решение обратиться к съезду народных депутатов, в котором была изложена вся трагичность состояния войск с учетом их вывода из Восточной Европы и Монголии на подготовленные места (фактически в поле).

Заявление съезду народных депутатов

Благодаря активному участию в политической жизни страны, мне приходилось встречаться не только с военнослужащими, но и с избрателями. Конечно, вскрывал недостатки, ничего не утаивал, но когда заходила речь о мерах и о тех, кто обязан был устранять весь негатив, приходилось маневрировать — большую долю вины брал, конечно, на себя и умеренную часть относил к начальникам, которые якобы обещали что-то сделать, исправить положение и т. д. Тогда ведь никто еще не мог даже представить, что Горбачев ведет страну к катастрофе осознанно, что он предатель.

Мое выступление на Главном Военном совете, на съезде народных депутатов, позиция в Военном совете и Заявление Военного совета Главного командования Сухопутных войск на съезде народных депутатов, очевидно, подчеркнули мою левую позицию. Поэтому однажды мне позвонил один из секретарей ЦК Компартии РСФСР Геннадий Андреевич Зюганов, и мы договорились о встрече. Он подъехал к нам в штаб, и мы вдвоем вначале обсудили обстановку — наши взгляды совпали. Затем Геннадий Андреевич сказал, что группа товарищей намерена сделать обращение к народу с описанием сложившейся ситуации и призывом не дать черным силам развалить страну. Раньше мы с Геннадием Андреевичем не встречались, но я уже питал к нему уважение в связи со статьей «Архитектор у развалин», помещенной в газете «Советская Россия». Статья была зубодробительной и посвящалась Яковлеву, под началом

которого когда-то работал Зюганов и знал его, конечно, как облупленного, но по сути открыто наносился удар Горбачеву. Был четко и ясно показан горе-архитектор, который, претворив свое детище в жизнь, оказался сам и все ему поверившие не в раю и новом светлом доме, а у развалин.

Между тем положение в стране все более ухудшалось. Так родилась идея выступить с обращением к народу, призвать его спасти страну. Эта идея была воплощена в обращении «Слово к народу». Автором первого варианта текста «Слова» был Валентин Распутин. В работе над ним приняли участие Александр Проханов, Юрий Бондарев, Геннадий Зюганов и все остальные подписанты. Скажу откровенно, что работа над «Словом» была весьма кропотливой. Мы, военные, сделали все, чтобы оборонная проблематика тоже была доведена до народа. На июльском Пленуме ЦК КПСС состоялось обсуждение «Слова», и кое-кто из «стаи борзых» Яковлева попытался оклеветать и это обращение, и некоторых его авторов. Но им капитально врезали честные члены ЦК.

И сегодня нельзя без волнения читать «Слово к народу». Не только потому, что оно было пророческим, но и потому, что, получив всенародную поддержку, это «Слово» на удивление не выявило в народе организаторов практических действий. Так же как в последующем и «Обращение к народу» Государственного комитета по чрезвычайному положению тоже не нашло практического претворения…

Но историческое «Слово к народу» заслуживает, чтобы читатель внимательно прочитал его еще раз:

«СЛОВО К НАРОДУ»

Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники!

Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данные нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии. Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, в великих трудах и борениях, сложившими из молитв, тягот и откровений державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые

правители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всесильных соседей? Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, в своем раздражении и нетерпении истосковались по переменам, желая Для страны процветания, допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?

Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех» углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится становой хребет России?

Обращаемся к вам со словами предельной ответственности, обращаемся к представителям всех профессий и сословий, всех идеологий и верований, всех партий и движений, для коих различия наши — ничто перед нашей общей бедой и болью, перед общей любовью к Родине, которую видим единой, неделимой, сплотившей братские народы в могучее государство, без которого нет нам бытия под солнцем.

Очнемся, опомнимся, встанем и стар и млад за страну. Скажем «Нет!» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления.

Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды тех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной.

Мы зовем к себе рабочий люд, которому нынешние фарисеи обещали изобилие и заработки, а теперь изгоняют с заводов и шахт, обрекают на голод, бесправие, на унылое стояние в очередях за пособием, ломтем хлеба, за милостыней богачей и хозяев.

Мы зовем к себе трудолюбивых крестьян, измотанных невежественной властью, чьи нынешние судьбы решают вчерашние разрушители деревень и творцы утопических программ, навязывая хлеборобу кабальный обмен, обрекая на запустение пашню, на истребление уцелевших, кормящих страну хозяйств.

Мы взываем к инженерам, чьим талантом, умом и руками были созданы уникальная техническая цивилизация, мощная индустрия, обеспечившая благополучие и защиту народа,

позволившая Родине взлететь в космос. Техника, которая, устав работать, нуждалась в модернизации и обновлении, за шесть лет безделья и разглагольствований остановилась и рухнула, и теперь мы — страна остановленных предприятий, умолкнувшей энергетики, исчезнувших товаров, растерянных, обнищавших инженеров, отлученных от творчества.

Мы взываем к ученым, достойно продвигавшим развитие отечественной науки, изумлявшим мир плодами своих трудов, накопившим в лабораториях и институтах открытия для следующего рывка в двадцать первый век, где мы надеялись на достойное место в человеческой цивилизации. Вместо этого демагоги и злоумышленники разоряют драгоценные накопления, рассыпают коллективы исследователей ядерных технологий, новейшей химии, обрекая лучшие умы на прозябание, на бегство из родных пределов в преуспевающие страны, где их талант станет питать не свое, а чужое развитие.

Мы устремляем свой голос к армии, снискавшей уважение человечества за самоотверженный подвиг спасения Европы от гитлеровской чумы, к армии, унаследовавшей лучшие качества русского, советского воинства и противостоящей агрессивным силам. Нелегкие времена переживают наши защитники. Не вина армии, что она вынуждена поспешно покидать зарубежные гарнизоны, быть объектом беспардонных политических спекуляций, подвергаться постоянным атакам лжи и очернительства безответственных политиков. Но никому не удастся превратить Вооруженные Силы в аморфную массу, разложить изнутри, предать осквернению. Мы убеждены, что воины армии и флота, верные своему долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом безопасности и оплотом всех здоровых сил общества.

Мы устремляем свой голос к художникам и писателям, по крохам создававшим культуру на развалинах разгромленной классики, добывавшим для народа образы красоты и добра, ожидавшим в будущем расцвета искусств, а обретших нищету, низведение творчества до жалкого фарса на потеху коммерсантов и богачей, когда народ, отлученный от духа, лишенный идеала, управляемый безнравственными лукавцами, выводится из истории, превращается в дешевую рабочую силу для иностранных фабрикантов.

Мы обращаемся к Православной церкви, прошедшей Голгофу, медленно после всех избиений встающей из гроба. Она, чей духовный свет сиял в русской истории даже во времена мрака, сегодня еще не окрепшая, терзается распрями, ущемляется в

епархиях и приходах, не находит достойной опоры в сильной державной власти. Пусть она услышит взывающий к спасению глас народа.

Мы обращаемся к мусульманам, буддистам, протестантам, верующим всех направлений, для которых вера есть синоним красоты, добра и истины; на них сегодня наступают жестокость, уродство и ложь, губящие душу живую.

Мы обращаемся к партиям, большим и малым, к либералам и монархистам, к централистам и земцам, к певцам национальной идеи. Мы обращаемся к партии — коммунистической, которая несет всю ответственность не только за победы и провалы предшествующих семидесяти лет, но и за шесть последних трагических, в которых компартия сначала вела страну, а потом отказалась от власти, отдав эту власть легкомысленным и неумелым парламентариям, рассорившим нас друг с другом, наплодившим тысячи мертворожденных законов, из коих живы лишь те, что отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны. Коммунисты, чью партию разрушают их собственные вожди, побросав партбилеты, один за другим мчатся в лагерь противника — предают, изменяют, требуют для недавних товарищей виселицы, — пусть коммунисты услышат наш зов!

Молодежь, наша надежда и цвет, которую растлевают, отдав в услужение ложным кумирам, обрекают на безделье, бездарность, наркотики и преступность.

Старики, наша мудрость и гордость, безотказные труженики и неустанные кормильцы, получившие в удел нищенство и надругание над прожитым, осквернение печатным и телевизионным варевом тех, кто добивается умерщвления памяти, противопоставления поколений.

Молодые ветераны, воины-интернационалисты, проявившие самоотверженность и гуманизм, высокие нравственные качества, но поставленные в положение без вины виноватых.

Женщины, отказывающие себе в высшем природном праве — продлевать в потомстве род из-за страха плодить нищету, пополнять солдатами армию гражданской войны, пугающиеся своей любви и своего материнства…

Все, кто ни есть в городах и селениях, в степях и лесах, у кромки великих, омывающих страну океанов, — очнемся, встанем для единения и отпора губителям Родины!

Начнем с этой минуты путь ко спасению государства. Создадим народно-патриотическое движение, где каждый, обладая своей волей и влиянием, соединится во имя высшей цели — спасения отчизны.

Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию гибельного

распада государства, экономики, личности;

чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению ее в подлинно народную, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных аппетитов;

чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны.

Не пожалеем сил для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимое отчуждение человека от власти труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия жизни и самовыражения. Окажем энергичную поддержку прогрессивным новациям, нацеленным на то, чтобы продвигать наше общество вперед, достигнуть современных высот научно-технического прогресса, раскрепостить умы и энергию людей, чтобы каждый мог жить по труду, совести и справедливости. И мы будем выступать против таких проектов, которые тащат страну назад, во мрак средневековья, туда, где культ денег, силы, жестокости, похоти.

Наше движение — для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустраивать наш общий дом, чтобы жили в нем дружно, уютно и счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар и млад.

Не время тешить себя иллюзиями, беспечно надеясь на прозорливость новоявленных мессий, с легкостью необыкновенной сулящих нам то одну, то другую панацею от всех бед. Пора отряхнуть оцепенение, сообща и всенародно искать выход из нынешнего тупика. Среди россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал.

Советский Союз — наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в годины черных нашествий! Россия — единственная, ненаглядная! — она взывает о помощи.

Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Валентин Варенников,

Эдуард Володин, Борис Громов, Геннадий Зюганов,

Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Валентин Распутин,

Василий Стародубцев, Александр Тизяков.

В. Ельцин в Доме кино против Горбачева

Мне хотелось бы обратить особое внимание читателя на поразительное сходство сути «Слова к народу» с содержанием выступления Ельцина в Доме кино. Тогда же, в июле месяце, он со своими соратниками организовал встречу единомышленников в Доме кино для обсуждения политического момента. Лично его выступление фактически всё было посвящено одному Горбачеву. Если до этого у Ельцина были какие-то факторы, которые (хотя «война» между ними шла с 1987 года) сдерживали его от открытых выпадов против Горбачева, то после того, как Ельцина избрали президентом России, — все преграды рухнули, он перестал «стесняться» и стал позволять себе в отношении Горбачева абсолютно все. Ельцин прямо говорил, что Горбачев разорил страну, предал свой народ, сделал его нищим, разорил экономику, по всей стране разжег межнациональные конфликты, кругом беженцы, кровь и смерть. Люди страдают. Стоя на трибуне и засучив рукава, Ельцин говорил: хватит Горбачева терпеть, пришло время, когда надо его наконец гнать.

Конечно, Ельциным двигала патологическая неприязнь к Горбачеву и жажда личной, бесконтрольной власти, хотя его критика Горбачева объективно отражала существо дела. Горбачев был предатель.

Но парадокс заключался в том, что Ельцин принял от него эстафету предательства и довершил в Беловежье то, что начал «лучший немец». А потому в истории они всегда будут стоять рядом, как главные разрушители нашей единой страны и предатели своего народа.

Глава III
Коллегия Министерства обороны СССР

О министре обороны и ближайших его соратниках. О заместителях министра обороны, в т. ч. главкомах видов ВС. Молодая струя в коллегии Министерства обороны. Стычки министра обороны с командующими. Горбачев приближает к себе начальника Генштаба. Научно-практическая конференция обнажила ошибочность взглядов Генштаба. Мое заявление о предстоящем крахе Варшавского Договора и реакция коллегии Министерства обороны.

В мою бытность Главнокомандующим Сухопутными войсками министром обороны СССР был генерал армии, а затем маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов. Это опытный и высоко подготовленный офицер. Участник Великой Отечественной войны. Имеет ранение, награды за войну. Так сложились обстоятельства, что на определенном этапе мы служили с ним в Ленинградском военном округе: он был начальником отдела в Управлении боевой подготовки — после того, как откомандовал отдельной мотострелковой бригадой на Кубе, а я — командиром 54-й мотострелковой дивизии, которая дислоцировалась в заполярном городе Кандалакше, что на юге Кольского полуострова. С этих должностей нас направили учиться в Военную академию Генерального штаба, где мы познакомились очень близко — были в одной группе. Характерной чертой слушателей нашей группы (может, за исключением двух человек) была исключительно самостоятельность в мышлении и способность обосновывать и отстаивать свое решение. К этой категории относится и Дмитрий Тимофеевич Язов. По окончании академии он успешно командовал дивизией в Забайкальском военном округе, причем отлично ее обустроил, создал прекрасные условия жизни для офицеров и их семей. Как мы подшучивали позже, не изменил только климат. А климат в Забайкалье фактически самый суровый. Неспроста царь сослал декабристов на каторгу именно туда.

Затем он командовал корпусом и армией, но в уже более благоприятных условиях. По семейным обстоятельствам работал некоторое время в центральном аппарате (начальником 1-го Управления в Главном управлении кадров). Затем его послужной список выглядит так: первый заместитель командующего Дальневосточным военным округом, командующий Центральной

группой войск, командующий войсками Средне-Азиатского военного округа и, наконец, командующий войсками Дальневосточного военного округа.

Думаю, не только военный, но и гражданский человек проникнется уважением к одному только перечню районов, где служил Д. Т. Язов. А если к этому добавить, что свой долг он везде исполнял с достоинством, то, конечно, такой человек заслуживает высокого уважения.

Приблизительно через год своего пребывания в должности Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачев посетил Дальний Восток — с 25 по 31 июля 1986 года. Кроме решения других вопросов, 29 июля он посетил войска Дальневосточного военного округа, которыми остался доволен. Естественно, близко познакомился и с командующим войсками генералом армии Д. Т. Язовым, и они друг другу приглянулись. Дело в том, что у нас в стране тогда многое связывали с новым главой государства. Военные — тоже, в том числе и Язов. Не удивительно, что Горбачеву были оказаны почести не просто как генсеку, но и как восходящей звезде. Поскольку Дмитрий Тимофеевич человек уважительный и обходительный, то это, несомненно, произвело должное впечатление и на самого Горбачева, и на ближайшее его окружение.

Вскоре Д. Т. Язов назначается заместителем министра обороны — начальником Главного управления кадров. Никто этому не удивился — Дмитрий Тимофеевич, на мой взгляд, лучше всех подходил на эту должность, так как прослужил везде — от крайнего запада до крайнего востока, хорошо знал условия и обстановку во всех районах. Кроме того, уже имел опыт работы в кадрах. Но в должности начальника Главного управления кадров он пребывал недолго — события с Рустом на Красной площади явились формальной причиной отстранения от должности министра обороны СССР маршала С. Л. Соколова и руководителей ПВО страны. Вместо Соколова назначается Язов. Вот это в наших кругах, конечно, уже связывали с визитом Горбачева на Дальний Восток. Ведь были военачальники, которые по опыту, заслугам и способностям имели все шансы стать кандидатами на этот пост. Тем более что они уже поднаторели в работе в центральном аппарате, в составе коллегии Министерства обороны или в должности главнокомандующих стратегического направления. Например, генерал армии Н. М. Третьяк (кстати, одного года с Язовым), генерал армии Е. Ф. Ивановский — Главнокомандующий Сухопутными войсками, маршал В. Г. Куликов, наконец, главный претендент на этот пост — маршал С. Ф. Ахромеев. В бытность Д. Ф. Устинова этот вопрос обсуждался

открыто, и Устинов не скрывал своих намерений в отношении Ахромеева как преемника.

Однако был назначен Д. Т. Язов. В этих условиях каждый считал своим долгом всячески помогать новому министру обороны, дабы тем самым внести вклад в развитие Вооруженных Сил. Так все и действовали. Отношения между Горбачевым и Язовым были достаточно хорошими, и мы считали, что это надо использовать в интересах обороны страны. Однако наши расчеты не оправдались. Горбачев решил эти отношения использовать для ущемления интересов военных и обороны в целом.

Дело прошлое, но мы немало пережили, сочувствуя Дмитрию Тимофеевичу в том, что Горбачев долго «выдерживал» его и не присваивал звания маршала. Уж кто-кто, а министр обороны, конечно, должен иметь это звание. Ведь в этом проявлялось и отношение к Вооруженным Силам.

Однако Дмитрию Тимофеевичу мы даже не делали намеков относительно того, что по некоторым вопросам надо бы оказать давление на Горбачева. До получения им высшего воинского звания не хотели ставить его в сложное положение. Однако и став маршалом, Дмитрий Тимофеевич, на наш взгляд, продолжал действовать по отработанной схеме и инерции. Мы понимали, что сразу не перестроишься, нужно время. Мы ждали. А события показывали, что Горбачев в отношении к Вооруженным Силам и военно-промышленному комплексу совершенно не намерен был что-то изменять к лучшему, между тем уже начались столкновения между министром обороны и командующими войсками военных округов.

Так, на одном из совещаний зашла речь об оценке ситуации в стране в целом и в Вооруженных Силах — в частности. Как я понял, Д. Т. Язов в конце одного из совещаний хотел неофициально, «по душам» поговорить с командующими, членами Военного совета, начальниками штабов военных округов и флотов. И вот тут командующий войсками Приволжско-Уральского военного округа А. М. Макашов задал Д. Т. Язову вопрос:

— Товарищ министр обороны, почему Верховный Главнокомандующий не встречается с нами?

— Потому что он занят, — коротко ответил тот.

— Выходит, для других вопросов у него время есть, а для Вооруженных Сил — нет? — не унимался Макашов.

— Да, пока он встретиться не может, — так же сухо и коротко ответствовал Язов.

— Но ведь он нам еще восемнадцатого октября прошлого года обещал встречаться два раза в год! — настаивал А. М.

Макашов. — Пошел уже второй год, но ни одной встречи не было.

— Еще раз повторяю — у него нет времени.

— Зачем же он тогда обещал? Надо потребовать от него.

— Макашов, если ты и дальше будешь продолжать в этом духе, то я тебя выгоню с совещания, как лейтенанта, — взорвался Язов. — У кого еще есть вопросы?

Какие могут быть вопросы в этой ситуации? Конечно, разговора не получилось. Концовка была скомкана. Ненужная вспышка Язова и его грубое обращение к Макашову оставили у каждого тяжелый осадок, поскольку всем стало ясно — на чьей стороне министр обороны. Это никуда не годилось! Меня подмывало ввязаться в эту историю. Но Язов неожиданно объявил, что совещание окончено, все свободны. Расходились молча. Кое-кто сердито ворчал.

Было ясно, что положение надо поправлять. Этим мы и занимались. Но все дело в том, что в личных беседах Дмитрий Тимофеевич делал выводы и обещал, что он передаст Верховному наши вопросы и озабоченность состоянием дел в армии и на флоте, а потом заверил, что якобы Горбачев все воспринимает правильно и намерен принять меры. Фактически же никаких мер, никаких действий не было, обстановка ухудшалась. Особенно нас беспокоило отсутствие в новых пунктах дислокации материальной базы для выводимых войск и сверхвысокие темпы вывода. Тревожили сепаратизм и межнациональные конфликты в республиках и воровство оружия, свободное присутствие американских советников в руководстве республик (особенно в Прибалтике, а у Ландсбергиса в Вильнюсе это делалось даже вызывающе), ухудшение положения военно-промышленного комплекса, отсутствие мер со стороны руководства страны (но если же меры принимались Москвой, то во вред Вооруженным Силам).

Конечно, у нас не было никаких оснований не верить Дмитрию Тимофеевичу Язову, что он докладывал Горбачеву. Но вот о том, каким образом это докладывалось у нас, были разные мнения. В основном мы склонялись к тому, что тон докладов и просьб носил либерально-просительный характер. Отсюда и все последствия.

О других членах коллегии Министерства обороны

Теперь — о других членах коллегии Министерства обороны и кратко о характере каждого.

Первый заместитель министра обороны — генерал армии

Константин Алексеевич Кочетов. Полтора десятка лет назад он прибыл в Прикарпатский военный округ командовать 24-й Железной дивизией. Командовал прекрасно. Отсюда он быстро пошел вверх и дослужился до командующего Южной группой войск, командующего войсками Закавказского, а затем Московского военного округов.

Везде служба шла весьма успешно, и поэтому выдвижение на должность первого заместителя министра было вполне естественным. Дело прошлое, но из всех замов и кандидатов на пост министра обороны я отдал бы предпочтение именно Кочетову (разумеется, когда Язов должен был бы уйти в отставку). Прекрасно подготовлен. Хорошо организован. Единственное, что можно было пожелать ему — еще больше уделять внимания солдатам и особенно офицерам, их жизни и быту. Правда, у меня неприятный осадок оставил наш последний с ним разговор на ходу в Генштабе 22 августа 1991 года, после совещания у генерала армии Моисеева, который был оставлен за министра обороны (Д. Т. Язова Горбачев посадил). Точнее, это был даже не разговор, а всего лишь его, Кочетова, реплика:

— Как же вы, дожив до седых усов, вляпались в эту историю? Ну, то, что они все — Язов и другие, — это понятно. Но вы же разумный человек! И вдруг оказались среди них…

И далее прогнозировал, сколько лет отсидки мне могут дать.

А я слушал и думал: чему же я тебя учил? Видно, мало я уделял внимания тому, чтобы офицеры глубоко осознавали, что Вооруженные Силы созданы во имя народа и обязаны защищать его государственные интересы. Я не мог поверить, что такие умные офицеры, как Кочетов, даже без моего своевременного внушения, заблуждались и не видели, что идет развал Советского Союза…

Армия, безусловно, не могла стоять в стороне от политических событий. Но министру обороны в те августовские дни нужна была поддержка коллегии Министерства обороны. А вместо этого коллегия, по инициативе главкома ВВС Шапошникова, организовала обструкцию министру. И опять в нужный момент я отсутствовал — Язов послал меня к Г. И. Янаеву на заседание ГКЧП в Кремль, а сам решил провести заседание коллегии, совершенно не уделив внимания его подготовке.

Надо было не призывать — «спасайся, кто может», думать не о том, «как выпутаться из этой истории», а о том, как спасти страну. Вот сюда взоры коллегии Министерства обороны не повернулись. Все поддались авантюристам типа Шапошникова.

Жаль!

Начальник Генерального штаба — первый заместитель

министра обороны генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев. Он командовал Дальневосточным военным округом после Язова. И когда Язов стал министром — сразу попросил Горбачева назначить начальником Генштаба М. Моисеева, поскольку С. Ф. Ахромеев пошел к Горбачеву советником. Вообще, это был прецедент — начальником Генерального штаба, как правило, назначали опытного командующего войсками военного округа (фронта) или одаренного, с огромным опытом работы в Генштабе, генерала. Михаил Алексеевич в должности командующего войсками пребывал недолго. Весь предыдущий его опыт, конечно, позволял Моисееву со знанием дела рассматривать многие вопросы в войсках. Что касается навыка работы в Генштабе — со временем придет всё. М. А. Моисеев на посту начальника Генерального штаба в целом произвел положительное впечатление. Правда, со временем он стал уже больше обращать внимания на руководство страны (особенно на члена Политбюро секретаря ЦК Зайкова), чем на генштабовские заботы. Но, видно, «связи с центром» Генштабу были нужны. Однако мы все больше и больше чувствовали, что действия Генштаба не согласуются с министром обороны. А вскоре и министр обороны стал об этом поговаривать тоже.

В то же время сближение Моисеева с руководителями всех уровней было весьма эффективным. Как-то на торжественном приеме по случаю выпуска (1991 г.) слушателей военных академий, по традиции проводившемся в Кремле, после официальной части, то есть выступлений руководителей и выпускников, состоялось небольшое застолье. Мы с Михаилом Алексеевичем, беседуя, отошли от центрального стола в сторону и завели разговор на будничную тему (торжество торжеством, а жизнь идет). Вдруг к нам подошел Горбачев и, обращаясь к Моисееву, говорит:

— Миша, — сказал он, положив при этом руку ему на плечо, — я думаю, что все твои предложения целесообразно обсудить в узком кругу.

— Я готов в любое время, — ответил Моисеев.

— Что ты готов — это хорошо, но надо еще определиться, с кем это обсуждать…

Чтобы не стеснять их в разговоре и не присутствовать при обсуждении вопросов, которые выходят за рамки моей компетенции, я деликатно отошел в сторону, уловив при этом взгляд Язова, который, находясь в кругу военных, поглядывал, разумеется, за Горбачевым.

Манера обращения Горбачева к Моисееву и его жесты окончательно меня привели к выводу о том, что между ними уже

произошло полное сближение: демонстрировать всё это прилюдно можно в условиях чуть ли не братства. Они продолжали стоять вдвоем, не обращая ни на кого внимания. Все это видели и, естественно, всё понимали. Что касается самой темы их разговора, то, я думаю, скорее всего она касалась военных заказов. Главное же было — игра на публику. Важно было продемонстрировать: «Вот какая близость у генсека-президента с начальником Генштаба».

Теперь мне было ясно, почему Д. Т. Язов в канун действий ГКЧП вместо того, чтобы ввести М. А. Моисеева в курс дела, отправил его в отпуск. Видно, не доверял ему. Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами стран Варшавского Договора — он же первый заместитель министра обороны СССР, Герой Советского Союза, генерал армии Петр Георгиевич Лушев. Это высоко-подготовленный, с огромным опытом военачальник. Мы знали друг друга давно — с 1969 года: мне довелось командовать в Группе Советских войск в Германии 3-й Ударной армией, а генерал П. Г. Лушев был первым заместителем командующего армией. С тех пор у нас сложились отличные отношения на почве труда и добросовестного несения службы. Так нас и продвигали. Пока я после Прикарпатского военного округа тянул воз в Генеральном штабе, а потом в Афганистане, Петру Георгиевичу удалось покомандовать многими военными округами и в итоге заслуженно получить назначение на должность первого заместителя министра обороны. Кстати, он единственный из всех заместителей министра обороны, ничего не боясь, посетил мою семью после моего ареста и выразил сочувствие в связи с горем, которое обрушилось на нас. Он и в последующем посещал и звонил, предлагая свои услуги. Были, конечно, и другие истинные друзья и товарищи. О них я еще скажу свое слово.

Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, выступая одновременно в качестве отдела ЦК КПСС, занимало особое положение в общей военной иерархии. Вроде бы оно находилось в составе Министерства обороны, а вроде и нет. Во всяком случае начальник Главпура был на уровне первого заместителя министра обороны.

До июля 1990 года это был генерал армии Алексей Дмитриевич Лизичев, а после — генерал-полковник Николай Иванович Шляга. Оба они были детьми своего времени и своей системы. Как привил им в свое время М. Суслов — ни вправо, ни влево от тезисов марксизма-ленинизма, так они и жали по цитатам, а А. Епишев строго следил за этим (чтобы и самому сохраниться). Правда, А. Лизичев был более раскован и бывал

иной раз настроен демократично (в хорошем смысле). Н. Шляга был донельзя зашорен и смотрел, млея, на здание ЦК КПСС на Старой площади, как китаец на каменного Будду. Хотя оба они были хорошими, нормальными людьми, и у нас с ними были деловые отношения. Жаль только, что все политработники высшего звена в итоге перестройки не нашли правильного пути для политорганов и окончательно их загубили.

Заместитель министра обороны по вооружению генерал армии Виталий Михайлович Шабанов.

В недалеком прошлом, до своего назначения, он был всего лишь подполковником авиации. Затем попал в поле зрения Устинова, благодаря которому в короткие сроки становится генерал-полковником, а вскоре и генералом армии. Никто не мог понять, почему человеку, который никакого представления не имеет о военной операции, присваивают звание генерала армии. Было бы понятно, если бы ему дали, допустим, маршала авиации (все-таки инженер-авиатор), а еще лучше — маршала инженерных войск. Но… «наверху виднее».

В общем, Виталий Михайлович услужливо выполнял поставленные задачи, никогда не вылазил с ненужными инициативами, всегда имел озабоченный вид. И хотя ему была поручена роль координатора, поскольку заказы промышленным предприятиям делали главнокомандующие, какого-либо напряжения вокруг себя он не создавал. У каждого из нас с ним были хорошие отношения. Он отличался воспитанностью, высокой культурой и желанием пофилософствовать (даже тогда, когда не было времени).

Начальник тыла — заместитель министра обороны по тылу генерал армии Владимир Михайлович Архипов. Скажу откровенно, мы не верили, что после многоопытного С. Куркоткина Архипов сможет решать задачи так же твердо и оперативно, как и его предшественники. Ничего подобного. Имея богатый опыт командования, в том числе и военным округом, обладая высокими знаниями и прородным даром, В. Архипов управлял тылом значительно лучше их, хотя общая обстановка в стране и в Вооруженных Силах была значительно тяжелее.

Заместитель министра обороны по строительству и расквартированию войск генерал-полковник Николай Васильевич Чеков прошел суровую школу своих предшественников Комаровского, Геловани, Шестопалова. Его незаурядные способности помогли ему продолжить добрые традиции военных строителей. А они, наверное, в то время строили лучше всех других. Вот почему им поручали строить жилые дома для ЦК, санаторий «Южный» и резиденцию-дачу президента СССР в

Форосе под Ялтой. Однако Чеков не успевал обеспечить вывод наших войск, и вот это было главной его проблемой.

Заместителем министра обороны по кадрам — начальником Главного управления кадров был до июля 1990 года генерал армии Дмитрий Семенович Сухорукое, а потом — генерал армии Виктор Федорович Ермаков. Оба они имели и высокую подготовку, и опыт, в том числе и командовали военными округами. Дмитрий Семенович к тому же командовал воздушно-десантными войсками, а Виктор Федорович в свое время был командующим 40-й легендарной армии в Афганистане. Оба прекрасно вели свое дело. Дмитрий Семенович имел к тому же слабость к десантникам, и это пристрастие отражалось на кадровой политике: если речь шла о десантнике, то он должен быть героем, быстрее продвигаться по службе и возможно быстрее получать звание генерала.

Главный инспектор Вооруженных Сил — заместитель министра обороны генерал армии Михаил Иванович Сорокин. За его плечами были и войны (кстати, в Афганистане был Главным военным советником), и мирная учеба, и крупные учения, и командование всеми категориями военной организации до военного округа включительно. Ровный, спокойный, всегда разберется и верно оценит, даст правильные рекомендации. А это для инспекции — все!

Начальник гражданской обороны СССР — заместитель министра обороны Герой Советского Союза генерал армии Владимир Леонидович Говоров. На первый взгляд, гражданская оборона — дело туманное, сонное. На самом деле здесь дел не меньше, чем на производстве или в воинской части.

Скажу откровенно, что был рад, когда одно время начальником гражданской обороны страны сделали В. И. Чуйкова и подчинили А. Косыгину. Дело тогда двинулось. Однако границы его все-таки были узки: разработка планов защиты предприятий и ликвидация последствий аварии, создание определенных аварийных команд и их тренировка, выделение необходимых сил, средств и резервов, создание систем управления и защищенных командных пунктов на всех уровнях и т. д. Но, по моему мнению, гражданской обороне должна быть отведена стратегическая роль. Ее руководство должно продумать и предложить правительству четкую организацию народного хозяйства (особенно военно-промышленного комплекса), которая бы исключила, к примеру, сборку самолета на десятках заводов, разбросанных по всей стране. Разве при современных способах ведения войны это рационально и возможно? Все должно быть максимально приближено к главному производству. Разумеется, противник

попытается вывести все военные заводы из строя высокоточным оружием, но это уже другой вопрос.

Так что Владимиру Леонидовичу Говорову попался далеко не простой участок. А когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, ведомствам гражданской обороны работы прибавилось. И правильно, что со временем этот участок правительство опять замкнуло на себя и назвало его Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий — МЧС. Я рад, что Владимир Леонидович сохранил после чернобыльской эпопеи силы и сейчас успешно руководит Российским комитетом ветеранов войны.

Председатель Государственной технической комиссии — заместитель министра обороны генерал армии Юрий Алексеевич Яшин. В прошлом ракетчик, технократ. Отлично знал электронику. Ясно представлял те стратегические направления, которые всегда являлись предметом особого внимания иностранных разведок, и наши ответные действия с целью полностью нейтрализовать их деятельность. Юрий Алексеевич тесно взаимодействовал с КГБ, другими специальными министерствами и задачи свои выполнял.

Отдельно хочется остановиться на главнокомандующих видами Вооруженных Сил — заместителях министра обороны. Если все остальные его заместители выполняли функции, обеспечивающие жизнедеятельность войск и флота, то главнокомандующие организовывали и развивали их деятельность, добиваясь совершенства. Они обладали большой самостоятельностью в решении проблем обеспечения войск, передаче заказов в промышленность и даже совместном ведении НИОКРов. Выходящие в серийное производство объекты находились под контролем заводов-поставщиков (в войсках и на флоте были их постоянные представители, которые занимались доводкой, устраняли поломки, оперативно сообщали на завод, что надо делать).

РВСН, ПВО, ВВС и ВМФ имели свой тыл, поэтому еще и строили все необходимое для инфраструктуры. Сухопутные войска решали эти задачи непосредственно военными округами и группами войск.

В принципе любой вид Вооруженных Сил фактически представлял солидное самостоятельное министерство. Поэтому Министерство обороны правомерно рассматривать как министерство, объединяющее несколько министерств. Выше я представил структуру Военного совета Сухопутных войск. В него входят руководители многих главных управлений и начальников

родов войск и служб. Конечно, далеко не все министерства имели такую насыщенную структуру.

Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) Герой Советского Союза генерал армии Юрий Павлович Максимов. Мы вместе с ним служили на Севере. Он был командиром 77-й Гвардейской мотострелковой дивизии, входящей в корпус, которым довелось командовать мне. Дивизия была хорошая, командовал он уверенно. Потом возник вопрос о его поездке Главным военным советником в одну из африканских стран. Встретились мы с ним в Афганистане. А еще позже — будучи уже главкомами.

Юрий Павлович Максимов творчески мыслящий человек, педант в хорошем смысле слова. Приняв на свои плечи РВСН — совершенно незнакомый, фактически новый для него вид Вооруженных Сил, Максимов максимально занялся изучением вооружения, методов управления и способов применения, тем более что его окружение было весьма компетентным. Но благодаря своим недюжинным способностям Ю. П. Максимов через несколько месяцев стал и среди ракетчиков-стратегов своим. В его бытность было создано много нового вооружения.

Главнокомандующим Сухопутными войсками до меня был генерал армии Евгений Филиппович Ивановский, с которым мы вместе служили в Группе Советских войск в Германии. Он был главнокомандующим группы, а я — первым заместителем главнокомандующего. Работа у нас спорилась, отношения были прекрасные, доверие — полное. В общем, лучше не придумаешь. Евгений Филиппович эти человеческие отношения сохранил и в Главкомате Сухопутных войск. Принимая от него дела, я почувствовал это и старался на протяжении тех лет, что были отведены мне на главное командование, поддерживать добрые традиции.

Главнокомандующий войсками противовоздушной обороны страны генерал армии Иван Моисеевич Третьяк. Это уникальный военачальник, и не только потому, что единственный в Вооруженных Силах имел звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Главное — он почти двадцать лет откомандовал военным округом! Это и счастье — столько лет командовать округом, однако это и великий труд. Тем более что Иван Моисеевич «вкалывал» капитально. После Дальневосточного военного округа он несколько лет командовал Дальневосточным стратегическим направлением. И наконец, в центральном аппарате стал главнокомандующим войсками ПВО, заместителем министра обороны. Мы в своем кругу подшучивали: мол, назначили на ПВО в связи с демонстрацией неприступности

наших воздушных границ на примере южнокорейского «боинга».

За годы командования ПВО с участием Третьяка был создан целый ряд уникальных комплексов ПВО, которые по своим параметрам недостижимы для американцев даже сейчас. В целом И. М. Третьяк, на мой взгляд, относится к разряду тех военачальников, которые заслуживают особого внимания за вклад в строительство и развитие Вооруженных Сил, сделанный за все годы их службы. Это были военачальники типа П. Кошевого, П. Велика, которые оставили после себя глубокий след на уровне командующего войсками военного округа (группы войск).

Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами, дважды Герой Советского Союза маршал авиации Александр Николаевич Ефимов длительное время был первым заместителем у главкома ВВС знаменитого П. С. Кутахова, который за свою бытность преобразил авиацию (естественно, с помощью министра обороны Гречко и военно-промышленного комплекса). Но изменились не только самолеты, не только методика подготовки летчиков и внимание к ним — кардинально изменилась инфраструктура для авиации. Все боевые самолеты имели классические укрытия. И это было сделано буквально за несколько лет.

Говоря об этом, хочу подчеркнуть, что уже здесь проявлялась личность А. Н. Ефимова. Являясь первым заместителем главкома ВВС, он фактически не жил в Москве — все время находился в войсках. И во всем, что было сделано в авиации, была большая доля труда и Александра Николаевича. Без преувеличения, наша боевая (особенно фронтовая) авиация была на то время лучшей авиацией в мире. И мы этим гордились.

В июле 1990 года А. Н. Ефимова на посту главкома ВВС сменил генерал-полковник Е. Шапошников, бывший до того первым заместителем главкома ВВС. Я знал его еще по Прикарпатскому военному округу, где он командовал авиационной дивизией. Это был приветливый, однако нигде, ни в чем себя не проявивший полковник. И это при том, что командиры полков этой дивизии были лично знакомы с министром обороны Гречко. Например, командир 92-го Гвардейского истребительного авиационного полка полковник И. С. Буравков. Я не встречал летчика, который был бы лично подготовлен лучше, чем Игорь Сергеевич Буравков. Это был летчик высшего класса, и его методика обучения летчиков тоже была высшего класса. Вот почему полк Буравкова был непревзойденным. За ним тянулись и другие полки, да и дивизия в целом была на должном счету. Следовательно, и командир дивизии на высоте.

Иное дело первый заместитель главкома ВВС, а затем

главком ВВС Е. Шапошников. Мне, например, не были видны какие-либо его личные действия в какой-то области. Взять хотя бы передислокацию авиации в связи с выводом наших войск из Германии. Здесь проблем было много, но я в первую очередь чувствовал действия Главного штаба ВВС и соответствующих начальников служб. Совершенно, к сожалению, не проявил себя Шапошников в содействии главному командованию Сухопутных войск и в создании армейской авиации.

Очень странно, но вот в период августовских событий 1991 года Е. Шапошников развил бурную деятельность: во-первых, явился инициатором нападок на министра обороны во время проведения заседания коллегии 21 августа 1991 г.; во-вторых, злобно осудил действия ГКЧП, т. е. высказался за политику Горбачева по развалу страны; в-третьих, как он позже заявил вместе с Грачевым, ВВС были готовы нанести удар несколькими самолетами по Кремлю, поскольку там находился ГКЧП. Фактически он там не располагался. Но дело не в этом. Сама идея нанести бомбоштурмовой удар по Кремлю — такая же бредовая, хотя и осуществимая, как и расстрел из танков Верховного Совета РСФСР. Но самое интересное — Шапошников и сейчас работает советником Президента РФ по авиации.

Правильно говорят в народе: «В тихом болоте черти водятся». Вот и в случае с Шапошниковым — всегда любезен и улыбчив, а внутри-то, оказывается, совсем другой — злобный антисоветчик! Почему — объяснить не могу. Советская власть из заморыша вырастила Главнокомандующего Военно-Воздушными Силами. Правда, с уходом П. С. Кутахова наши ВВС все больше и больше отличались странностями (в воспитательной работе, в режиме полетов, в контроле полетов транспортной авиации, вертолетов и т. д.). Былая слава нашей авиации как-то незаметно становилась миражом.

Главнокомандующий Военно-Морскими Силами — Герой Советского Союза адмирал флота Владимир Николаевич Чернавин. Воспитанник Северного флота — самого мощного флота в ядерном отношении. Будучи командующим Северным флотом, Владимир Николаевич был назначен начальником Главного штаба ВМФ, сменив на этом посту адмирала флота Николая Дмитриевича Сергеева, который был высокоавторитетным военачальником в Вооруженных Силах. Замена была достойной. Еще через четыре года Чернавин сменил Главнокомандующего ВМФ — дважды Героя Советского Союза, адмирала флота Советского Союза Сергея Георгиевича Горшкова, который руководил флотом 30 лет. И опять замена оказалась достойной. Владимир Николаевич Чернавин принял все меры,

чтобы сохранить завоеванные традиции, и был достойным Главнокомандующим ВМФ.

Что касается последующего времени, то упомянутые лица себя проявили по-разному.

На основании только перечня и краткой характеристики членов коллегии Министерства обороны можно сделать вывод, что этот орган, конечно, был мощным. Тем более совершенно непонятны пораженческие настроения, парализовавшие коллегию во время августовских событий 1991 года. Откуда они шли? Что произошло? Ведь никому, может за исключением Шапошникова, не была безразлична судьба Отечества.

Могу согласиться, что первыми требованиями к министру на заседании коллегии могли быть: выйти из состава ГКЧП, полностью порвать с этим органом, вывести войска Московского гарнизона из столицы. Допустим, это принято. А что дальше? Стоять на обочине и смотреть, как контрреволюция станет захватывать власть? Ведь всем было ясно, к чему склоняется политический барометр, тем более после ночной с 20 на 21 августа провокации, когда пьяная толпа атаковала БМП (боевые машины пехоты), устроив им засаду на Садовом кольце, и в результате этой провокации погибли три москвича.

Сожалею еще раз, что я был не на заседании коллегии, а по указанию министра обороны — на заседании ГКЧП.

Думаю, что такого безликого, ни к чему не обязывающего министра обороны решения — выйти из ГКЧП и вывести войска и только — не было бы! Я бы сказал, что Министерство обороны обязано в сложившихся условиях сделать. Как минимум коллегия Минобороны должна была под надежной охраной отправиться к Ельцину и потребовать от него, чтобы он прекратил пьяный базар перед Домом Советов РСФСР. Уверен, что все требования были бы выполнены. Ведь Ельцин по натуре трус. Это он внешне пыжится. Когда его снимали с первого секретаря Московского городского комитета КПСС, он со страху имитировал самоубийство (порезал ножницами вены на руке у себя в кабинете), тем самым хотел вызвать жалость к себе, не губить его судьбу. Перед шоковой терапией Гайдара тоже из-за трусости наврал народу такого, что до сих пор вспоминают: пообещал даже лечь на рельсы, если цены хоть чуть-чуть поднимутся. Со страху держал в Матросской Тишине членов ГКЧП и их товарищей, которые выступили против политики Горбачева. Когда в октябре 1994 года случился «черный вторник», Ельцин, сделав грозное лицо, заявил по телевидению: «Это диверсия! Мы отыщем всех диверсантов и примем к ним меры». Но когда ему сообщили, кто это всё сделал (банкиры, конечно!), он со страху вообще ничего не предпринял. Вызвал

только из отпуска Черномырдина и велел ему поправить положение. Черномырдин действительно «поправил» — цены в рублях как подскочили, так и остались на недосягаемой высоте.

Наконец, когда произошел августовский обвал рубля в 1998 году, цена за один доллар подскочила до 20 рублей, Ельцин со страха вообще не показался на экране. Только снял с председателей правительства Кириенко, чему последний был очень рад — дело свое он вместе с Черномырдиным сделал: обокрал народ обвально в третий раз. А президент от страха ничего не предпринимает. Даже открыто бандитскую приватизацию Чубайса не пресекает. Почему? Боится. Чего боится? Да всего. Он со всеми элитными криминалами повязан и ничего против них не только не делает, но и не говорит. И болезни у него разыгрались не только на почве пьянства, а от переживаний и страха — придет час, и придется ему и соучастникам ответить на конкретные вопросы, которые повлекут за собой конкретные решения.

Трус он. И Дмитрий Тимофеевич Язов знал это и мог бы решиться на такой шаг, как визит к нему всей коллегией. Но не решился.

Вместо разъяснения народу по телевидению целей и задач ГКЧП целый день транслировали балет «Лебединое озеро». Разве это борьба? Такая же ситуация и по радио, на страницах газет — никто толком не разъясняет, что произошло, для чего все это делается и какие ставятся цели? Даже коллегия Министерства обороны СССР толком ничего не знала.

Конечно, сейчас, по истечении многих лет, легко критиковать, давать советы и т. д. Тогда все было сложнее. Но, говоря о коллегии Министерства обороны СССР, в состав которой входил и я, естественно, я должен высказать свое мнение для того, чтобы коллегия Министерства обороны на все будущие времена сделала для себя вывод: никто и ничто не должно столкнуть ее с позиции защиты своего народа и Отечества независимо от того, где враг — внутри страны или вне ее. А тогда, в 1991 году, Отечество было в опасности. Внешний враг, используя внутреннюю контрреволюцию, решил уничтожить истинно народный социалистический строй и вернуть страну к капитализму.

Коллегия МО дрогнула в августе 1991 года и еще хуже поступила в октябре 1993 года при расстреле Дома Советов РСФСР. Грачеву надо было не требовать от Ельцина письменного распоряжения на расстрел из танков Дома Советов, а заявить от имени всей коллегии (а коллегии — поддержать), что Вооруженные Силы согласно Конституции обязаны защищать

народ и их избранников, а не расстреливать. А заявление Ельцина о том, что в этом Доме засели бандиты, объявить ложью, а его самого — предателем. Это был бы исторический шаг. Но покорный и угодливый Грачев этого не сделал.

Когда же все военные руководители повели себя как трусливые зайцы, думая в первую очередь о своей участи, а не о народе, то и Ельцин с Черномырдиным обнаглели вконец. Военный, тем более крупный руководитель, никогда не должен терять своей личной чести и своего офицерского и гражданского достоинства. И он ни на йоту не должен отступать от своего долга по защите интересов своего народа. Это должно быть для него святыней.

Руководство Министерства обороны омолаживалось

Но вернемся к коллегии Министерства обороны конца 80-х годов, в которую я вошел, получив пост Главнокомандующего Сухопутными войсками. Было это задолго до событий августа 1991 года. Безусловно, тогда коллегия требовала омоложения. До середины 1990 года возраст ее членов колебался от 65 до 68 лет. Поэтому вполне естественно, что с лета 1990 года почти половина коллегии была заменена на 50–55-летних генералов. И лишь немногим было 58–59 лет. Думаю, что на таких постах при хорошем здоровье в 60 лет можно и должно успешно выполнять по службе все, без ограничений. В Генеральный штаб вместо 67-летнего Сергея Федоровича Ахромеева пришел 50-летний Михаил Алексеевич Моисеев. Были у нас и особо молодые — на должность заместителя министра обороны был назначен 45-летний генерал-полковник В. А. Ачалов. Он исполнял отдельные сложные поручения министра обороны в горячих точках страны и в основном действовал совместно со мной, точнее — с Сухопутными войсками. Будучи в недалеком прошлом командующим воздушно-десантными войсками, он для решения полученных задач, как правило, привлекал десантников.

Итак, руководство Министерства обороны омолаживалось. Это хорошо. Лишь бы на смену шли достойные. В начале 1991 года у нас с министром обороны состоялся разговор о дальнейшей службе. Я заявил, что готов в любое время освободить свой пост, тем более что считаю проблему с выводом войск предрешенной. То есть по месту, времени и объему строительства для каждого оставляемого соединения решение уже принято, работы и другие мероприятия организованы и обеспечены. Это было главным. Теперь надо было только

осуществлять за каждым из них жесткий контроль.

Дмитрий Тимофеевич Язов на мою готовность сдать пост главкома никак не отреагировал. «Вернемся еще к этому вопросу», — было его резюме. Поэтому летом 1991 года, когда начальником Главного управления кадров — заместителем министра обороны стал генерал армии Виктор Федорович Ермаков, я при посещении им Главкомата Сухопутных войск, пересказал ему наш разговор с министром обороны и подтвердил, что готов в этом году уйти в группу генеральных инспекторов. Назвал я и кандидатуры тех, кто мог бы занять пост Главкома Сухопутных войск. В первую очередь — первого заместителя главкома генерала армии А. В. Бетехтина. Хоть ему и исполнилось 60 лет, но его здоровье было крепкое и он мог успешно выполнять задачи. Если руководству требуется более молодой кандидат, то я предложил рассмотреть на эту должность командующего Забайкальским военным округом генерал-полковника В. М. Семенова. И наконец, уже назначенного заместителем министра обороны генерал-полковника В. А. Ачалова. На этом мы и порешили.

Огромные организационные проблемы и масштабные вопросы, выпавшие на Вооруженные Силы в конце 80-х — начале 90-х годов, связанные в первую очередь с выводом наших войск и вооружений, а также с участием войск в наведении порядка и стабилизации в «горячих точках» (Кавказ, Прибалтика, Средняя Азия, Приднестровье), не позволяли руководству Министерства обороны проводить в полной мере боевую и оперативную подготовку. Точнее, в этот период крупных учений с войсками и маневров типа «Запад-81» вообще не проводилось.

В связи с этим и для того, чтобы в офицерском корпусе не «затухало» оперативное мышление, министр обороны и Генеральный штаб 7 декабря 1990 года проводят научно-практическую конференцию, которая позволила взглянуть на обстановку с позиций современной военно-политической ситуации.

К конференции готовились капитально. Естественно, и ждали от нее многого. Организаторы звонили мне и интересовались — буду ли я выступать. Ответил уклончиво — приму, мол, решение в ходе конференции. На самом деле желания выступать не было, тем более что опереться в своем выступлении на какое-то свежее учение, за исключением летнего учения на базе Одесского военного округа, не на что. Однако на всякий случай несколько тезисов прикинул.

Приехал на конференцию пораньше, чтобы пообщаться с офицерами и ознакомиться со всеми картами и схемами,

которыми были увешаны все стены. У меня было «больное» место — всегда хотелось сделать так, чтобы карты (схемы) «говорили». Когда же здесь я в них разобрался, то даже ахнул — Генеральный штаб, подстраиваясь под общую политическую линию наших правителей, «поджав хвост», либеральничает с агрессором, который осмелился нарушить неприкосновенность наших границ и вторгся на территорию Советского Союза.

Представлялось это так. Противник внезапно нападает на наше Отечество и в приграничном сражении наносит поражение нашим войскам, составляющим первый стратегический эшелон. В ходе боев он вклинивается на значительную глубину. Страна в сложных условиях переходит на военное положение, отмобилизовывает главные силы и, проведя крупные контрнаступательные операции, выталкивает противника с нашей территории. В итоге наши войска закрепляются по государственной границе. Стрелы контрударов на картах были соответственно нарисованы только до границы. И всё!

А где же возмездие?

Получалось, что агрессор, развязав войну внезапным ударом, захватил стратегическую инициативу (это обычное для агрессора преимущество), нанес нам ущерб, но под ударами наших войск вынужден лишь покинуть нашу территорию, не расплатившись за всё то, что он натворил. А мы, так сказать, с позиций «общечеловеческих» ценностей не наказываем противника, не ведем дело до полного его разгрома, а лишь выдворяем за пределы нашей страны.

Кто-нибудь и когда-нибудь видел такие перекосы в сознании военачальников? Это было ясно выраженное стремление попасть в струю общей предательской политической линии, которая негласно признавала (вопреки интересам нашего народа и национальной безопасности нашего советского государства) поражение Советского Союза в «холодной войне». А раз так, то, мол, победителю всё дозволено, в том числе развязывание агрессивных действий, за которые он никогда не поплатится. И этим духом были пронизаны все документы. Это сквозило и в основном докладе, с которым выступил начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев. Естественно, все содокладчики обязаны были выступить в унисон.

Я не мог допустить, чтобы эта пораженческая либерально-просительная позиция еще пока Великой Державы получила на конференции одобрение, а затем развитие. Поэтому, собравшись с мыслями, я выступил против этой линии.

У меня сохранились записи, которые я делал в ходе этой конференции, в том числе и весь текст моего выступления, хотя

по ходу я делал и различные отступления от него. Поэтому расскажу о ней подробнее.

Конференцию вступительным словом открыл министр обороны СССР маршал Советского Союза Д. Т. Язов. С основным докладом на тему «Актуальные проблемы современного этапа строительства Вооруженных Сил в свете требований оборонительной военной доктрины и реализации концепции оборонной достаточности» выступил начальник Генерального штаба генерал армии М. А. Моисеев. Доклад полностью перекликался со схемами и картами, развешанными по всему залу.

Говоря об уровнях военной опасности и военной угрозе, М. А. Моисеев отметил, что сегодня маловероятен широкомасштабный военный конфликт между Востоком и Западом, тем более что снята угроза мировой ракетно-ядерной войны. Надо сказать, что он был по-своему прав. Точнее, он докладывал почти истину, которая отражала на то время позицию Запада. Но здесь надо было добавить, что Западу нет никакого резона ставить в повестку дня какие-либо конфликты с Востоком (точнее, с Советским Союзом) в условиях, когда Восток разваливается. И не просто разваливается, а страны — бывшие члены Варшавского Договора переходят на другую сторону баррикад. Благодаря «эффективной» разлагающей работе Горбачева — Яковлева эти страны, особенно Польша, стали врагами Советского Союза. Да и в самом СССР шли процессы развала государства.

Спрашивается — зачем планировать какие-то боевые действия, когда враг сам себя уничтожает?! Западу просто надо было немного подождать, и время сделает, что им надо. Поэтому начальник Генштаба был прав, говоря, что большая война сегодня маловероятна. Ему только надо было бы добавить: «Запад и без военных действий добивается своих военно-политических и стратегических целей».

М. А. Моисеев прямо заявил: «В Европе больше нет противников». При этом он сослался на политическое заявление, сделанное в Париже при подписании Договора об обычных вооружениях в Европе, и подчеркнул, что это положение («в Европе больше нет противников») будет оказывать прямое влияние на подготовку наших Вооруженных Сил. Скажу откровенно: слушая Михаила Алексеевича, я не верил тому, что все это говорится в присутствии министра обороны, представителей ЦК КПСС, КГБ и других ведомств. Правда, дальше он поставил вопрос: «Значит ли все это, что для Советского Союза военная опасность полностью устранена?» И ответил: «Нет, военная опасность сохраняется. Мы военный блок Варшавского

Договора ликвидировали, а блок НАТО продолжает существовать. При этом руководство этого блока принимает все меры по укреплению единства этой организации в политическом и военном отношениях».

Такие вот кульбиты: противника нет, а военная опасность сохраняется! Попробуй разберись?!

Правда, позднее генерал армии М. А. Моисеев несколько прояснил обстановку. Он с горечью отметил, что вдоль границ Советского Союза сохраняются мощные группировки вооруженных сил. Анализ соотношения группировок войск и вооружений СССР и НАТО показывает, что НАТО имеет абсолютный перевес в Европе. В результате же Парижского договора Запад приобретает беспрецедентные возможности проведения контроля и проверок наших Вооруженных Сил.

Слушать все это было горько, и я вновь и вновь мысленно спрашиваю себя: кто во всем этом виноват? Ведь мы сами затянули на себе петлю! Слушая Михаила Алексеевича, я еще раз вспомнил встречу и беседу в Москве двух министров обороны, Д. Т. Язова и Шевенмана (Франция). Наш министр в сердцах сказал: «Господин министр, что же это такое — мы сокращем свои вооружения и Вооруженные Силы, а вы? Вы даже ничего по этому поводу не говорите?!» На что Шевенман, широко улыбаясь, ответил: «То есть как это — не говорим? Мы говорим! Говорим, что вы — молодцы, ребята! Правильно делаете. Продолжайте в этом духе и дальше!»

Показав наши крайне слабые позиции в Европе, М. А. Моисеев продолжал «проливать слезы», говоря о том, что и на Юге и на Востоке военно-стратегическая обстановка остается сложной и нестабильной. А между тем только за последние годы США поставили Турции несколько тысяч бронетанковой и около сотни авиационной ультрасовременной техники.

Вывод начальника Генерального штаба был тревожный: военно-стратегическая обстановка в мире существенно меняется в пользу США и НАТО; против НАТО сейчас стоит только Советский Союз; сегодня мы можем рассчитывать лишь на собственные силы, бывшие же наши союзники по Варшавскому Договору вполне могут выступить в будущем на стороне НАТО. Поэтому наши Вооруженные Силы должны готовиться к любой войне, которая может быть развязана против СССР, и вступить в нее в любой обстановке.

Моисеев раскрыл вопросы, касающиеся основных направлений строительства Вооруженных Сил. Касаясь Сухопутных войск, он подчеркнул, что они подвергнутся наибольшему сокращению, а в основу их строительства будет

положен принцип выполнения в первую очередь «оборонительных задач по отражению агрессии в пределах национальных границ».

Вообще получилось так, что вроде вначале доклад был «за здравие», а в конце — «за упокой».

Начальник Генерального штаба остановился на основных формах стратегических действий Вооруженных Сил, характере подготовки армии и флота, подчеркнул, что проводимые в этой области мероприятия «должны соответствовать требованиям оборонительного характера советской военной доктрины». Как достижение, как положительный фактор, отвечающий общей политической линии, он отметил, что за последние годы значительно сократились мероприятия оперативно-стратегического уровня. По сравнению с 1986 годом более чем в три раза (а я бы уточнил: они вообще перестали проводиться, если не считать учений летом 1990 года на базе Одесского военного округа). Оперативная и боевая подготовка ориентирована в первую очередь на оборонительный характер действий. Главные усилия в подготовке войск были сосредоточены на звене батальон — полк.

Начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал армии Владлен Михайлович Михайлов, развивая мысли начальника Генштаба в оценке наших, так сказать, партнеров, сделал вот такое заключение: «…Боевые возможности вооруженных сил США в глобальном масштабе, объединенных сил в масштабе НАТО в Европе и основных иностранных государств на Востоке и на Юге по отношению к Советскому Союзу поднимутся на новый качественный уровень».

Увлекательная ситуация, не правда ли, уважаемый читатель: противника нет, а все основные страны капиталистического мира форсируют оснащение своих вооруженных сил суперсовременным вооружением и боевой техникой и стремятся добиться превосходства над СССР. А Советский Союз сложа руки с умилением смотрит на эту «идиллию».

С содокладами выступили начальник Главного политического управления СА и ВМФ генерал-полковник Н. И. Шляга и заместитель министра обороны по вооружению генерал-полковник В. М. Миронов.

Значительный интерес вызвали выступления главнокомандующих войсками стратегических направлений: генералов армии С. И. Постникова и Н. И. Попова и генерал-полковника А. В. Ковтунова. Интересные вопросы были подняты командующим войсками Одесского военного округа генерал-полковником И. С. Морозовым и командующим Балтийским военным флотом адмиралом В. П. Ивановым.

Начальник Военной академии Генерального штаба генерал-полковник И. Н. Родионов резонно выразил обеспокоенность ростом пацифистских настроений в стране. Ведь дошло до того, что предлагают обсудить вопрос: коль нет противника, то зачем нам Вооруженные Силы? Он также подчеркнул, что предотвращение войны лишь политическими, экономическими и другими средствами без Вооруженных Сил в современных условиях невозможно. Говоря о состоянии военного искусства, И. Н. Родионов правильно заметил, что проявляется негативная тенденция забвения активных форм ведения военных действий. Некоторые даже побаиваются говорить о наступлении. Это очень опасно. В доктрине не должно быть положений, которые бы запрещали ведение каких-либо видов военных действий.

Это было хорошее, одно из немногих, откровение.

Затем выступили главнокомандующие видами Вооруженных Сил генерал армии Ю. П. Максимов, В. И. Варенников, И. М. Третьяк, генерал-полковник авиации Е. И. Шапошников, адмирал флота В. Н. Чернавин. Последним выступил заместитель министра обороны — начальник тыла Вооруженных Сил генерал армии В. М. Архипов. Естественно, каждое из этих выступлений и вызывало интерес у участников конференции. Я же свое выступление посвятил проблемам Сухопутных войск.

Вот только тезисы выступления:

О направлении развития Сухопутных войск в условиях военной реформы

Наше государство в военной области всегда стремилось и стремится сейчас добиться военно-стратегического паритета с вероятным противником любым способом (фактически достигался количественным превосходством в вооружении) сохранить его. Плановое централизованное руководство народным хозяйством обеспечивало мобилизацию необходимого потенциала страны в интересах обороны. Теперь условия изменились.

Используя мощь, в том числе военную, Советский Союз не допустил в течение 45 лет развязывания новой войны. Мало того, во внешней политике практическими мерами, принятыми Президентом СССР и Советским правительством, удалось снизить непосредственную угрозу военных столкновений, похоронить «холодную войну», определить новые принципы в нашем военном строительстве.

Принятие советской военной доктрины оборонительной направленности круто изменило взгляды на развитие и совершенствование Вооруженных Сил СССР, в том числе и Сухопутных войск. В основе политической и военно-технической

стороны доктрины не просто оборона, а только оборонительные действия.

Сухопутным войскам отводится важнейшая роль в подготовке и проведении во взаимодействии с другими видами Вооруженных Сил оборонительных и контрнаступательных операций на континентальных театрах военных действий.

В основу развития Сухопутных войск положено требование сохранения примерного равенства с вероятным противником в количественном и качественном соотношении сил на главных театрах военных действий.

Развивая Сухопутные войска, решено сложившуюся структуру войск принципиально сохранить, предусмотрев включение в их состав нового рода войск — армейской авиации. При этом имеющиеся рода войск и специальные войска реорганизовать и привести в соответствие с оперативным предназначением военных округов и объединений.

Мотострелковые и танковые соединения иметь одного типа, но с разным вооружением — в зависимости от оперативного предназначения и условий ТВД. К 2000 году перейти на единую структуру «дивизия—2000». Это позволит существенно повысить их огневые и ударные возможности, маневренность и живучесть. Причем идти не по пути сокращения существующих ударных средств, а повысить удельный вес техники и вооружения, необходимых для обороны.

Ракетные войска и артиллерию, войска ПВО, связи, части разведки и РЭБ, инженерные и химические войска не только развивать на основе совершенствования их фронтовых армейских и корпусных комплектов, но и форсированно перевооружить на новые технические средства.

Концепция такого развития создана и утверждена на Совете обороны страны.

Пути повышения готовности Сухопутных войск к отражению агрессии

1. Для поддержания на основных стратегических направлениях приемлемого соотношения сил нами предлагается иметь в Европе группировку Сухопутных войск в мирное время на уровне равенства количественно-качественного соотношения сил и средств с соответствующими войсками НАТО. Мы должны быть способны гарантированно отразить внезапную агрессию, вести активную стратегическую оборону, после полного стратегического развертывания — перейти в контрнаступление, а затем и разгромить агрессора.

При определении состава группировок наших Сухопутных войск учитывается, что существующая группировка войск ОВС

НАТО на европейских ТВД в составе 71 дивизии и 105 отдельных бригад (последние составляют тоже 35 расчетных дивизий) претерпит изменение и наши партнеры по переговорам последуют примеру Советского Союза в вопросах сокращения. А пока необходимо иметь в виду, что практически все дивизии регулярных сухопутных войск НАТО полностью боеготовы. На их непосредственную подготовку к применению требуется незначительное время. В результате мероприятий, проведенных по программе «Армия-90», сухопутные войска США уже модернизированы на 40–50 процентов. Боевые возможности частей регулярной армии по сравнению с 1980 годом возросли более чем в 1,5 раза. К настоящему времени часть этих сил переброшена в район Персидского залива.

2. Для обеспечения действительно гарантированных действий в начальный период войны (и это показала недавно проведенная Генеральным штабом совместная штабная тренировка по управлению Вооруженными Силами) в составе приграничных группировок нам также надо иметь достаточно боеготовых войск, сил и средств для немедленного отражения возможных ударов.

3. В связи с выводом наших групп войск на территорию СССР потребуется создание полосы обеспечения глубиной до 20–40 км.

4. Для обеспечения формирований первых месяцев войны в азиатской части СССР создать сеть крупных баз хранения вооружения и военной техники. Запасы на базах создавать не вообще, а с учетом их предназначения для конкретных соединений, частей и группировок войск.

5. Все типовые комплекты родов войск для фронтов, армий и корпусов первого оперативного эшелона на западе и юго-западе реорганизовать на первом этапе в соответствии с планом реформирования Сухопутных войск, в т. ч. вывода наших войск из Восточной Европы и Монголии.

6. Учитывая, что количественное выравнивание вооружений СССР и НАТО в Европе при некотором качественном превосходстве вооружения вероятного противника приведет к дисбалансу сил и средств, утрате нами военно-технического паритета, необходимо основные усилия сосредоточить на ликвидации военно-технического превосходства противника (особенно в развитии технических средств разведки, автоматизированных систем управления войсками и оружием, высокоточного оружия).

Говоря о боевой готовности, необходимо отметить, что определенная Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР система существенных изменений не требует. Но целесообразно дать необходимые права и возложить ответственность на

командующих войсками военных округов в вопросах приведения войск в полную боевую готовность, с учетом внезапно сложившейся обстановки в границах округа, но при условии жесткой централизации мероприятий с ядерным оружием.

7. В связи с сокращением Вооруженных Сил резко возрастает объем мобилизационной работы. Поэтому требуется решительный пересмотр схемы мобилизационного развертывания.

8. Важная задача — повышение морального состояния личного состава Вооруженных Сил. Основными путями ее решения являются: разработка и осуществление государственной программы военно-патриотического воспитания молодежи, поднятия престижа воинской службы, улучшения работы с кадрами, в основе которой будут справедливость, гласность, компетентность, наконец, решение социальных проблем военнослужащих, особенно с учетом вывода наших войск из Восточной Европы и Монголии.

Несомненно, что на повышение готовности армии к отражению агрессии и обороны страны вообще влияют общая обстановка в государстве, ее стабильность, дисциплина и порядок, без чего немыслимы никакие действия по защите Отечества.

Общие вопросы теории и практики с учетом сложившейся в мире обстановки

Мы вступаем в эпоху глубоких перемен. Решительно изменилось все. Поскольку «холодная война», говорят, закончилась, то вроде и врагов теперь нет. Но угроза развязывания войны не снята, а следовательно, вероятный противник существует.

Мы помним заявление Президента СССР, сделанное в этом году, о том, что «нам нужны надежные, хорошо подготовленные Вооруженные Силы сегодня и на далекую перспективу». Это для нас программа действий.

Оценивая обстановку глобально, можно сделать вывод о том, что решающим средством, поддерживающим паритет и стабильность в мире, являются стратегические ядерные силы. В то же время нельзя исключить, что пожар войны в современных условиях может разгореться в любой момент по разным причинам и в любом районе. Поэтому и наша теория должна всесторонне оценивать этот сложный мир, а также делать безошибочные прогнозы, а также определять выводы — что мы должны предпринимать.

Разделяя и поддерживая основные положения доклада начальника Генерального штаба генерала армии М. А. Моисеева,

хотелось бы поднять некоторые вопросы в развитие этого доклада.

В недалеком прошлом революционный скачок в военном деле был связан главным образом с военно-техническим прогрессом. В перспективе нам, несомненно, надо также ориентироваться на дальнейший технический прогресс. Нельзя исключать, что уже в ближайшем будущем появятся еще более разрушительные средства ведения войны (в том числе неядерные).

В то же время сейчас на первый план выдвигаются причины политического характера. При этом возможность решения оборонных задач ставится в прямую зависимость не только от внешнеполитической ситуации, но и от внутренней стабильности в стране. Фактически именно отсюда сегодня грозит смертельная опасность разрушения нашего государства (это мое пророческое заявление никем не было опровергнуто, а в жизни оно исполнилось). Поэтому теория должна учитывать и эти особенности. Сейчас нельзя просто опираться на традиционный опыт. Сложившаяся обстановка не имеет даже приблизительных примеров из прошлого.

Позитивные процессы в мире должны быть нами учтены. Но мы отвечаем перед народом за оборону государства и пренебрегать опасностью, которую таит в себе общая внешнеполитическая и особенно внутриполитическая обстановка, не имеем права.

Развал Варшавского Договора с одной стороны и укрепление НАТО с другой — это факт. На сегодня действительное положение дел с соотношением сил составляет 2:1 в пользу НАТО. Но если учесть ухудшение стратегического положения страны, ликвидацию нашей инфраструктуры в Восточной Европе (арсеналов, аэродромов, баз и т. п.) и одновременное развитие инфраструктуры за счет нас у НАТО, то наши позиции снижаются еще больше.

Объединенная Германия должна стать мирным государством. Но резкий рост ее потенциальных экономических возможностей и живучесть в стране реваншистских взглядов могут, в конечном счете, в короткие сроки превратить ее в реальную силу, которой ни одно европейское государство не сможет противостоять (кроме Советского Союза — пока).

Мы не должны также сбрасывать со счетов то, что все наши военные планы и расчеты, хотя они и устарели, стали (с вхождением ГДР в состав объединенной Германии) достоянием Запада. Это требует разработки новых подходов, новых теоретических положений и методов выполнения задач.

Военно-стратегическая концепция НАТО в новой обстановке,

конечно, будет меняться. Но вряд ли она положительно скорректируется в плане миролюбия. Нам надо наконец понять, что события, которые происходят у нас в стране в начале 90-х годов, полностью отвечают стратегическим интересам США и НАТО (единственное их опасение: чтобы в период развала государства не могло произойти несакционированное применение наших стратегических ядерных сил). Они внимательно следят за нашим самоедством, наблюдают и ждут, что мы сами с собой сделаем. А затем без выстрела «помогут» нам завершить все процессы.

Если внимательно присмотреться к направленности стратегических устремлений наших вероятных противников (а они есть), то налицо желание придать значительно большую мобильность своим вооруженным силам, дальнобойность систем огневого поражения. Такой вывод — это отражение реальности, а не подозрительность, как это хотят показать некоторые официальные лица. Наша обязанность — учитывать ситуацию как в теории, так и на практике.

Особенно важно подчеркнуть, что для нас будет правильно даже в новых условиях отыскивать подходы в стратегии и делать расчеты, исходя из возможных наиболее сложных позиций и самого неблагоприятного варианта, который может сложиться для нашего государства и Вооруженных Сил. Иначе теория приведет практику к поражениям.

Решающим элементом научного прогноза является оценка вероятного противника. Конечно, мы не должны афишировать, кто для нас сегодня может быть противником, как это делает, например, министр обороны США Чейни в брошюре «Советская военная мощь» (сентябрь 1990 г.). Но то, что НАТО продолжает существовать и никто не думает о роспуске этого военного блока, — это реальность, о чем заявил начальник штаба армии США генерал Вуоно и командующий сухопутными войсками бундесвера генерал Ондарца. Причем НАТО существует не абстрактно, а нацелено против СССР (других противников у этого блока нет). Надо также иметь в виду, что планы НАТО пока не корректируются ни в какой из областей.

Кроме того, мы не должны исключать возможную эволюцию в блоковой системе. Вполне вероятно, например, что Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, укрепившись, могут реорганизоваться в военный блок НАТО. Мало того, это может воздействовать на отдельные наши республики на западе страны (обратите внимание, читатель, это мной говорилось в официальном выступлении в 1990 году).

Не исключена также конфронтация на основе

территориальных претензий (Западная Украина, Бессарабия, Калининградская область и другие).

О характере возможной войны. В наших «Основах подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР» мировая война трактуется как решающее вооруженное столкновение двух мировых систем — социалистической и капиталистической (во главе с СССР и США). Но социалистическая система государств уже не существует. Очевидно, и войны двух социально противоположных коалиций не будет. Ведь страна доведена до этого. Возникает вопрос о возможном появлении новых видов войн, причинами которых будут социально-экономические, национальные, религиозные и другие проблемы. Возникает также вопрос о внутренних гражданских войнах и даже войнах межреспубликанских. Хотя вроде неэтично говорить об этом, но и закрывать глаза на реальность нельзя. Следовательно, теорию по этому вопросу надо создавать.

О сущности нашей стратегии (прошу особо обратить внимание). Оборонительная доктрина отражала в прошлом и отражает сейчас миролюбивую политику нашего государства и полностью отвечает интересам нашего народа. Но оборонительная доктрина не означает, что у нас должна быть сугубо оборонительной и стратегия.

В ходе ведения стратегической обороны мы не должны ограничиваться контрнаступлением в пределах национальных границ, как это представлено здесь на схемах. Мы обязаны, если ставим перед собой цель полностью разгромить агрессора, проводить решительные и глубокие наступательные операции, хотя они и будут иметь новое содержание. Поэтому стрелы наших контрударов, нарисованные только до государственной границы, несомненно, должны быть протянуты на Запад в те районы, откуда начал свой поход агрессор. Мы обязаны его полностью уничтожить.

Поэтому под такие действия надо будет предусматривать и создание необходимого ударного ядра (очевидно, за счет танковых дивизий, фронтовой и армейской авиации, разведывательно-ударных комплексов).

О характере проводимых операций. В современных условиях не только начальный, но и все последующие периоды войны будут иными по сравнению с тем, как они описаны в «Основах подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР».

На наш взгляд, решающее значение в начале войны приобретут не стратегические, а фронтовые и даже армейские операции. В этот период будет осуществляться стратегия ограниченных действий. Однако в основе всего должно быть

уничтожение, захват или хотя бы подавление любых пунктов управления. Но в последующем наша стратегия должна основываться на проведении самых решительных и возрастающих по размаху операций с использованием всех имеющихся сил и высокоточного оружия.

Об определении принципов и нормативов. Очевидно, Вооруженные Силы в новом составе и при изменившейся структуре должны опираться на новые принципы и нормативы. На наш взгляд, невозможно будет создать сплошной фронт имеющимися силами. Нельзя рассчитывать и на глубокоэшелонированную группировку. Наверно, полосы соединения и объединения также изменятся.

Возможно, надо выработать новые принципы развертывания и ведения военных действий по отдельным направлениям с глубоким маневром, опираясь на отдельные укрепленные районы. В то же время эти действия должны обеспечиваться огнем дальнобойного и высокоточного оружия.

О боевой и мобилизационной готовности. Несомненно, здесь нужна новая концепция. Речь идет не только о научной разработке объема и коэффициентов мобилизационного развертывания, но и о пересмотре принципов стратегического развертывания. Если раньше мы могли развернуть армию военного времени за несколько дней (за счет дивизий сокращенного состава), то сейчас на это нужны месяцы, то есть утрачивается главное качество системы отмобилизования — ее оперативность. И это естественно: базы хранения военной техники и базы хранения имущества не могут быть развернуты в те же сроки, что и дивизия сокращенного состава.

В связи с этим возникают вопросы. Сможем ли мы решить задачу отражения вторжения только теми Вооруженными Силами, которые имеем в мирное время? Нет! Даст ли противник возможность, чтобы мы беспрепятственно развертывали базы хранения военной техники в течение почти месяца и базы хранения имущества — два-три месяца? Нет. Он будет простреливать всю страну.

Выход из этого положения может быть один — нужен промежуточный вариант, который бы обеспечил быстрое наращивание сил первого оперативного эшелона в течение пяти-семи суток.

Необходимо разработать теорию формирования стратегических резервов. Рассмотренные фронты, армии и дивизии могут в общих стратегических планах занять только одно определенное место, то есть в основном для решения задач начального периода войны. Но для длительной большой войны

потребуются дополнительные крупные стратегические резервы, которые мы должны уметь создавать (и особенно ультрасовременного оружия и боевой техники).

Обсуждение новых вопросов теории и практики строительства Вооруженных Сил целесообразно развернуть на страницах журнала «Военная мысль».

Вот все, что я сказал в своем выступлении на конференции.

В заключение с указаниями выступил министр обороны, но ответы на некоторые постановочные вопросы кратко дал начальник Генерального штаба. Он, в частности, затронул и проблему, которой я уделил особое внимание, — это ведение операций по разгрому вторгшегося противника на нашу территорию: действовать нашим войскам только до государственной границы (как было в докладе и на схемах) или развивать контрудары в наступление и полностью разгромить агрессора в его логове? Генерал армии М. А. Моисеев поступил благородно — он сказал, что Варенников прав — стрелы надо продлить до районов, откуда начал свои действия агрессор.

Министр обороны Д. Т. Язов уделил значительное внимание политическому аспекту, а потому вынужден был, на мой взгляд, расхваливать совещание, которое проведено в Париже 19–21 ноября 1990 года. Хотя подписанный там договор ставил перед СССР кабальные условия. В то же время министр обороны подчеркнул, что фактически Советский Союз остался один на один против блока НАТО. А вывод наших войск из стран Восточной Европы окажет существенное влияние на стратегическое положение группировок наших Вооруженных Сил и обороны страны в целом.

Д. Т. Язов отметил также, что, несмотря на общую тенденцию снижения напряженности в мире, военная опасность для нашего государства сохраняется и говорить о том, что она устранена, оснований нет. Главную угрозу безопасности СССР будут представлять вооруженные силы США и НАТО. При этом надо исходить из того, что война может быть с применением и без применения ядерного оружия. Но Вооруженные Силы обязаны обеспечить гарантированное отражение агрессии.

Разбирая вопросы развития Вооруженных Сил, министр обороны еще раз подчеркнул сугубо оборонительную направленность проводимой реформы. Однако отметил, что «если на нас нападут, то никакие ограничения действовать не будут, причем в интересах разгрома противника необходимо применять не только оборону, но и все виды боевых действий». Имелось в виду, что будет иметь место не только контрнаступление, но и

стратегическое наступление с решительными целями.

Конечно, такие выводы нас устраивали.

Запомнилась концовка выступления Д. Т. Язова: «Вооруженные Силы должны сохранить свой подлинно народный характер, стать современными, цивилизованными и быть авторитетным и действенным фактором предотвращения войны и сохранения мира».

Нет никакого сомнения — и это подтвердила жизнь, — что только мощные Вооруженные Силы Советского Союза могли быть реальным действенным фактором, сдерживающим агрессивные намерения США и НАТО.

Не стало таких Вооруженных Сил — и США совершенно распоясались. Наиболее наглядным подтверждением является агрессия НАТО во главе США, совершенная против Югославии в 1999 году.

Глава IV
Тяжелейшие драмы

Кровавые события в Баку. Законы «О правовом режиме чрезвычайного положения», «О порядке выхода республик из СССР». Прибалтика. Кризис в Персидском заливе, роль и место России в этом конфликте. Учения на базе ОдВО с участием Черноморского флота, ВВС и ВДВ.

Августу 1991 года предшествовали многие события, и важно понять, откуда исходили корни этих событий. Ведь не случайно же весной 1990 года Верховный Совет СССР принял, например, закон «О правовом режиме чрезвычайного положения». Окончательным толчком для принятия этого закона послужили январская трагедия 1990 года в Баку и другие конфликты на территории Азербайджана.

Как явствует из текста закона, введение чрезвычайного положения в той или иной местности преследует цель скорейшей нормализации обстановки, восстановления законности и правопорядка. В то же время Горбачев, хотя он и подписал закон, а также его приспешники не торопились с применением этого правового акта. Даже наоборот, пугали народ тем, что… «чрезвычайщина — это пушки, танки, а следовательно, кровь и слезы». И тем самым создавали благоприятные условия для контрреволюции и уголовщины, экстремизма и сепаратизма.

Так получилось и в Азербайджане. В свое время авторитет преступного мира Панахов был задержан на вокзале и арестован вместе с телохранителем за незаконное ношение огнестрельного оружия. При нем была крупная сумма денег. Суд определил ему меру наказания — пять лет тюремного заключения. Но первый секретарь Азербайджанского обкома КПСС Везиров обратился к Горбачеву с просьбой выпустить Панахова, так как якобы его, Панахова, клан взбунтовался и последствия будут тяжелыми. Горбачев дает команду — и Панахова выпускают. То есть все происходит не по законам правового государства, а как в каменном веке. Но самое интересное происходит дальше. Панахов подбирает группу подобных себе людей, вступает с ними в уже образованный к этому времени Народный фронт Азербайджана и пробивается в руководящий состав фронта. Затем выживает из правления всех неугодных ему людей (фактически это были истинные демократы из числа азербайджанской интеллигенции) и захватывает вместе с Мамедовым власть в Народном фронте. После чего форсированно готовится к захвату

власти в республике. Причем делает это цинично, по-звериному. Например, чтобы посеять панику в партийном и государственном аппарате, он обходит всех основных начальников и предупреждает их, что в ближайшие дни они будут уничтожены. С одной из таких потенциальных «жертв» по имени Рафик (ответственный работник бюро обкома) мне довелось побеседовать. Вот что он рассказал:

«Как-то заходит ко мне без стука Панахов со своей охраной и, поприветствовав, бесцеремонно, будто у себя дома, садится к столу и начинает сразу с «дела»:

— Рафик, я тебя знаю уже много лет. Ты хороший человек.

— Спасибо.

— Народный фронт принял решение взять власть в Азербайджане в свои руки. Главным препятствием на этом пути является партийно-государственный аппарат. Поэтому его надо уничтожить. В связи с этим здесь перед правительственными зданиями будут установлены виселицы и всех основных начальников — а это несколько десятков человек — мы повесим. Ты, Рафик, коммунист и занимаешь высокий пост. Поэтому, как бы я и другие мои товарищи тебя ни уважали, я обязан тебя тоже повесить. Ты не обижайся на меня — этого требует дело, высокие цели Народного фронта.

На этом, — закончил свой рассказ Рафик, — мы с Панаховым расстались».

Надо заметить, что Панахов расхаживал по кабинетам беспрепятственно. Это красноречиво свидетельствовало, что власть в республике уже «качалась». Фактически с приходом хлюпика и демагога Везирова ее не было. На мой взгляд, в это сложное время можно было бы вернуть к руководству Азербайджаном Гейдара Алиева. Назначение же Аяза Муталибова (хотя он и предан был своему народу), и уж тем более избрание президентом ставленника Запада Эльчибея только усугубили обстановку. Однако все это произошло несколько позднее.

А в январе 1990 года ситуация в Азербайджане накалилась до предела, и виновником явился ненародный Народный фронт. Фактически он уже был антинародным, поскольку выражал интересы контрреволюции и уголовных элементов, а та часть народа, которая еще шла за этим фронтом, делала это по инерции и несознательно, чем панаховы и мамедовы умело пользовались.

Пожар начался на националистической почве. Столкновения с армянами в Сумгаите, Нагорном Карабахе, затем в Гяндже и Баку привели к жертвам. Пролитая кровь порождала новое кровопролитие. Так было всегда, так остается и теперь, особенно на Кавказе и в Средней Азии.

Необходимо было погасить огонь, чтобы он не запылал по всей стране. Руководством Советского Союза в этой связи принимается решение (о чем, наверное, как всегда «не знал» Горбачев) о направлении в Азербайджан нескольких тысяч личного состава из числа Вооруженных Сил. Это решение было вызвано двумя причинами: первая — в республике недоставало сил и средств МВД и КГБ, чтобы навести порядок, и вторая — МВД республики, по решению союзного министра Бакатина, в то время уже подчинялось местным органам. А поскольку последние находились под влиянием Народного фронта, то опираться на них было нельзя.

И тогда было решено развернуть несколько воинских частей на территории республики (в том числе одну дивизию непосредственно в Баку), но наполнить эти соединения и части не местным контингентом (так как это будут в основном азербайджанцы), а из соседних областей. С этой целью провели призыв по Северо-Кавказскому военному округу (Ростовская область, Краснодарский край, Адыгея и т. п.). Это был верный шаг. Тем более что морально-боевой дух этих призывников был исключительно высокий. Не было ни пьяных, ни саботажников, ни нытиков и уклоняющихся от призыва. Мне довелось объехать все призывные пункты, повстречаться с тысячами призывников. Вопросы, как и ответы, были лаконичными:

— Имею ли я право применять оружие?

— Да, имеете такое право в случаях, если вашей жизни, жизни ваших товарищей и охраняемого объекта грозит опасность.

— Будет ли проявлена забота о моей семье, если вдруг со мной что-нибудь случится?

— Несомненно. Семья будет обеспечена, как утратившая кормильца.

— Когда нам придется выполнять свои задачи?

— Буквально в эти дни.

Перед ответами на вопросы я кратко рассказывал о братоубийственных столкновениях в Баку и других городах Азербайджана, объяснял, что наша миссия состоит в том, чтобы пресечь эту беду и стабилизировать обстановку. В этом решении не сомневался никто. Наверное, кроме Ивана Кузьмича Полозкова — первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС. Тот, попав под влияние взбунтовавшихся жен воинов, призванных из запаса, направил руководству страны протест, в котором было выражено требование — вернуть всех отмобилизованных домой (вместо того, чтобы разъяснить населению края ситуацию и необходимость проведения мероприятий в Баку). Я занимался Азербайджаном, но при этом намеревался при встрече с

Полозковым объясниться (ведь он был, конечно, не прав и действовал на руку тем, кто раскачивал Советский Союз), как вдруг узнаю, что И. К. Полозков избран первым секретарем только что созданной Компартии Российской Федерации. Меня это, конечно, удивило.

И все же в Азербайджане мы успели подать пополнение в те части, которые предполагалось развернуть, в том числе в мотострелковую дивизию, которая одной своей половиной располагалась в центре города — в Сальянских казармах, а второй — в военном городке на окраине Баку.

Начинать восстанавливать порядок мне пришлось с Гянджи (бывший Кировабад). Это второй город в республике по величине и общей значимости. Здесь тоже уже, как и в Баку, произошли беспорядки, в результате которых весь район, ранее заселенный армянами, полностью опустел. По городу ходили гражданские вооруженные люди. Аэродром полностью блокирован несколькими рядами заграждений, на всех подходящих к нему дорогах сооружены баррикады. Пришлось почти трое суток проводить встречи и переговоры на разных уровнях, чтобы убедить руководство города снять все баррикады и ограничения, а контроль на дорогах проводить совместно с военнослужащими. В решении этой проблемы немалую помощь оказал первый секретарь горкома Мамедов (не путайте с Мамедовым, который входил в правление Народного фронта).

Когда в Гяндже был наведен порядок, я позвонил министру обороны Д. Т. Язову (он был уже в Баку) и доложил обстановку. Министр приказал оставить в Гяндже кого следует, а самому отправляться в Баку, где события приобретали трагический характер.

Прилетев в столицу Азербайджана, я почувствовал, что попал в прифронтовой город: опустевшие улицы, во многих местах баррикады, бронетранспортеры, военные патрули, слышны одиночные выстрелы. Помню, когда был здесь ровно десять лет назад — проводили стратегические учения «Юг-80», это был цветущий, поющий, очень людный и приветливый город. А сейчас вид у него был взъерошенный, поблекший. Даже две недели назад, когда я прилетал сюда специально для изучения обстановки, даже тогда все выглядело более благополучно. Несколько дней, проведенных на заседаниях, в том числе у Везирова, ничего не дали, и я улетел, сделав вывод для себя, что только с вводом чрезвычайного положения можно предотвратить развал республики.

Министр обороны Д. Т. Язов прилетел в Баку вместе с министром внутренних дел В. А. Бакатиным. Кстати, мы, военные,

все удивлялись: как можно назначать на МВД человека, который, кроме строек и партийной работы (точнее, партийной жизни), ничего не знал? Да и необходимых профессиональных данных для руководства МВД у него не было. Опять-таки назначение прошло по тем меркам, которые устраивали Горбачева. И действительно, за короткое время Бакатин развалил МВД. Он ввел децентрализованное управление, что породило хаос и настоящий «базар» в той структуре, где должна быть безукоризненная четкость, ясность и строгое, как в Вооруженных Силах, выполнение приказов. А дальше Бакатин из МВД попадает в КГБ. И чем все это заканчивается? Тоже развалом. Более того, этот глава КГБ, призванный блюсти безопасность страны, самолично передает американцам все схемы подслушивающей аппаратуры, которая была установлена нашими специалистами при проведении ремонта здания посольства США. Ну, каков «субчик»? И это в условиях, когда США открыто занимались развалом Советского Союза!

Конечно, тогда в Баку мы этого не могли не только предвидеть, но даже предположить.

Из разговора с Дмитрием Тимофеевичем Язовым, а также с офицерами, которые с ним приехали, я уяснил, что самая тяжелая обстановка сложилась вокруг Сальянских казарм: военный городок был полностью блокирован, дорога от Баку на центральный аэродром вокруг аэропорта, который находился за городом, — все было также блокировано. А между тем туда должна была прилететь воздушно-десантная дивизия. Народофронтовцы и примкнувшие к ним экстремистски настроенные граждане решили изолировать военных, не дать им возможности вмешаться в акцию расправы с руководством и с аппаратом партии и правительства республики. Этого допустить было нельзя. Надо было, чтобы мотострелковая дивизия вырвалась из Сальянских казарм и, сметая все на своем пути, вышла бы к аэродрому, расчистила магистраль от Баку до аэродрома и создала благоприятные условия для ввода в город десантников. А уж они обязаны были взять под охрану все правительственные здания, почту, телеграф, банк, порт, важнейшие предприятия и учреждения и в условиях объявленного чрезвычайного положения (которые оппозицией не выполнялись) навести в городе строгий режим и обеспечить населению безопасную жизнь.

В связи с этим я принял решение ехать в Сальянские казармы и осуществить этот замысел. Д. Т. Язов со мной согласился. Собрав небольшую группу офицеров, я отправился на трех «уазиках» к Сальянским казармам, предварительно сообщив по

телефону командиру дивизии полковнику Антонову о том, что я направляюсь к нему. Не доезжая нескольких сот метров до центрального контрольно-пропускного пункта (у военного городка было пять КПП, и все они были блокированы), я встретился с огромной, в несколько тысяч человек, массой людей, которая была до предела наэлектризована и что-то громко выкрикивала. К КПП можно было пробраться только сквозь толпу. А мы — замечу — все были в военной форме. Мы вышли из машин и отправились пешком, а водителям с одним офицером дали команду отправиться в штаб стратегического направления, где базировался министр обороны и все московские начальники (главнокомандующим Южного стратегического направления в то время был генерал армии Н. И. Попов, сменивший на этом посту М. М. Зайцева, тоже генерала армии).

К моему удивлению, пробраться через эту очень плотную массу народу не составило труда. По команде офицеров люди хоть и с трудом, но расступились, образовав нормальный коридор для прохода. И ни одного бранного слова в наш адрес, и ни одной попытки физического оскорбления — с нашим подходом все затихали и расступались.

Приблизившись к КПП, я заметил непосредственно у ворот несколько крупных самосвалов, груженных камнями с песком, тем самым они препятствовали въезду и выезду с территории военного городка. У пешеходного входа была свободной небольшая площадка. Я остановился, осматривая возбужденные, хмурые лица собравшихся. Ко мне подошли трое и представились, что они от руководства Народного фронта Азербайджана. Я в свою очередь тоже назвал себя. Один из троих сказал, что он хорошо меня знает по Афганистану. Когда мы начали беседовать, народ поутих. Я сказал, что сейчас сделаю обращение и к руководству Народного фронта, и ко всем присутствующим. Поднявшись на ступеньку КПП, я громко, чтобы меня услышало как можно больше людей, стал объяснять им суть и подоплеку всего, что здесь случилось.

— События, которые последнее время происходят в Азербайджане, — сказал я, — совершенно не отражают интересов народа республики, а тем более интересов трудящихся. Так называемый Народный фронт, нарушая Конституцию, фактически преследуют свои цели и вводит народ в заблуждение. Любые выступления, высказывания и тем более действия не должны идти вразрез с существующими законами. Если кому-то не нравятся республиканские власти, то следует поставить вопрос об их переизбрании. Но насилия над ними никто не допустит. Сейчас вы блокируете военный городок. Это противозаконные действия.

Ведь там, в казармах, такие же люди, как и вы. Они ничего против вас не замышляют, они выполняют свой Долг и имеют право на нормальную жизнь, общение с народом и своими родственниками. Среди них не только Русские, украинцы и белорусы, но и много азербайджанцев. Вы уже сутки блокируете военный городок, а ведь среди солдат, сержантов и офицеров есть больные, их надо направить в госпиталь. Военный городок нуждается в продовольствии и различном имуществе. Поэтому я обращаюсь ко всем присутствующим — надо закончить всю эту демонстрацию силы, снять блокаду и приступить к нормальной жизни. Если этого не произойдет, то мы будем вынуждены принять меры в соответствии с законом, но ответственность за все последствия будет нести руководство Народного фронта и вы, как исполнители.

Один из тех троих, что встретили нас, пробормотал было, что они выполняют решение Народного фронта. Но я еще раз сказал, что они обязаны разойтись и до наступления темноты убрать все самосвалы, которые закрыли выезд машин из военного городка.

С этими словами я удалился в воинскую часть, где меня уже ожидал командир дивизии полковник Антонов. У него был растерянный вид. Постоянно пугливо оглядываясь, он на ходу рассказывал об обстановке, при этом кивал на окружающие военный городок жилые дома. На балконах и на крышах 5, 9 и 11-этажных домов, которые окружали «низкорослый» военный городок (в нем были в основном одно-двухэтажные здания), открыто расхаживали гражданские люди с автоматами, видны были также установленные пулеметы и прожекторы на балконах. Эти приготовления свидетельствовали о сгущающейся тревоге. В связи с этим мы провели тщательную организацию защиты городка от возможных обстрелов. По всему его периметру на позиции были направлены военнослужащие с задачей: открывать огонь только при явной угрозе и по огневой точке, которая вела огонь первой. Ни в коем случае не стрелять по безоружным людям.

С наступлением темноты все прожекторы, установленные на балконах, были включены, и военный городок стал похож на поле стадиона, ярко освещенное в ночное время: всё было как на ладони. Мы включили громкоговорящую связь и пытались образумить экстремистов — не допустить роковой ошибки, не допустить кровопролития. Однако среди ночи с одиннадцатого этажа института «Азгипрозем» раздалась пулеметная очередь — у нас погибло сразу три солдата. И тут началось! До самого рассвета продолжался непрерывный (именно непрерывный) взаимный обстрел. Я еще подумал: «Как в Сталинграде». В три

часа ночи я отправился в медпункт проверить, какая там обстановка. Пройти было непросто — все пространство простреливалось. Но добрались без происшествий. Оказалось, что медпункт был уже забит нашими ранеными и пострадавшими оппозиционерами. Наши воины, рискуя жизнью, выползали за границы военного городка и затаскивали к себе раненых «оппозиционеров», так сказать «противника», а потом уносили их в медпункт. Это было очень благородно. Поговорив с врачами, мы решили, что они срочно оборудуют под лазарет соседнее помещение, а пока установят дополнительные койки вдоль коридора, благо он был довольно широким.

Вернувшись на свой «командный пункт», а это был кабинет командира дивизии, — я узнал, что не могут разыскать полковника Антонова. Вначале я не на шутку забеспокоился. Когда же мне сказали, что его кто-то видел в одной из казарм, тревога рассеялась, но я все же организовал прямой контакт с начальником штаба дивизии и приказал ему управлять частями нашего гарнизона, поскольку у него была прямая связь со всеми «группировками» и с каждым КПП. Мы располагались на втором этаже двухэтажного здания штаба дивизии. На первом этаже и на чердаке находились боевые подразделения, а личный состав штаба дивизии располагался в прекрасном подвале этого здания. Все было под боком. Однако беспокойство не покидало. Дело в том, что в здании штаба дивизии, как и в клубе этого военного городка, было полно «беженцев». Здесь нашли укрытие люди из ближайших жилых домов, в основном старики, женщины и дети — русские и армяне. То, что сюда прибежали армяне, было понятно: 13 января в Баку прошли погромы и резня армян, их выбрасывали из окон и с балконов верхних этажей. Но почему прибежали русские, было непонятно, их никто не обижал (или я просто об этом не знал). В разговорах все говорили одно и то же — «Нам страшно».

Положение осложнилось, когда в военный городок перестала поступать вода. Естественно, прекратила функционировать и канализация. Возникла критическая ситуация.

Стало ясно: надо деблокировать городок. Мы хорошо подготовились к этой операции, и в одну из ночей внезапным ударом, проделав танковыми тягачами пролом в бетонном заборе, выпустили вначале маневренную группу с танками, а затем и главные силы дивизии. Танки в те дни использовались как тягачи для растаскивания баррикад на улицах города. Теперь же они устремились на аэродром, расчищая магистраль для вхождения в город десантников, «прозябавших» на аэродроме. Подразделения дивизии имели задачу — отогнать от городка экстремистов и

очистить от завалов и машин въезды в военный городок. Это было выполнено блестяще. Такую оценку я даю потому, что не было ни одной жертвы. Экстремисты сопротивления не оказывали — одни разбежались, другие, побросав (спрятав) оружие, затесались среди зевак, наблюдая за действиями солдат, разбиравших завалы.

В наведении порядка нам поспособствовало введение 19 января 1990 года чрезвычайного положения в Баку — согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР. На основании этого указа приказом коменданта особого района г. Баку генерал-лейтенантом В. С. Дубиняком в городе были введены особая структура управления (создано одиннадцать комендантских участков) и соответствующий режим, который определил ряд ограничений в жизни и деятельности населения. Запрещались собрания, митинги, шествия, демонстрации, забастовки; СМИ контролировались; запрещалось ношение оружия; с 23.00 до 6.00 закрывалось движение и т. д. Войскам и правоохранительным органам представлялось право контроля по многим вопросам.

Приказ коменданта на многих подействовал отрезвляюще. Но были и силы, которые продолжали раскачивать обстановку. По согласованию с руководством страны комендант города дал разрешение о проведении шествия в связи с похоронами погибших.

Хоронили более ста человек. Погибло же в столкновениях и чисто случайно от шальной пули около тридцати. Откуда же остальные? Руководители Народного фронта, желая накалить обстановку до предела, собрали в моргах города всех умерших в те дни и выдали их за погибших. Гнусно, но факт.

У Сальянских казарм, где произошло основное столкновение, погибло девять человек из числа тех, кто блокировал военный городок. Когда прекратилась стрельба, экстремисты собрали убитых и выложили их перед центральным КПП в один ряд — вот, мол, полюбуйтесь на свою «работу». Но у нас тоже погибло девять ребят и тридцать семь было ранено. Я приказал объявить об этом по громкоговорящей связи и потребовать всех убитых убрать и увезти в морг города. Вскоре это было выполнено.

Надо признать, что Народному фронту по причине слабой власти в Москве и в Баку удалось-таки спровоцировать беспорядки и, используя события в Нагорном Карабахе, подтолкнуть народ к выступлению на националистической почве. В результате погибли люди. А из организаторов никто не пострадал. Наиболее активные из них, например Панахов, выступили на митинге, который был организован на кладбище, и, естественно, во всем случившемся обвиняли власти. А потом

многие из них и безнаказанно исчезли. Панахов убыл в Иран. Спрашивается, а почему же бездействовала наша служба государственной безопасности? Что стоит за этим — ее либерализм и дремучая беспечность или предательство? Или, может быть, нечто третье — действие в одной упражке? Почему Панахову позволили исчезнуть? И кто ответит за невинно погибших?

К примеру, кто ответит за смерть тринадцатилетней школьницы Ларисы Мамедовой? Ее, как и всех, похоронили в парке имени Кирова. На могиле был выложен ее школьный фартучек и ранец. Кто ответит за ее смерть?

Некоторые представители Народного фронта вроде драматурга Юсифа Самед-оглы, наивно полагавшие, что правое крыло фронта, которое фактически играло решающую роль, все-таки поступит по справедливости и не допустит кровопролития, во время уже начавшихся событий бегали по баррикадам и уговаривали экстремистов не стрелять, разойтись. Они возмущались, когда в ходе чистки районов города были обнаружены огромные запасы оружия (десятки тысяч стволов), боеприпасов, военной полевой формы, радиостанции и другое военное имущество. Что толку с того, что тот же Юсиф Самед-оглы после событий заявлял: «Наша вина в том, что были слишком либеральны и не дали с самого начала отпора правым, не отмежевались от них». Когда погибли люди, можно говорить что угодно, но им уже не помочь.

Министр обороны Д. Т. Язов, оставив меня в Баку за себя, вместе с министром внутренних дел В. А. Бакатиным улетел в Москву. С ними уехал и заместитель министра обороны В. А. Ачалов, который фактически руководил действиями десантников.

Напряжение в городе и по всему Азербайджану несколько спало. Стрельбы уже не было. Но еще всюду клубились грозовые тучи, морально-психологическая обстановка еще была накалена. Чтобы разрядить ее, нужны были дополнительные меры. Они, эти меры, принимались в первую очередь народными депутатами СССР. Особо я хочу выделить Валентину Ивановну Матвиенко. Как депутат, она вникала во все проблемы, постоянно моталась по учреждениям, предприятиям и различным общественным организациям. Горячо и убедительно выступала перед многими коллективами, делая все необходимое, чтобы стабилизировать обстановку. Многие мужики могли позавидовать ее кипучей энергии. К сожалению, мало у нас в то время было таких самоотверженных людей. Да и сейчас их не больше.

Встречи с народом Азербайджана

Через два дня после похорон в Баку, в которых приняли участие десятки, а может, и сотни тысяч горожан, я решил встретиться с коллективом одного из крупных предприятий города. Мои товарищи посоветовали поехать на завод имени лейтенанта Шмидта. Я согласился и позвонил директору завода Э. Г. Мусаеву.

— Уважаемый Эяан Гусейнович, я считаю, что коллектив вашего завода, как и многие другие коллективы горонуждается в разъяснении сложившейся ситуации. Нельзя слушать только одну сторону — в данном случае только Народный фронт Азербайджана. Надо выслушать и тех кто выступал против действий этого фронта. Поэтому я прошу вас организовать мою встречу с коллективом завода. Желательно завтра или в крайнем случае послезавтра. Как вы на это смотрите? В ответ в трубке молчание.

— Вы слышите меня?

— Да, слышу хорошо, но это так неожиданно… и рискованно… Мне надо подумать, посоветоваться. Я вам часа через два-три позвоню.

Звонок последовал через час. Директор предложил встретиться с ним и председателем профсоюза Т. О. Тагиевым сегодня в любое время. Я сказал, что готов к встрече прямо сейчас. Можно выезжать. Отдав распоряжение о встрече гостей, я прикинул вопросы, которые надо было бы решить с ними. Буквально через 30 минут у меня в кабинете уже сидели директор завода и председатель профкома. Они предложили не собирать весь коллектив завода (для этого надо организовывать митинг на площади), а пригласить в клуб человек пятьсот из актива: администрацию завода, инженерно-технический состав и авторитетных рабочих, имеющих большой стаж работы. С таким составом можно поговорить «по душам», ответить на многочисленные вопросы. Актив, по их мнению, играет решающее значение в формировании общественного мнения — фактически коллектив завода находится в полной зависимости от него и будет действовать так, как решит этот актив.

Мы договорились о встрече с коллективом на середину следующего дня — завод не работал, объявлена забастовка, так что требовалось время на оповещение.

В назначенное время я приехал на завод. Кроме знакомых мне директора и председателя профсоюза, я увидел там главного инженера М. Х. Балогланова, секретаря парткома Р. Д. Джаббарова и других руководителей. Народ уже был в зале. Мы предварительно еще раз обговорили поря-Док проведения встречи, после чего пошли в зал. От руководства завода было

семь человек. Момент был ответственный — от исхода встречи зависело дальнейшее поведение всего коллектива завода, а от его реакции поведение большинства предприятий города.

Зал встретил нас напряженной тишиной. Директор усадил меня за столом президиума рядом с собой и открыл нашу встречу. Он сказал, что она организована по моей инициативе (это было очень важное заявление, и я, конечно, был благодарен ему), ибо, по моему мнению, не все знают причины постигшей Азербайджан беды, поэтому надо во время встречи все прояснить. Затем он дал слово председателю профсоюза, который, как я узнал, пользовался в коллективе большим авторитетом. Однако его десятиминутная речь была в основном нейтральной, хотя он густо пересыпал ее такими словами, как «насилие», «беспредел», «чрезвычайщина», «гибель невинных людей» и т. п.

Потом предоставили слово мне. Естественно, я был в военной форме. «Чтобы нам лучше узнать друг друга, я расскажу немного о себе», — сказал я. А потом кратко поведал, что я тоже южанин, с Кубани, о своем военном пути в годы Великой Отечественной войны, службе в Заполярье, Германии, Прикарпатском военном округе, Генштабе, о пребывании на фронтах, в том числе в Афганистане, и, наконец, о службе в Главкомате Сухопутных войск. Это заняло минут пять. Все слушали внимательно, не перебивали. Но когда я затронул «горячую» тему, стал говорить о случившемся — зал «задышал», зашевелился, послышались резкие выкрики.

Например, говоря о ситуации в стране, я подчеркнул, что руководство нашего государства, проводя в ходе перестройки демократические преобразования (я же не знал в то время, что Горбачев, прикрываясь такими фразами, фактически умышленно разваливал страну в угоду Западу), встретило сопротивление сил, которые хотели бы воспользоваться временными неудачами и перехватить власть. Такая обстановка сложилась и в Азербайджане — кое-кто из уголовных сил хотел бы встать у власти.

— Кто конкретно? — выкрикнули из зала.

— Панахов! — не сказал, а «выстрелил» я и попал в «десятку». Что тут началось! Зал буквально взвыл. Наиболее разгоряченные выскакивали к трибуне и кидались на меня, причем это были в основном молодые люди. Чувствовалось, что это люди Панахова. Их, конечно, оттесняли в зал. Я стоял на трибуне и спокойно ждал, когда все успокоятся. Директор тоже встал, но ничего не говорил, да и было видно, говорить что-либо просто бесполезно. Поэтому он тоже стоял и ждал. Наконец все потухло, только двое продолжали еще что-то громко выкрикивать. Поскольку директор

и все остальные руководители все еще молчали, видимо опасаясь каких-либо обострений лично для себя, то я продолжил:

— Да, я еще раз подтверждаю, что Панахов, осужденный за уголовные преступления, был отпущен под честное слово и сейчас занялся политикой. Вместе с такими же, как он сам, решил свергнуть правительство Азербайджана, уничтожить его и взять власть в свои руки.

— Это ложь! — послышалось из зала.

— Вы можете сами убедиться в достоверности того, что я говорю, встретившись с каким-либо ответственным работником ЦК партии или правительства Азербайджана.

Лично я уже с ними беседовал и знаю все это. Панахов организовал выступления и столкновения, а следовательно, и кровопролитие, а затем проливал крокодиловы слезы на митинге во время похорон…

— Это неправда! Народ сам поднялся, у него кончилось терпение, — снова кто-то крикнул из зала.

— Отвечаю: ваша газета «Азадлыг» 18 января напечатала заявление правления Народного фронта Азербайджана.

В его преамбуле осуждаются погромы армянских квартир в Баку в ночь с 13 на 14 января и убийство армян, однако всю ответственность за это Народный фронт Азербайджа на возлагает на центральную власть. И далее говорится буквально следующее: союзная власть не обеспечивает суверенитета и территориальной целостности республики, не пресекает акты политической агрессии и террора со стороны армян, ведет политику экономического удушения Азербайджана, стремится Нагорный Карабах вывести из подчинения Азербайджана, содействует армянским сепаратистам, не выполняет своих обязанностей по охране конституционных прав двухсот тысяч азербайджанцев — беженцев из Армении. И в таком духе весь остальной текст. А возьмите листовки Народного фронта — ведь это же явное провоцирование столкновений! Разве все это имеет что-то общее со стабилизацией обстановки, гуманизмом и демократией, о чем так любят говорить лидеры Народного фронта? Ноборот, они и в первую очередь Панахов являются поджигателями столкновений и кровопролития, — говорил я, но из зала продолжали кричать свое:

— Панахов всегда с нами, мы ему верим!

— Нет, вы посмотрите на этого молодого человека, — указал я на того, кто встал со своего места и вступил со мной в полемику. — Он верит Панахову! А как же иначе?

Вы же его человек! Да простит вас Аллах в ваших заблуждениях. Он, Панахов, никогда с вами душой не был и не

будет. Он использует народ как нструмент в своей борьбе против власти, подталкивает его к кровопролитию, а сам в стороне. И сейчас — где он? После выступления на похоронах ушел в Иран, на свои запасные позиции…

— Никто не докажет, что он в Иране! — послышался все тот же голос.

— А вы проверьте! Мы, например, проверили, и официальные органы доложили нам, что он в день похорон ушел в Иран. Известно даже название местечка, где он базируется. Денег он награбил много, так что может пожить и за рубежом. Но если для вас это ничего не значит, то скажите тогда: что же это за лидер, который толкает народ на танки, на пулеметы, а сам не имеет ни одной царапины? Наконец, что же это за мужчина, который прячется за женщинами и детьми? Это позорище, а не лидер!

Это возымело свое действие. Народ снова загудел, но на этот раз уже не против меня.

Встреча длилась часа четыре. И если вначале меня встретили в штыки, то когда я, уходя, пожелал коллективу всяческих успехов, а в первую очередь закончить забастовку и приступить к работе, то меня проводили аплодисментами.

Вот так бывает в жизни. Мы даже стали свидетелями, как администрация подписала небольшой документ, в котором коллектив давал обязательство через двое суток приступить к работе. И действительно, через два дня они разыскали меня по телефону (я уже был в Нахичевани — пробивал заторы на южном фасе железной дороги, который уже месяц был забит поездами) и радостно сообщили, что завод работает, с забастовкой покончено.

В связи с этими событиями в ночь с 24 на 25 января 1990 года состоялся Пленум ЦК Компартии Азербайджана. Пленум открыл второй секретарь ЦК Виктор Петрович Поляничко. Рассмотрели вопрос о политической обстановке в республике и путях выхода из кризисной ситуации. В прениях выступили 34 члена ЦК Компартии.

Пленум рассмотрел и организационный вопрос. За серьезные ошибки в работе, что привело к кризисной ситуации в республике, Везиров был отстранен от должности первого секретаря и члена бюро ЦК Компартии Азербайджана. На эту должность был избран Председатель Совета Министров республики А. Н. Муталибов (всего в списке было 4 кандидата). Кстати, кроме членов и кандидатов в члены ЦК, в работе пленума принимали участие и другие деятели республики, в том числе Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана Э. Кафарова.

На Пленуме выступили кандидат в члены Политбюро ЦК

КПСС, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Евгений Максимович Примаков и секретарь ЦК КПСС Андрей Николаевич Гиренко.

Но 22 января 1990 года, т. е. еще до Пленума ЦК, в газете «Бакинский рабочий» было опубликовано Постановление Верховного Совета Азербайджанской ССР, подписанное Председателем Президиума Верховного Совета Э. Кафаровой, известной в Советском Союзе своими националистическими и сепаратистскими взглядами.

Обратите внимание, читатель, на стиль и суть этого Постановления, которое Кафаровой удалось протащить через Верховный Совет республики. Вот его фрагменты:

«Верховный Совет Азербайджанской ССР… выражая гнев и возмущение азербайджанского народа в связи с кровавой расправой над мирным населением столицы республики города Баку, учиненной войсками Министерства обороны СССР, Министерства внутренних дел СССР и Комитета государственной безопасности СССР (и ни слова о лидерах Народного фронта, организовавших это столкновение. — Автор), что привело к гибели и ранению многих сотен людей… постановляет:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1990 года о введении в Баку чрезвычайного положения считать агрессией против суверенной Азербайджанской ССР, а действия высших органов власти СССР и высших должностных лиц, распорядившихся о реализации этого Указа, приведшего к гибели и ранению сотен людей в г. Баку и его окрестностях, — преступлением против азербайджанского народа.

2. Ввиду того, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1990 года… принят в нарушение пункта 14 статьи 119 Конституции СССР и без согласования с высшими органами власти Азербайджанской ССР, на основании статьи 6 Конституционного закона Азербайджанской ССР о суверенитете исполнение этого Указа приостановить повсеместно, за исключением Нагорно-Карабахской автономной области…

3. Потребовать немедленной отмены Указа Президиума Верховного Совета СССР…

4. Создать депутатскую комиссию… для выявления непосредственных организаторов, виновных в кровавой расправе…

5. Принять обращение к Верховным Советам союзных республик, правительствам всех демократических стран мира с призывом осудить…»

И так далее в том же духе.

А вот что говорили по этому поводу участники Пленума ЦК

Компартии Азербайджана. К примеру, первый секретарь Куткашенского райкома Рамиз Ахмедов сказал: «…Не знаю как в других районах и как в Баку, но у нас в отдаленном районе в Народном фронте находятся люди, которые никогда не работали, никогда не приносили пользы ни Советской власти, ни своей семье, ни обществу. Им нужен не политический диалог — нужна власть. Компартия — самое большое для этого препятствие, и они делают все, чтобы ее уничтожить. Если азербайджанская партийная организация не будет предпринимать конкретные меры, через неделю в ряде районов не останется ни одного партбилета».

Да, на пути к захвату Народным фронтом власти в Азербайджане стояла Компартия. Именно ее надо было уничтожить, о чем откровенно говорил и Панахов. А националистические выпады против армян были всего лишь прикрытием. Кафарова прекрасно все это понимала. И она не просто была на стороне Народного фронта, а находилась в его рядах.

Вот так сепаратисты и националисты раскачивали союзный корабль, их действия и вылазки становились все более дерзкими и наглыми. Да и Горбачев своим бездействием ослабил государство до предела, поэтому на необходимость подчинения центру в Республиках смотрели скептически. Ситуация в стране складывалась настолько тревожной, что с середины 1989 года депутаты начали работать над проектом Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Уже тогда причин для этого было предостаточно. Стоило вспомнить тбилисские события, потом в Сумгаите, Нагорном Карабахе… Закон был принят в апреле 1990 года.

Заговорили о необходимости союзного закона «О порядке выхода республик из СССР». К этому подтолкнули события в Прибалтике, и в первую очередь в Литве. Там в роли Народного фронта выступал фактически антинародный «Саюдис», действовавший по указке ЦРУ США. Кстати, ЦРУ опиралось на «Саюдис» уверенно — его сотрудники «трудились» у главы республики Ландсбергиса в ранге его советников и помощников, введенных в штат. Кстати, на Народный фронт Азербайджана тоже влияло ЦРУ и помогало еще через «Саюдис».

Горбачев и Яковлев еще задолго до Первого съезда народных депутатов СССР до того раскачали страну, что Латвия, Литва и Эстония еще в 1988-м, и особенно в начале 1989 года, уже поговаривали о выходе из состава СССР. А Первый съезд народных депутатов фактически начался с выступлений их депутатов, которые требовали выхода. Конституция такой шаг

предусматривала (это была ошибка, допущенная еще при образовании СССР), но нужна была четкая процедура этих действий. Требовался закон. И президент СССР 3 апреля 1990 года подписал его. Он получил название «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», ему был присвоен номер 1409–1.

Закон предусматривал все моменты, детали и проблемы, которые должны быть разрешены в период подготовки республики к выходу из СССР. При этом в статье 9-й закона было записано, что съезд народных депутатов СССР устанавливает переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены все вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР. Конечно, этот срок может быть и меньше, но, очевидно, должен исчисляться годами, а не месяцами и тем более не днями. А как у нас на практике было решено с выходом из Союза республик Прибалтики? Горбачев, в нарушение этого закона, никому не докладывая и не создавая никаких комиссий, подписал все документы и в течение трех дней в сентябре 1991 года выключил Латвию, Литву и Эстонию из состава СССР.

Это ли не преступление?

А сколько нам, военным, вместе с сотрудниками КГБ СССР пришлось приложить усилий еще весной 1990 года, чтоб хоть какой-то элементарный порядок был соблюден в Вильнюсе и других городах Литвы по выполнению существующей Конституции. Однако, опасаясь того, что мы перейдем к более решительным действиям в этой области, Яковлев надавил на Язова и Дмитрий Тимофеевич дал мне команду, чтобы я возвращался в Москву.

О кризисе в Персидском заливе

Вспоминая годы, предшествовавшие трагедии, которая свершилась в августе 1991 года, хочу рассказать еще об одном событии — о кризисе в Персидском заливе. Попутно расскажу и о проведенном в 1990 году учении на базе Одесского военного округа: и упомянутый кризис, и учение, на мой взгляд, тоже имели отношение ко всему тому, что произошло у нас в приснопамятном 91-м году. Отношение это косвенное, но значительное.

Итак, о войне в Персидском заливе.

В начале августа 1990 года Ирак ввел свои войска на территорию соседнего Кувейта и объявил об аннексии этого

государства. Народу Ирака настойчиво внушалось, что Кувейт исторически является частью Ирака, поэтому он и был объявлен 19-й провинцией.

Буквально в эти же дни Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой отмечает незаконность действий Ирака и требует прекратить агрессию, вывести его войска и подвергнуть Ирак экономическим санкциям.

Однако Ирак не подчинился требованиям ООН.

Буквально через несколько часов после ввода иракских войск в Кувейт руководство США приняло решение о применении своих вооруженных сил для защиты от агрессора других государств этого региона, в частности Саудовской Аравии, а также в целях военного обеспечения экономических санкций против Ирака, т. е. фактически объявлена блокада Ирака.

Чем объясняется такая молниеносная операция США? Дело в том, что в нефтяные промыслы в Кувейте вложен личный капитал президента Буша и его родни. Естественно, этот факт не афишировался. Зато в средствах массовой информации США был дан зеленый свет обличению агрессии Ирака и материалам, призывающим экстренно пресечь ее.

Надо отметить, что к тому времени, после окончания «странной войны» с Ираном, Ирак сильно ослаб, общее экономическое его положение значительно ухудшилось. Только ближайшим соседям по Аравийскому полуострову Ирак задолжал 35 млрд. долларов США (из них около 12 млрд. долларов США должен был Кувейту).

Кувейт был большим соблазном для С. Хусейна — маленькая, но исключительно богатая страна, вооруженных сил фактически не имеет, расположена рядом, раздавить ее не представляло никакого труда. С захватом Кувейта сразу решались несколько актуальных проблем: можно было значительно улучшить экономическое положение Ирака, погасить долги, реабилитировать себя за неудачу в войне с Ираном и, наконец, ослабить внутреннюю оппозицию.

Однако этим грезам не суждено было сбыться.

США, используя решение Совета Безопасности ООН, мобилизовали все страны, входящие в НАТО, и еще столько же (всего 34 страны), объединив против Ирака многонациональные силы. Это была первая после Второй мировой войны столь мощная коалиция, причем созданная в условиях самороспуска Варшавского Договора. И это говорило о многом.

Во-первых, США этой коалицией демонстрировали свои возможности и способности мобилизовать силы (страны) фактически под своим флагом (формально под флагом ООН) с

различной идеологией, религией и международными взглядами.

Во-вторых, США демонстрируют миру свою (именно свою) способность управлять вооруженными силами этих стран, следовательно, доминировать над этими странами.

В-третьих, создавая такую коалицию, США создают прецедент, который дает им право и в будущем поступать аналогично, но уже по упрощенной схеме (т. е. без ООН). Что и произошло в отношении Югославии в 1999 году.

В-четвертых, использовать еще раз удобный случай и «подмочить» авторитет Советского Союза, который связан с Ираком различными обязательствами.

В-пятых, в принципе Соединенным Штатам надо было утвердиться в глазах мира, показать, кто фактически хозяин на планете.

Главную силу в этом конфликте представляли США: личного состава — 527 тысяч, танков — 2744, БТР — 2000, самолетов — 1700, вертолетов — 1500, артиллерии — 1900, кораблей — 85.

Другие страны выглядели значительно скромнее. Но Англия, Франция, Саудовская Аравия, Египет и Сирия направили от 20 до 67 тысяч человек (плюс Англия, Франция и Сирия еще и боевую технику), остальные практически только обозначили свое присутствие в пределах от 500 до 1000 человек. А Греция вообще направила всего 200 человек. Одиннадцать же из 34 стран, осудивших Ирак и давших согласие быть в коалиции, вообще не направили свои войска в район Персидского залива.

Следует заметить, что вопрос участия в этом конфликте в ряде даже стран НАТО приобрел острый характер. Так, во Франции министр обороны Шевенман категорически выступил против участия вооруженных сил Франции в военном конфликте. Поэтому президент Миттеран еще 17 октября 1990 года в своем выступлении высказывал сомнение относительно участия его страны в военной операции в заливе. Но позже его все-таки убедили и он дал согласие, на что Шевенман демонстративно ответил своей отставкой.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 678 от 16 ноября 1990 года обязывала Ирак до 15 января 1991 года вывести свои войска из Кувейта. Командование многонациональных сил также объявило, что если Ирак к установленному сроку свои войска не выведет, то 15 января объявляется первым днем боевых действий.

Обстановка обострялась. Однако Ирак свои войска из Кувейта не вывел. Объединенное командование, которым руководят американские генералы, 15 января вместо нанесения ударов объявляет, что войска объединенных сил будут готовы начать боевые действия только в конце января. Это было обманное

заявление, рассчитанное на притупление бдительности Ирака. И американцы достигли своей цели: командование Ирака было дезориентировано. Политическое и военное руководство Ирака несколько расслабилось. Притупилась бдительность и при несении боевого дежурства. Поэтому, когда ночью 17 января начались массовые удары по Ираку, они стали полной неожиданностью.

Но нас, наблюдавших со стороны за развитием событий, еще больше поражало то, что на протяжении более полугода американцы и их сателлиты возили к заливу свои войска и свободно сосредотачивались там, не подвергаясь никакой опасности. Как на учебном полигоне. Даже не предпринимались меры по защите от обстрела противника, тем более по отражению удара, если вдруг Ирак вздумает перейти в наступление. Полнейшая беспечность. Из информации, передававшейся по телевидению, можно было сделать вывод, что сосредоточивается не войско, а туристы: жили в палатках, никакой службы, «порядок» — как на ярмарке.

Вот почему американцы бежали, бросая всё, когда одна из иракских бригад нанесла удар. Только одна бригада — и все побежали. До сих пор этот эпизод почему-то замалчивается. А ведь иракская бригада за полтора-два часа продвинулась на 15 километров. И если бы командование не остановило ее, то еще неизвестно, чем бы все это кончилось для американцев.

Резонно напомнить, что Ирак имел в своей группировке 43 полнокровных дивизии и 25 отдельных бригад. Это была действительно мощь. Да и вообще соотношение сил Ирака и многонациональных сил (т. е. НАТО и др.) было следующим: по личному составу — 1,2:1; по танкам — 1:1; по артиллерии — 2:1; по боевым самолетам — 1:2,8. Таким образом, соотношение было приблизительно равным, по артиллерии преимущество оставалось за Ираком, а по авиации — за США. Лишь по боевым вертолетам и кораблям абсолютное превосходство было у американцев.

Но в этих условиях у Ирака вырисовывались два прекрасных варианта действий, о которых я говорил Горбачеву на учениях в Одесском военном округе (о них расскажу позже), в расчете, что это каким-то образом будет доведено до С. Хусейна.

Первый вариант. Допустив сосредоточение многонациональных сил противника приблизительно на 50–60 процентов, после мощной артиллерийской подготовки Ирак должен нанести удар силами 15–20 дивизий и в течение недели полностью разгромить американцев и их сателлитов. Одновременно предъявить ультиматум Саудовской Аравии и

другим соседям о недопустимости базирования самолетов и вертолетов НАТО на их аэродромах. Это, конечно, был дерзкий план, но вполне выполнимый. И мир был бы потрясен. А для США это был бы второй Перл-Харбор. Но этот вариант имел и свои теневые стороны — нарушалась резолюция ООН. Кроме того, НАТО и в первую очередь США подтянули бы сюда весь свой флот и проводили бы удары палубной авиацией плюс удары дальней авиации до тех пор, пока Ирак не поднял бы руки. Но этого могло и не случиться, если бы наша дипломатия и дипломатия союзных нам стран хорошо поработали и погасили этот пожар.

Однако шрам поражения никуда не спрячешь. Это не состоялось. Хотя президент С. Хусейн в своих выступлениях и обещал провести сражения.

Второй вариант более спокойный, но тоже мог хорошо проучить американцев. Суть его в следующем. Накануне завершения сосредоточения войск многонациональных сил (это в конце декабря 1990 года) Ирак должен был внезапно, в течение одних-двух суток, вывести свои войска с территории Кувейта в границы своего государства и объя-,ить, что резолюция ООН выполнена. Тогда США, НАТО присоединившиеся к ним союзники остались бы «с носом»: затрачено огромное количество денег, различных материальных средств (плюс потери от различных аварий) — и вдруг все лопнуло.

Это был хороший глубокий шаг. Однако ни первым, ни вторым вариантом Ирак не воспользовался. Но самое удивительное, что армия Ирака совершенно не оказала никакого сопротивления. Поэтому США и их сателлиты расстреливали с воздуха и моря и группировку войск Ирака, и его мирные города, как на полигоне.

С позиции справедливых оценок это была не война в обычном ее понимании, а настоящая бойня. Бесспорно, постоянно усложнявшаяся политическая обстановка вокруг Ирака накладывала отпечаток на решения его командования. Возможно, этим и объясняется его странная пассивность. В то же время важно отметить, что, несмотря на угодническую позицию Горбачева — Яковлева в отношении США, наша общественность все-таки не позволила им переметнуться на сторону США. В верхних эшелонах власти СССР еще что-то оставалось от достоинства великой страны. А вот США удалось обеспечить политическое единство многих стран мира с их позицией.

Проведение командно-штабных учений

Несколько штрихов об учениях, которые мы провели летом 1990 года на базе Одесского военного округа с привлечением сил Черноморского флота, а также военно-воздушных и воздушно-десантных войск.

Как-то звонит мне Сергей Федорович Ахромеев (он к этому времени был у президента СССР помощником по военным вопросам) и говорит:

— В планах Генерального штаба значится проведение командно-штабных учений с обозначенными войсками в Одесском военном округе. У вас какие взгляды на эти учения?

— Да, действительно, через месяц такие учения должны быть проведены. Для этого привлекается оперативная группа от Черноморского флота. План проведения учений фактически уже готов.

— А как вы смотрите, если на них пригласить Горбачева?

— В принципе положительно. Это будет полезно и для войск, и для Горбачева. Но в план учений надо вносить изменения. Видно, надо проводить учения с войсками и двусторонние. Плюс включить силы флота и воздушно-десантные войска в достаточном количестве.

Сергей Федорович сказал, что подумает. А уже на следующий день меня вызвал министр обороны и сказал, что надо капитально готовить войсковые учения на базе Одесского военного округа — будет приглашен президент. Я понял, что у министра уже состоялся разговор с Ахромеевым. Дмитрий Тимофеевич Язов также сообщил, что подготовка и проведение учений возлагаются на меня. Расчет необходимых сил от воздушно-десантных войск, ВВС и флота надо доложить через два дня.

Я уточнил сроки готовности и приступил к действиям. Проведя рекогносцировку полигона, расположенного неподалеку от Одессы, а также Широколанского полигона, пришел к выводу, что учения можно провести интересно, с привлечением всех видов Вооруженных Сил (естественно, кроме РВСН) и родов войск. Но для этого необходимо принять принципиальное решение: будем ли мы проводить учения по всем правилам, т. е. со всеми неожиданными ходами, которые будут представлены в соответствии с решением соответствующих командующих и командиров, или же учения будут проводиться с «открытыми картами», т. е. когда все хода заранее известны (а кое-что и отработано, и натренировано) и командованию сторон не приходится ломать голову над решением — оно уже вписано в план проведения учений. Второй вариант применялся обычно на показных занятиях, когда, например, проводятся сборы

офицерского состава и надо действиями войск обеих сторон наглядно продемонстрировать некоторые способы решения тактических и оперативных задач.

Вот и сейчас решено было провести учения именно таким методом, т. е. с открытыми картами, чтобы Верховному Главнокомандующему, который совершенно не имел никакой военной подготовки (в отличие почти от всех американских президентов, да и наших генсеков — Хрущев и Брежнев воевали в регулярной армии, Андропов — воевал в партизанских), наглядно показать, как в бою и в ходе операции действуют Сухопутные войска, ВВС, воздушно-десантные войска, силы Военно-Морского Флота.

Общий замысел учений состоял в следующем.

Действия происходят уже в ходе войны на юге европейской части страны, на приморском направлении. «Восточные» обороняются, «западные» наступают.

Войска «восточных» стоят на одесско-николаевском направлении и совершенствуют свою оборону, сосредоточивая основные усилия на удержании портов. Создается надежная система огня, проводятся в больших масштабах инженерные работы. Войска получают пополнение личного состава, вооружение, боевую технику и подвозят необходимые запасы. Оборона создана глубокоэшелонирован-ная и активная, с сильными вторыми эшелонами и резервами.

Войска «западных», форсировав Днестр, вышли к Одессе, но с ходу овладеть ею не удалось. Проводя перегруппировку и подтягивая свои резервы и запасы, «западные» намерены возобновить свое наступление и, обходя Одессу севера, блокировать ее.

Нанося главный удар на Николаев, войска «западных» высаживают морской (силой бригады морской пехоты) и воздушный (десантно-штурмовую бригаду) десанты восточнее Одессы, а также выбрасывают парашютный десант (силой воздушно-десантной дивизии) западнее Николаева и, с ходу форсировав Южный Буг, овладевают Николаевом и Херсоном с выходом к устью Днепра.

Большую помощь в подготовке учений мне оказали: Главное командование Военно-Морского Флота и командование Черноморского флота; Главное командование Военно-Воздушных Сил; командование Воздушно-Десантных войск и их куратор генерал-полковник В. А. Ачалов; начальники родов войск и служб — маршал артиллерии В. Михалкин, генерал-полковник Ю. Чесноков, генерал-полковник В. Кузнецов, генерал-полковник В. Петров, генерал-полковник А. Галкин, генерал-полковник В.

Попов. Хочу отметить самоотверженный труд командования и штаба Одесского военного округа, лично командующего генерал-полковника И. Морозова и начальника штаба округа генерал-лейтенанта А. Сергеева. Они не только хорошо подготовили войска округа к действиям, но и все учебные места: смотровые вышки (приглашались, кроме президента, представители ряда военных округов европейской части СССР), система управления, дороги, транспорт, материальное обеспечение участвующих в учении и приглашенных, смотровые площадки современного вооружения и боевой техники, вертолетные площадки и места стоянки автомобилей и т. д.

И особо отмечаю личный вклад главкома ВМФ адмирала флота Чернавина, который вместе с адмиралом Хронопуло отлично подготовил силы Черноморского флота к сложным, разносторонним действиям по обеспечению высадки морского десанта и действиям его во время захвата плацдарма.

Утром в установленное время Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза М. Горбачев прилетел в Одессу, где пересел на вертолет, который доставил его и сопровождающих лиц — министра обороны Д. Язова, помощника президента по военным вопроса С. Ахромеева, руководство Украины: Л. Кравчука и С. Гиренко, а также первых секретарей Одесского и Николаевского обкомов партии — в район учений. Я их встретил вместе с другими главнокомандующими видов Вооруженных Сил, привел на специальную площадку, где по наглядным схемам и картам сделал сообщение о предстоящем учении. Затем мы все поднялись на смотровую вышку. Уже на местности и на море я еще раз сориентировал всех присутствующих, и учение началось.

Наша смотровая вышка располагалась в центре обороняющихся войск, ближе к переднему краю, который проходил по берегу моря. Отсюда побережье хорошо просматривалось — на многие километры и в глубину. Место расположения смотровой вышки было выбрано удачно: отсюда можно было вести наблюдение за высадкой морского десанта наступающих, а также за противодействием войск, обороняющих берег.

Дав общую ориентацию о том, что главные силы с рассветом после авиационной и артиллерийской подготовки начали наступление севернее Одессы, я обратил внимание на то, что по плану операции сейчас должны быть высажены морской и вертолетный десанты. Началась интенсивная обработка авиацией «западных» обороняющихся войск. Под прикрытием авиации выдвинулась группировка кораблей огневой поддержки, которая

тоже открыла интенсивный артиллерийский огонь по целям на берегу, стремясь подавить оборону и обеспечить высадку морского десанта.

Погода выдалась хорошая. Поэтому все действия на суше, на море и в воздухе наблюдались прекрасно. Морской десант высаживался после гарантированной огневой обработки берега с целью подавить огневые точки, а также проделать проходы в линию взрывных заграждений в море и на берегу. В первой «волне» десанта на кораблях на воздушной подушке высадилась группа захвата морского десанта. В последующих «волнах» (вначале на малых, затем на средних десантных кораблях) высаживались главные силы десанта.

Одновременно в ближайшей глубине, в трех километрах от берега, высаживался вертолетный десант. Оба десанта должны были соединиться и создать благоприятные условия для развития наступления на направлении главного удара.

Войска и силы флота действовали умело. Части обороняющихся и наступающих демонстрировали высокую подготовку. Я комментировал эти действия, поясняя, почему именно они так действуют. Горбачев никаких вопросов не задавал, хотя поводов к ним было много. То ли он своими вопросами боялся показать себя далеко не Верховным Главнокомандующим (да мы его фактически и не считали таковым, он лишь числился им, формально…), то ли его мысли витали где-то в другом мире, бог весть. Вопросы задавали другие товарищи. Используя небольшие паузы, я все-таки старался «популярно разъяснить» Горбачеву (отвлекаясь от учений) состояние Вооруженных Сил, особенно Сухопутных войск, выделяя проблемы вывода наших войск из Восточной Европы, — это была для нас беда.

Анализируя ситуацию, которая сложилась в то время в Персидском заливе, я как раз и сообщил ему о возможных вариантах действий командования армии Ирака. Раскрыл цели США и личные интересы Буша, подчеркнув, что создали коалицию и управляют ею не ООН, а США. Показал ему последствия, которые в итоге ожидает мир: это укрепление лидирующего положения Соединенных Штатов, противовесом которым Советский Союз уже может и не быть…

Меня поражало молчаливое согласие или несогласие Горбачева с тем, что я говорил. Вместо того, чтобы посоветоваться по некоторым вопросам (особенно по Ираку) с лицами, которые его окружали, — он молчал или ронял отдельные, ничего не значащие реплики.

Учения продолжались. Мы вертолетами перелетели на

Широколанский полигон (ближе к Николаеву). Там выбрасывался крупный парашютный десант воздушно-десантных войск. Руководил десантированием герой Афганистана Герой Советского Союза генерал-майор Востротин. Видно, как и действия на побережье, это десантирование произвело на всех впечатление. Приземлившись, десантники быстро приводили свои боевые десантные машины в боевое положение и разъезжались подразделениями на рубежи, которые они обязаны были захватить и оборонять до подхода главных сил фронта.

В течение часа мы показали Горбачеву всю основную боевую технику и вооружение, которыми были оснащены наши войска. Это тоже впечатляло, Думаю, всё, что ему представили — и учение, и технику, — он видел впервые, да и где ему было прежде все это видеть? Когда сидел в Ставрополе, в состав Военного совета Северо-Кавказского военного округа не входил, а на территории края солидных войск не было, следовательно, и крупных учений никто не проводил. Когда же его перевели в Москву, то он стал еще дальше от Вооруженных Сил, так как ему, секретарю ЦК, поручили сельское хозяйство (кстати, он в этой области ничего не сделал и был так же далек от сельского хозяйства, как и от Вооруженных Сил).

После осмотра боевой техники и вооружения мы поехали на следующую смотровую вышку, с которой наблюдали действия танковых частей, обороняющихся против парашютного десанта «западных». Мы видели, как огромное количество танков, боевых машин пехоты и бронетранспортеров с мотострелками на большой скорости в предбоевых порядках сблизились с десантом. Затем, прикрываясь всхолмленной местностью, развернулись в боевой порядок и начали атаку десантников, ведя огонь на ходу и захлестывая их подразделения своими флангами. Одновременно обороняющиеся наносили по десанту удар своей штурмовой и бомбардировочной авиацией. Вскоре над полем боя завязались воздушные бои «восточных» и «западных». Наконец, ударная авиация и боевые вертолеты наступающих тоже прорвались в район боевых действий и начали «обрабатывать» атакующие танки и пехоту, содействуя своему десанту.

Бой развивался динамично и захватывающе.

К концу дня мы добрались на вертолетах в военный городок Широколанского учебного центра, где пообедали (хоть и поздновато). Там же Горбачев выступил перед офицерами — участниками учений и приглашенными из других военных округов. Сфотографировались на память, и Горбачев с министром обороны Д. Язовым, С. Ахромеевым и другими товарищами улетели на вертолете в Николаев, а оттуда — в Москву.

На завершающем этапе произошли любопытные эпизоды. Например, за обедом (на обеде у Горбачева были сопровождающие его лица и мы, главнокомандующие видами Вооруженных Сил, всего 9 человек) Горбачев говорил обо всем, но только не о Вооруженных Силах и даже не о только что увиденном учении. Он вспомнил о своей знаменитой антиалкогольной кампании (может, потому что за обедом на столе не было спиртных напитков). Сказал буквально следующее: «Вот уже прошло два или три года, как мы прекратили борьбу с алкоголизмом. А я вам скажу, линия все-таки у нас была правильной. Просто нам не хватило духа довести дело до конца». Мы все смотрели на него и поражались его убогому мышлению — ведь государству из-за его прихоти был нанесен ущерб более чем в 60 млрд. рублей еще тех денег, когда один доллар стоил около 70 наших копеек. Были остановлены заводы и новейшие линии по производству винно-водочных изделий, вырублены виноградники. Вообще, действовали как дикари. И когда все это было разрушено, тут же, опомнившись, начали постепенно все восстанавливать, понимая, что так поступить могли только идиоты. И вот сейчас автор этой идеи опять высказался… Возможно, это было не тупое непонимание, а попытка как-то оправдать себя в глазах присутствующих за прошлое деяние — мол, там все-таки была перспектива и зря, что мы отказались…

Вторым памятным моментом было его выступление перед офицерами — участниками учений и приглашенными офицерами из других военных округов. Для этого в учениях была сделана оперативная пауза именно для этой встречи. Естественно, его, Горбачева, выступление было написано Сергеем Федоровичем Ахромеевым. Мы еще в Москве с ним оговорили, какую часть учений Горбачев сможет увидеть в первый день, и уже тогда сделали некоторые общие выводы по этим действиям. Я также просил Сергея Федоровича включить в выступление еще два вопроса: о бедственном положении войск, выводимых из Восточной Европы и Монголии, а также о событиях в Персидском заливе и нашем к этому отношении. Ахромеев сказал, что он имеет это в виду и располагает достаточными данными. Естественно мы были спокойны: доклад Горбачева находился в надежных руках. Однако когда Горбачев выступил, мы были разочарованы — ни одна из важнейших проблем не нашла достойного отражения в его речи, не была четко и ясно раскрыта. Конечно, С. Ахромеев был ни при чем. Он-то написал (и я в этом уверен) все то, что нужно. Но потом этот документ, несомненно по указанию Горбачева, прошел через другие руки и приобрел вот такое содержание. Однако при всем этом из уст Верховного

Главнокомандующего все-таки прозвучали и такие слова: «Несмотря на потепление в мире, нашей стране, конечно, нужны Вооруженные Силы, оснащенные первоклассным вооружением и способные отстоять интересы народа. Поэтому государство будет и впредь проявлять заботу об армии и флоте, обеспечивая их всем необходимым. И если в ходе вывода наших войск из Восточной Европы появились некоторые проблемы, то они носят временный характер…»

Вот и всё, что более-менее отвечало ожиданиям офицеров. Хотя надо знать, что сказанное Горбачевым ничего не имело общего с тем, что делалось конкретно в действительности.

И еще один пример, но это уже из положительной области. По окончании встречи с офицерами были сделаны групповые фотосъемки на память (в печати их почему-то не было). Затем Горбачев и его окружение плюс я с одним генералом отправились на вертолетную площадку, откуда Горбачев должен был вылетать в Николаев и далее на самолете в Москву. Группа как двигалась, так и вошла в вертолет, кроме нас с генералом — мы остановились метрах в пятидесяти от вертолета, чтобы было видно улетающим, что их провожают, и чтобы воздушный вихрь, поднимаемый вертолетным винтом, не создавал для нас особого дискомфорта. Когда все в вертолете разместились, эпипаж убрал трап-лестницу, закрыл входную дверь и начал запускать двигатель. Вдруг двигатель выключили. Мы с генералом в недоумении — может, неисправность? Еще большее удивление у нас вызвало то, что открылась дверь, поставили трап-лестницу, из вертолета вышел один Горбачев и направился к нам. Мы, естественно, двинулись навстречу. Со словами: «Я же забыл с вами попрощаться» — он пожал нам руки и отправился в вертолет. Конечно, этот шаг всеми и в первую очередь мной был оценен высоко. И скажу откровенно — такого от Горбачева мы не ожидали.

Итак, Горбачев побывал на учениях. Атмосферу военного дела он почувствовал. Одновременно услышал наши позиции и оценки событий в мире и у нас в стране, особенно состояния Вооруженных Сил. Меня «подмывало» напомнить ему, что он на Главном Военном совете СССР 18 октября 1989 года обещал встречаться с военными дважды в год, но ни разу не встретился. Однако я так и не решился на это, посчитав, что все-таки неэтично делать это в присутствии министра обороны. Ведь Д. Т. Язов нам, членам коллегии Минобороны, говорил, что постоянно напоминает об этом Горбачеву, но тот обычно говорит: нет времени. То есть дела в Вооруженных Силах, как и в стране в целом, ухудшались, а у него не было времени встретиться. Тогда

между собой мы оценивали это как безответственность Горбачева. Но на самом-то деле он умышленно проводил курс, определенный Западом, и это выяснилось позже.

Таким образом, в годы, предшествовавшие августовским событиям 1991 года, тучи над нашей страной сгущались все больше и больше. Деструктивные силы внутри ее раскачивали союзный корабль, который уже начал давать трещины. Неподготовленность наших людей к такому повороту событий, их неспособность даже представить, что лидер страны может быть предателем, отсутствие у компетентных органов (в первую очередь у КГБ и Генеральной прокуратуры) необходимой бдительности и способности принять меры к любому гражданину СССР, вплоть до президента, если этого требуют интересы народа и государства, и предопределили нашу дальнейшую судьбу.

Развязка приближалась.

Часть 9. Вера и надежда. Трагедия отечества 1985–2000 гг

Глава I Прелюдия трагедии

«О положении в стране». Решение народа о судьбе СССР. А Прибалтика все-таки выходит из Союза. Настойчивость Верховного Совета. Июльский (1991 г.) Пленум ЦК КПСС. Проект Договора СНГ — это приговор Союзу ССР. Топор над страной занесен.

Важнейшим документом того времени было Постановление Верховного Совета СССР за № 1796–1 «О положении в стране», принятое 23 ноября 1990 года.

Вот несколько его фрагментов. Особо важные места выделены мною.

«Обстановка в стране продолжает ухудшаться и приближается к критическому состоянию. Положение в политической, социально-экономической сферах и на потребительном рынке осложняется, нарушена товарно-денежная сбалансированность. Острота межнациональных отношений приобрела опасный характер. Происходит распад структур исполнительной власти. Усиливается негативное воздействие теневой экономики, падают дисциплина и порядок, растет преступность. В стране сложилась чрезвычайная ситуация, которая требует принятия радикальных мер… принимаемые законы и указы Президента СССР во многих случаях остаются невыполненными либо не достигают желаемых результатов»…

Уже только эта часть фабулы постановления должна бы максимально встревожить любого нормального человека — ведь идет «распад структур исполнительной власти»… Так чего же еще ждать? Ведь дальше развал государства. Или: «сложилась чрезвычайная ситуация…» Какая ситуация может быть еще хуже в сравнении с чрезвычайной? Это самая тяжелая и опасная ситуация, она, несомненно, требует только адекватных, т. е. тоже чрезвычайных мер.

В постановляющей части говорилось:

«Исходя из предложений президента СССР, руководителей республик и народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Признать функционирование и результаты деятельности высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти СССР и республик, а также местных государственных органов не соответствующими изменившимся политическим и социально-экономическим условиям в стране… Рекомендовать президенту СССР в двухнедельный срок внести в Верховный Совет СССР предложения…»

И далее шел перечень вопросов, по которым президент должен сделать свои предложения: о перестройке системы исполнительных органов и их укреплении; об изменении роли и функций Совета Федерации; о мерах по регулированию начавшегося процесса приватизации; о совершенствовании органов местных Советов народных депутатов и т. д.

Однако ни одного предложения ни в двухнедельный срок, ни позже президент так и не внес.

Но продолжим цитирование постановления:

«2. Принять к сведению, что в двухнедельный срок под руководством президента СССР будет разработана программа неотложных мер по улучшению продовольственного положения в стране, по безусловному выполнению всеми республиками и регионами обязательств по поставкам продовольствия в общесоюзный и межреспубликанский фонды…

Возложить на органы КГБ СССР осуществление эффективной борьбы с экономическим саботажем, имея в виду прежде всего контроль за целевым использованием импортируемой продукции».

Но никакой программы неотложных мер (хотя это и было согласовано с Горбачевым) и улучшения продовольственного снабжения нашего народа не последовало. И так было у Горбачева не только в отношении этого постановления Верховного Совета СССР, а всегда и во всем. Он обещал, заверял, клялся, но никогда дальше этих заверений и клятв дело не шло. У него даже интерес к проблемам угасал чуть ли не на второй день. Обозначил, озвучил — и все. Некоторые объясняют это особенностями характера Горбачева. Например, Николай Иванович Рыжков говорит, что в силу своих популистских устремлений Горбачев никогда ни одно дело не доводил до конца. Верно, и с этим можно согласиться. Но верно и другое — Горбачев, конечно, не круглый… Он отдавал себе отчет в том, что делает, а его подельники по разрушению Советского Союза, несомненно, просчитывали, чем закончится его бездействие, и, возможно, докладывали ему: что же выпадает в сухой остаток. А что могло выпадать, если маховик центробежных сил не только не останавливали, но даже создавали условия для его раскручивания с еще большей силой. К примеру, возникла очередная проблема, общественность возмущается, Горбачев выступает и заверяет, что будут приняты самые решительные меры, но мер никаких не следует, а грозное обещание президента только стимулирует к еще более активным действия все те силы, которые породили эту проблему. Таким образом, положение становилось еще хуже.

Надо сказать, что и органы КГБ не справились с экономическим саботажем. Было плохо, а стало еще хуже. И не только потому, что у нас не было современного Ф. Дзержинского или хотя бы Ю. Андропова. А главным образом потому, что у нас были Горбачев и Яковлев, которые не позволяли предпринимать какие-либо шаги в этой области. Верховный Совет проблему озвучил? Да, и очень эффективно. Ну и достаточно, «не будем торопиться», как любил говорить Горбачев.

В упомянутом Постановлении был особо важный пункт:

«3. Предложить президенту СССР в случае нарушения определенных Конституцией СССР прав граждан и возникновения угрозы их жизни, здоровью и имуществу, принимать все предусмотренные законодательством СССР меры, вплоть до чрезвычайных».

А были ли основания к введению чрезвычайного положения? Несомненно. Особенно в ряде случаев на Кавказе, в Прибалтике и Средней Азии, а также в некоторых отраслях народного хозяйства, например, на железной дороге. В Литве уже весной и в начале лета 1990 года Советская власть существовала только номинально, Конституция СССР нарушалась на каждом шагу, угроза жизни горожан была реальной. К примеру, так называемый Народный фронт «Саюдис» посылал своих молодчиков в те семьи, чьи сыновья проходили срочную службу в Вооруженных Силах, и требовал, чтобы они своими письмами вынудили сыновей дезертировать. Они даже назначали сроки и предупреждали, что если они не выполнят требование родителей, то их ждет тяжелая кара.

Обстановка в стране была обострена — опасность для жизни наших соотечественников возрастала не только в перечисленных регионах. Такая же ситуация сложилась в западных районах Украины, где политическое движение «Рух», называвшее себя народным, фактически угнетало народ. Провозгласив националистические, сепаратистские идеи, оно стало прославлять Степана Бандеру, который вместе со своими бандами в годы Великой Отечественной войны выступал на стороне немецко-фашистских оккупантов. Я считал, что здесь надо было бы ввести режим чрезвычайного положения. Надо было в зародыше пресекать проявления антисоветизма, а не тогда, когда он расцвел и приобрел столь махровый, необратимый вид, что впору было только применять силу.

Разговоры Горбачева о том, что общественность якобы не приемлет чрезвычайного положения, — это блеф. Верховный Совет СССР летом 1990 года для того и принял закон «О правовом режиме чрезвычайного положения», чтобы пресекать анархию и

беспредел, порожденный горбачевской перестройкой. А наш «гуманист» навесил ярлык на этот режим, обозвав его «чрезвычайщиной». Ибо не в интересах Горбачева было вводить чрезвычайное положение или президентское правление там, где требовала обстановка. Это указывало на начало решительной борьбы против развала государства, что было явно не в интересах «лучшего немца».

Все последующие пункты (до десятого включительно) цитируемого мною Постановления Верховного Совета СССР были столь же конструктивными, как и предыдущие. Например:

«4. Принять к сведению, что президентом СССР будет сформирован орган по координации функционирования правоохранительной системы и создана специальная служба по борьбе с наиболее опасными преступлениями…»

Ни одна рекомендация Верховного Совета Горбачевым даже в первом приближении выполнена не была. Во время судебного процесса уже в 1994 году на мой вопрос — «Для вас постановления Верховного Совета СССР были обязательны или вы их могли не выполнять?» — свидетель Горбачев ответил, что он обязан был их выполнять. Вот так: обязан! Но фактически палец о палец не ударил. А Президиум Верховного Совета СССР не проявил должной настойчивости, что Горбачева вполне устраивало. Потому участь постановления Верховного Совета СССР «О положении в стране», фактически судьбоносного постановления, оказалась незавидной.

Решение народа о судьбе СССР

Не менее важные документы были приняты законодательными органами СССР и по вопросу о референдуме.

Провозглашая так называемую гласность и демократию, а фактически раскачивая и разрушая государство, насаждая анархию, национализм, сепаратизм и экстремизм всех мастей, создавая благоприятные условия для разграбления богатств страны и процветания теневого капитала нарождающейся буржуазии, Горбачев и Яковлев к исходу 1990 года перешли к решающей фазе развала страны, полагая, видимо, что народ за пять лет перестройки уже «созрел» к разделению.

На последней встрече «семерки», которая, продержав двое суток творца «нового мышления» в предбаннике, на завершающем этапе все-таки допустила Горбачева к себе, помимо всех прочих требований победители в «холодной войне» продиктовали лидеру побежденной страны свои условия по проведению в СССР реформ,

в том числе и о согласии или несогласии народов СССР жить «суверенно».

В связи с этим 24 декабря 1990 года съезд народных депутатов СССР принял Постановление № 1865–1 «О проведении Референдума СССР по вопросу о Союзе Советских Социалистических Республик».

Оно небольшое, привожу его текст полностью:

«В связи с многочисленными обращениями трудящихся, отражающими их беспокойство о судьбах Союза ССР, и учитывая, что сохранение единого Союзного государства является важнейшим вопросом государственной жизни, затрагивает интересы каждого человека, всего населения Советского Союза, съезд народных депутатов СССР постановляет:

провести Референдум СССР для решения вопроса о сохранении обновленного Союза, как Федерации равноправных суверенных Советских Социалистических Республик с учетом результатов голосования по каждой республике в отдельности;

поручить Верховному Совету СССР определить дату проведения референдума и меры по его обеспечению».

Документ был подписан Председателем Верховного Совета СССР А. Лукьяновым.

Согласно поручению Верховный Совет СССР 16 января 1991 года принимает уже развернутое, из десяти пунктов, постановление «Об организации и мерах по обеспечению проведения Референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик».

И в тексте прямо говорилось: «исходя из того, что никто, кроме самого народа, не может взять на себя историческую ответственность за судьбу Союза ССР, во исполнение решения Четвертого съезда народных депутатов СССР и в соответствии с законом о Референдуме СССР» Верховный Совет СССР постановил: провести Референдум по всей стране 17 марта 1991 года, в ходе которого состоится тайное голосование по вопросу: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик, как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности». Граждане должны были сказать «Да» или «Нет». Итоги голосования по Союзу ССР будут подведены, исходя из результатов голосования в каждой республике.

В постановлении были изложены рекомендации исполнительным органам: кому, что и к какому сроку надо сделать и кто должен обеспечить данное мероприятие материально и финансово.

В последнем — десятом — пункте было прямо записано: «… решение, принятое путем Референдума СССР, является окончательным, имеет обязательную силу на всей территории СССР и может быть отменено или изменено только путем нового Референдума СССР».

Резонно это напомнить сегодня участникам беловежского сговора Ельцину, Кравчуку, Шушкевичу и их последователям.

Верховный Совет СССР, проявляя беспокойство и заботу по подготовке и проведению референдума, 25 февраля 1991 года, т. е. за три недели до голосования, принял еще одно постановление. В нем уточнялись некоторые вопросы, отмечались и устранялись недостатки в подготовке референдума. А в заключение Верховный Совет СССР обращался ко всем гражданам страны с призывом принять активное участие в голосовании. При этом подчеркивалось, что решается вопрос «исторической важности — о судьбе нашего государства, Союза Советских Социалистических Республик».

Очевидно, и это целесообразно напомнить сегодня Ельцину, Кравчуку и Шушкевичу. И сделать это из гуманных соображений. Если такие вопросы будут в памяти каждого из них, то они не впадут в шок, когда эту тройку вместе с Горбачевым привлекут к уголовной ответственности за насильственный разлом Советского Союза. А ведь это, несомненно, произойдет и отвечать разрушителям придется.

Между тем, рассчитывая, что подавляющее большинство народа выскажется за «суверенитет» республик, а фактически за роспуск Союза, после чего можно будет выходить с инициативой создания другого, нового Союза, куда войдут считанные, может быть три-четыре, республики, Горбачев и его приспешники внимательно следили за подготовкой к проведению референдума. На что надеялся Горбачев? Возможно, думал, что новый Союзный договор обеспечит ему почетное место в истории как создателю нового государства? Но о социально-политических, экономических и оборонных последствиях такого шага он не задумывался. И хотя сам факт появления проекта нового Союзного договора противоречил Конституции СССР, а следовательно, его надо было воспринимать как преступное деяние, Горбачев все-таки упорно готовился к такому шагу, рассчитывая на благоприятные для него итоги голосования на референдуме.

Однако они стали для Горбачева — Яковлева громом с ясного неба: на радость всего советского народа 76 процентов взрослого населения страны проголосовало за сохранение Союза Советских Социалистических Республик! Для Горбачева и его окружения это

был удар. Но вскоре, оправившись от шока, эта клика продолжила подготовку нового Союзного договора. Отказаться от поставленной цели — развалить Советский Союз и создать Конфедерацию с вхождением туда всего лишь нескольких республик — Горбачев уже не мог. Поскольку все это отвечало интересам Запада, то и в дальнейшем Горбачев смело шел тем же курсом, рассчитывая на поддержку и одобрение своих «друзей».

Все последующие действия Горбачева только создавали видимость того, что он якобы беспокоится о сохранении Союза. Взять, к примеру, заседание Совета Федерации, проведенное под его руководством уже после референдума. Помимо других вопросов обсуждалось положение в Прибалтике, и в частности в Литве. Учитывая остроту сложившейся ситуации, Горбачев пригласил на это заседание двух народных депутатов — А. Денисова (ученый из Ленинграда) и автора этих строк. На заседании присутствовали президенты, председатели Верховных Советов и председатели правительств всех республик, за исключением России и Литвы. Ельцин игнорировал Горбачева, поэтому Россию представляли Хасбулатов и Силаев, а от Литвы был только представитель Ландсбергиса, который уже тогда считал, что Литва находится вне Советского Союза. В заседании участвовали и некоторые союзные министры, в частности Д. Т. Язов, Б. К. Пуго и другие.

К моему удивлению, выступающие совершенно не касались темы повестки дня, а говорили обо всем, что, на их взгляд, было важнее. В частности, президент Молдавии Снегур все свое выступление посвятил приказу двух министров — обороны и внутренних дел СССР, который предусматривал совместное патрулирование военными и милицией в тех населенных пунктах, где этого требовала обстановка (задерживать гражданских лиц имела право только милиция, а военные помогали). Снегур яростно критиковал министров: этот-же приказ только обострил обстановку.

В середине обсуждения Горбачев дал слово народному депутату А. Денисову. Тот изложил в общих чертах обстановку в Прибалтике — а она была тревожной — и сказал, что нужны хоть какие-нибудь решения.

Я полагал, что если не сразу за ним, то через один-два человека будет предоставлено слово и мне. Но выступать продолжали другие, причем они никак не отреагировали на сказанное Денисовым. Я один раз поднял руку — Горбачев увидел и кивнул, мол, имеет в виду. Через двух выступающих я еще раз поднял руку — он опять кивнул мне. Поскольку я был в военной форме, он не мог меня «потерять». Но когда выступило еще два

или три человека, и все продолжали говорить вовсе не о Прибалтике, а кто во что горазд, и по ходу совещания чувствовалось, что дело идет к концу и мне вообще не дадут выступить, я после слов Горбачева: «Ну что, товарищи…» — решительно встал, поднял руку и громко произнес: «Прошу дать мне слово!» Горбачев этого явно не ожидал. Но он был вынужден обратиться к присутствующим: «Вот еще товарищ Варенииков хочет выступить, как вы считаете?…» Конечно, ему хотелось, чтобы все сказали: надо заканчивать. Однако раздались голоса: «Надо дать!»

Не ожидая приглашения Горбачева, я пошел к небольшой трибунке, что стояла рядом со столом, за которым сидел президент. Представился присутствующим: «Народный депутат Варенников. Приглашен на заседание в связи с обсуждением обстановки в Литве. Мне приходилось решать там ряд задач, поэтому ситуацию знаю детально».

Однако начал не с Литвы и Прибалтики, а с того, что Совет, поставив перед собой архиважный вопрос, фактически его не обсуждал, и мне, народному депутату, странно слушать, когда в столь тревожной обстановке говорят совершенно на другие темы. Да и здесь нет достаточно твердых позиций.

«Вот выступал товарищ Снегур, — сказал я, — выступал и критиковал министров обороны и внутренних дел за их совместный приказ о проведении патрулирования с целью поддержания порядка. Эти министры здесь сидят, — я показал в их сторону рукой. — Да их надо благодарить и кланяться в ноги за то, что они вам помогают, а не критиковать. Это ваше дело поддерживать в республике порядок и стабильность. А что касается бронетранспортеров, так их не обязательно применять, если это не вызывается обстановкой. Взять, к примеру, Армению: есть районы, где имеют место грабежи военных складов — здесь и нужны БТРы, но есть и спокойные районы, где достаточно пеших патрулей. Верно я говорю, Левон?» — Столь вольно я позволил себе обратиться к президенту Тер-Петросяну, потому что знал его отлично. Левон кивнул головой, но промолчал.

Затем я перешел к теме заседания. Подробно обрисовав обстановку в Литве, вплоть до выявления дезертиров из ВС, сведенных в отряды боевиков, и открытой работы американских «специалистов», введенных Ландсбергисом в свой штат, я сказал: «Обстановка в республике ухудшается из года в год, из месяца в месяц. Она и будет ухудшаться, если мы четко и ясно не поставим перед собой цель — заставить выполнять Конституцию СССР и Конституцию Советской Литвы. Для этого нужны и соответствующие меры. Главная из них — введение

чрезвычайного положения в соответствии с Федеральным законом или хотя бы введение президентского правления. Другими мерами обстановку не поправишь. Если же мы задались целью «тушить» отдельные вспышки, что мы делаем сегодня, то надо будет иметь в виду, что под этим мнимым благополучием будет накапливаться такая сила, взрыв которой разнесет Советскую власть не только в Литве, но и во всей Прибалтике. Наконец, есть третий вариант — под лозунгами лжедемократии вообще не обращать внимания на то, что там происходит. Дать центробежным силам полную свободу и ни во что не вмешиваться. Тогда надо быть готовым, что эти силы разнесут и Советский Союз».

Я умышленно шел на обострение, рассчитывая на то, что Горбачев или одернет меня, или поправит, или спросит мнение у присутствующих. Но он не реагировал. После 15–20-минутного резкого выступления я отправился на свое место, не теряя надежды, что Горбачев прокомментирует мое выступление или хотя бы скажет: нужно вводить какой-нибудь режим в Литве или можно обойтись и без этого.

Каково же было мое удивление, когда он встал и заговорил так, будто моего выступления и не было. «Думаю, что обмен мнениями был полезен, — сказал он. — Каждый мог извлечь для себя необходимое. Будем и впредь стараться придерживаться этого метода. Если возражений нет, то можно было бы закончить нашу работу».

Возражений не было. Заседание закрылось. Я вышел в приемную. Ко мне подходили некоторые участники этой встречи и положительно отзывались о моем выступлении. Подошел и Р. Хасбулатов. Раскуривая трубку, сказал: «Вы все правильно говорите. Так не может дальше продолжаться». Я смотрю на него вопросительно: за кем же остановка? Для чего собирался Совет Федерации? Очевидно, поняв это, он сказал: «К сожалению, нерешительность нашего руководства, полумеры или отсутствие вообще всяких мер ставят всех нас в сложное положение…»

Мне было ясно, что никто не собирался и не собирается вступать в полемику с Горбачевым: министрам этого делать нельзя, потому что любого инакомыслящего Горбачев не потерпит и снимет; руководителей республик устраивала позиция невмешательства, занятая Горбачевым еще на заре перестройки, каждый из них действовал по своему разумению. Либерал по характеру, социал-демократ по убеждению и холуй перед Западом по крови своей, Горбачев намеренно создавал обстановку, стимулировавшую процессы развала страны.

Но эти выводы я мог сделать значительно позже, а в то время

был просто огорчен таким возмутительным бездействием. Еду в машине к себе в Главкомат, а в голове все один и тот же вопрос: почему судьба так жестока к нам?

Вспомнил, как все скверно складывалось с первых дней руководства Горбачева. Обманутые надежды, родившиеся у меня на первой с ним встрече в декабре 1984 года, заседании комиссии Политбюро ЦК по афганской проблеме с каждым годом все больше и больше приводили меня к мысли, что действия Горбачева носят зловещий характер, а не заблуждение, как это пытались показать его почитатели. Некоторые даже подавали Горбачева, как человека исключительного душевного бескорыстия, весьма гуманного, деликатного и привлекательного. В общем, ангела во плоти.

О Горбачеве нельзя сказать, что он переродился или что яд буржуазного индивидуализма проник в его сознание и отравил его (в 50-то лет!). Дело в другом. Вирусы Запада нашли у него благоприятную почву (а почва — популизм, стремление к славе и наживе). Они-то и растопили у него то притихшее до поры до времени, то замороженное, что оставалось в душевном наследии от отца и деда. Как, кстати, и у Ельцина. Ему, Горбачеву, перерождаться не надо было, как, к примеру, Гайдару. Он с рождения был таким. Только умело носил до времени фальшивую личину, чем обвел вокруг пальца и Суслова, и Громыко, и даже Андропова, холуйствуя перед ними.

Вы помните, читатель, как в 1959 году в английском парламенте на заседании, специально посвященном 80-летию со дня рождения И. В. Сталина, У. Черчилль сказал, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомным оружием? Перефразируя Черчилля, можно сказать о Горбачеве: он принял Великую Державу, которой к исходу 1991 года вообще не стало — вместе с другими предателями он ее полностью разрушил. Это уникальный случай во всей мировой истории.

Если проанализировать деятельность Горбачева на протяжении всех лет его руководства страной, то можно сделать вывод, что он ни одного полезного дела не довел до конца, ему важно было лишь обозначить себя. Но во всем, что способствовало развалу страны, он явно преуспевал. Он постоянно торопился, не давая специалистам глубоко продумать и просчитать то или иное положение. Некоторые его меры выглядели импровизацией, что, конечно, было недопустимо для огромной страны. Многие крупные государственные и партийные деятели терялись в догадках: чем были вызваны эти поспешные действия? Одни считали: он боялся, что его могут убрать с поста генсека (а для этого основания уже были), а потом и президента,

поэтому, мол, хотел сделать возможно больше, почему и торопился. Другие утверждали, что он по характеру легкомысленный популист, ему лишь бы «застолбить» идею. Третьи говорили, будто его принуждают к активным необдуманным действиям силы, заинтересованные в развале СССР, о чем как раз и свидетельствовали результаты этих действий.

Заседание Верховного Совета

Памятными в жизни нашей страны были такие события, как закрытое заседание Верховного Совета СССР 16 и 17 июня 1991 года и Пленум ЦК КПСС 25–26 июля 1991 года.

Заседание Верховного Совета было необычным. В связи с обсуждением вопросов особой важности заседание сделали закрытым.

К тому времени ситуация в стране, а особенно в Москве накалилась до предела. Горбачев упразднил Совет Министров, как орган с широкими функциями, и вместо него создал куцый Кабинет министров, максимально обкорнав его властные полномочия. На пост председателя Кабинета министров СССР был назначен В. С. Павлов. К лету 1991 года он уже поднаторел в этой должности, тем более что в марте того же года он как бы получил боевое крещенье — ему пришлось выдержать в Москве натиск так называемых демократических сил, организовавших крупные демонстрации против президента и правительства СССР. Ситуация складывалась так, что без применения силы нельзя было гарантировать порядок в столице. Горбачев поручил это Павлову, а сам как всегда (Тбилиси, Карабах, Баку, Вильнюс и т. п.) «ушел в тень». Павлов подтянул войска к Кремлю и тем самым дал понять псевдодемократам, что им надо задуматься о последствиях в первую очередь для них самих. Это несомненно сыграло отрезвляющую роль. Напряжение было снято, хотя пресса поносила Павлова, как только могла. А что Горбачев? Может, поддержал свое правительство? Нет, конечно, он заявлял в привычном стиле: «Ну зачем нам демонстрировать силу? Надо договариваться…» Вот так! Горбачев всегда был верен себе.

Кстати, Валентин Сергеевич Павлов как-то рассказал нам такой эпизод. Во время праздничной демонстрации 1-го Мая, когда руководство страны поднималось на трибуну Красной площади, Горбачев, решив «пошутить», сказал: «Я в следующий раз пойду с лозунгом «Долой Павлова!» А Валентин Сергеевич ему серьезно ответил: «А я встану вам в затылок с лозунгом

«Полностью поддерживаю предложение президента!» Тем самым дал понять Горбачеву, что за пост председателя Кабинета он совершенно не держится.

К лету 1991 года В. С. Павлов понял, что ждать от Горбачева каких-либо радикальных мер по пресечению развала властных структур страны бесполезно. И он решил апеллировать к Верховному Совету СССР. Выступая на заседании парламента страны, Павлов, характеризуя обстановку, максимально заострил все вопросы. Он заявил, что из-за политической нестабильности обстановки и отсутствия твердого управления в стране (фактически хаоса) только в 1991 году дефицит союзного бюджета достиг 39 млрд. рублей. Была названа также огромная, в 200 млрд. рублей, сумма ущерба, нанесенного стране антиалкогольной компанией Горбачева — Лигачева. Глава правительства Павлов категорически поставил вопрос о предоставлении Кабинету министров чрезвычайных полномочий, подчеркнув при этом, что только такая мера может предотвратить катастрофу. Его поддержали А. И. Лукьянов, Д. Т. Язов, В. А. Крючков и Б. К. Пуго.

Здесь же были заслушаны и все три силовых министра. Д. Т. Язов и Б. К. Пуго доложили о состоянии дел соответственно в Вооруженных Силах и Министерстве внутренних дел. В. Крючков обстоятельно обрисовал трагичность положения страны и вскрыл причины надвигающейся катастрофы. Он довольно ясно дал понять, что перестроечные реформы есть не что иное, как заговор ЦРУ, осуществляемый у нас с помощью «агентов влияния». Владимир Александрович зачитал известный уже читателю доклад бывшего председателя КГБ Ю. В. Андропова на имя ЦК КПСС, датированный еще 1977 годом. В заключение В. Крючков сказал, что по всем принципиальным вопросам КГБ своевременно дает руководству страны информацию с необходимыми предложениями, но адекватной реакции не видно. Если же не будут приняты чрезвычайные меры, то наша страна может прекратить свое существование.

Доклады произвели на депутатов большое впечатление. Однако серьезно обеспокоенный этими выступлениями, Горбачев на следующий день пришел на заседание Верховного Совета и сделал всё, чтобы предложение Павлова о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий не прошло. Горбачев успокоил депутатов и заверил, что для наведения порядка предпримет необходимые меры. Депутаты, как всегда, поверили ему, и все осталось в прежних рамках. Но ситуация продолжала обостряться. Страну затягивало в катастрофу.

Вот и выходило: пошумели на закрытом заседании

Верховного Совета — и никаких практических шагов. Совершенно было непонятно, почему заседание сделали закрытым. Если бы содержание докладов широко довели до народа — уверен, реакция с его стороны могла быть сильной. Кстати, и сегодня некоторые заседания Государственной Думы, Федерального Собрания РФ, например, о состоянии Вооруженных Сил России, делают закрытыми, хотя их содержание прекрасно известно всему Западу. А вот от своих сограждан самая важная информация скрывается.

Но еще постыднее выглядит наше телевидение, которое или вообще не информирует население или информирует выборочно, и так, как это выгодно «денежным мешкам». Так, например, было с заседаниями Государственной Думы, Федерального Собрания РФ, на которых были предъявлены обвинения президенту РФ Б. Н. Ельцину с целью организации процедуры импичмента. Из тех куцых сообщений, что шли по ТВ, зритель мало что мог понять, и делалось это специально.

По настоянию всех депутатов председатель Госдумы РФ Г. Н. Селезнев обращался ко всем руководителям телевидения (М. Е. Швыдкому, И. В. Шабдурасулову, М. В. Сеславинскому) с просьбой транслировать пленарные заседания все три дня, пока рассматривался вопрос. Но из этого ничего не вышло. Российская «демократия» не позволила сделать это. Всесильными оказались деньги. На экранах присутствовали только сторонники президента, а некоторые его противники хоть и были представлены, но с негативными комментариями с целью их обезвредить.

Июльский (1991 г.) Пленум ЦК КПСС.

Теперь несколько слов об Июльском (1991 г.) пленуме ЦК КПСС.

Главным на пленуме был вопрос «О проекте Программы КПСС и задачах партийных организаций по его обсуждению». С докладом выступил Горбачев. Говоря о проекте новой Программы, он подчеркнул:

«Из множества вопросов программного значения считаю необходимым выделить один, на котором, можно сказать, спотыкались многие поколения сторонников социализма. И сегодня он продолжает быть предметом острых дискуссий. От его правильного решения в теории и на практике зависит само будущее социалистической идеи.

Я имею в виду соотношения социализма и рынка. В прошлом эти понятия считались у нас несовместимыми на том основании, что рыночные отношения противоречат распределению по труду и на них якобы основана эксплуатация человека человеком. В

действительности рынок сам по себе не определяет характера производственных отношений. Зато он был и остается с древнейших времен единственным механизмом, позволяющим объективно и в какой-то мере автоматически, без вмешательства бюрократии изменить трудовой вклад каждого производителя. Только через рынок выясняется, насколько его товар действительно нужен обществу и какова его истинная цена. А если производителей множество и они соревнуются за потребителя, то качество и изобилие товаров становятся дополнительной наградой каждому трудящемуся за его личный вклад в экономику…»

Не останавливаясь на ряде проскользнувших в этом докладе заблуждений (или умышленно допущенных опасных позиций), надо принципиально отметить, что вопрос о наличии рынка в нашей экономике — отнюдь не открытие этого пленума ЦК КПСС. Новая экономическая политика (НЭП), провозглашенная В. И. Лениным в марте 1921 года на X съезде РКП(б), уже предусматривала рынок. Тогда было принято принципиальное решение о переходе от продразверстки, когда у крестьянина отбиралось фактически все, что он производил (оставляли только на питание семьи и семена), к продналогу, что позволяло производителю все излишки, образовавшиеся после сдачи налога, использовать по своему усмотрению. То есть торговать. Это порождало заинтересованность крестьянина больше выращивать зерна и других культур. Была разрешена частная торговля. Крестьяне, ремесленники, кустари, различные предприниматели имели на это право, но торговали они под контролем государства, в руках которого находилась монополия на все стратегические направления экономики. Это обеспечивало экономическую независимость страны от Запада. Основное внимание государства было сосредоточено на организации торговли между городом и деревней, чем обеспечивалось взаимодействие и сближение рабочего класса и интеллигенции с крестьянством (как говорили в то время, смычка города и деревни). Ярко были выражены стимулы для подъема и промышленности и особенно сельского хозяйства, что в целом благотворно сказывалось на восстановлении всей экономики страны, разрушенной гражданской войной. При этом экономика в стране была многоукладной, ибо сосуществовали натуральное крестьянское хозяйство, середняцкое мелкотоварное, кустарное, капиталистическое (в виде кулачества), государственное социалистическое (точнее, ростки социалистического в форме примитивных тогда совхозов) хозяйства. Важно заметить, что в это время утверждается и монополия государства на внешнюю

торговлю, что позволяло проводить эффективный контроль за движением капитала. И хоть НЭП при жизни Ленина и рассматривался, как переходный период к социалистическому народному хозяйству, но никто не может категорически утверждать, что все формы хозяйствования, проявившиеся в новой экономической политике, кроме «чисто» социалистической, были отвергнуты автором НЭПа. Бесспорно, что в ходе осуществления НЭПа была бы диалектически обогащена сама теория социалистического строительства.

Поэтому когда Горбачев говорил в своем докладе на пленуме, что на проблеме соотношения социализма и рынка многие поколения сторонников социализма спотыкались, то он лукавил. И наиболее ярким тому подтверждением является НЭП. Другое дело, что внешнеполитическая обстановка и продолжающаяся внутренняя классовая борьба у нас в стране вынудила Сталина досрочно свернуть НЭП и он вынужденно повел страну жестким курсом коллективизации и индустриализации. Но это было оправданно. История подтвердила, что если бы у нас не было сделано всего того, чего мы добились к 1941 году, то мы бы не добились победы в войне с фашистской Германией. Но вот в хрущевские годы и брежневский период мы могли бы пойти на такие шаги, какие сегодня предпринимаются в Китае. Однако этого, к сожалению, не произошло, хотя нужные для этого кадры были.

Зато Горбачев и его клика не просто открыли шлюзы для рыночной стихии, но и начали разрушать государство. Это преступное деяние продолжил Ельцин со своими подельниками. Некоторые сегодня возмущаются: «Вот Ельцин с Гайдаром, Черномырдиным, Чубайсом и другими ввергли страну в дикий капитализм». Но ведь это не соответствует действительности. Фактически разрушается буквально все, и название этому страшному беспределу просто еще не придумано.

На Июльском (1991 г.) пленуме ЦК КПСС Горбачев старательно «пудрил» мозги участникам заседания. В очередной раз обещал подъем и процветание. Он делал это ежегодно, начиная с 1985 года. Конечно, сегодня легко и просто критиковать членов и кандидатов в члены ЦК КПСС за их недальновидность и нерешительность. Но к тому времени ЦК уже «обновился», ушла сотня богатырей (точнее, Горбачев эту сотню насильственно вытолкал из ЦК), которые могли поддерживать политический барометр на отметке «ясно». Пришли новые, «обязанные» Горбачеву своим членством (кооптацией) в ЦК. Многие высокопоставленные «крысы» побежали с партийного корабля. Например, И. С. Силаев подал заявление об исключении

его из состава ЦК КПСС — просьба была удовлетворена. Прекратил свое членство в КПСС Э. А. Шеварднадзе, и его тоже вывели из состава ЦК. В связи с исключением из КПСС Первого секретаря Мордовского областного комитета КПСС А. И. Березина он тоже был выведен из состава ЦК. Не знаю всех тонкостей по делу Березина, но то, что Силаев и Шеварднадзе были выведены из ЦК, было благом. Плохо то, что это сделано по их инициативе, а ведь они заслуживали того, чтобы их выгнать с треском из высшего органа партии. Получилось же так, что они нагадили, а мы были вынуждены «принять меры»…

А с Горбачевым тянули. Ну, кому было еще не ясно, что он привел партию, народ и страну к катастрофе? Ведь Даже наше «Слово к народу» как нельзя лучше раскрывало это. Почему же коммунисты не поставили вопрос о выводе Горбачева из ЦК — ума не приложу! То, что он был предателем и изменником, нам еще не было известно (хотя КГБ обязан был знать и делать вывод из того, что Горбачев покрывал Яковлева, о чем знал и говорил Владимир Александрович Крючков). Но то, что Горбачев изуродовал страну и привел народ к катастрофе, — было видно всем. О этом говорил с трибуны даже Ельцин.

В общем, на этом пленуме ЦК КПСС можно было решительно пресечь падение страны в пропасть. Но эта возможность не была использована.

Вспоминаю все это с болью в сердце. С большой физической болью…

Наблюдая в те дни за всеми основными фигурами высшего эшелона власти, я чувствовал, как среди них нарастает напряженность. Они суетились, нервничали, группировались. Одни — вокруг Горбачева и Яковлева. Вторые — оппозиция Горбачеву, но без лидера. Сюда входил и Лигачев. Третьи считали себя центристами (в том числе и Лукьянов), хотя внутренне склонялись к первой или второй группе. Такое разделение было и в ЦК, и в Верховном Совете, и в правительстве. Тех, кто высказывался против политики Горбачева — Яковлева, было большинство. Но несмотря на это страна продолжала катиться в пропасть — в полном разгаре была «война законов» (законы, принимаемые в республиках, как правило, противоречили союзным законам), отсутствовало былое управление государством. Все строилось на анархических лозунгах, Горбачев, как известно, говорил: «Разрешено всё, что не запрещено законом!» А Ельцин внушал субъектам России: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите!» Это раскачало страну до основания. Но ни одно сепаратистское высказывание и даже действие центральной властью не пресекалось.

В начале августа, после моего возвращения из Прикарпатского военного округа, где я проводил сборы руководящего состава Сухопутных войск Вооруженных Сил, мне доложили проект Договора о Союзе суверенных государств. На этом документе (он у меня хранится) я написал: «Не договор, а приговор Союзу ССР!» И далее: «Ознакомить всех членов Военного совета Сухопутных войск».

В проекте Договора от Советского Союза оставались рожки да ножки, поскольку подчеркивался суверенитет каждой республики, слово «социалистических» республик было исключено даже из названия будущего Союза. Это был шаг назад. Вторым шагом назад был перечень республик, данный в препроводительной записке, подписанной главой нашего государства: «Президент Союза Советских Социалистических Республик М. Горбачев». Сама подпись звучала издевательски, ибо в перечне значилось всего девять республик из пятнадцати, которые якобы готовы были подписать Договор, хотя фактически их было меньше. А Латвия, Литва, Эстония, Армения, Грузия и Молдавия вообще не были обозначены.

Вот эта препроводительная записка:

«Направляю текст проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, завизированный руководителями полномочных делегаций республик 23 июля 1991 года в Ново-огарево.

Предлагается открыть договор для подписания государственными полномочными делегациями 20 августа с. г. Подписание проводить в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца поэтапно в следующие сроки:

20 августа — РФСФР, Казахстан, Узбекистан;

3 сентября — Белоруссия, Таджикистан;

20 сентября — Туркмения, Киргизия;

10 октября — Украина, Азербайджан, другие республики, союзная делегация.

Дата и порядок проведения торжественного акта по случаю завершения подписания договора будут согласованы дополнительно».

Автор этой записки неуклюже старался заверить читающих документ, что отсутствующие в перечне республики якобы подразумеваются во фразе: «…другие республики…»

После прочтения этого документа возникал логичный вывод о том, что авторы договора вместе с Горбачевым отрекались от социализма…

Горбачев готовил этот договор в обстановке полной секретности — он утаивал его от народа, чтобы никто не мог помешать подписанию документа, ставящего точку на Союзе

Советских Социалистических Республик. Только 15-го августа, благодаря утечке информации, сделанной В. Павловым, одна из газет опубликовала полный текст проекта договора, и тогда многим стало ясно, что на самом деле президент-предатель задумал прекратить действие Союзного договора 1922 года, а вместе с ним отправить в историю и СССР. Таким образом, топор над страной был занесен. Часы истории отстукивали последние минуты великого Советского Союза…

Глава III
Трагедия страны — это и моя личная трагедия

Проведение учений и сборов в Прикарпатском военном округе для руководящего состава Сухопутных войск. Вести 16 августа 1991 года. Встречи 17 августа. Поездка 18 августа к Горбачеву в Крым. Мои действия в Киеве. Убийственные шифрограммы. Выступление ГКЧП. «Лебединое озеро» вместо активных действий?! Вибрирующая пресс-конференция ГКЧП. Документы ГКЧП. Народ был готов, способен и ждал. Отсутствие твердого управления страной. Провокация с жертвами в ночь с 20 на 21 августа. Так что же произошло?

После проведенного в стране референдума 17 марта 1991 года, а также после моего выступления на заседании Совета Федерации, которое вел Горбачев, я вскоре не ко времени заболел. Из меня «выходил» Афгонистан. Тени различных болезней, приобретенных в этой стране, продолжают сопровождать по сей день.

26 марта меня госпитализировали, и в тот же день на консилиум были приглашены наши медицинские светила. Все единогласно поставили диагноз и пришли к выводу, что сложную полостную операцию надо делать немедленно. Однако так же дружно «светила» разошлись во мнении о методе ее проведения. На одной стороне был доктор медицинских наук, профессор Николай Григорьевич Сергиенко. А на другой — все остальные, и тоже с высокими титулами, в том числе и академики. Операция была поручена Н. Г. Сергиенко, поэтому он, видя бесполезность дальнейшей дискуссии, объявил, что будет делать операцию, так как считает нужным — всю ответственность за последствия он берет на себя. Начальник госпиталя профессор Крылов утвердил это решение, и Николай Григорьевич, создав операционную бригаду, приступил к подготовке.

Об этом и обо всем остальном он мне рассказал уже позже.

Когда меня вкатили в операционную, то она мне показалась каким-то храмом со святыми в светло-голубых халатах, белых колпаках и марлевых повязках на лице, со слегка поднятыми в перчатках руками. Все смотрели на меня. Приблизительно за час до операции ко мне приходил Н. Г. Сергиенко. Спокойно, ровным и даже тихим голосом (что является его характерной чертой), он, не торопясь, рассказал, как будет проводиться операция и как я должен себя вести. Я чувствовал, что за этим тихим голосом

скрывается твердый характер и могучая сила. Поэтому на душе у меня было совершенно спокойно.

Операционная поразила меня своей торжественностью. Я вспомнил операционные в Афганистане, особенно в Кандагаре и Джелалабаде, да и центральный наш госпиталь в Кабуле у Андрея Андреевича Люфинга — все они выглядели очень убого в сравнении с этой. А госпиталь на полуострове Рыбачий, где мне вырезали аппендикс, вообще не мог идти ни в какое сравнение.

Я отыскал глаза Николая Григорьевича — они были немного прищурены и подмигивали мне. Вокруг стали «по боевому расчету», накрыли белым покрывалом с прорехой, в которой работали. У изголовья стояли врач и сестра. Врач спросил, как я себя чувствую. Николай Григорьевич давал какие-то команды. Затем сестра сказала, что сейчас мне дадут наркоз и… будет все в порядке. Действительно, через несколько минут я погрузился в забытье.

Как потом мне рассказал Николай Григорьевич — а это было приблизительно через три года, — операция прошла в основном нормально. Закончилась же она к вечеру. Меня, еще сонного, отвезли в реанимацию, организовали как обычно службу, а сами отправились по своим делам. Н. Г. Сергиенко остался ночевать в госпитале — операция все-таки сложная, всё может быть. Среди ночи он пришел меня проведать и обнаружил, что у меня нет пульса. Нет пульса! Он объявил тревогу, всех поднял на ноги, кое-кого вызывал из дома и начал «запускать» сердце. Оно послушалось и потихоньку, редкими, слабыми ударами заработало. Жизнь вернулась. Клиническая смерть отступила. Однако врачи и сестры никуда не уходили до самого утра, «ворковали» вокруг меня. Я же периодически просыпался и опять засыпал, но в полусне удивлялся, почему здесь много народа, хотя обстановка вроде изменилась. А спросить — закончилась ли операция — не было сил. Утром я увидел склонившееся надо мной лицо Николая Григорьевича: «Как самочувствие?» «Нормально», — отвечаю. Он улыбается в свои пышные усы. А через два дня меня перевели в палату. Капельницы, инъекции, таблетки, микстуры, смены повязок…

Через две недели уже был дома. Привел себя в порядок, вошел в обычный ритм жизни, а 3 мая улетел в ФРГ во главе военной делегации с официальным ответным визитом.

9 мая перед возложением цветов к Могиле Неизвестного Солдата коллегия Министерства обороны в Александровском саду повстречалась с Горбачевым. Он подошел к каждому, пожал руку. А мне, кроме того, сказал: «Прихворнул немного?..» Я ответил: «Было дело». Не стал говорить, что после этого уже слетал в

Германию. Но, несомненно, Горбачев был хорошо информирован, в чем я Убедился.

Я почему-то вспомнил, как Горбачев выступал на XXVIII съезде КПСС после избрания его вновь Генеральным секретарем.

> «Дорогие товарищи! — сказал он. — Я взял слово, чтобы выразить вам признательность за огромную поддержку и доверие, которое вы мне оказали, избрав Генеральным секретарем ЦК КПСС в это ответственное время жизни нашей страны и партии. Благодарю вас за это.
>
> Принимаю эти обязанности с чувством величайшей ответственности, с пониманием того, что из всего разговора, который здесь состоялся и еще будет продолжен мною и всеми, кто будет со мной работать, должны быть сделаны самые серьезные, далеко идущие выводы».

Жизнь показала, какими были наивными эти «дорогие товарищи», которые опять доверили ему пост генсека, какие выводы он сделал и как довел начатое дело до конца — он развалил партию и государство окончательно, после чего интерес к нему у Запада пропал. Хотя надо отдать им должное: своих агентов они поддерживают и после того, когда «дело» уже сделано.

В 199 — 1991 годы мне приходилось постоянно летать по стране. Это было вызвано необходимостью участия командующих войсками военных округов, армий, командиров армейских корпусов и дивизий, руководства военных гарнизонов в оказании посильной помощи местным органам власти в поддержании стабильности и порядка. Необходимо было также пресечь уже создавшуюся тенденцию нападения на военные склады с оружием и боеприпасами.

Особенно опасная ситуация в связи с этим сложилась во всех республиках Кавказа и в первую очередь в Армении. Это вынудило меня, как Главнокомандующего Сухопутными войсками, собрать и провести расширенное заседание Военного совета Закавказского военного округа, на котором было объявлено, что в дополнение к существующим в Уставе гарнизонной и караульной службы положениям разрешается в случае явного нападения на пост сразу открывать огонь на поражение без предупредительных выстрелов. Там же командующий войсками этого округа генерал-полковник В. Патрикеев обещал навести порядок в охране объектов. Однако то ли эта болезнь зашла уже здесь очень далеко, то ли

организаторские способности командования округа не позволили решительно пресечь вылазки бандитов, но такие случаи продолжались.

Важнейшее место в нашей деятельности того периода занимала подготовка базы на территории Советского Союза для тех наших войск, которые выводились из стран Восточной Европы. Это был тяжелейший процесс. Дивизии наших групп войск, размещенные в Польше, Венгрии, Чехословакии и Германской Демократической Республике, имели самое лучшее вооружение и классическую подготовку. Их надо было сохранить. Но куда поставить? Естественно, мы принимали решение, максимально обеспечивающее разрешение этой проблемы, используя три пути. Первый — ликвидация частей (расформирование), которые уже были в этих списках, тем самым мы высвобождали военные городки, но жилой фонд офицеров все равно надо было создавать. Второй путь — это когда мы подстраивали к существующим военным городкам необходимые объекты. Третий — отстраивали весь комплекс заново. Последний был особенно широко распространен в военных округах европейской части страны. И во всех случаях полностью строился жилой фонд для офицерского состава.

Сейчас легко об этом говорить, а в жизни это был адский труд — от согласования с местными и центральными органами районов строительства, проектов и смет до «выбивания» денег, фондов на это строительство и организации самого процесса стройки с подключением войск. На каждый строящийся или переустраивающийся гарнизон у нас был заведен отдельный график, который постоянно контролировался специально созданными в Главкомате Сухопутных войск группами компетентных офицеров.

Это была настоящая битва за судьбы наших войск, поддержание их боевой способности и боеготовности.

Но заботы заботами, а жизнь не останавливается. Бывали и в той нашей жизни различные торжества. В конце апреля 1991 года звонит мне заместитель заведующего Административным отделом ЦК генерал Александр Николаевич Сошников и говорит: «Есть мнение, чтобы на торжественном собрании, посвященном 46-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне, перед работниками ЦК выступил бы с докладом генерал Варенников. Как вы смотрите на это предложение?» Разумеется, я ответил, что коль «есть мнение», то я воспринимаю это с благодарностью за доверие, которое мне оказывается. Мы уточнили дату и место выступления. Я поинтересовался, кто будет присутствовать из руководства ЦК.

Александр Николаевич сказал, что еще уточнит, но то, что членов Политбюро не будет, так это точно. В основном на встречу придут от заведующего отделом и ниже. У меня это вызвало двойное чувство. С одной стороны, хорошо, что я освобождаюсь от высокого контроля, а с другой — непонятно, почему отсутствует какое-то общее начало. Подобное выступление ранее у меня состоялось в Госплане СССР, и мне тогда, конечно, импонировало присутствие на этом мероприятии Николая Константиновича Байбакова.

О содержании будущего доклада в ЦК КПСС никто со мной не говорил и даже не намекал. Я также никому никаких вопросов не задавал по части того, что бы они хотели услышать. Это позволяло мне «влить» в доклад не только события, связанные с войной и нашей победой, но и всю остроту момента, в котором находилась страна: развал экономики, падение жизненного уровня народа, межнациональные конфликты, проявление сепаратизма и процветание преступности всех видов, отсутствие должного внимания к проблемам Вооруженных Сил в связи с выводом войск из Восточной Европы и Монголии, да и вообще к вопросам обороны, в том числе к ВПК. На этом фоне я ставил вопрос — разве мы в годы Великой Отечественной войны за это боролись? Разве советский народ потерял в войне миллионы своих сыновей за такую жизнь? К этому стремился Гитлер. И объяснять все наши беды временными трудностями в связи с перестройкой — не убедительно. Мы надеемся, что народ и руководство страны сделают правильные выводы и примут меры к стабилизации обстановки.

В целом я был доволен текстом своего доклада. В общих чертах рассказал о его содержании Николаю Андреевичу Моисееву — члену Военного совета Сухопутных войск. Он одобрительно отнесся к моим намерениям, но, очевидно, в целях моей защиты (а у нас отношения были весьма открытыми и близкими) он, улыбаясь, намекнул на характер аудитории и хитровато сказал:

— Возможно, некоторые тезисы стоит посмотреть еще раз…

— Обрезать острые углы, что ли?

— Ну, не так, чтобы обрезать но, может быть, по форме несколько помягче.

— Но мы же не так давно послали съезду народных депутатов обращение от нашего Военного совета, где четко и ясно описано бедственное положение войск, особенно в связи с выводом их из Восточной Европы. Что же я должен отступать? — горячился я.

— Мне тогда остается только пожелать успешно справиться с этой задачей, — миролюбиво заметил Моисеев.

Накануне намеченной даты мне позвонили из ЦК и сказали, что все остается в силе — завтра, 7 мая, в 16.00 в Большом зале ЦК, в новом здании, состоится торжественное собрание, желательно подъехать минут за пятнадцать до начала. На следующий день часа за два до доклада мне опять звонят из ЦК и говорят, что на торжественном собрании будет член Политбюро ЦК Яковлев. Вроде он только что сообщил об этом. Возможно, так оно и было, но возможно, и наоборот — чтобы не давить на меня своим авторитетом и создать условия для подготовки доклада с позиций военных. Это сообщение меня, конечно, заинтересовало, но я и в мыслях не держал вносить какие-то поправки. Если уж я на Совете Федерации выступал столь же резко, да и на съезде народных депутатов выступление было в том же ключе, то уж перед аппаратом ЦК я тем более должен быть откровенен. Мысленно даже решил, что Интонацией я должен заострить все острые моменты еще больше.

В тот же день я прибыл в установленное время. Встретили меня по-доброму. Провели в комнату президиума — там уже было человек двенадцать, многие были мне знакомы. Поздоровались, пообщались, подошел еще кто-то. В 16 часов сказали, что все собрались, и мы отправились на сцену. И здесь повстречались с Яковлевым. С ним мы были знакомы относительно давно, еще во времена, когда я приезжал из Кабула и докладывал о положении дел на заседании Комиссии Политбюро по Афганистану. Он тогда еще «прививал дух демократии» — настаивал на том, что корреспондентам надо разрешить бывать везде, в том числе и в бою. Хотя это, конечно, требовало дополнительной организации и выделения сил для охраны — чтобы их не перебили.

В этом зале я был впервые. Большой, светлый, много воздуха, все это поднимало настроение. А у меня тем более. Так как все места были заняты, я устроился за столом президиума, ближе к трибуне. А «вожди» сели по центру. После непродолжительного вступительного слова (так уж повелось) торжественное собрание было открыто и слово для доклада предоставили мне.

Пока я говорил о войне, о ее главных событиях, о победах на фронтах и в целом о разгроме немецко-фашистских войск и капитуляции Германии, а также о наших фантастических темпах восстановления и развития народного хозяйства и, конечно, о значении нашей Победы для народов мира, доклад многократно прерывался аплодисментами. Но когда я перешел к разделу, где показывал язвы нашей жизни и говорил о том, что результаты ратного труда и в целом нашей Великой Победы утрачиваются, все притихли. Лишь когда я сказал, что руководству страны надо наконец повернуться лицом к проблемам народа и его

Вооруженных Сил и принять самые решительные и экстренные меры по наведению порядка, зал буквально взорвался. Это меня ободрило. И в целом, когда я закончил доклад, зал по-доброму долго благодарил меня.

После торжественного заседания мы стали расходиться. Я уже со многими в президиуме распрощался, как вдруг мне говорят, что Яковлев приглашает меня в комнату президиума на чай — там было человек шесть-семь. Мы с Яковлевым сели визави, остальные разместились справа и слева от него. Наш с ним разговор (остальные не включались) вначале был фактически продолжением доклада. Точнее, это был даже не диалог, а мои ответы на вопросы или пояснения всего того, чем интересовался Яковлев: на каких фронтах я воевал, что из себя представляла наша дивизия, как сложилась послевоенная служба и т. д. Так мы быстро добрались и до событий сегодняшнего дня.

— Да, конечно, народ сегодня переживает трудности, — начал Яковлев, — но они носят временный характер…

— Разве могут временные явления продолжаться годами? Ведь уже шесть лет, как идет перестройка, а положение всё хуже и хуже, — возразил я.

— Но не могут грандиозные дела решаться в несколько дней или месяцев. Возьмите вы Прибалтику. Это очень сложный политический узел. Как вы относитесь к этим событиям?

Подробно рассказав, что там видел и как это оцениваю, я сделал принципиальный вывод о том, что центральная власть прозевала начальную стадию зарождения сепаратистских устремлений экстремистских сил. Мало того, было позволено ЦРУ свить гнездо в Прибалтике, и особенно в Литве. Представители США сейчас открыто, легально работают советниками при Ландсбергисе и других руководящих работниках, но никаких мер к ним не принимают. На каком основании гражданин другого государства работает в государственных органах СССР?

И в таком духе я излагал свои впечатления и выводы минут 15–20. Яковлев не говорил ни да, ни нет, но иногда вставлял небольшие реплики. Я понял, что ему для полного представления о докладчике надо вытянуть из меня мои политические взгляды на события. Что я с удовольствием и сделал.

Расстались мы в целом в благоприятном настроении, хоть я и наговорил резкостей и в докладе, и в личной беседе. Во всяком случае, Яковлев сделал вид, что он доволен, и даже, прощаясь, поблагодарил меня и за доклад, и за «откровенный разговор», как он определил нашу беседу.

Ехал я к себе в целом удовлетворенный тем, что было но где-

то там, далеко в душе, было неспокойно. Ведь говорим-то мы много, а что толку? Обстановка продолжает ухудшаться.

Прошли майские праздники. В течение мая, июня и июля Главкомат Сухопутных войск провернул капитально вопросы по подготовке фонда для размещения выводимых из-за рубежа наших войск. Особенно крупные практические дела были выполнены в Прибалтийском, Ленинградском, Белорусском, Киевском, Одесском, Московском и Приволжском военных округах. Во многих местах войска уже прибыли и надо было многое поправлять на ходу.

Одновременно мы готовили сборы для руководящего состава боевой подготовки Сухопутных войск, а также для всех руководителей, начиная от командира полка недавно созданного в Сухопутных войсках нового рода войск — армейской авиации, в районе Львова, Броды и Львовского учебного центра. За эти месяцы приходилось несколько раз вылетать и готовить базу и войска к предстоящим сборам. Гвоздем программы было полковое тактическое учение с боевой стрельбой всех видов имеющегося в мотострелковом полку штатного оружия — танкового, боевых машин пехоты, бронетранспортеров, артиллерии, стрелкового оружия плюс огонь армейской авиации, т. е. боевого вертолетного полка, который поддерживал мотострелковый полк и действовал в его интересах.

На сборы и на эти учения прилетал министр обороны маршал Д. Т. Язов. Он выступал на разборе, но говорил не только о том, что касалось наших сборов, учения и состояния Вооруженных Сил и их задачах, но и о положении дел в стране. Ясно нарисованная им картина в перспективе ничего хорошего нашему народу не несла. Поэтому министр обороны подчеркнул, что в этих условиях важнейшей задачей является укрепление боеспособности и повышение боевой готовности.

Вопросы обстановки в стране, поднятые министром обороны, нас немало озадачили. Возникали различные сомнения, предположения. Но сразу после разбора Дмитрий Тимофеевич улетел в Москву, а мы еще оставались, поэтому по горячим следам мне не удалось подробно поговорить с ним о состоянии дел.

Когда же все было подытожено и сборы закончились, а их участники отправились к себе в войска, то я, вернувшись в Главкомат, уже несколько «остыл» от этого впечатления. Тем более что на меня навалилось сразу множество проблем — ведь я не был в Москве около десяти дней. Ко всем моим хлопотам и заботам кое-что добавил и заместитель министра обороны по кадрам генерал армии В. Ермаков.

— Валентин Иванович, — сказал он мне, — у вас по плану отпуск с 20 августа. Я интересовался у министра обороны. Он ответил — как спланировано, так и действовать.

— У меня тут полно проблем, — начал было я.

— Они никогда не закончатся. А поскольку генерал армии Бетехтин сейчас на месте, вы бы могли немного и отдохнуть, — предложил он.

— Согласен: на две недели, с 20 августа, — сказал я.

— Я вам выпишу полностью, а вы уж как решите.

Через два дня мне привезли отпускной билет (он хранится у меня и сейчас), подписанный министром обороны. Начало отпуска — 20 августа. Я позвонил жене и поделился с ней этой новостью. Дома начались сборы.

Август 1991 года

Приняв предложение Главного управления кадров об отпуске (а фактически это было решение министра обороны, я подтягивал все «хвосты»: раздавал задания, ставил, вернее, уточнял всему аппарату Главкомата задачи на ближайший месяц-два. Планировал 19 числа, в понедельник, прибыть к министру обороны, доложить об убытии в отпуск и о том, как в этот период будут решаться главные задачи.

Однако 16 августа в прессе появилось сообщение о том, что на 20 число назначена встреча Горбачева в Ново-Огареве, где предполагалось подписание нового Союзного Договора. В комментарии говорилось, что сейчас этот документ могут подписать только шесть республик. Уже это свидетельствовало о возможном развале Союза. В пояснительной записке к проекту договора было сказано, что часть республик подпишут его в августе, затем процедура будет продолжена в сентябре, октябре и т. д., но это не соответствовало фактическому положению дел.

По моему требованию принесли этот проект, который мы получили еще 10 августа (было отпечатано всего 50 экземпляров), прочитал его еще раз, а также краткое обращение-препроводиловку Горбачева. Под давлением тяжелых мыслей позвонил министру обороны и доложил свои сомнения относительно целесообразности подписания договора. Язов полностью со мной согласился. Более того, Дмитрий Тимофеевич резко осудил обстановку, в которой мы оказались. А в конце добавил: «На этих днях на эту тему поговорим».

17 августа, в субботу, я как всегда был на рабочем месте у себя в Главкомате. Провел встречи с официальными лицами,

отвечающими за вывод наших войск из Восточной Европы и размещение их в пределах военных округов в европейской части СССР. Где-то ближе к исходу дня — звонок по «кремлевке». Д. Т. Язов: «Валентин Иванович, подъезжайте сюда, у меня уже Ачалов, поговорим». Машина стояла наготове, поэтому через несколько минут я уже был у министра. В его кабинете находился заместитель министра обороны генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов, но почему-то в гражданском костюме. Вначале я подумал: его вызвали внезапно, а он, поскольку суббота, возможно, где-то отдыхал и поэтому не успел переодеться. Но, оказывается, как выяснилось позже, это было предусмотрено заранее.

Не высказав своего удивления, я вначале представился министру, затем поздоровался с Ачаловым, пошутив, что гражданский костюм ему тоже идет.

— Впрочем, — сказал я, — и в военном, и в гражданском мощная грудь Владислава Алексеевича и соседние с ней участки — на первом плане. А это главное для настоящего мужчины.

Поддержав мою шутку, Дмитрий Тимофеевич приступил к делу:

— Ситуация в стране крайне плохая. Нет ни одной области в жизни и деятельности нашего общества, чтобы были хотя бы какие-то надежды на стабилизацию. Обстановка с каждым днем становится все хуже и хуже, но никаких мер не принимается. Руководство, крайне обеспокоенное этим, намерено обсудить сложившуюся ситуацию и выработать решение. С этой целью приглашает и нас троих.

Дмитрий Тимофеевич вопросительно посмотрел на меня. Предложение, конечно, оказалось неожиданным. Но вопрос был такой важности, что тут и размышлять было не о чем. Для формальности я все-таки спросил:

— Когда и где мыслится это проводить?

— Минут через 30–40. Ровно столько нам потребуется, чтобы доехать к этому пункту. Это на окраине города — то ли гостиница, то ли какой-то учебный корпус у Крючкова Владимира Александровича.

— Я готов.

Мы спустились вниз во двор Генштаба. Там нас ожидала одна машина — белая «Волга». Я понял, что это было сделано для того, чтобы не привлекать внимания. В. Ачалов сел впереди, мы с Д. Язовым разместились сзади. Водитель и сидевший рядом с ним человек были одеты в гражданские костюмы — понятно, для отвлечения внимания. Но мне было не ясно — от кого мы прячемся, если едем на объект КГБ? Разговор в машине носил

отвлеченный характер, но я уверен, что каждый думал о предстоящей встрече.

Действительно, минут через тридцать мы свернули с магистрали и, проехав 100–200 метров, уперлись в обычный КПП (контрольно-пропускной пункт), какие существуют при въезде в военный городок или какой-нибудь объект. Открылись ворота, и перед нами, как картинка, появилась уютная, ухоженная территория — словно оазис в каменной громаде города. Всё утопало в зелени, через крохотный, длинный прудик был переброшен мосток. Главным на территории этого городка, который, кстати, назывался почему-то АБЦ, очевидно, было многоэтажное здание с одним подъездом. Под кронами больших деревьев за прудом я заметил аккуратную беседку.

Во дворе уже прогуливались Крючков, Бакланов, Болдин, Шенин и еще какой-то незнакомый мне товарищ. Им оказался заместитель Крючкова Грушко Виктор Федорович. Поздоровались, немного поговорили на «дежурные» темы. Вскоре подъехал Павлов, и Крючков предложил всем пройти в беседку. Там стоял сервированный для чая круглый стол, вокруг которого мы все и разместились.

Было девять участников встречи: Крючков, Грушко, Павлов, Шенин, Бакланов, Болдин, Язов, Ачалов, Варенников. Плюс два помощника Крючкова с какими-то документами.

На положении хозяина начал Крючков. Кратко сказав о чрезвычайной сложности обстановки, он посетовал на то, что, к сожалению, не могут присутствовать на нашей встрече Лукьянов и Янаев. Первый в отпуске и находится на Валдае, а второй — на хозяйстве, т. е. на работе.

Проанализировав сказанное Крючковым и собравшихся руководителей из высшего эшелона государственной власти, я понял, что имею дело с самыми близкими к Горбачеву лицами. Разве что не было Яковлева да Шеварднадзе.

Все поднятые вопросы я условно сгруппировал по пяти направлениям: социально-политическое, экономическое, правовое (о Союзном договоре), техническое и организационное.

По социально-политической обстановке широкую информацию дал Владимир Александрович Крючков. Он говорил о том, что из-за порочного действия властей и неправильного толкования демократии в стране фактически утрачено управление. Идет война законов. Над государством нависла большая опасность. Совершенно не учтены результаты референдума. Центральные силы продолжают раскручиваться и оказывать пагубное влияние на всё, в том числе разрушены все экономические связи. Жизненный уровень народа продолжает

падать. Наши меры по оздоровлению экономики сводятся только к обращениям к Западу за помощью. Преступность не только растет, но и политизируется. Начатая по инициативе Горбачева перестройка фактически зашла в тупик.

Это было категорическое и справедливое обвинение всей проводимой генсеком политики. Всё говорилось правильно Но я не мог отделаться от мысли, почему все это не было сказано прилюдно — на Пленуме ЦК, на XXVIII съезде КПСС или на съезде народных депутатов? А глав-ное — почему КГБ, отвечающий за безопасность государства, его строя, ничего не сделал, чтобы пресечь негативные тенденции, уничтожить в зародыше все, враждебное Советской власти и социализму? Да, конечно, Горбачев вполне мог снять Председателя КГБ с должности. Но если вся правда была бы обнародована, да еще и пофамильно, и предложены конкретные меры, то расправа оказалась бы невозможной. Надо же учитывать трусливую психологию Горбачева! Но ничего не было сделано…

Внимательно слушая Крючкова, а также реплики Бакланова и Шенина по этому поводу, я полностью разделил это мнение. А в глубине души и огорчился — почему же мы позволили довести страну до такого состояния?

По второму — экономическому направлению — информацию сделал председатель правительства СССР Валентин Сергеевич Павлов. Он нарисовал удручающую картину положения дел в экономике и финансах. Отметил, что кризис, в который мы уже вошли, в ближайшие месяцы может приобрести еще большие масштабы, если не будут приняты экстренные и решительные меры. Подчеркнул, что коль мы неплатежеспособное государство, то и кредитов нам больше давать никто не намерен. Хаос в экономике приобретает угрожающие формы, а предложения правительства не находят поддержки у Горбачева. Павлов также отметил, что перед тем, как ехать сюда, он провел заседание Кабинета министров, поэтому все докладывает с учетом оценок правительства.

Павлов обратился к военным с просьбой максимально помочь в уборке урожая, на что Язов сразу ответил согласием. Однако Валентин Сергеевич заметил: каким бы урожай ни был, мы все равно не обойдемся без закупки зерна за рубежом. Нас такая обреченность просто удивила.

О третьем — правовом направлении — информацию дали Крючков и Павлов, сосредоточив внимание на проекте Союзного договора. Они акцентировали: его подписанием узаконивается выпадение из СССР большей части союзных республик, в том числе всей Прибалтики, значительной части Средней Азии и даже

под вопросом могут стоять Украина и Молдавия. Оба отметили, что якобы Лукьянов был категорически против подписания такого Союзного Договора. Оба особо подчеркнули нарушение прав человека, поскольку игнорируются результаты Референдума 17 марта 1991 года.

Олег Семенович Шенин проинформировал о сложной ситуации, которая сложилась в партии после XXVIII съезда КПСС. Беда была еще и в том, что с отменой статьи 6 Конституции СССР и лишением партийных организаций властных функций, наступил хаос — партия уже не руководила, а Советы не освоили властные обязанности. В итоге у руля оказались проходимцы, жулики, спекулянты и им подобные. Преступность процветала, а власть увядала. О каких правах могла идти в то время речь? Все согласились с выводами Шенина.

Затем приступили к четвертому направлению (помощников Крючкова) — полковники Жижин и Егоров проинформировали о готовности документов к опубликованию. Ни один из документов не зачитывался, кроме лишь некоторых фрагментов в течение трех-пяти минут из «Обращения к народу». Они прозвучали весьма убедительно, тем более на фоне тех информации, которые были сделаны до этого.

Наконец, приступили к пятому направлению — организации поездки в Крым.

В ходе сообщений по первым трем вопросам раздавались различные реплики. Одни из участников встречи говорили: надо прямо отсюда звонить Горбачеву и добиваться его согласия на введение чрезвычайного положения или президентского правления в тех регионах и областях народного хозяйства, где этого требовала обстановка. Другие считали, что надо дать ему шифротелеграмму по этому поводу и всем подписаться. Третьи предлагали не звонить и не писать, а ехать к нему и убеждать в необходимости этих шагов.

И вот когда конкретно стали обсуждать эти варианты, то все сошлись на одном: надо ехать. Олег Дмитриевич Бакланов сразу заявил, что он готов к такой поездке. Вслед за ним такое заявление сделали Олег Семенович Шенин и Валерий Иванович Болдин.

Крючков заявил, что от КГБ поедет генерал-полковник Плеханов и что надо было бы представителя от военных. Кто-то сказал, что желательно, чтобы поехал генерал Варенников. Министр обороны вначале запротестовал, сказав, что Варенников поедет в Киев и будет руководить там тремя округами с целью поддержания стабильности на Украине. Крючков заметил, что можно было бы Варенникову слетать с группой в Крым, а оттуда

перелететь в Киев и решать там задачи, которые будут поручены. Все отнеслись к этому одобрительно. Язов посмотрел на меня. Я согласился.

Таким образом, было решено, что к Горбачеву в Крым летят Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов. Цель поездки — убедить Горбачева в необходимости принятия решения о введении чрезвычайного положения в некоторых районах страны, в том числе в народном хозяйстве. Предполагалось, что Горбачев сделает это своим распоряжением или поручит кому-то, например премьеру Павлову, как он это делал в конце марта 1990 года. Кроме того, было желательно убедить Горбачева пока не подписывать новый Союзный договор.

Все были уверены, что в принципе Горбачев согласится с нашими предложениями. Не надо быть президентом, чтобы сделать вывод о необходимости введения чрезвычайного положения в районах, где гибнут люди или расхищается народное добро. Обстановка просто не терпела Дальнейших промедлений. Поэтому и не обсуждался вопрос — а что делать, если Горбачев с нашими предложениями вообще не согласится.

Встреча продолжалась полтора-два часа. Затем мы с Язовым и Ачаловым уехали, а остальные остались на ужин. Поднятые на встрече вопросы для меня не были открытием. Я был удовлетворен тем, что все эти проблемы будут доложены Горбачеву. Хотя, конечно, знал, что это ему уже многократно докладывалось, а он продолжает бездействовать.

Однако теплились все-таки надежды, что Горбачев прозреет. Ведь тогда ни у кого и в мыслях не было, что он предатель и изменник. Мы наивно думали, что он кое-чего недопонимает. И вот для того, чтобы он прозрел и, вообще, чтобы добиться хоть каких-то его решений, и была сделана еще одна попытка убедить его в необходимости чрезвычайных мер.

Страну надо было спасать. Это факт! И тут сомнений у меня не было. В предстоящей поездке в Крым, к Горбачеву, меня беспокоило другое. Если мы задались целью убедить наконец Горбачева в жизненной целесообразности чрезвычайного положения в отдельных районах страны, в том, что именно это и только это является гарантом стабилизации обстановки, то сделать это должны были первые лица, а не те, кто фактически находится на вторых ролях. Это я почувствовал еще там, в беседке, когда формировался список. Одно дело, если все вопросы перед Горбачевым поставят такие фигуры, как Павлов, Крючков, Язов, Ивашко и, возможно, Лукьянов (который, со слов Крючкова, разделял идеи принятия срочных мер). И совсем другое, когда с визитом приедут Бакланов, Болдин, Шенин,

Варенников и Плеханов.

Я не решился высказать эти свои сомнения в беседке, опасаясь, что товарищи по встрече могли бы счесть это за трусость. Кроме того, по всему чувствовалось, что вопрос о поездке уже был согласован и с Баклановым, и с Шениным (впоследствии это подтвердилось и в ходе следствия).

Мы ехали обратно на той же машине, в том же составе, только по другому маршруту — вначале должны были завезти Дмитрия Тимофеевича Язова на дачу, а затем поехать в Москву: я — к себе в Главкомат, а Ачалов — в Генштаб.

Дорогой продолжали беседовать, уточняя дальнейшие действия. Я же, вяло поддерживая беседу, думал все о своем — правильно ли я поступил, что не высказал своих сомнений? И всё больше убеждался в том, что решение о направлении в Крым не первых лиц было ошибочным, но сам я, согласившись поехать, поступил правильно, потому что решение о персональном составе «ходоков» к Горбачеву, несомненно, было принято небольшой группой лиц еще до нашей общей встречи. Ясно, что мои сомнения могли бы внести разброд и шатание в принятие решения, что, конечно, нежелательно. Тем более нежелательно что-то в этой части предпринимать уже сейчас, когда всё обговорено.

Слушая Дмитрия Тимофеевича, я еще раз (об этом говорилось и на встрече) услышал, что министр обороны выделяет для полета в Крым свой самолет. После беседы с Горбачевым мне не нужно возвращаться со всеми в Москву, а следует лететь в Киев, чтобы не допустить на территории Украины, в связи с возможным обращением руководства страны к народу, никаких эксцессов. За Украину особо беспокоились — и это четко просматривалось во время встречи — в связи с тем, что так называемое общественно-политическое движение «Рух» в то время захватило всю инициативу в республике в свои руки, как «Саюдис» в Литве, и диктовало всем свои условия. В потенциале «Рух» мог в связи с «Обращением к народу» организовать большие беспорядки, и даже с жертвами. Этого допустить было нельзя. С учетом моего опыта и моей, в прошлом, службы на Украине в качестве командующего войсками Прикарпатского военного округа (народ Украины меня, конечно, знал) и было принято решение, чтобы я обеспечил порядок на этом участке. Что, кстати, было выполнено, о чем в свое время будет сказано.

Дмитрий Тимофеевич также сказал, что намерен завтра направить в Прибалтийский, Ленинградский, Белорусский и некоторые другие военные округа европейской части СССР своих представителей из числа заместителей министра обороны и

заместителей Главнокомандующего Сухопутными войсками с целью оказания им помощи тем более что предполагалось ввести в Вооруженных Силах повышенную боевую готовность. Он наказал мне встретиться в Крыму на аэродроме Бельбек с Главкомом Военно-Морского Флота адмиралом флота В. Н. Чернавиным и первым заместителем министра внутренних дел СССР генерал-полковником Б. В. Громовым. Оба они отдыхали на Черном море, и я обязан был проинформировать их об обстановке в стране.

По тону Дмитрия Тимофеевича я понял, что у него самого на душе неспокойно. В то же время, наблюдая общую картину на встрече (куда я попал впервые), можно было сделать вывод, что все присутствующие уже встречались не один раз (возможно, в разных составах). Поэтому внутренне я приходил к убеждению, что они все хорошо продумали, четко и надежно организовали.

К этому выводу меня подталкивали и такие, к примеру, факты. Крючков говорил, что для обеспечения нормальной беседы с Горбачевым он, Крючков, посылает с нами генерала Плеханова, который решит все вопросы безопасности и связи (позже выяснилось, что он знал о распоряжении Крючкова отключить связь в кабинете Горбачева).

Относительно Ельцина, который якобы должен вечером 18 августа вернуться в Москву из поездки в Казахстан, предполагалось, что председатель правительства Валентин Сергеевич Павлов обязательно встретится с ним и переговорит о взаимодействии. Правда, раздавались голоса, что, мол, в этот же вечер с Ельциным едва ли можно будет встретиться — из поездки он всегда возвращался под большими «парами». Было решено, что если Ельцин будет не в состоянии вести деловой разговор, то можно будет перенести встречу с ним Павлова на утро 19 августа.

Положительные впечатления произвели и доклады помощников Крючкова о том, что все важнейшие документы советского руководства полностью готовы к публикации в центральной печати. Зачитанные ими фрагменты возражений не вызывали.

Особое воздействие на всех произвел один, на первый взгляд, незначительный эпизод. В ходе беседы к нам в беседку пришел сотрудник КГБ и доложил Крючкову, что его вызывает к телефону Горбачев. Владимир Александрович сразу отправился в здание. Пока он минут 10–12 отсутствовал, мы строили версии о причине звонка и возможном содержании этого разговора. Крючков вернулся, на мой взгляд, несколько озабоченный. Но сказал, что с Горбачевым шел общий разговор, ничего конкретного. На прямой вопрос Бакланова: «Вы сказали, что мы здесь беседуем?» —

Крючков ответил отрицательно. А я подумал: если мы ставим задачу — помочь Горбачеву спасти страну, то почему бы не сказать о том, что мы здесь обсуждаем? Тем более у нас в таком почете гласность и демократия. Можно было бы сделать об этой встрече официальное сообщение в печати. Да и Горбачеву сказать, что к нему вылетает группа. Ведь вопрос о лишении Горбачева занимаемых постов не возникал! (Сегодня можно добавить: «К сожалению, не возникал, а надо было!») Так почему все должно было делаться полулегально, полускрытно и вообще как-то недосказанно?

Подъехали к даче Язова, еще раз уточнили мою поездку 18 августа и распрощались. Через полчаса я уже был у себя в Главном штабе Сухопутных войск. Сразу позвонил на командный пункт ВВС и поинтересовался — получали ли они распоряжение министра обороны о подготовке к полету на завтра его самолета в Крым? Дежурный ответил положительно, уточнив: «Приказано готовить самолет в ваше распоряжение на аэродроме Чкаловский к 14 часам 18 августа. С вами еще должны лететь гражданские лица. Аэродром назначения — Бельбек, расположен неподалеку от Севастополя».

Такая информация меня вполне устраивала. Отдав необходимые распоряжения по службе, повстречался с начальником Главного штаба Сухопутных войск генерал-полковником Михаилом Петровичем Колесниковым и сообщил ему в общих чертах, что завтра, по заданию министра обороны, лечу в Крым, а оттуда в Киев и через 2–3 дня вернусь обратно. Он многозначительно посмотрел мне в глаза, но ничего не спросил. Лечу — значит, так надо.

Дома, учитывая начавшуюся подготовку в отпуск, я вынужден был сказать, что лечу в командировку. На вопрос жены: «А как же с отпуском?» — ответил, что, возможно, придется отложить его на пару дней. Такое бывало в нашей жизни, так что особых разочарований я не увидел. Но эти «пару дней» затянулись на многие годы.

18 августа за полчаса до вылета я был уже на аэродроме Чкаловский. Самолет стоял не на перроне, а в сторонке, чтобы не вызывать излишнего любопытства. Здесь же был и командир смешанной авиационной дивизии, которая обеспечивала полеты руководства Министерства обороны и важнейшие военные перевозки, а также обслуживала все воздушные командные пункты военно-политического руководства государства до Верховного Главнокомандующего включительно.

Познакомившись с экипажем и просмотрев с командиром корабля полетный лист и список пассажиров, я понял, что кроме

нас, пяти уполномоченных, плюс моего помощника полковника Павла Егоровича Медведева, летело еще человек 10–12 по линии КГБ, в том числе заместитель генерала Плеханова генерал Вячеслав Владимирович Генералов. Вскоре стали прибывать отлетающие. Вначале подъехали Бакланов, Болдин и Шенин. Затем появились все комитетчики, в основном молодые и среднего возраста подтянутые мужчины, легко одетые, но каждый — со своим чемоданчиком-«дипломатом».

Самолет взлетел в точно установленное время. Моросил небольшой дождь. Кто-то сказал, что это хорошая примета. Возможно, это и правда — ведь всё, что связано с Крымом, с Горбачевым, а также вопросы по Украине — все было определено в пределах правовых норм. Другое дело, что Горбачев не полетел в Москву и не согласился с введением чрезвычайного положения. Но ведь весь кавардак начался позже, и не где-нибудь, а в Москве.

Полет в Крым к Горбачеву

Однако — по порядку.

Летели около двух часов. Беседовали на различные темы, но главного, т. е. того, что нас всех ожидает, — не касались. На столе в салоне, где мы разместились впятером, был телефон правительственной связи. Такой телефон был и на столике с откидным креслом в коридоре. Поэтому, чтобы не мешать беседе, хотя она и поддерживалась с трудом (думал-то каждый о предстоящих событиях), я периодически выходил в коридор и оттуда названивал. Переговорил с дежурным генералом Генштаба, с командующим Черноморским флотом адмиралом Михаилом Николаевичем Хронопуло (он уже направлялся на аэродром для встречи с нами), с командующими Киевским, Прикарпатским и Северо-Кавказским военными округами, которые должны были к 17.00 подлететь на аэродром Бельбек. Надо было бы пригласить и командующего Одесским военным округом, но там проводилось учение, поэтому я его не отвлекал: учение — святое дело. А вот командующего ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск маршала артиллерии Владимира Михайловича Михалкина я пригласил, поскольку он должен был после совещания на аэродроме отправиться вместе с командующим войсками Прикарпатского военного округа во Львов в качестве представителя министра обороны.

Приблизительно за полчаса до посадки самолета я сказал своим коллегам, что надо определиться конкретнее в наших действиях, в частности, кто будет ведущим в беседе, кто о чем

будет говорить и т. д. Решили, что ведущим будет Олег Дмитриевич Бакланов, он же и сделает сообщение о политическом и экономическом положении в стране. Олег Семенович Шенин скажет о положении в партии и социальной напряженности в народе. Валерий Иванович Болдин коснется тех и других вопросов с примерами. Варенников — о положении в Вооруженных Силах и военно-промышленном комплексе. Юрий Сергеевич Плеханов не намерен был поднимать какие-либо вопросы, но сказал, что, кроме всего остального, он получил задание от Крючкова накануне беседы нашей группы с Горбачевым у последнего отключить в кабинете телефон правительственной связи, чтобы создать благоприятную обстановку для разговора. Учитывая, что наш самолет уже шел на посадку, Плеханов добавил также, что ему надо минут 20–30, чтобы решить эту задачу. Поэтому нашей основной группе целесообразно выехать через полчаса после отъезда первого отряда со связистами и другими специалистами.

Мы согласились. Поэтому когда нас встретили, я попросил адмирала Хронопуло накормить нас обедом. Что и было сделано.

Несмотря на то, что до 17 часов еще было далеко, однако кое-кто из приглашенных мною уже прилетел. Я вынужден был им сказать, что пока, до нашего возвращения из Фороса, им следует гулять и ждать остальных.

На дачу во дворец Горбачева ехали на повышенной скорости, хотя это совершенно ничем не вызывалось. На КПП проверили первую машину и всех впустили в дачный городок. Красиво, но мало зелени. А за ограждением уже просматривались и какие-то рощицы. На территории было три основных здания — дача, гостевой дом и дом для администрации и охраны, а также пляжные постройки и постройки на хоздворе — гараж, склады и т. п. Нас пригласили в гостевой дом. Мы расположились в одной из комнат первого этажа. Просматривали журналы, газеты, разговор не клеился. Плеханов ушел в главный дом организовывать нашу встречу с Горбачевым. Ушел и пропал. Прошло минут двадцать, прежде чем он появился первый раз и сообщил, что вроде у Горбачева процедура, поэтому ожидание наше затянулось, но ему уже передали о нашем приезде. И опять исчез. Через десять-пятнадцать минут прошел снова и пригласил всех в главное здание. Оно стояло рядом. Я обратил внимание, что на всей территории дачи много постов охраны — берегут нашего президента по всем правилам.

Дача оказалась в действительности небольшим дворцом. Очень красивая внешне, с прекрасной планировкой внутри, с классической отделкой темным деревом и зеленым мрамором. На

втором этаже, куда мы поднялись по нарядной широкой лестнице, была просторная гостиная с оригинальными украшениями. Олег Дмитриевич не выдержал: «Любой шах позавидует!»

Плеханов предложил нам расположиться в креслах, а сам опять куда-то исчез. Оказывается, нашу встречу он организовывал не непосредственно, встречаясь с Горбачевым, а через личного его охранника генерала В. Медведева. Минут через 15–20 Плеханов снова появился и сказал что Горбачева не могут найти, наверное, он в своих семейных апартаментах, но туда никто не ходит. И опять ушел. Обменявшись мнениями, мы пришли к выводу, что вся эта затяжка вызвана семейным советом: нежданные гости приехали неспроста — что делать?

Тут откуда-то неожиданно появился Горбачев и предложил пройти к нему в кабинет.

Первым в кабинет вошел Горбачев. Вид у него был неважный — на лице озабоченность и какие-то тени, то ли испуг, то ли болезнь. Одет был почему-то в теплый свитер. Вслед за ним зашли Бакланов и Шенин. Мы с Бодиным завершали это движение.

Кабинет представлял собою небольшую светлую комнату, с двумя на разных стенах окнами. У стены стоял большой письменный стол с креслом. Приставной столик не был, как обычно придвинут к столу, а стоял визави — у глухой стены, неподалеку от входной двери. К нему были приставлены два стула. То есть собеседники были отделены от хозяина кабинета и не могли смотреть ему в глаза. А тем более заглядывать в документы и записи, которые он Делал по ходу беседы.

Для характеристики некоторых деталей обстановки и личностей приведу высказывания Р. М. Горбачевой о тех событиях:

> «…Где-то около пяти часов ко мне в комнату вдруг стремительно вошел Михаил Сергеевич. Взволнован. «Произошло что-то тяжкое, — говорит. — Может быть, страшное. Медведев сейчас доложил, что из Москвы прибыли Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников… требуют встречи со мной. Они уже на территории дачи, около дома. Но я никого не приглашал! Попытался узнать, в чем дело… Все телефоны отключены… Значит, заговор? Арест?»

Из этого небольшого сообщения Р. М. Горбачевой следует весьма глубокий вопрос: если глава государства и партии не изменник и не предатель, если всего себя отдает народу, если при

нем народу из года в год живется всё лучше и лучше (или хотя бы на уровне брежневских и андроповских времен), то могли ли ему, главе государства, прийти в голову такие тяжелые мысли, даже если визитеры и явились без приглашения? Уверен, никто никогда и не подумал бы об аресте. Как не думали о нем тогда и мы. Это сейчас мы сожалеем, что не принудили Горбачева лететь в Москву.

Войдя в кабинет, Горбачев как-то оттянул на себя первых двух товарищей и, не здороваясь (как и при появлении), приблизившись к ним вплотную, вполголоса, но мне было четко слышно, спросил: «Это арест?» Бакланов ответил: «Да нет. Мы приехали как друзья». Шенин поддержал Олега Дмитриевича. Я смотрю — Горбачев сразу же преобразился и, уже небрежно бросив всем: «Садитесь», занял свое место. В это время в дверях появился Плеханов. Горбачев уже со злостью: «А тебе чего здесь надо? Убирайся!» Плеханов молча вышел. Промолчали и все остальные. Возможно, это было и правильно — еще до начала беседы не следовало взвинчивать обстановку. Но в то же время было обидно за товарища: я не привык к такой грубой форме общения. Однако, как я понял из дальнейшего разговора, сам Горбачев был не просто невоспитанный, некультурный человек, у которого отсутствовали обязательные, формально-элементарные нормы вежливости, но по натуре он был трусливый хам. Есть такая категория людей — если ему ничего не угрожает, то он ведет себя с нижестоящими по должности или званию как самый распоясавшийся подонок. Но даже при малейшей опасности лично для него он начинает лебезить или покорно молчать, даже если для него это ущербно.

Вот и Горбачев, поняв, что ему ничто не угрожает, что к нему приехали «друзья», вошел в роль того Горбачева, каким и был на самом деле. Не таким, как был на пленумах и съездах, различных официальных встречах, в особенности при поездках за рубеж, а таким, каким был в повседневной работе с аппаратом — без дипломатического макияжа. Это Хрущев, если дома хамил, то это делал и за рубежом. Или Ельцин, если уж дома напивался до обалдения, то за рубежом еще в большей степени держал эту «марку». То есть эти два последних позорили нас своей мерзостью, как говорят, с головы до ног. А Горбачев, прикидываясь интеллигентом перед общественностью страны и демагогически заискивая перед ней, холуйствовал перед Западом и аккуратно предавал наши государственные интересы. Тем самым позорил страну и народ втройне.

Перед нами Горбачев «держал кураж». Но раз уж принял приехавших «друзей», привел в кабинет и предложил сесть, то

позаботься хотя бы, чтобы для всех были стулья. Нет, он умышленно никому не дал необходимых распоряжений. Мол, пусть помыкаются эти «друзья», а я посмотрю на них.

То, что Горбачев говорил всем «ты», это уже не украшало. Но это не главная беда. Хрущев и Брежнев тоже, как и Сталин, обращались ко многим на «ты». Правда, Сталин обращался на «ты» только к тем, кому в свою очередь разрешал так же обращаться и к себе — Молотову, Ворошилову, Кагановичу… Эта манера общения осталась в Политбюро ЦК с времен революции и гражданской войны. А вот Хрущев, которого фактически вывела на элитную политическую орбиту жена Сталина Надежда Аллилуева (к ней он втерся в доверие во время учебы в Промакаде-мии), обращался к Сталину на «вы».

Горбачев не просто небрежно бросал фразы, обращаясь на «ты», но постоянно «вкручивал» в них нецензурные слова. Я смотрел на него и думал: как может такое высокопоставленное лицо вот так общаться с людьми? Ведь это не только унижает собеседника, но и роняет авторитет автора этой похабщины. А с Горбачева — как с гуся вода. Видно, у него всё нутро было такое. Непонятно только, почему Раиса Максимовна, державшая Горбачева под каблуком, не «очистила» его от этого недуга. А ведь она любила все красивое, особенно дорогие украшения. Но как может стремление к прекрасному уживаться с вульгарностью!

Итак, мы вошли в кабинет и по приглашению хозяина сели: я и Бакланов на стульях у приставного столика, а Шенин и Болдин обозначили свое сидение, слегка опираясь на подоконники. Затем и Олег Дмитриевич встал со стула и отправился к окну, где стоял Шенин. Видно, ему, Бакланову, было неудобно сидеть, когда Шенин и Болдин стояли. Я же не намерен был вставать. И не потому, что нарушал тем самым солидарность по отношению к товарищам. Меня уже раздражала горбачевская манера нагло говорить и хамить. Лично меня это его хамство пока не касалось, относилось к другим, но общая атмосфера была непристойной, тем более для президентского уровня.

Другое дело — если бы Горбачев вообще не принял группу. Это был бы шаг. Но хамить?! Я такого никогда не терпел, невзирая на ранги и обстановку. Поэтому продолжал сидеть.

Как мы и договорились, Олег Дмитриевич Бакланов начал беседу. Он спокойно, умно и обстоятельно рассказал вначале об общей социально-политической ситуации в стране, как мы ее оцениваем. Затем подробно об экономике, детализируя некоторые вопросы по военно-промышленному комплексу и сельскому хозяйству, касаясь, в частности, уборки урожая. Олег Семенович Шенин вначале умело вставлял по ходу важные

реплики, а затем продолжил нить разговора, обрисовывая ситуацию, которая сложилась в партии. На мой взгляд, все это звучало весьма логично.

Но самое интересное, что ни тот, ни другой не поддавался на реплики Горбачева, который обильно насыщал речь нецензурщиной. Явно было видно, что он хотел сбить их с толку. Однако они твердо проводили свою линию, стараясь внушить ему мысль о необходимости все-таки введения чрезвычайного положения и воздержания от подписания нового Союзного договора в том виде, каким он был представлен в проекте. И несмотря на то, что ни в высказываниях Бакланова, ни в словах Шенина совершенно не звучали даже нотки нравоучения, Горбачев перебивал собеседников, многократно повторял, что его не надо учить, все это он прекрасно знает, что никаких открытий в этом не видит, что посильные меры в этих областях принимались, принимаются и будут приниматься.

Для подкрепления доводов Бакланова и Шенина в разговор включился Валерий Иванович Болдин. Будучи человеком вежливым и культурным, он начал было говорить, как было принято в нашем обществе, но Горбачев буквально перешел на лай и фактически не дал ему говорить.

Видя такую картину и понимая, что никто из моих коллег необходимой атмосферы создать не может (видимо, сказывалось влияние Горбачева, сложившееся за годы длительной совместной работы), я решил высказаться. Начал твердо, с напором. Горбачев притих. Уже позже, в том числе в своих воспоминаниях Горбачев писал, что наиболее активно себя вел Варенников и что он якобы даже кричал на него. Действительно, активность мною была проявлена, однако не только потому, что Горбачев грубо оборвал Болдина. Меня возмутили демагогические заявления «лучшего немца», что, мол, вот он подпишет новый Союзный договор, а вслед за этим и ряд указов по экономическим вопросам и тогда, дескать, жизнь наконец нормализуется, все встанет на свое место.

Это сейчас, спустя годы, кому-то может показаться, что во всем этом нет ничего особенного. Но ведь тогда такое звучало насмешкой: всё валится, вся система государственного управления разрушена, никто никаких распоряжений или указов президента не выполнял, а Горбачев говорил об издании очередных указов, будто это что-то поправит. Единственное, что еще было подвластно ему, так это министерство обороны (и, следовательно, Вооруженные Силы), Комитет государственной безопасности и (правда с большой долей сомнения) Министерство внутренних дел. Но в день беседы и эти министерства, точнее их руководители, фактически выступили

против его политики- А Горбачев продолжал рисовать радужные картины.

Конечно, меня это взорвало. Обращаясь к нему по имени и отчеству и фактически перебивая его, я сказал:

— К чему всё это? Нам-то для чего вы всё это говорите? Кто будет в стране выполнять указы президента? Они же сегодня ничего не значат! Идет война законов — в каждой республике «свои» законы выше законов центра. В этих условиях, конечно, требуется особое положение, строгий режим, который бы позволил встряхнуть всех и поставить каждого на свое место. Вот вам товарищи поэтому и предлагают ввести чрезвычайное положение там, где этого требует обстановка. В последнее время мне приходится очень много разъезжать по стране, решая острые проблемы Сухопутных войск, в том числе в связи с выводом наших соединений из Восточной Европы. Много встреч с офицерскими собраниями, семьями офицеров, с личным составом частей, а также с различными государственными органами и государственными организациями. Везде я стараюсь показать нашего президента в лучшем свете. Но когда мне в лоб ставят убийственные вопросы, которые сводят на нет все хорошее, что я говорю о президенте, — мне просто нечем парировать. Вот такие вопросы задают наши советские люди, в том числе воины, и в первую очередь офицеры…

И далее я ему выложил все, что беспокоит наш народ, наш офицерский состав. Эти вопросы я повторю ему позже, в моей речи на суде. Поднятые мною проблемы и, несомненно, мой резкий тон на Горбачева подействовали существенно. Он слушал, не перебивая и опустив глаза, делал какие-то пометки и изредка посматривал на моих коллег. Но в глаза мне, к моему сожалению, не смотрел. Когда я закончил, он, сдерживая свое раздражение, тихо спросил: «Как ваше имя и отчество?» Я ему ответил. (Позже Горбачев будет писать, что, мол, он будто знал мое имя и отчество, но спросил об этом, чтобы подчеркнуть, как слабо он меня знает.) Память у него действительно была слабая, но в этом случае он врал умышленно, чтобы как-то меня уязвить. Дальше он продолжил: «Так вот, Валентин Иванович, это вам, военным, кажется, что все так просто сделать: ать-два! А в жизни все сложнее».

Тут я не выдержал и решил выложить ему все, без деликатностей — страна ведь гибнет! Он оторопел и замолк. А когда я сказал, что если он, Горбачев, не в состоянии управлять страной, то ему надо делать конкретные выводы — нельзя же ждать, пока всё развалится. Но Бакланов и Шенин начали меня успокаивать. Подошел ко мне и Болдин. Горбачев тоже встал, дав

тем самым понять, что встреча закончена.

Когда проводилось следствие, Горбачев этот мой открытый намек использовал, как «многократное (!) давление Варенникова на то, чтобы я отказался от власти». Это, конечно, была ложная посылка. Однако сейчас приходится только сожалеть, что мы его не принудили к этому решению. Но я и так вышел за рамки оговоренного на встрече 17 августа. Вот почему мои коллеги начали меня успокаивать.

Сейчас уместно подчеркнуть, что действия руководства страны (впоследствии ГКЧП) и их ближайших соратников в основе своей должны были иметь другие цели и задачи. Надо было не оказывать помощь президенту и даже не давить на него, вынуждая к необходимым шагам — надо было смещать Горбачева со всех постов. Это становится очевидным сегодня, но это было ясно и тогда, в августе 91 года. Только тогда мы объясняли это его неспособностью руководить такой гигантской страной, а теперь мы знаем о его предательстве и измене.

И это был не просто наш просчет, ошибка, а принципиально порочное решение. Ведь тогда уже было ясно, что если даже мы и заставили бы его ввести чрезвычайное положение и если он откажется от подписания нового Союзного договора, то спровоцированные Горбачевым центробежные силы в условиях, когда он, Горбачев, остается президентом страны, все равно будут продолжать действовать и разрушать государство. Но для того, чтобы отстранить Горбачева от управления государством, нужен был умный, решительный и твердый человек. Типа Семичастного. Такого в руководстве страны не оказалось. Семичастный прекрасно, без потрясений разрешил все проблемы с отстранением Хрущева от власти.

Словом, наша встреча закончилась ничем. Ее результаты были весьма туманными, как это бывало вообще в большинстве случаев, когда Горбачеву приходилось принимать решение по острым вопросам или просто говорить на тяжелую тему. В заключение он сказал: «Черт с вами, делайте, что хотите. Но доложите мое мнение». Мы переглянулись — какое мнение? Ни да, ни нет? Делайте что хотите — а мы предлагали ввести чрезвычайное положение в определенных районах страны, где гибли люди, а также в некоторых отраслях народного хозяйства (на железной дороге например). То есть он давал добро на эти действия, но сам объявлять это положение не желал. Считал, что «чрезвычайщина» — это танки, пушки, пулеметы, кровь и т. д. Хотя сам прекрасно знал, что в то время пошел уже второй год закону о режиме чрезвычайного положения, который был направлен на пресечение беспорядков, преступных,

антиобщественных, неправовых действий различного рода экстремистов.

Пожимая нам руки, Горбачев как бы между прочим сказал: «Теперь, после таких объяснений, нам, очевидно, не придется вместе работать…» Понимая существо реплики, я немедленно отреагировал: «В таком случае я подаю рапорт об уходе в отставку». Остальные промолчали. Промолчал и Горбачев, хотя, являясь Верховным Главнокомандующим, мог бы прямо здесь объявить: «Я принимаю вашу отставку». Непонятно, почему не последовало такого решения. Ведь учитывая, что я был народным депутатом СССР, президент, хоть он и Верховный Главнокомандующий, не имел права, согласно закону «О статусе народного депутата», снимать с занимаемой должности до истечения депутатских полномочий любого депутата. Это может произойти только по инициативе или с согласия самого депутата. Возможно, Горбачев просто не сообразил, что он не только мог, но и обязан был это сделать для своей же безопасности. Ведь события только начинались.

Так случилось, что когда мы прощались, я оказался ближе всех к двери, поэтому первым вышел из кабинета в просторный холл и направился к противоположной стороне, где начиналась лестница. Я обратил внимание, что слева, в стороне от моего движения, сидела в кресле Раиса Максимовна в окружении детей. Естественно, я на ходу слегка поклонился и пошел к выходу. Мои товарищи подошли к жене Горбачева. Видно, были близко знакомы, особенно Валерий Иванович Болдин, который одно время работал помощником генсека. Однако они меня не заставили долго ждать — видно, разговор с супругой генсека-президента у них не получился. Вскоре все спустились вниз и мы отправились к машине.

По дороге на аэродром меня продолжал угнетать один тот же вопрос — как могло так получиться, что страной управляет совершенно не подготовленный для этой цели человек? Почему народные депутаты не отреагировали на правильно сделанное депутатом Т. Авалиани предупреждение, что Горбачеву нельзя доверять пост президента, гак как он загубит страну? Почему съезд не поддержал депутата С. Умалатову, когда она через год его работы на тосту предложила Горбачеву уйти в отставку? Почему XXVIII съезд КПСС оставил Горбачева генсеком, а уже явный предатель и изменник Яковлев опять оказался в Политбюро? Почему ставится вопрос о подписании нового Союзного договора, когда проведен референдум и народы страны подавляющим большинством проголосовали за сохранение Союза? Почему сепаратистским силам позволено действовать

безнаказанно, о чем я и в этот раз спрашивал Горбачева? И вообще — что происходит в стране? Кто обязан пресечь раскручивание маховика центробежных сил, разваливающих страну?

Вот и сейчас: вроде какие-то необходимые шаги руководство страны и должно предпринять наперекор линии Горбачева, чтобы стабилизировать обстановку, но что конкретно — я представить себе не мог. И это усиливало тревогу.

Мои действия в Киеве

На аэродроме меня уже поджидали военачальники. Вначале я встретился с Главкомом Военно-Морского Флота адмиралом флота Владимиром Николаевичем Чернавиным и первым заместителем министра внутренних дел генерал-полковником Борисом Всеволодовичем Громовым (в соответствии с задачей, поставленной министром обороны). Рассказал им в весьма общих чертах о нашей поездке к Горбачеву, в том числе и о том, что ему предлагалось полететь в Москву, но он отказался, сославшись на здоровье. Ориентировал их также, что, возможно, завтра с утра в Вооруженных Силах будет введена повышенная боевая готовность, в связи с чем целесообразно сделать личные выводы, но министр обороны просил об этом пока никого не информировать. Б. В. Громову я предложил воспользоваться, если он, конечно, желает, самолетом, который сейчас с нашими товарищами возвращается в Москву. Но Борис Всеволодович от этой любезности отказался. Я понял, что он будет ждать команды от своего министра Б. К. Пуго. Мы расстались. Я поднялся на борт улетающего самолета, попрощался с товарищами и сказал, что вслед за ними вылечу в Киев согласно поручению министра.

Затем я встретился с командующими войсками Киевского, Прикарпатского и Северо-Кавказского военных округов, а также командующим ракетными войсками и артиллерии Сухопутных войск маршалом артиллерии Владимиром Михайловичем Михалкиным. Ему предстояло лететь во Львов в Прикарпатский военный округ в качестве представителя министра обороны. Кроме того, на совещании у меня присутствовал командующий Черноморского флота адмирал М. Н. Хронопуло. Я кратко информировал их об обстановке. Сказал, что Горбачеву предлагалось вылететь в Москву для разрешения возникших проблем, но он от этого отказался в связи с неважным состоянием здоровья. Кое-кто хотел уточнить, какая именно у него болезнь, но я ответил в общих чертах, так как сам не имел ясного

представления о его заболевании. Это уже потом нам стало известно о его радикулите.

Но главная моя задача — предупредить командующих, что с утра завтра, 19 августа, может быть введена повышенная боевая готовность во всех Вооруженных Силах. В связи с этим я раздал каждому по экземпляру закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» и разобрал с ними основные положения (статьи), на которые надо было обратить особое внимание. Объявил также, что главная наша задача — совместно с органами КГБ и МВД не допустить беспорядков и различных неконституционных, неправомерных действий со стороны деструктивных элементов и экстремистских сил типа украинской организации «Рух». Ответив на некоторые вопросы, я простился с ними, и все разлетелись.

Мы с командующим Киевского военного округа генерал-полковником В. С. Чечеватовым на его самолете полетели в Киев. Настроение было неважное. На душе тревожно. К разговору я был не особенно расположен. Виктор Степанович, будучи внимательным и умным человеком, чувствовал это и лишних вопросов не задавал. Да и я, забегая вперед, должен сказать, что с самого начала старался и командующего войсками Киевского военного округа, и в целом Военный совет округа не втягивать в подробности грядущих событий, а ограничить только тем, что необходимо было выполнять по линии Министерства обороны. Исключением, очевидно, станет только встреча с руководством Украины.

Подлетая к Киеву, я поручил В. С. Чечеватову, чтобы он сегодня, т. е. 18 августа, организовал на следующее утро встречу с председателем Верховного Совета Украины Л. М. Кравчуком, первым секретарем Компартии Украины С. И. Гуренко и первым заместителем председателя правительства (председатель был в зарубежной поездке) К. И. Масиком.

Мне, во-первых, надо было представиться; во-вторых, ориентировать о намерениях Министерства обороны ввести в войсках повышенную боевую готовность; в-третьих, Для поддержания конституционного порядка организовать взаимодействие.

Мы с моим помощником для особых поручений полковником П. Медведевым остановились в штабе Киевского военного округа. И там же заночевали. Но прежде чем отправиться отдыхать, я уточнил свои планы действий на завтра, позвонил вначале Д. Т. Язову, а затем В. А. Крючкову — из приемных ответили, что они на совещании в Кремле. Тогда я переговорил с дежурным Генштаба и Главкомата Сухопутных войск, а затем позвонил

некоторым командующим войсками военных округов и поинтересовался обстановкой. Все было нормально.

После этого попытался заснуть, но думы о том, как решаются в это время вопросы в Кремле, не дали сомкнуть глаз. В пять утра из приемной прибежал Медведев и возбужденно доложил, что ему дали сигнал из Москвы о том, что сейчас по радио должно быть экстренное сообщение Советского правительства.

Мне включили приемник, и я, слушая, делал для себя пометки. Кстати, мне попался под руку один из экземпляров отпечатанного на машинке закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» (что я раздавал командующим на аэродроме в Бельбеке), и я на обороте этого документа делал для себя записи. Позже, когда при аресте делали обыск, этот документ изъяли как «вещественное доказательство» того, что я задолго готовился к этим действиям — «мои» мысли совпали с текстом тех документов, которые 19 августа с утра объявлялись по радио.

Скажу откровенно: заявлением советского руководства я был удовлетворен, настроение было приподнятое. Раз создан Государственный Комитет по чрезвычайному положению, то это уже решительный шаг и всем понятно: есть центр, который организует дальнейшие действия по спасению страны (было только не ясно — кто председатель этого комитета, но тогда мы все думали, что это решится или уже решилось, и будет объявлено). Далее — был обнародован целый ряд документов, которые охватывали все стороны жизни и деятельности нашего народа и государства, всю внутреннюю и внешнюю политику. Даже одно их название о многом говорило: «Обращение к советскому народу», Указ вице-президента СССР Янаева о вступлении в исполнение обязанностей президента СССР, «Обращение исполняющего обязанности президента СССР Янаева к главам государств и правительств и к Генеральному секретарю ООН», «Заявление Председателя Верховного Совета СССР Лукьянова», «Постановление ГКЧП № 1», «Заявление советского руководства». Эти документы 20 августа были опубликованы в некоторых газетах, а пока подробно излагались по радио.

Надо заметить, что позже псевдодемократия во главе с Горбачевым, а затем и Ельциным старалась повесить на членов ГКЧП и лиц, его поддержавших, различные ярлыки. Их обвиняли во всех грехах, в том числе даже в стремлении захватить власть. Читать и слушать такое было и грустно, и смешно. Зачем им надо было захватывать власть, если она была в их руках? Это была гнусная ложь. Вот почему уже на протяжении многих лет режим боится печатать и комментировать документы ГКЧП. Все, о чем

там говорилось с предвидением ближайшей перспективы, к сожалению, произошло.

Но об этом — позже. А сейчас о моих действиях в Киеве. Утром ко мне пришли командующий войсками Киевского военного округа генерал-полковник В. С. Чечеватов и член Военного совета округа генерал-лейтенант Б. И. Шариков, и мы втроем отправились в Верховный Совет Украины. В 9 часов мы встретились с Председателем Верховного Совета УССР Л. М. Кравчуком, первым секретарем ЦК Компартии Ураины С. И. Гуренко и первым заместителем Председателя Совета Министров УССР К. И. Масиком.

После взаимных приветствий приступили к делу. Я не замедлил спросить — слушали ли они по центральному радио сообщение о важнейших событиях. И, несмотря на некоторую настороженность и озабоченность, они дружно ответили, что, конечно, слушали и придают этим сообщениям особое значение. Хотя не высказались ни за, ни против. Естественно, я не удержался и сказал, что наконец, наверное, пришло время, когда в стране будет покончено с хаосом, отсутствием твердой власти и управления.

Руководство Украины уже знало, что накануне, 18 августа у Горбачева побывала группа лиц, в числе которых был и я (очевидно, их ориентировал В. Чечеватов). Поэтому меня спросили: «Как там Горбачев?» Я ответил в общих чертах, не затрагивая деталей беседы и обстановки, в которой проходила встреча. Но два момента подчеркнул: Горбачев неважно себя чувствует и отказался лететь в Москву для разрешения назревших проблем. Добавил, что наверное, потому и отказался лететь, что хворает. Затем проинформировал руководство республики, что во избежание каких-либо недоразумений нашим Вооруженным Силам объявлена повышенная боевая готовность. Фактически это означало, что все воинские части и соединения, где бы они ни находились, возвращаются в пункты постоянной дислокации и занимаются боевой подготовкой в своих военных городках. Это позволило бы им выступить по предназначению буквально через несколько минут с момента получения приказа.

В то же время я поинтересовался у руководства Украины, как они смотрят на введение чрезвычайного положения в некоторых районах республики. Такой вопрос был задан не потому, что такая мысль проскользнула в разговоре с Горбачевым, а потому что я лично в начале августа убедился: во Львове и Львовской области в результате действий политической организации «Рух» Советская власть была фактически ликвидирована. На мой вопрос Кравчук ответил вопросом: «А как, вы считаете, надо было бы

поступить?» Я без дипломатии ответил, что, по моему мнению, чрезвычайное положение надо ввести в трех западных областях Украины — Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской. Можно было бы предусмотреть также использование отдельных положений закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» в некоторых городах Украины, где «Рух» имеет большое влияние, в том числе и в Киеве. Говоря о трех западных областях, я, разумеется, изложил свои выводы из личных наблюдений, что соответствовало действительности, и никто из собеседников в отношении моей оценки обстановки не возражал. Что касается моего мнения о введении чрезвычайного положения в Западной Украине, то, в отличие от Кравчука и Гуренко, горячо обсуждать этот вопрос начал Масик. Возможно, он хотел блеснуть своими знаниями закона, но делал это так неудачно, допуская ошибки, что я вынужден был его поправлять. К тому же он явно горячился, что его не украшало. В ходе обсуждения этой проблемы вдруг на рабочем столе Кравчука (мы сидели за столом заседаний) зазвонил телефон правительственной связи «ВЧ». Леонид Макарович отправился к телефону. С первых слов мы поняли, что звонит Владимир Александрович Крючков. Видно, он ориентировал Кравчука об обстановке о предполагаемых шагах ГКЧП и т. д. Кравчук поинтересовался мнением председателя КГБ СССР относительно введения чрезвычайного положения на Украине. Тот сказал, что он не видит причин для введения такого положения и к нему можно не прибегать. Кравчук, повторяя за Крючковым слова последнего, многозначительно смотрел на меня.

Когда телефонный разговор был окончен, Кравчук с некоторым торжеством заметил, что председатель КГБ не находит нужным где-то на Украине вводить чрезвычайное положение. Я сказал, что его органам лучше знать, где надо и где не надо вводить чрезвычайное положение. На этом мы разговор на эту тему закончили.

Для того, чтобы обеспечить порядок и спокойствие на территории республики (а именно с этой целью я сюда и был направлен руководством страны), требовалось провести целый ряд мероприятий. На некоторые из них я постарался обратить внимание Кравчука, Гуренко и Масика. Но особенно Кравчука. Я прямо сказал ему, что многое зависит от него лично: его положение и авторитет могут предотвратить различные негативные проявления в обществе. В связи с этим я предложил ему выступить по телевидению и радио, призвать народ к спокойствию и порядку. Предложил также собрать руководителей различных партий и движений (или найти какую-то другую

форму общения) и предупредить их, что они лично несут ответственность за поведение членов их партий и движений, что сейчас надо категорически запретить какие-либо митинги и Шествия. Одновременно проинформировать этих лидеров, что Вооруженные Силы находятся в повышенной боевой готовности и если кто-то будет нарушать правопорядок и тем более если это будет нести угрозу для народа, а МВД своими силами не сможет справиться, то в соответствии с законом «О правовом положении режима чрезвычайного положения» разрешается привлечь воинские части.

Кравчук воспринял это как должное (особенно когда я говорил о его авторитете) и пообещал решить все вопросы. Мое предложение о создании на базе штаба Киевского военного округа единой Оперативной группы, куда должны войти представители руководства КГБ, МВД республики и Министерства обороны СССР, руководители Украины восприняли положительно. Цель и задачи этой Оперативной группы — совместно и оперативно собирать данные об обстановке в границах УССР и своевременно докладывать с необходимыми предложениями в Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики, а также мне, как представителю Министерства обороны СССР. Руководство не только поддержало эту идею, но и в тот же день затвердило создание Оперативной группы на заседании Президиума Верховного Совета УССР.

Перед расставанием Кравчук поставил передо мной вопрос — почему документы ГКЧП не прислали в республику? Ведь сообщение по радио и телевидению не имеет юридической силы. Я ответил, что не являюсь членом ГКЧП и прибыл на Украину как Главнокомандующий Сухопутными войсками — представитель Министерства обороны с целью обеспечить нормальные действия военных округов, которые расположены в границах УССР, а также оказать помощь руководству. Но заверил, что непременно приму меры, чтобы документы ГКЧП были доставлены руководству Украины.

О своей встрече с руководством республики, а также о просьбах Кравчука я в этот же день послал в адрес ГКЧП шифротелеграмму. Затем провел организационное совещание с личным составом Оперативной группы, которая была создана буквально через несколько часов после окончания нашего заседания в Верховном Совете Украины.

Вибрирующая пресс-конференция ГКЧП

Убедившись, что основные вопросы решены, механизм сбора данных на всей территории республики создан и его центр — Оперативная группа — уже заработал, я начал обзванивать военные округа, одновременно наблюдая, что же происходит на экранах телевидения. Оказалось, государственное телевидение жило совсем в другом измерении, а руководство страны к этому относилось безразлично. Во всяком случае, если даже не были отданы необходимые распоряжения о программе передач на этот день, 19 августа, то Кравченко, отвечающий перед государством за телевидение, обязан был сам определиться, что именно должно быть на экранах. Естественно, в первую очередь передавать текст всех документов, изданных ГКЧП, разъяснять их.

А вместо этого весь день телевидение показывало балет «Лебединое озеро». Весь день! Это была открытая насмешка над ГКЧП. Да и над высоким искусством — тоже.

Это гениальное творение, созданное нашим великим композитором Петром Ильичом Чайковским и даровитыми сценаристами В. П. Бегичевым и В. Ф. Гельцером, радовало и питало духовность народов мира более ста лет. В самых разных странах горячо рукоплескали балетмейстерам и всем исполнителям, особенно заглавных ролей — Одетты, Зигфрида, Одилии, Ротбарта. Даже бегло просматривая любые сценки, слушая эту дивную музыку, любой, самый безразличный человек ощущает, как теплеет его душа. Высокое искусство растопит даже камень. И вдруг это бесценное произведение максимально обесценивают, используя в качестве серой шторы, за которой скрывается невесть что. Никто толком не знал, что происходит в стране. А члены ГКЧП вместо того, чтобы постоянно выступать по телевидению и радио, даже не обратили внимание на то, что на экранах телевидения постоянно идет показ «Лебединого озера». Сегодня, когда случается увидеть фрагменты этого балета, они поневоле ассоциируются с тяжелыми событиями августа 1991 года.

А я тогда продолжал выполнять данное мне поручение. Несколько раз звонил Дмитрию Тимофеевичу Язову. Отвечали одно и то же: «Министр обороны в Кремле на заседании Комитета» (имеется в виду ГКЧП). Я подумал: ну раз заседают — порядок будет, и продолжал названивать в различные военные округа, чтобы узнать обстановку. Телевизор, конечно, выключил. Ближе к вечеру в кабинет вбегает полковник Медведев и говорит, что надо включить телевизор — важное сообщение.

Включаю. Действительно, важное сообщение: передают пресс-конференцию членов ГКЧП для представителей средств массовой информации. Видно, такая встреча была проведена в пресс-центре

МИДа и транслировалась телевидением по всей стране. Естественно, в прямом эфире передавалась за рубеж во многие страны. В тех условиях, когда накал обстановки достиг высшей степени, пресс-конференция должна была сыграть не просто главную роль в информировании народа, но и настраивать его на поддержку действий ГКЧП по наведению порядка в стране. Она должна была дать возможность взглянуть в будущее, вселить веру и надежду, наконец, что вообще должно было стать главной целью, — мобилизовать народ на спасение страны. Ведь люди оставались в неведении. Утром по радио сделали сообщение, всех переполошили, и на этом вся работа с народом была закончена. Кравченко своей враждебно-бестолковой «инициативой» по показу «Лебединого озера» еще больше напустил дыма в сознание людей. Руководители же страны, вместо того чтобы каждому выступить (и может, несколько раз в сутки) и разъяснить детально все положения объявленных документов, продолжали заседать, вырабатывая, очевидно, свои позиции и порядок дальнейших действий. Заседали, но не влияли на обстановку. Обстановка формировалась сама собой. А что касается Москвы, точнее, района вокруг здания Дома Советов РСФСР, то она формировалась псевдодемократией во главе с Ельциным и Хасбулатовым.

И вот наконец-то ГКЧП вышло на люди! За столом президиума на пресс-конференции в центре временно исполняющий обязанности президента Янаев, справа и слева от него — Пуго, Бакланов, Стародубцев и Тизяков. Плюс руководитель пресс-центра. Непонятно, почему не было Павлова, Крючкова и Язова. Позже уже выяснилось, что Павлов болен, а Крючков и Язов не появились, чтобы не демонстрировать силовые структуры. Хотя высказывались и другие версии (как, кстати, и в отношении болезни Павлова).

Но самый главный просчет был в другом — вместо разъяснения избранной ГКЧП позиции, его целей и задач, вместо принципиального разъяснения сути обнародованных документов и внушения всем веры в реальность и несомненное выполнение объявленных обещаний участники пресс-конференции вели, причем весьма робко, неуверенно разговор, фактически оправдываясь перед журналистами, и только. Очевидно, в этих же целях Геннадий Иванович Янаев, который вел пресс-конференцию, дважды заявил, что он является другом Горбачева, и даже сказал: «Будем надеяться, что Михаил Сергеевич в ближайшие дни выздоровеет и прибудет в Москву». К чему это? И вообще, в чем ГКЧП должен оправдываться? А если учесть, что телеоператор, делавший съемку пресс-конференции, постоянно

показывал дрожащие руки Янаева, то в целом картина сложилась самая удручающая. Разве мог телезритель уверовать в ГКЧП, увидев этот спектакль?

Было ясно, что пресс-конференция не подготовлена, очевидно, решение о ее проведении приняли спонтанно, с ходу. Но разве можно играть с революцией (именно так говорил Ленин)? Разве можно было так беспечно рисковать, даже не оговорив сути и сценария пресс-конференции? Разве можно было ее начинать, не согласовав, кто и по какому вопросу даст информацию? Да и разве можно было идти на этот шаг, уже заранее предрешив, что ГКЧП сядет в оборону? Тогда вообще не нужна была никакая пресс-конференция. А коль на нее решились, то надо бы сразу, всеми силами ГКЧП идти в атаку — полностью, честно и убедительно раскрыть всё, что задумано. Ведь это же все было предпринято во имя народа, а не членов ГКЧП.

Просто поразительно, до чего бездарно все было организовано и проведено.

Сокрушаясь об увиденном и услышанном, я сразу же Направил шифротелеграмму в Москву на имя ГКЧП. Особенно подтолкнуло к этому шагу выступление Ельцина с танка. Выглядело это дико и мерзко — чуждые советскому обществу существа топтали советский танк!.. Вот содержание этой шифротелеграммы:

«Штаб Киевского военного округа.

Исходящая шифротелеграмма № 17/1970 г. Москва

Государственному Комитету по чрезвычайному положению

Докладываю:

Оценивая первые сутки, пришел к выводу, что большинство исполнительных структур действует крайне нерешительно и неорганизованно. Правоохранительные органы фактически вообще не выполнили никаких задач. Это чревато тяжелыми итогами.

Совершенно необъяснимо бездействие в отношении деструктивных сил, хотя накануне все было оговорено. На местах мы ничем не можем, например, объяснить гражданским руководителям и военнослужащим причины аморфного состояния в Москве.

Идеалистические рассуждения о «демократии» и о «законности действий» могут привести все к краху с

вытекающими тяжелыми последствиями лично для каждого члена ГКЧП и лиц, активно их поддерживающих. Но самое главное даже не в том, что каждого ждет тяжелая участь (лишение жизни и презрение народа), а максимальное дальнейшее ухудшение событий для всей страны. Реально государство будет ввергнуто в катастрофу. Мы не можем этого допустить!

Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас к Москве. Мы все убедительно просим принять меры по ликвидации группы авантюристов Ельцина Б. Н. Здание правительства РФ необходимо немедленно надежно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи и т. д.

Сегодня судьба государства именно в разрешении этой проблемы, поэтому никто и ничто не должно остановить нас при движении к намеченной цели.

Нерешительность и полумеры только подтолкнут экстремистов и псевдодемократов к еще более жестким и решительным действиям.

Варенников

19.8.91 г.».

Прикрываясь гласностью и демократией, некоторые газеты и журналы забыли даже о самом святом. Особенно этим отличался журнал «Огонек» Виталия Коротича. В номере 41 за октябрь 1989 года (хорошо запомнил, потому что использовал это при выступлении на Главном Военном совете страны) на обложке журнала была помещена фотография полковника-танкиста, ветерана войны, о чем говорят его нашивки многих ранений и колодки 12-ти или 15-ти правительственных наград, приколотые к старенькому кителю. Снимок (или монтаж) сделан на фоне Государственного флага СССР и царского (Петровского) штандарта. Полковник держит перед собой развернутую лицевой стороной книгу, на которой написано: И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». А по лицу полковника крупно, толстыми белыми буквами в две строчки написано: «Сталин с ними!»

Это был открытый и грубый выпад против всех ветеранов войны и труда, против воинов Вооруженных Сил, против нашей страны и истории. А ведь они — честь и слава нашего Отечества, это наша гордость. Они спасли Родину!

И зря я возмущался. В «Огоньке» Коротича просто так ничего не делалось. И в данном случае ясно, что журнал играл «свою

скрипку» в общем оркестре Яковлева по развалу наших Вооруженных Сил как опоры нашего общественного и государственного строя. И вообще по всем телеканалам проводилась массированная компания по развалу наших советских социалистических устоев.

Хотя Коротич и не заслуживает такого внимания, какое ему оказывается здесь, и хотя он, как предатель и изменник, исполнивший по заданию спецслужб США определенную гнусную работу, получил теплое место в Штатах (куда и отправился, очевидно, на постоянное жительство), я все-таки для полной характеристики этого субъекта приведу еще один эпизод.

У нас в стране был талантливый и всеми уважаемый поэт Булат Окуджава. Его проникновенные стихи и песни пленили многих, и меня тоже. Но, к сожалению, он с наступлением горбачевской перестройки стал антисоветчиком. Не будем гадать — произошло это на почве личных умозаключений, была ли это дань моде (моде Яковлева), или же эта деформация стала возможной под давлением. Однако это стало очевидным, и то, что Окуджава оказался в стае псевдодемократов, многих огорчило. Но особо огорчительным было то, что он выступил против военных, против Вооруженных Сил в целом, как Арбатов, Коротич и иже с ними. Причем сделал это гнусно, злобно. Мне не хочется даже комментировать его стихи. Этим своим выпадом он оттолкнул не только военных, но и истинных патриотов страны, хотя никто не собирался и не собирается отрицать талант Окуджавы.

В то же время в нашей офицерской среде нашелся свой поэт, который не только достойно ответил Окуджаве, но фактически разгромил его, что признал и сам Окуджава. Это был генерал Александр Иванович Фролов. Может, покажется странным, но в то время он был в должности военного прокурора Киевского военного округа. Генерал Фролов послал свои стихи в «Огонек», где было до этого помещено «произведение» Окуджавы. Он рассчитывал на то, что раз в стране объявлена гласность и демократия, то, несомненно, его, Фролова, тоже напечатают в этом журнале. Но не тут-то было. Главный редактор «Огонька» Коротич категорически воспротивился. Поэтому я как-то в перерыве между заседаниями съезда народных депутатов повстречался с Коротичем, который тоже был народным депутатом СССР, в проходе уже опустевшего зала стал уговаривать, чтобы он благожелательно отнесся к Фролову. Коротич мялся, хотя мои доводы по поводу гласности были неотразимы. К нам подошел еще один народный депутат — народный артист СССР Иосиф Кобзон и категорически встал на мою сторону. Называя Коротича по имени, он помог выдавить из

главреда «Огонька» согласие. Коротич сказал: «Хорошо, через номер мы его поместим обязательно». Естественно, я поблагодарил его и даже позвонил в Киев, обнадеживая автора. Но Коротич был и остался мерзким лжецом. Он не только не напечатал Фролова, но продолжал помещать памфлеты-помои на Вооруженные Силы. Вот вам и гласность!

К слову сказать, думаю, читателю не лишним будет знать, как Коротич стал народным депутатом. «Главным архитектором перестройки» и разрушения «этой страны» был, как известно, Александр Яковлев. Яковлев создал такую систему выборов в народные депутаты и так всех запутал, что депутатом не мог стать разве что только юродивый. И вот Коротич, которого в одном избирательном округе разоблачили и буквально выгнали, появляется во втором. Во втором его тоже оценили «по достоинству» и тоже выгнали, он подался в третий. И так было в нескольких избирательных округах. В итоге в этом, как в народе говорят, бардаке Коротича все-таки избирают народным депутатом. Вот вам идиотская «демократия» во всем своем цвете.

Я с удовольствием помещаю стихи А. Фролова в своей книге и убежден, что они принесут пользу и такое же удовольствие читателю. Одновременно помещаю и стих-памфлет Б. Окуджавы, на который отвечает А. Фролов.

Ироническое обращение к генералу

Пока на свете нет войны,
Вы в положении дурацком.
Не лучше ли шататься в штатском,
Тем более что все равны?
Хотя, с обратной стороны,
Как мне того бы ни хотелось,
Свою профессию и смелость
Вы совершенствовать должны?
Ну что — моряк на берегу?
И с тем, что и без войн вы — сила,
Я согласиться не могу.
Хирургу нужен острый нож,
Пилоту — высь, актеру — сцена.
Геолог в поиске бессменно.
Кто знает дело — тот хорош.
Воителю нужна война,
Разлуки, смерти и мученья,
Бой, а не мирные ученья…

Иначе грош ему цена.
Воителю нужна война
И громогласная победа.
А если все к парадам это,
То, значит, грош ему цена.
Так где же правда, генерал?
Подумывай об этом, право,
Когда вышагиваешь браво,
Предвидя радостный финал.
Когда ж сомненье захлестнет,
Вглядись в глаза полкам и ротам:
Пусть хоть за третьим поворотом
Разгадка истины блеснет.

Б. Окуджава

Неироническый ответ Б. Окуджаве на его «Ироническое обращение к генералу»

Когда вдруг пасквиль и талант
В содружестве сойдутся рядом,
То муза, сдобренная ядом,
Не принесет успех, Булат.
Я, беспризорник от войны,
Пришелец давний из подвала,
С благословения страны
Носящий форму генерала,
Сейчас даю Вам свой ответ:
«…что в положении дурацком
не лучше ли шататься в штатском?» —
Я отвечаю твердо: нет!
Шататься в штатском нам не лучше,
Когда над миром еще тучи,
Когда живут добро и зло.
А Вам, считайте, повезло

Вовсю шататься по Арбату,
Походной грязи не месить,
С семьей страну не колесить
И не считать одну зарплату.
Мы не «в дурацком положенье»,
И даже в мирные «сраженья»
У нас сердца напряжены,
Пока на свете нет войны
И пушки нас не раздражают,
Добавлю: мы — не «Ваша Светлость»,
А мы — «Товарищ Генерал».
А Вы? Гитару навострив,
Привычно тянете куплеты
О господах иль юнкерах,
Или о Ленинских горах,
Поете, что велит натура.
Натура — часто конъюнктура,
И кто бы вдруг подумать мог,
Что Вы, войною опаленный,
Пускай в ту пору и «зеленый»,
Но спутник фронтовых дорог —
Забыли напрочь строки эти:

«Мы все войны шальные дети,
И генерал, и рядовой»?..
Шинель Вы взяли — и домой,
Другим досталось жить в шинели,
Чтоб Вы печатались и пели,
А Вы на них скорей навет —
Незрело все для Ваших лет!
Мы не святые — это знаем,
Но как Вы не возьмете в толк,
Что без остатка выполняем
Свой ратный долг, священный долг.
В атаку встанем полным ростом,
Спокойно дети видят сны,
А женщины детей рожают.
Пока на свете нет войны
И черный ад еще не властен,
Мы живы — в этом наше счастье,
А Вы никак огорчены,
Что мы за мир, на страже мира,
И за уснувшие мортиры,
И за господство тишины?
За нас решивши все сполна,
Твердите: «Им нужна война
И громогласная победа…»
К тому ж какая им цена,
Не Вам дано судить об этом!
Суровый быт нас испытал
Не раз на прочность и на зрелость.
И волю в нас найдешь, и смелость,
Природный ум, страстей накал.
И, из огня вернув солдат,
Пройдем последними по мосту —
Как Громов сделал год назад.
Не надо упрекать парадом,
Ведь это тоже труд и пот,
Не верите? — пройдите рядом,
Не получается? — Ну вот!
Чернить военных стало модно,
Хотя не так и благородно,
Зато «сподвижники» поймут,
А злопыхателей немало Вскричат:
ату их, генералов!
И руки недруги потрут.
И если грянет час кровавый,

Вперед дивизии взметнут —
Конечно же — не Окуджавы…

Генерал-майор Л. Фролов

Как можно не восхищаться таким даром генерала!

Отсутствие твердого управления страной

Но не только мысли о судьбе армии и об отношении к ней, отраженные в средствах массовой информации, одолевали меня в ту пору. Меня, как и многих других, больше всего огорчал Горбачев. Да, до восседания на трон главы государства он был незаметным, его мало знали. Однако уже в 1986 году, т. е. через год после избрания генсеком, практически многое стало ясно. А в 1987 году он вообще вывернулся наизнанку. Мы, правда, еще не догадывались о его предательстве и измене, поэтому считали Горбачева всего лишь трусливым демагогом, который прятался за пышными фразами и никогда не шел на твердые решения, особенно если речь шла о «непопулярных» проблемах. Слабак в политике, дилетант в экономике и профан в обороне страны, скрытый апологет борьбы против наших Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса — вот кем был этот глава партии и государства.

Почему? Да потому, что ему, с его трусливой, рабской психологией, не дано быть не только крупным лидером, но даже предводителем небольшого коллектива. И то, что он когда-то возглавлял относительно небольшой Ставропольский край, не говорит о его организаторских способностях. Его выдвижению способствовало много факторов, но только не личные качества. Я понимаю, что можно оценить лидера в условиях, когда принял хозяйство в завале, а через год-два сделал его передовым! Как в свое время Валентина Гаганова. Но в случае с Горбачевым ситуация обычная — всё налажено его предшественниками, коллективы прекрасно знают свои задачи, отменно трудились и трудятся. А предводитель края может быть при сём. Важно только не опоздать и не оплошать при устройстве начальников на отдых в Кисловодске и на другие курорты края, а также своевременно и «как положено» проводить их домой в Москву. Это было поставлено во главу угла. Естественно, сюда, в круг забот первого секретаря крайкома, входило и создание музея о жизни и деятельности М. Суслова, что и решило дальнейшую судьбу Горбачева — переселение его из пыльного и знойного Ставрополя

в прохладные кабинеты Старой площади.

Вспоминая последнюю с Горбачевым встречу, я еще больше утверждался в мысли, что была допущена величайшая ошибка, когда ему доверили пост генсека, а тем более президента. Невозможно было поверить, что он способен овладеть обстановкой и управлять страной, гарантируя выполнение Конституции СССР.

Но надо признать, что благодаря односторонним уступкам Западу и нанесению этим большого ущерба нашей стране, Горбачев завоевал хоть и ложный, но авторитет у других народов. Западу импонировала такая перестройка и такой лидер СССР. Они, естественно, считали его исторической личностью. И действительно, из истории Горбачева не вычеркнешь, хотя и в качестве Иуды.

Эти и другие тяжелые мысли давили, мучали меня в тот вечер, но ведь что-то надо делать?!

Звоню министру обороны. Докладываю обстановку в Киеве и на территории Украины — у нас было все в порядке, но всех нас очень беспокоит обстановка в Москве. Просто непонятно: Ельцин держит речь с танка Московского военного округа; Дом Советов РСФСР охраняют наши десантники; из Дома Советов Ельцин и его окружение имеет связь со всем миром; они же могут выступать и по государственному радио. А где ГКЧП? Почему он бездействует?

Что вообще происходит?

Дмитрий Тимофеевич сказал, что действительно обстановка сложилась тяжелая: «Павлов, который должен был встретиться с Ельциным, заболел, и запланированная беседа не состоялась. Янаев тоже себя плохо чувствует. И вообще…»

И по содержанию разговора, и по голосу Дмитрия Тимофеевича чувствовалось, что он сильно удручен. Поэтому свою задачу я видел в том, чтобы поддержать его, а не задавать каверзных вопросов. Тем более по телефону — будто мне из Киева виднее, кому и что надо делать в Москве, где сидит всё начальство. Это просто некорректно. А вопросы на языке вертелись: почему вместо Павлова никто не встретился с Ельциным и не объяснил обстановку? Почему по телевидению вместо разъяснений документов ГКЧП постоянно идет «Лебединое озеро»? Почему Ельцину и его команде дозволено вытворять все, что угодно, в том числе нарушать Конституцию? Почему в здании Верховного Совета РСФСР, где засел Ельцин, полно незаконно вооруженных людей? Почему наши подразделения Московского военного округа охраняют это здание, о чем мне докладывают из Москвы оперативные

дежурные из Генштаба и Главного штаба Сухопутных войск? Почему в ГКЧП нет единоначальника — ведь не может нормально работать любой комитет без председателя?! И много других вертелось вопросов. Но вместо этого я сказал Дмитрию Тимофеевичу:

— Мы посмотрели пресс-конференцию, послушали выступающих, а также нам передали речь Ельцина с танка, и поняли, что надо принимать самые решительные и срочные меры. Я послал на имя Государственного Комитета по чрезвычайному положению телеграмму с предложениями. Вам мои телеграммы докладывают?

— Конечно, докладывают. Их всем рассылают, все в курсе дела.

— Час назад я еще послал телеграмму с предложениями, о чем я уже сказал, и считаю содержание этой шифровки весьма важным. Очень вас прошу — посмотрите ее! Мы все крайне обеспокоены положением в Москве.

— Мы тоже обеспокоены. Вот вечером сегодня еще раз собираемся. Возможно, до чего-то договоримся.

На этом мы распрощались.

Вспоминаю содержание телеграммы — кажется, всё туда вложил: и как мы оцениваем обстановку (особенно в Москве), и какие выводы делаем, и какие вносим предложения, и заключение на мажорной ноте. А главное — показал, как мы все переживаем и какие у нас надежды на руководство в Москве.

О председателе ГКЧП… Это я так думал в то время, что его нет. Оказывается, Крючков и другие уговорили взять на себя эти обязанности. Но, к сожалению, члены ГКЧП и другие не позаботились, чтобы он стал полноценным председателем, требовал бы с них и управлял страной.

Мой коллега по депутатскому корпусу — украинский поэт Борис Олейник был одним из очень близких к Горбачеву лиц по службе, а Горбачев даже утверждает, что они были друзьями, правда, Олейник это отрицает. Впоследствии же Б. Олейник написал о Горбачеве книгу «Князь тьмы», в которой, в частности, сказано:

> «По учению Отцов Церкви диавол, воздвигая Антихриста, постарается облечь его всеми признаками пришествия Сына Божия на землю.
>
> «Он придет, — говорит святой Ефрем Спирин, — в таком образе, чтобы прельстить всех: придет смиренный, кроткий, ненавистник неправды, отвращающийся идолов, предпочитающий благочестие, добрый,

нищелюбивый, в высокой степени благообразный, постоянный, ко всем ласковый… Примет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его народ. Не будет брать даров, говорить гневно, показывать хищного вида, но благочинной наружностью станет обольщать мир, пока не воцарится».

И вот, если присмотреться к жизни и деятельности Горбачева в Ставрополье, и особенно в Москве, в аппарате ЦК, а затем и в составе Политбюро ЦК КПСС, все говорит о том, что он неизменно и со старанием выполнял перечисленные каноны, а посему и мог явиться тем самым Антихристом, что был описан святым Ефремом Спириным многие столетия назад. Но — удивительное дело! — Олейник на этом не останавливается. Он говорит, что Православная Церковь устами святого Иоанна Богослова показывает нам и, так сказать, второго зверя (фактически Яковлева, игравшего при Горбачеве роль серого кардинала):

«И увидел я другого зверя, выходящего из земли… Он действует… со всею властию первого зверя (антихриста) и заставляет всю землю и живущих на ней поклониться первому зверю… И дано было ему вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя».

Ну, как две капли воды — что Горбачев, что Яковлев. Это же надо такое выкопать в Священном писании! И вот какой делает вывод Б. Олейник:

> «…Безнаказанный пролет Руста через всю систему ПВО и его вызывающая посадка не где-нибудь, а именно у Кремля (!); одностороннее разоружение и разгром армии; тайная распродажа страны; развязывание войны в Персидском заливе, которая только по счастливой случайности не привела к третьей мировой; реанимация капитализма в странах Восточной Европы и Прибалтики; спровоцированная бойня между народами бывших республик СССР, вызвавшая пока что гражданскую войну в Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджане, не ровен час — и в Таджикистане, да, похоже, и в России; нарастающий раскол церквей; выдача (или продажа) иностранным спецслужбам всей системы обороны и секретов госбезопасности; циничное предательство бывших союзников, вплоть до братьев-славян; организация августовского «путча» и, наконец, изменение существующего строя путем прямого

государственного переворота, в результате чего на волю выпущен дикий, особо хищный вид капитализма вкупе со всевластием мафии во всех аферах, включая экономические и духовные, вплоть до средств массовой информации — все это не могло произойти случайно, стихийно и неожиданно. Это не природное бедствие, а социально-политическое потрясение, которое долго и тщательно готовилось и потребовало от их организаторов большой энергии, и естественно, огромных материальных и особенно финансовых средств. А если к этому добавить крайнее обнищание народа, огромную армию безработных и фактический геноцид по отношению к нашему народу, так как нация стала вырождаться, добавить секс, проституцию, наркоманию и алкоголизм, особенно среди молодежи, и в целом моральное и духовное растление нации, то все это только подтверждает правильность сделанного общего вывода, что все это не могло произойти просто так!»

И действительно, была великая держава, оказавшаяся во Второй мировой войне в центре внимания всех народов планеты, ибо в смертельной схватке с гитлеровским фашизмом одержала величайшую победу, защитив не только себя, но и народы мира, а потом в короткие сроки залечила нанесенные войной раны и приумножила темпы своего развития. Пусть на определенном этапе эти темпы несколько снизились, но страна продолжала развиваться и идти вперед. А главное — она жила без потрясений, народ был сплочен, а о межнациональных конфликтах никто даже и подумать не мог. Экономика работала, как часовой механизм. Безработицы и в помине не было. Оборона была лучшая в мире. Наука, культура и искусство процветали. До 50-х годов включительно в казне полно было золота, других драгоценностей, большой запас валюты и никаких долгов — нам многие были должны. В 60-е и 70-е годы запасы в казне стали таять, с приходом же Горбачева и Ельцина вообще иссякли, а долги непомерно возросли.

До 1985 года нам никто ни в чем не помогал. А потом пошло-поехало: все страны мира начали сбывать нам всё то, что на их внутреннем рынке утратило спрос (залежалось или было некачественным). Стали посылать нам, как нищим, гуманитарную помощь — старые ношеные вещи. А немцы даже присылали военную форму времен войны — вот, мол, дожились победители, носите теперь наши обноски, в которых мы драпали из России.

Присылали консервы в ржавых банках. И мы брали. Точнее, не мы, а власти. Брали и даже воровали и продавали своему народу. Парадокс! Самая богатая страна в мире — и самый нищий народ на земном шаре. Народ, конечно, — это 80–90 процентов населения, а не эти богатеи типа березовских, абрамовичей, ельциных-дьяченко, ельциных-акуловых, Черномырдиных, Чубайсов, Немцовых, Гайдаров и других, которые, ограбив страну, сосредоточили в своих руках все ее основные богатства.

Конечно, все это говорит не в мою пользу. Все это безжалостно обнажает наивность моих прежних представлений о личности Горбачева.

Дальнейшее описание Б. Олейником этой личности ну просто поражает. Возьмите хотя бы первую встречу Горбачева с папой Иоанном Павлом II (Войтыло). Так сказать, наместником Бога на земле, а фактически — политиком, активно работающим на ЦРУ США. Войтыло о встрече пишет: «…Между нами (т. е. Павлом II и Горбачевым) произошло что-то инстинктивное, как если бы мы уже были знакомы»!!! Согласно нашей поговорке, такой категории лица видят друг друга издалека. И Горбачев виделся Войтыле издалека, как свой и по взглядам, которые Горбачев высказывал не у себя дома, т. е. в Советском Союзе, а за рубежом, и особенно по его делам. А дела были «блестящие» — во всех сферах деятельности государства разлад, развал, разлом, т. е. то, чего добивалось ЦРУ и о чем в свое время условились предводители США с Войтыло. Встреча главного церковника чужого нам мира с нашим генсеком проводилась скрытно, наедине (Войтыло знает русский язык). И содержание разговора стало известно только через несколько лет, когда за рубежом были опубликованы воспоминания Горбачева с комментариями Папы. Горбачев и Войтыло прямо отмечают, что перестройка и Советского Союза, и всех стран Восточной Европы — это дело рук Папы. Надо, конечно, понимать, что под общим руководством ЦРУ, а Папа здесь выступал как Верховный Главнокомандующий. Что касается Горбачева, Яковлева и других, то их роль — исполнительская, прорабская!

Сделаем экскурс в недавнее прошлое. Р. Аллен — помощник Рейгана по вопросам национальной безопасности, отмечает, что состоявшаяся в свое время (7 июня 1982 года) встреча и беседа Рейгана и Папы в библиотеке Ватикана имела решающее значение в определении тактики и стратегии развала Советского Союза (как они называли — коммунистической империи) и стран Восточной Европы, начиная с Польши, опираясь на движение «Солидарность».

Как показало время, США и Ватикан объединились с целью

раздавить правительство Польши и сохранить «Солидарность», хотя это общественное движение и было запрещено. США и Ватикан своих целей достигли. И хотя первоначально «Солидарность» находилась на нелегальном положении, но мощнейшая материальная и финансовая ее подпитка со стороны США и Ватикана обеспечили укрепление, прорастание, а затем и процветание этой организации.

В итоге контрреволюция в Польше, маскировавшаяся под демократическую «Солидарность», победила. Какое значение это событие имело для мира? На мой взгляд, решающее. Польша того времени с ее «Солидарностью» стала пробой сил, проверкой тактики и стратегии действий контрреволюции в условиях социалистического государства. В Венгрии (1956 год) и Чехословакии (1968 год) тоже были попытки реставрировать капитализм. Но тогда здоровые силы этого не допустили, потому что Советский Союз, Варшавский Договор, вся мировая система социализма еще были крепки. А сейчас у Польши, кроме ЦРУ, появился еще один мощный союзник — Папа Римский. Католическая же церковь имела и имеет широкую сеть по всей Польше, и Войтыло, выходец из этой страны, пользовался здесь величайшим авторитетом. А когда его избрали Папой Римским, то его авторитет возрос многократно.

Несколько слов об избрании Войтыло на пост Папы Римского. Дело в том, что до этого кандидат из стран социалистического содружества никогда даже не рассматривался, хотя там католики есть. А тут вдруг решили обсудить кандидатуру Войтыло. Конечно, неспроста.

Во всех странах мира журналисты делятся на три категории. Первая — это те, кто «честно» работает на хозяина (юридическое, физическое лицо или государство), исправно выполняет его заказ, вкладывая в это весь свой дар (среди этой категории есть весьма талантливые) и своевременно получая свое высокое денежное вознаграждение. А если требуется врать, искажать все до наоборот, они делают это с большим искусством. Таких большинство. Вторая группа — это центристы. Они делают вид, что безразличны к политическим событиям в стране и занимаются, мол, только экономикой, только финансами или только искусством и др. Но это — ложь. Все проблемы социально-экономического плана, конечно, просачивались на страницы их газет и журналов, радио и телевидения. Поэтому они вынуждены играть в объективность: немножко правды, немножко фантазии (своих домыслов) и побольше, но в меру — демагогии. Читатель «клюет»? Ну и хорошо — газета живет. Третья группа — самая малочисленная, но для правителей самая опасная и злая,

поскольку личности, ее составляющие, способны не только проникнуть в сокровенные тайны, но и еще провести собственное (помимо правоохранительных органов) расследование. А таким фигурам, как Горбачев, Ельцин, Черномырдин, Чубайс и т. п., это уж совсем ни к чему.

В свое время (в конце 80-х — начале 90-х годов) наш народ любил смотреть и слушать телепередачи «600 секунд» Александра Невзорова. Любили за честность, правоту и несгибаемость. Но угасли эти «секунды», дававшие заряд миллионам людей страны. Теперь он депутат Госдумы РФ, и от былой его оппозиционности не осталось и следа…

Пытливый ум, а также бесстрашие и мужество присуще на мой взгляд, американскому журналисту Карлу Бернстайну. Он провел, как свидетельствует Б. Олейник, свое расследование взаимоотношений между Ватиканом, Вашингтоном, католической церковью Польши и движением «Солидарность» в 80-е годы. Это был взрыв мощной бомбы в политическом болоте, прикрывавшем многие странные факты. А с его расследованием ставились все точки. В том числе раскрывается, где, кто и что делал в части подготовки и разлома Советского Союза. При этом все расследования опирались или на документы, или на личные показания действовавших в этой области лиц.

Бернстайн открыто пишет:

«Солидарность»… процветала, пребывая в подполье, поддерживаемая, подпитываемая и широко консультируемая по капиллярам разветвленной сети, которая была создана под эгидой Рейгана и Иоанна Павла II. По контрабандным каналам в страну были доставлены технические средства и оргтехника (оборудование) — факсы, печатные станки, передатчики, телефонная аппаратура, коротковолновые приемники, видеокамеры, ксероксы, телексы, компьютеры. Маршруты определяли церковь и американская агентура. Деньги для запрещенной «Солидарности» поступали из фондов ЦРУ, «Национального фонда демократии» США, с тайных счетов Ватикана.

В народе еще в процессе событий (речь идет о польском народе. — Автор) не было сомнений, что государственный переворот в Польше осуществили ЦРУ и Ватикан, поскольку все это делалось почти в открытую».

Член Конгресса Генри Хайд пишет:

> «…В Польше мы делали всё, что делается в странах, где мы хотим дестабилизировать коммунистическое правительство и усилить сопротивление против него. Мы

> осуществляли снабжение и оказывали техническую поддержку в виде нелегальных газет, радиопередач, пропаганды денег, инструкций по созданию организационных структур и других советов… Было инспирировано аналогичное сопротивление в других коммунистических странах Европы».

Бернстайн:

> «…Разумеется, ни Рейган, ни Иоанн Павел II не могли предполагать в 1982 году, что через три года к власти в СССР придет такой руководитель, как Михаил Горбачев, отец гласности и перестройки. Реформаторская деятельность Горбачева открыла путь мощным силам, которые вырвались из-под его контроля и привели к распаду Советского Союза».

Несомненно, это правда, тем более что говорят «свои», т. е. на Западе. Ясное дело, работнички ЦРУ или Ватикана никогда в этом не признаются, честные же и независимые журналисты типа Бернстайна открывают истину, опираясь исключительно на факты. Правда, надо согласиться с Б. Олейником в том, что Бернстайн допустил одну неточность: никакие силы из-под контроля у Горбачева не вырывались. Наоборот, эти силы были им вместе с Яковлевым рождены и взлелеяны, постоянно находились под его контролем и направлялись на разрушение.

Прав Б. Олейник, когда с иронией спрашивает: если святой отец Иоанн Павел II так сильно занят контрабандой, посылаемой Кейси из США в Польшу для «Солидарности», то когда же он общается с Богом? Да и сама область действий — контрабанда — не украшает церковь.

А сам факт связи с ЦРУ США (т. е. с Кейси), причем открытой связи, вообще порочит церковь. Но Войтыло хоть бы хны: ходит себе в белом святом одеянии и дает всем ручку целовать.

И еще несколько слов Бернстайна:

> «На территории Польши ксендзы создали сеть связи, которая использовалась для обмена сообщениями между костелами, где укрывались многие руководители «Солидарности».

Все ключевые исполнители в этом предприятии (поддержка «Солидарности» и раскручивание контрреволюции в Польше в целом) с американской стороны были набожными католиками — шеф ЦРУ У. Кейси, Р. Аллен, Кларк, Хейг, Уолберс, У. Уилсон».

Вот и вся картина подготовки и проведения контрреволюционного переворота в Польше, совершенного под руководством ЦРУ и Святого престола в Ватикане. Всю эту технологию Запад использовал против Советского Союза: в Прибалтике — «Саюдис», в Западной Украине — «Рух», в Закавказье — «Народные фронты».

Мировое контрреволюционное сообщество объединило свои силы в борьбе с коммунизмом — это видно четко и ясно. Почему же мы не заставили руководство страны во главе с Горбачевым предпринять ответные (но лучше упреждающие) меры? А уж если оно, руководство, само не хотело сделать это, то почему же мы не убрали его со всех постов?

…Находясь вечером 19 августа 1991 года в Киеве, я был в мрачном раздумье. На Украине тихо и спокойно, даже «Рух» ни разу не проявился. В стране также все спокойно. А в Тбилиси даже к командующему войсками Закавказского военного округа генерал-полковнику И. Н. Родионову прибежал Гамсахурдия и заявил, что грузинское правительство будет выполнять все распоряжения центра. В Москве тоже полный порядок за исключением Краснопресненской набережной, где в Доме Советов РСФСР засел Ельцин и оттуда «подогревает» москвичей и всех россиян. Но на его призыв поднять страну на всеобщую забастовку никто не откликнулся, точнее, все отреагировали как на бред.

Совершенно не ясно, почему Крючков, Язов, Лукьянов, Янаев, находясь в пятиминутном расстоянии от Ельцина, не могли с ним встретиться. Ну, если он, Ельцин, боялся ехать в Кремль или в КГБ, то надо было сделать наоборот.

Конечно, об этом я раздумывал значительно позже, не в тот памятный вечер 19 августа. А тогда лишь продолжал сокрушаться ограниченностью Горбачева, его несостоятельностью как государственного деятеля и, конечно, был «сражен» пресс-конференцией ГКЧП. Особенно негативно действовали на восприятие событий дрожащие руки Геннадия Ивановича Янаева (независимо от первопричины этого явления телезрителю ничего не докажешь), а также абсолютное непринятие мер по стабилизации обстановки в стране, в том числе по разъяснению народу программных документов ГКЧП, его целей и задач телевидением, радио и печатью. Мертвая тишина.

А ведь объявленные, а затем 20 августа 1991 года опубликованные в газетах документы ГКЧП были просто прекрасными. Они не только честно и всесторонне характеризовали обстановку и причины катастрофы, но и показывали конкретные пути выхода из кризиса. Реальные пути!

Причем ГКЧП взял всю ответственность на свои плечи.

Надо честно сказать, что документы ГКЧП имели исключительную силу и поддержку в народе. Они были напечатаны в 197-м номере газеты «Известия» от 20 августа 1991 года. Привожу два из них, первое и последнее.

ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность. Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто по существу ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями.

Каким быть общественному строю, должен решать народ, а

его пытаются лишить этого права.

Вместо того, чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение — в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос.

Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящие под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан. Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы доточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больнее всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность.

Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем дцеряшвать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа.

Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе. Но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой

долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету но чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении великой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР 18 августа 1991 года.

Постановление Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Второй документ — это первое Постановление Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. Обратите внимание на реалистичность всех тех мер, какие наметил ГКЧП.

Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и Постановлениями ГКЧП СССР. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управле ния, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения

органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается.

6. Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить строгое выполнение данного требования. В случаях отказа — изымать их в принудительном порядке с привлечением нарушителей к строгой уголовной и административной ответственности.

7. Прокуратуре, МВД, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Вооруженных Сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и Постановлениями ГКЧП СССР.

Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается.

В необходимых случаях вводить комендантский час. патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима.

Взять под контроль, а в необходимых случаях под охрану, важнейшие государственные и хозяйственные объекты, а также системы жизнеобеспечения.

Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения.

8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

9. Органам власти и управления, руководителям учреждений и предприятий принять меры по повышению организованности, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Обеспечить нормальное функционирование предприятий всех отраслей народного хозяйства, строгое

выполнение мер по сохранению и восстановлению на период стабилизации вертикальных и горизонтальных связей {между субъектами хозяйствования на всей территории СССР, неукоснительное выполнение установленных объемов производства, поставок сырья, материалов и комплектующих изделий.

Установить и поддерживать режим строгой экономии материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра.

Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищений, спекуляции, сокрытия товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики.

Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в соответствии с законами Союза ССР, в экономический потенциал страны и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несовместимой работу на постоянной основе в структурах власти и управления с занятием предпринимательской деятельностью.

11. Кабинету министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличных ресурсов продовольствия и промышленных товаров первой необходимости, доложить народу, чем располагает страна, взять под строжайший контроль их сохранность и распределение.

Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства, жестко контролировать соблюдение такого порядка.

Особое внимание уделить первоочередному снабжению дошкольных детских учреждений, детских домов, школ, средних специальных и высших учебных заведений, больниц, а также пенсионеров и инвалидов.

В недельный срок внести предложения об упорядочении, замораживании и снижении цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров, в первую очередь для детей, услуги населению и общественное питание, а также повышение заработной платы, пенсий, пособий и выплат компенсаций различным категориям граждан.

В двухнедельный срок разработать мероприятия по

упорядочению размеров заработной платы руководителей всех уровней государственных, общественных, кооперативных и иных учреждений, организаций и предприятий.

12. Учитывая критическое положение с уборкой урожая и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовок, хранения и переработки сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горючесмазочными материалами и т. д. Незамедлительно организоватьнаправление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село.

13. Кабинету министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991–1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га.

14. Кабинету министров СССР в двухнедельный срок завершить планирование неотложных мероприятий по выводу из кризиса топливно-энергетического комплекса страны и подготовке к зиме.

15. В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечения населения жильем.

В течение полугода разработать конкретную программу ускоренного развития государственного, кооперативного и индивидуального жилищного строительства на пятилетний срок.

16. Обязать органы власти и управления в центре и на местах уделять первоочередное внимание социальным нуждам населения. Изыскать возможности существенного улучшения бесплатного медицинского обслуживания и народного образования.

Да, документы, принятые ГКЧП, были прекрасными, но, глядя на московские события из Киева, я невольно ловил себя на мысли, что на самом деле этот Комитет ждал пришествия мессии, ниспослание Богом «спасителя», который, обладая магической силой, должен был бы навести порядок в стране. Ну, а как еще можно было рассуждать, когда вокруг Дома Советов РСФСР собралась «поддавшая» на халяву многотысячная пьянь (Г. Попов и его «аппарат» усиленно работали: ящиками раздавались водка, различные закуски и деньги). Разумеется, нашлись и охотники «защищать демократию». Хотя, исходя из объявленного в Москве чрезвычайного положения, это сборище давно надо было разогнать и не допустить такого сосредоточения людей, тем более с воздвижением баррикад перед Домом Правительства.

Собирая информацию по Украине, я видел, что во всех областях республики, в том числе и на западе Украины — все тихо и спокойно. Народ не проявляет никакого напряжения, нет и признаков волнения, но чувствуется, что люди насторожены. Однако жизнь идет своим чередом — все учреждения и предприятия работают, пульс жизни как обычно. В средствах массовой информации выступил Л. Кравчук и призвал народ к спокойствию, что возымело свое действие.

Вечером ко мне подъехал первый секретарь ЦК Компартии Украины Станислав Иванович Гуренко. Он являлся одновременно членом Военного совета Киевского военного округа. Мы вместе поужинали. Военный совет в округе состоял из высокоподготовленных генералов. В иное время с каждым из них пообщаться, поговорить о делах — одно удовольствие. А сейчас разговор не клеился. Все были Под тяжелым впечатлением проведенной в Москве пресс-конференции.

Расставшись с Гуренко и командованием Киевского военного округа, я опять начал названивать в Москву, собирая необходимые справки об обстановке. А главное — стремился связаться с министром обороны. Наконец, среди ночи все-таки вышел на него, спросил, как развивается ситуация.

— Вы видели по телевидению пресс-конференцию? — встречным вопросом ответил мне Дмитрий Тимофеевич.

— Видел. Тяжелое впечатление.

— Вот так развивается и вся обстановка. Павлов в результате… напряжения вышел из строя и полностью выключился из работы. А ведь он же, кроме всего прочего, должен был встретиться и поговорить с Ельциным. Геннадий Иванович Янаев тоже оказался… не боец. Никто из других на обстановку не влияет… В общем, сейчас будем собираться и принимать решение.

От такой информации мне стало просто не по себе — находиться рядом с гнездом анархии и беспорядка и не принять мер — уму непостижимо! Но то, что собираются и будут принимать решение, несколько обнадежило.

В ночь с 19 на 20 августа названивал дежурной службе в Генштаб, в Главный штаб Сухопутных войск, в различные военные округа. Ничего существенного не произошло, всё застыло в первоначальной картине.

Для того, чтобы лично убедиться, а что же происходит в Киеве, я решил проехать по городу, по заводским районам. Столица Украины жила в нормальном режиме. Ничто не говорило о каких-либо событиях. Хотя опять-таки чувствовалась определенная внутренняя настороженность: на лицах жителей

города озабоченность, все куда-то торопятся, группки людей, ожидающие троллейбуса или трамвая, выглядят угрюмо. Но возможно, мне все это показа-лось. Раньше внимания на такие детали не обращал.

Вернувшись в штаб округа, узнал, что звонил министр обороны. Прежде чем ему перезванивать, я отправился в оперативную группу по сбору информации, заслушал подробные доклады военных, представителей КГБ и МВД, поинтересовался — доложено ли это в Верховный Совет, правительство и ЦК Компартии Украины, на что мне ответили положительно.

Вывод напрашивался один — на территории всей республики был полный порядок. При этом, как ни странно, наибольшим порядком отличались области Западной Украины.

Вооружившись данными, звоню министру обороны. Дмитрий Тимофеевич уставшим голосом: «Как у вас там на Украине?» Докладываю, что на Украине полный порядок. «А у нас совсем плохо», — сказал Язов и поведал, что творится в столице. «В общем, — заключил он, — вам надо вылетать в Москву».

Надо — так надо! В течение часа отдаю все необходимые распоряжения и с Виктором Степановичем Чеченатовым выезжаю в Борисполь на аэродром. Чтобы быстрее добраться до Москвы, самолета в Киев вызывать не стал — решил воспользоваться самолетом командующего округом. Когда мы прибыли на аэродром, самолет командующего уже был готов к вылету. Через час прилетел на аэродром Чкаловский, а еще через 30–40 минут был уже в центре города. Около часа кружил по прилегающим к Дому Советов РСФСР улицам. Был поражен беспорядком, подпившими и откровенно пьяными «защитниками». Наконец, добравшись к себе в штаб, позвонил министру обороны: прибыл, Дмитрий Тимофеевич сказал, чтобы я подъехал к нему, что я и сделал. Мрачный, усталый вид министра вызывал сочувствие. Но одновременно не уходила и досада — ведь 17 августа все было ясно, что и как надо делать, а 19 августа все пошло кавардаком. Что касается 20 августа, то уже было совершенно понятно, что руководителя у страны нет. А в самом Комитете все основные начальники сами по себе. Совершенно непонятно — на что все рассчитывалось?

— Хорошо, что вы прилетели, — начал разговор Д. Язов. — Генерал Ачалов сейчас у себя проводит совещание по вопросу, как изолировать незаконно вооруженных людей в здании Верховного Совета РСФСР, которые представляют опасность для населения. На совещании, кроме наших, присутствуют еще и представители КГБ и МВД. Ачалов Должен организовать взаимодействие. Надо поприсутствовать на этом совещании. Возможно, вы им что-то

посоветуете.

— Какой-нибудь план действий уже существует?

— Вот они по этому поводу и собрались.

С этим я и отправился на совещание. В. Ачалов представил меня собравшимся почему-то как патриарха Вооруженных Сил. Совещание было в разгаре. Обсуждался вопрос о количестве вооруженных, которые обосновались в Доме Советов. Назывались цифры: от 500 до 600 человек. У всех автоматы или ручные пулеметы, пистолеты, Это, конечно, не просто преступление, но и реальная опасность для граждан города. Докладывалось также, что отмечены были выстрелы со стороны гостиницы «Украина» и здания СЭВ. Работники КГБ, представляя эту информацию, считали, что разоружение этой преступной фактически банды может быть произведено подразделением КГБ «Альфа». Однако, чтобы ворваться в здание, необходимо было в толпе людей, стоявших вокруг здания, сделать «коридор», по которому быстро должно пройти это подразделение. Такой «коридор», оттесняя толпу, могли сделать только милицейские части — это правильно и с правовых позиций, и исходя из наличных здесь сил. Вокруг этого развернулась дискуссия. Кто-то сказал, что без десантников эту задачу не решить.

Приблизительно через час на совещании появились министр обороны Дмитрий Тимофеевич Язов и советник президента по военным вопросам Сергей Федорович Ахромеев. Оба маршала, видно, не намерены были долго пробыть на совещании, поэтому стоя выслушали информацию Ачалова об обстановке, а также о намерениях и методах и, заострив внимание присутствующих на важности предстоящих действий, призвали всех достойно выполнить поставленную задачу. Отдельно заслушали командира подразделения «Альфа» Героя Советского Союза генерал-майора В. Ф. Карпухина.

Двурушничество генерала Лебедя

Дмитрий Тимофеевич поведал нам о курьезе, который произошел с генерал-майором А. И. Лебедем. Оказывается, ему была поставлена задача организовать одним батальоном десантников охрану здания Верховного Совета РСФСР. Как уже позже стало известно, поначалу лично его внутренняя охрана в здание не пускала, но он организовал скандал, заявив, что является близким человеком Ельцина. После доклада последнему, что к нему рвется Лебедь, Ельцин разрешил его впустить. Они пообщались, договорились о взаимодействии,

после чего Лебедь, беспрепятственно проходя и в здание Генштаба, и в здание Верховного Совета РСФСР, исправно докладывал Ельцину, что делается в Генштабе по подготовке так называемого «штурма». Конечно, тогда руководство Министерства обороны этого не знало. А потом на определенном этапе Лебедь вдруг «пропал». Нет генерала! Поползли слухи, что его убили (или захватили) «демократы». Все, до Язова включительно, всполошились, встревожились. Но начальник Лебедя — командующий воздушно-десантными войсками генерал П. Грачев все-таки его отыскал и доложил министру обороны: «Лебедь жив». Оказывается, он помимо того, что бывал часто в здании Ельцина, еще ходил и в толпе, нагоняя страх на наших солдат: они-же могут попасть под штурм, а поэтому должны защищаться, чтобы не погибнуть.

Язов вызвал Лебедя к себе и провел с ним беседу. Министру совершенно не было ясно, где длительное время находился Лебедь и чем он занимался. Подозревая его в двурушничестве, Дмитрий Тимофеевич приказал Грачеву убрать Лебедя от здания Верховного Совета РСФСР.

Рассказав об этом, после непродолжительного пребывания на совещании Язов и Ахромеев ушли, а мы продолжили обсуждение. Чтобы хорошо «врасти» в обстановку, я задал несколько вопросов. В итоге договорились, что силами частей МВД собравшиеся у здания Верховного Совета РСФСР будут оттеснены с целью создания коридора для «Альфы». Затем подразделения КГБ проникают в здание и проводят там операцию по обезоруживанию боевиков. Подразделения Министерства обороны будут в резерве. Начало действий назначено на 4 часа утра, чтобы до рассвета все закончить и создать нормальные условия для жизни города. Эту так называемую операцию назвали «Гром». Были решены все вопросы с управлением.

В. Ачалов доложил министру обороны, что все вопросы оговорены. Д. Язов подошел еще раз, и ему был представлен устно план действий. Дмитрий Тимофеевич одобрил его и еще раз заострил внимание командира подразделения «Альфы» на тщательной «очистке» здания от вооруженных лиц. Оставив участников совещания вместе, мы с министром обороны направились каждый к себе. Но пока шли по коридорам Генштаба, у нас завязался разговор. Дмитрий Тимофеевич сетовал на то, что на него давили, чтобы всю эту «работу» взяли на себя военные, и что ему стоило больших трудов убедить В. Крючкова и других в том, что надо собрать совместное совещание трех ведомств и выработать единый план действий. Я без колебаний поддержал Дмитрия Тимофеевича, заявив, что, исходя из всех позиций,

армия не должна этим заниматься. Все правовые функции в этих действиях принадлежат МВД и КГБ. Прибыв к себе в штаб Главного командования Сухопутных войск, я уже сам проанализировал обстановку и пришел к выводу, что надо принять дополнительные меры обеспечения намеченных на совещании действий. С этой целью отдал распоряжения: начальнику инженерных войск генерал-полковнику В. Кузнецову — о подтягивании в Москву инженерных машин разграждения для ликвидации дурацких завалов из разного хлама, названных псевдодемократией баррикадами; командующему Московского военного округа генерал-полковнику Н. Калинину — о выделении генерала, который будет руководить танковыми подразделениями по растаскиванию с проезжей части различных грузовиков, автобусов, троллейбусов, установленных теми же псевдодемократами для нарушения движения на улицах, прилегающих к Дому Советов РСФСР (был выделен генерал-майор Петров); командующему армейской авиацией Сухопутных войск генерал-полковнику В. Павлову — о подготовке из ближнего полка эскадрильи вертолетов для возможной ее переброски на аэродром Чкаловский (под Москву) для решения непредвиденных задач. Были отданы и другие распоряжения.

Поскольку организаторская работа требовала значительного времени, домой я не поехал, а остался на ночь в Главном штабе. Приблизительно к часу ночи все, кажется, было организовано. Но ровно в 1.30 мне позвонил генерал-полковник В. Ачалов и сообщил:

— В два часа у Крючкова проводится экстренное заседание по обстановке. Дмитрий Тимофеевич выехать не может, но просит нас обоих поприсутствовать на этом мероприятии.

— Я готов, но не знаю, куда ехать — у Крючкова ни разу не был.

Договорились, что Ачалов подождет меня у здания Генштаба и мы отправимся вместе. В установленное время мы были в кабинете Владимира Александровича. Там уже были Олег Дмитриевич Бакланов, Олег Семенович Шенин, генералы — заместители председателя КГБ. В кабинете притушен свет — видно, его хозяин любил такую таинственную обстановку или не хотел, чтобы хорошо освещенные окна ярко просматривались с улицы.

Владимир Александрович Крючков хоть и выглядел устало (как, кстати, и все остальные), но уверенно ориентировал нас в сложившейся ситуации. У него были достоверные данные, так как работники КГБ имели свободный доступ и на «баррикады», и в здание Дома Советов РСФСР. По некоторым вопросам более

детально докладывали заместители Крючкова. В ходе анализа разбирательства проблем Владимир Александрович отходил от стола заседания в другую комнату, куда-то его вызывали для разговора по телефону. Возвращаясь к нам после одного из таких разговоров, он как бы между прочим бросил: «Доложили, что Силаев (председатель Совмина РСФСР) уехал из Белого дома ночевать к любовнице». Я про себя подумал — до чего же молодцы ребята, даже такие детали знают. Можно себе представить, как они толково сработают, осуществляя план разоружения боевиков. Но радужные мысли вспыхнули и погасли, ибо буквально вслед за этим, в очередной раз переговорив по телефону, Владимир Александрович сообщил, что на Садовом кольце, неподалеку от Смоленской площади, произошло столкновение военных и «защитников» Белого дома. Есть жертвы. Обстановка уточняется.

Совещание приобрело острый характер. Предполагая тяжелые последствия, Крючков предложил снять с повестки дня вопрос о мерах в отношении Белого дома. Его, естественно, поддержали сотрудники КГБ. В то же время Бакланов и Шенин настаивали на выполнении намеченного плана, аргументируя это необходимостью обязательного разоружения незаконно вооруженных лиц, засевших в Белом доме и представлявших серьезную опасность для населения. Наблюдая все большее и большее обострение и считая, что в сложившейся общей обстановке совершенно ни к чему эти распри, я посоветовался с Ачаловым и предложил третий вариант — прежний план оставить в силе, но сроки его проведения уточнить утром, когда прояснится обстановка. После некоторого обсуждения решили остановиться на этих позициях. Крючков и Ачалов взяли на себя довести это решение до исполнителей.

Провокация с жертвами в ночь с 20 на 21 августа

Ехал к себе опустошенный, с подавленным настроением. До чего дожили! Хаос и анархия уже не в Тбилиси, Карабахе, Баку, Фергане и Вильнюсе, а в столице. Ведь еще пять-семь лет назад, если бы кто-то высказал мысль о том, что такое может быть в Москве, то это сочли бы за бред.

Оперативный дежурный доложил подробности событий в районе Смоленской площади. Оказывается, в связи с объявлением в городе чрезвычайного положения, по распоряжению командующего войсками Московского военного округа по Садовому кольцу патрулировали мотострелковые подразделения

на боевых машинах пехоты (БМП). Зная об этом, провокаторы из Белого дома создали ловушку при выходе из-под моста, на пересечении Садового кольца и Нового Арбата, в сторону Смоленской площади — перегородили поперек все полотно дороги троллейбусами, автобусами, грузовиками. А когда военная колонна на БМП втянулась под мост и уперлась в эту преграду, то эти же организаторы провокации перегородили полотно дороги самосвалами со щебнем и автобусами и позади колонны. Ловушка захлопнулась. А в этот район заранее провокаторы нагнали тысячи подпоенных людей, которые якобы должны были «защищать» засевших в Белом доме (это в 1,5 километрах от него) главных организаторов этой провокации — Ельцина, Бурбулиса, Хасбулатова, Руцкого. И вот эти подпившие люди забрасывали БМП металлическими прутьями, камнями, бутылками с горючей смесью, которые заблаговременно были доставлены в ящиках к американскому посольству, закрывали брезентом смотровые щели машин с расчетом, что БМП «ослепнет» и экипаж потеряет способность ориентироваться.

Для того чтобы этот вандализм был хорошо виден на кинолентах и телеэкранах, место расправы с нашими солдатами было заранее хорошо освещено: здесь были установлены даже «юпитеры». На всех наиболее удобных местах для съемки расположили кино- и телекамеры, переносные камеры находились непосредственно в массе псевдодемократов. Естественно, на это дикое «театральное представление» заранее были приглашены иностранцы.

Какую же цель преследовали провокаторы, начиная с Ельцина, когда далеко от Белого дома организовали столкновение граждан с воинским подразделением на БМП, которое несло патрульную службу, т. е. находилось при исполнении служебных обязанностей? Что им надо было от этого патруля, который двигался не к Белому дому, а наоборот — совсем в противоположную сторону? Чего они хотели от солдат и офицеров, которые не только никому не угрожали, но даже никого не затрагивали?

Провокаторам от псевдодемократов нужна была кровь, смерти! Они этого ждали у Белого дома. Ждали и хотели, чтобы был штурм, чтобы были убитые. Тогда это подняло бы Ельцина в глазах оболваненного народа, как это произошло в январе 1991 года в Вильнюсе. Ландсбергис отлично провел провокацию, добился столкновения и своими же боевиками, как говорили наши специалисты, расстрелял своих соотечественников (о чем с документальной точностью написал известный в Литве деятель оппозиции Валерий Иванов), и Ландсбергис же оказался «на

Коне».

В Москве провокация с баррикадами и митингами у Белого дома не дала крови. Решили добиться этого другим путем — спровоцировать нападение граждан на армию и довести дело до крови и жертв…

Провокация на этот раз удалась, пролилась кровь, погибли трое парней.

Весьма показательно, что в результате проведенного прокуратурой Москвы расследования этого случая был сделан вывод, будто защитники Белого дома действовали в условиях крайней необходимости. Спрашивается, какая была необходимость нападать на военных, которые удалялись от Белого дома и никого не трогали? По расследованию Московской прокуратуры, военнослужащие признаны невинными в гибели трех москвичей. Дело было закрыто. Это прокуроры по своей линии закрыли. А Ельцин и его окружение начали раскручивать этот фактор в свою политическую пользу. Погибшим было присвоено звание Героя Советского Союза. Организованы грандиозные государственные похороны, в которых приняли участие президент России Ельцин и его окружение, и Синод Русской Православной Церкви. На могилах погибших установлены надгробные плиты и бронзовые бюсты. Ельцин в своей траурной речи лицемерно просил прощения у погибших за то, что он не смог сохранить их жизни. Это классический пример кощунства и цинизма: умышленно посылает людей на верную гибель во имя своих политических целей и тут же проливает слезы в связи с их гибелью. Конечно, это слезы крокодила.

Итак, развязка состоялась, и, разумеется, в ущерб народу. Хотя все могло быть совсем с другим исходом, прояви себя ГКЧП более активно.

У некоторых читателей, особенно у тех, кто поддерживает Ельцина, может сложиться впечатление, что все мои оценки Ельцина — это навет. Что, мол, Ельцин и его окружение могли и не знать о происшествии на Садовом кольце. Но из материалов прокурорского расследования мне достоверно известно, что все готовил Белый дом. И перечисленное далеко не полно раскрывает эту тщательную подготовку. Везде видна рука крупных руководителей. Взять, к примеру, такой факт: сверху на мосту, у его края по всему периметру были установлены огромные бетонные блоки, которые предполагалось сталкивать бульдозерами на выходящие из-под моста БМП. Естественно, удар такого многотонного бетонного монолита по верхней броне БМП — это конец. Такие «ответственные» действия сам Гавриил Попов на себя не возьмет. И хотя конкретно до этого не дошло, но

«спектакль» в целом для нашей и иностранной прессы и телевидения состоялся, цель была достигнута: кровь пролилась, вина за нее была возложена на ГКЧП, а Ельцин защитил демократию. Эти оценки были навязаны населению нашей страны и всему миру.

Но почему же ГКЧП ничего не сделал, чтобы предотвратить подобный инцидент, а раз уж он произошел — то сообщить точную информацию?

Помню, той ночью оперативный дежурный доложил мне, что в связи с гибелью людей на Садовом кольце у Смоленской площади министр обороны приказал: бронетанковую технику и особенно танки — не двигать, полеты самолетов и вертолетов — запретить, а принятые ранее по этому вопросу решения — отменить.

Таким образом, отпадали возможные меры по расчистке прилегающих к Дому Советов РСФСР улиц от завалов и брошенной автомобильной и троллейбусной техники. Да и смысл этих мер терялся, если принято решение об отнесении действий по разоружению боевиков на более поздний период.

И до этого всё было полно неопределенности, теперь же и вовсе наступил полный мрак. Совершенно непонятно, кто и что должен делать, кто за что отвечает.

Было 4 часа утра 21.09.91 года. По плану в это время Должны были в районе Белого дома начаться действия подразделений МВД, а вслед за ними — КГБ. Однако в связи с событиями на Садовом кольце и с целью недопущения новых жертв Крючков, по согласованию с рядом членов ГКЧП, отдал распоряжение — спланированные мероприятия по разоружению незаконно вооруженных лиц, сгруппировавшихся вокруг Ельцина, временно не проводить Было принято решение утром разобраться в обстановке и после этого определиться, как действовать дальше.

В 6 часов позвонил министр обороны: «Есть решение по поводу вопроса, который мы с вами вчера вечером обсуждали. Подъезжайте». А вечером речь шла о вероятном выводе войск из города с целью лишить псевдодемократию возможности эксплуатировать фактор присутствия войск в своих интересах.

К 7 часам прибыл к министру обороны. В его кабинете уже был Ачалов. Дмитрий Тимофеевич сразу начал с главного: «Я решил вывести войска из города. Тем самым исключить дальнейшую трескотню на митингах у Ельцина, что вроде войска введены для подавления демократии, подавления народа. Все объекты, которые взяты под охрану, передадим МВД».

Действительно, накануне вечером мы по телефону обсуждали этот вопрос в общих чертах, но не предполагали, что решение о

выводе состоится уже утром. В связи с этим возникало много вопросов, но министр обороны выглядел категорично, полагая, что если еще что-то потребуется, то будет решаться параллельно. Ачалов и я поддержали министра обороны, тем более что войска, находясь в городе двое суток, конечно, испытывали большие ограничения, особенно санитарно-гигиенического порядка. В свою очередь он попросил нас обоих поехать на очередное заседание ГКЧП, которое должно состояться в Кремле в кабинете Янаева, и доложить там о принятом решении. Одновременно попросил передать, что лично подъехать не может, так как с утра проводит заседание коллегии Министерства обороны.

В кабинете Г. И. Янаева было как в Смольном в 1917 году. Люди заходили, выходили, стояли группами и что-то обсуждали. Благо что кабинет был огромный.

Г. Янаев сидел в торце длинного стола заседаний, справа и слева от него стояли какие-то сотрудники с документами. Он их поочередно принимал, рассматривал представленные материалы, делал какие-то поправки, подписывал. Отдав короткое распоряжение, переходил к очередному. У Геннадия Ивановича был вид очень уставшего человека. Он много курил и совершенно не реагировал на все то, что происходило в кабинете.

Меня же удивляло одно: что и какие документы можно сейчас, именно в это время рассматривать и о чем сейчас с кем-то можно было говорить, если это не касается текущего момента и стабилизации обстановки в стране, и в первую очередь в Москве? Кто вообще имел право подходить к нему с другими вопросами? Со стороны создавалось такое впечатление, что люди, наседавшие на Янаева, умышленно отрывали его внимание от главных проблем.

За столом заседания уже сидели некоторые члены ГКЧП. Они располагались ближе к Янаеву, но по два места с каждой стороны были свободны. Видно, иерархия уже установилась и здесь.

Владимир Александрович Крючков, стоя в центре кабинета, постоянно с кем-то разговаривал (вероятно, это были его сотрудники), часто уходил в дальнюю комнату, где, очевидно, говорил по телефону, и через две-три минуты появлялся вновь. Олег Семенович Шенин с первым секретарем Московского горкома КПСС Юрием Анатольевичем Прокофьевым и еще с каким-то товарищем стояли ближе к стене у рабочего стола Янаева и о чем-то оживленно беседовали. Затем Шенин решительно махнул рукой и пошел к нашему столу, но не сел, а встал у окна рядом со мной, только сзади. К нему опять подошел Ю. Прокофьев и, видно, продолжая начатый разговор, сказал:

— В этой обстановке единственный и правильный выход —

это действовать так же, как делают это они. Разрешите мне поднять на двух-трех заводах Москвы рабочих, рассказать им ситуацию, и они в течение нескольких часов палками разгонят весь этот пьяный сброд у Дома Советов.

— Но ведь у нас в Москве объявлено чрезвычайное положение, — не сдавался О. Шенин. — Как же мы будем выглядеть? Сами объявили чрезвычайное положение и сами же его нарушаем?! Нет, этого делать нельзя.

— Но ведь псевдодемократы полностью нарушили закон о чрезвычайном положении! Им все можно, а нам нельзя?

— Да поймите же вы! Не можем мы уподобиться этим ублюдкам. Если они нарушают законы, то, по-вашему, и нам это позволено? Нет. Мы должны быть последовательны.

Невольно слушая этот разговор, я тоже думал, что мы допускаем какую-то несправедливость. Нельзя считать правильным, что одни безмерно нарушают всё и вся, а другие слепо придерживаются норм и законов. Но если бы все придерживались и были последовательны! ГКЧП действовал в соответствии с духом и буквой закона. А вот в отношении к злостным нарушителям — фактически никаких практических законных мер не предпринимали, и это вдохновляло и подталкивало псевдодемократов к еще более нахальным, нахрапистым и агрессивным действиям.

Почему Олег Семенович Шенин не позволил Ю. Прокофьеву поднять рабочих хотя бы двух заводов и навести порядок в столице (точнее, вокруг Дома Советов на Красной Пресне), — до сих пор понять не могу. Видимо, все-таки наша воспитанность, дисциплинированность и порядочность мешали нам иногда принимать правильные в сложных ситуациях решения. Считалось, что оппоненты должны тоже придерживаться тех же принципов, что и мы. Но это было не просто заблуждение, а тяжелая ошибка. Что и привело в целом к трагической развязке.

Забыл сказать, что, прибыв к Янаеву, мы с Ачаловым представились. Геннадий Иванович вначале никак не мог понять, в связи с чем мы прибыли, но затем предложил нам располагаться за столом заседаний. Прибыл маршал С. Ахромеев и тоже сел за стол против нас. Завязалась небольшая беседа:

— Что, Дмитрий Тимофеевич, какие-то решения принял?

— Да, — отвечаю, — принял решение вывести войска из города.

— А что в отношении Ельцина?

— Думаю, что руководителям ГКЧП надо немедленно лично переговорить с ним и принять решительные меры по пресечению этого базара вокруг Дома Советов.

— Не знаю… не знаю… — задумчиво отвечал С. Ахромеев — это исключать нельзя, но все развивается очень плохо.

— Плохо потому, что нет решительных мер.

Сергей Федорович удивленно посмотрел на меня и замолк. Действительно, было чему удивляться — например, кто запрещает руководству страны принимать решительные меры? Никто. Бездействие не только отдавало инициативу в руки оппозиции, но и подталкивало ее к еще более агрессивным действиям.

Наконец по команде Янаева началось заседание ГКЧ П. Суета в кабинете прекратилась, большинство присутствовавших приблизились к столу — одни сели, другие стояли рядом, разговоры не смолкали. И хотя наступил относительный порядок, все равно для меня, как человека впервые присутствующего на таком заседании, эта картина «попахивала» анархизмом. Почему-то вспомнил А. Ф. Керенского, когда он руководил Временным правительством. Судя по историческим справкам, он, конечно, не справлялся с управлением таким государством, каким была в то время Россия. Но тогда хоть было понятно, кто обязан руководить страной. А сейчас Г. И. Янаева подтолкнули к временному исполнению обязанностей главы государства, но в то же время ничего не сделали, чтобы он как глава смело действовал и шел вперед — главные фигуры из руководства страны как-то сторонились его, что, конечно, «размывало» власть. Отсюда и все последствия.

Геннадий Иванович Янаев, открыв заседание, долго, но слишком общо говорил об обстановке в стране. Затем перешел к Москве. Сказал, что деструктивные силы спровоцировали столкновение толпы с военными на Садовом кольце в районе Смоленской площади и что в итоге погибли три человека. Но почему-то не сказал, что организаторами этой беды являются конкретные лица — ЕльЦин, Бурбулис, Хасбулатов, Руцкой, Гавриил Попов.

Далее он говорил, что надо искать выход из сложившейся ситуации (уместно здесь было бы ему добавить: «из этой глупой ситуации, которую мы сами создали»). Задавал отдельные вопросы присутствующим. Но о том, как выйти из этого положения, толком никто ничего не сказал. Меня так и подмывало спросить Геннадия Ивановича в отношении моих шифротелеграмм из Киева, где имеются конкретные предложения. Однако надо было довести до Янаева и всего ГКЧП решение министра обороны. Посоветовавшись с Ачаловым, я понял, что главное — это выполнить поручение министра обороны. А что касается моих шифровок, то затевать этот

большой разговор было бессмысленно, так как их содержание всем известно, мер же никаких не принято.

Выбрав удобный момент, я попросил слова, и Геннадий Иванович сразу позволил мне высказаться. Свое краткое сообщение я построил так, чтобы не шокировать присутствующих. Поэтому прежде чем говорить о сути решения министра обороны, я сказал, что для определения дальнейших действий комитета (хотя я лично вообще не видел никаких действий) целесообразно знать, что министр обороны принял решение о выводе войск из города с целью лишить оппозицию возможности эксплуатировать этот фактор в своей пропаганде.

И все-таки, когда я сказал, что принято решение вывести войска, в кабинете наступила полная тишина. Но когда наконец все поняли значение этого события, то посыпались реплики и вопросы. Присутствующие требовали объяснить, почему Язов действует без вынесения вопроса на ГКЧП? Решение на ввод войск в столицу принял ГКЧП — почему же министр обороны, являясь членом ГКЧП, нарушает решения комитета? Почему министр обороны самовольничает? Чем все это кончится? Как можно немедленно поправить это решение?

Вопросы продолжали сыпаться. Особо резко высказывались Александр Иванович Тизяков и Олег Дмитриевич Бакланов. Их поддерживал Олег Семенович Шенин.

— Вы можете, Валентин Иванович, ответить на эти вопросы? — обратился ко мне Янаев.

— Разумеется. Мне не известны по этому поводу решения ГКЧП, но решение министра обороны я знаю и его доложил. Мне также известно, что войскам уже отданы необходимые распоряжения и они начали движение в пункты постоянной дислокации.

— Надо немедленно вызвать к телефону министра обороны и потребовать от него объяснений, — предложил кто-то из руководства.

Отвечаю:

— Министр обороны проводит заседание коллегии министерства именно по этому вопросу. И вряд ли целесообразно вызывать его с совещания.

Долго еще шло бурление вокруг решения министра, но в итоге было принято решение, что все члены ГКЧП отправятся к нему, т. е. к министру обороны, и все разрешат при личной встрече. Учитывая такие намерения, мы с Ачаловым оставили совещание (тем более что оно опять приняло неорганизованный характер) и отправились в министерство, чтобы предупредить министра обороны о предстоящем визите членов ГКЧП и,

разумеется, вместе выработать линию, которую было бы целесообразно вести на этой встрече.

По дороге из Кремля в Генштаб я размышлял о решении вывести войска из города. Конечно, в этом были и положительные, и отрицательные стороны. Но наиболее негативно выглядело то, что все это происходило днем, на глазах у москвичей. Такое, конечно, было недопустимо. Как, кстати, и ввод войск. Он ведь тоже был произведен в светлое время. Это был серьезный просчет, как и вообще привлечение в Москву войсковых частей. Все можно было решить силами МВД и КГБ, для чего они и существуют. В крайнем случае «заварушку» у Белого дома можно было погасить силами рабочих дружин, что было бы наиболее эффективно. Но обстановка развивалась так, что изменить ситуацию уже не представлялось возможным. В особенности когда министр обороны ночью категорически запретил полет всех видов самолетов и вертолетов, а бронетанковой технике предписано перемещаться только по приказу Командующего войсками Московского военного округа. У меня сложилось такое впечатление, что на Дмитрия Тимофеевича кто-то оказывал влияние в принятии всех этих решений. Но кто именно, я понять не мог, а спрашивать его об этом и в то время, и сейчас — просто неэтично.

Дмитрий Тимофеевич не ожидал, что к нему подъедут члены ГКЧП. И когда мы ему доложили об этом, было видно, что он встревожен. Тем более что и заседание коллегии Министерства обороны прошло весьма обостренно. Некоторые члены коллегии требовали выхода Язова из состава ГКЧП. Другие считали: коль принято решение о выводе войск и они начали сосредотачиваться на парадной площадке на окраине города, то главное внимание, очевидно, надо было сконцентрировать на том, чтобы важные объекты вообще не оставить без охраны.

Вскоре начали подъезжать и члены ГКЧП, и не члены, но активно участвующие в этих делах деятели, например, О. Шенин, Ю. Прокофьев и другие. Но не было Г. Янаева. Когда подъехал В. Крючков, было решено, что на разговор надо пригласить и А. Лукьянова. Некоторые, однако, считали, что его приезд затянется, а вопросы надо решать немедленно. Но большинство настояло на присутствии Лукьянова. Владимир Александрович позвонил ему по «кремлевке», и буквально через пять-семь минут Анатолий Иванович Лукьянов уже был в кабинете Язова.

Дмитрий Тимофеевич проинформировал присутствующих о принятом решении вывести войска, сообщил, что они сейчас уже сосредоточиваются на окраине Москвы, поэтому было бы целесообразным некоторые объекты взять под охрану силами КГБ.

Вопрос задал один только О. Бакланов:

— Так как это надо понимать? Отступление и сдача позиций?

— Почему же сдача позиций? — возразил Язов. — Такое решение связано с тем, что войска постоянно провоцируют и могут быть происшествия такого рода, как это было сегодня ночью на Садовом кольце. Это решение утвердила коллегия Министерства обороны.

Дальше эту тему никто не развивал, но, судя по коротким репликам и жестам, многим это решение не понравилось. Но было очевидно, что, какие бы доводы ни приводились, изменить решение относительно войск уже невозможно.

Переключились на обсуждение общей ситуации. Пространно выступил Александр Иванович Тизяков. Анализируя действия ГКЧП, он сказал, что другого выхода не было, как только выступить против проводимой политики развала государства. И это должно быть ясно выражено. Его поддержали Бакланов, Лукьянов, Шенин. В то же время эти рассуждения можно было оценить, как попытку оправдать свои действия в своих собственных глазах, а также определить единство взглядов в оценке обстановки. На мой взгляд, это было вполне правильно, и я в свою очередь так же высказался по этому поводу.

Затем все переключились на перспективу — что же делать? Прокручивались многие варианты. Были предложения: заставить Ельцина прекратить провокации и беспорядки, которые он организовал вокруг Дома Советов, наладить нормальную работу телевидения и членам ГКЧП постоянно выступать, разъясняя народу провокацию псевдодемократов, организовавших западню военному патрулю на Садовом кольце. Муссировался вопрос об ускорении созыва Верховного Совета СССР. Тем более Верховный Совет РСФСР фактически уже начал собираться.

Но чем дальше обсуждались эти и другие вопросы, тем чаще проскакивали предложения лететь к Горбачеву. Наконец перешли только к этому вопросу. Сразу возник встречный вопрос — это что, поездка с покаянием? Нет. Решено было поставить вопрос о том, чтобы он подключился к событиям, не стоял в стороне. Крючков и Лукьянов уверяли, что Горбачев может повлиять на Ельцина.

В общем, все уже было близко к капитуляции. Закрутили без Горбачева серьезное и очень нужное дело, а теперь едут к нему на поклон, не предприняв ни одного решительного шага. В той накаленной обстановке говорить членам ГКЧП, что поездка к Горбачеву без определенных четких целей может быть истолкована только против ГКЧП, было совершенно бесполезно. Все были взвинчены до предела. Я подумал, что в этой обстановке

наиболее спокойно себя чувствовали два члена ГКЧП: Валентин Сергеевич Павлов, который очень страстно выступал на встрече 17 августа на объекте АБЦ, но так и не принял участия в работе ГКЧП; второй — это Геннадий Иванович Янаев, который в этих дискуссиях не участвовал, а на пресс-конференции объявил Горбачева своим другом.

Начали формировать группу, которая должна лететь к Горбачеву. Первым назвали Бакланова, как члена ГКЧП, уже побывавшего 18 августа в Форосе. Затем посчитали, что обязательно должны лететь Крючков и Язов. Я уже полагал, что в этой обостренной ситуации достаточно было бы и одного Крючкова, а Язов мог бы, находясь в Москве, влиять на обстановку. Предложили лететь Шенину, но он категорически отказался. Настоятельно просил включить его в список Тизяков: «Я ему (имелось в виду — Горбачеву) всё расскажу», — категорически заявлял Александр Иванович, хотя из этой фразы никакой конкретики не следовало, но его просьбу уважили. И, наконец, включили Лукьянова: «Очевидно, мне тоже надо было бы лететь». Все подтвердили, что, конечно, это решение верное.

Условились, что в середине дня все они собираются на аэродроме и там же уточнят программу действий в Крыму. А до этого каждый должен набросать проект своих предложений. На том и расстались.

Все разошлись, но я задержался у Дмитрия Тимофеевича. Во-первых, хотел его подбодрить, чисто по-человечески, в чем он нуждался, и я сделал это. Во-вторых, хотел у него уточнить позицию относительно войск Московского гарнизона. Он ответил, что все необходимые распоряжения командующему войсками Московского военного округа отдал и первый заместитель министра обороны генерал армии К. Кочетов, а также начальник Генштаба генерал армии М. Моисеев взяли этот вопрос на контроль. Я распрощался и уехал к себе.

Никакими рабочими вопросами заняться не мог, хотя их было полно, особенно в связи с выводом наших войск из Восточной Европы и расквартированием их на территории Советского Союза. Думы были только об одном — о дальнейшем развитии обстановки в стране и особенно о результатах поездки руководства страны к Горбачеву. Подсознательно я чувствовал, что всех, кто полетел в Форос, ожидает большое испытание. Моя интуиция основывалась на знании мстительного характера Горбачева. К тому же в памяти еще свежи были фактически негативные результаты первого нашего визита к нему, да плюс ко всему крайне негативная ситуация в Москве вокруг Дома советов… В общем, все это вместе взятое не могло не создать

грозовых облаков. А учитывая характер взаимоотношений Крючкова, Лукьянова, Язова и других с Горбачевым и то, что они полетели не к отстраненному от должности, а к действующему президенту-генсеку, то не трудно было представить, чем и как их встретят в Форосе.

Однако действительные события превзошли самые тяжелые ожидания и предположения.

Но пока наши товарищи летели к Горбачеву, я занимался обычными служебными делами. Ближайшим своим коллегам по службе я, конечно, дал необходимую информацию. Затем пригласил отдельно генерал-полковника М. П. Колесникова, и мы с ним долго обсуждали план охраны нашего здания от возможных накатов различных несанкционированных митингов и нападения на охрану Главного штаба Сухопутных войск хулиганствующими элементами.

Дожились! Через семьдесят с лишним лет Советской власти государственным органам надо думать о своей защите от сограждан, которые, к несчастью, попали под влияние спецслужб Запада.

Идеология предательства. Боровой

В Советском Союзе после Сталина руководство в области идеологии принадлежало вначале талмудисту и начетчику Суслову, а затем — предателям и изменникам Яковлеву и Медведеву. В результате их «деятельности» у нас и появились уроды, вскормленные на «дрожжах» западных «помоев». В чреве нашего общества зародилась гангрена капитализма. Наиболее благоприятные условия для этого были созданы, конечно, во времена Горбачева. Достаточно вспомнить К. Борового. На его примере можно проследить не только вырождение всего, чем славилось советское социалистическое общество, но и полнейшее бездействие органов государственной безопасности, нейтрально наблюдавших его антиконституционные действия. Уже после разрушения СССР он становится депутатом Государственной Думы. Кстати, как Боровой стал депутатом, очень ярко показал Юрий Власов — многократный олимпийский чемпион и отличный писатель — в своей знаменитой книге «Временщики» (стр. 283):

> «…Я не просто победил их (промышленников и денежных тузов) кандидата, а стер в порошок, но сам был в свою очередь побежден зюгановцами — оные,

выставив полдесятка своих кандидатов от всевозможных прокоммунистических организаций, безнадежно раздробили голоса избирателей… Их кандидаты даже близко не сравнялись по набранным голосам со мной, однако у меня часть голосов съели. Ни один кандидат от оппозиции не прошел. В итоге Зюганов провел в думу еврея Борового, променял Иону Андронова на Хакамаду…»

Вряд ли это сговор коммунистов с властями, как считает Юрий Петрович Власов, но скорее — результат непродуманных действий руководства КПРФ. Ошибки, к сожалению, допускаются всеми. Но все-таки хочу поверить: это не умышленные действия.

Итак, о Боровом как уроде нашего советского общества.

Он москвич. Родился в хорошо обеспеченной семье профессора. Сейчас ему за пятьдесят. Но основные годы он посвятил учебе в нескольких вузах (в том числе МГУ) и аспирантуре. Преподавал. А в 1988 году, когда в нашем государстве и его экономике появились щели для частного предпринимательства, ударился в бизнес — создал кооператив (хотя имел престижную и высокооплачиваемую работу). Через два года создал и возглавил первую товарно-сырьевую биржу в СССР. А дальше пошло-поехало: возглавил ряд коммерческих банков, агентство экономических новостей, инвестиционную компанию, телекомпанию, конгресс бирж и т. д. То есть еще в горбачевские годы он становится капиталистом и миллионером.

И хоть он родился на нашей земле, но она не может считать его своим сыном. А Боровой никогда не будет дорожить нашим Отечеством. Этим и объясняются его действия в августе 1991 года. Но на фоне его действий четко вырисовываются и неприглядные поступки органов государственной безопасности.

Боровой написал книжку — «Цена свободы». И хотя многое там, мягко выражаясь, фантазия, но его свидетельство того, что делалось 19 августа 1991 года в стане псевдодемократов, и, в частности, окружением этого дельца, можно признать. Итак, Боровой пишет:

«На 19 августа наши телефаксы работали только на передачу… Восемь телефаксов по восьми линиям Центральной станции связи МПС (!) непрерывно подрывали устои… коммунистической диктатуры».

«В два часа дня помощник президента Ельцина Царегородцев попросил начать передавать Указ президента, который он тут же перекинул на мой

компьютер. К передаче подключилась компьютерная почта».

«Мне звонили и спрашивали, куда «сгружать бабки» (т. е. доллары?).

«Две наши крупные фирмы после совместных консультаций во дворе Политехнического музея… занялись оружием».

Даже оружием! Спрашивается, а где контроль КГБ?

«Днем потребовалась группа из 5 человек для выполнения очень специального (?) и опасного задания. Руководитель одной из брокерских контор долго отбирал самых сильных и смелых. Когда он собрал их для объяснения задания, то попросил оставить оружие, если у кого-то оно есть. Все пятеро выложили на стол пистолеты».

Как видите, незаконное вооружение людей уже приобрело в стране массовый характер. Конечно, только чрезвычайные и очень активные, а не пассивные меры могли и должны были пресечь тогда действия всех экстремистов. Но действий со стороны советских «компетентных органов» не было.

Именно поэтому:

«За один только день 19 августа нам так удалось раскрутить маховик сопротивления, что остановить его удалось с огромным трудом только 25 августа».

Далее Боровой описывает, как они несли огромное полотнище знамени по центру Москвы к Дому Советов РСФСР.

Длина знамени была 120 метров, а ширина — 5 метров.

Рядом со мной шел Михаил Иванович Лапшин (?!) — председатель совета брокеров и несколько знакомых брокеров… Знамя выползало из биржи в полной тишине. Было по-настоящему страшно… Прокричали первый лозунг: «Долой хунту» — крик наш, казалось, разнесся по всей Москве… Постовой, дежуривший у соединения улицы Кирова и площади Дзержинского, заметив нас, начал быстро почему-то радостно убирать знак на подставке с центра улицы».

«Я посмотрел на ту часть здания КГБ, которая выходила на улицу Кирова. Окна были открыты. Из

каждого окна на нас смотрели. Они вдали, когда кончится этот невозможно длинный флаг.

Шествующие кричали: «Позор КГБ, позор КГБ».

«С крыши одного из зданий КГБ нас снимали видеокамеры».

«Впервые за семьдесят три года существования Советской власти, в сердце страны, в Москве, в центре, по площади Дзержинского, проходила антиправительственная демонстрация — неразрешенная, смелая и агрессивная».

И эта колонна прошла мимо Большого театра, вышла на улицу Горького (Тверскую), прошла мимо Моссовета, по Садовому кольцу, вышла к Новому Арбату и прибыла к Дому Советов РСФСР, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны правоохранительных органов, хотя в городе было объявлено чрезвычайное положение. Мало того, с балконов посольства США им махали руками, приветствуя. А колонна за знаменем разрослась в многотысячную демонстрацию».

Не странно ли всё это? Ведь все происходит под носом КГБ! Что, это было неожиданностью? Но тогда где контрразведка? Ведь несколько тысяч брокеров собралось у Борового на бирже, несколько часов митинговали и готовились к этому маршу со знаменем. Где информация об этом? Или она была, но не было никакой реакции так же как и на мои шифротелеграммы из Киева в адрес ГКЧП?

Можно сделать однозначный вывод.

Вышло так, что объявленное в Москве чрезвычайное положение касалось только самого ГКЧП и государственных структур союзного центра. Верховный Совет, правительство и президент РСФСР его не выполняли, как и в целом подогретые Ельциным москвичи. Что же касается молодой буржуазии, рожденной Горбачевым, так она не только не выполняла закон «О режиме чрезвычайного положения», но и вела себя нагло, вызывающе, провоцируя власти на применение силы.

А что власти? Да ничего! Или смотрели из-за штор на незаконно демонстрирующих, или заседали, переливая из пустого в порожнее, не принимая по отношению к нарушителям закона никаких, даже слабых мер. Кто может объяснить это бездействие? Я, например, не могу этого сделать. Уже 19 августа властные структуры отдали оппозиции всю инициативу. А после пресс-конференции передали и власть. 20 августа оппозиция в лице Хасбулатова, Руцкого и Силаева свободно разъезжала по Кремлю, «допрашивая» Янаева, Лукьянова и других о дальнейших их

планах. В тот же день оппозиция митингами укрепила свое положение, и властные структуры не мешали им это делать.

В ночь с 20 на 21 августа Ельцин и его окружение провокацией на Садовом кольце добились-таки кровавого столкновения и умело использовали это против ГКЧП, который, едва успев родиться, уже задыхался от неорганизованности и отсутствия четкого и ясного управления, отсутствия единоначальника — твердого, беспощадного и непоколебимого в достижении цели.

Утром 21 августа все было кончено. Попытка спасти страну превратилась в мираж.

Несколько лет назад в одной из наших газет политолог и социолог Сергей Кара-Мурза, которого я глубоко уважаю и ценю за его справедливое и острое перо, выступил против меня. Не в прямом, конечно, смысле. Просто оценив события первой половины 90-х годов, он резонно поставил один вопрос, который приблизительно звучал так:

— Генерал Варенников, отказавшись, в отличие от других, привлеченных по делу ГКЧП к ответственности, от объявленной Государственной Думой амнистии, тем самым совершил поступок, который общественностью оценивается положительно. Тем более что он настаивал на том, чтобы его судили, чтобы в открытом судебном заседании показать народу, кто является виновником развала Советского Союза, и одновременно отстоять свою гражданскую и офицерскую честь. Это, мол, все правильно. Но меня (т. е. С. Кара-Мурзу) беспокоит один вопрос, задавая который, я могу вызвать негативную реакцию читателей. Однако я его все-таки задам — что сделал Варенников в августовские дни как государственник для спасения Отечества?

Резонный вопрос? Несомненно. Правомерно ли он поставлен? Конечно. Осудит ли кто Кара-Мурзу за такой вопрос? Не думаю. Но если кто и сделает такую попытку, то это будет неправильно. Почему? Да потому, что весь народ интересует, почему же ГКЧП не спас страну? В том числе этот вопрос надо отнести персонально к каждому, кто был привлечен по делу ГКЧП. Да и не только к ним.

В своем выступлении на суде я резко критиковал ГКЧП за его действия (точнее бездействие). Но я и тогда, и сейчас корю себя за то, что не все сделал, чтобы спасти положение. Никого не должны интересовать (на мой взгляд) заслуги прошлого, например, участие в Великой Отечественной войне, в других войнах на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке, в проведении работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, участие в погашении вспышек в различных

горячих точках страны (Кавказ, Прибалтика). И вообще, а кому интересно именно сегодня, что ты сделал для строительства и развития наших Вооруженных Сил, военно-промышленного комплекса и обороны страны в целом, если народ поставлен перед фактом катастрофы государственной общественно-политической системы? Народ интересует, что ты сделал на своем государственном посту для спасения государства? Именно сейчас!

И вот теперь — конкретно обо мне. Что конкретно я мог и обязан был сделать для спасения страны в те августовские дни, как государственник.

Очевидно, я обязан был отказаться от поездки в Форос, а тем более в Киев, где просидел 18-го, 19-го и часть 20-го августа 1991 года. Мне надо было остаться в Москве и, наблюдая действия ГКЧП, помогать министру обороны Язову и председателю КГБ Крючкову (возможно и Янаеву). По договоренности с членами ГКЧП войти в состав Комитета и принимать кардинальные и решительные меры, а главное — организовывать практические действия. Но в связи с этим представьте мое положение: я не хочу ехать в Крым и на Украину, или я прошу, чтобы меня ввели в ГКЧП… Это было бы очень странно. И вообще это не в моем характере отказываться от поручений или проталкивать себя на какие-то посты.

В то же время, находясь в положении Главнокомандующего Сухопутными войсками — заместителя министра обороны, я без согласования с министром обороны или Генеральным штабом не имел права применять войска для разрешения какого-либо государственного конфликта.

Вот и получилось, что я, как государственник, мог внести свою лепту в спасение страны только в том, чтобы резко и правдиво высказать все Горбачеву при встрече; обеспечить вместе с другими товарищами порядок и спокойствие на Украине (о чем больше всего беспокоилось руководство страны) и своими шифротелеграммами из Киева побудить руководителей ГКЧП к активным действиям. Затем уже потребовать (точнее добиваться) от Президиума Верховного Совета СССР, во-первых, утверждения ГКЧП, как временного исполнительного органа страны; во-вторых, отстранения Горбачева с поста президента и временной передачи власти главы государства Председателю Президиума Верховного Совета СССР; в-третьих, настаивать на созыве Пленума ЦК КПСС, где освободить Горбачева от всех партийных постов, вывести из состава ЦК и исключить из партии; в-четвертых, принять меры ко всем, кто занимает антигосударственную позицию-в-пятых, обезвредить все

дестабилизирующие сепаратистские и националистические силы; в-шестых, провести беспощадную линию в экономике и финансах в целях стабилизации обстановки, организации жесточайшего контроля за потоком капитала, прекращения выпрашивания кредитов и закупки зерна за рубежом; в-седьмых, совместно с руководством поднять уровень подготовки Вооруженных Сил, а также военно-промышленный комплекс.

И совершенно другое дело, когда речь идет о генерале Варенникове как государственнике — что он сделал за все предыдущие годы и сделал ли он что-нибудь для спасения страны. Это выражено в подготовке войск, которыми мне доверили командовать, в моих практических действиях как народного депутата СССР, в моей позиции, изложенной в «Слове к народу». Но наши офицеры никогда не были и не будут бунтарями.

Вот, пожалуй, по этому вопросу все. Теперь вернемся к событиям августа 1991 года. Руководство, как и решили, улетело в Крым к Горбачеву. Через каждые полтора-два часа я получал сведения о развитии событий в Крыму. Этими источниками были аппарат Янаева, дежурная служба Генерального штаба и Президиума Верховного Совета СССР. Данные были очень скудными. Но три информации просветили обстановку: из всех прилетевших Горбачев принял только Лукьянова (это следовало ожидать); в Форосе появился Руцкой в качестве «спасителя» президента СССР (оказывается, начальник Генштаба генерал армии Моисеев разрешил принять самолет Руцкого в Крыму), наконец, Горбачев собирается вылететь в Москву.

Для меня было ясно, что все, связанное с ГКЧП, закончено. Начинается новый этап.

Так что же у нас произошло в стране?

Даже руководители страны, которых Горбачев лично представлял для утверждения и просил об этом Верховный Совет СССР, даже эти доведенные до отчаяния люди не смогли дальше терпеть и выступили против преступной, разрушавшей страну политики Горбачева. Оболваненные его лозунгами: «За социализм!», «За демократию!», совершенно сбитые с толку высшие руководители наконец поняли, что Горбачев погубит страну. Конечно, никто еще пока не верил, что он стал предателем. Все лишь думали: он вроде искренне желает «больше социализма», просто у него не получается. Так, очевидно, думали и в ближайшем окружении, за исключением Яковлева и,

возможно, Крючкова, который обязан был знать, что и Горбачев, и Яковлев — изменники и предатели.

В этих условиях группа руководителей страны, объединившись, обратилась к Горбачеву с предложением: объявить чрезвычайное положение в стране там, где этого требовала обстановка, и отказаться от подписания нового Союзного договора, который фактически узаконивал разрушение СССР вопреки результатам Референдума 17 марта 1991 года. Горбачев благословил руководителей страны на чрезвычайные меры, а по договору не сказал ни да, ни нет.

Руководство страны создало ГКЧП, обнародовало документы, которые точно оценивают обстановку и четко обозначают пути выхода из кризиса. Страна фактически поддерживает ГКЧП, но последний, кроме неудачной пресс-конференции, ничего не делает из намеченного. Комитет оказался недееспособным как орган, там не чувствовалось единоначалия и мощной общей силы. Он не руководил государством, поэтому оппозиция перехватывает инициативу, а вместе с ней и власть.

К управлению страной приходят псевдодемократы, которые несколько месяцев не знали, что делать с захваченной властью. Горбачев безучастно смотрел, как продолжают разваливать страну…

А главные идеологии, заказчики и организаторы этой трагедии потирали руки.

Глава III
Арест. Матросская тишина

Министерства обороны. Военный совет Сухопутных войск. Арест. Знакомство с тюрьмой. Первый допрос без адвоката. Главная цель тюремных порядков — максимальное угнетение личности. Смена камер — семь раз, и все новые лица. «Шмоны». Унизительные личные обыски. Тюремная больница. В. Н. Панчун. Визиты народных депутатов. Книга Афанасьева «Как выжить в советской тюрьме».

Утром 22 августа начальник Генерального штаба генерал армии М. А. Моисеев звонит мне и говорит, что у него в кабинете в 9.00 состоится заседание коллегии. Вслед за этим от дежурной службы я узнаю, что Д. Т. Язов и В. А. Крючков арестованы. Это было неожиданностью. Я предполагал, что их только освободят от занимаемых постов.

Приехав в Генштаб, я встретился с членами коллегии. Здороваясь со мной, некоторые опускали глаза или смотрел на меня с сочувствием. Пригласили в кабинет Моисеева. Там, кроме Михаила Алексеевича, был еще и Кочетов. Поздоровались.

Моисеев, открыв заседание, сразу объявил, что маршал Язов арестован и что временно исполнять обязанности министра обороны Верховный Главнокомандующий поручил ему, Моисееву. Затем добавил, что арестован также председатель КГБ Крючков. Далее он рассказал о сложившейся обстановке, акцентируя внимание на том, чтобы члены коллегии усилили влияние на подчиненные войска и силы флота и не допустили различного рода происшествий, а тем более неконституционных действий. После чего ответил на вопросы. Кто-то спросил: «Где, в какой тюрьме находится Язов?» Моисеев ответил неопределенно: «Где-то под Москвой».

Заседание проходило в течение часа. Закрывая коллегию, Михаил Алексеевич со всеми попрощался, а меня попросил задержаться.

— Валентин Иванович, Верховный Главнокомандующий отстранил вас от должности главнокомандующего. Кроме того, вам не надо никуда выезжать. Вы где живете, на квартире или на даче?

— Днем буду работать у себя, в Главном штабе, а вечером уеду на дачу.

— Очень важно, — подчеркнул Моисеев, — чтобы вы не изменили своего решения. Кто останется исполнять обязанности

Главнокомандующего?

— Конечно, первый заместитель главкома генерал армии Бетехтин.

Я заверил врио министра обороны, что буду находиться именно по указанному адресу, и уже собирался было уходить. Хотя чувствовалось, что Михаил Алексеевич то ли еще хотел мне что-то сказать, то ли ждал от меня каких-то вопросов или просьб. Но мне всё было ясно, поэтому я распрощался и ушел. Вместе со мной вышел Константин Алексеевич Кочетов. Мы шли по длинному коридору, и он, сокрушаясь, говорил:

— Ну как же вас угораздило связаться с этими… Дожили до седых висков и не разглядели в них авантюристов?

Я с удивлением смотрел на генерала армии, первого заместителя министра обороны, и не верил своим ушам. Почему авантюристы? Правильнее — слабаки, но шаг протеста ведь правильный! Другое дело, что не довели начатое До конца. С этим согласен.

— Хорошо, если суд учтет ваши заслуги, — продолжал Константин Алексеевич, — и даст лет пять-семь… А если больше? Это вообще трагедия…

Шагая по коридору, я продолжал удивляться моему собеседнику, но молчал. Молчал и думал: откуда у него такое «сострадание»? А ведь был когда-то у меня в Прикарпатском округе хорошим командиром дивизии! Зачем эти прогнозы? Что это — злорадство? Вопрос же очень деликатный. Ведь человеку в моем положении требуется утешение, а не холодный расчет по вариантам. Он почему-то совершенно не вспомнил, что я народный депутат, и прежде чем меня арестовать, у прокурора должна быть санкция Верховного Совета. А Верховный Совет согласно статусу депутата обязан вызвать меня и на свое заседание, в крайнем случае на заседание Президиума, заслушать и лишь потом разрешить или не разрешить прокурору меня арестовать.

Мы поравнялись с выходом на лестницу к лифту, я молча распрощался с генералом. Но пророк из него оказался никудышный, хотя офицер он был отменный. Я и сейчас его уважаю за хорошую службу. И он достойно был выдвинут на высокий пост первого заместителя министра обороны. Мог быть и министром обороны.

И все-таки самое главное во всем, что высказал мне генерал, было не сожаление о том, что я вроде, не подумав, «влип в историю», а то, что, мол, военные могли стоять в стороне от этих событий. «Моя хата с краю…» Но как можно быть в стороне офицеру, да еще народному депутату, когда страна летит в

пропасть? Разве армия, являясь инструментом политики, может быть в стороне от политики? Такую точку зрения тогда навязывали обществу «демократы»! Надо покончить с этой неопределенностью в отношении роли и места армии в жизни страны. Да, она отвечает за независимость Отечества, обязана гарантированно защитить страну и ее народ от нападения извне. А если «пятая колонна» по причине попустительства соответствующих наших органов организовала силы разрушения у нас в стране? Как быть? И если тем более эти силы уже начали открыто выступать, разваливая государство, а блюстители государственной безопасности бездействуют? Что делать?! Конечно, надо решительно вмешиваться и с врагом расправляться беспощадно.

Однако все должно быть четко и ясно проведено в законах, в Конституции, чего, к сожалению, у нас не было и нет. Отсюда и различные толкования.

Почему-то вспомнился генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ярый монархист и один из главных организаторов контрреволюции, Корнилов по-своему любил Россию. Тяжелейшие испытания выпали на его долю. Служба в Туркестане. Участие в русско-японской войне. Военный атташе в Китае. Первая мировая война. Он командует корпусом, армией и фронтом. Затем — австрийский плен, побег. Опять война. В июле — августе 1917 года являлся Верховным главнокомандующим, поднял мятеж и двинул войска на Петроград с целью — спасти монархическую Россию. Действовал по своему убеждению, во имя Отечества. По приказу Керенского был арестован и решением Временного правительства заключен в тюрьму в городе Быхове. Бежал на Кубань. До апреля 1918 года возглавлял белогвардейскую Добровольческую армию. В боях под Краснодаром погиб.

Аналогий никаких не провожу. Но без внимания его «шрамы» тоже нельзя оставить. Особенно выпад Керенского.

Прибыв к себе в Главный штаб Сухопутных войск, я позвонил начальнику Главного штаба и сказал, что надо как можно быстрее собрать членов Военного совета в моем кабинете на экстренное заседание. Через полчаса все были в сборе. Лица грустные, взгляды потупленные — видно, уже все знают. Стараясь выдержать спокойный, ровный тон, я подробно рассказал, что произошло. Подчеркнул благородные цели ГКЧП и удивительное бездействие, которое в целом привело к трагедии. Сообщил, что Язов и Крючков арестованы, а» я отстранен от занимаемой должности. Сказал также, что исполняющим обязанности Главнокомандующего является генерал армии Бетехтин. Далее

кратко прошелся по нашей совместной службе, по решенным и пока еще нерешенным задачам. Наконец, поблагодарил всех и пожелал всяческих успехов. Мы трогательно распрощались, и кабинет опустел. Однако опустошен был не только кабинет, но и душа. Сидя за столом заседаний, я думал о товарищах, с которыми пришлось работать.

Без сомнения, в составе главных командований других видов Вооруженных Сил тоже были достойные офицеры, но, не преувеличивая, скажу, что в составе нашего Военного совета были просто уникальные личности. О каждом из них можно говорить часами, как о легенде. Это высокоответственные, исключительно компетентные, очень трудолюбивые и беспредельно преданные народу и Отечеству офицеры. Они внесли в дело строительства и развития Сухопутных войск и Вооруженных Сил в целом исключительный вклад.

Добрые воспоминания у меня остались и о генералах, которые по различным причинам (в основном по возрасту) на определенном этапе оставили службу в Главкомате СВ и уволились. К ним, в частности, отношу генерал-полковников Павла Ивановича Баженова, Михаила Даниловича Попкова и Дмитрия Александровича Гринкевича.

Думал я также и о том, что ждет меня в ближайшее время.

Зная хорошо положение закона «О статусе народного депутата СССР», я понимал, что Горбачев допустил грубое нарушение закона, освободив меня от должности главкома.

В кабинет начали приходить поодиночке офицеры. Решили попрощаться. Некоторые откровенно плакали. Это меня тоже расстраивало. Не хочу перечислять этих генералов и полковников, но их оказалось много. Не выдержав, сказал одному из них: «У меня невольно складывается такое впечатление, что вы меня отправляете на тот свет…» А он неожиданно ответил: «Это значительно хуже!» Я даже не нашел чем ему возразить. Наконец вызвав помощника, я сказал ему, чтобы он объяснял всем товарищам, что у меня сейчас нет возможности с кем-то беседовать. Вызвав начальника канцелярии, передал ему все хранившиеся у меня в сейфе документы.

Позвонив домой, сказал жене, что с сегодняшнего вечера мы будем жить на даче. «Так что давай, езжай вперед, а я подъеду», — заключил я свой разговор.

— Ты что, уволился? — спросила Ольга Тихоновна.

— Почти…

— Ну, слава Богу! Даже не верится, что ты теперь вольный казак.

Ольга Тихоновна давно ждала того дня, когда я уволюсь,

чтобы наконец заняться собою. На протяжении всей жизни я полностью отдавался службе. И проблемы, связанные с семьей, отодвигал на задний план. Частенько жена справедливо упрекала меня в том, что я мало уделяю внимания семье, детям. Я обещал: «Вот уволюсь — тогда все время отдам семье и близким». Но это увольнение все откладывалось, хотя внутренне я уже к нему готовился.

Расчистив сейф и перезвонив многим своим товарищам, я, не заезжая домой, отправился на дачу. Она входила в группу государственных дач, построенных в районе поселка Архангельское в начале 80-х годов. Мы, как и другие, арендовали домик, за что ежемесячно платили двести рублей. По тем временам большие деньги. Место, на мой взгляд, хорошее — лес, да и недалеко от Москвы. Поблизости расположен военный госпиталь, что в нашем возрасте имеет не последнее значение.

Арест

Уже смеркалось, когда я подъехал к даче. По дороге прогуливались маршал Василий Иванович Петров и генерал армии Александр Михайлович Майоров. Они жили по соседству и вечером всегда выходили на прогулку. И в этот раз — тоже. Я, конечно, подошел и поздоровался. Естественно, они попросили рассказать о происходящих событиях, что я и сделал. Они забросали меня вопросами.

— Это предательство, — заключил Василий Иванович, выслушав мой рассказ.

— Ну, я думаю, что все происходящее будет, конечно, Предметом разбирательства, — начал было я.

— Какого разбирательства? — перебил меня Александр Михайлович. — Кому оно нужно? Наоборот, постараются зарыть все…

В это время из дачи, где проживал маршал Олег Александрович Лосик, вышла молодая женщина. Она направилась к нам. Вид у нее был очень возбужденный, на лице — горе. Поравнявшись, сказала:

— Валентин Иванович, что же это такое — Дмитрия Тимофеевича арестовали…

— Я все-таки думаю, что это недоразумение и вскоре эти ошибки поправят, — сказал я.

— Какие ошибки?! Какое недоразумение?! Сейчас по телевидению сказали на весь мир, что Язов и Крючков арестованы, как изменники Родины, — сказала она и быстро

пошла дальше.

Мы стояли, озадаченные. Василий Иванович повторил свою версию о предательстве. Я откланялся, а они продолжили обсуждение.

Приведя себя в порядок, устроился в кресле и, отвечая на вопросы жены: «Ну хоть сейчас ты можешь меня сориентировать, что происходит?» — начал рассказывать о событиях. Больше вопросов не было — одни вздохи. А под конец спрашивает:

— Так чего же нам ожидать?

— Время покажет, — уклонился я от прямого ответа.

— Может, тебе надо с кем-то объясниться?

— Не думаю. Скорее всего, меня могут вызвать, в том числе на заседание Президиума Верховного Совета. Пока буду сидеть на даче.

Лег отдыхать поздно. В три часа ночи разбудил телефонный звонок.

— Слушаю вас, — сказал я.

— Валентин Иванович, мы никак не можем до вас дозвониться.

— Я все время в доме, телефоны не звонили.

— Да нет, не можем дозвониться у входной двери. Откройте нам ее, пожалуйста.

Я оделся, зажег везде свет и спустился вниз. Открываю двери — ко мне сразу входят несколько человек. Все рослые, крепкие. Тот, кто пониже и постарше (он оказался полковником МВД Ильченко, но был в гражданском), говорит:

— Я вас отлично знаю по Афганистану. А сейчас вот такая выпала неприятная миссия — доставить вас… в Москву.

— Мне надевать военную форму или быть в граждан ском? — спросил я их.

Мои «гости» удивленно переглянулись. Я до сих пор не могу понять, к чему я задал этот глупый вопрос. Ведь все было ясно: группа прибыла с заданием арестовать меня и доставить в следственный изолятор так же, как это сделали с Язовым и Крючковым. Арест для меня, конечно, был неожиданностью, но меня не покидало самообладание. Я спокойно реагировал на обстановку. А вот при чем здесь военная форма, почему я вспомнил о ней — совершенно непонятно самому.

Старший ответил:

— Лучше в гражданском костюме.

Мы (их пять человек и я) поднялись наверх. Жена уже стояла одетая и вся дрожала.

Я не торопясь стал переодеваться — снял пижаму и намеревался надеть костюм. Все столпились вокруг меня. Это

несколько раздражало, но и смешило: к чему этот цирк? Каждый был готов задержать меня, если я попытаюсь бежать. Во-первых, зачем бежать? Во-вторых, куда бежать? Просто чудеса! А вот ордера на арест не предъявили. Даже я, не имевший опыта в этом деле, знал, что подозреваемому в преступлении при аресте должен предъявляться документ, который должен мотивировать арест (задержание). А наше МВД, как я убедился на своем опыте, решает эту задачу по одному трафарету: и в отношении того, кто схвачен на месте преступления (вор, бандит, насильник и т. п.), и в отношении тех, кто подозревается в совершении политических нарушений (даже министры, маршалы, генералы армий). Подход почти один и тот же.

Ордер на арест не был предъявлен, но я не роптал. И не потому, что, мол, так или иначе считал себя виновным. Наоборот, я считал и считаю себя совершенно невиновным, но для меня просто было бы унизительным открывать дискуссию с милиционерами по этому поводу.

Вдруг полковник спрашивает:

— У вас оружие есть?

— Есть, конечно.

— Надо сдать.

Я, сидя на кровати, протянул руку к тумбочке, открыл ее и взял пистолет.

— Нет, нет! Я сам, — засуетился полковник.

— Да я не буду стрелять! — успокоил я его и протянул ему пистолет рукояткой вперед. Полковник невольно просиял.

Через пять-семь минут я был готов. Взял с собой небольшой чемоданчик для командировок — он всегда у меня был наготове (один на квартире, второй — на даче) — и мы все пошли вниз: два стражника впереди, один — рядом со мной (вдруг я рвану в окно), два сзади. Всю эту процессию замыкала плачущая жена. Внизу я остановился, чтобы попрощаться. И все остановились, взяв меня в плотное кольцо. Это уже было сверх моего терпения:

— Ну, что вы, как столбы вокруг? Отойдите — я попрощаюсь с женой, — потрясая ладонью перед лицами сзади стоящих, я неожиданно для них так заорал, что они мгновенно расступились. Я обнял Ольгу Тихоновну. Она горько рыдала, вся трепетала и еле стояла на ногах. Я понял, что долго эту муку продолжать нельзя, и, стараясь успокоить ее, сказал, что кто-то допустил ошибку и скоро она будет исправлена. Мы вышли во двор. Оказывается, ворота уже были распахнуты и перед домом стояли две «Волги». Третья виднелась за воротами. Обратил внимание на другие дома — в окнах был притушен свет, но на его фоне все же вырисовывались силуэты. Конечно, все соседи были свидетелями

этого дебильного, со многими нарушениями закона, ареста. До сих пор не могу понять — почему арест подозреваемых в политических преступлениях должен проводиться ночью дома? Чтобы на остальных нагонять страх? Тогда это верный метод. Еще бы! Какая таинственность. Особо опасный преступник. Если есть сочувствующие — смотрите: то же может перепасть и на вашу долю…

Наш дачный поселок — это небольшая деревушка в девятнадцать домов. Одна-единственная, но хорошо освещенная дорога. Дворы некоторых дач, в том числе и нашей, тоже освещены. Стража приехала за мной и попыталась поднять нас наружным звонком. Но то ли из-за неисправности звонка, то ли он слабо звонил (внизу у нас столовая, а спальня — наверху) поднять нас не удалось. Поэтому стражники перемахнули через забор, открыли ворота, проехали на двух машинах к даче, а третью оставили снаружи. Потом пошли к соседям и начали мне звонить, чтобы я открыл дом. Как видите, все делалось сугубо «тайно» и «совершенно секретно». Поэтому вся наша деревня сидела у окон и наблюдала этот цирк. Хотя все можно было сделать в светлое время. И присылать не отделение бойцов-молодцов, а одного умного человека (в крайнем случае двух), тоже в штатском. На одной машине. С необходимым ордером на арест. Тихо, спокойно. Ведь едут арестовывать нормального человека.

Вполне вероятно, что некоторые работники милиции будут смеяться или удивляться моим рассуждениям. Но это потому, что они приучены к этому, извините, идиотскому методу и другого пути не знают. Так же, как и проведение обысков и описи имущества. У меня «капитально» посмотрели на службе, дома и на даче, так как статья предусматривала конфискацию практически всего, что было нажито десятилетиями на зарплату. Мало того, по «инструкции» Генеральной прокуратуры изымались все правительственные награды, в том числе Звезда Героя и медаль лауреата Ленинской премии. Странное дело — выдавалось Верховным Советом страны, был на этот счет Указ, а изымалось по решению всего лишь ведомства.

Меня посадили в среднюю машину на заднее сидение. Впереди с шофером, а также справа и слева от меня сели «добрые молодцы». С места рванули на максимальных скоростях. Не ехали, а летели. Было такое впечатление, что Мы опаздываем на самолет или пароход и что это уже последний рейс. Около четырех часов утра подъехали к какому-то мрачному большому зданию с наглухо закрытыми металлическими воротами. Позже стало ясно, что это тюрьма Матросская Тишина. Старший нашей

команды стал звонить и стучаться. Минут через пятнадцать ему все-таки открыли. Я же про себя подумал, что не везет полковнику этой ночью: то у меня долго не открывали, то теперь вот здесь. А он-то ведь хотел показать свою старательность — взял, привез и сдал особо опасного преступника в короткие сроки.

Полковника запустили, и он пропал. 10, 20, 30 минут, час прошел, а его нет. Нет старшего и все. Из нашей машины вылез вначале один (впереди сидящий), а затем и один из моих соседей — и все отправились за ворота. Прошло часа полтора — никого нет. Спрашивается, зачем мы гнали машину сломя голову?

— Что происходит? — не выдержав, спросил я оставшегося охранника.

— Сам не пойму… Возможно, нас не ждали? — ответил он.

Знакомство с тюрьмой

Охранник был прав — наш приезд в Матросскую Тишину был не подготовлен, в чем я убедился, как только попал внутрь тюрьмы. Часа через два появились полковник и все остальные, взяли меня, завели во внутренний двор, затем по первому этажу прошли в какую-то небольшую, мрачную комнату. Там сидел за небольшим столом и что-то писал заспанный капитан, судя по погонам, внутренних войск МВД. Полковник Ильченко глухо выдохнул: «Вот, сдаю…» Капитан, не глядя на полковника, предложил мне сесть напротив. Полковник удалился. Зашел и сел в уголок какой-то сержант. Видно, из внутренней охраны (на всякий случай). Капитан продолжал писать. Наконец его работа была закончена, и он мне предъявил «Протокол задержания подозреваемого». Другими словами — ордер на арест.

Вот такие чудеса! Я взял документ, смотрю на капитана и думаю: «Если так у нас арестовывают генерала армии Героя Советского Союза, народного депутата СССР, то как эту процедуру проделывают с рядовым?» Капитан удивленно посмотрел на меня, затем, не выдержав, тихо сказал: «Вы читайте, читайте. И распишитесь. Поставьте число».

Я стал читать. Оказывается, мне предъявлено обвинение по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР «Измена Родине с целью захвата власти». Первое ощущение — злость. Не растерянность и страх, а именно злость! Почему? Явная ложь и несправедливость. Какая измена Родине? Наоборот, желание спасти ее от развала! Какой захват власти? Все, кто составлял основу ГКЧП, были при самой высокой власти. Да и активно поддержавшие этот комитет тоже были на высоких постах. К чему эта циничная ложь? Ответ

на ладони — чтобы Горбачеву и другим можно было этой ложью отвлечь внимание народа от своих предательских действий, прикрыв себя.

Каждый раз, когда я встречаюсь с ложью, несправедливостью или когда враг может наносить удары, а мы по определенным причинам сделать этого не можем, ко мне всегда приходит злость, а не страх, обреченность или безысходность. Вместе со злостью приходит способность быстро мыслить, перебирая различные варианты. Вместе со злостью приходит боевое настроение, ярко выраженное желание активно бороться, не сдаваться и не сникать при любых обстоятельствах.

Так бывало у меня и на фронте, и на службе во взаимоотношениях с несправедливыми военачальниками и партийными чинами, и в Афганистане, и в «горячих точках» страны, и в Матросской Тишине, и на судах, и после — словом, всегда.

В тексте протокола задержания было записано буквально следующее:

> «Варенников является одним из участников заговора с целью захвата власти и группы лиц, захвативших власть, т. е. подозревается в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР.
>
> Основанием для задержания Варенникова является тяжесть совершенного им преступления, и, находясь на свободе, он может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу».

Далее шла подпись следователя: М. Д. Белотуров.

Ниже должен был расписаться я.

— Ну, что вы смотрите? Расписывайтесь! — подталкивал меня капитан.

— Да нет! Просто расписываться на этом ярлыке я не буду. Я обязан дать свою оценку.

На протоколе задержания места было мало, поэтому я написал только одну краткую фразу:

> «Не считаю себя участником какого-то заговора и цели захвата власти не ставил.
>
> С протоколом ознакомлен в 5.45 часов 23.8.91 г.
>
> *Варенников».*

Потом оказалось, что к этому времени (т. е. в августе —

сентябре 1991 года) уже были и другие официальные документы по поводу моего ареста. Например, Генеральный прокурор Трубин 23 августа 1991 года издал письменный документ, где было написано: «Арест Варенникова В. И. санкционирую». Спрашивается, во сколько часов 23 августа он подписал это распоряжение? Ведь меня арестовали уже в три часа утра! Так во сколько было издано сие распоряжение — в час или в два? Уверен, что это было сделано уже после того, как я попал в Матросскую Тишину. Вот почему мы ждали два часа у тюрьмы — не было распоряжения генпрокурора, и мои стражники уговаривали работников тюрьмы взять меня, а документы, мол, потом оформим. Не везти же меня обратно на дачу! Это же скандал. А то, что арест проведен с грубыми нарушениями, — это проглотят.

И еще был один любопытный документ. Цитирую: «Постановление (о заключении под стражу) 23 августа 1991 года, город Москва. Старший следователь Любимов постановил:

1. Применить к Варенникову В. И. меру пресечения — заключение под стражу.
2. Направить постановление начальнику СИЗО (следственный изолятор № 4 МВД СССР. Любимов».

На этом документе стоит моя роспись и дата: 24 августа 1991 года.

Спрашивается, когда Любимов получил от Трубина разрешение на арест и когда он издал свое постановление? Конечно, в течение 23 августа, когда я уже сидел в тюрьме. Любимов устно по телефону получил команду немедленно выехать в Матросскую Тишину и уже в 8.00 23 августа в общих чертах приступить к допросу.

Главная цель тюремных порядков — максимальное угнетение личности.

Для меня было особенно важно выдержать принципиальную позицию в отношении оценки всех событий и лично своих действий. И я ее выдержал. На протяжении всех полутора лет нахождения в следственном изоляторе и на протяжении всех судебных следственных действий я не менял своей оценки всего того, что произошло, и тем более никогда и никому не давал повода считать меня виновным. В то же время с большим огорчением (заглядывая вперед) обязан сказать, что далеко не все объявили себя невиновными. Хотя такие и были. Кое-кто в своих

письменных показаниях прямо писал, что признал себя виновным. Другие писали, что признают себя частично виновными.

Конечно, это меня огорчало, тем более что следственный аппарат Генеральной прокуратуры подсовывал эти показания нам, отстаивающим свою правоту. Подсовывал и приговаривал: «Вот видите?! Они честно, откровенно признались. И, конечно, при определении наказания суд это учтет. И хоть все это действовало удручающе, но поколебать не могло. Наоборот, я еще больше внутренне мобилизовывался.

Будет это несколько позже. А пока меня надо было как-то устраивать в тюрьме. К нам пришел еще один офицер. Капитан сказал, что сейчас отберет все, что я могу взять с собой, а остальное останется с чемоданом здесь, в том числе и часы. Ну то, что нельзя брать в камеру металлические предметы (в том числе бритву), еще как-то можно было обосновать, но почему запрет распространялся на часы — поначалу было непонятно. Позже, набравшись тюремных знаний, я понял, что отсутствие часов оказывает сильное морально-психологическое давление. И это главное. Но работники тюрьмы объясняли иначе (думаю, что они тоже по-своему правы): отсутствие часов среди подследственных (заключенных) не позволяет им в случае какого-то заговора действовать согласованно по времени, Кроме того, наличие у кого-то часов может стать причиной различных ссор и столкновений с целью «передела собственности».

Всю мою одежду тщательно проверили (проверял сержант). Почему-то особого внимания удостоились мои туфли — даже оторвали стельки. Я не выдержал; «Вы скажите, товарищ сержант, что вы ищете, и я скажу, где это». Вмешался капитан: «Гражданин, не мешайте сержанту выполнять свои обязанности». Я, снова не выдержав, поправил: «Не «гражданин», а товарищ генерал армии». Это было уже умышленным обострением ситуации. Капитан замолчал. Я тоже сделал вывод, что этот путь ничего не даст, а только усложнит. Исполнители решают свои задачи годами, и революций здесь не будет. Революции нужны в Кремле.

Мне отобрали туалетные принадлежности, пару белья, носки, очки и несколько листов чистой бумаги. Все остальное и даже ручку взять не разрешили (ручка была металлическая, массивная…). Под запрет попал и толстый журнал «Наш современник». Он нравился мне в то время, я читал из номера в номер и даже брал в командировки: если по деловым вопросам не готовился, то читал журнал. Почему не разрешили мне его взять с собой — было понятно, так как, на мой взгляд, стражники далеки от идеологических проблем.

Наконец меня куда-то повели. Впереди шел офицер без

знаков различия, сзади меня сержант. По ходу остановились около одной из комнат. Мне вручили жидкий, старый, пыльный матрац, такую же ватную подушку, тонкое, с дырами, фланелевое одеяло, набор постельного белья. Мы пошли дальше. Поднялись по лестнице, кажется, на пятый этаж. Периодически лязгали тяжелые металлические двери. Пока мы шли, видели только охранников. Меня подвели, очевидно, к старшему по этажу. Он открыл одну из камер и сказал: «Заходите». Я зашел. Дверь захлопнулась, как выстрел из орудия. Загремели замки. На меня смотрели трое обитателей камеры. «Здравствуйте, товарищи! — бодро произнес я. — Давайте знакомиться. Я генерал армии Варенников Валентин Иванович». Мне ответили по-доброму. А один подошел и помог разложить мою постель на пустующую шконку (так именовались места на нарах).

Наверное, читателю интересно знать, как выглядят камеры в том корпусе Матросской Тишины, в которых сидели лица, привлеченные к ответственности по делу ГКЧП. Мне довелось менять камеры семь раз плюс около месяца был в тюремной больнице. Поэтому у меня представление достаточно полное. Наш тюремный корпус имел прямую коридорную связь с административным зданием и следственными помещениями, что, наверное, для администрации снимало многие вопросы. Камеры расположены справа и слева вдоль длинного, широкого, с высоким потолком коридора, который местами перехвачен поперек мощной металлической решеткой с такими же дверями. То есть коридор состоит из звеньев, видимо, для того, чтобы создать дополнительную преграду на пути тех, кто вдруг решит совершить побег.

Что касается камер, то они, на мой взгляд, оригинальны тем, что внутри имеют пещерный вид. Во всяком случае, те камеры, в которых довелось сидеть мне. Все их четыре стены не просто шероховаты, а сложены из рваного камня, неровности такие же, как в пещере. Мало того, они покрашены в очень темный сине-фиолетовый цвет. На неровностях стен годами оседала пыль, что усиливало впечатление пещеры. Потолок был высокий (4,5 метра), темно-серый. В стене, обращенной во двор, имелась под потолком полутораметровая ниша шириной 40–50 сантиметров, которая была заделана стеклоблоками. Вниз от этой ниши шла узкая фрамуга, которая служила форточкой. Она имела обычное стекло, что меня удивляло, потому что нам решительно не разрешалось иметь ничего стеклянного. Окно и форточка снаружи имели защиту из металлической сетки, толстых металлических прутьев и массивных железных жалюзи. Створки жалюзи были обращены в небо. В дни, когда было безоблачно,

узкий луч солнца попадал в камеру. В противоположной стене находилась ниша в которой была массивная металлическая дверь со сложными замками, окном-кормушкой и «глазком», который при необходимости стража приоткрывала и контролировала, чем занимаются заключенные.

Пол бетонированный. Справа и слева, ближе к окну, в пол и стену вмонтированы двухместные нары из металлических труб. Вместо сетки или сплошных досок для размещения постели через нары были перекинуты три 6–7-сантиметровой ширины металлические ленты, в двух местах перехваченные поперек такими же лентами. Выданный мне так называемый матрац проваливался между этими полосами, в связи с чем «комфорта» было маловато.

Между шконками-нарами стоял сваренный из труб и угольника стол с деревянным покрытием. У стола была нижняя полка, где мы хранили свои тетради, книги. «Меблировку» камеры завершал небольшой металлический черный, как и всё, шкаф, тоже вмонтированный в стену. Здесь хранилась посуда: ложки, кружки плюс пластмассовый нож, а также хлеб, сахар и кое-что из передач, которые приносили родственники.

В углу у стены, где была дверь, имелся весьма упрощенный санузел, границы которого были обозначены низкой (около 60 сантиметров) стенкой.

Днем и вечером камера освещалась небольшой электролампочкой (естественного света фактически не было). А на ночь включалась синяя лампочка — стража через глазок следила за тем, что происходит в камере ночью. Была у нас и радиоточка, по которой в основном вещал «Маяк».

Итак, я был помещен на неопределенное время в Матросскую Тишину. Все три сокамерника знали меня. Но один из них, которого звали Александром Ивановичем, проявил ко мне особый интерес. Почему — задумываться мне было некогда: я «устраивался» на новом месте.

Когда я наконец заправил свою постель, новые приятели предложили поесть. Оказывается, перед моим приходом им раздали завтрак. Мне дали миску с каким-то рыбным месивом. Желания есть не было, а вид такой пищи вообще отбил всякую охоту.

Должен сказать, что пребывание в нашей тюрьме — это жизнь по ту сторону жизни. Человека, попавшего в тюрьму, фактически отрезают от общества. Его здесь не воспитывают, чтобы избавить от пороков, которые привели его на нары, а тем более не перевоспитывают. Его — угнетают. Конечно, если суд определил меру наказания, осужденный должен и морально, и физически

выстрадать, прочувствовать свою вину и справедливость кары. Но подавляться, как личность, он не должен. И не должно быть пропасти между осужденным и теми, с кем он общался до ареста, особенно со своими близкими. Что же касается лиц, еще только подозреваемых и помещенных в следственный изолятор (очень часто совершенно безвинных и арестованных ошибочно), то они вообще не должны испытывать пресса тюремного режима.

У нас полярно противоположные со многими цивилизованными странами взгляды по вопросу содержания заключенных в тюрьме. Если наша тюрьма имеет в камерах окна, обращенные внутрь, т. е. в тюремный двор, и заключенный не видит, что происходит там, где он сам недавно жил, то во многих странах мира — наоборот, окна обращены на улицу города. Тем самым преследуется очень важная цель — попав в тюрьму, человек ежедневно, ежечасно видит ту жизнь, в которой он в большинстве случаев чувствовал себя счастливым. И мог бы продолжать такую жизнь, если бы не… Но не все потеряно — надо стараться, чтобы освободиться досрочно и как можно скорее вернуться к нормальной жизни.

Разумеется, радиоточка, газеты и свидания с родственниками в тюрьме раз в месяц как-то поддерживают тонкую ниточку грёз о былой и будущей нормальной жизни. Но это далеко от того, что надо, если мы задались целью очищения жизни общества от ржавчины, которая порождена отечественными подонками и которая влилась вместе с потоком западного образа жизни за последние 10–15 лет.

Первый допрос без адвоката

Приблизительно в 8 часов открылось окно и стражник объявил: «Варенников, приготовиться на допрос». Мои сокамерники переглянулись. Буквально через одну-две минуты загремели замки, с лязгом открылась дверь и меня повели. По коридорам и лестницам мы перешли в соседнее административное здание. Там же находилась следственная бригада Лисова, созданная на базе Генеральной и Главной военной прокуратуры. Бригада занималась только делом ГКЧП.

В этом здании имелись комнаты для следственных действий. Это были нормальные, хорошие, светлые помещения с большими окнами. Правда, они тоже были зарешечены, а скудная мебель — два стола и несколько стульев — привинчена к полу. Но в целом эти помещения, по сравнению с камерой, были раем. Правда, в Афганистане я привык к аскетической жизни в окопах, с пылью,

постоянными обстрелами и т. п. Но то было на воле…

В комнате, куда я вошел, находилось два человека. Меня представили сидящему за столом. Он оказался следователем по особо важным делам с весьма «либеральной» фамилией — Любимов. Этот уже пожилой человек, видно, всю жизнь посвятил следственному делу и полностью подпадал под поговорку «съел на этом зубы». Можно добавить — и проглядел все свои глаза, так как носил очки с мощной диоптрией. Внешне Любимов казался внимательным, обходительным, однако точно проводил свою линию, которая отвечала поставленной ему задаче: получить от меня данные, фактически подтверждающие, что заговор был, и Варенников — участник этого заговора.

Второй присутствовавший на допросе чин в основном помалкивал. Очевидно, это был начальник Любимова, поскольку иногда кое-что ему подсказывал. Он внимательно слушал и рассматривал меня. Ко мне обратился единственный раз — с просьбой повторить одну деталь, которая касалась нашей поездки к Горбачеву в Крым.

В принципе следователь Любимов и его напарник грубо нарушали элементарные положения юриспруденции. Во-первых, они не имели права допрашивать меня без адвоката. Во-вторых, если я допрашиваюсь без адвоката, то хотя бы до допроса дали юридическую консультацию относительно моих прав. Ведь я, как и многие другие, не имел должной юридической подготовки. В-третьих, они не должны были задавать наводящие вопросы, ответы на которые позволяли бы им обвинить меня в совершении преступления. В-четвертых, с позиций гуманности можно было бы допрос отложить на послеобеденное время или на следующий день, так как ночь была беспокойной, да и факт ареста и помещения в тюрьму требуют адаптации. Но ничего этого сделано не было. Власти решали сразу «раздавить» всех, кто подпал под арест. И меня — тоже.

Спохватившись, что допрос без адвоката недопустим, Генеральная прокуратура подобрала удобного для нее защитника из числа бывших прокурорских работников, и, проявив обо мне «заботу», направила его в Матросскую Тишину. Выбора у меня не было, да и, судя по данным, которые мне о нем сообщили, фигура была подходящая. Я согласился.

Так моим адвокатом стал полковник юстиции в отставке Леонид Григорьевич Беломестных. Лет под шестьдесят, грузный, немного даже одутловатый. Всю жизнь проработал военным прокурором. Был советником провинциального прокурора в Афганистане. Конечно, то, что он военный, да и то, что бывал в Афганистане, мне импонировало. А то что он, судя по виду, мог

чем-то болеть, это не главное. Главное — чтобы у него была светлая голова, глубокие знания юриспруденции и активная позиция в моем деле, т. е. чтобы он и мне помогал в подготовке к допросам, и сам постоянно и твердо выступал в мою защиту.

Чтобы сразу покончить с этим вопросом, должен отметить, что я глубоко ошибся не только в возможностях и способностях Л. Беломестных, но и в его порядочности. Единственное, что он сделал доброе, так это то, что принес мне в конце октября книгу Горбачева о так называемом путче. Но эту книгу своим подзащитным принесли почти все адвокаты. Что же касается памяти, которую он о себе оставил, то об этом можно было бы и не писать, но в назидание потомкам, пожалуй, надо высказаться.

Конечно, была моя личная вина, что я согласился на предложенный прокуратурой вариант. Надо быть предельно наивным (каким я и оказался), чтобы думать, будто прокуратура может дать мне адвоката, который бы меня устраивал и работал бы на меня, а не на прокуратуру. Вот почему с первого дня Беломестных, вместо того чтобы вселять в меня уверенность в правоте дела и встать вместе со мной в защиту моей невиновности, около месяца все вздыхал, что дело очень тяжелое и ясных перспектив не видно. Но видя, что я неумолим, стал настойчиво проводить другую линию: надо-же всем обвиняемым и адвокатам объединиться и настаивать на том, чтобы нам заменили статью обвинения: вместо измены Родине — злоупотребление властью или превышение власти. Я его выслушивал, но вначале помалкивал. Однако когда сам все проанализировал, то пришел к выводу: ничего этого не было — ни превышения, ни злоупотребления. И я по этому поводу высказался. Беломестных снова стал меня убеждать в том, что единственный верный путь, чтобы выпутаться, заменить статью обвинения.

К этому времени с помощью Уголовного кодекса РСФСР уровень моей подготовки был уже достаточно высок, и я настоятельно просил Беломестных, чтобы он передал через остальных адвокатов всем привлеченным по делу ГКЧП товарищам о необходимости опираться на статью 14 УК РСФСР. Она называлась «Крайняя необходимость». Эта статья говорит о том, что не являются преступлением действия, хотя и подпадающие под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса (т. е. требующей соответствующей кары за преступное деяние), но совершенные в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, угрожающей интересам государства, общественным интересам, личности или правам данного лица. Конечно, при условии, если эта опасность

при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Несомненно, в нашем деле присутствовал именно тот случай, когда общегосударственную опасность (развал Советского Союза) надо было устранить, возможно допустив при этом некоторые нарушения в отношении президента. Хотя я лично этих нарушений не видел. Вот если бы Горбачев был отстранен от власти (а именно это и надо было делать, но члены ГКЧП не решились на этот шаг), то здесь нарушение закона было бы налицо, но оно оправдано — все делалось во имя спасения страны.

Несмотря на то что я постоянно настаивал, чтобы все это было доведено через адвокатов до всех обвиняемых, Беломестных этого не сделал. Я окончательно убедился, что он мне не помощник. А поскольку во главу угла он поставил выколачивание из моей семьи очень больших по тому времени денег (в 1991 году по 200 рублей за каждый день, или около 5 тысяч в месяц, а уже в 1992 году — 300 рублей, или 7,5 тысячи в месяц) и задержек не терпел, жена вынуждена была продавать вещи, так как сбережений у нас не было. Мало того, этот «адвокат» требовал еще и угощений. В общем, в материальном плане его услуги становились совсем тяжелыми.

Я решил с ним расстаться и предложил ему написать на мое имя письмо, что он болен. Что он и сделал. Вместо Л. Беломестных моим адвокатом стал Д. Штейнберг. Но об этом расскажу позже.

После того как стражник передал меня Любимову, последний сказал, что он — работник Генеральной прокуратуры Советского Союза и ему поручено вести следствие по моему делу. И далее спросил, не возражаю ли я, если он начнет допрос? Не зная даже элементарных юридических норм и считая себя полностью невиновным, я, естественно, согласился. Тогда он дал мне стопку чистых листов, ручку и порекомендовал сделать черновые пометки из того, о чем он будет говорить. Это, так сказать, чтобы облегчить мою участь при написании личных показаний (никаких записей или письменных поправок Любимов сам не делал, а все выполнял руками подследственного).

Вначале я должен был описать все события в целом, то есть с 17 по 21 августа включительно. Это по моим взглядам и оценкам. Зная уже общую схему наших действий, Любимов ориентировал меня, на что именно обратить особое внимание. Я приступил к изложению событий, а следователи, тихо ведя беседу, старались мне не мешать. Закончив, я подал Любимову первые шесть листов

«допроса». Тот весьма внимательно прочел их, задумался, легонько побарабанил пальцами по столу, видно обдумывая, как лучше поступить, а затем сказал:

— Вы сами, конечно, представляете, что чем раньше следствие определит истину, тем лучше будет для всех, в том числе для вас. Поэтому, на мой взгляд, надо идти по пути четкого и ясного освещения каждого дня и каждого события. Согласны со мной?

— Конечно, согласен.

— Вот и хорошо. Теперь конкретно. Вот вы сейчас обрисовали общую картину. Вы пишете, что первый раз вы встретились со всеми 17 августа 1991 года. Но ведь так не бывает. 17 августа заговор уже приобрел окончательные формы. Ведь были же до этого какие-то встречи, консультации? Ведь это тоже надо описывать. Вам же в протоколе задержания записали, что Варенников является одним из участников за-го-вора! При этом заговор был с целью захвата власти. И вы пока подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного статьей 64, пункт «а» Уголовного кодекса РСФСР. Поэтому эта проблема должна быть у вас в центре внимания и показания должны быть соответствующими.

Если до этой его тирады у меня еще теплилась какая-то надежда, что и сам Любимов и его коллега будут объективными, т. е. правильно оценят и событие в целом, и конкретно мои действия, то после столь неприкрытого желания выдавить из меня то, что нужно следствию, я почувствовал все возрастающее внутреннее сопротивление этому открытому прессингу.

Не желая вступать со следователем в полемику и не показывая своим видом, что я возмущен, я взял чистый лист бумаги и начал описывать все заново. Но уже с учетом «пожеланий» Любимова и моей им оценки.

Ниже привожу фрагменты моих показаний, помещенных в томе 102 дела о ГКЧП, на страницах 10–27 (все вопросы по моему делу выписаны мною и хранятся по сей день).

> «В связи с подозрениями в отношении меня считаю своим долгом заявить следующее.
>
> Не считаю себя участником заговора, тем более его в природе, на мой взгляд, не существовало. Я не ставил своей целью захват власти.
>
> По происшедшим событиям могу отметить следующее…»

И далее описал все, как было в действительности 17, 18, 19 и 21 августа 1991 года. Эти показания без принципиального

изменения, но с некоторыми подробностями прошли и по всему следствию, проведенному Генеральной прокуратурой, и по всем трем судам: первый — когда нас было 12; второй — когда я был один; и третий — когда президиум Верховного суда пересматривал по требованию Генеральной прокуратуры оправдательный приговор Военной коллегии Верховного Суда.

Закончив «работу», я передал свои листы следователю. Он начал читать в полной уверенности, что смог повлиять на меня капитально. Прочитав очередной лист, передавал своему коллеге. Наблюдая за ними, я видел, как на их равнодушно-спокойные лица надвигается тень недовольства. Любимов закурил. Закончив читать последний лист, передал его своему товарищу, встал и, раскуривая новую сигарету, подошел к окну. Выдержав паузу, произнес: «Написано…» — и вернулся на свое место. Они смотрели друг на друга, ничего не говоря. Наблюдая эту немую сцену, я понял, что мое «произведение» их разочаровало.

— Ну, что же, — начал наконец Любимов, — вам придется раздельно писать по каждому дню и детально расписывать, как развивались события, кто в них участвовал, особенно из. числа заговорщиков.

— Во-первых, о каком заговоре вы говорите? Мне это неизвестно. Во-вторых, кого вы относите к заговорщикам? Я таких не знаю.

— Так вы же сами их назвали, указывая о встрече 17 августа на объекте у Крючкова! Что касается заговора, то нет смысла на эту тему развивать обсуждение. Ваше право высказывать свое мнение, но то, что всем уже ясно, что был заговор, — это факт. Даже ваше руководство это при знало, в чем вы убедитесь.

— Мне неизвестно, кому и что стало ясным, но для меня совершенно не ясно, что происходит. Но то, что здесь нет никакого заговора и что я ни в чем не виновен, — вот это мне ясно. И от этого убеждения я никогда не откажусь.

Хочу сообщить читателю, что на протяжении всего следствия я не менял своих показаний, в том числе и в отношении своей причастности к вымышленному преступлению. И первому следователю Любимову я об этом также постоянно заявлял. Вот примеры. Том 102 дела ГКЧП стр. 36: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю». На стр. 43: «Заявляю — ни о каком преступном замысле мне ничего не известно. Я его не видел и ничего о нем не слышал. Поэтому и осуществлять я его не мог». На стр. 50: «Следовательно, я не могу признать себя виновным в предъявленном мне 2 сентября 1991 года обвинении, поскольку не совершал действий, подпадающих под статью 64, пункт «а» УК РСФСР, прошу мне верить. Варенников».

На протяжении месяца, начиная с 23 августа, меня допрашивал Любимов. При этом приходилось давать многократные (по 3–5 раз) показания по одному и тому же вопросу, но в разные дни. Особенно следователя интересовала встреча 17 августа, которую они пытались подвести под определение «заговор», и, разумеется, наша поездка в Крым и беседы с Горбачевым. Каждый раз, чтобы как-то оправдать свои действия, Любимов (напарника у него не стало на третий день) делал акцент на «новую» деталь. Но расчет, на мой взгляд, был конкретный — «поймать» меня на противоречивых показаниях и тем самым уличить меня во лжи. Но сделать ему это не удалось. У меня было мощное оружие — правда! Не фантазируя и не «философствуя», не отыскивая каких-либо путей, смягчающих предъявленное мне обвинение, не подстраиваясь под наводящие вопросы следователя, я говорил чистую и полную правду о том, как происходили события. Зная и хорошо помня, что было, я, конечно, об этом только и говорил. Если хоть косвенно вопросы касались моих убеждений, то я их не скрывал — искренне говорил, что делал все, чтобы не развалили Советский Союз.

Старший следователь по особо важным делам Леканов

Через месяц Любимова убрали. Мое дело передали старшему следователю по особо важным делам Леканову. Думаю, смена произошла не потому, что Любимов справился или не справился с поставленной задачей, а потому что в борьбе за ведение «дела о ГКЧП» российские правители одолели общесоюзных. Ельцин, как средневековый палач, рубил все коммуникации и вообще всё, что связывало РСФСР с СССР, с его президентом, Верховным Советом, правительством, с министерствами и ведомствами. Рубил, а затем вытеснял и «выкуривал» союзные органы. Вот и прокуратура РСФСР, отобрав у Генеральной прокуратуры Советского Союза дело «о ГКЧП», присвоила себе (естественно, с помощью Ельцина) название «Генеральная прокуратура РСФСР», со временем выбросила Генеральную прокуратуру СССР из всех занимаемых ею зданий и захватила их.

Новый следователь, уже от Генпрокуратуры РСФСР, Леканов и внешне, и по своему внутреннему содержанию коренным образом отличался от Любимова. Если последнего можно было отнести к разряду работяг, то Леканов был ярко выраженным вельможей с холеным лицом и руками, лет 40–45, уже с жирком, но еще подвижный. Носил слегка затемненные очки и старался держаться надменно, показывая всем своим видом, что всё

зависит только от него лично и только от него. Но самое главное — его коварство, нахально-циничное отношение к обвиняемым.

Это он, Леканов, используя сложность положения внезапно арестованных, физически измученных бессонными ночами и морально подавленных Крючкова и Язова, обвалив на них недозволенные хамские приемы допросов без адвокатов, выдавил из каждого «признание» своей виновности, а из Дмитрия Тимофеевича еще плюс и покаяния перед Горбачевым и его семьей. Была сделана видеозапись «признания», которая демонстрировалась для остальных обвиняемых (в частности, ее показывали мне) Для того, чтобы и нас склонить к «признаниям». И это не все. На определенном этапе эти кассеты с видеозаписью были проданы германскому журналу «Штерн», и немецкая общественность, а затем и вся Европа «наслаждались» нашими событиями и одновременно удивлялись, как можно было огласить уже в начале следствия то, к чему постороннего человека нельзя было и близко подпускать.

У читателя, несомненно, возникает вопрос — ну, а Леканов и другие, кто замешан в этом пакостном деле — генпрокурор Степанков, заместитель генпрокурора Лисов и начальник следственной группы по делу ГКЧП, понесли ли какие-то наказания? Ведь здесь не только нарушена презумпция невиновности. Здесь явно выраженное преступление. Увы, никто, конечно, никаких наказаний не понес. Все они продолжают процветать по сей день. Степанков стал даже депутатом Государственной Думы — избиратели Пермской области оказали ему доверие. Чудеса, да и только! Мало того, Степанков занимается еще и крупным бизнесом (торговлей двигателями), поэтому на депутатскую деятельность времени не остается, в связи с чем в Думе он появляется очень редко — лишь для того, чтобы не забыли его лицо. Мандат депутата ему нужен, чтобы его не арестовали. А Лисов «дослужился» до заместителя руководителя администрации президента.

Итак, у меня новый следователь — Леканов. Дня через три-четыре он зашел в следственную комнату и сказал, что мое дело передается ему; скоро он закончит работу с одним из подследственных и займется мною. Сразу предупредил, что рассчитывает на чистосердечные признания — «так как это сделал ваш непосредственный начальник министр обороны маршал Язов». И тут же сказал сопровождавшему его сотруднику, чтобы тот показал мне видеозапись. Когда я ему высказал свое отрицательное отношение к такому просмотру, он категорически возразил: «Нет, нет! Вы должны посмотреть. Это входит в наш общий план следственных действий». Не зная тонкостей

юридических процедур следствия, я, конечно, не стал возражать. Но меня возмущала другая сторона дела (хотя я к этому имел десятое отношение). Леканов, разговаривая со мной, не обращал совершенно никакого внимания на Любимова. Будто его вообще нет в комнате. Одно только то, что Любимов был значительно старше Леканова и представлял Генпрокуратуру СССР, уже даже формально обязывало последнего вести себя деликатнее.

Увы, этого не произошло. Леканов еще несколько раз заходил и все напоминал мне о том, чтобы я готовился к откровенному разговору. Желая определиться заранее, как будет построен допрос, я спросил его об этом.

— А вы как бы хотели? — задал встречный вопрос Леканов.

— Мне все равно, но хотелось бы знать заранее, как всё будет выглядеть, с чего вы начинаете.

— И все-таки как бы вы хотели? — настаивал Леканов.

— Думаю, что для вас и для меня, а также в интересах следствия можно было бы выслушать меня по всей карти не событий. Если надо, то с моими выводами и оценками. А затем я мог бы ответить на все ваши вопросы.

— Ну, что же, так мы и сделаем. Лишь бы это все шло на пользу дела.

Ободренный таким решением Леканова, я стал тщательно готовиться. Как-то он пришел и предупредил, что завтра начнем, и ушел, Любимов уже не появлялся. Мы даже не попрощались, и больше я о нем ничего не слышал. А на следующий день в установленное время стражники повели меня на допрос. Вскоре в следственную комнату зашел Леканов и сказал, что сегодня допрос тоже не получится, поскольку не закончил работу с тем, с кем сейчас занимается. И как бы между прочим бросил: «Вы, конечно, не будете возражать, если мы сделаем видеозапись вашего допроса? Современный вид следствия. Принят во всем цивилизованном мире». Я ответил, что мне безразлично, поэтому возражений не имею. «Вот и хорошо», — обрадовался Леканов и тут же отдал необходимые распоряжения сопровождавшему его сотруднику. Затем поинтересовался:

— Как вам понравились показания Язова? Вы посмотрели видеозапись?

— Да, я ознакомлен. Что касается моего отношения к этому, то я считаю, рано делать какие-то даже предварительные оценки. И вообще говорить на эту тему я не желаю.

— Это ваше право.

Мы условились встретиться на следующее утро, подтвердили прежнюю договоренность: сначала я докладываю обо всех событиях, а затем отвечаю на вопросы Леканова. Когда я спросил,

сколько времени он даст мне на мое сообщение, Леканов ответил: «Сколько надо — столько и докладывайте. Вопрос серьезный, и я не намерен ограничивать вас во времени». Этим заявлением Леканов вообще подкупил меня — наконец-то можно все высказать и дать свои оценки.

Но радовался я рано — это был очень коварный шаг Леканова. Все пошло не как договаривались, а кавардаком. Во-первых, он не дал мне совершенно изложить суть события. Во-вторых, во время допроса Леканов бесцеремонно, нагло и постоянно перебивал меня, задавая вопросы совсем из другой области, т. е. старался сбить меня с толку. Несмотря на мои протесты, он продолжал вести себя по-хамски. Конечно, учитывая его действия, можно было бы заявить протест. Но мой «защитник» Беломестных покорно молчал, а во мне все-таки теплилась надежда, что наши советские следственные органы правильно отнесутся к советскому офицеру и объективно разберутся во всей обстановке, которая предвещала стране смертельную опасность, о чем мы писали в «Слове к народу»…

Глава IV
Предварительное следствие

Следователи разные и методы допроса разные, но цель одна. Продажа в «Шпигель» видеопоказаний Крючкова, Язова и Павлова. Первое обвинение. Комментарии. Второе обвинение. Третье обвинение. Попрание элементарных прав человека. Допросы, допросы, допросы. Затягивание следствия. О презумпции невиновности и пасквиль Степанкова — Лисова. Горбачев и Ельцин — патологические враги и сиамские близнецы-братья. Смена адвоката. Изучение материалов предварительного следствия. Наглое, звериное лицо власти.

Утром следующего дня после тщательного и унизительного осмотра-обыска меня привели на допрос. Несмотря на это я прибыл в приподнятом (если это вообще допустимо в моем положении) настроении и чувствовал себя уверенно. Адвокат Л. Беломестных всё почему-то вздыхал: то ли плохо было со здоровьем, то ли чего-то боялся. Появился оператор — сотрудник Генпрокуратуры РСФСР с телекамерой, установил ее и растолковал мне, где должен сидеть я, а где будет сидеть и задавать вопросы следователь.

Через некоторое время появился и Леканов. Если раньше он хотел все-таки показаться в привлекательном облике демократа, то сейчас выглядел хмуро. Бросив на ходу; «Здравствуйте», — прошел и сел на свое место. Вместе с ним зашел еще один сотрудник — устроившись за соседним столом, приготовился писать. Оператор-следователь доложил, что все готово. Леканов сказал: «Начали» (вроде какой-то спектакль) — и сразу накинулся на меня. В буквальном смысле.

Передо мной был следователь-рвач. Таким позже оказался и Генеральный прокурор РСФСР Степанков и его заместитель Лисов (он же руководитель бригады следователей Генпрокуратуры по делу ГКЧП). Было ясно: если руководители такие, то многие сотрудники будут им подражать.

Только накануне мы с Лекановым еще раз уточнили, как будет построен допрос (т. е. я сделаю сообщение, а затем мне будут заданы вопросы). Вместо того, чтобы приступить к делу, он начал с нотации в мой адрес:

— Вы не совсем искренни! Изменилась ли ваша позиция и что вы можете сказать по существу предъявленного обвинения?

Следователь, еще фактически не начав допроса, уже обвиняет меня в неискренности! Я допускаю, что Леканов мог опираться на

показания, которые я давал следователю Любимову. Но в таком случае так и надо сказать, что показания, которые я сделал при допросах Любимовым, были неискренними. По крайней мере, я смог бы сориентироваться и о чем-то говорить. Но действовать так бесчестно, по-хамски… Это вызывало только презрение. Невольно я добрым словом вспомнил Любимова. Он хоть и делал «свое дело», но с определенным тактом и приличием.

Вполне естественно, что после такого вступления Леканова я внутренне взбунтовался и одновременно максимально собрался для решительных действий. Сразу занял твердую позицию — не пресмыкаться, не давать повода для спекуляций. Поэтому и разговор у меня был жестким. Сделав вид, что выпад Леканова меня не касается, я не стал вступать с ним в полемику, а начал делать свое сообщение так, как и планировал. И показания давал твердо, с напором. Следователь бесцеремонно меня перебивал, пытался запутать наводящими вопросами, неожиданно перескакивал с одной обсуждаемой темы на другую, но я твердо выдерживал порядок и последовательность своих показаний и настоятельно требовал не перебивать, если следствие ставит своей целью выяснить истину. Тогда Леканов забегал с другой стороны, пытался купить комплиментом. Например, таким:

— Должен заметить, что вы не только дисциплинированный, как заявляете, но и инициативный человек, и довольно активно инициативный. Об этом указывают ваши шифрограммы из Киева, верно?

Отвечаю:

— Да. Когда речь идет об интересах народа. А мне довелось встречаться с тяжелыми ситуациями, каких не видел никто ни из военных, ни из гражданских. И когда речь идет о жизни и смерти людей, когда на глазах убивают — а я это видел не только в годы Великой Отечественной войны или войны в Афганистане, Анголе, Эфиопии, Сирии, но и недавно в Баку, — для меня эти тяжелейшие воспоминания свежи, и я мог в шифротелеграммах написать еще более жестко, чем написано…

Примерно в таком эмоционально-смысловом ключе продолжалось всё. Тексты допросов тогда же фиксировались, они у меня есть, но я не хочу их сейчас приводить в основном потому, что ничего не скрывал и рассказывал на следствии всё так, как происходило в действительности. А об этом читатель уже знает, зачем же повторяться. Я и так уж не уберегся от повтора отдельных фактов, имен и ситуаций, а впереди у нас еще трудные судебные заседания, причем не одного суда, где опять строго потребуют ответа, хоть я и не виновен.

С Лекановым мы расстались так же неожиданно, как и с

Любимовым. А затем следователи пошли косяком: Савельев, Стоумов, Королев, Рощин, Казаков… Наибольшее время из них мне уделили Стоумов, Рощин и особенно Королев. Стоумов руководил обыском квартиры и кабинета, а также изъятием правительственных наград.

Кстати, для полного представления о работниках Генеральной прокуратуры РСФСР того времени привожу для читателя один любопытный документ (помещен в томе № 104, лист дела 71):

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИЗЪЯТИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ НАГРАД

У обвиняемого Варенникова В. И. имеется ряд правительственных наград. В целях обеспечения приговора (обратите внимание на цель. — Автор), руководствуясь статьей 167 УПК РСФСР

Постановили:

Произвести выемку принадлежащих Варенникову В. И. орденов и медалей.

17 августа 1991 года (тогда еще и событий не было. — Автор)

Лисов».

И далее идет обоснование:

«Проведено с соблюдением статей 169, 170, 171 УПК РСФСР».

Фактически же перечисленные статьи ничего общего и никакого отношения к изъятию правительственных наград совершенно не имеют. Там сказано, что должны быть изъяты предметы и документы, имеющие отношение к делу. Ордена и медали никакого отношения к делу не имеют. Этот беспредел Лисова был рассчитан на подавление личности арестованного.

А если вы обратите внимание на дату, которая проставлена Лисовым под протоколом, то можете убедиться, что здесь действительно попахивает идиотизмом. А ведь Лисов сегодня заместитель руководителя администрации президента Российской Федерации. Дико, но факт.

Следователи Стоумов и Рощин тоже шли по тому же пути — т. е. допрашивали в рамках 17, 18, 19, 20 и 21 августа 1991 года и

по тем же событиям, что и Любимов с Лекановым.

Между тем общественность страны восприняла наш арест именно как незаконный. Множество писем и телеграмм в адрес президента, Верховного Совета, Генеральной прокуратуры РСФСР — яркое тому доказательство. Писали частные лица и официальные организации, ученые и рабочие, деятели культуры и крестьяне, врачи и педагоги, военные и юристы. Они обращались непосредственно в инстанцию или через газету. Вот одно из таких обращений, помещенных в 1991 году в «Юридической газете».

Мнение независимых экспертов

При рассмотрении представления Генерального прокурора СССР о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР Бакланова, Варенникова, Болдина, Стародубцева, Шенина были допущены грубейшие нарушения Закона «О статусе народного депутата СССР» от 31 мая 1990 года, а также регламента работы Президиума Верховного Совета СССР. Не были соблюдены права народных депутатов.

Во-первых, Генеральный прокурор СССР вошел с ходатайством в Президиум, не имея доказательств участия названных лиц в совершении преступления. Тем самым была грубо нарушена презумпция невиновности. В статье 35 Закона закреплено: Генеральный прокурор СССР перед предъявлением депутату обвинения, дачей санкций на арест вносит в Верховный Совет или его Президиум представление о получении согласия на выполнение названных следственных действий. Это предполагает бесспорное установление вины депутата.

Уголовное дело возбуждено 21 августа, а на следующий день прокурор, не допросив Варенникова, Бакланова, Болдина, Шенина, Стародубцева, не располагая достаточными доказательствами их участия в преступлении, вошел с просьбой об их аресте.

Во-вторых, в Законе «О статусе народного депутата СССР» установлено, что в рассмотрении представления прокурора «… вправе участвовать народный депутат СССР, в отношении которого внесено представление» (ст. 35). Ни одному из депутатов такое право не было предоставлено, их лишили возможности дать на заседании Президиума свои пояснения.

В-третьих, на заседании Президиума, вопреки ст. 106 Конституции СССР, не затрагивался вопрос об имеющихся у прокурора доказательствах вины Бакланова, Болдина,

Варенникова, Стародубцева Шенина. Просматривается явно необъективная позиция председательствующего Нишанова, который предопределил рассмотрение вопроса своими суждениями, не основанными на фактах.

В нарушение регламента работы Президиума вопрос о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности и арест депутатов на голосование не ставился. Члены Президиума не высказали своего мнения о возможности или невозможности согласиться с представлением Генерального прокурора. Более того, был заявлен протест по поводу того, что ни одно решение по вынесенному на обсуждение вопросу не проголосовывалось.

В связи с этим считаем, что постановление Президиума Верховного Совета СССР от 22.08.1991 г. о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР Бакланова, Болдина, Варенникова, Стародубцева, Шенина противоречит ст. 106 Конституции СССР и Закона «О статусе народного депутата СССР» от 31 мая 1990 года. Данное постановление в силу своей неконституционности, грубого нарушения закона не давало права прокуратуре для привлечения к уголовной ответственности и ареста перечисленных народных депутатов СССР. В связи с отмеченными грубыми нарушениями законности дело подлежит немедленному прекращению.

В. Вишняков, Б. Хангельдыев,

В. Ковалев — доктора юридических наук.

Б. Куркин — кандидат юридических наук.

Предварительное следствие тянулось полтора года.

Но чем же была вызвана такая затяжка предварительного следствия? Дело в том, что Генеральная прокуратура РСФСР, «отвоевав» у союзной Генпрокуратуры «дело ГКЧП», никак не могла определиться с обвинением. И это понятно — ведь преступления никакого не было: его не совершали ни члены ГКЧП, ни те, кто их поддержал. Преступниками были те, кто развалил Советский Союз, в первую очередь президенты Горбачев и Ельцин. Но продажные «стражи законности» в угоду этим преступникам, грубо обманывая народ, используя советские законы и другие законодательные акты типа Уголовного кодекса РФССР, «стряпали» свои обвинения против тех, кто фактически защищал Советский Союз. Мне они их предъявляли трижды.

Первое обвинение мне было предъявлено 2 сентября 1991 года. Вот его содержание:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Заместитель Генерального прокурора РСФСР Лисов Е. К., рассмотрев материал уголовного дела № 18/6214–91,

Установил:

По делу собраны достаточные доказательства (хотя их вообще не было. — Автор), дающие основания для предъявления Варенникову В. И. обвинения в том, что он, будучи Главнокомандующим Сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР, в августе 1991 года вступил в сговор с вице-президентом Янаевым, премьер-министром Павловым, первым заместителем председателя Совета обороны Баклановым, министром обороны Язовым, председателем КГБ Крючковым, министром внутренних дел Пуго, секретарем ЦК КПСС Шениным, руководителем аппарата президента СССР Болдиным и другими ответственными руководителями государственных органов с целью антиконституционного захвата ими власти в стране и замене законно избранных руководящих деятелей государства, а затем, осуществляя преступный замысел и умышленно действуя в ущерб государственной независимости, активно участвовал в подготовке и проведении государственного переворота, насильственном захвате и удержании указанными выше лицами власти в течение 19–21 августа 1991 года, в том числе незаконном принуждении президента СССР 18 августа с. г. к отказу от власти, его насильственном отстранении от исполнения конституционных обязанностей и изоляции на даче в Форосе Крымской АССР, образовании и работе антиконституционного комитета ГКЧП, принятии комитетом постановлений о введении в отдельных местностях чрезвычайного положения с привлечением для практического осуществления этого по его приказу командующих ряда военных округов, приведенных в состояние повышенной боевой готовности войск, особенно на территории Украинской ССР, и введением войсковых подразделений в г. Москве для активизации действий ГКЧП по ликвидации конституционных структур и отстранению от власти руководителей РСФСР, чем совершил особо опасное государственное преступление — измену Родине.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 143, 144 УПК РСФСР

Постановил:

Привлечь Варенникова В. И. в качестве обвиняемого по настоящему Делу, предъявив ему обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктом «А» статьи 64 УК РСФСР, о чем ему объявить.

Заместитель Генерального прокурора РСФСР
государственный советник юстиции 3 класса.

Е. К. Лисов».

Как говорят в этих случаях, комментарии излишни. Но я все же прокомментирую, поскольку все постановление от начала и до конца — сплошная циничная ложь.

В августе 1992 года мне, как и всем остальным, привлеченным по делу ГКЧП, было предъявлено второе обвинение. Это через год нашего пребывания в тюрьме! А ведь и на Президиуме Верховного Совета Генпрокурор СССР Трубников, и при аресте, и при предъявлении первого и второго обвинений ответственные работники Генпрокуратуры РСФСР заявляли, будто собраны неопровержимые доказательства виновности. Что же это за доказательства, которым не верила сама прокуратура? А не верила потому, что это была ложь от начала до конца. Но возврата для прокуратуры не было: признать нашу невиновность — значит признать свою ошибку и поражение, что означало крах не только руководства Генпрокуратуры, но и политического руководства. Этого допустить было нельзя — контрреволюционный переворот вступал в стадию кульминации. И дело ГКЧП должно было сослужить опорой контрреволюции: прикрываясь, как ширмой, борьбой с ГКЧП, которая для обывателя означала якобы борьбу за сохранение социализма и Советской власти, на самом деле она, контрреволюция, устраняла последние преграды на пути к реставрации капитализма в стране.

Что характерно, сами реставраторы «кучковались» двумя группировками: одна — вокруг Горбачева, вторая — вокруг Ельцина. Обе они выступали в роли марионеток, а кукловоды сидели в Вашингтоне. Горбачев и Ельцин, являя собой непревзойденную степень предательства и измены своему народу, лезли из кожи, дабы продемонстрировать свою преданность заокеанским хозяевам, и холуйствовали перед ними, стараясь превзойти в этом друг друга.

Видимо, в той обстановке Бушу было сложно определиться — кому из них отдать предпочтение. Поэтому первоначально поддерживались оба. Главное — чтобы не пришли в себя ошеломленные арестами руководства страны патриоты, чтобы не выступили против контрреволюционного переворота здоровые силы КПСС, Вооруженных Сил, КГБ и МВД.

К тому времени Горбачева за его «перестройку» ненавидела уже практически вся страна. Его поддерживали немногие и фактически только в Москве. Что же касается Ельцина то он опирался на значительную поддержку. И не потому, что он яркая

фигура, талант, мудрый человек или глубокий политик, стратег. Отнюдь. Поддержку ему оказывали «в пику» Горбачеву. Ведь многие не забыли публикации газет «Правда» и «Республика» (Италия), которые в деталях живописали поездку Ельцина в США, его поведение, шокировавшее даже видавших виды американцев. Это, конечно, был позор для всех соотечественников, позор для страны.

«Демократам», которые делали в то время ставку на Ельцина, пришлось спасать и выгораживать это свое «знамя». Главный редактор «Огонька» В. Коротич поручил сделать это своему сотруднику, еще пока неизвестному, но умному и способному журналисту В. Юмашеву (в последующем безропотно служил Ельцину много лет, написал ему несколько книг, издал их в России и во многих странах мира, руководил администрацией президента, писал все его доклады и выступления. А в итоге стал третьим мужем Татьяны Ельциной.

Когда в беседе с Ельциным Юмашев дошел до этого эпизода с газетами, то задал ему такой вопрос:

— Вы действительно решили подать в суд на итальянскую газету «Республика» и «Правду»? Сейчас идут такие слухи.

Ельцин якобы отвечает:

— Нет. Если бы люди вдруг поверили этой грязи, хотя я даже чисто теоретически не могу такого представить (?), тогда пришлось бы, конечно, защищать через суд свою честь и достоинство… Но, к счастью, мне не надо ничего доказывать. Люди поверили мне и не поверили ни единой строчке, опубликованной «Правдой».

Мне неизвестно, читал ли эти свои «показания» Ельцин в «Огоньке» № 41 за октябрь 1989 года или нет. Но то, что написано было Юмашевым, на мой взгляд, является подтверждением отсутствия каких-либо других вариантов. Врать — так врать капитально! Дело в том, что большинство наших соотечественников уже тогда поверили в публикацию «Правды». Мы уже видели на экране своих телевизоров в репортаже из США пьяного Ельцина, да и до этого он вытворял немало «фокусов», которые становились предметом разбора и пленумов ЦК КПСС, и съездов народных депутатов СССР. А в последующем все это было подтверждено многократно, в том числе и А. Коржаковым.

…Третье обвинение, которое нам предъявили, снова содержало измену Родине, но уже в форме заговора с целью захвата власти. Это обвинение было во много раз объемнее двух предыдущих и содержало множество различных эпизодов. Но все было притянуто за уши.

Мне кажется, появлению третьего обвинения способствовало

приобщение к общему делу по ГКЧП еще и закрытого уже к тому времени уголовного дела по факту столкновения военного патруля с гражданскими лицами в районе Смоленской площади в ночь на 21 августа 1991 года. Сделано это было по инициативе некоторых наших товарищей из числа обвиняемых, что, на мой взгляд, только осложнило дело. Тем более что к уже имеющихся 140 томам дела добавилось еще 15.

Вообще, третье обвинение было не только ложным, но и зловещим, Степанков сделал вид, будто ему неизвестно второе обвинение (которое исключало измену Родине), и, «разобравшись», дал заместителю Генерального прокурора Лисову указание пересмотреть второе обвинение, так как правовая оценка действий обвиняемых якобы дана неверно, допущена ошибка. Лисов и рад стараться: в третье обвинение он вложил всю свою гнилую продажную душу. К этому времени Степанков и Лисов уже и издали и продали свою книгу «Кремлевский заговор». Следствие еще шло, а материалы следствия уже знал весь мир через эту книгу.

Ну, а обвиняемые опять приступили к изучению нового обвинения и к обоснованию опровержений предъявленной им лжи.

Допросы, допросы, допросы

Своим чередом шли и допросы. На них поднимались одни и те же вопросы, только их задавали уже другие следователи. Следствие затягивалось. Генеральная прокуратура делала вид, что заинтересована как можно быстрее направить материалы в суд, но на самом деле сама же и затягивала этот процесс.

Конечно, для этого имелось много причин, но главное — то, что Генпрокурору, верно служившему режиму, необходимо было еще до суда убедить общественность не просто в виновности всех арестованных, но и в особой их опасности для народа. Поэтому и намеревались держать обвиняемых в тюрьме до тех пор, пока они не сломаются и еще до суда не начнут каяться и молить о пощаде, или пока в обществе не сформируется и не пустит корни новый общественный строй, а вместе с ним появятся и новые слои населения — мелкая и средняя буржуазия, которая всегда будет настроена враждебно ко всему советскому, разумеется, и к ГКЧП.

На мой взгляд, была еще одна причина того, что нас долго держали в тюрьме — это трусость Ельцина. Несомненно, он опасался, что, выйдя на свободу, мы немедленно начнем создавать формирования для захвата власти и расправы с ним

лично и его соратниками.

О презумпции невиновности

Тюремное время шло, но не бесследно. Все мы (кто в этом нуждался) повышали свои юридические знания, детально изучили те части Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, которые касались нашего дела.

Естественно, у нас возникало много вопросов. В первую очередь, интересовал вопрос о презумпции невиновности. Степанков, являясь Генеральным прокурором РСФСР, а затем — Российской Федерации, с первых до последних дней следствия распинался на каждом углу, что вина всех привлеченных по делу ГКЧП фактически уже доказана и их судьба предрешена. И это говорил Генеральный прокурор! Тот, кто обязан лично и через всю систему прокуратуры и ее аппарата осуществлять высший надзор за точным соблюдением закона, начиная от министерств и ведомств до рядовых граждан страны. Генеральный прокурор (как и все нижестоящие прокуроры) обязан принимать меры к выявлению и пресечению любых нарушений закона, от кого бы они ни исходили. Он обязан восстановить нарушенные права и привлечь виновных в нарушении закона к ответственности.

Ну, а то, что Степанков сам грубейшим образом нарушал законы, в том числе презумпцию невиновности?

В международном праве четко обозначено, что обвиняемый или подсудимый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. При этом доказательством такой вины обязаны заниматься органы обвинения. Презумпция невиновности предполагает, что если сомнения, которые возникают во время следственных действий, не представляется возможным устранить, то они должны истолковываться в пользу обвиняемого. И эти принципы присутствуют в праве всех государств мира.

А Степанков и его ближайшие соратники типа Лисова грубейшим образом и многократно нарушали международное, союзное и республиканское (РСФСР) право. «Наш» Генеральный прокурор просто плевал на принцип презумпции невиновности. Вместо того, чтобы потребовать от своих подчиненных доказать вину лиц, привлеченных по делу ГКЧП, он фактически обязал самих подследственных доказывать свою невиновность.

Как я уже сказал, еще фактически не кончилось предварительное следствие и не начался суд, а Степанков вместе с Лисовым уже опубликовали свои, так сказать, «памфлеты» под

названием «Кремлевский заговор. Версия следствия». Книга стала бестселлером. Расхватали, раскупили — выступление ГКЧП, августовские события вызывали огромный интерес, на что и рассчитывал Степанков. После скандальной продажи немецкому журналу «Шпигель» видеокассет с записью допросов Крючкова, Язова и Павлова эта книжонка стала вторым по величине источником крупного финансового накопления авторов.

Но читателю «Кремлевского заговора» было невдомек, что в их сознание вбивают ложь. Ложь — от начала до конца. Единственно, что прозвучало там правдиво, так это текст шифротелеграмм, которые мною направлялись из Киева в Москву в адрес Государственного комитета по чрезвычайному положению. Нет смысла комментировать сей «труд», но то, что он сыграл большую роль в судьбах Степанкова и Лисова, — это факт: и в финансово-материальном отношении, и в плане повышения личной популярности (кому были прежде известны эти фамилии?), и в навязывании обществу утверждения о совершенном ГКЧП преступлении. К сожалению, многие поверили в «заговор с целью захвата власти».

Военная коллегия Верховного Суда РСФСР от 18.05.93 года в результате протеста подсудимых по делу ГКЧП определила «обратить внимание Верховного Совета Российской Федерации на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В. Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е. К., и предложить рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному уголовному делу.

Судебное разбирательство дела продолжить после получения ответа на это определение».

Такова дословная цитата из Определения, подписанного председательствующим А. Уколовым и народными заседателями Ю. Зайцевым и П. Соколовым.

Вокруг привлеченных по делу ГКЧП лиц сложилась парадоксальная ситуация — два непримиримых, патологически ненавидящих друг друга врага вдруг объединились в оценке ГКЧП. Что же произошло? Да ничего особенного: ни Ельцин, ни Горбачев не изменили своих принципиальных взглядов. Только каждый из них в расправе над гэкачепистами преследовал свои цели. Горбачев хотел закрепиться в своем положении союзного президента и реализовать план создания усеченного Советского Союза, состоявшего из пяти-шести республик. Ельцин же, прикидываясь спасителем Горбачева, хотел продемонстрировать свою приверженность к Конституции, демократии и своими

действиями завоевать у наших соотечественников максимальные симпатии для того, чтобы потом вообще избавиться от Союзного центра и Горбачева, чтобы между небом и президентом России никого не было. Как позже (когда уже развалили Советский Союз) заявлял Кравчук: «Какое это приятное чувство, когда утром просыпаешься и знаешь. что между тобой и Богом никого нет». Для раскольников типа Ельцина, Кравчука и Шушкевича ничего святого не было, даже если речь шла о народе. Для отвода глаз они говорили о необходимости заботы и внимания к народу, что они являются слугами народа и т. д. На самом же деле думали только о себе и своих ближних — это хорошо подтвердило время.

Обо всем этом я много размышлял в тюрьме. Вновь и вновь переживая и анализируя все случившееся с нашей страной, я мучительно искал ответ на вопрос: кто в этом виноват?

Панчук

В тюрьме я встретил много праздников: в 1991 году — 7 ноября, свой день рождения, Новый год; в 1992 году — 23 февраля, 8 Марта, 1-е Мая. Приближался День Победы. Из дома мне передали подарочную посылку. Жена Ольга Тихоновна навестила. Мы друг друга поздравили с этим великим праздником. Она принесла мне приветы от верных друзей, в том числе от моего однополчанина Героя Советского Союза Ивана Николаевича Поцелуева. Посидели, повспоминали, повздыхали и расстались. А затем вдруг меня вызвали к начальнику тюрьмы полковнику Панчуку Валерию Никодимовичу.

Как все-таки много значит честность и порядочность, внимание к человеку и не формальное, а очень ответственное выполнение своего служебного долга. До В. Панчука был другой начальник тюрьмы (или изолятора). Полковник. Отвратительный тип. Несмотря на то, что я и устно, и письменно многократно просил его подойти в камеру для беседы или вызвать меня к себе (у меня было много вопросов), он не только не появился, но даже не изволил ответить. А ведь я же ветеран войны, генерал армии, пожилой человек.

Этот полковник не появился, но по его окружению, особенно дежурным по этажу офицерам можно было наглядно представить этого типа. Наглые, хамоватые, шмоны устраивали, выворачивая все наизнанку, причем в отсутствие обвиняемых, что запрещалось. Личный обыск проводили омерзительно. Питание было на уровне помоев.

С приходом В. Панчука обстановка медленно, но уверенно

стала меняться к лучшему. Он не ждал, когда его кто-то вызовет, а систематически, как минимум раз в неделю приходил в камеру и спрашивал, какие есть вопросы, что волнует. Сам в порядке информации многое рассказывал, разумеется, в рамках своих обязанностей, просвещал нас. Кстати, именно он дал мне книгу Афанасьева «Как выжить в советской тюрьме». Наладил обеспечение нас газетами и почтой. Решительно улучшилось питание. Но самое главное — надсмотрщики и вообще вся тюремная команда приобрели человеческое лицо. Что же касается охранников, а их обязанности выполняли омоновцы с Волги, Урала и других районов, то они к нам всегда относились нормально и даже с сочувствием.

В этот раз вызов к начальнику тюрьмы оказался неожиданным. И, перейдя в административное здание, я вдруг в коридоре столкнулся с Дмитрием Тимофеевичем Язовым и Александром Ивановичем Тизяковым. Мы тепло обнялись. Даже не верилось, что такая встреча могла состояться. Но каково было мое изумление, когда я увидел в кабинете В. Панчука накрытый стол. Кроме самого Валерия Никодимовича, здесь находились депутат Верховного Совета РСФСР Аслаханов и генпрокурор Степанков.

Оказалось, что это торжество было организовано по инициативе Аслаханова. О благородстве этого человека говорят многие факты, в том числе и то, что, когда я находился в Матросской Тишине, он поддерживал со мной официальную переписку по некоторым вопросам.

Когда мы вошли в кабинет начальника тюрьмы, первым нас приветствовал именно Аслаханов, его поддержал Панчук. Степанков помалкивал. Аслаханов сказал, что по его настоянию было разрешено провести эту праздничную встречу, чтобы поздравить с великим праздником обвиняемых, являющихся участниками Великой Отечественной войны. Да, такого мы не ожидали. Все выглядело по-человечески, по-доброму. Встреча длилась часа полтора. Были речи, тосты. Была, конечно, и обида: неужели хотя бы на День Победы нельзя было отпустить ветеранов домой, к семье?

Да и вообще можно было всем изменить меру пресечения. Все зависело от Степанкова — как он преподнесет этот вопрос Ельцину. Но Генеральная прокуратура, объявившая на весь свет лживое обвинение в измене Родине с целью захвата власти, уже не могла идти на попятную. Изменить меру пресечения и освободить всех подозреваемых из-под ареста на подписку о невыезде. А что скажет президент? Так он разнесет всю прокуратуру. А что подумает общественность? Так она скажет:

коли выпустили, никакой угрозы гэкачеписты не представляют. Но такой поворот дела нежелателен. Ведь книга «Кремлевский заговор» уже с обложки, на которой было изображено рыло людоеда с клыками, в бешеном оскале, внушало обывателю, что подсудимые по делу ГКЧП очень опасны, выпускать их нельзя.

Прошло около года, и я пришел к выводу, что мне надо менять адвоката. Болеет. Сообщил семье, чтобы подыскивали замену. Жена обратилась к защитнику В. А. Крючкова — адвокату Юрию Павловичу Иванову. Наряду с защитником Г. И. Янаева А. М. Хамзаевым он считался самым сильным адвокатом. Юрий Павлович решил эту задачу в короткие сроки, и буквально через неделю ко мне для знакомства прибыл адвокат Дмитрий Давидович Штейнберг. В самом начале нашего разговора я спросил его: «Вы соглашаетесь меня защищать по убеждению или по необходимости?» (я имел в виду необходимость материального вознаграждения). Он однозначно ответил: «По убеждению». И на протяжении полугода, пока я был в тюрьме, затем во время подготовки и участия в трех судебных процессах Дмитрий Давидович ни разу не заикнулся о несвоевременной выплате положенного ему гонорара. Не поднимал и вопроса об индексации выплат, хотя цены постоянно росли. Это был благородный человек.

Замена адвоката была для меня важным событием. Мы с Леонидом Григорьевичем Беломестных распрощались мирно. А с Дмитрием Давидовичем Штейнбергом начали действовать, используя все свои возможности. Он действительно оказался настоящим защитником и всегда давал мне исчерпывающие консультации. Прекрасно зная юриспруденцию, располагая отличной подготовкой и практикой, являясь человеком умным и мыслящим, Дмитрий Давыдович умело защищал мои интересы как в период предварительного следствия, так и во время судебных разбирательств. Кстати, он удержал меня и от очень резкого шага — на судебном процессе, когда судили меня одного, я сделал вывод, что суд необъективно, односторонне рассматривает разбираемые события и мои интересы ущемляются. Несколько раз заявлял по этому поводу протесты. Но председательствующий, как мне казалось, должных мер не предпринимал. Я решил выразить недоверие составу суда и подготовил текст своего заявления. Однако адвокат Д. Штейнберг удержал меня от этого шага и посоветовал послать письменное заявление по поводу нарушения принципа презумпции невиновности, что я и сделал.

Это ходатайство мною было послано, как я уже сказал, во время второго процесса — когда судили меня одного. По моим

предположениям, вот такая жесткая и порой внешне несправедливая, на мой взгляд, позиция суда, возможно, была занята умышленно с целью не дать Генеральной прокуратуре повода обвинить суд в либерализме и послаблениях.

Но все это будет позже. Пока же продолжалось следствие.

Мое представление о том, что арест, тюрьма и другие события являются недоразумением и что со всем этим в течение месяца-двух разберутся и будут действовать по закону, вскоре претерпело коренное изменение. Фактически никто из властей ни в чем не заблуждался — все действовали осознанно и незаконно. Особенно четко это было выражено, когда нам дали для изучения документы предварительного следствия.

Поэтому я продолжал строчить свои ходатайства президенту, Верховному Совету РСФСР, Председателю Верховного Совета, Генеральному прокурору. Я не каялся, не просил о помиловании, но в разных формах настаивал на том, чтобы была создана парламентская комиссия для расследования событий августа 1991 года. Генеральная прокуратура способна исследовать только факт уголовных нарушений. Вскрыть же политическую подоплеку, причинно-следственные связи событий, взорвавших обстановку, с теми глубинными корнями причин, которые и привели к этому взрыву, может только парламентская комиссия. Повторяю: просто странно, что в свое время, когда произошли события только в одном городе Тбилиси, съезд народных депутатов СССР создал такую комиссию, а августовская трагедия перевернула жизнь всей страны — и никаких подвижек в этом отношении.

Естественно, все свои ходатайства я посылал в установленном порядке, т. е. через Генеральную прокуратуру. Но не мог поверить, что ни одна инстанция в течение нескольких месяцев не отреагирует на мои обращения. Если уж не первое лицо, которому предназначалось мое послание, то хотя бы помощники или канцелярия должны же ответить! Но — полное молчание. Тогда я начал «бомбить» Генпрокуратуру, обвиняя ее в том, что она не пересылает моих ходатайств адресатам. Это был верный шаг — действительно, вначале мои письма оседали в Генпрокуратуре. Но когда я стал ее подозревать в таком «грехе» и посылать в ее адрес обращения с требованием объяснить, почему мои письма не направляются по назначению, Генеральная прокуратура стала мои депеши посылать соответствующим начальникам, а меня письменно уведомлять, что мои письма направлены в инстанцию. Это уже был сдвиг. Но ответов по-прежнему ни от президента, ни из Верховного Совета РСФСР, ни от его председателя так и не последовало.

Я вынужден был пойти на нарушение установленного

порядка и склонил к этому некоторых товарищей, близких и друзей. Да простит меня читатель — по определенным соображениям не буду называть их фамилий. Но операцию провернул интересную. Написал письмо на имя председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова с ходатайством создать комиссию парламента для расследования обстоятельств августа 1991 года и дать политические оценки событиям. Кроме того, написал письмо одному из депутатов Верховного Совета РСФСР (своему товарищу) с просьбой передать лично в руки Хасбулатову письмо, адресованное ему. Буквально через десять дней получаю ответ: «Вручено лично».

Жду. Жду месяц, два, три… А в целом прошло более года, когда начинаю понимать, что я наивный человек: о какой справедливости может идти речь? Власть, все ее псевдодемократические ветви наслаждаются тем, что мы незаконно арестованы. Нагло наслаждаются, показывая свой звериный облик.

И в то же время меня удивляло: как же так, ведь все мы (и те, кто сидел по делу ГКЧП в тюрьме, и те, кто их посадил) родились и выросли в одной стране, под одними знаменами, с единым взглядом и моралью, у нас были единые цели… И вдруг стали врагами?! Просто необъяснимо. Но, увы, это была реальность ельцинской «демократической» России…

Глава V
Тюремные комментариик «Августовскому путчу» Горбачева и другое

Скороспелое творенье Горбачева. Ноябрь. Книга предателя в тюремной камере. Горбачев еще у власти, а мои взгляды на него самого и его памфлеты уже известны народу. Герой Советского Союза И. Н. Поцелуев. Нас осталось двенадцать, затем десять, наконец, девять. Тяжба об изменении меры пресечения.

С позиций абсолютно нормального человека спокойно воспринимать действия и поступки Горбачева во второй половине 1991 года — просто невозможно. Например, появление его книги «Августовский путч». Основные события в стране произошли во второй половине августа, а уже в октябре была издана и широко распространена эта книга. Даже если он лично и не писал, а лишь наговаривал своему помощнику Черняеву (или кому-то другому), а тот уже опирался на привлеченный к этому коллектив (Проскурин — заведующий редакцией, Серов — редактор, Лебешева — младший редактор, Сапронова — корректор, Науменко — технический редактор, Егорова — технолог и другие) — даже в этом случае ему на стостраничную книжку надо было потратить не один день.

Но ведь в стране атмосфера накалена, как 1917-м или в 1941 году! О каких книгах может идти речь? Надо страну спасать, а не заниматься демагогией! А Горбачев верен себе — в первую очередь забота о собственной персоне, о своих ближних, а уж потом — страна.

Типография издательства «Новости» была удостоена счастья выпустить для околпачивания народа этот бред.

Услышав по радио «Маяк» информацию о появлении в Москве книги «Августовский путч», я через адвоката попросил своих друзей приобрести и переслать ее мне. Это оказалось непростым делом, но в ноябре я эту книгу уже имел. А в конце ноября 1991 года «Августовский путч» с моими комментариями на полях книги передали в газету «Наша Россия». Главный редактор газеты Иля Исмагиловна Епищева сразу же сделала полную публикацию. «На полях книги» я изложил свою позицию по основным вопросам, которые были затронуты Горбачевым в книге. Буквально вслед за этим появилась, тоже в полном объеме, публикация в газете «День». Главный редактор Александр

Андреевич Проханов, как и И. Епищева, конечно, подвергали себя лично и газеты большой опасности — ведь Горбачев был еще у власти. Напечатать мои комментарии в то смутное время — это, конечно, был и поступок, и риск. Однако все обошлось.

В это же время некоторые иностранные газеты начали «охотиться» за подлинником, т. е. за книгой «Августовский путч», с моими комментариями, сделанными на тюремных нарах. По информации адвоката Л. Беломестных, японцы предлагали крупную сумму. Однако моя позиция была однозначна. Эта книга сохранилась и находится в моем личном архиве.

Что же касается содержания моих комментариев, то впервые они появились в газете «Наша Россия», № 23, 1991 год. На первой странице, в верхней части — броский аншлаг: «Генерал Варенников опровергает! Собственноручные заметки Главкома на полях книги М. Горбачева «Августовский путч».

Далее шла краткая аннотация главного редактора газеты: «Изданная в рекордно сжатые сроки книга М. Горбачева «Августовский путч» вызвала пристальный интерес не только западного читателя, на которого в первую очередь была рассчитана, но и, естественно, всех советских людей, в том числе действующих лиц, оказавшихся в тюремных камерах Матросской Тишины. Изучил размышления «форосского узника» и бывший Главком Сухопутных войск, «афганец» Валентин Варенников, которому автор уделил особо пристальное внимание. Предлагаем читателям заметки, собственноручно сделанные боевым генералом на полях валютного бестселлера в долгие минуты вынужденного заточения».

Рядом с этой аннотацией помещена фотография Горбачева и Варенникова, сделанная летом 1990 года на учениях в Одесском военном округе. А далее шли мои краткие заметки «на полях книги». Привожу лишь их начало: постраничные замечания уже не нужны. Это по горячим следам еще можно спорить, а когда прошло десять лет — извините. Тем более с Горбачевым. С такими-то не спорят.

Только об авторе

Мечтатель? Нет. «Цезарь», который бы хотел при всех обстоятельствах остаться на плаву. Теоретик-идеалист, без малейших признаков организатора и деятеля с предвидением, без чего вообще невозможно управлять (тем более страной). Нерешительный, безвольный трус, но высшего класса мститель — сметал со своего пути всех, кто перечил или мешал (не справился только с Ельциным Б. Н.). Окружал себя пигмеями и плебеями-интеллектуалами, однако слушался одного — теневого президента, который и толкнул его на эту трагедию, имея заказ.

И еще с одним советовался, особенно по вопросам, как хуже и больше раздать советского во имя общечеловеческих ценностей, нового мышления и т. п. Плюс в основных советах была, конечно, и Р. М. Остальные — ноль. И последнее — последние годы вместо того, чтобы заниматься страной, главные усилия сосредоточил на поездках за рубеж, где ему были рады. Но как ему смотреть в глаза своему народу?

В. Варенников

Мои взгляды на книжку и автора

Главная заслуга автора — четко и ясно показано, что конкретно достигнуто за годы перестройки — «самые главные и самые очевидные исторического масштаба перемены» (по меркам Горбачева):

1. Плюрализм.
2. Свобода слова.
3. Переход к рынку.
4. Ликвидация угрозы мировой войны за счет одностороннего разоружения.
5. Полная капитуляция в холодной войне и принятие условий победителя (т. е. США).

Но книга приобрела бы еще большую популярность, если бы показала: а что мы за эти же годы утратили?

Почему все это было утрачено?

Кто автор этих утрат?

Что нужно было бы в свое время предпринимать, чтобы избежать таких провалов?

Показать — что было к 1985-му и что имеем к 1991 году.

Правда, автор кое-где бегло себя критикует, но далеко не до слез (стр. 70).

А надо было бы взять конкретные вопросы. Например:

1. Почему разломали Советский Союз, хотя народ в марте 1991 года в референдуме требовал его сохранения?
2. Почему мы утратили управление государством?
3. Почему у нас не выполняется Конституция СССР (хотя президент давал присягу) и Указы президента?
4. Почему мы во всех сферах жизни начали все рушить до «основания», но «затем» так ничего и не построили — вместо того, чтобы умно и твердо начать только с капитальных преобразований в экономике.
5. Почему в экономике допущены конкретные провалы:

— антиалкогольная кампания (то есть кто ее автор и чего это стоит);

— создание кооперативов-паразитов, а не производителей (и бирж);

— саботаж и кто виновен;

— развитие мощнейшей, не имеющей себе равной в мире спекуляции;

— снижение объема производства;

— полное разрушение экономических связей;

— монополия мафии на рынке.

Что надо сделать, чтобы приостановить обнищание народа.

6. Почему опустела казна и кто ответит?

7. Почему нет действительной гласности и свободы человека, истинной демократии (даже КПСС угнетена)?

8. Почему непомерно растет преступность, какие планы борьбы и кто за это конкретно отвечает?

9. Почему у нас не занимаются подрастающим поколением, не прививают ему нравственность, патриотизм, культуру, этику, почему на его пути нет преград растлению, разврату и наркомании?

10. Почему появились межнациональные конфликты (только не надо ссылаться на прошлое — ведь мы все-таки жили в дружбе) и появилась очаговая война?

11. Почему конверсия пошла наперекосяк, а НИОКР и производство новейшего вооружения у нас не организовано хотя бы так, как в США (хотя было лучше)?

12. Почему воины и особенно офицеры наших Вооруженных Сил живут и обеспечены хуже всех армий всех стран мира?

13. Почему мы, решившись идти на крупные военно-стратегические ущемления своих интересов (одностороннее сокращение, вывод войск из Восточной Европы и Монголии, развал Варшавского Договора, неравновеликое с Западом сокращение ВС и т. д.), ничего не получили от Запада взаимно?

14. Почему мы, выводя войска из Восточной Европы, не потребовали от этих стран, чтобы они построили нам жилье в том количестве, в котором мы создали у них (а Германии вообще надо было предъявить требования — денег брать не будем, стройте на нашей территории городки под нашу группу войск и по мере готовности будем выводить)?

15. Почему, отпустив прибалтийские страны из большого Союза, вопреки принятому закону и создав тем самым прецендент для других, мы продолжаем потакать их экстремизму — отдаем россиян им на судилище? Мало того, намерены выводить войска, не потребовав от них строительства за их счет на территории

России необходимой инфраструктуры.

Вопросы можно было бы продолжить. Но даже ответы на перечисленные позволили бы читателю увидеть честного автора.

О нашей армии

Любая армия — лицо своего государства и народа. Поэтому о ней заботятся, зная, что от уровня обеспечения, дисциплины, подготовки, от ее силы зависит и благополучие страны. Мало того, армия — это школа для народа. Не только потому, что через ее ряды проходит почти все мужское население и учится боевому мастерству, приобретает необходимые качества воина-патриота. Она — школа гармонического развития юношей: физическая культура, нравственность, политическое и специальное образование, развитие высоких качеств уважения к человеку, труду, обществу. Манера поведения военнослужащего вселяет духовную силу нашему народу.

Армия — это не просто группа подразделений, частей, соединений, нет! Это слитая в единое целое великими государственными идеями общность солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров, генералов и членов их семей, которые имеют и свои личные убеждения, в том числе религиозные.

Идеи же эти — защита своего народа, нашего Отечества! В связи с этим воин любого ранга готов всегда отдать все — покой, семейное счастье, все свои силы, здоровье и саму жизнь во имя спасения своего народа и защиты Родины.

Вот почему принадлежностью к армии надо гордиться, народ должен любить свою армию и взаимно отдавать ей все самое лучшее.

Именно этим объясняется и то, что Русская армия испокон веков держалась традиционной и неизменной любовью, трогательным вниманием и милостью всех наших государей, а в советское время — всех наших вождей. Исключение составил только «незабвенный» Никита Сергеевич, который открыто ненавидел военных всех рангов, начиная с Жукова Г. К. По этому же пути идет и «светлейший» Михаил Сергеевич, но скрытно, хотя у него уже тоже прорывалось: «Нашли кормушку…» и т. п. Но умело заигрывал, лукавил, соблазняя ложными посулами. Однако внутренним врагам армии (а они есть) никогда по зубам не давал.

Наоборот, поддерживал.

Взгляните сейчас на армию. Никакой определенности — ни в настоящем, ни в будущем. В каком она сегодня находится государстве, кому служит и кому подчиняется? Кругом одни

президенты и полно министров обороны. Кто избавит армию от интриг, кто защитит военных от политического авантюризма, от морального террора и рынка? Продолжают еще сейчас стращать народ возможными попытками военного переворота. Но Горбачев в своей книжке «Августовский путч», стр. 21, пишет, что заговорщики пытались направить армию против народа. Какой вздор! Пусть запомнит автор, что никогда командиры всех рангов (те, кто был, и те, кто остается у руля) не поведут солдат против своего народа.

Но всмотритесь в наши современные взгляды на оборону страны. М. С. говорит: «Бывшая для своего времени классическая формула Клаузевица, что война есть продолжение политики, только другими средствами, безнадежно устарела… единственный путь к безопасности — это путь решений, путь разоружений».

А как же понять такие страны, как США? Они пошли именно по «этому» пути в Гренаде, Ливии, Панаме, в районе Персидского залива. И, кстати, в США Клаузевица лучше понимают. Например, его вывод (после похода Наполеона на Россию) о том, что эта страна может быть побеждена лишь действием внутренних раздоров, оправдался на нашем примере.

Для США на пути создания американского порядка в мире было одно препятствие — Советский Союз. И они пошли двумя путями: 1-й — гонка вооружений, 2-й — создание Советом национальной безопасности в 1950 году плана подрыва СССР изнутри (СНБ-68). И этот план с помощью Арбатова и его «детей» фактически выполнен. С помощью США мы создали «новое мышление», смысл которого сводится к приспосабливанию всех наших действий к политике США. И на всем пути нашей перестройки нас сопровождает кнут Запада (ну, а сейчас просто пинки…).

Некоторые говорят: нет, сорок первый год не повторится! Но надо не забывать, что в сорок первом у нас было твердое и сильное правительство, единый несломленный народ, единые ресурсы для Вооруженных Сил и мощный тыл, прекрасная армия и Военно-Морской Флот. А что мы имеем сегодня?

Другие говорят: а кто нам угрожает? Ведь это, мол, домыслы военных, чтобы самим сохраниться.

Верно, теперь, когда страну развалили, система стратегической обороны отсутствует — никому и в голову не придет угрожать несуществующему Советскому Союзу. Можно все брать голыми руками. Американцы и их союзники с превеликим удовольствием сегодня потирают руки не только потому, что они без единого выстрела выиграли третью мировую войну, но уже и

потому, что открывается реальная возможность загребать наши природные богатства.

В то же время «новое политическое мышление» оказало решающее влияние (пагубное) на всю жизнь большой армии — сокращение проводилось в спешке, в ущерб нашим войскам, явно ниже уровня «разумной достаточности». Так же уродливо проводилась и конверсия.

Однако США продолжают выполнять свои программные вооружения, в том числе по созданию СОИ, которую в свое время назвал М. С. «смешной и нелепой» программой. Но это будет главным стержнем угрозы для всех (не только для нас), в целях утверждения американского порядка в мире.

И все же я верю, найдутся у нас силы, которые вернут нашей многострадальной Отчизне добрую славу, не дадут ввергнуть наш народ в кабалу. Армия устоит.

В. И. Варенников

3. 12. 91

Вместо заключения

Великая страна, сказочно мощная, с которой считались во всем мире, поклонялись ей (а кому следовало, и побаивались), в итоге 7-го года перестройки стала бессильной, нищей, упала на колени перед всем миром с протянутыми руками, мольбой о помощи, утратив весь свой могучий авторитет и собственное достоинство. Страна оказалась на задворках истории, в готовности стать сырьевым придатком цивилизации, к чему всегда стремились США и западные страны.

Обидно, что об этом постоянно последние два года говорилось на съездах народных депутатов, на заседаниях Верховного Совета СССР, пленумах ЦК КПСС и т. д. Однако?! Однако ничего предпринято не было, чтобы не произошла трагедия.

Мы не собрались и не мобилизовались. Растоптав все свои знамена (а ведь нам было чем гордиться), продолжаем безжалостно вытирать ноги о свою священную историю в угоду и на радость Западу.

Но на этом история не кончается. Много выстрадал наш народ за 1000 лет! Верю, что у нас есть силы, которые вернут народу былую славу и создадут счастливую жизнь, пусть она будет даже без плюрализма.

В. И. Варенников

19.11.1991 г.

Вот такими были мои заметки на полях книги Горбачева «Августовский путч», сделанные в тюрьме Матросская Тишина еще в ноябре 1991 года, т. е. когда Горбачев был у власти. К моему большому удивлению, после их публикации посыпалось очень много писем-отзывов. Они шли мне домой и в газету. Уверен, что направлялись и в тюрьму Матросская Тишина, но мне эти письма не попадали. Я чувствовал их всей своей душой. Чувствовал и благодарил народ за поддержку. Позже, весной 1992 года, письма и телеграммы, адресованные мне, тюремная служба уже стала приносить. Это выглядело прилично. А когда нам разрешили еще подписаться на газеты (и мы это сделали), то вообще стало попахивать демократией. Мы были в надежде, что эта тенденция получит доброе развитие.

Передали мне письма и от однополчан, в том числе от Героя

Советского Союза Ивана Николаевича Поцелуева. Кстати, позже мне рассказали, как он переполошил юристов одним своим высказыванием. Узнав о моем аресте, он уже на следующий день был в Москве. Мои близкие свели его с адвокатом и другими юристами. После рассказа Л. Беломестных о том, что произошло, И. Поцелуев заявил: «Я знаю Валентина Варенникова хорошо, но почему он, будучи в Форосе, не застрелил этого подлеца Горбачева? Просто странно!» Перепуганный Беломестных и другие начали его убеждать, чтобы он не сказал об этом при встрече с Генеральным прокурором.

Вообще реакция в стране на наш арест была однозначно отрицательная. И народ больше всего сожалел, что ГКЧП не довел дело до конца.

В первые же дни нашего пребывания в Матросской Тишине у стен этой тюрьмы митинговало много народа. Особенно активно себя проявила «Трудовая Москва» под руководством В. Анпилова и единомышленники В. Жириновского. Они митинговали несколько дней, требуя нашего освобождения. Что касается «Трудовой Москвы», то она своими «атаками» старалась досаждать властям. Это продолжалось до глубокой осени.

Но власти особенно не волновались. Коль окна не бьют, ничего не поджигают и тем более не стреляют — ну, и пусть себе кричат. На то и демократия. А режим между тем делал свое дело.

Шло предварительное следствие. Шли допросы. Менялись обвинения, и опять шли допросы. А число обвиняемых становилось все меньше и меньше. В самом начале, приблизительно через месяц после ареста, по состоянию здоровья освободили В. И. Болдина и В. Ф. Грушко. Нас осталось двенадцать человек. Затем земляки Стародубцева крестьяне-туляки добились, что весной 1992 года Василию Александровичу изменили меру пресечения — его выпустили на волю и он стал работать. Отличный председатель колхоза, и колхоз у него выдающийся. Надо работать, давать стране хлеб, а не сидеть в застенках (да еще было бы за что). Но наши ряды продолжали таять. Вслед за ним выпал из процесса Геннадий Иванович Янаев по причине болезни его адвоката.

Нас осталось десять.

Дмитрий Тимофеевич Язов попытался пробить брешь в сознании властей и подал ходатайство об изменении меры пресечения, т. е. освобождение из-под стражи на подписку о невыезде. Вопрос рассматривался по месту нахождения тюрьмы — в Дзержинском районе. Судья, молодая женщина, выслушала пожилого маршала, а также адвоката, задала несколько ничего не значащих вопросов и затем «удалилась в совещательную

комнату». Одна — сама с собой — посовещалась и, появившись в зале заседания, объявила: «Оснований для изменения меры пресечения нет!»

Ранее принятое решение о пребывании в следственном изоляторе (тюрьме) осталось в силе.

Суд выглядел глупо, а вердикт звучал нагло. Судья, конечно, была орудием в руках определенных сил.

Для того, чтобы читатель лучше представил, чем мы жили, о чем думали и что предпринимали в период проведения предварительного следствия в тюрьме Матросская Тишина, я скажу еще о трех документах, которые были тогда посланы.

Первый — это личное письмо к Председателю Верховного Совета РФ Хасбулатову, написанное в мае 1992 года.

Второй — это обращение к Председателю Верховного Совета РФ в июне 1992 года.

Третий — обращение к народным депутатам Верховного Совета РФ.

Во всех этих документах проводится одна и та же линия — настоятельная просьба о создании парламентской комиссии.

Ни на одно из этих писем ответа я не получил. Привожу здесь текст второго письма Председателю Верховного Совета РФ.

Обращение к Председателю ВС РФ

Скоро год, как члены ГКЧП и привлеченные им лица находятся в следственном изоляторе Матросская Тишина.

Первоначально им было предъявлено обвинение — измена Родине (ст. 64 УК РСФСР). Но через несколько месяцев Генеральной прокуратурой РФ оно было отменено за отсутствием состава преступления.

В конце ноября 1991 г. предъявлено новое обвинение — заговор с целью захвата власти (как самостоятельное преступление). Но в УК РСФСР такой статьи нет. Следовательно, придерживаясь требований законодателя, такое деяние не может быть объявлено преступным. Если допустить, что это формально. А что в действительности?

В действительности все лица, которые обвиняются в заговоре с целью захвата власти, уже были у власти и захватывать им эту власть не надо было. При этом у руля законодательной власти был Лукьянов, руководителем исполнительной власти был Павлов, за президента официально был оставлен Янаев, вся военная сила была в руках Язова, все силы и средства КГБ были у Крючкова, МВД — у Пуго, партийной — у Шенина, Совета

обороны — у Бакланова. Но все они и другие арестованы, не оказывая никакого противодействия или сопротивления (рассчитывая, что во всем быстро разберутся). Надо отметить, что по указанию ГКЧП и отдельных его членов ни один орган в стране не ликвидирован и никто не арестован.

Расследование давно закончено. Следственная группа Генеральной прокуратуры РФ заявляет, что заговор был. Но это утверждение имеет только одну цель — сохранить «честь мундира». Чем можно оправдать такое длительное содержание людей в тюрьме? Только наличием преступления.

Но фактически заговора не было и преступления нет. Были определенные нарушения, которые не могут быть квалифицированы преступными.

Однако самое главное — если выходить в суд, не имея по этому делу политических оценок на основании выводов специальной комиссии Верховного Совета РФ, — будет провал. Такая комиссия должна была работать одновременно со следственной группой Генеральной прокуратуры РФ, решая свои вопросы и заодно контролируя работу этой группы (она допустила ряд грубых нарушений).

Случай не рядовой. Задержана вся верховная власть страны (задействован и Горбачев). Поэтому и отношение к этому случаю должно было быть особо внимательным.

Но сейчас оценки видны уже всему обществу — к катастрофе страну подвел Горбачев, а эти узники хотели хотя бы что-то сделать, чтобы этого не случилось. Это принципиально.

Мы предлагаем в возможно короткие сроки рассмотреть этот вопрос на Верховном Совете РФ и создать парламентскую комиссию по расследованию вопроса или закрыть дело, арестованных освободить из-под стражи. Тем самым молодая демократия подтвердит, что она действительно намерена создавать правовое государство.

В. Варенников

18.06.92 г.

Подобные обращения и письма мы посылали в различные инстанции на протяжении всего пребывания в Матросской Тишине, начиная уже с сентября 1991 года и до конца 1992 года включительно.

Однако никто во власти не был заинтересован в объективном разбирательстве дела ГКЧП. Разве что отдельные депутаты. Но их голос ничего не значил в общем реве необычной «демократии».

Глава VI
Судьба и совесть

Переезд из тюрьмы в госпиталь: Москва через полтора года, неужели вся страна такая? В госпитале система охраны не хуже тюремной. Наконец свобода. Письма Грачеву. Размышления о судьбе и совести. Журналисты Н. Мишин и Б. Куркин. Молодые политики В. Тюлькин и В. Анпилов. О моих коллегах по делу ГКЧП.

Афганистан, хотя я и не был ранен, все-таки оставил свои следы — свирепствовавшие там тяжелые болезни делали свое дело. В связи с этим, по возвращении на Родину после окончательного вывода наших войск из Афганистана, мне приходилось периодически «ремонтироваться». Но последствия Афганистана и Чернобыля полностью ликвидировать уже было невозможно — все хвори приобрели хронический характер. Но в целом здоровье было приличное, что позволило мне как минимум три четверти времени находиться в поездках — проверять, как выводились или готовились к выводу войска из Восточной Европы и Монголии или «мотаться» в «горячие» точки во многих районах страны. Отсюда высокое напряжение, тяжелые переживания, бессонные ночи… Но врачи и медикаменты помогали мне поддерживать здоровье, а оно в свою очередь помогало справляться с возложенными задачами.

Однако, попав в Матросскую Тишину, я сразу лишился всех лекарств. А ведь кое-что приходилось принимать уже на постоянной основе, чего в тюрьме, разумеется, не было. Мало того, осенью и с началом зимы несколько раз тяжело простудился. Лечение же было одно — таблетки от кашля. Начались воспаления в местах операций, проведенных в начале 1991 года. Рентген показал затемнение легких.

В результате меня положили в тюремную больницу. Две недели инъекций, таблеток, ударных доз антибиотиков — и все вошло в норму. Я вернулся в камеру. Опять пошли допросы, опять сменялись камеры, а вместе с ними и сокамерники. Вдруг начало побаливать сердце, поднялось давление, чего у меня никогда не отмечалось. Мне становилось все хуже и хуже. В камере все чаще начали появляться различные врачи. Затем меня обследовала медицинская комиссия. В ее составе были и наши военные врачи Андрей Андреевич Люфинг и Николай Григорьевич Сергиенко. 11 декабря 1992 года администрация тюрьмы предупредила меня:

«Завтра вместе с охраной переезжаем в госпиталь».

Наступило 12 декабря. Я собрал все свои пожитки, а самое главное — исписанные мною в тюрьме тетради и различные книги с уголовными и уголовно-процессуальными кодексами, комментарии к ним и тому подобное.

Как и в первый раз, снова ехали на трех машинах. На первой — начальник тюрьмы полковник В. Панчук с охраной. На второй везли меня с охраной, впереди сидел капитан по имени Николай из Челябинского ОМОНА (мы с ним уже подружились), в третьей ехали только охранники. Таким поездом проехали почти через всю Москву.

Моему взору предстала ужасная картина: всюду тысячи ларьков, на всех улицах торговцы продают товары с рук, кругом грязь и мусор, везде снуют какие-то обшарпанные, озабоченные люди. Впечатление такое, будто попал в чужое государство. Я вздыхал и сокрушался: неужели такое творится по всей стране? Подобный «базар» в городах страны я видел на кинолентах, отснятых в 1917–1923 годах. Видно, гайдаровщина в Москве, как тифозная вошь в переполненных тюремных камерах, поразила очень многих. Над городом нависли свинцовые тучи грядущей катастрофы. Но больше всего меня удручило, что в обществе быстро формируется слой торгашей. Не производителей, а именно торгашей-спекулянтов, паразитов.

Привезли меня в Центральный военный госпиталь имени Бурденко. Там прошли в 11-е кардиологическое отделение — его возглавлял полковник медицинской службы Владимир Петрович Тюрин. Персонал встретил нас с испугом. Впрочем, любые переполошатся, если к ним нагрянет семь верзил в пятнистой форме, с автоматами. К тому же, оказывается, для меня и охранников освободили целый отсек на этаже.

В моей комнате размером два, два с половиной на три с половиной метра помещались кровать, тумбочка, небольшой столик и два крохотных стула. Был санузел. Мне эта комната показалась райским уголком. Все чистое, светлое, уютное, окна без металлических решеток, а на подоконнике цветы (почему их охрана не убрала?). Давно я не был в такой обстановке. Только от одного этого вида уже можно было излечиться от любых болезней. Я стоял у стола и улыбался. Панчук не вытерпел:

— Что-то у вас, Валентин Иванович, необычное настроение.

— Конечно, необычное. Увидел, как живут нормальные люди.

— Это верно… Но давайте разберем организационную сторону быта в новых условиях.

— Давайте.

И Валерий Никандрович подробно рассказал о порядке и о

режиме в отсеке, где находится моя палата и будет располагаться охрана, которую обязали организовывать доступ ко мне врачей, доставлять пищу и убирать посуду. Во время каждого посещения врачей будет присутствовать охранник. Прогулки на период лечения отменены. Все вопросы — через дежурного охранника, как в Матросской Тишине.

Уточнив некоторые детали, он простился, пожелав мне напоследок укрепить здоровье. Мы посмотрели друг другу в глаза — я чувствовал, он хотел сказать еще что-то, вроде: «Желаю обратно в Матросскую Тишину не возвращаться», но, помолчав, Панчук промолвил: «Периодически буду вас навещать».

Полковник уехал, а охранная команда осталась.

Устраиваясь в своей новой обители, я перебирал свои тетради, различные вырезки из газет. Попались мне и сообщения о трагической гибели маршала Сергея Федоровича Ахромеева и министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго.

Не верилось, что маршал Ахромеев покончил жизнь самоубийством. Если даже предположить, что самоубийство все-таки было, я полностью его отвергаю, не верю, что он мог именно повеситься. Хотя в деле и имеются оставленные Сергеем Федоровичем записки, в которых он рассказывает, как готовил шнуры, как они оборвались после первой попытки и какие он принял меры, чтобы шнуры не оборвались при второй самоказни.

В принципе факт самоубийства нельзя рассматривать однозначно (как это принято) как проявление малодушия и трусости. Да, в определенных случаях человек решает уйти из жизни в пьяном состоянии, в состоянии аффекта, в страхе и неудержимой трусости перед возможным возмездием или привлечением к ответственности. Все это бывает. Но бывает и другое: когда кристально чистый человек кончает с собой в знак протеста, когда он жертвует своей жизнью, не имея возможности протестовать иначе против режима и диких порядков, когда страна и ее народ страдают годами, а впереди не видно никакой перспективы (как у нас в начале 90-х годов). В этом случае не малодушие, а огромная сила протеста может заставить человека расстаться с жизнью.

Можно было бы этот второй случай отнести к Сергею Федоровичу Ахромееву. Но если знать его недостаточно. Мне же довелось провести вместе с ним многие годы. Нет, не мог он уйти просто так, бросив всех и всё. Ахромеев должен был бороться. И он уже включился в эту борьбу, досрочно вернувшись с юга из отпуска. Он сам вменил себе в обязанность сбор и анализ информации по стране и занимался полезным делом.

Так как же погиб С. Ф. Ахромеев? Не исключаю мощного

зомбирования, которое довело до полной утраты осознания своих действий, не исключаю и присутствия при этом постороннего лица.

В похожем состоянии, на мой взгляд, была и семья Пуго. Когда к ним пришли, его жена после, смертельных в нее выстрелов из пистолета, умирала. А Борис Карлович был уже бездыханный. Его же пистолет, из которого якобы он застрелил жену, а затем покончил с собой, лежал на прикроватной тумбочке (т. е. застрелил жену, затем себя, лежа в кровати, и… положил пистолет на тумбочку?!).

Первым у кровати Пуго почему-то оказался Григорий Алексеевич Явлинский с командой. То, что он «демократ», да еще и западник, — это всем известно, но какое отношение он имел к такого рода событиям — совершенно непонятно.

Попалось мне и несколько вторых (писал под копировальную бумагу) экземпляров писем, которые я посылал министру обороны России в связи с тем, что тот, не имея должного опыта руководства такой махиной, мог наделать ошибок. Я считал своим долгом в меру опыта и своих возможностей помочь ему, а следовательно, Вооруженным Силам и стране.

Вот первое письмо.

П. С. Грачеву

О военных округах

В «Известиях» от 13.05.92 г. помещена статья Елистратова «Россия будет иметь свои войска стратегического назначения». Эта статья отражает существо парламентских слушаний по Закону об обороне и безопасности России. Учитывая важность поднятых проблем и избранной направленности их обсуждения, вынужден обратиться к Вам и обратить внимание на некоторые вопросы.

Несомненно, в основу строительства Вооруженных Сил Российской Федерации должен быть положен принцип (это присутствовало и в реформах ВС СССР) разумной оборонной достаточности и экономической целесообразности. А на современном этапе — плюс и экономические возможности государства. В то же время, решая задачи организации Вооруженных Сил, желательно исключить поспешность в принятии решений по новым структурам и сокращениям. Хотя все это должно иметь место, но в разумных пределах.

Конечно, можно и не думать о «большой войне», для которой нужны округа, фронты, как это было предложено

представителями штаба ВС СНГ и МИДа России. Но то, что мы на своих громадных пространствах не способны будем своевременно маневрировать силами и средствами даже для погашения локального конфликта, — это факт. У нас сейчас нет ни средств, ни технических возможностей для такого маневра. Значительно быстрее, эффективнее и надежнее можно это сделать за счет отмобилизования необходимого количества ресурсов в соответствующем районе. Но для этого надо вести учет, подготовку и быть способным отмобилизовать подготовленные ресурсы и развернуть войска. Это способен сделать только военный округ через свою систему военных комиссариатов. Надо также иметь в виду, что военный округ в своих оперативных границах замыкает на себя многие арсеналы, склады, ремонтные предприятия (оружия, техники), военно-учебные заведения, полигоны, учебные и испытательные центры, военно-строительные части, военные совхозы (а сейчас они крайне необходимы) и многое другое. Несомненно также, что, пока существуют военные структуры, сохранится и гарнизонная служба. И это тоже организует военный округ. Кстати, на военные округа (в целях сокращения численности ВС) можно было бы возложить все материальное обеспечение войск и сил флота в его оперативных границах, исключая специальное обеспечение вооружением и боеприпасами. Это упростит схему обеспечения и все приблизит к потребителю.

Военный округ — это не пехота, а высшее общевойсковое объединение, имеющее оперативно-стратегическое значение, которому подчиняются практически все силы и средства ВС, расположенные в границах округа (кроме стратегических ядерных сил). Командующий войсками и Военный совет округа отвечают за все и всех, размещенных в пределах округа, и в первую очередь за их способность выполнять боевые задачи. Военный округ хоть и входит в состав Сухопутных войск, но является важнейшей опорой Верховного главнокомандующего — президента страны в решении многих крупных военно-политических и стратегических задач в интересах обороны государства в мирное и военное время.

Прискорбно, но факт, что для нас всегда и во всем были характерны крайности. И в данном случае в указанной статье эта тенденция роспуска просматривается в отношении военных округов. Но, развалив то, что было создано десятилетиями, сложно будет восстановить в короткие сроки, а жизнь потребует. Даже США после событий в районе Персидского залива пришли к выводу, что надо уметь быстро отмобилизовывать необходимые силы. В связи с этим создали новое специальное командование и

в основу своей мобилизационной системы закладывают многое из нашего опыта. Надо учитывать, что это делается в условиях отсутствия угрозы непосредственно на континенте (их беспокоит безопасность национальных интересов в глобальном плане).

Даже если обстановка у нас в России и других странах СНГ в ближайшее время ухудшится, все-таки наши люди всегда будут думать о создании единой семьи из числа бывших республик СССР. Я в этом уверен. Нет, это не возврат к прежнему и прошлому, а сохранение Союза народов, созданного веками. Знаю, что это возможно, если будут созданы благоприятные условия для развития центростремительных сил и в первую очередь создания в СНГ органов, координирующих взаимные связи и обеспечивающих реализацию достигнутых договоренностей. Не последнюю роль в этом сыграют и военные округа со своими традициями, авторитетом, деловыми связями и т. п. Поэтому и в этих интересах не следует торопиться с ликвидацией военных округов. Этот орган целесообразно сохранить при всех условиях, пусть он будет представлен в самом сокращенном виде.»

С уважением,

В. И. Варенников

15 мая 1992 года

Таким образом, я отговаривал П. Грачева от возможного рассмотрения вопроса о расформировании военных округов, что начало будироваться в прессе.

Во втором послании министру обороны я излагал некоторые проблемы военной стратегии.

В третьем письме я поставил вопрос о стратегических ядерных силах.

Разумеется, ни на одно из своих писем ответа от Грачева я не получил…

В первые сутки пребывания в госпитале меня осмотрели врачи (естественно, в присутствии охраны), и я готов был уже приступить к лечению, как вдруг 14 декабря 1992 года во второй половине дня старший охраны объявляет, что скоро ко мне приедет «начальство». На мой вопрос: «Что случилось? — охранник сказал, что сам ничего не знает. Конечно, я был встревожен и начал строить различные версии.

Действительно, вскоре ко мне в палату заходят сразу человек шесть или семь во главе с заместителем Генерального прокурора

генералом Фроловым и полковником Панчуком. Хотят возвратить в Матросскую Тишину? Но глядя на их светлые, торжественные лица (а Панчук — тот вообще широко улыбался), я сразу отверг это предположение. И даже немного подрастерялся — что случилось?

Небольшая комнатка была забита народом. Фролов и Панчук поздоровались со мной за руку, затем первый немного выдвинулся вперед и сказал: «Валентин Иванович, по поручению руководства я обязан объявить следующий документ». И дальше, развернув красную папку, стал читать постановление Генерального прокурора РСФСР об изменении мне меры пресечения — тюрьма заменялась освобождением из-под стражи и подпиской о невыезде. Когда генерал читал документ, размеренно, торжественно и громко, я почему-то вспомнил торжественный момент в Кремле, когда А. Громыко зачитывал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Генерал Фролов закончил читать левитановским голосом этот исторический документ и торжественно вручил его мне. Затем тепло, сердечно поздравил с этим событием и сказал: «Будем надеяться на лучшее». Вслед за ним меня поздравили и остальные. Я был несказанно рад. И не только за себя, но и за всех присутствующих, которые искренне выражали восторг и удивление таким решением.

Сейчас мы с Владимиром Петровичем Тюриным иногда встречаемся — он теперь главный терапевт Центрального военного госпиталя имени Бурденко, но каждый раз, какой бы повод для встречи ни был, вспоминаем мое пребывание в то время у него в отделении. Я — с благодарностью за заботу и внимание, за успешное укрепление здоровья, а он, очевидно, благодарит судьбу за то, что ему не аукнулось тогда лечение человека, привлеченного к уголовной ответственности по делу ГКЧП, хоть это привлечение и было незаконным.

Потом меня поздравил персонал отделения во главе с Владимиром Петровичем. Врачи и медицинские сестры искренне радовались за меня. Затем появилось руководство госпиталя во главе с генералом Крыловым. А наутро следующего дня — это было 15 декабря, день моего рождения — ко мне припожаловали жена Ольга Тихоновна со слезами радости, цветами и различными сладостями, старший сын Валерий со своей семьей и некоторые друзья. Привезли с собой фотолюбителя, который сделал нам памятные снимки.

А мне не верилось, что освобождение произошло, да еще и в

мой день рождения. И я еще раз утверждаю, что этот шаг был сделан по настоянию полковника В. Панчука, хотя я его об этом никогда не просил.

Затем появились журналисты Николай Мишин и Борис Куркин. Я был благодарен им за поддержку и помощь в издании брошюры «Судьба и совесть». Центральное место в ней занимало не только все, что случилось со мной и мои переживания в связи с тем, что произошло и что может ожидать наш народ, но и некоторые документы, которые уже можно было публиковать. В частности, одна из шифротелеграмм, которую я направил из Киева в Москву в адрес ГКЧП. Между прочим, почему-то некоторые члены ГКЧП в последующем говорили, что они якобы не видели этой телеграммы. Но такого не бывает. Шифротелеграмма докладывается соответствующему начальнику, как правило, немедленно.

Несколько слов о брошюре «Судьба и совесть». Я искренне благодарен Борису Александровичу Куркину за быструю и удачную компановку текста, который я наговорил во время наших с ним встреч в госпитале. Брошюра в 90 страниц фактически излагала суть происшедших событий, хотя и доминировали эмоции. Вот один из фрагментов:

«…Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти, умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны.

В связи с этим я уже сейчас могу заявить моим обвинителям (пользуясь их методом — до суда!) следующее.

Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность, как растлевают российских девушек — будущих матерей, как их продают в рабство за звонкую монету? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом?

Судите меня — я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение человеческой души. Я только буду гордиться этим!

Осудите меня и за то, что я не предал слезы вдов, оплакивающих воинов — мужей, павших на полях сражений Великой Отечественной войны. Вам, поправшим мораль и человеческое достоинство, подвиги наших предков и отцов, будет на сей раз легко избрать мне любую меру наказания.

Судите меня! Не жалейте! Ибо вас будут судить принародно,

начиная с Горбачева.

Судите, что чудом остался в живых и под Сталинградом, и на Зееловских высотах, и при штурме Берлина, и за то, что прошел на Параде Победы через Красную площадь!

Покарайте меня и за то, что четыре с лишним года старался максимально сохранить жизнь солдатам и офицерам, выводил к матерям, женам и невестам сыновей-воинов из Афганистана!

Что ж, судите!

А мало будет — припомните мне и Чернобыль! Вас, мои обвинители, я там не видел.

Во всех случаях свой крест я буду нести с достоинством. Чиста моя совесть перед Россией и народом».

Читатель, конечно, поймет мое состояние. Ведь только-только вышел из тюрьмы. Да и арестован был неправомерно. И предварительное следствие Генпрокуратурой велось с обвинительным уклоном. И такой же (я считал) меня и других товарищей ожидает неправедный суд. Все это вместе взятое, естественно, выплеснулось с гневом на страницы брошюры.

Тепло и искренне благодарю Николая Лукьяновича Мишина, который в короткие сроки издал большим тиражом брошюру «Судьба и совесть», что позволило широко распространить ее по стране. Но особо трогательно то, что даже сейчас, т. е. в конце 2001 года, можно где-то далеко от Москвы встретить человека, который после моей встречи с избирателями или ветеранами подходит и просит меня оставить автограф на брошюре «Судьба и совесть». Листы ее уже пожелтели, и чувствуется, что она читана-перечитана. Следовательно, правду услышали многие. Такой вот случай, к примеру, был в ноябре 1999 года во Владикавказе — подошел ко мне не просто гражданин, а еще и однополчанин. Говорит, что брошюру прочитал весь район. Я сердечно поблагодарил его, пожелал всяческих благ и призвал на выборах в Госдуму проголосовать за достойных кандидатов.

В госпитале у меня побывали молодые политики Виктор Анпилов — руководитель «Трудовой Москвы» (а затем — «Трудовой России») и Виктор Тюлькин — первый секретарь Российской Коммунистической рабочей партии.

Я поблагодарил их за визит, а В. Анпилова и за то, что представители «Трудовой Москвы» с первых дней нашего ареста и на протяжении фактически всего пребывания в тюрьме постоянно находились у стен Матросской Тишины, требуя освобождения политзаключенных. Но это был не только визит вежливости. В течение многих часов (они приходили несколько раз) мы откровенно говорили обо всем, что произошло, и что в этих условиях должны делать истинные патриоты, чтобы спасти

Россию. Надо отметить, что по целому ряду позиций наши взгляды совпадали, особенно в оценке обстановки.

Нас удивляла и возмущала пассивность КПСС и народа в целом. А из КПСС мы особо выделяли профессионалов партийцев, тех, кто составлял аппарат ЦК, ревкомы, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы. Почему они не возмутились и не выступили в августе 1991 года против неконституционных действий псевдодемократов, начиная от сборища у здания Верховного Совета РСФСР (так сказать, «Белого дома») и до погромов всех партийных органов и союзных структур, а также открытого и наглого расхищения имущества и финансов партии?! Никакого протеста. Просто удивительно.

Видно, многие десятилетия нормальной, благополучной жизни стали порождать (особенно после Сталина) благодушие, самоуспокоенность, самоуверенность. Люди забыли о бдительности, а у определенной части руководства появились зазнайство, чванство, высокомерие. Они фактически оторвались от народа, а по большому счету, они и не знали свой народ. На высокие посты в партии попадали порой случайно, по протекции или указанию сверху.

Тем не менее авторитет ее оставался еще высоким, потому что многие годы страна не переживала кризисных ситуаций, не было безработицы, жизнь год от года улучшалась.

Наши добросовестные коммунисты, не имея опыта работы в условиях капитализма, не могли провести водораздела между истинным социализмом и нарождающимися капиталистическими тенденциями.

Лидеры оппортунизма Горбачев и Яковлев умело сталкивали различные течения в партии и одновременно КПСС сталкивали с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями. Вполне понятно, что преступная перестройка, опираясь на махровый оппортунизм, фактически достигла своей цели по развалу страны. Ельцин же только перехватил этого троянского коня — перестройку и продолжал путь развала, назвав его реформами.

Беловежские соглашения в конце 1991 года, шоковая терапия и обвал цен в начале 1992 года в определенной степени отрезвили народ от иллюзий и заставили его переоценить все нововведения. Однако радикальных мер по приостановлению падения страны никто не принял. Конечно, в условиях крайне ограниченных возможностей оппозиции довести до народа истинно коммунистические взгляды крайне сложно. Еще сложнее поднять народ на какие-то радикальные шаги.

С этим все мы тоже согласились. Но в том, что дальше делать и как достичь цели (а цель одна — вернуть власть трудящимся), у

нас пошли разногласия. Мои собеседники считали, что делать это надо без союзов и без различных попутчиков. Я же приглашал их к диалектическому подходу, то есть исходить из реальных условий. А сама жизнь свидетельствовала о том, что в стране уже появился значительный пласт мелких и средних дельцов, которые занимают в обществе свое место и представляют определенную силу (ведь уже за окном 1993 год!). Я считал, что их интересы надо учитывать. При этом я опирался на пример с Брестским миром — он был для нас и позорным, и унизительным, и тяжелым, но в то время нельзя было не идти на его заключение, так как на карту ставилась судьба молодой республики.

Призывая своих молодых коллег к творческому подходу, я, к сожалению, не смог их убедить ни в первый, ни во второй раз, когда они приходили ко мне с визитом. Они не говорили открыто, но деликатно дали понять, что мой подход — это никакая не диалектика, не творческое мышление, а обычный оппортунизм, который опаснее открытого капитализма.

На этом мы с В. Анпиловым и В. Тюлькиным расстались. Позже было еще много встреч, но в основном на ходу: «Здравствуйте! До свидания!» — о чем я очень сожалел. Хотя с В. Анпиловым еще были возможности контактировать.

В те месяцы быстро, словно грибы после теплого летнего дождя, росли различные партии и партийки, в том числе и в коммунистическом движении. Одно дело — Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), которая насчитывает около полумиллиона членов партии, или Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), имеющая огромное число своих сторонников именно в рабочем классе. Но есть, к сожалению, и карлики, состоящие из лидера и нескольких десятков человек. Выглядят они жалко. Обидно за саму коммунистическую идеологию. Ее носители должны быть едины и по духу и организационно.

Размышляя на эту тему в госпитале, уже без стражи, я думал и о своих товарищах по Матросской Тишине. К середине декабря еще далеко не всем изменили меру пресечения, некоторые еще продолжали пребывать в тюрьме. На мои вопросы: «В чем дело? Почему не выпускают?» — мои друзья, которые приходили ко мне в госпиталь или звонили, отвечали однозначно: «В ближайшее время должны освободить всех». И хоть основная масса уже была на свободе, но кое-кого продержали в тюрьме до января — февраля 1993 года — до выхода постановления Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 1993 года, в котором говорилось о назначении судебного следствия.

Первое судебное разбирательство было назначено на

14апреля 1993 года. Здесь же было сказано об изменении меры пресечения для всех, кто проходил по делу ГКЧП и все еще находился под стражей.

Теперь несколько слов об узниках, привлеченных к ответственности по делу о ГКЧП.

Геннадий Иванович Янаев входил в ту когорту наиболее активных общественных деятелей, которая составляла опору нашего государства (в том числе профсоюзы). Очевидно, по этим признакам, а также по определенным личным качествам Горбачев предложил его кандидатуру на пост вице-президента страны. Но Горбачев просчитался. Геннадий Иванович по своему складу не мог слепо проводить антинародную политику главы государства. Он однозначно перешел на сторону тех, кто выступил против линии Горбачева. Но его трагедия состояла в том, что, взяв на себя (по настоянию членов ГКЧП) тяжелую ношу — исполнение обязанностей президента страны, Янаев фактически не имел постоянной сильной поддержки со стороны членов ГКЧП и не смог твердо управлять страной. Да, все они были едины, однозначно определили свой курс, что выражено в документах ГКЧП, но в организаторской работе должным образом себя не проявили. Обязав Янаева исполнять обязанности президента, многие считали, что этого вполне достаточно, все остальное само собой приложится. Так могло быть в нормальном государстве, но не в таком расшатанном, каким оно было, и тем более в то время.

Анатолий Иванович Лукьянов хоть и не был членом ГКЧП, но по распоряжению Горбачева проходил по этому делу. Генсек считал Лукьянова «своим кадром», он должен был работать на него, Горбачева. А тот вдруг поддержал ГКЧП. Форосский «узник» этого никак не ожидал.

Действительно, с приходом к власти Горбачев назначил Анатолия Ивановича заведующим Общим отделом ЦК (это высокая должность) и далее продвигал его по всем ступеням, вплоть до Председателя Президиума Верховного Совета СССР включительно. Естественно, работая в команде Горбачева, Лукьянов всячески помогал последнему. Имея высокую профессиональную подготовку и знания как доктор юридических наук, а также исключительные способности работать в высших сферах власти, Анатолий Иванович зарекомендовал себя в глазах общественности как достойный государственный деятель. Конечно, на всех постах, которые А. И. Лукьянов занимал во второй половине 80-х и в начале 90-х, он всячески способствовал Горбачеву. Но то же делало и подавляющее большинство партийного и государственного аппарата, не подозревая того, что Горбачев предатель. Поэтому и к Анатолию Ивановичу в этом

отношении надо подходить, как и к остальным. Правда, уже в 1987-м и особенно в 1988-м и 1989 годах в политике Горбачева все больше и больше проявлялся прозападный флюс, чего нельзя было не заметить. Но все это многие относили к его, Горбачева, слабости и неспособности отстаивать наши интересы. После выборов народных депутатов СССР в 1989 году Анатолий Иванович всячески помогал Горбачеву проводить «центристскую» политику, что означало не становиться на сторону депутатской группы «Союз», куда входили истинные коммунисты. По существу же Горбачев и Лукьянов сдерживали наш «Союз» и ставили на его пути преграды, а Г. Попову и его компании по Межрегиональной депутатской группе, где гнездились псевдодемократы, давали зеленый свет. Однако все это я отношу к добросовестным заблуждениям А. И. Лукьянова. А вот назначение им сбора и открытия внеочередной сессии Верховного Совета СССР не на 20 или 21 августа, как просил весь ГКЧП, а на 26 августа — для меня до сих пор остается загадкой. Тем более что Российский Верховный Совет был собран 21 августа, хотя решение об этом было принято всего лишь вечером 19 августа. Анатолий Иванович говорил, что было трудно собрать депутатов в короткие сроки. Почему же с этой задачей справился Верховный Совет РСФСР?

О Валентине Сергеевиче Павлове. Это эрудированный, интеллигентный, высоко профессионально подготовленный государственный деятель. Как председатель Кабинета Министров СССР из-за слишком краткого пребывания в должности проявить себя всесторонне он, конечно, не успел, но финансист он отменный. Являясь в свое время министром финансов, был высоко почитаем (видно, сказались не только личные природные данные, но и школа министра финансов СССР Гарбузова, который оставил после себя мощные кадры). Доступный, внимательный, но скрытный. Человек-загадка (может, финансисты все такие?). С твердым характером. Себя в обиду не даст.

Проявил свой характер Валентин Сергеевич и находясь в тюрьме, чем доставил много хлопот Генеральной прокуратуре и лично Степанкову и Лисову. Что же касается выполнения своих функций 18, 19, 20 и 21 августа 1991 года, то, как показывают документы, В. Павлов был якобы нездоров, что не позволило ему выполнить свои задачи, в том числе главную — встретиться и переговорить с Ельциным, как это было оговорено 17 августа 1991 года на объекте КГБ с названием «АБЦ». Возможно, и не было бы тех провокаций, с которыми столкнулись мы в эти дни. Но это лишь часть того, что осложнило ситуацию.

О Владимире Александровиче Крючкове. Имеет высшее юридическое и дипломатическое образование. Располагает

богатым опытом работы и в трудовых коллективах (начинал с рабочего), и в юридических органах (прокуратуре), и особенно в аппарате ЦК КПСС. Но служба сложилась так, что к 1991 году Владимир Александрович располагал уже почти 25-летним стажем работы в КГБ. За этот период он дослужился до председателя КГБ. Дорогу в эту область государственной деятельности ему открыл Ю.В.Андропов, с которым он в свое время близко работал, в том числе в период венгерских событий 1956 года. Мне довелось впервые повстречаться с В. А. Крючковым в начале осени 1979 года, когда мы стали уже детально изучать все проблемы с Афганистаном (обострились отношения между Тараки и Амином, что явно свидетельствовало об ухудшении перспективы). К тому же у руководства возникло намерение пересмотреть решение об отказе афганскому правительству в вводе наших войск в Афганистан.

Начались широкие консультации с МИДом, КГБ, крупными специалистами по Среднему Востоку. Одним из таких специалистов был Евгений Максимович Примаков.

От КГБ у нас в Генеральном штабе часто бывал Владимир Александрович Крючков. Обычно он приезжал со своими сослуживцами по первому Главному управлению КГБ (внешняя разведка), которым он руководил, являясь одновременно заместителем председателя комитета. Чаще других с ним вместе приезжал Яков Прокопьевич Медяник, с которым я, как и с В. А. Крючковым, сблизился по общности взглядов на Афганистан.

Владимир Александрович был очень деятельный человек. Располагал отличной подготовкой и практикой, а также блестящим аналитическим умом. В обычных — спокойных — условиях жизни государства он успешно осуществлял и в Первом Главном управлении, а затем и в Комитете государственной безопасности все возложенные на него функции. В условиях же грядущего развала государства, конечно, нужен был «железный Феликс» Дзержинский или В.Е.Семичастный. Пожалуй, даже Ю. В. Андропова было бы мало (об этом свидетельствует факт его доклада на Политбюро ЦК в 1977 году о наличии в стране агентов влияния Запада и отсутствие мер по их ликвидации).

Дипломат наивысшего уровня из В. А. Крючкова был бы классный. Но на посту председателя КГБ он просто подставил себя под жернова истории: с одной стороны, он был обязан Горбачеву за пост председателя КГБ, да и субординация обязывала выполнять требования главы государства, а с другой — положение председателя КГБ обязывало его служить народу, выполнять требования Конституции по обеспечению безопасности государства, а не быть в услужении у «царя».

Зная о связях Яковлева (Александра Николаевича) со спецслужбами Запада и располагая неопровержимыми данными о его измене Родине, Владимир Александрович после доклада об этом Горбачеву (а последний наложил вето на проблему с Яковлевым) не предпринял никаких мер, не ослушался своего начальника. А как же интересы государства? А вот так, как мы их видим сегодня. Конечно, не все зависело от Владимира Александровича, но обеспечение госбезопасности — это, в первую очередь, обязанность председателя КГБ.

Сейчас уже всем ясно, что руководство КГБ, и в первую очередь его председатель, в 1991 году должно было видеть и знать, что Горбачев нас предал. Поэтому идти на какие-то полумеры (уговоры Горбачева и т. п.) было бесполезно. Наоборот, это всегда усугубляет обстановку. Но для решительного шага было необходимо мужество. К сожалению, его как раз и недоставало. Во взаимоотношениях доминировала инерция. А чтобы стабилизировать обстановку в стране, требовалось как минимум снятие Горбачева со всех постов. Законно! То есть на Верховном Совете СССР и на Пленуме ЦК. В обоих случаях докладчиком должен был выступить Председатель КГБ, который обязан был перечислить известные нам преступления Горбачева, и уже этого было бы достаточно не только для снятия его с занимаемых постов, но и для привлечения к уголовной ответственности.

Некоторые могут сказать, что автор этих строк крепок задним умом. Но ведь автору стало известно (как и всем остальным), что Горбачев предатель, только в результате проведенных следственных действий. А ведь все эти данные до этого уже были в руках КГБ.

Находясь в тюрьме и потом, выйдя на волю, я размышлял о роли в августовских событиях В. А. Крючкова и часто вспоминал его выступление на XXVIII съезде КПСС. Почему с первых своих слов Владимир Александрович защищал уже фактически опорочившую себя перестройку?

> «…Перестройка, — сказал он, — явилась неизбежным и единственно возможным выходом из тупиковой ситуации, в которой наша страна оказалась к середине 80-х годов… Несмотря на огромные трудности, которые мы сегодня переживаем, перестройка войдет в историю, как начало очищения и самоочищения, как революция в революции. И какие бы сложности и испытания ни возникали на избранном нами пути, они не должны умалять значение перестроечных процессов».

Так ли всё это? Во-первых, никакой тупиковой ситуации у нас в стране не было. Да, темпы роста валового продукта снизились. Но кризиса в стране не было. Это потом уже навесили на этот период ярлык «застоя». Во-вторых, когда перестройка уже опорочила себя по всем параметрам, говорить о том, что она войдет в нашу историю как «начало очищения и самоочищения» — значит закрыть глаза на все тревожные явления и открыто, слепо поддерживать Горбачева. В-третьих, призывать к тому, что, какие бы еще сложности на нашем пути ни возникали, мы не должны сомневаться в перестройке и умалять все ее процессы, — значило бросить вызов народу.

Понятно, что любой министр, а тем более силовые и председатель КГБ должны поддерживать президента. Но ведь есть еще и Конституция, государство, народ, которому все присягали, в том числе и президент, и председатель КГБ.

То, что Крючков с первых слов решительно поддержал Горбачева и его уже прогнившую перестройку, еще и еще раз подтверждает наличие в нашем обществе слепого поклонения вождю, идолу, лидеру, который мог, восседая на троне, независимо от своих возможностей и способностей, глаголить только истину.

Но что интересно, говоря об историческом (надо понимать — положительном) значении перестройки, Владимир Александрович тут же говорит и о ее пороках: о росте сепаратизма, межнациональных столкновениях, о гибели людей («убивают только за то, что они другой национальности»), о сотнях тысяч беженцев и т. д. Но всего этого в так называемом «застойном» периоде не было. Поэтому зал слушал и деликатно молчал. А вот когда В.А.Крючков сказал, что в «истории Советского государства наряду с серьезными ошибками и трагическими страницами было много положительного и славного и тот, кто пытается всё изображать черными красками, тот или ничего не видит, или действует далеко не с чистыми помыслами» — когда это было сказано, делегаты наградили Владимира Александровича аплодисментами.

С вниманием слушали оратора, когда он подчеркнул, что сейчас мы слышим утверждения, будто на Западе все хорошо, а у нас все плохо. Если решили перенять полезное, то зачем негативы капитализма запускать в наше общество? «Разве приемлемы для советского человека после 70 лет Советской власти перспективы массовой безработицы? — спрашивал В. А. Крючков. — Разве для нас приемлемы те масштабы преступности, наркомании, которые поразили самые цивилизованные страны капитала? Разве приемлемо для нас появление десятков и десятков миллионов

человек, лишенных возможности иметь медицинское обслуживание, получать образование? А ведь в капиталистическом мире все это есть.

Мы идем к рынку, но не к рынку по Адаму Смиту — стихийному и безбрежному, а к рынку регулируемому, потому что на пороге XXI века было бы губительной ошибкой бросать страну в объятия рыночной стихии».

Верно все говорил Владимир Александрович. Одну только существенную «деталь» не подчеркнул: на рынок надо было смотреть как не на будущее, а уже состоявшееся. И именно по формуле Адама Смита и даже хуже (только начальная стадия). Ведь война законов, невыполнение законов центра — это уже произвол и беспредел не только на индивидуальном или групповом уровне, а на уровне области, края и даже республики. А В. А. Крючков своими речами вроде делал профилактику, повышал бдительность, а самое главное — вдохновлял поход в рынок. То есть защищал то, что сотворили авторы этого хаоса.

Надо отдать должное, тогда он четко обрисовывал ситуацию: «В стране образовалась теневая экономика, растет имущественное расслоение, появляется целый слой миллионеров, их уже десятки и десятки тысяч. На одном полюсе — роскошь, на другом — трудности и лишения. Не стоит ли нам задуматься над тем, к чему все это приведет?»

Смотрите, какие вопросы ставит председатель ведомства, которое содержится народом для того, чтобы оно обеспечивало государственную безопасность! Ведь уже и школьнику видно, что идет реставрация капитализма. За счет чего уже образовались «десятки и десятки тысяч миллионеров»? И если это так, то что делает КГБ? Где этот орган? Почему допустил развитие в стране антиконституционных структур?

А Владимир Александрович философски рассуждал: «Тот уровень размежевания, который сложился на сегодня, поставил перед каждым участником политического процесса главный вопрос: какое общество мы хотим построить? Ведь сама жизнь показывает, к чему все это ведет».

И опять у меня возникал вопрос: неужели комитету Крючкова это не было видно? А если было видно и все реально оценивалось, то где меры, обеспечивающие нашу безопасность?

Сложно всё это выглядит.

А дальше?

Явно рассчитывая на эффект, В. А. Крючков далее сказал: «Нередко задают вопрос: куда, мол, смотрит КГБ? Вообще-то говоря, смотрит куда надо», — чем вызвал смех в зале и аплодисменты.

Но вот через год после этого разговора на съезде не стало Советского Союза. У России не осталось ни союзников, ни друзей, кроме Белоруссии. Уже сама Россия еле дышит — разграблена и угнетена утратой своей экономической да и политической независимости. Уже нет великой державы, а есть третьестепенное государство с крайне нестабильной обстановкой.

Так, спрашивается, куда все-таки смотрел КГБ 10 и 15 лет назад?

Не скажет этого сегодня никто. Да и не надо — «поезд ушел»! Все пошло прахом. Проспали. Государственная безопасность не была обеспечена. Почему? А всё потому же — слепое преклонение перед постом руководителя государства и отсутствие, так сказать, механизма отстранения его от власти, если требует обстановка, и отсутствие контроля за ним со стороны народа, парламента.

Некоторые политики (типа Яковлева) всячески старались ограничить деятельность КГБ, называли его даже монстром и т. п. Это в какой-то степени, к сожалению, влияло на руководство КГБ, и оно тоже старалось «перестроиться», стать более демократичным, гласным. А на мой взгляд, органам КГБ в этот период нельзя было играть в эти игры. Комитет у нас был прекрасный, и ничего не надо было перестраивать. Следовало лишь обострить чувство бдительности и повысить требовательность к нарушителям закона и безопасности. Вот это было бы отлично.

А Владимир Александрович хвалился на съезде:

> «Упразднено управление комитета, занимающееся борьбой с идеологическими диверсиями. При участии органов КГБ отменена норма закона об уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду».

Спрашивается, кому это было нужно, нашему народу? Нет! Это нужно было врагам Советского Союза — внутренним и внешним. Как можно упразднять указанное управление и убирать из законов ответственность за антисоветскую пропаганду в условиях, когда спецслужбы Запада пошли уже открыто походом против Советской власти и социализма? Ведь образованные в ряде республик так называемые «Народные фронты» не только финансировались и материально обеспечивались Западом (оргтехникой, печатной техникой, теле- и видеокамерами, кинопередвижками, радио и т. д.), но даже имели своих посланцев в этих «фронтах». Особенно преуспевало ЦРУ Соединенных Штатов: у главы Литвы Ландсбергиса в штате(!) правительства было несколько американцев на должности

советников. И никто этого не скрывал, «советники-разведчики» открыто вели антисоветскую пропаганду, организовывали различные провокации и диверсии.

А что предпринимал в ответ наш КГБ? Пребывая весной 1990 года в Вильнюсе с группой военных, я был крайне возмущен действиями «Саюдиса», лично Ландсбергиса и американских советников при нем. Об этом было доложено руководству в Москву. Какие же последовали меры? Никакие! Полное молчание в ответ.

Так куда же все-таки смотрел КГБ?

В заключение своего выступления на съезде В. А. Крючков очень правильно сказал:

> «Опыт пяти лет перестройки показывает, что социализм, демократия нуждаются в защите. Экстремисты действуют все более дерзко, широко используя оружие, подстрекают людей к совершению государственных преступлений. Пресечение преступной деятельности подстрекателей, экстремистов мы рассматривали как свою важную задачу.
>
> Комитет государственной безопасности, защищая интересы государства, общества, нуждается в морально-политической поддержке народа. Чекисты находятся на остром участке борьбы и, видимо вы заметили, подвергаются откровенным попыткам шельмования и дискредитации, как, впрочем, и наши Вооруженные Силы… Уж больно кому-то мы мешаем?»

Верно, КГБ мешал. В первую очередь горбачевым, яковлевым и ЦРУ. А вот то, что социализм надо было защитить, В.А.Крючков отметил очень точно. Но, к сожалению, это были всего лишь слова. Никаких действий на этот счет со стороны КГБ мы не видели ни в Прибалтике, ни на Кавказе. Это факт.

Интересно, что В. А. Крючкову, как члену Политбюро, делегаты адресовали ряд вопросов. Например, о возможной деполитизации органов КГБ.

Владимир Александрович пояснил: «Органы государственной безопасности по своему предназначению призваны действовать в политической сфере. Они защищают главное, что есть в политике, — государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй, политическую власть Советского государства. Выхолостить из их деятельности политическую суть — значит превратить чекистов в ремесленников, не имеющих политических принципов и ориентиров… Тезис о деполитизации органов КГБ на нынешнем

этапе отражает политику одних и заблуждение других».

Все верно и точно. Но опять меня мучила горечь сомнений. Конечно, по истечении многих лет легко критиковать любого за ошибки и просчеты. Сталин и Петр Великий тоже критикуются. И все-таки в связи с этим ответом В.А.Крючкова невозможно не спросить: так если наши чекисты оставались чекистами и у них были наши, общие политические принципы и ориентиры, то почему они не защитили главное — государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй и политическую власть Советского государства?

Когда же председателю КГБ задали вопрос о межнациональной розни и сепаратизме, Владимир Александрович сказал: «Демократизация, гласность высветили накопившиеся десятилетиями теневые стороны в области межнациональных отношений».

Такой умный человек, как В. А. Крючков, конечно, понимал, что до перестройки дружба народов в СССР была не фикция, а реальность. Она прошла невиданные, многолетние испытания в огне тяжелейшей войны и не только выдержала это испытание, но и закалилась, что в свою очередь обеспечило высокие темпы восстановления и развития народного хозяйства страны в послевоенные годы. Гитлер рассчитывал, что с первыми ударами немецко-фашистских войск многонациональный Советский Союз развалится. Но эффект был совершенно противоположный. Именно истинная дружба всех наших народов стала одним из важнейших факторов, который сделал Советский Союз Великой Державой.

И ничего у нас десятилетиями не копилось — это все от лукавого или это просто надо было сказать в интересах Горбачева.

Отвечая на вопросы о теневой экономике и вообще о росте организованной преступности, Владимир Александрович назвал целый ряд конкретных примеров проявления этих болезней нашего государства, отметил, что теневая экономика имеет политический аспект. Но о мерах или намерениях снова ничего не сказал. Много говорил о предателе Калугине, коснулся и некоторых других, кто изменил нашей Родине, а также подчеркнул, что Запад не собирается сворачивать свои разведывательные планы против СССР. В итоге же В. А. Крючков отметил, что КГБ будет расширять гласность «в собственной работе», тем самым еще раз подчеркнул приверженность курсу перестройки.

Я не был удовлетворен выступлением В. А. Крючкова ни тогда, на съезде, ни потом, когда, находясь в тюрьме и по выходе

из нее, я в сотый и тысячный раз пытался понять, почему рухнула наша могучая страна?

Может, поэтому я с повышенной требовательностью анализировал свои и чужие поступки, а особенно тех, кто мог и должен был пресечь действия предателей, но не сделал этого.

Хотя, в принципе, Владимир Александрович Крючков мужественный человек. Об этом свидетельствуют хотя бы многократные его поездки в Афганистан. Он бывал во многих провинциях и городах этой сложной страны. В частности, мы с ним бывали в Гардезе, Кандагаре, что представляло собой определенный риск — в этих районах шли боевые действия. Снаряд и пули одинаково сражают и солдата, и генерала. Но он пренебрегал личной безопасностью. Однако в его положении одного физического мужества было недостаточно. Необходимо было душевное морально-психологическое мужество, которое могло бы помочь подавить инерцию зависимости от главы государства, который поджег наш дом со всех четырех углов. Необходимо было быть отличным организатором и обладать даром предвидения. Разве было допустимо ехать в Крым к Горбачеву без стопроцентной гарантии личной безопасности — своей и остальных членов группы?! Он должен был и с полной гарантией безопасности организовать встречу и беседу с Горбачевым. Но она обеспечена не была. Наоборот, приехав к Горбачеву, вся группа попала в ловушку.

Но это одни из множества вопросов, которые возникли в то приснопамятное время. А если говорить принципиально, то совершенно непонятно, почему созданный Государственный комитет по чрезвычайному положению не имел четко выраженного председателя, заместителей? Фактически — все на равных. Но это уже не комитет и даже не клуб. Должен быть единоначальник, который обязан был организовать работу всех. На мой взгляд, таким председателем должен был бы стать В. А. Крючков (а не делать формальным председателем Г. И. Янаева). Он фактически начал первым организовывать это выступление и он должен был его возглавить. И ничего, что в составе ГКЧП были равные и даже выше по своему положению. Надо было проголосовать и закрепить это документом. Но, видно, побоялись этого шага, что и предопределило гибель этого органа.

Псевдодемократы, порожденные Яковлевым — Горбачевым и им подобными, особо опасались КГБ и старались на этот комитет вешать различные ярлыки. Главный из них: КГБ — это монстр. И они разглагольствовали на эту тему на все лады. И правильно, что боялись КГБ. Именно этот орган еще сохранил способность как-то цементировать государство хотя бы по вертикали. А ЦК

КПСС (точнее, его аппарат) уже расплылся в оппортунизме. МВД с приходом Бакатина преобразилось коренным образом — в худшую сторону, стало ложно демократическим, утратило единую стройную систему подчинения и никакой угрозы для контрреволюционеров не представляло. Наоборот, способствовало им во всем. Прокуратура, судя по действиям Трубникова и Степанкова, держала нос по ветру. Что касается Вооруженных Сил, то фактор страха перед этой государственной структурой у «демократов» имел место. Вот почему через все виды СМИ они проклинали нашу армию и флот как могли.

Владимир Александрович Крючков поддерживал сложившиеся традиции КГБ. На мой взгляд, именно такой орган нужен стране и сейчас (уже в новом тысячелетии), а не автономия каждого бывшего Главного управления, которые вместе составляли КГБ.

О Дмитрии Тимофеевиче Язове — министре обороны СССР, маршале Советского Союза. Одно то, что он сибиряк, уже о многом говорит. Не удивительно, что, когда грянула война, он приписал себе год (в деревнях в то время паспортов не было), чтобы попасть на фронт и защищать Родину. Его немного подучили, как и всех в то военное время, и послали на Волховский фронт. Командир взвода, командир роты. Как мало осталось после войны в живых из тех, кто командовал ротами. Вообще, тот, кто был в стрелковом полку взводным, ротным или батарейным командиром и остался жив — все равно что вытянул счастливый билет. Вот и Дмитрию Тимофеевичу повезло, как немногим другим сверстникам. Например, генералу армии Ивану Моисеевичу Третьяку, мне тоже.

Мы вместе служим сорок лет. В 1960 году был ликвидирован Северный военный округ (точнее, его управление), а его войска, в том числе и нашу дивизию, передали в Ленинградский военный округ, где уже служил Дмитрий Тимофеевич. Часто встречались по долгу службы. А в 1965 году обоим повезло — нас зачислили на учебу в Военную академию Генерального штаба. Мало того, мы даже оказались в одной учебной группе. Так что хорошо узнать друг друга было время. После академии он продолжал служить Отечеству — сначала командир дивизии (Даурия), армейского корпуса, командующий армией, первый заместитель командующего Дальневосточного военного округа, затем — командующий Центральной группы войск, Среднеазиатского военного округа, Дальневосточного военного округа, начальник Главного управления кадров — заместитель министра обороны и, наконец, министр обороны СССР.

Служба от Крайнего Запада до Крайнего Востока — таким

прекрасным послужным списком может похвалиться далеко не каждый военачальник. Естественно, с таким опытом можно руководить Вооруженными Силами. А шестьдесят с небольшим лет — это для министра обороны расцвет сил.

Но нельзя отбросить и тот факт, что Д. Т. Язов приглянулся Горбачеву, когда тот служил на Дальнем Востоке. Округ — громадный: одна четверть всех Вооруженных Сил. Опыт — богатый. Знания — отменные. Поэтому, по окончании поездки Горбачева, Дмитрий Тимофеевич был назначен заместителем министра обороны. И вдруг на Красной площади приземлился на своем самолетике некий Руст — немец по национальности, провокатор по специальности, работник спецслужб Запада по принадлежности, что и стало причиной замены министра обороны. Заменили. Министром стал Д. Т. Язов. Все пошло нормально, но звание маршала новому министру Горбачев не дает, тянет. На третьем году такой тянучки на заседании Главного Военного совета страны 18 октября 1989 года, кроме других вопросов, был поставлен и вопрос о маршальском звании министру обороны. Горбачев пообещал, но тянул до следующего года. Почему тянул? Да чтобы приручить к себе министра, сделать его покорным и послушным. Крупных учений, по указанию Горбачева, в Вооруженных Силах мы уже не проводили, чтобы не раздражать американцев (единственным исключением были маневры в оперативных границах Одесского военного округа и Черноморского флота летом 1990 года). Войска наших Вооруженных Сил спешно выводились из стран Восточной Европы, как и из Монголии, в неподготовленные районы. Сокращение обычных вооружений и Вооруженных Сил, как и стратегических ядерных сил, проводилось по рецептам Запада. Группировки наших войск в европейской части до Урала были определены фактически США и т. д. Все это делалось (или не делалось) по личному указанию Горбачева.

Конечно, Д. Т. Язов тяжело все это переживал, но ничего поделать не мог. Нужны были мощные совместные (с другими силовыми министерствами) усилия. Доклад Дмитрия Тимофеевича 17 июня на закрытом заседании Верховного Совета СССР, как и доклады Павлова, Крючкова и Пуго, был демонстрацией неудовлетворенности политикой Горбачева. Отсутствие реакции со стороны президента СССР вынудило его в общении с другими руководителями искать выход. И выход был найден, хоть и не был радикальным. Жаль, что не хватило напора, чтобы довести дело до конца. Жаль и то, что Дмитрий Тимофеевич не провел личной беседы с каждым членом коллегии Министерства обороны и не убедил в необходимости действовать

сплоченно и во имя народа. В коллегии началась возня. А некоторые ее члены даже отдавали распоряжения вопреки интересам ГКЧП (и, следовательно, министра обороны). Например, начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев по просьбе из Белого дома отдал распоряжение в Главные штабы ВВС и ПВО, чтобы они пропустили и приняли самолет на военном аэродроме Бельбек (Крым), на котором летел Руцкой с командой «спасать» Горбачева. Этот самолет вылетел несколько позже самолета министра обороны, который уже ждал аудиенции у Горбачева, но так и не дождался. Это была не ошибка М. А. Моисеева.

В. А. Крючков не позаботился о своей безопасности, и Д. Т. Язов тоже не сделал этого. Можно представить наивность этих двух крупнейших начальников. Они считали, что, летая в Советском Союзе в любое время и в любое место, они в полной безопасности — никто не позарится на их личность: все-таки союзные министры! Да еще и какие! Но оказалось, лететь к врагу надо «вооруженным», а в затеянной круговерти не упускать инициативу, наоборот, наращивать усилия и привлечь для обеспечения безопасности страны необходимые силы — вот тогда и появится возможность для свободы действий. Ведь действия же были во благо нашего народа!

Когда случилось несчастье и всех из-за их поразительной беспечности арестовали, то что-то предпринимать было уже поздно. Очень жаль, что получилось все так нелепо и прискорбно. Но больнее всего осознавать все это, когда видишь нынешнюю реальную жизнь.

Об Олеге Семеновиче Шенине можно писать много, хотя мне удалось с ним познакомиться только в 1990 году. Являясь членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, Олег Семенович все же не имел достаточного времени, чтобы пустить глубокие корни в центральном аппарате. Однако, на мой взгляд, он уже знал, кто есть кто, и четко представлял, с кем и о чем можно было говорить, чтобы не подставить себя и других. Во всяком случае, военным он верил и даже в некоторые поездки брал наших представителей (например, в Прибалтику с ним ездил генерал Юрий Иванович Науман — из Политуправления Сухопутных войск, один из сильнейших офицеров). Конечно, Шенин это не Медведев и не Ивашко, которые, не выпуская из поля зрения Генерального секретаря ЦК КПСС, действовали по принципу: «Что угодно?» Олег Семенович имел свое мнение и твердо его отстаивал, проявился его характер и во время августовских событий 1991 года. Без каких-либо колебаний он стал на сторону тех, кто был не согласен с политикой Горбачева. Жаль только, что

рабочий класс и коммунисты Москвы допустили сборище у Белого дома и не разогнали эту пьянь. Для этого даже милицию не надо было привлекать, не говоря уже о войсках Московского военного округа.

Олег Семенович и на предварительном следствии, и в суде сделал категорические заявления по событиям августа 1991 года. Он принципиально не признал себя виновным. Убедительно показал, что дело сфабриковано и направлено против тех, кто хотел предотвратить развал нашего государства. О Горбачеве он сказал однозначно, четко и ясно: «Президент СССР преступно относился к выполнению возложенных на него обязанностей, нарушил клятву по защите Конституции СССР, данную съезду народных депутатов СССР». Действительно, это было именно так. Но когда об этом говорит член Политбюро ЦК, работающий вместе с Горбачевым, то это звучит еще более убедительно.

Ничего нет удивительного, что после освобождения из-под стражи О. С. Шенин сразу включился в политическую борьбу, возглавил Союз коммунистических партий — КПСС (СКП — КПСС) — одно из важнейших направлений борьбы за объединение наших бывших республик в Союз.

Олег Дмитриевич Бакланов известен мне с начала 80-х годов как сильный министр в общей системе министерств, входивших в военно-промышленный комплекс. За личные достижения в производстве удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Он имел непосредственное отношение к созданию и поддержанию на должном уровне советского ядерного щита, в том числе обеспечивал суперсовременный уровень нашего пребывания в космосе. Высокие знания и отменные организаторские способности плюс доступность позволили ему в короткие сроки встать в ряд лучших министров страны. Неспроста его взял Горбачев вначале секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам, а затем сделал первым заместителем председателя Совета обороны (Горбачев считался председателем, но он не мог на постоянной основе заниматься этим органом, поэтому была введена такая должность). Но, на мой взгляд, Горбачев умышленно увел Бакланова с этого министерства, так как последний пользовался там непререкаемым авторитетом и действовал самостоятельно, не поклонялся и не угодничал. А это для генсека-президента опасно.

Олег Дмитриевич помогал мне (как Главкому Сухопутных войск) «пробивать» — вначале через Н. И. Рыжкова, а затем через В. С. Павлова — вопросы, связанные с созданием совместных (с венграми, чехами, немцами) предприятий на базе той недвижимости, которая оставлялась нами в Восточной Европе. С

помощью этих предприятий и тех, что мы намерены были создать у нас в стране, предполагалось решать все проблемы с жилищным строительством для офицеров. Жаль, что все это в августе 1991 года рухнуло.

В 1991 году О.Д.Бакланов без колебаний встал в ряд истинных патриотов страны и выступил против политики Горбачева. И когда грянули августовские события, именно он всегда занимал самую активную позицию, подталкивая других членов ГКЧП к действиям. Именно Олег Дмитриевич вел основную беседу с Горбачевым в Форосе. Именно он всегда занимал в течение 19, 20 и 21 августа 1991 года четкую и ясную позицию.

Когда же мы оказались в тюрьме, то на допросах он, как и многие другие, однозначно заявлял о своей невиновности и говорил, что преступление совершили те, кто разваливал Советский Союз. Олег Дмитриевич вместе с В.А.Стародубцевым был моим сторонником, когда встал вопрос об амнистии и я предложил отказаться от нее и требовать, чтобы нас судили. О. Д. Бакланов и сейчас не стоит в стороне от политической жизни страны.

О Герое Социалистического Труда Василии Александровиче Стародубцеве. Писать о нем — значит пересказывать все то, что давно известно нашему народу и далеко за рубежом. Это действительно личность. В. А. Стародубцев — воплощение нашего настоящего крестьянства. Он целиком и полностью отдал себе идее — сделать жизнь крестьянства, нашего Отечества действительно счастливой.

Василий Александрович не просто сторонник крупного сельскохозяйственного производства, но и ученый. Он доказывает преимущество такого производства не только теоретически, но и практикой колхоза имени Ленина, где он долгое время был председателем. Иностранцы специально приезжали в нашу страну, чтобы посмотреть этот колхоз, и не верили своим глазам, что вот так прекрасно, благоустроенно и всесторонне обеспеченно могут жить в Советском Союзе колхозники.

С Василием Александровичем мы познакомились в 1989 году на Первом съезде народных депутатов СССР, хотя о нем я слышал давно и видел в нем настоящего лидера крестьян нашей державы. Его яркие речи вдохновляли и мобилизовывали народ. Но самое главное, что в корне отличает его от многих других политиков-популистов, так это то, что его позиция зиждется на живых примерах жизни, на его собственной деятельности, и это не фантазия. А если уж он сказал, что будет что-то сделано, то в этом ни у кого не было сомнений.

Вот почему организаторы выступления против политики Горбачева включили его в состав своей группы, даже не переговорив с ним. Знали, что он разделяет линию, изложенную в документах комитета (в принципе любой нормальный человек, кому дорого наше Отечество, поддержал бы эти документы). Авторитет В. А. Стародубцева для создателей ГКЧП был очень важен.

Крестьяне-туляки, узнав, что В. А. Стародубцев был арестован и помещен в Матросскую Тишину, митинговали у стен тюрьмы до тех пор, пока его не освободили. Власть увидела, что она беспомощна и ничего с колхозниками не поделает. В мае 1992 года Василий Александрович оказался на свободе.

Во время пребывания в тюрьме, несмотря на мощное давление властей, ни один орган, куда Василий Александрович был избран, не освободил его от занимаемого поста. Наоборот, от этих организаций в различные инстанции направлялись ходатайства об освобождении. Он оставался председателем Агропромышленного объединения «Новомосковское», председателем Всероссийского совета колхозов, председателем Союза аграрников России, а затем — председателем Крестьянского союза СССР, членом-корреспондентом Российской Академии сельскохозяйственных наук и председателем колхоза.

Показателен тот факт, что за ним не только сохранились все те посты, что ему доверил народ, но позднее земляки избрали Василия Александровича губернатором Тульской области. Он стал членом Совета Федерации. Конечно, продажные СМИ взвыли. Они воюют с ним и по сей день. Но Василий Александрович не обращает на них никакого внимания. И верно поступает — надо делом заниматься. Наверное, потому, что он занимается делом, в декабре 1999 года он был избран депутатом Государственной Думы РФ третьего созыва.

В тюрьме и на суде В.А.Стародубцев держался достойно, как и подобает истинному патриоту нашей Родины.

Об Александре Ивановиче Тизякове. Он с Урала. Это такой же ас, как и В. А. Стародубцев, только в области промышленности, точнее, в военно-промышленном комплексе. Он постарше, участник Великой Отечественной войны. Человек умный и открытый. Терпеть не может лжи и махинаций. Но когда ему приходится встречаться с этими проявлениями, он взрывается, и его гневная, мощная тирада может сразить любого. Прекрасно знает промышленное производство. Естественно, что среди промышленников Александр Иванович пользовался исключительным авторитетом. Глубоко видя перспективы нашей промышленности, он многократно обращался к президенту и

правительству СССР с предложениями по организации производства и по приоритетам, которые могли бы обеспечить нам первенство в мире. И это действительно было возможно. Но реальной поддержки он не получил. И сегодня понятно — почему.

Во время августовских 1991 года событий он вошел в состав ГКЧП, как и В. А. Стародубцев. Полностью согласился с программой, но постоянно требовал решительных действий. Сам вызвался на поездку в Крым к Горбачеву, когда туда летели Крючков и Язов: был намерен своей железной логикой убедить президента СССР в необходимости введения чрезвычайного положения там, где требовала обстановка, и отказаться от подписания нового Союзного договора, подготовленного в Ново-Огареве. Но, как известно, Горбачев, по натуре являясь трусливым и мстительным человеком, никого не принял, кроме А.И.Лукьянова.

А. И. Тизяков твердо и уверенно держался в тюрьме и на суде проявил себя истинным патриотом. Жаль, что его состояние здоровья не позволило быть до конца вместе с нами. Такие личности, как он, — верная опора государства в развитии промышленности.

И, наконец, о двух генералах КГБ, которые не были членами ГКЧП, но тоже, как и мы, были привлечены к ответственности — это бывший начальник 9-го Главного управления КГБ Юрий Сергеевич Плеханов и заместитель начальника Главного управления Вячеслав Владимирович Генералов.

Оба глубоко порядочные, честные и добросовестные работники Комитета. Они сознательно шли вместе с руководством страны, прекрасно понимая, что речь идет о ее спасении, а не о каком-то захвате власти. Их действия — это действия патриотов своего Отечества. В своих показаниях они представили следствию все именно так, как было на самом деле. И правильно поступил Владимир Александрович Крючков, когда ходатайствовал об их освобождении из-под стражи, так как они ни в чем не виновны и в своих действиях руководствовались его приказом как председателя КГБ.

Ю. С. Плеханов и В. В. Генералов — олицетворение генералов КГБ, преданных своему народу.

Итак, после полуторагодичного пребывания в тюрьме всех арестованных по делу ГКЧП выпустили на свободу под подписку о невыезде. И хотя одни сразу попали домой, а другие подлечивались (в том числе пришлось и мне), свобода поднимала дух. Наше дело находилось уже в Верховном Суде.

Мы не думали, как будет проходить суд и какие для каждого из нас будут последствия. Главное — то, что суд будет открытый

и нам предоставлялась возможность высказаться.

Лед тронулся.

Глава VII
Первый суд. Нас двенадцать…

Начало суда. Знакомство с условиями и составом суда. Первый день заседания 14 апреля 1993 года. Массовая демонстрация. Ходатайства об отводе всего состава государственных обвинителей. Хасбулатов и Степанков — основные противники проведения справедливого суда. Растаскивают Россию. Указ Президента РФ № 1400. Гибель Советов — основы демократии. Расстрел парламента РСФСР. Даже Гитлер решился лишь на поджог рейхстага. Показания четырех подсудимых. 23.02.94 г. Государственная Дума объявила амнистию. Не амнистия, а сделка власти с совестью. Наши разногласия. Последнее заседание первого суда. В моей перспективе замаячил второй суд.

Как было здорово, что мы наконец-то избавились от самодурства Генеральной прокуратуры! Хоть нам и не было известно, что именно ждет нас в суде, но сам факт передачи дела в суд уже много значил.

Вскоре был определен состав суда, которому предстояло рассматривать наши дела. Председательствовать будет заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ генерал-лейтенант Анатолий Тимофеевич Уколов. Народными заседателями — генерал-лейтенант Юрий Дмитриевич Зайцев (в отставке) и генерал-майор Павел Иванович Соколов (служит в Вооруженных Силах). Кстати, генерал-лейтенант Зайцев был моим сослуживцем по Заполярью — мне довелось в свое время командовать 54-й мотострелковой дивизией (штаб дивизии и ряд частей стояли в Кандалакше), а он командовал ротой, затем батальоном в 279-м мотострелковом полку нашей дивизии в Пинозере.

Председательствующий принял постановление, в котором определялось, что дело взято к производству, первое судебное заседание дела назначается на 14 апреля 1993 года. А в феврале 1993 года нам выдали обвинительное заключение в пяти томах. Таким образом, для подготовки к суду оставалось всего два с небольшим месяца. Заседания планировалось проводить в здании Военной коллегии Верховного суда РФ. Поскольку оно располагалось не так далеко от моего дома, то это облегчало мое положение, как и некоторых других, кто тоже проживал

неподалеку.

На первом суде подсудимых было двенадцать (перечисляю в последовательности, которая определена уголовным делом): Г. И. Янаев, А. И. Лукьянов, В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов, В. И. Варенников, Ю. С. Плеханов, В. В. Генералов, А. И. Тизяков, В.А.Стародубцев.

Этих обвиняемых защищала сильная группа адвокатов: А.М. Хамзаев, Г. П. Падва, А. М. Гофштейн, А. П. Галоганов, Ю. П. Иванов, Н. М. Пилипенко, А. С. Абельдяев, Н.В.Печенкин, И. И. Мацкевич, П. Я. Крайний, А. К. Шмырев, Д. Д. Штейнберг, Г. М. Резник, Е. Ю. Львова, В. В. Халмаш, Ю. Б. Поздеев, Г. Г. Каджардузов, И. П. Грицюк.

Государственные обвинители были представлены от Генеральной прокуратуры РСФСР в следующем составе: Э.Г.Денисов (руководитель группы), Л. М. Сюкасев, О. Т. Анкудинов, Р. Р. Барсегян, А. Б. Данилов, В. П. Митюшов, В.Н.Пронин, В. В. Смыков, В. Е. Фадеев. Всего девять человек.

Никто из перечисленных лиц мне не был знаком.

В феврале 1993 года Верховный Суд вручал нам Обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214–91. Председательствующий суда определил место в здании суда, где мы можем собираться и, пользуясь материалами предварительного следствия (т. е. 150-ю томами дела по ГКЧП), готовиться к очередному судебному следствию.

Это было очень удобно. Первую половину дня я мог работать с необходимыми материалами и общаться со своими товарищами, с адвокатом, а после обеда продолжать подготовку уже дома. На мой взгляд, условия для нашей работы были созданы нормальные. Теперь многое зависело от нас самих.

Однако в нашем коллективе первоначально складывалась, на мой взгляд, не совсем открытая обстановка. В аудитории, отведенной нам для работы, было установлено множество столов так, чтобы можно было свободно общаться и советоваться. Но многие почему-то работали со своими адвокатами обособленно. Переговорив с рядом товарищей, мы прямо поставили вопрос: индивидуализм может навредить и даже подорвать нашу позицию. Дело общее, поэтому общим фронтом и надо выступать, а, следовательно, принципиальные вопросы обсуждать сообща, независимо, от кого они исходят. В том числе это касалось и будущих ходатайств.

С нами согласились все. Да и не могло быть иначе. И хоть в деле ГКЧП каждый из нас имел свое место и играл разную роль, все мы были объединены одним убеждением — действия наши были правомерны.

Еще до начала заседания мы определились по поводу всех общих ходатайств и тех, что должны были быть заявлены каждым из нас. Уже на этом этапе мы полностью подготовились к тому, чтобы активно участвовать в судебном процессе. Таким образом, наша договоренность сыграла большое значение. Мы и в последующем, уже в ходе судебных заседаний, собирались в перерывах, живо обсуждали ту или иную проблему, вырабатывая единый взгляд и определяя порядок и тактику наших последующих действий. Каждый из нас испытывал удовлетворение от того, что все мы хорошо организованы и сплочены.

Это было очень важно.

Наступило 14 апреля 1993 года. Различные общественные организации к 9 часам утра организовали на Калининском проспекте (Новом Арбате) многотысячный митинг в поддержку привлеченных по делу ГКЧП к суду. Но наиболее весомое место занимала «Трудовая Россия» во главе с В. Анпиловым. И вся эта огромная масса людей, после коротких речей, двинулась к зданию Верховного Суда РФ. Мне довелось увидеть много знакомых лиц. Все были возбуждены, торжественны и решительны. Встречный дружеский взгляд и несколько ободряющих слов — это была самая высокая духовная поддержка. Все-таки Виктор Иванович Анпилов молодец! Ему и всей «Трудовой России» мы премного благодарны не только за эту акцию, но и за солидарность в ходе всего судебного процесса, когда самоотверженные москвичи ежедневно, не считаясь ни с чем, приходили к зданию Верховного Суда и весь день, пока не заканчивалось судебное заседание, стояли в пикете и периодически скандировали различные лозунги. Это была реальная сила и реальная, эффективная поддержка.

Что касается меня, то я трижды благодарен и обязан «Трудовой России» за все акции, которые были организованы в мою поддержку (так же было ежедневно во время суда надо мной) перед зданием суда, и за присутствие на судебных заседаниях.

Итак, вся многотысячная процессия двинулась к Верховному Суду. Все переулки и улочки, которые вели к зданию суда, были заполнены народом. Нас просто «внесли» в это здание, придав сил и мужества. И невозможно выразить всю теплоту к этим людям и благодарность к ним за все, ими сделанное. Поэтому-то каждый раз, когда мне и сегодня удается с ними повидаться, я обязательно искренне говорю им: «Спасибо!»

…К установленному времени мы вместе с адвокатами заняли свои места в зале заседания. Правда, перед этим случилась небольшая заминка. Руководство суда хотело, чтобы все

обвиняемые сели в первом ряду, а их адвокаты — во втором и третьем. Нас это не устраивало. Мы сели так, как было удобно, т. е. каждый со своим защитником (или защитниками, как, например, у Лукьянова, Крючкова, Язова и некоторых других). А я занял место у прохода — крайнее и ближе к двери. Сердце меня все-таки беспокоило, и я на всякий случай предусмотрел и такую позицию.

В зале заседания на своих местах уже были все, кто обеспечивает работу суда, представители Генпрокуратуры, адвокат пострадавших, родственники пострадавших и, конечно, полный зал народа. Желающих попасть было очень много, но впускали по пропускам ровно столько, сколько было мест.

Зал суда — довольно просторное помещение — можно разделить условно на две части, чему способствовали и входные-выходные двери, расположенные приблизительно посередине длинных стен. Ими пользовались фактически все, кроме судей, которые входили в зал в специальные двери, расположенные ближе к судейскому столу. Этот стол был огромный и к нему были приставлены такие же массивные, с очень высокой спинкой стулья-кресла. Справа располагались ряды со столами и стульями для обвиняемых (точнее — подсудимых) и их защитников, слева, за столами в два ряда, — государственное обвинение (т. е. группа от Генпрокуратуры), рядом с последними стоял отдельный стол для адвоката «потерпевшей» стороны. Считалось, что это родственники трех молодых москвичей, погибших на Садовом кольце в ночь с 20 на 21 августа. Перед судейским столом, который высоко возвышался над всем залом, размещался секретариат суда и другие обеспечивающие процесс работники. Посередине, как остров, стояла одинокая трибуна, которая служила для допроса свидетелей, а позади этой трибуны шли ряды уже обычных судейских лавок, стоявших вплоть до стены с окнами, выходящими на улицу. За окном — бурлящий народ и повседневная жизнь.

14 апреля 1993 года в 10 часов утра комендант суда подал команду: «Прошу встать. Суд идет!» Все поднялись. Началась новая историческая страница в жизни нашего народа — мы решили попытаться на фоне этого суда показать, что же произошло у нас в стране. Я стоял, как все, волновался и думал: будет ли правосудие или нас ждет расправа, как того требовало лживое и циничное обвинительное заключение Генпрокуратуры? Сколько продлится суд — месяцы или годы? Что явится решающим фактором и сможет повлиять на суд? То, что от нас, подсудимых, лично будет зависеть многое, это несомненно. Но народная поддержка, поддержка различных движений и партий

тоже многое значили, как и правдивое освещение нашими немногочисленными газетами истинного состояния дел.

Торжественно вошли судьи. Впереди председатель, за ним — два народных заседателя. Все в черных судейских мантиях. Это было впервые, поэтому и сами судьи, и болельщики в зале поначалу, на мой взгляд, испытывали некий дискомфорт. Однако вскоре все к нововведению привыкли.

С первых минут и часов работы суда мы почувствовали, что идет строгое, педантичное выполнение всех требований Уголовно-процессуального кодекса. И не только потому, что в зале заседания среди других присутствовал заместитель Председателя Верховного Суда — председатель Военной коллегии Верховного Суда (которой поручено вести судебное следствие и объявить вердикт) генерал-полковник Николай Александрович Петухов, и не потому, что в зале было много юристов, политологов, социологов, журналистов и других специалистов, и не потому, что по периметру зала были установлены (или смонтированы на постоянной основе) телекамеры и за ходом заседания следили многие — от президента России и председателя правительства до министра обороны и Генерального прокурора России (а в новостях по телевидению показывали всеми миру), но потому, что так были настроены сам председатель суда и народные заседатели. Даже если бы всего перечисленного не было, здоровый педантизм Уколова все равно бы сыграл свою роль.

Генерал-лейтенант А. Т. Уколов, строго придерживаясь Уголовно-процессуального кодекса, сразу взял бразды правления в свои руки и не допускал ни малейших отклонений, ни тем более каких-либо нарушений со стороны участников процесса. В то же время проявлял терпение там, где другой бы на его месте давно бы выступающего оборвал. В целом на заседании суда сразу воцарился строгий, но справедливый порядок. Это способствовало утверждению авторитета суда, а у нас — подсудимых и защитников — зарождалась, хоть еще и весьма туманная, вера и надежда на справедливое разбирательство.

После выполнения установленных формальностей — проверки явки на суд участвующих сторон, выяснения основных данных каждого подсудимого, разъяснения им своих прав и обязанностей — начались высказывания ходатайств обвиняемой стороны, различные заявления всех сторон. Многие адвокаты умело использовали широкое присутствие на суде средств массовой информации и, блистая своей эрудицией и логикой, один за другим задавали вопросы четко, ясно и эмоционально. И если кто-то из них хотел быть похожим на прославленного

русского юриста, судебного оратора конца XIX и начала XX века Федора Плевако, отстоявшего много крупных дел, так это заслуживало только всеобщего одобрения.

Первое заявление сделал защитник Янаева адвокат Хамзаев. Это один из сильнейших адвокатов страны. Все его выступления всегда изобиловали подробными выкладками, глубоким анализом и убедительностью. Вот и на этот раз он сделал заявление об отводе всего состава суда. В его заявлении говорилось: «… Народные заседатели по своему положению являются подчиненными нынешнего министра обороны России генерала армии Грачева, а тот, в свою очередь, проходил по делу как свидетель, следовательно, народные заседатели не могут объективно исследовать показания Грачева, роль которого в событиях 19–20 августа неоднозначна». Разумеется, аргумент весомый и вывод здесь напрашивался однозначный. Однако суд не удовлетворил это ходатайство. В мотивации было сказано, что судьи по закону независимы. И хоть сей аргумент не был достаточно убедительным (в стране законы нарушались сплошь и рядом), мы все-таки больше не возвращались к этому вопросу: большинство из нас были заинтересованы в скорейшем разбирательстве дела ГКЧП. Настаивание же на смене суда таило в себе нежелательную перспективу в виде затяжки разбирательства еще на три-пять месяцев (новому составу суда необходимо было бы изучить дело).

Вслед за этим последовало наше ходатайство об отводе всего состава группы государственных обвинителей. Заявление сделал Г. И. Янаев: «Заявляю отвод всем прокурорам, поскольку они являются подчиненными Генерального прокурора России Степанкова, который до судебного заседания, выполняя социальный заказ президента России, неоднократно выступал перед прессой, другими средствами массовой информации с явно обвинительным уклоном в отношении меня и других подсудимых». Геннадий Иванович убедительно подкрепил свое ходатайство еще двумя возмутительными фактами — передачей немецкому журналу «Штерн» видеозаписей допроса Крючкова, Язова и Павлова, а также изданием книги «Кремлевский заговор», предавшей гласности версии следствия в период, когда еще не закончилось предварительное следствие. Это было грубейшим нарушением самых элементарных норм юриспруденции. Вообще, такого дикого выпада против закона и столь неслыханного нарушения презумпции невиновности не было не только в годы Советской власти, но и во времена Российской империи при царях-батюшках.

Г. И. Янаева активно поддержали другие подсудимые и

защитники. Однако, как и следовало ожидать, государственные обвинители, категорически возражая против такой постановки вопроса, настаивали отвести это ходатайство. Обстановка сложилась острая: с одной стороны, явно нарушался закон и лица, представленные в качестве государственных обвинителей, должны быть отстранены от возложенных на них в суде функций; с другой — государственные обвинители утверждали, что в ходе судебного следствия они будут строго придерживаться требований закона и что сейчас и впредь генпрокурор Степанков на них не будет оказывать давления. Они косвенно давали понять, что так было и в отношении состава суда, по которому тоже был заявлен отвод, но затем подсудимые и их адвокаты согласились с решением суда об отклонении ходатайства адвоката Хамзаева.

Учитывая остроту ситуации, суд объявил перерыв, судьи удалились в комнату для совещаний, а подсудимые, адвокаты, государственные обвинители уже в неформальной обстановке продолжили тему, которая обострилась в зале суда. Особенно горячо дискутировали адвокаты Ю.П.Иванов, Д.Д.Штейнберг и Л.С. Абельдяев. Они доказывали З. Г. Денисову и другим представителям Генеральной прокуратуры, что в этих условиях государственное обвинение в суде должны представлять независимые от Генерального прокурора юристы. Есть такие? Несомненно, есть. И в многочисленных учебных заведениях, и в различных государственных структурах, и среди крепких и здоровых пенсионеров. Конечно, вслед за заменой государственных обвинителей этой новой группе тоже понадобится дополнительное время на адаптацию, изучение уголовного дела и т. д. Но, как говорят в народе, «игра стоит свеч». Ведь независимые прокуроры способны будут оценить дело и каждого подсудимого объективно и даже закрыть это дело за отсутствием состава преступления. И это было реально.

Через некоторое время нас пригласили в зал заседания и суд объявил принятое им Определение, которым обратил внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В. Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е. К., и предложил рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному уголовному делу.

Судебное разбирательство дела продолжить после получения ответа на это определение. Определение подписали председательствующий А. Уколов, народные заседатели Ю. Зайцев и П. Соколов.

Таким образом, суд посчитал, что отвод государственным обвинителям заявлен обоснованно. Действия Степанкова и Лисова не только вошли в противоречия многих статей Уголовно-процессуального кодекса, но грубо нарушили Конституцию РСФСР. Налицо факт того, что они лично заинтересованы в деле, и, конечно, ни о какой беспристрастности Генпрокуратуры в отношении дела ГКЧП не может идти речи. Поэтому суд вынужден был обратить внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения, допущенные Степанковым и Лисовым, и предложить рассмотреть вопрос о создании реально независимой группы прокуроров, которая могла бы представлять государственное обвинение. Мало того, в определении сделано и разумное предложение — как именно выйти из этого положения, т. е. как создать независимый от Генпрокурора орган.

Фактически все подсудимые и многие адвокаты были уверены, что этот документ возымеет действие. Право и закон восторжествуют. Однако некоторые из адвокатов сомневались в положительном исходе. Свои сомнения они обосновывали двумя причинами: Хасбулатов, как и Ельцин, не заинтересован в положительном разрешении дела ГКЧП. Кроме того, также было известно, что между Р. Хасбулатовым и В. Степанковым тесные связи.

Действительно, в итоге мы получили из Верховного Совета РФ отрицательный ответ. Наш вопрос был поставлен на пленарном заседании Верховного Совета, но не набрал необходимого количества голосов. Был предпринят хитрый ход: Р. Хасбулатов поручил первому заместителю Председателя Верховного Совета Ю. Воронину проголосовать эту проблему в конце вечернего заседания, когда в зале, как правило, оставалось мало депутатов. Стало также известно, что В. Степанков поставил перед Р. Хасбулатовым вопрос прямо: «Или я, или они!» Естественно, была принята сторона Генерального прокурора. Но чтобы подсудимые и адвокаты не бурлили, подвели под такое голосование, когда иного решения и не могло быть. И придраться не к чему — голосовал Верховный Совет. Это была хорошо завуалированная обструкция. Ни Хасбулатов, ни тем более Степанков не желали, чтобы суд над гэкачепистами был справедливым.

Нам ничего не оставалось делать, как идти дальше с той командой, которая была представлена в первый день суда. Однако все мы понимали, что прокуроры государственного обвинения после нашей неудачной попытки «вытолкать» их из зала суда ожесточатся. Разумеется, внешне они будут делать вид, будто придерживаются объективности, но фактически станут

злее. Поэтому обсудив этот вопрос на своем уровне, мы — подсудимые и адвокаты — решили максимально повысить свою бдительность на заседаниях.

Между тем социально-экономическая обстановка в стране резко ухудшилась. В Москве 1-го Мая мирная традиционная демонстрация трудящихся была избита омоновцами. Кровь, пролившаяся на центральных улицах столицы, была результатом провокации властей и милиции. Расправа над демонстрантами выглядела мерзко и позорно, тем более что избиение проходило под огромным полотнищем, на котором было написано: «С праздником, дорогие россияне!» Власти хотели, чтобы народ беспрекословно выполнял их команды. Им уже хотелось установить диктатуру без ограничений — что хочу, то и ворочу. Но трудящиеся всего мира традиционно отмечают Первомай. Почему же решили воспротивиться российская и московская власти? Это отдавало самодурством. Власть обязана обеспечить порядок при прохождении демонстрантов. А в Москве 1993 года власть сделала Первомай кровавым.

По состоянию здоровья я не мог принять участие в этой демонстрации. Но 9 Мая на манифестацию пошел. На этот раз обошлось без бойни. Тысячи людей. Множество волнующих встреч. Кругом добрые глаза. Власти сделали вывод и на сей раз не полезли на народ с дубинками. День Победы был встречен в «мирных» условиях.

Судебный процесс по делу ГКЧП возобновился только в сентябре. Мы вновь выступали с различными заявлениями и ходатайствами. В то же время начали таять наши ряды. Вначале по болезни Александра Ивановича Тизякова производство по его делу было приостановлено. Затем по этой же причине судебное разбирательство было приостановлено и в отношении Олега Дмитриевича Бакланова. Вслед за этим из наших рядов выбыл Геннадий Иванович Янаев — заболел его адвокат Абдулла Майербекович Хамзаев. Конечно, Янаев мог взять другого адвоката, но пока тот ознакомится с делом — уйдет много времени. А у нас и без того ситуация со временем была прескверная: процесс начался в апреле, а к оглашению обвинительного заключения приступили только в октябре.

Поэтому в целях продвижения вперед генерал-лейтенант А. Уколов пошел по пути освобождения дела от всего, что тормозило. И, на мой взгляд, всё было сделано правильно. Это мнение разделял адвокат Д. Д. Штейнберг и некоторые другие товарищи. Однако по формальным признакам можно было критиковать и суд, и его председательствующего. В частности, за выделение в особое производство дела Янаева — обоснование

здесь было недостаточное. Но во имя ускорения процесса мы решили все-таки не сопротивляться.

Но осенью 1993 года в стране происходят трагические события. Естественно, они не миновали и нас, наложили свой отпечаток и на наш судебный процесс. Все, что происходило в Москве, начиная с 21 сентября, подтверждало: осуществляется второй этап контрреволюции, против которой в августе 1991 года выступали мы.

Октябрьская 1993 года трагедия была тяжелее той, что произошла в августе — декабре 1991 года, а действия властей еще более позорными. Творилось непоправимое, что навечно оставляло уродливые шрамы на облике России.

Любители демагогии из числа политиков и социологов старались (да и сейчас стараются) облечь все, что произошло, в оболочку различных категорий, пускаясь в пустые размышления. Одни говорят, что мы-де имеем дело с демократическим развитием страны. Другие утверждают: это была политическая борьба за власть. С одной стороны Ельцин и его сторонники, а с другой — Хасбулатов и Руцкой, которые возглавили сопротивление съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Третьи усматривают здесь происки Запада.

Бесспорно, к тому времени Россию действительно наводнили с Запада, особенно из США, тысячи различных «специалистов». Между прочим Россия, получая тогда кредиты, полностью тратила их на содержание западных представителей. Много было различного рода и доморощенных советников типа Чубайса. Но даже западники, подсказывая пути развала страны и разворовывания наших богатств, создававшихся народом веками, а более всего особенно за последние 70 лет, а также наших природных ресурсов, не способны были додуматься до того, что выкинул в часы жуткого страха Ельцин — страха в связи с реальной угрозой лишиться власти. Даже еще в декабре 1991 года (я повторяю этот факт) бывший директор ЦРУ США Р. Гейтс, комментируя разрушения СССР, говорил: американцы предполагали, что в Советском Союзе будет плохо. «…Но то, что творится у вас сейчас, даже для нас это кошмар». Это было сказано директором ЦРУ, которое прикладывает свою руку к разрушительным процессам во всем мире. Разумеется, с 1991 до 1993 года было достаточно времени, чтобы американские советники смогли «привыкнуть» к особенностям первого российского президента. Но и в этих условиях расстреливать из танков парламент России?!.

Так вот, обращаясь к тем, кто хотел бы события кровавой осени 1993 года ввести в русло цивилизации, говорю: не следует

делать такие попытки, даже если вами движут чувства заботы о престиже и авторитете Отечества. Не надо этого делать. Ведь всеми миру давно ясно, что из себя представляет Ельцин и его окружение.

И до октябрьского 1993 года расстрела парламента, а фактически с первых дней пребывания у власти, действия Ельцина были антиконституционными, антигосударственными, антинародными. В доказательство этого приведу один пример, о котором говорит бывший пресс-секретарь Ельцина доктор экономических наук, журналист П. Вощанов. К тому же П. Вощанов антикоммунист, считает себя демократом. Поэтому его взгляды и оценки, по моему мнению, прозвучат более убедительно, чем если бы я представил оценки коммуниста, т. е. своего единомышленника.

Так вот, в «Современной политической истории России» (издание 2-е, 1999, стр. 730) говорится следующее:

«…Павел Вощанов в статье «Золото добывают в Кремле» («Новая еженедельная газета», № 5) пишет о приватизации «людей, близких к власти. Сегодня, — пишет он, — не только госдачи, пол-России можно пустить с молотка (естественно, не забыв и о собственном интересе) и не быть схваченным за руку. Да и кому хватать-то? Едва ли не у каждого приближенного к власти руки хоть чем-то да заняты. Ему бы свое удержать». В публикации содержатся конкретные факты, называются фамилии людей, злоупотребляющих своим служебным положением: Е. Гайдар, А.Собчак, Ф. Шелов-Колведяев, С. Станкевич, Г. Бурбулис, А. Нечаев, А. Чубайс, П. Авен. Лишь один из сюжетов этой публикации: «Сейчас уже трудно припомнить, кто спротежировал встречу: председатель российского парламента Б. Ельцин принял главу австралийского консорциума «Стар» Я. Мак Ни. Последнего очень интересовало извлечение платины из отходов российских горнодобывающих предприятий, но, зная особенность нашей бюрократии, он искал в Ельцине влиятельного политического покровителя. Как-то незаметно разговор перешел от проблем общих к частным, к золотодобыче. Тогда-то австралийский бизнесмен и получил «монаршье» заверение: ищите партнера. Я свою поддержку обещаю».

Партнер нашелся, хотя и не сразу. Им стало Госкомимущество, возглавляемое А. Чубайсом. Оно предложило австралийцам то, на что они совершенно не рассчитывали: стать совладельцами крупнейшего в России золотоносного месторождения «Сухой Лог». По секретным данным геологоразведки, это почти половина запасов российского золота. Исключительные права на добычу на территории 105 тыс. кв. км

— неплохо для фирмы, про которую (точнее, про общую структуру, в которую та входит) в австралийской печати говорилось следующее:

> «С ноября 1991 года по апрель 1992 года фирма, которая терпела убытки в 1988, 1989 и 1990 годах, была исключена из списка компаний, акции которых продаются на австралийской фондовой бирже… Отчет за 1991 год вышел с опозданием, поскольку аудиторская фирма сочла необходимым провести дополнительные проверки, прежде чем его заверить. По состоянию на декабрь 1991 года объем оборотных средств компании составил всего 75 000 австралийских долларов».

Итак, неплатежеспособной австралийской фирме (банковский счет практически пуст) Госкомимущество отдает 31 % акций крупнейшего в России золотодобывающего предприятия. Причем все было сделано в страшной спешке: 24 декабря Е. Гайдар еще только поручает выяснить целесообразность создания соглашения, а 26 декабря Госкомимущество принимает решение (кстати, не забыв закрепить за собой такое же количество акций — т. е. 31 %). (Разве это не преступление? — Автор.).

А что же старатели? Теперь они обязаны заключать договора на добычу уже с российско-австралийской администрацией. А те устанавливают цену добычи в несколько раз ниже, чем раньше».

Вот один из примеров расхищения богатств России, о чем пишет П. Вощанов.

Кстати, этот же П. Вощанов, который был «без ума» от Ельцина до 90-х годов, сейчас о нем пишет в статье «…И тогда я решил уйти из Кремля» (газета «Мир за неделю», 1999, № 15; привожу фрагменты с комментариями):

> «В Германии просто невозможно представить себе президентом такого человека, как Ельцин. Он может быть только в России, потому что достаточно точно отражает и умонастроение избирателя, и его уровень. Он такой потому, что мы сами такие».

Не знаю, что думает по этому поводу читатель, но я категорически не согласен с таким выводом. Ведь Ельцин — это деклассированная личность, случайно попавшая на этот высокий пост (народ избрал его незначительным большинством не потому, что он яркая фигура и может руководить государством, а потому, что ненавидел Горбачева). Разве мы, т. е. народ России, такие, как Ельцин? Подавляющее большинство людей, которых я знаю, —

добропорядочные, интеллигентные, законопослушные, честные и обязательные в обращении, они высоко несут свое имя, т. е. свою честь и совесть, не позволяют себе и окружению лгать, тем более воровать. Ельцин же полярно противоположный тип. И для меня оскорбительно звучит утверждение, будто я и мои товарищи — «сами такие, как Ельцин». Это звучит омерзительно.

Ельцин — это выродок рода человеческого. Помнится, шахтеры Кузбасса положительно отреагировали на то, что он здорово может выпить. Уверен, что они-то считали: выпить может, но ума не пропьет — ведь государством надо управлять. Народ у нас простодушный и доверчивый, добрый, часто прощает промахи и ошибки. А этим пользуются такие, как Ельцин.

Нет, народ наш ничего общего с Ельциным совершенно не имеет. Принципиально это антиподы: Ельцин — разрушитель, а народ наш — созидатель.

Еще фрагменты:

> «Однажды мы (т. е. с Ельциным) вылетали в Японию. В аэропорту Шереметьево-2 он спрашивает меня, как пойдем: через депутатский зал или как рядовые пассажиры? И сам же решил: пойдем, как рядовые. А то журналисты увидят в депутатском зале и решат, что Ельцин только на словах борется с привилегиями. Прошли через обычную стойку регистрации, вошли в салон самолета, и тут я получил серьезную взбучку от Бориса Николаевича. Оказывается, билеты у нас были куплены не в первый класс, а в экономический. То есть мы должны были лететь как рядовые пассажиры. Я ему говорю: так ведь мы решили вроде, что живем без привилегий. Он мне отвечает, дескать, соображать же надо: в самолете журналистов-то нет, можно и слегка «расслабиться». Тогда это только неприятно царапнуло. А окончательное решение уйти пришло как раз в дни августовского путча — 91 года.
>
> …Люди искренне решили защищать демократию, своего президента… Начнись тогда боевые действия, все они погибли бы. А… что происходило в это время ниже цокольного этажа, в бомбоубежище Белого дома?.. Там был накрыт стол, и Борис Николаевич с ближайшим окружением «расслаблялись»…

Как видите, П. Вощанов сам себе противоречит: то он говорит, что мы такие, как Ельцин, а здесь показывает, что вокруг Белого дома народ был готов искренне защитить Ельцина и демократию, а Ельцин в это время пьянствует.

И еще один фрагмент:

> «…Самое же поразительное было в том, что президент подписал распоряжение о назначении на эту должность (руководителя Российского информационного центра) человека, ничего не понимающего в журналистике и проработавшего 15 лет директором стеклотарного завода. Тогда я было попробовал возразить, но мне было грубо сказано: иди и делай, что тебе царь велел».

Нам, читатель, конечно, не следует злорадствовать по поводу того, что демократы протолкнули в президенты Ельцина, состряпали ему Конституцию, которая предоставляет президенту власть без границ и не предусматривает контроля за его действиями, а теперь страна и народ, испытывая муки и страдания, не знают, что с ним делать. Сейчас вроде разобрались, кто есть кто. И лишь чиновники из ближайшего окружения президента по своему долгу просто обязаны говорить на белое, что это черное. У них нет другого выхода. Они просто обречены. А несчастье у всех одно — президент Ельцин. Это никому доказывать не надо.

Теперь приведу перлы из Указов президента Ельцина осенью 1993 года.

21 сентября Ельцин издал «исторический» Указ № 1400, который назывался: «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Фактически это был указ об удушении демократии и в первую очередь Советов. Хотя декорацию из пышных лживых фраз по поводу развития демократии, конечно, Ельцин выстроил. При этом всю вину на провалы в демократии Ельцин возложил на Верховный Совет.

Вот некоторые положения этого позорного Указа:

«В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны». Верно, но создал эту ситуацию лично Ельцин. Далее говорится, что Верховный Совет РФ противодействует осуществлению социально-экономических реформ. Налицо, мол, обструкция политики всенародно избранного президента. А Верховный Совет узурпирует не только исполнительную, но и судебную власть. И далее:

«Конституционная реформа в РФ практически свернута…

> …В сложившихся условиях единственным средством… преодоления паралича государственной власти являются выборы нового парламента РФ».

В связи с этим президент постановляет:

> «1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации… руководствоваться Указами президента и постановлениями правительства Российской Федерации…»

И в этом духе следовало еще 17 пунктов.

В конце Указа Ельцин обращается к народу: «Прошу граждан России поддержать своего президента в это переломное для судьбы страны время».

Ну а что народ? Молчит. Он молчит и тогда, когда объявляется Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О прекращении полномочий президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина». В нем говорится:

> «В связи с грубейшим нарушением президентом Российской Федерации Ельциным Б. Н. Конституции Российской Федерации — России, выразившемся в издании Указа от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной Конституционной реформе в Российской Федерации», приостанавливающего деятельность законно избранных органов государственной власти, Верховный Совет Российской Федерации постановляет:
>
> в соответствии со статьей 121-6 Конституции Российской Федерации — России полномочия президента Российской Федерации Ельцина Б. Н. прекращаются с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года.
>
> *Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатов*
>
> *Москва, Дом Советов*
>
> *22 сентября 1993 года*».

В следующем постановлении Верховного Совета РФ действия президента РФ Ельцина Б. Н. оцениваются как государственный переворот, и его Указ направляется в Конституционный суд РФ для оценки его конституционности.

Конституционный суд в составе Зорькина (председатель), Витрука, Рудкина, Аметистова, Ведерникова, Гаджиева, Кононова,

Лучина, Морщаковой, Олейника, Селезнева, Тиунова, Эбзеева пришел к заключению, что Указ президента РФ Ельцина от 21.09.93 года № 1400 и его Обращение к гражданам России (этого же числа) не соответствуют многим статьям Конституции РФ (перечисляются) «…и служат основанием для отрешения президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121 (10) или 121 (б) Конституции Российской Федерации».

То есть Ельцин не только должен был быть отлучен от власти, но еще и привлечен к уголовной ответственности.

В тот же день, т. е. 22 сентября 1993 года, Верховный Совет РФ принял Постановление об исполнении полномочий президента РФ А. В. Руцким. В свою очередь Руцкой издал указ о том, что в соответствии со статьями 121.6 и 121.11 Конституции РФ, а также Постановлением Верховного Совета РФ он приступил к исполнению полномочий президента РФ.

Однако Верховный Совет РФ хоть и занес меч над Ельциным, но голову ему еще не отрубил. Двоевластие не могло продолжаться вечно. И Ельцин выгоняет танки к Дому Советов и прямой наводкой расстреливает парламент страны из танковых пушек. И это варварство в еще не виданных, диких проявлениях наблюдала по телевидению вся планета. Ельцин — палач, круша все конституционные и международные правовые нормы, вошел в историю на крови и сидел в окровавленном троне до 2000 года, разрушая и грабя страну, уничтожая наш народ.

Для того, чтобы как-то прикрыть свое злодеяние, Ельцин обращается к народу России. В этом лицемерном обращении всё от начала и до конца — мерзкая ложь.

Вот одна из фраз: «Те, кто пошел против мирного города и развязал кровавую бойню, — преступники». Верно ли это? Верно! Но развязал эту бойню лично Ельцин с помощью Черномырдина, Грачева и Ерина. Главные организаторы Кобец и Волконогов — оба генералы из Министерства обороны, не имеющие в своем послужном списке ничего близкого к боевым частям. Непосредственные исполнители, введенные в заблуждение своими начальниками, стреляли в парламент, в избранников народа. Это все равно что в народ. Конечно, расценить такое иначе как преступление нельзя.

Обращаясь к народу, Ельцин старается оправдаться и валит все на руководителей Верховного Совета РФ. Он говорит: «… Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения».

Спрашивается, как могли свезти со всей страны и завести или

пропустить в Белый дом боевиков, если и подступы к Москве были Ельциным и Черномырдиным перекрыты, а сам Белый дом был обнесен колючей проволокой надежнее, чем в «хорошем» ГУЛАГе, и блокирован войсками МВД? Наконец, как эти боевики (если их все-таки как-то впустили в Белый дом) могут «сеять смерть и разрушения»? Чем и что они могут разрушить, если они внутри Белого дома?

Для подкрепления изложенных позиций Ельцин объявляет чрезвычайное положение в Москве, подписав соответствующий Указ: «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в Москве».

В унисон президенту РФ тоже 4 октября 1993 года выступает правительство Черномырдина с Заявлением Совета Министров и руководителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации о политической ситуации в России.

5 октября 1993 года председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин делает заявление, в котором говорится, что Конституционный суд РФ не в состоянии решить дела по проверке конституционности международных договоров и нормативных актов Российской Федерации. В связи с этим Зорькин объявил об уходе с поста председателя Конституционного суда РФ.

На мой взгляд, это была ошибка. Нельзя было Зорькину покидать свой пост. Ведь это только на руку Ельцину. Откуда такая наивность, что, мол, этим протестным шагом решительно все можно изменить? Наоборот! И поскольку в августе 1991 года уже имели место наивные действия (к чему они привели, всем известно), то теперь, т. е. в 1993 году, они просто недопустимы.

6 октября Ельцин еще раз обратился к народу и еще раз решил внушить нашим доверчивым людям, что самосуд, который он лично со своими приближенными учинил над Верховным Советом РФ, является не чем иным, как спасением демократии. Он снова напирал на то, что якобы была угроза установления в России кровавой коммуно-фашистской диктатуры.

Но не Советы, как орган политической власти, на мой взгляд, хотел ликвидировать Ельцин, а лишить власти тех людей, которые входят в Советы. Какая разница, будет ли этот орган называться Советом или Думой? Люди, вот что главное!

Но Ельцин подавал все так, будто именно Советы, созданные в 1905 году коммунистами в Иваново-Вознесенске, являются угрозой для демократии. Мне неизвестно, действительно ли Ельцин так думал о происхождении Советов или лгал умышленно. Однако ясность в этом вопросе у нас должна быть.

Фактически Советы (или «вече») как форма местного

самоуправления были созданы в Новгороде и Пскове почти за тысячу лет до их возрождения в Иваново-Вознесенске. И Советская власть после 1917 года только исторически воспроизвела то, что было создано народом давным-давно. Поэтому дремучая ненависть Ельцина к Советской власти выглядит просто глупо.

Ельцин заявляет: «…Большинство органов Советской власти несут прямую ответственность за крайнее обострение ситуации в Москве. Система Советов проявила полное пренебрежение к безопасности государства и его граждан, сама поставила точку в своей политической судьбе». И далее говорит, что Советы обязаны самораспуститься, а России, «как воздух, нужна нормальная демократическая конституция».

Мы вскоре и получили такую «нормальную демократическую Конституцию» (соавторы Шахрай, Бурбулис, Шумейко и другие), которая всю основную власть отдала президенту страны, полностью вывела его из-под контроля и фактически не позволяла отстранить от управления государством человека, который, занимая пост президента, творил антигосударственные дела вплоть до крупных преступлений.

В итоге штурма Дома Советов руководители сопротивления были захвачены и посажены в Лефортовскую тюрьму (Хасбулатов, Руцкой, Макашов, Ачалов и другие). Но не это главное. Главное в том, что те побеги истинной демократии в лице Советов, которые действительно представляли интересы народа, но по многим объективным и субъективным причинам не получили должного развития, как это замышлял Ленин, и были раздавлены Ельциным.

Главный критерий или лицо демократии — это Конституция страны и механизм контроля народа за всеми ветвями власти, начиная с президента. У нас Конституция — во имя президента и только для него, а контроль на нулевых установках.

Расстрел российского парламента по сути стал расстрелом души народа. В стране создалась тяжелая гнетущая обстановка.

После октябрьской трагедии, приблизительно через месяц после основных событий Военная коллегия Верховного Суда продолжила свои судебные заседания.

Приступили к допросу подсудимых и свидетей. Первым из подсудимых выступал В. А. Крючков. Как и в любом сложном деле, первому, конечно, труднее всего, а в нашем — даже опасно. Но Владимир Александрович со своими задачами справился успешно — как в личных показаниях, так и в ответах на вопросы суда, государственных обвинителей, а также при допросе

свидетелей он проявил незаурядную дипломатию и гибкость.

В своем выступлении В. А. Крючков подчеркнул, что просто нелепо обвинять людей в измене Родине, когда на самом деле все они являлись и являются патриотами и защитниками своей Отчизны, действительно беззаветно служат своему народу. А что касается событий августа 1991 года, так это была попытка защитить и спасти Отечество от развала.

Владимир Александрович категорически не признал свою вину и вину товарищей, привлеченных по делу ГКЧП. И действительно, ГКЧП и провозглашенные им программные документы были направлены на спасение, а не на развал СССР.

Дмитрий Тимофеевич Язов так же категорично отвел все предъявленные ему обвинения, убедительно доказал, что все они надуманы, раскрыл причины развала Советского Союза и назвал ряд фигур, которые сыграли главную роль в этой трагедии.

Дмитрий Тимофеевич умно, без малейшей тени злопыхательства показал предательскую роль Горбачева и в расшатывании Вооруженных Сил, и в разбазаривании наших территорий и акваторий. Он с горечью говорил: «Я стремился не допустить развала государства и армии. Этим было вызвано мое участие в совещании на объекте КГБ 17 августа 1991 года, где обстановка в стране была оценена как критическая… 16–17 августа уже было известно, что Украина, Прибалтийские республики Союзный договор подписывать не будут, а значит — не будет и Союза. Это Горбачев понимал, и мы решили предложить ввести чрезвычайное положение».

Несомненно, это выступление, как и выступление Владимира Александровича Крючкова, произвело сильное впечатление на всех присутствующих. В их позиции не было и намеков на раскаяние или стремление обелить себя. Нет! Они оба обличали и обвиняли тех, кто довел страну до тяжелейшего всеобъемлющего кризиса и насильственно ее разрушил. В заключение своей речи Д. Т. Язов с горечью произнес: «…Люди, движимые мотивами сохранения государства, привлекаются к уголовной ответственности по закону, который государство создало для своей защиты».

Действительно, творился абсурд, какого человечество не знало — не ведало.

Показания Олега Семеновича Шенина, который выступал после Д. Т. Язова, максимально усилили и без того уже мощное воздействие на всех участников судебного процесса. Олег Семенович подчеркнул, что готов нести ответственность, но не за то, что выступил против горбачевских реформ, что настаивал ввести чрезвычайное положение и сорвать подписание нового

Союзного договора, чтобы спасти страну, а за то, что не всё сделал, чтобы сохранить нашу Великую державу — Советский Союз.

О. С. Шенин четко заявил, что к выполнению обязанностей президента Горбачев относился преступно, что он нарушил клятву о защите Советской Конституции. Это и привело к развалу страны. Горбачев знал о подготовке Ельцина к действиям по окончательному развалу Советского Союза и ликвидации Советской власти, знал, что тот не подпишет Союзный договор в Ново-Огареве. При этом Шенин сообщил, что Горбачев лично говорил ему (Шенину) 29 июля 1991 года об этом. Еще более сильным был заключительный аккорд:

> «То, что не смог сделать Гитлер в 1941–1945 годах, сделали Ельцин, Кравчук и Шушкевич в Беловежской Пуще… Сдал и предал Союз его президент, его Верховный Главнокомандующий».

После этих слов, видимо, не только у меня, но и у всех присутствующих логично возник вопрос: какую кару должен понести предатель народа и государства?

Крючкову, Язову и Шенину довелось пройти весь «курс» судебного следствия. Они дали показания, ответили на вопросы, полностью прошли этап допроса свидетелей. И везде действовали по-боевому. Мы радовались за своих товарищей и на их опыте строили в общих чертах прогноз в отношении исхода судебного следствия и возможного вердикта. Ведь они все-таки реально относились к верхушке той пирамиды сопротивления горбачевской политике, которая выросла в руководстве за последнее время.

Мне довелось выступить четвертым — вслед за О. С. Шениным. Точнее, после того, как вся процедура с ним была закончена, в том числе допрошены свидетели по той части дела, которая касалась его лично.

Кстати, во время моего выступления на суде имел место интересный эпизод. В конце первого дня моих показаний председательствующий — генерал-лейтенант А. Уколов прервал меня вопросом: «У вас по времени еще много докладывать? Может, мы продолжим заседание да закончим его уже сегодня?» Я ответил, что у меня осталось ровно столько, сколько уже доложено, т. е. еще на один день. Это вызвало улыбки и шум в зале. Но суд подошел к этому с пониманием. Председательствующий, сообщив, что показания будут продолжены завтра, объявил перерыв.

Однако когда я закончил свои показания, вдруг нас

известили, что Государственная Дума Федерального Собрания приняла постановление об амнистии. Наш новый парламент явно демонстрировал свои права.

На следующий день на очередное судебное заседание все пришли в возбужденном состоянии. Нам также стало известно, что в свет вышло еще одно постановление Госдумы, которое идет в связке (в пакете) с постановлением об амнистии. Фактически им распускалась недавно созданная парламентская комиссия, которая должна была расследовать факты расстрела в октябре 1993 года Верховного Совета РСФСР. Понятно, что это второе постановление стало разменной картой режима.

Председательствующий на суде А. Т. Уколов при абсолютной тишине в зале заседания зачитал постановление № 1 Государственной Думы от 23 февраля 1994 года и сделал небольшую паузу. Видно, для того, чтобы мы глубоко осознали, что именно произошло. Затем сказал, что теперь он будет персонально опрашивать каждого из нас с целью выяснения отношения к амнистии. Тогда мы, т. е. подсудимые и адвокаты, попросили выделить нам время для проведения внутренних консультаций. Посовещавшись, суд удовлетворил нашу просьбу. Был объявлен перерыв.

Мы собрались в своей комнате, где обычно шла подготовка к очередным заседаниям. Анатолий Иванович Лукьянов, уже являясь депутатом Государственной Думы первого созыва, подробно рассказал нам об амнистии, подчеркнув, что у Думы фактически это был первый решительный шаг. Поэтому в сложившейся ситуации, в том числе и для оказания поддержки Думе нам целесообразно согласиться с амнистией. Начались выступления. Большинство высказалось за амнистию. Отмалчивались О. Бакланов и В. Стародубцев. Я чувствовал, что они, как и я, не согласны с амнистией. Учитывая, что дело все-таки склоняется к принятию амнистии, я попросил слово.

Понимая, что амнистия — это гуманный шаг, что такие решения бывают редко и ими надо дорожить, что принятие нами амнистии имеет обратную связь, т. е. мы тем самым поддержим наш новый законодательный орган, что на фоне трагедии, которая произошла в октябре 1993 года с Верховным Советом РФ, конечно, имеет для общества исключительное значение, понимая все это, я в то же время не мог согласиться с амнистией, так как ни в чем не виновен, как и все привлеченные к суду по делу ГКЧП. Именно поэтому нельзя соглашаться с амнистией. Кроме того, второе постановление, которое фактически идет в обмен на амнистию, ставит крест на работе парламентской комиссии, а она должна была разоблачить убийц — тех, кто отдавал приказы и

кто их исполнял, в результате чего погибли сотни ни в чем не повинных людей при штурме Дома Советов в октябре 1993 года. Но мои товарищи продолжали напирать на меня, аргументируя это тем, что, во-первых, все мы, проходящие по делу ГКЧП, невольно становимся в оппозицию к Государственной Думе, а это на руку только врагам; во-вторых, развязав руки с судебным делом, мы сможем сосредоточить свои усилия не только на разоблачении тех, кто расстрелял людей в октябре 1993 года, но и вообще на проблеме отката нашей страны от государственности, права и элементарного порядка в стране. Не скрою, второй довод прозвучал для меня неубедительно, так как наши возможности были ничтожны. В-третьих, мне напомнили мои же слова о том, что надо идти в деле ГКЧП единым фронтом, по принципу: один за всех и все за одного. А тут вдруг Варенников решил оторваться от коллектива.

Но я продолжал сопротивляться и пытался убедить своих друзей, что раз мы невиновны, соглашаться с амнистией нам нельзя. Наоборот, на судебном процессе надо показать, кто есть кто и кто в насильственном разломе Советского Союза сыграл главную роль. Ведь разоблачение разрушителей могло раскрыть глаза народу, помочь ему правильно оценить политическую обстановку в стране. Тогда один из моих товарищей обвинил меня в амбициозности, в том, что будто я претендую на особое положение, хочу выделиться. Тут я, конечно, взорвался и наговорил лишнего. Однако это обвинение заставило меня задуматься. Разумеется, пункт «а» 64-й статьи Уголовного кодекса РСФСР грозил тяжелым наказанием: от 10 до 15 лет строгого режима или расстрелом с конфискацией всего имущества. То есть мало того, что сам пострадаешь (пусть будет даже «наилучший» вариант — 10 лет, но это хуже, чем расстрел), так пострадает еще и семья — отберут всё, что нажито за многие десятилетия. Допустим, я не соглашусь и меня будут судить, но свидетелями, конечно, кроме других, будут выступать и все мои товарищи по делу ГКЧП. И, несмотря на амнистию, их тоже могут по ходу судебного разбирательства опять привлечь к уголовной ответственности. Ведь в стране установился беспредел и в судебном процессе можно было ожидать любых осложнений. К тому же мы хоть и прониклись уважением к составу суда, но полных гарантий, что он будет строго придерживаться закона, не было. А что подумают обо мне жены и дети моих товарищей? Конечно, амнистия подсудимым в условиях, когда над ними уже занесен меч, — это большой соблазн.

К сожалению, я тогда не знал тонкостей юриспруденции. Оказывается, закон предусматривает положение о том, что если

судебный процесс начался, а в ходе его объявлена амнистия, то суд обязан довести дело до конца и объявить приговор — обвинительный или оправдательный. Если приговор оправдательный, то освобождают всех — за отсутствием состава преступления. Если приговор обвинительный, то всех освобождают по амнистии, но подсудимые уходят на свободу с клеймом судимости.

Если бы я все это знал, то продолжал бы настаивать хотя бы на продолжении суда. Объявленная амнистия так или иначе освобождает подсудимого, хочет он этого или не хочет. Но это когда суд уже начался. А если судебное разбирательство еще не начиналось, то всех освобождают без суда. Если учесть, что суть проблемы не раскрыта (виновны — невиновны), то амнистию нельзя рассматривать как помилование.

Это стало мне известно гораздо позже, когда я уже пообщался с адвокатом Дмитрием Штейнбергом. Он все разложил мне по полочкам, но в тот момент спора в кругу товарищей многое мне было неясно. Опасаясь, что мои товарищи могут пострадать из-за моей позиции, я в итоге нашего часового спора сказал: «Хорошо, я вместе со всеми приму амнистию, но сделаю заявление, в котором свое согласие свяжу с определенными условиями». Товарищи со мной согласились.

После перерыва председательствующий суда стал всех опрашивать. Наступила и моя очередь. Я заявил: «Я не возражаю против амнистии, но я невиновен. Могу принять амнистию при условии возбуждения уголовного дела по факту развала Советского Союза». Мое устное заявление было принято. Далее опрашивали остальных. Все согласились.

В итоге 1 марта 1994 года было издано Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ, в котором говорилось, что уголовное дело в отношении всех привлеченных к ответственности по делу ГКЧП прекращено со ссылкой на Постановление Государственной Думы РФ об амнистии. При этом отменялась мера пресечения — подписка о невыезде, а также арест, наложенный на личное имущество.

Казалось бы, все обошлось без тяжелых осложнений, все должно нормализоваться, поэтому можно было бы и успокоиться. Но фактически на душе было тревожно. Я не чувствовал удовлетворения и все-таки надеялся на какие-то подвижки в отношении моего ходатайства. Но суд молчал.

И вдруг через несколько дней нам всем объявляют о том, что Генеральная прокуратура РФ внесла протест на определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 1994 года, по которому уголовное дело по ГКЧП прекращено. Президиум

Верховного Суда принял этот протест. Принял не потому, что Военная коллегия Верховного Суда неправомерно прекратила судебное разбирательство и закрыла дело о ГКЧП. Никакой здесь ошибки не было — решение высшего законодательного органа — Государственной Думы — должно быть выполнено. А коль оно вошло в противоречие с Уголовным кодексом, где сказано, что суд обязан довести разбирательство до конца при всех условиях (в том числе и при объявлении амнистии), то Президиум Верховного Суда принимает мудрое решение: отменяет Определение Военной коллегии от 1 марта 1994 года, а по делу о ГКЧП возбуждает новое судебное разбирательство.

Расчет был до гениальности прост: создается новый состав суда. Его председательствующий еще до начала судебных заседаний опрашивает персонально каждого из нас, проходящего по делу ГКЧП, об отношении к амнистии, все соглашаются, принимают амнистию, и суд, не начав следственных действий, закрывает дело. Это полностью соответствует правовым нормам. И все должны быть довольны. И волки сыты, и овцы целы. Однако не все получилось столь гладко. Поэтому я обязан принести извинения тем, чей замысел я нарушил.

Председательствующий нового состава суда генерал-майор Виктор Александрович Яськин начал приглашать каждого из нас в Верховный Суд. Сообщив, в связи с чем он нас пригласил, он предлагал согласиться с решением об амнистии и написать соответствующее заявление.

Я всесторонне обсудил ситуацию со своим старшим сыном Валерием (он жил в Москве), адвокатом Дмитрием Давыдовичем Штейнбергом и пришел к выводу, что просто обязан не принять амнистию. С таким предварительным решением, естественно, написав соответствующее заявление, я вместе с Валерием отправился в Верховный Суд. В. А. Яськин тоже был не один, так что разговор строился при свидетелях. Встреча у нас была ровная, разговор проходил спокойно, но внутренне обе стороны были напряжены.

После знакомства (мы раньше не встречались) Виктор Александрович подробно рассказал мне обо всех перипетиях нашего дела. Сообщил, что у него уже было 8 человек из 12 и все согласились с амнистией, оставив письменные заявления. Кто конкретно уже был и согласился — он не говорил. А я не спрашивал. Спокойно слушал, не задавая вопросов. Наконец наступил решающий момент.

— Вот теперь пришел и ваш черед, — сказал Яськин. — Я предлагаю и вам принять амнистию, как это сделали уже многие…

— К сожалению, я этого сделать не могу, — твердо ответил я.

Яськин вопросительно посмотрел на меня.

— Дело в том, что еще на первом суде при опросе подсудимых об отношении к амнистии я устно заявил, что могу принять амнистию при одном условии — если будет возбуждено уголовное дело по факту развала Советского Союза. Однако это учтено не было. Поэтому сейчас я категорически отказываюсь от амнистии и делаю письменное заявление.

При этом я вручил ему мою домашнюю заготовку.

Прочитав мое заявление, В. А. Яськин немного задумался, но затем продолжил беседу, стараясь убедить меня принять амнистию:

— И все-таки, Валентин Иванович, я хочу обратить ваше внимание на то, что в сложившейся обстановке целесообразно амнистию принять. Ведь процесс может затянуться и на год…

Тут он сделал паузу. Я молчу, тогда он, глядя мне в глаза, продолжил:

— И на полтора… и даже на два. А результат будет одинаковый…

— Ну, что ж, два так два. Будем судиться.

— Но ведь вам придется иметь все это время адвоката, а это большие деньги!

— Я откажусь от адвоката. Мне защита не нужна.

— Но по такого вида статьям, как 64-я, Уголовно-процессуальным кодексом предусматривается обязательное присутствие адвоката.

— В таком случае пусть государство назначает адвоката и оплачивает его труд, — парировал я.

— Государство этого делать не будет. Это никакими законами не предусмотрено.

— А я тем более не намерен этого делать. У меня нет средств.

— И все-таки считаю своим долгом сказать вам, что можно было бы еще подумать и затем объявить свое решение. Государство вам предлагает амнистию.

— Это хорошо продуманный и далеко не поспешный шаг. Решение это было принято несколько месяцев назад, а сейчас я только еще больше утвердился в правоте своих взглядов и своего решения.

— Так что — ни в какую?

— Да, я настаиваю на проведении суда. Амнистию принимать не намерен.

Уже обращаясь к сотруднику, который сидел рядом с ним (видно, тоже юрист), Виктор Александрович как бы попытался найти у него поддержку:

— Вот видите — Валентин Иванович амнистию принимать не хочет и настаивает, чтобы состоялся суд.

Коллега Яськина неопределенно поднял плечи, но в разговор не ввязался. Тогда Виктор Александрович заключил:

— Ну что ж, мы сделали всё, чтобы убедить вас в целесообразности принятия амнистии. Вы категорически отказываетесь и решили идти в суд. Это ваше право. Значит, быть по сему. Но если в ближайшие дни вдруг передумаете — мы можем все поправить.

Я заверил В. А. Яськина, что поправлять ничего не придется. Мы распрощались, но теперь уже в ожидании нашей встречи на суде. Весь путь к дому я обсуждал с сыном Валерием ситуацию. Он всячески поддерживал меня и считал, что это единственно правильное решение. Дома жена, как всегда, встала на мою сторону, но без энтузиазма — ее пугали сроки, да и финансирование тоже.

Решил никому из своих товарищей об этом пока не сообщать, чтобы не бередить их души, да и самому не расстраиваться. А вот адвокату позвонил сразу. Дмитрий Давыдович воспринял это весьма положительно, сказав, что он от меня другого решения и не ожидал и готов сражаться. Это вдохновляло. И вообще я почувствовал душевное облегчение.

Собравшись с мыслями и ориентировочно прикинув возможный вариант событий, я уже на второй день засел за работу и стал конкретно готовиться к предстоящему судебному процессу. Конечно, основная подготовка, как и раньше, проходила в стенах Военной коллегии Верховного Суда РФ, так как здесь можно было воспользоваться всеми необходимыми материалами, в том числе предварительного следствия, обвинительного заключения, показаниями В. А. Крючкова, Д. Т. Язова, О. С. Шенина, а также свидетелей, которые вызывались по их делу. Особое внимание я обратил на тексты своих собственных показаний и на ходатайства, которые я решил заявить до начала судебного разбирательства. Разумеется, центральное место занимало мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза.

Глава VIII
Второй суд. Один от имени всех

Новый состав суда. Все народные заседатели — действующие генералы. Председательствующий В. Яськин. Государственный обвинитель А. Данилов. Чувство ответственности не только за себя лично, но и за все дело ГКЧП. Поддержка народа. Зал суда переполнен. Ходатайство «О возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза». Суд признал ходатайство правомерным и вынес определение. Мои главные показания. Обострение отношений с судом. Свидетели и их допрос. Допрос свидетеля Горбачева. Речь государственного обвинителя А. Данилова — взрыв бомбы. Речь защитника Д. Штейнберга. Последнее слово подсудимого. Приговор оглашает председательствующий генерал В. Яськин. «Суд приговорил…» Но я оправдан. Всеобщее ликование. Победил закон.

21 июня 1994 года в 10 часов утра начался суд — для меня уже второй. Видно, основные сотрудники Военной коллегии дело ГКЧП хорошо изучали еще в ходе основного, т. е. первого процесса. Поэтому затяжек с началом процесса не было.

Председательствовал член Военной коллегии Верховного Суда генерал-майор В. А. Яськин. В роли народных заседателей были генерал-майор В. И. Подустов и контр-адмирал Н. Н. Юрасов, оба действующие офицеры. Разумеется, на них налагалась большая ответственность за судьбу дела, но в то же время они, как и любой человек, были далеко не безразличны к своей собственной судьбе. Ведь исполнительная власть, начиная с президента РФ Ельцина, ждала, что суд раздавит Варенникова, уличит его в самом тяжком преступлении, тем самым на ГКЧП будет выжжено клеймо позора. Если же суд вынесет другое решение, то его авторов будет ждать соответствующая участь.

В роли государственного обвинителя выступал полковник А. Б. Данилов, бывший в составе группы государственных обвинителей и на первом суде. Тогда за ним были закреплены подсудимые Язов и Варенников. Какие-то категорические выводы относительно Аркадия Борисовича Данилова мы с Дмитрием Тимофеевичем Язовым и адвокатами сделать тогда не могли — вел себя ровно, своими вопросами особо от других прокуроров не выделялся. Поэтому на первом суде и сейчас на втором он был

загадкой. Хотя я чувствовал в нем внутреннее благородство.

В день начала судебного процесса у здания Военной коллегии Верховного Суда РФ собралось огромное количество людей во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым. Они демонстрировали солидарность и искренне поддерживали меня. Эта акция, конечно, имела огромное значение для поднятия духа. Лозунги, плакаты, многочисленные обращения ко мне волновали и радовали. Я чувствовал и видел, как много у меня искренних сторонников и верных друзей.

Большой отряд милиции старался не допустить каких-либо эксцессов. Собравшиеся люди вели себя достойно, провокаций не было. Это тоже меня радовало. Когда я подошел к демонстрантам и завел с ними разговор, началось что-то неописуемое. Люди старались пожать мне руку, подбодрить, выразить свою солидарность. Я подробно рассказал им, что будет в суде, каких позиций придерживаюсь, и, естественно, тепло поблагодарил всех за поддержку.

В зале суда я появился за полчаса до начала заседания. Все места для гостей были уже полностью заняты. И здесь меня тоже тепло приветствовали. Удивительное дело — ведь начинается суд, а у меня праздничное настроение! Да и суд-то какой — обвинение по самой тяжелой статье в Уголовном кодексе, а у меня при взгляде на всех окружающих на душе легко и даже радостно. Конечно, я волновался и глубоко осознавал, что сейчас несу полную ответственность не только за себя лично, не только за всех двенадцать моих товарищей, привлеченных к суду по делу ГКЧП, но за принципиальную политическую оценку событий августа 1991 года и за свою личную офицерскую честь.

Сегодня, когда я пишу эти строки, уже 1 января 2000 года! Наступил Новый год, за ним грядет Новый век, новое тысячелетие, а у России будет Новый президент. Вчера, 31 декабря 1999 года, Ельцин отрекся от престола. Коггда он читал «свою» речь по бегущей строке, почти глядя в телекамеру, я вспоминал Брежнева в последний год его жизни. Тяжело больной, он и тогда по своим физическим и умственным функциям был несравненно выше Ельцина. Конечно, некорректно затрагивать эту сторону вопроса. Но поражаешься, как нагло нам врали, будто Ельцин чувствует себя хорошо (мол, небольшое недомогание, гриппок или ОРЗ верхних дыхательных путей, с кем не бывает), будто он напряженно работает с документами и т. п. А фактически он давным-давно уже был полный нуль! И правильно поступил Ю. М. Лужков, когда фактически первым из большого окружения президента принципиально поднял вопрос о дееспособности президента страны. Не каждый на это решится. У

меня с Юрием Михайловичем разные политические взгляды, но то, что он во имя Отечества выдвинул на первый план вопрос о смене президента, очень важно. Оппозиция в лице Г. А. Зюганова, Н.И.Рыжкова, В. А. Стародубцева, Г. И. Тихонова, С. Н. Бабурина, В.И. Илюхина, А. А. Сурикова (Алтай) и многих других давно говорит о неспособности Ельцина управлять страной. Но это — оппозиция. А сейчас то же говорят те, кто был вместе с Ельциным и привел его к власти. Это уже знаковое событие.

Естественно, на Западе засуетились, начала метаться и «семья» во главе с Березовским. В итоге родилось верное для них решение — Ельцину надо уходить именно сейчас: во-первых, накал во всех слоях российского общества, в связи с неспособностью руководить государством, достиг апогея; во-вторых, большое беспокойство по этому же поводу проявляют руководители ближнего и дальнего зарубежья; в-третьих, председатель правительства Владимир Владимирович Путин руководит правительством весьма умело; в-четвертых, смена президента именно сейчас может быть в пользу В. В. Путина, в чем заинтересован и Запад (об этом уже сказал Клинтон), и, в-пятых, к Новому году народу России, да и всему миру был сделан подарок. Действительно, возможно, закончится время хаоса, развала, грабежа, геноцида и унижения нации.

Вы помните, читатель, с каким трудом давалось Ельцину чтение своего новогоднего отречения? Казалось, что последние слова он уже не сможет выговорить. В то же время сколько пафоса в заявлениях приближенных Ельцина, да и в выступлениях многих глав государств Запада: «Это мужественный поступок!», «Это мудрое решение», «На такой шаг способен только Ельцин», «На протяжении всей своей деятельности он удивлял всех яркой мыслью, удивил он и сейчас». Такие, как Чубайс, вообще взахлеб перебрали все самые высокие эпитеты, прославляя Ельцина, а в заключение сказали, что нет таких слов, чтобы высказать свое восхищение Ельциным.

А что на самом деле? Как выглядят эта самая мудрость и мужество? На самом деле «семья» наконец-то его додавила: надо сдаваться, иначе мы все погибнем вместе с тобой; надо сдаваться, иначе пропало все наше богатство и во Франции, и в Германии, и в Штатах, да и здесь, в России; надо сдаваться, иначе капут всем нашим миллионным вкладам (может, миллиардным) во многих банках мира до Австралии включительно; надо сдаваться, иначе дети, внуки и вся родня, лишившись всего, что приобретено (в таких «муках» плюс, что пришлось при этом пережить), будут жить только на зарплату, как большинство народа; надо сдаваться, иначе все друзья-товарищи, с которыми мы творили

дела, тоже лишатся всего нажитого «трудом» и тогда даже они не смогут помочь. А сейчас преемник может нас защитить от закона и прокурора (если его назначат), и все может стабилизироваться на века.

Уверен, что события развивались по такой схеме.

Уверен также и в другом: Ельцин лично не только не сделал обдуманного шага, но и сейчас не понял, что же произошло. Маловероятно, что он осознает это и в ближайшее время. Ну, а если вдруг осознает (не дай Бог!), то, конечно, потребует отдать власть обратно! Скажет, например, что пошутил или помощнички подсунули под Новый год. А вы сами знаете, что порядочные люди уже в это время гуляют, веселятся… Потребует и все! В самом деликатном положении окажется Владимир Владимирович. Что ему в этом случае делать? Ведь он поставлен на правительство Ельциным. Он предречен и благословлен на пост и. о. президента тоже Ельциным. Что делать, если у Ельцина начнутся «пробуждения»? Нам остается только молиться, чтобы до выборов нового президента он не делал никаких движений, потому что любое его действие или слово этим Конституционным Судом будет признано правомерным и всё будет обосновано.

В свое время Горбачев и Ельцин со страха держали нас, поправ все законы, полтора года в тюрьме.

Вместе с амнистией все концы упрятали в воду. Однако неожиданно возник судебный процесс над Варенниковым, и у властей, начиная с Ельцина, не было никаких сомнений, что суд врежет Варенникову под самую завязку.

И вот этот суд начался…

Все заняли свои места. Раздается уже знакомая команда коменданта: «Прошу встать. Суд идет!» Все стоя встречают высокий суд во главе с В. А. Яськиным. Заседание начинается с обычной проверки явки подсудимого, свидетеля, затем устанавливается личность подсудимого, объявляется состав суда и разъяснены права отвода. Мне также разъясняются мои права. Затем приступили к заявлениям и разрешению моих ходатайств. Не буду умалчивать — ходатайств было много. Поэтому на их разбирательство ушло несколько дней. Но из всех выделено главное — мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Это был настоящий взрыв бомбы.

Привожу текст этого небольшого, но весьма знаменательного ходатайства:

«Военная коллегия Верховного Суда РФ
От Варенникова В. И.

Ходатайство

17 марта 1991 года в итоге всесоюзного референдума наш народ выразил свою волю сохранить Союз Советских Социалистических Республик. И хотя все годы «перестройки» подводили нашу страну к все более тяжелому политическому и социально-экономическому кризису, люди надеялись, что их воля будет реализована.

Однако, вопреки всенародному волеизъявлению, бывший Президент СССР Горбачев М. С. и еще несколько лиц приняли решение о подписании нового Союзного договора, который исключал из состава СССР ряд республик и фактически уже разваливал Союз. Подготовленный в Ново-Огареве проект договора на обсуждение Верховного Совета СССР не выносился и не утверждался, следовательно, он не имел юридической силы.

Считаю, что в этих и других действиях имеются признаки преступного деяния. А наступившие вслед за этим тяжелые последствия продолжают усугубляться и сейчас пагубно сказываются на жизни нашего народа.

На основании изложенного и существующего законодательства прошу Суд возбудить уголовное дело по факту развала Советского Союза и виновных лиц в этой трагедии привлечь к уголовной ответственности.

Необходимо, наконец, открыто и гласно разобрать все то, что произошло с нашей страной, назвать причины трагедии и виновных, дать факту ликвидации Великой Державы объективную правовую оценку.

Молчание дальше продолжаться не должно. Надо положить конец утаиванию правды от людей. И народ России, и народы Мира должны знать, почему развалили Советский Союз и кто это сделал.

Выяснение в судебном заседании истины и одновременное принятие парламентом страны законов, не позволяющих повторения нарушения воли, прав и свобод народа, пресечение разгула преступности и беспредела — залог стабилизации обстановки и целостности России, основа начала выхода страны из кризиса и возрождения нашего Отечества. В этом каждый нормальный человек видит сегодня спасение.

Убежден, что объективное судебное разбирательство этого самого важного и самого тяжелого вопроса для

нашего народа высоко поднимет авторитет правосудия России.

В. И. Варенников».

21 июня 1994 г.

Но еще больший резонанс имело рассмотрение моего ход атайства судом. Суд признал его правомерным и вынес на этот счет специальное Определение, в которое были включены и некоторые другие вопросы, в том числе вопрос о Р. Нишанове и о ходатайстве потерпевших Л. Комаре и А.Усове. Вот этот документ:

«Определение

21 июня 1994 года

г. Москва

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего — Яськина В. А.,

народных заседателей — Подустова В. И., ЮрасоваН. Н.

в судебном заседании по уголовному делу в отношении Варенникова В. И.

установила:

В подготовительной части судебного разбирательства заявлены ходатайства:

— подсудимым Варенниковым В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. Н. за нарушение установленного порядка дачи Президиумом Верховного Совета СССР согласия на лишение Варенникова В. И. депутатской неприкосновенности:

— защитником-адвокатом Штейнбергом Д. Д. о вызове в качестве свидетеля Нишанова Р. Н. и о назначении военно-технической экспертизы для решения вопроса, был ли причинен ущерб обороноспособности страны в результате действий, инкриминируемых Варенникову В. И.;

— потерпевшими Комарь Л. А. и Усовым А. А. о возмещении им морального вреда, связанного с гибелью их сыновей.

Обсудив заявленные ходатайства, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Заявление Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел подлежит направлению на основании ст. 109 УПК РСФСР в Генеральную прокуратуру в связи с тем, что, согласно ст. 256 УПК РСФСР, суд вправе возбудить уголовное дело в отношении лиц, не привлеченных к уголовной ответственности, лишь тогда, когда установлены обстоятельства, указывающие на совершение этими лицами преступления.

Эти обстоятельства судом не установлены и не являются предметом исследования, поскольку в соответствии со ст. 254 УПК РСФСР разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду.

Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы не подлежит удовлетворению на этой стадии судебного разбирательства, так как в деле имеется заключение

соответствующих экспертов, выводы которых еще не исследованы судом.

Ходатайство потерпевших о возмещении морального вреда не подлежит рассмотрению в суде, поскольку основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предусмотревшие возмещение морального вреда, вступили в законную силу с 1 января 1992 года. События же, с которыми потерпевшие связывают причинение морального вреда, произошли 20 августа 1991 года, то есть когда правовых оснований для его возмещения еще не имелось.

Ходатайство защитника о вызове Нишанова Р. Н. в качестве свидетеля подлежит удовлетворению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 29, 109, 261 и 276 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации

определила:

1. Вызвать на судебное заседание свидетеля Нишанова Р.Н.

2. Заявление подсудимого Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. И. направить в Генеральную прокуратуру Российской Федерации по подследственности.

3. Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы оставить без удовлетворения.

4. В удовлетворении ходатайства потерпевших Комарь Л.А. и Усова А. А. отказать.

Председательствующий по делу
В. А. Яськин.
Народные заседатели
В. И. Подустов, Н. Н. Юрасов».

Надо отметить, что в моих ходатайствах о вызове свидетелей судом многое было удовлетворено, но все-таки не все. Однако главное было решено — вызов в качестве свидетеля Горбачева фигурировал не только в моем ходатайстве, но и в просьбе государственного обвинителя, а также в решении самого суда. Среди свидетелей, кроме Горбачева, оказалось много крупных военных, политических фигур и государственных деятелей. Но были и рядовые работники, которых я раньше не знал и к которым не имел никакого отношения. По сей день не могу понять, по каким мотивам они были включены судом в список свидетелей, хотя я официально заявлял категорические возражения.

В период разбирательства моих ходатайств произошло интересное событие. Был обеденный перерыв. Я сидел в

отведенной мне комнате и готовился к заседанию суда. Вдруг вбегает офицер — работник суда — и сообщает: приехал В. Жириновский со всей своей думской фракцией, и сейчас они сосредотачиваются внизу, в вестибюле. Я тут же представил, что может произойти, если этот «отряд» появится и в без того переполненном зале заседания. Поэтому быстро спустился вниз, чтобы перехватить его, там встретился и поприветствовал Владимира Вольфовича, а также его ближайших соратников. Поблагодарил за проявленную солидарность, предложил высказаться прямо здесь, в просторном вестибюле, не поднимаясь наверх. Предложение было принято, и начался импровизированный митинг. В основном говорили двое — В. В. Жириновский и я. Он делал акцент на том, что исполнительная власть допускает произвол и поэтому ЛДПР еще в 1991 году выступала у стен Матросской Тишины против таких действий. Сейчас вся его партия поддерживает меня за принципиальную позицию. В свою очередь я рассказал, чем вызван мой поступок, какие цели я преследую, в какой стадии находится судебное разбирательство, какая в целом обстановка. Естественно, искренне поблагодарил всех присутствующих за то, что они нашли возможность приехать в Верховный Суд.

Не скрою, эта поддержка для меня много значила — все-таки приехала вся фракция. Хотя я, конечно, понимал, что руководство фракции преследует исключительно свои цели. Но это их дело. Кстати, когда шел митинг, в коридоре, который идет от столовой, появился наш судья. Увидев эту картину (а такого, я уверен, никогда не бывало в истории Верховного Суда), он схватился за голову и, развернувшись, быстро пошел обратно. Митинговали не более 20–25 минут. Мы расстались, пожав друг другу руки.

Завершив все подготовительные действия, разобрав все заявления и ходатайства сторон, суд приступил к главному — к судебному следствию.

Было оглашено обвинительное заключение. Председательствующий спросил меня, понятно ли предъявленное обвинение. Я ответил, что существо обвинения совершенно непонятно, все надумано и ложно. Я заявил, что не считал и не считаю себя виновным. Суд никак не отреагировал, однако протокольно мое заявление было зафиксировано.

Затем был обсужден вопрос о порядке проведения допросов. Я сказал, что меня устраивает любой вариант, который будет предложен судом.

Наконец, председательствующий предоставил мне слово для дачи показаний. В книге я привожу их текст в сокращенном варианте, но сохранив суть каждого вопроса. Мое выступление

заняло два дня. В речь на первом суде я внес изменения, но незначительные — глубже дал причинно-следственные связи событий августа 1991 года с тем, что происходило до этого (т. е. фактически дал обоснование августовским событиям), а также резче поставил вопросы, связанные с нарушениями закона, которые допускались органами государственной власти.

Но, прежде чем познакомить читателя с моей речью на процессе, замечу, что суд проходил на фоне весьма памятных, а иногда и странных событий. Так, в Белоруссии приняли конституцию, согласно которой в стране вводится пост президента. Глава Грузии Шеварднадзе обратился к президенту США Клинтону с просьбой содействовать направлению войск ООН в Грузию для стабилизации обстановки. Государственная Дума Федерального Собрания РФ принимает постановление «О политическом урегулировании отношений власти с органами власти Чеченской Республики». Совет Федерации Федерального Собрания крайне низко оценил доклад председателя правительства Черномырдина по вопросу выхода страны из кризиса, в том числе по разрешению кризиса платежеспособности в экономике РФ. Было отмечено, что у правительства в этой области нет никакой программы. Черномырдину даны соответствующие поручения (странно было слышать, что Черномырдин проявил полную беспомощность — как же он мог руководить правительством?).

Ельцин поручает правительству провести с Чечней необходимые консультации и в итоге подготовить проект договора с Чеченской Республикой. Но, к всеобщему удивлению, это поручено Шахраю, который уже к этому времени многое загубил, а Дудаев объявил его «врагом чеченского народа» (как и следовало ожидать, через месяц Шахрая вообще убирают с поста министра национальностей).

Президент Ельцин представляет Совету Федерации Федерального Собрания РФ кандидатуру Ильюшенко на пост Генерального прокурора России. Но всем известны его махинации и преступные действия. Поэтому, несмотря на многократные его представления, Совет Федерации проявил твердость и не утвердил Ильюшенко (через два года его посадили).

Наконец, необходимо отметить еще один факт. По мере продвижения ельцинских «реформ» все острее становилось недовольство широких масс властью и все ярче выражалась поляризация общества. Поэтому, чтобы отвлечь народ от острых социальных проблем, связанных с постоянными невыплатами заработной платы, пенсий, пособий, стипендий, а также безработицей, огромным количеством беженцев и т. д., Ельцин

призвал все партии и движения подписать Договор об общественном согласии. Фактически договор был фиговым листком и никакой стабильности в обществе не достиг. Обстановка в стране продолжала ухудшаться, и это тоже подтверждало правоту членов ГКЧП и их соратников, которые стремились не допустить развала и кризиса в стране.

Конечно, все это благотворно влияло на дух, который царил в зале заседания суда.

Итак, мои показания на суде:

Уважаемый Председательствующий!
Уважаемый Суд!

Общественные и социальные явления нашей жизни могут быть — и я в этом уверен — осмыслены объективно лишь при условии диалектического подхода к их познанию. То есть к познанию явлений действительности в их взаимосвязи, развитии и движении.

Поэтому невозможно правильно понять события августа 1991 г. в отрыве от процессов, которые происходили в нашем государстве задолго до тех тяжелых дней. А это пыталась сделать Генеральная прокуратура РФ на предварительном следствии. В свое время я был одним из тех, кто подписал известный документ под названием «Слово к народу». Это обращение начиналось следующей фразой: «Случилось огромное, небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данные нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии».

Этим была выражена боль за судьбу Отечества и народа. И это обращение во многом предопределило мое участие в августовских событиях 1991 г.

«Слово к народу» по существу отражало мои идеалы и принципы, формировавшиеся на протяжении всей моей сознательной жизни.

Своим принципам и идеалам я остался верен и поныне. Изменять их не намерен, независимо, какой приговор суд мне вынесет.

И как бы ни изощрялись прислужники от закона в лице Степанкова, обвиняющие нас в боязни «разбора конкретных фактов», ничего у них не получилось и не получится. Историческая правота за нами! Что касается разбора фактов, то здесь, в суде, я буду давать те же показания, какие я давал и на стадии предварительного расследования. Я ничего в показаниях не менял на всех этапах и менять не собираюсь. Я готов их

повторить многократно, если это будет действительно способствовать установлению истины по делу.

Моя жизненная позиция формировалась не в кабинетах власти, где пребывают наши политические оппоненты, а в боях и сражениях за честь и независимость нашей Родины в условиях, когда преданность Отечеству, патриотизм, верность своему народу, своему долгу являлись главными критериями человеческой порядочности и ценности.

Мои показания будут состоять из двух частей.

Первая часть посвящена только одной проблеме — изложению в хронологической последовательности всех фактов, имевших место в августе 1991 года, их оценке, а также доказательству абсурдности предъявленных мне и ГКЧП в целом обвинений. Вторая часть — мои идеалы, оценки событий августа 1991 года и нарушения законности и прав человека.

Приступаю к изложению первой части.

Сегодня уже ни для кого не является секретом, что августовские 1991 года события не могли возникнуть спонтанно. Страна за годы так называемой перестройки была доведена до всеобщего развала. Поэтому появление органа, противодействующего этому развалу, стало исторически и политически неизбежным. Именно этим следует объяснить образование Государственного комитета по чрезвычайному положению и его выступление за Конституцию, за сохранение Союза, за стабилизацию положения в стране, за наведение порядка в государстве, против обнищания народа и разграбления государства.

Появление и выступление ГКЧП — это объективная необходимость, и уже только поэтому оно — такое выступление — законно, как и Комитет, который явился органом этого выступления.

Известные политические фигуры стараются лиц, проходящих по делу ГКЧП, представить в глазах общественности злоумышленниками, которые якобы замышляли захватить власть, создать для всего народа ГУЛАГи. Они заявляют, что, мол, подсудимые боятся суда, боятся разоблачений.

Но мне, как и другим, нечего бояться! Наоборот, боятся те, кто ждет возмездия. Я же, привлеченный незаконно по делу ГКЧП, заинтересован, чтобы Суд установил истину и чтобы народ узнал всю правду, в том числе — кто виновен в развале нашей великой страны.

Свои показания я намерен построить следующим образом.

Вначале дать полные показания по факту происшедших событий в августе 1991 года (этому и будет посвящено мое

выступление сегодня).

В последующем — дать показания по причинам и мотивам, побудившим меня к действиям в августе 1991 года, и, наконец, о своих принципах, мировоззрении и правовой и политической оценке августовских событий 1991 года, о противозаконных действиях против меня Генеральной прокуратуры СССР и РФ.

Показания по факту событий

Изложенные в обвинительном заключении доводы о моей виновности в совершении преступления, предусмотренного статей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, с моей точки зрения, являются несостоятельными, надуманными, никакими доказательствами не подтвержденными.

Отдельные части обвинения наполнены просто ложным содержанием, в чем легко убедиться.

Многие положения обвинительного заключения, как я уже говорил, мне непонятны или совершенно не имеют ко мне отношения.

Считаю необходимым особо подчеркнуть: в моих действиях нет никакого состава преступления, а потому виновным себя, конечно, я не признавал и не признаю.

Однако мое душевное и нравственное состояние угнетено, как у любого гражданина Советского Союза, кому дорого Отечество. Угнетено тем, что я не смог сделать все необходимое для сохранения единства нашей державы, не предотвратил катастрофу, не пресек гнусные действия предателей — архитекторов и прорабов перестройки.

Еще раз прошу, уважаемый Суд, обратить внимание на то, что принципы и суть показаний, которых я придерживался со дня моего ареста, постоянно выдерживались на всей стадии предварительного следствия. Я ни в чем не каялся в прошлом, не намерен делать это сейчас. Более того, я готов доказать беззаконие, допущенное должностными лицами по моему делу.

Показания по факту событий буду строить в хронологической последовательности с 16-го по 20-е августа 1991 года, а также с учетом места действий, согласуя все это с предъявленным обвинением.

Итак:

1. 16 августа. Москва.

Том 4 л.д. 154 Обвинительного заключения. Записано: «16.8.91 года Язов к участию в заговоре привлек своего (подчеркиваю) заместителя Варенникова, посвятив его в планы: 1) срыва подписания Союзного договора и 2) введения чрезвычайного положения.

На него (т. е. Варенникова) как на Главкома СВ планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения» (конец цитаты).

Сразу хочу заявить, что это ложное, бездоказательное обвинение! Теперь по сути.

Во-первых, авторам Обвинительного заключения должно быть известно, что я — не заместитель Язова, а заместитель министра обороны СССР. И это принципиально.

Во-вторых, мне совершенно непонятно, в какие планы Дмитрий Тимофеевич Язов мог посвятить, если ни плана срыва подписания Союзного договора, ни плана введения чрезвычайного положения (ЧП) не существовало.

В-третьих, мне непонятно: кто, где, когда планировал и мог ли планировать возложение на меня обязанностей по непосредственному обеспечению режима ЧП? И в деле это нигде не проходит.

Действительно, 16 августа 1991 г. у нас с министром обороны состоялся разговор, в ходе которого оценивалась социально-политическая обстановка в стране. Встречи с министром обороны были частыми, в том числе и по таким вопросам. Поэтому и эта встреча не была какой-то особенной. Что касается затронутых вопросов и почему он своими взглядами поделился именно со мной, то могу отметить:

— во-первых, все оценки ничего нового для меня совершенно не давали, я только лишний раз убедился, что и Язов также озабочен состоянием дел в стране, как, впрочем, все нормальные, честные люди, для которых интересы своего народа превыше всего;

— во-вторых, избрал он меня для изложения своих мыслей потому, что знал мое крайне отрицательное отношение к возникновению любых конфликтов, которые имели место у нас в стране и которые, к сожалению, не находили своего разрешения;

— в-третьих, зная мой объем работы, большую загруженность, министр обороны заблаговременно ориентировал меня о возможном появлении новых задач, чтобы я мог предусмотреть их в своих планах. Он предупредил меня: не исключено, что в некоторых районах страны в целях стабилизации обстановки может быть применен на практике Закон «О правовом режиме чрезвычайного положения». И в этом случае я должен быть готов отправиться в Киев и обеспечить вместе с республиканскими и областными органами спокойствие и порядок в оперативных границах Киевского, Прикарпатского и Одесского военных округов. Тем более что у меня там были и свои служебные дела (в это же время, т. е. в августе, продолжали

рассматриваться вопросы по выводу наших войск с территории стран Восточной Европы, в т. ч. в эти военные округа).

Все это тоже для меня не было чем-то необыкновенным и неожиданным. Мы фактически уже жили в чрезвычайной обстановке, о чем официально говорил в своих документах Верховный Совет СССР в 1990 году: тяжелейшие события на Кавказе, в Приднестровье, Прибалтике и Средней Азии. Во многих событиях приходилось мне принимать личное участие и с болью наблюдать, как разваливается государственность, народное хозяйство, страдают люди.

16.8.90 г. на нашей встрече Язов, акцентируя мое внимание на тяжелой обстановке в стране, говорил о том, что надо помогать народу!

О тяжелой обстановке и возможном введении чрезвычайного положения говорил и свидетель Горбачев в обвинительном заключении. Цитирую: «… все это открыто звучало (т. е. необходимость введения ЧП)… в декабре 1990 г. на Верховном Совете, когда давали мне особые полномочия. Одни говорили дать их, другие — зачем давать, когда он их не использует. Надо ввести президентское правление в Литве, Латвии. Это же открытым текстом шло» (конец цитаты).

Поэтому обстановка в стране для меня была предельно ясной. И то, что она требовала немедленных адекватных мер по пресечению губительных для государства и народа сепаратистских тенденций — мне тоже было ясно. И я сам открыто об этом говорил.

Таким образом, и до 16.8 у меня, как и у каждого советского человека, было очень тревожно на душе за судьбу Отечества. Думаю, что мои мысли — это отражение переживаний основной части нашего народа. Я хорошо знал наш народ и особенно настроение личного состава войск, офицерского корпуса, их семей, потому что был постоянно среди людей по долгу службы и депутатским обязанностям.

Мои мысли совпадали и с теми высказываниями, которые делались подавляющим большинством руководства страны, республик и областей.

Лишь Горбачев и еще два-три человека говорили, что в стране, так сказать, идет нормальный процесс демократического развития. До какой же степени цинизма и политической безответственности нужно дойти, чтобы резкое падение уровня жизни народа называть нормальным процессом! Кстати, мое личное восприятие складывающейся обстановки обусловлено было еще и тем, что ежемесячно получал аналитическую информацию о разрушительном спаде производства и небывалом

падении уровня жизни.

К сожалению, эта информация подтверждалась, а прогнозы оправдывались. Учитывая тяжелую ситуацию в Вооруженных Силах и в военно-промышленном комплексе (имеются в виду уродливые формы конверсии), военные настояли, и 18.10.89 г. Горбачев провел Главный Военный совет. Ему доложили о критической ситуации. Он заявил, что все сказанное — правильно! Будем поправлять и, чтобы действовать оперативно, будем встречаться не менее двух раз в год. А фактически? Никаких мер и ни одной встречи! Стало еще хуже, о чем я ему, Горбачеву, как и другие, высказал 18 августа 91 года в Крыму, т. е. через два года.

На встрече же 16 августа у министра обороны Д. Т. Язова ни одного слова не было сказано в отношении Союзного договора. И хотя в газетах уже был опубликован проект этого договора, и офицеры уже с возмущением у меня спрашивали, что это значит, почему проект договора не отражает результаты референдума, я Дмитрию Тимофеевичу на встрече не задал по этому поводу ни одного вопроса, а он совершенно не комментировал этот документ. Почему? Да потому, что мы уже привыкли, извините, к выходкам Горбачева.

В Обвинительном заключении (т. 1, л. д. 2) сделана потрясающая запись: «Результаты проведенного в марте 1991 г. референдума, восстановление государственности республик, реализация права на самоопределение потребовали разработки концепции нового договора — о союзе суверенных государств с существенным изменением соотношения функций центральной и республиканских властей». Ну, не фальсификация ли это референдума?

Ведь результаты референдума говорили о другом: 1)сохранить Союз, а не разваливать его; 2) пользоваться существующим Союзным договором, а не создавать новый; 3) выполнять существующую Конституцию, и если жизнь требует, то вносить в нее изменения и параллельно готовить новую; 4) если какая-то республика хочет выйти из состава Союза, то делать это на основе принятого съездом народных депутатов закона, который предусматривает на этот процесс пять лет.

А в обвинительном заключении фактически делается попытка в угоду лицам власти изобразить политическую ситуацию в стране такой, какая их устраивает. Поэтому и объявили членов ГКЧП преступниками и незаконно посадили их под стражу.

Изложенные в Обвинительном заключении утверждения о том, что Язов 16.8. привлек к участию в заговоре Варенникова, посвятив его в планы срыва подписания Союзного договора —

плод фантазии Генеральной прокуратуры, задавшейся целью не вскрыть истину, а обязательно обвинить, прибегая к любым методам. Ведь все это ничем не подтверждается. Ни в какие планы Язов меня не посвящал, никаких планов в природе не было. А следовательно, и не мог Язов втянуть меня в какой-то заговор. Это абсурд.

Что касается возможного введения чрезвычайного положения в отдельных районах страны и некоторых отраслях народного хозяйства — да, об этом разговор шел! Но плана ввода ЧП не было, и поэтому министр обороны не мог меня в него вводить. Однако необходимо заметить, что существует Закон «О правовом режиме ЧП». Разумеется, обсуждение возможных действий, по закону, не может рассматриваться как преступление. Мало того, ведь это не было новостью. Много раз говорили и даже вводили чрезвычайное положение, когда не было и закона (например, в Баку). Никакого тут заговора! Разговор открытый, откровенный.

Отвожу также домыслы следствия о том, что на меня как на Главкома СВ якобы «планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения» (надо понимать, в стране в целом).

Совершенно это не планировалось. Откуда это все взялось? Совершенно непонятно!

Это опять очередная ложь, ничем даже слегка не подкрепленная.

Во-первых, в Законе «О правовом режиме по ЧП» первостепенное значение отводится правоохранительным органам, а не Вооруженным Силам; во-вторых, мне эту обязанность нигде, никогда и никто не поручал, никто не говорил, что это планируется, и даже не намекал, что я буду за это отвечать; в-третьих, нигде в деле не проходит, что планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима ЧП на Варенникова; в-четвертых, если бы это планировалось именно так, как думает (точнее, как хочет) следствие, то меня бы не послали в Киев и не оторвали бы от Москвы, где было введено чрезвычайное положение, не оторвали бы от моего основного органа управления — Главного штаба Сухопутных войск. Я же поехал в Киев, как и другие заместители МО и Главкома, — в Ленинград, Ригу, Тбилиси, Каунас, Ташкент.

В конце концов, во время этой встречи 16.8 в кабинете министра обороны было трое: Язов, Ачалов и Варенников. И о чем там говорилось, известно только этим лицам. На кого еще может ссылаться следствие и делать такие странные выводы — совершенно непонятно! Если же имеется в виду, что, мол, кто-то из этих троих уже с кем-то об этом говорил, то в деле это не

отмечено.

Однако я хочу сказать, что если бы мне было поручено отвечать за режим чрезвычайного положения в стране, то я, несомненно, с этой бы задачей полностью справился и никакой деформации в стране не допустил. Возможно, это имели в виду авторы Обвинительного заключения?!

Итак, обвинения, выдвинутые против меня по деяниям 16.8, — безосновательны, и я их отвергаю как недоказанные.

II. 17 августа — объект АБЦ. Москва

В Обвинительном заключении записано (том 4, л.д. 154): «Варенников совместно с другими участниками заговора (перечисляются), окончательно согласовав совместные действия по захвату власти, определили дату выступления 18 августа» (конец цитаты). И далее описывается, каким путем будет осуществлен захват власти. Обращаю внимание на слово «окончательно» — вроде до этого уже было многократное согласование, в том числе в принципе, а теперь вот, 17 августа, окончательно.

Констатируется, что Варенников, как и другие, знал, что до начала разговора у Горбачева будут отключены все виды связи, а при отказе выполнить требования — президент будет изолирован.

Заявляю, что 17 августа во время встречи на объекте КГБ АБЦ в моем присутствии рассматривались только две проблемы: первая — оценка обстановки в стране и вторая — что делать?

При этом:

1) никаких разговоров об изоляции президента, усилении его охраны, отключении у него связи и тем более лишении его власти и т. д. не было. Уверен, что все участники этой встречи подтвердят это;

2) никакого согласования совместных действий по захвату власти, т. е. разработки плана таких действий, не было. И вообще в природе нет такого плана, и само дело подтверждает, что его не было;

3) никто на встрече не говорил о какой-нибудь власти вообще и тем более о ее захвате, о перераспределении властных структур. Власть была в руках у каждого из нас;

4) никто не определял и дату выступления — 18 августа.

Эту дату (18 августа) никто и никогда не упоминал как «дату выступления». Перед нами — очередной вымысел следствия. Более того, сама терминология — «дата выступления» — мне лично чужда. А придумана она следствием, вероятно, для того, чтобы придать своим бездоказательным оценкам характер чрезвычайной опасности.

Прошу обратить внимание, что в материалах уголовного дела нельзя найти ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что на 18 августа 1991 года было запланировано так называемое «выступление».

Уже даже это как нельзя лучше характеризует уровень и «объективность» предварительного следствия. Налицо аргумент с обвинительным уклоном, и, по существу, на меня возлагают (т. е. на обвиняемого) задачу доказывать обратное.

Как известно, такие следственные приемы действующим законодательством запрещены! Разве эти запреты не распространяются на Генеральную прокуратуру РФ?

В этих условиях я вправе надеяться, что по результатам судебного разбирательства к виновным в применении незаконных методов следствия будут приняты необходимые меры.

О том, что не было никакого заговора с целью захвата власти, говорят все участники этой встречи: Язов, Крючков, Павлов, Бакланов, Шенин, Болдин, Грушко, Ачалов, Варенников.

Если говорить об отключении связи и обсуждении этого вопроса 17 августа на АБЦ, то в Обвинительном заключении (том 1, л. д. 64) записано: «Затем, будучи уличенным конкретными доказательствами на последующих допросах, он, Крючков, дал следующие показания:

«Вопрос об отключении связи в резиденции в Форосе был решен 17 августа 91 г. на встрече на объекте АБЦ. Поручение на этот счет было дано Агееву и Беде» (конец цитаты).

Во-первых, мне лично непонятно, какими такими конкретными доказательствами был уличен Крючков? Где ссылки на эти доказательства? Во-вторых, что это за понятие — «конкретные доказательства»? Разве доказательства бывают и неконкретные? В-третьих, фактически ни Беда, ни Агеев, ни Плеханов на совещании на АБЦ 17.8 не были. А говорить о том, что было решено на совещании, а затем были отданы им, этим лицам, необходимые распоряжения, — тоже нельзя, т. к. Беда еще днем 17.8 уже сформировал группу из пяти человек (плюс требовалось время на вызов Беды из отпуска). Встреча же на АБЦ проходила вечером, т. е. после создания этой группы.

Коль не было никакого разговора об изоляции, об отключении связи, то, следовательно, и Варенников не мог знать заранее ни об изоляции, ни об отключении связи. Это все домыслы Генпрокуратуры. Вместо объективной оценки фактических обстоятельств следствие упрямо придерживается опубликованной в печати своей версии (хотя такие действия — публикации версий до суда — нарушение закона).

А что же было 17.8 на АБЦ? Сделаю небольшое отступление.

В обвинительном заключении (том 1, л. д. 3) записано:

> «Не добившись изменений государственной политики парламентским, законным путем, стремясь сорвать подписание нового Союзного договора, ввести в стране чрезвычайное положение, сохранить в неприкосновенности союзные структуры, группа лиц (перечисляются) встала на путь организации заговора с целью захвата власти» (конец цитаты).

Это очередной кульбит прокуратуры. Цель — прикрыть свои противозаконные действия в отношении арестованных. Фактически же надо события понимать иначе, т. е. именно так, какими они были на самом деле, а именно: не добившись парламентским путем выполнения требований референдума, проведенного в стране в марте 1991 года о сохранении Союза, и отмечая реальную угрозу развала СССР, группа основных руководителей государства, близких к президенту, решила выступить в защиту Союза, не допустить его разрушения. Совершенно не ставился вопрос о захвате власти. Власти у всех было достаточно, так же, как и реальной силы.

На АБЦ 17.8 беседу, на мой взгляд, можно условно систематизировать по пяти вопросам: 1) социально-политическая обстановка в стране — информацию делал Крючков В. А.; 2) состояние экономики, финансов и уборка урожая — информировал Павлов В. С.; 3) проект Союзного договора — сообщение Крючкова и Павлова; 4) состояние подготовленных документов — офицеры КГБ; 5) создание группы для поездки в Крым.

То есть первые четыре вопроса носили информационный характер, а пятый — организационно-технический.

По ходу информации присутствующие на встрече реагировали репликами. Выслушивая сообщение о тяжелой обстановке в стране, кое-кто вносил предложения о необходимости немедленно звонить президенту. Но окончательно решили, что надо не звонить, а ехать группе и все ему докладывать. Одновременно договорились, что надо Горбачева просить о принятии адекватных мер, т. е. о введении в некоторых районах и отраслях народного хозяйства страны чрезвычайного положения. Если же он пожелает остаться в тени и не захочет быть участником этих непопулярных, но необходимых мер, то мог бы поручить это другому, например, вице-президенту или еще кому-либо (в марте 1991 года, когда было ЧП в Москве, он поручал это Павлову).

О чем говорилось в информационных сообщениях Крючкова и

Павлова? Крючков отметил резкое ухудшение социальной и политической ситуации. Управление страной утрачено — идет «война законов»; хаос в экономике, центробежные силы разрушили все связи; жизненный уровень народа падает, а наши меры в отношении экономики в основном ограничиваются обращениями за помощью к Западу; преступность не просто растет, но и политизируется; расширяются межнациональные конфликты, тысячи убитых и миллионы беженцев; начатая по инициативе Горбачева перестройка зашла в тупик.

Павлов в своем выступлении опирался на примеры, которые были подняты на только что проведенном заседании президиума Кабинета министров. Подчеркнул, что инфляция приобрела очень тяжелые формы. Говорил о больших трудностях с уборкой урожая, просил военных помочь.

Крючков и Павлов говорили о проекте Союзного договора. Но и без их информации было видно, что с его подписанием узаконивается выпадение из нашего Союза ряда республик (в том числе Прибалтики, на чем настаивали постоянно США). Павлов заметил, что если нет другого выхода и договор надо подписывать, хотя он совершенно не отражает результатов общесоюзного референдума, то хотя бы вместе с договором подписали бы приложения и дополнения, которые делает Кабинет министров.

Говорилось о том, что Лукьянов А. И. критически отнесся к проекту договора.

Таким образом, это был деловой разговор ответственных людей, близких к президенту, озабоченных тяжелейшей обстановкой и желавших найти выход из этого положения. Все время звучала мысль: наша святая обязанность помочь народу и максимально подключить к этому президента. И близко не было разговора о каком-то захвате власти. Наоборот, речь шла о закреплении существующей власти, законности и Конституции. Но Обвинительное заключение чуть ли не на каждой странице говорит о захвате власти, постоянно навязывает эту мысль!

Для меня поднятые на встрече вопросы никаких открытий не делали. Это была квалифицированная оценка всех главных социально-политических проблем основными государственными деятелями.

Я был удовлетворен тем, что все это будет докладываться Горбачеву. Хотя и знал, что подобное не раз ему уже докладывалось, но толку не было. Однако теплились какие-то надежды — возможно, он прозреет! Сейчас, когда он сбросил с себя маску, это звучит наивно, а тогда это было вполне нормальное, точнее — добросовестное заблуждение по причине

незнания, кто есть на самом деле Горбачев.

В то же время Обвинительное заключение — том 1, л.д. 92, 93, 112 — дает перечень ложных утверждений следствия.

Первое. Что якобы группа, направляемая в Крым, должна была предъявить ультиматум Горбачеву — либо введение ЧП, либо уход в отставку. Хотя этот вопрос никем на встрече не поднимался, и в деле этого нет.

Второе. Были оговорены якобы вопросы по изоляции, но 17.8 на встрече на эту тему никто ничего не говорил.

Третье. Якобы обсуждался состав ГКЧП, но фактически этот термин даже никем не упоминался.

Четвертое. Что якобы были оглашены документы ГКЧП. И этого не было — Егоров зачитал небольшой фрагмент из обращения к народу и все.

Пятое. Якобы Язов внес предложение обсудить взаимодействие МО, МВД и КГБ. Фактически он ничего об этом не говорил.

Шестое. Якобы обсуждался вопрос — заручиться поддержкой республик. Вопрос этот никем не поднимался, и в деле этого нет.

Седьмое. Наконец, якобы была определена дата выступления — 18.8.91 г. Но, как уже говорилось выше, эта дата вообще нигде не упоминалась.

Все это ложь! Как это ни прискорбно, но это возрождение тяжелых традиций 37-го года.

Что же касается раздела Обвинительного заключения «Анализ ситуации и подготовка документов в обоснование захвата власти» (том 1, л. д. 49), то, видимо, авторы этих документов ГКЧП не совершили нарушения Закона, поэтому никто из них не привлекается к ответственности хотя бы за недонесение! Видно, все документы ГКЧП написаны правильно и отступлений от Закона не имеют. И поручения, следовательно, были законны.

Итак, 17.8 не было и не могло быть в моих действиях каких-либо преступных деяний. Мне было предложено лететь в Крым — я согласился, хотя внутренне не мог понять, почему по таким вопросам не летят первые лица.

III. 18 августа. Крым

Цитирую Обвинительное заключение (т. 4, л. д. 154): «Захват власти должен был быть осуществлен путем: предварительно изолировав президента Горбачева в Форосе и отключив все виды связи, потребовать от него ввести в стране ЧП или подать в отставку. В случае его отказа подчиниться… объявить Горбачева больным и возложить его обязанности на вице-президента Янаева».

Далее: «Вылететь в Крым и предъявить ультиматум Горбачеву было поручено Бакланову, Шенину, Болдину и Варенникову. Язов поручил Варенникову после переговоров с Горбачевым вылететь в Киев и обеспечить через руководство Украины введение там ЧП… «Прибыв на объект «Заря», Варенников удостоверился, что узел связи МО СССР отключен. Затем, пройдя с помощью Плеханова к президенту, выступая от лица участников заговора, объединившихся в ГКЧП, они предложили ввести в стране ЧП. Когда Горбачев отказался сделать это, то непосредственно Варенников потребовал от него уйти в отставку. Не добившись от него выполнения предъявленных требований, Варенников и другие (перечисляются) покинули объект… Вечером того же дня перед отлетом в Киев Варенников в соответствии с указанием Язова на военном аэродроме Бельбек провел встречу с лицами (перечисляются…), которых ориентировал на действия в условиях ЧП.

Кроме того, в Обвинительном заключении (том 1, л.д. 8) еще есть запись: «В беседе он (Варенников), скрывая наличие заговора, сообщил командующим, что Горбачев серьезно болен, поэтому обязанности президента страны будет исполнять Янаев и что последует введение ЧП (конец цитаты).

Начну с последнего. Непонятен вывод о том, что Варенников в беседе с командующими скрыл от них существование заговора. Это не в правилах Варенникова — скрывать. Но главное в том, что скрывать-то было нечего — никакого заговора не было! А если бы он был, то зачем скрывать? Наоборот, логичнее больше втягивать в этот заговор, тем более иметь поддержку командующих.

Горбачев же был действительно серьезно болен, о чем он сам нам говорил. Внешне он производил удручающее впечатление и в физическом, и в морально-психологическом плане. Мне не были в то время известны подробности, вопрос деликатный. Но он болел, и я об этом сказал! Если бы я сказал, что Горбачев здоров — вот это была бы ложь! Поэтому мне непонятно, почему моя объективная оценка рассматривается как противоправное деяние?

Что касается возможной передачи временного руководства страной вице-президенту, так это было мое личное предположение, и не больше. Но мне непонятно, почему следствие выбросило из моих показаний такие слова, которые имеются в деле и меняют существо мысли? А именно: «возможно», «временно» и т. п.

Например, «…возможно, временно обязанности президента будет исполнять вице-президент (но мог и премьер-министр или Председатель Верховного Совета СССР)».

Или: «…возможно, будет рассмотрен вопрос о временном

введении ЧП в отдельных районах страны».

Кроме того, в Обвинительном заключении (том 1, л.д. 180) ложно записано: «Встретившись с президентом (перечисляются), заявили, что они и ряд других высших должностных лиц СССР не согласны с проводимой им политикой и, в частности, с концепцией Союзного договора». Однако заявлений ему таких не делалась. Но в этом нет никакого открытия. Можно только подтвердить этот тезис следствия. И в этом ничего нет преступного.

В связи с этим якобы (цитирую:) «…они намерены не допустить назначенное на 20.8.91 г. его подписание… потребовали ввести в стране чрезвычайное положение. Не сумев убедить Горбачева… предложили ему подать в отставку». Да, чрезвычайное положение предполагалось ввести. Но это совершенно не ставилось в зависимость с отставкой президента. В этом и необходимости не было. Налицо опять факт очередной фантазии авторов обвинения.

В то же время возникает вопрос: если все рассчитывали на то, что Горбачев поймет сложность обстановки и поддержит введение ЧП в некоторых районах и отраслях народного хозяйства или поручит это введение кому-то из соратников, то зачем же тогда отключили связь? На мой взгляд, это было сделано для того, чтобы создать благоприятные условия для разговора. Мне кажется, это было и в его, Горбачева, интересах, и в интересах этой делегации. Постоянные звонки, которые бы отвлекали Горбачева от очень важной беседы, нанесли бы только ущерб. Хотя такой шаг и был некорректен в отношении Горбачева. Но вопрос стоял о судьбе страны, а не о судьбе власти.

Заявляю, что если руководствоваться фактическими обстоятельствами, то мои действия не содержат признаков противоправных деяний. А обвинение следствия в этой части я рассматриваю как безуспешную попытку оговорить меня в угоду авантюристов-политиков.

Ложное же утверждение о том, что я настаивал на отставке, потребовалось самому Горбачеву для создания ореола мученика. Не исключено, что мысль о том, что во время беседы ему это вот-вот предложат, возможно, угнетала его. Ведь он проводил антинародную политику. Естественно, что кто-то должен положить конец этому. Плюс надо учесть, что Горбачев по своей натуре человек очень трусливый.

Варенников вел себя активно в беседе с президентом, как он — Горбачев — сам об этом говорил: «Варенников что-то кричал…»

Во-первых, я действительно проявил активность, особенно

когда Горбачев сказал, что после подписания Союзного договора он подпишет ряд указов президента по экономическим вопросам. Понимая, к чему ведет подписание договора и зная цену этим указам, а также — какая на них будет реакция, я считал своим долгом высказаться.

Во-вторых, Горбачев отмечал активность Варенникова (я действительно говорил с напором), но он умалчивает умышленно, в чем же она, активность, заключалась, что именно Варенников конкретно говорил?

Фактически же Горбачеву я сказал, что последнее время мне по долгу службы приходится очень много разъезжать по стране. У меня было много встреч, особенно с офицерским составом. Везде и всегда я стараюсь представить нашего президента в лучшем свете. Особо показывал его заслуги в развитии демократии у нас в стране и его вклад в дело сближения Запада и Востока. Но всегда и везде мне задают такие вопросы, на которые фактически невозможно ответить.

Вот о чем спрашивают офицеры (говорил я Горбачеву):

1. Почему проект Союзного договора не отражает результатов всенародного референдума и требований съезда народных депутатов СССР по сохранению Союза?
2. Почему сепаратистским, националистическим и экстремистским силам всех мастей дозволено действовать так, как они считают нужным, и никто им не ставит никаких преград?
3. Почему продолжается обнищание народа?
4. Почему военнослужащие, и в первую очередь офицеры и их семьи, ущемлены во всем, особенно в связи с выводом наших войск из Восточной Европы и Монголии, а также в связи с конфликтными ситуациями на Кавказе, в Прибалтике и других горячих точках?
5. Почему непомерно растет преступность, а эффективных мер по ее пресечению не предпринимается?
6. Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент в свое время присягал на ней перед народом, клялся, что она будет безусловно выполняться?
7. Почему у нас в стране никакие Указы Президента СССР никем не выполняются?

Перечислив в резкой форме эти и другие вопросы, я одновременно обратил внимание Горбачева на то, что офицеры меня спрашивают: «Вы, товарищ генерал, можете назвать у нас в стране хоть одно направление, где уже наметилось улучшение или хотя бы стабилизация обстановки?» И я не могу ничего конкретного ответить. Приходится лавировать.

Все это вызвало у Горбачева раздражение. Он сказал, что это

нам, военным, кажется, что можно все так просто сделать — «ать-два»! Я ему говорю, что не только искренне докладываю настроение офицеров, но и крайне обеспокоен этим настроением. Надо принимать меры. Однако он ответил, что все это он уже слышал и обстановку знает хорошо. Добавил еще несколько фраз и дал понять, что встреча закончена.

Мы попрощались. Он подал всем руку, сказав: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение». Спрашивается, какое? То есть опять: ни да, ни нет. Одновременно добавил, обращаясь ко всем: «Очевидно, после такого разговора мы не сможем вообще работать вместе», на что я тут же ответил: «В таком случае я подаю рапорт об уходе в отставку».

Странно, но Горбачев никак на это не отреагировал. Хотя мог бы на месте как Верховный Главнокомандующий принять мою отставку. Мало того, он мог всех задержать — ведь позже он сказал, что все мы преступники. Однако ничего этого сделано не было.

В Обвинительном заключении (том 1. л.д. 40) говорится (цитируется Горбачев): «20 августа… реально договор будет подписан и подписан шестью республиками — это событие огромнейшее». И дальше говорит: «Война властей, законов, распад правового и экономического пространства — это угроза просто колоссальная».

Ну как тут не согласиться с Горбачевым? Из пятнадцати республик договор подпишут только шесть — конечно, это событие колоссальное, плюс война законов — это, конечно, уже развал, а не угроза. Это трагедия, и он сам это признает и открыто говорит.

Но еще более странным является то, что он лично ничего не предпринял во время нашего визита. Он мог вместе с группой вылететь в Москву, ведь такая обстановка! Тем более что к нему приехали, предлагали полететь вместе в столицу, разобраться, принять меры.

Что же он делает? Самоизолируется! В этот трагический, казалось бы, вечер после «платного» ужина (заказал водку, вино) он идет смотреть эротический фильм (естественно, в «суровых условиях изоляции»). Уже только это характеризует уровень морали Горбачева.

В Обвинительном заключении (том 1, л.д. 7) нас упрекают в том, что Плеханов обеспечил Варенникову и другим беспрепятственный доступ в резиденцию Президента СССР. Уместно информировать уважаемый Суд, что я тремя месяцами раньше, т. е в мае 1991 г., беспрепятственно, непротокольно встретился с канцлером Колем в Бонне. Без охраны, по моему

настоянию. Коль радушно отнесся к этой встрече, ведь я — советский генерал! Он живо поинтересовался, как проходит визит, дал некоторые советы, поручил Главкому Сухопутных войск бундесвера генералу Ондарца, который при этом присутствовал, решить все проблемы. Коль даже проинформировал меня, что летит в Баварию «развязывать» политический узел с партией ХДС.

Была толковая беседа с лидером чужой страны. Но почему я, Главком Сухопутных войск Вооруженных Сил Советского Союза, народный депутат СССР, не могу свободно встретиться непротокольно с лидером нашей страны, с нашим Верховным Главнокомандующим? И, наконец, встреча ведь не на рядовую тему, а на чрезвычайную! Просто странно и дико! У нас это даже возводится в ранг преступления: «Плеханов обеспечил доступ».

Что касается моей встречи в Крыму с командующими на аэродроме Бельбек, то она была проведена по поручению министра обороны с целью ориентировать их о возможном введении в действие Закона «О правовом режиме ЧП» и в связи с этим — о возможном повышении степени боевой готовности. Ничего предосудительного в этом нет и тем более нет ни малейших признаков каких-либо противоправных деяний. Наоборот, эти действия обеспечили порядок и организованность в границах трех военных округов на территории всей Украины.

Несколько слов об узле связи министерства обороны на объекте «Заря» (на черноморской даче Горбачева).

Даже сейчас мне неизвестно, существовал ли на объекте «Заря» узел связи МО. Но в то время, когда мы длительно (около 40 минут) находились в гостевом доме дачи президента, ко мне действительно кто-то привел офицера в общевойсковой форме (то ли майора, то ли подполковника), который сказал, что он связист, и спросил, как ему быть. Я подумал, что у президента, кроме правительственной связи «ВЧ», есть еще и военная «ЗАС». Это практиковалось. Сказал офицеру, что здесь есть лица, которые этими вопросами занимаются (очевидно, у него возник вопрос в связи с отключением связи) и он должен действовать по их указанию. Но для порядка предупредил, чтобы у них было все нормально, чтобы не допустили происшествий. Такие предупреждения я делаю всегда.

Уже позже, знакомясь с делом, я понял, что, очевидно, разговаривал тогда с одним из офицеров, обеспечивающих корреспондентскую связь через переносные средства (специальные чемоданы), имеющие отношение к стратегическому ядерному оружию.

Но если говорить вообще о системе управления

стратегическими ядерными силами, то я в роли Главнокомандующего Сухопутными войсками к этому вопросу по службе не имею отношения, ни от кого никаких указаний на этот счет не получал и сам не имел намерений что-то изменить в этой структуре. Да и необходимости такой не было.

Таким образом, ни на одно из перечисленных в Обвинительном заключении по 18 августа обвинений нет ни одного обоснованного доказательства. Все это вымысел Генеральной прокуратуры.

Иногда раздаются голоса, что, мол, зачем было лететь в Крым? Ведь Горбачев собирался 20.8 прибыть в Москву — вот тогда можно было бы с ним и поговорить. Дело в том, что он последнее время всячески избегал личных разговоров на сложные темы. Он старался, чтобы разговоры были публичные, надеясь на то, что никто в присутствии посторонних на обострение не пойдет.

По каждому из положений, особенно по вопросам «пренуждения президента к отставке», «изоляции президента» и другим, есть показания в материалах предварительного следствия, которые полностью опровергают обвинение и еще раз доказывают, что это фантазия. При необходимости я могу привести содержание всех показаний. Что касается связи, то она в его кабинете дачи была отключена. И только. Но были другие объекты. Все виды связи работали в административном доме дачи (это в одной-двух минутах ходьбы от главного дома), автомобили оборудованы закрытой космической связью.

Одновременно обязан высказать свое мнение по поводу следующего утверждения Обвинительного заключения (том 1, л. д. 201) — цитирую: «Заведомая ложь о болезни Горбачева была необходима для придания видимости конституционности передачи президентской власти вице-президенту Янаеву, и это понимали участники заговора».

Лично я считаю, что не надо смотреть на это явление поверхностно. Здесь все значительно глубже.

На мой взгляд, члены ГКЧП, во-первых, считали, что у Горбачева благоразумие все-таки возьмет верх и он воспользуется такой версией, таким именно вариантом выхода из сложившейся обстановки (вариант сохранения своего имиджа), т. е. скажет: «Да, я болен» — и будет наблюдать из Крыма за действиями ГКЧП. Если эти действия начали бы приносить положительные результаты, то он бы мог сказать: «Это я им поручил» и т. д. Если же у ГКЧП ничего не получилось, то можно было бы их отстранить от занимаемых должностей и сказать: «Я им говорил…» Но Горбачев этой возможностью не воспользовался.

Во-вторых, считали, что в этой ситуации не столь важно, по каким мотивам временно будут переданы функции президента вице-президенту, важнее — не допустить подписания Договора, а с ним и разрушения Союза. Одновременно с введением ЧП там, где это нужно, — стабилизировать обстановку. Надо было спасать страну! Это была крайняя необходимость.

IV. 19, 19, 20 августа, Киев

Обвиняюсь в том, что в период нахождения в Киеве потребовал от руководства Украины:

1) поддержки действий ГКЧП и 2) введения чрезвычайного положения в ряде областей Западной Украины.

Кроме того, дал пять шифротелеграмм в адрес ГКЧП и отдал распоряжение командующему ЧФ об усилении охраны и подготовке к «обороне аэродрома Бельбек». Особо акцентирую внимание Суда на том, что якобы я из Киева давал указания командующему Черноморским флотом на различного рода действия.

Учитывая, что я на Украине пребывал в качестве должностного лица, определенного штатным расписанием, что официально отмечено в постановлении следствия от 11.10.91 г. (см. том 104, л.д. 121), где сказано: «Бывший Главком Сухопутных войск СССР Варенников, находясь в Киеве в качестве представителя Министерства обороны СССР…» и т. д., а также имея в виду, что власть Главкома Сухопутных войск, даже если он народный депутат СССР, распространяется только на Сухопутные войска ВС, то можно было бы больше никаких доводов не приводить. Уже из этого видно: не мог я, придерживаясь своих рамок (а я их придерживался), совершить преступных деяний ни по отношению к республиканскому руководству Украины, ни по отношению к командованию Черноморского флота! Никакие мои требования и распоряжения по отношению к этим субъектам не имели юридической силы.

Но невозможно обойти вниманием устремления прокуратуры оболгать обвиняемого. В связи с этим заявляю, что показания Язова, Кравчука, Гуренко, Чечеватова и других свидетей говорят о том, что Варенников выступал от своего имени. Никто из них также не подтверждает, что Варенников предъявлял требования поддержать ГКЧП или ввести чрезвычайное положение.

Да, Варенников говорил, что Западная Украина и особенно Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области находятся под давлением националистического сепаратистского РУХа и что в этих районах уже нет Советской власти. Поэтому во избежание беспорядков можно было бы рассмотреть введение ЧП

в этих районах. При этом сказано, это было после вопроса — а как я думаю. Я сказал, как думаю. Во время разговора на эту тему позвонил Кравчуку Крючков, они договорились вообще на Украине ЧП не вводить. И вопрос отпал. Дальше шел разговор только по вопросам обеспечения на территории республики спокойствия и порядка. Я внес ряд предложений — все они были приняты, в том числе Кравчуком, и выполнены (в частности, выступления руководства республики по телевидению, создание единой оперативной группы для сбора данных в границах Украины и т. д.).

Говоря о предъявлении так называемых требований к руководству республики, уместно привести выдержку из одной телеграммы, которую я давал из Киева в Москву. Том 104, л. д. 127. В телеграмме я указываю, что Кравчук просит: прислать документы ГКЧП, определить, где ввести чрезвычайное положение. А далее записано (цитирую): «Желательно предварительно посоветоваться с Кравчуком и другими руководителями Украины по этим вопросам. (Такие пожелания они высказали.)». Конец цитаты. Это еще раз доказывает, что не было никакого давления в отношении руководства Украины. Наоборот, все согласовывалось.

А в подтверждение того, что на западе Украины (а сейчас уже и не только на западе республики) ликвидирована Советская власть, говорит хотя бы статья в «Комсомольской правде» от 26 января 1993 года «Переписывая заново».

Цитирую: «Дошло до того, что из их обихода (т. е. украинцев) преднамеренно исключается само понятие Великая Отечественная война. На Украине полным ходом идет реабилитация старост. Встал вопрос о том, чтобы уравнять в правах ветеранов войны и бандеровцев. Они, мол, тоже воевали… Политическая реабилитация Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) на Украине уже завершилась. Стоит только включить телевизор — обязательно услышишь откровения бывшего бандеровца о его борьбе с партизанами. Газеты пестрят воспоминаниями об их доблестных победах над москалями». Конец цитаты.

Хочу добавить, что в 1993 году на Украине было широко отмечено 50-летие так называемой Украинской повстанческой армии, в составе которой была дивизия СС «Галичина». Очевидно, комментарии здесь излишни.

Но то, что я в оценке обстановки на западе Украины в августе 1991 года не ошибся, это факт.

Не было с моей стороны и распоряжений Черноморскому флоту об усилении охраны и подготовке к обороне аэродрома

Бельбек, как это утверждает Обвинительное заключение. Не было таких распоряжений и 18.8, когда я находился непосредственно на этом аэродроме, о чем говорит Хронопуло (том 50, л.д. 5) — цитирую: «Мне никакой конкретной задачи Варенников не ставил».

Не было таких распоряжений и из Киева 18, 19 и 20 августа. Вообще у меня из Киева ни с кем по поводу Черноморского флота или аэродрома Бельбек ни по телефону, ни лично разговора не было. И в деле нигде это не проходит. Но обвинительное заключение ложно дает понять, что я именно из Киева давал распоряжения ЧФ. Цель — показать так называемую отведенную мне роль в этом мнимом заговоре и что якобы было заранее все спланировано.

Не было никаких распоряжений и из Москвы 20 августа. В 21.00 я звонил Хронопуло и сказал, что 19.8, когда был на аэродроме, то не видел вообще никакой охраны. Это очень странно. Придет любая группа и свободно захватит этот объект (хорошим примером были действия крымских татар, захватывавших в то время много пахотных земель). Я предостерегал Хронопуло от неприятностей. А 19 августа он (командующий флотом) сам был обязан это сделать в условиях повышенной боевой готовности.

О том, что охрана аэродрома была плохая, свидетельствуют хотя бы такие показания. Командир разведывательного батальона подполковник Грошев говорил (том 49, л.д. 100) — цитирую: «… прибыли на аэродром Бельбек в 14.30. Вышел сторож, пожилой гражданский человек, молча открыл ворота, колонна въехала». Ну, разве это служба? Да еще в условиях повышенной боевой готовности.

А вот что говорил Хронопуло о нашем с ним разговоре 20 августа (том 50, л.д. 7). «Вечером 20 августа после 21.00 мне позвонил на службу Варенников и сказал, чтобы с утра 21.8 усилить охрану аэродрома Бельбек морскими пехотинцами для предотвращения возможного нападения «группы захвата», но что за группа, он мне не сообщил… С утра 21.8 мне позвонил начальник Генерального штаба и сказал, что к нам вылетает министр обороны Язов» (конец цитаты).

Прошу обратить внимание Суда: 1) никаких требований Варенников не предъявлял и предъявить не мог; 2) ни о какой обороне речи не было (как сказано в обвинении), а речь шла только об охране; 3) ни о каких конкретных силах для этой охраны тоже не говорилось; 4) тем более не было разговора об уничтожении самолетов в случае их несанкционированной посадки, о чем записано в Обвинительном заключении (том 4,

л.д. 157).

А события развивались совершенно иначе:

1. Начальник штаба флота Гуринов показал (том 50, л.д. 11) — цитирую: «Во второй половине дня 19.8 (обращаю внимание — 19.8) комфлота Хронопуло предложил для охраны аэродрома Бельбек роту морских пехотинцев. Перед этим мне звонили: из штаба корпуса ПВО из Киева и просили оказать помощь в охране аэродрома Бельбек (поясню — объявлена с утра 19.8 повышенная боевая готовность, отсюда и просьба; она законна — это предусмотрено планами).

Далее Гуринов продолжает: «Я об этом сообщил Хронопуло. Вопрос рассматривался 20.8. Я отдал команду начальнику береговых войск Романенко — выделить роту для охраны аэродрома. Рота убыла вечером».

Таким образом, еще до нашего разговора с командующим Черноморским флотом уже все было решено и 19, и 20 августа.

2. Командир бригады морской пехоты Кочетков (том 50, л.д. 119) говорит: «Командующий флотом удивился об использовании на аэродроме разведывательного батальона, считая, что роты Онуприенко было достаточно» (т. е. той роты, которая прибыла на аэродром еще днем 20.8.).

3. Постановление Лисова — заместителя Генерального прокурора от 23.12.91 г. (том 51, л. д. 248 и 250), цитирую:

«21.8 с места постоянной дислокации на аэродром Бельбек убыли две сводные роты морской пехоты. После их прибытия на аэродром выяснилось, что зам. командира бригады по вооружению направил эти роты на аэродром ошибочно» (конец цитаты). То есть ни о каком разведбате и противотанковом дивизионе с полным вооружением и речи нигде не было…

Далее цитирую. «Постановил: уголовное дело в отношении Хронопуло, Романенко, Кочеткова и Нецветаева прекратить. Лисов». Конец постановления.

Ну, а в отношении Варенникова в части этого вопроса? А в отношении его дело продолжать, т. к. он якобы «отдал указание об усилении охраны и обороны аэродрома Бельбек (как записано в этом же постановлении) с целью предотвращения возможной посадки самолета с группой захвата». Хотя об этом никто и нигде не говорит. Но если бы об этом и говорилось, то ничего преступного в этом нет. Военные должны уметь оборонять свои объекты, как и страну в целом!

Какие, на мой взгляд, можно сделать разъяснения Генеральной прокуратуре и какие выводы напрашиваются по этому разделу?

Во-первых, никакой флот, в том числе Черноморский,

Главкому Сухопутных войск не подчинен. И какие бы распоряжения и указания этот Главком флоту ни отдавал, они не имеют никакой юридической силы. Кроме того, в Уставе внутренней службы, в статье 12 четко и ясно записано, что генерал армии, как и другие генералы и адмиралы, «а также полковники и капитаны 1-го ранга являются начальниками для всех младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов, состоящих на действительной военной службе», и только! В данном случае были даны лишь рекомендации с благими побуждениями, и именно адмиралу, который ни по каким каналам мне не подчинен.

Во-вторых, Черноморский флот (как и все флоты и военные округа), еще до моего с Хронопуло разговора, обязан был по повышенной боевой готовности, объявленной в Вооруженных Силах с утра 19.8, без указаний усилить охрану всех важных военных обектов, находящихся в оперативных границах, в том числе и аэродромов.

В-третьих, в штаб флота еще с утра 19.8 обращались, как уже говорилось, штабы корпуса ПВО и 8-й армии ПВО из Киева с просьбой усилить охрану аэродрома Бельбек. И эта задача, по показаниям начальника штаба флота, была решена, т. е. далеко до моего разговора с Хронопуло.

В-четвертых, ни о каких самолетах у меня с Хронопуло вообще не было разговора, и в показаниях этого нет.

В-пятых, никакого отношения к содержанию распоряжений внутри флота, в том числе по определению сил и средств для охраны аэродрома, задач этим подразделениям я не имел. Это их служебная обязанность.

Но самое главное: налицо очередное позорное действие Генеральной прокуратуры РФ — это гнусная ложь! Как можно опуститься до такой фальсификации, раболепствуя перед своими начальниками? Ведь служители Фемиды! Слуги Закона! Борцы за истину! Фактически же — все наоборот! Я же ведь из Киева вообще с Черноморским флотом не говорил. И это известно. А как все преподнесли?!

Наконец, о моих шифротелеграммах из Киева в Москву. Да, я действительно, находясь в Киеве и наблюдая за вакханалией в районе Красной Пресни, направил телеграммы в адрес ГКЧП с настоятельной просьбой пресечь беспорядки, которые таили в себе тяжелые последствия, принять меры к авантюристам, разжигающим страсти. Подчеркиваю — к авантюристам!

Меня на допросах следователь Леканов упрекал, что я, как он выразился, активно-инициативный (том 102, л.д. 86). Я тогда ему ответил и сегодня это подтверждаю — да! Когда речь идет об

интересах народа, я веду себя активно. Мне реально довелось встречаться с тяжелейшими ситуациями, каких не видел в таком объеме, пожалуй, никто. Когда речь идет о жизни и смерти людей, когда на глазах убивают, а я это видел не только в годы Великой Отечественной войны, войны в Афганистане, Анголе, Эфиопии и других районах, но и у нас в Баку, Нагорном Карабахе, Южной Осетии — для меня эти переживания были не только свежими, но и крайне тяжелыми. Я мог и должен был писать в шифровках еще более жестко, чем написано. И сожалею, что этого не сделал.

Учитывая, что вопрос с шифротелеграммами имеет прямое отношение к моему делу, я прошу суд взглянуть на меня хотя бы глазами январских 1990 года событий в Баку и трансформировать все это на августовские события 1991 года.

В связи с этим я обязан кратко описать Баку. Это имеет прямое отношение к содержанию моих шифровок из Киева.

В январе 1990 г. были приняты запоздалые, как всегда, меры к пресечению экстремизма и реакции в Баку. Сотни советских людей были зверски убиты, в основном зарезаны, тысячи или сами бежали, или их на баржах отправили в Красноводск. Это была первая волна. Вторая волна должна была смести, уничтожить всех, кто представлял Советскую власть, и установить власть так называемого Народного фронта, верхушка которого к этому времени уже не представляла интересы народа, а была захвачена уголовными элементами (типа Панахова).

В Баку объявили ЧП. Подтянули силы МВД, МГБ и армейские части. Экстремисты, играя на националистических нотах, взвинтили обстановку, оболванили людей и, как в Тбилиси, вывели их на улицы. Забастовали все предприятия, естественно, под страхом расправы. Были блокированы военные городки, в частности, Сальянские казармы, где находилась мотострелковая дивизия (центр города), а также подступы к аэродромам, на которые прибыли десантники. 16, 17 и 18 января я был в Гянже. Обеспечил там порядок. Никакой крови не было.

19.1 я прибыл в Баку и с небольшой группой офицеров (9 человек) пробился через толпу к центральному КПП Сальянских казарм, выступил перед народом, призвал людей к благоразумию, спокойствию и прекращению блокады военного городка. Обратился к лидерам и организаторам этих беспорядков — потребовал развести людей и не подвергать их опасности.

Однако экстремисты не пошли по мирному пути. С наступлением темноты они включили прожекторы, установленные на балконах окружающих военный городок зданий, создали эффект стадиона. На балконах и крышах

помещений свободно расхаживали вооруженные боевики. Начались отдельные выстрелы. Среди военнослужащих появились раненые. Выхода не было. Среди ночи провели деблокаду. Но с началом действий экстремисты открыли ураганный огонь. На моих глазах гибли люди. Это было дико! Я много видел смертей и сам с ней встречался. Но это все на войне! И жертвы были понятны. Но чтобы Наши люди убивали Наших людей, я не видел, и моему возмущению не было предела.

Я также убедился воочию, что может творить ослепленная национализмом, обезумевшая толпа. Это была дикая стихия. Кошмарная обстановка в течение трех суток в этом военном городке (я находился все это время с личным составом. Сюда же сбежались семьи тех, кого преследовали). Тяжелые переживания.

И то, что мне докладывали из Москвы в Киев в августе 1991 года о нагнетании обстановки, о том, что люди призываются к борьбе с несуществующим противником, к разгрому ГКЧП, что возводятся баррикады, народ спаивают, — это меня тоже глубоко возмущало. Я реально предполагал, что наэлектризованная публика в ажиотаже, в состоянии аффекта, доведенная в своем раздражении до предела, могла ринуться в Кремль, сметая и уничтожая все на своем пути. Отсюда — невинные жертвы.

Поэтому я и писал в шифровке, что не смерть каждого из нас лично должна страшить, и даже не позор на наши головы, который возведут экстремисты в результате своих преступных действий, а новые страдания народа и катастрофа, в которую они могут ввергнуть нашу страну. Что, к сожалению, и произошло.

Поэтому все то, что мной было написано три года назад, я сегодня подтверждаю и ни в чем не раскаиваюсь.

Излагая ситуацию в Баку, я преследую цель — Суд должен понять мое психологическое состояние в то, другое время в Киеве. И хоть написано все в резких тонах, но общая направленность моего призыва была одна — погасить все, что образовалось вокруг российского Дома Советов. И это было правильно!

Таким образом, в период моего пребывания 18, 19 и 20 августа в Киеве в моих деяниях не было ничего преступного. Мало того, все мои помыслы и действия были направлены на поддержание стабильной, спокойной обстановки.

V. 20-е августа. Москва

Обвиняюсь в том, что, вернувшись 20.8 в Москву, принял участие в обсуждении вопроса о применении якобы военной силы для захвата здания Верховного Совета России и руководства Российской Федерации.

Кроме того, для реализации якобы этих планов дал указание

подготовить три танковых роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом.

Прежде чем давать конкретные показания по факту событий второй половины дня 20 августа в Москве (именно в это время я прилетел из Киева), обязан сообщить суду, что на совещании в Генеральном штабе, которое проводилось заместителем министра обороны В. Ачаловым, присутствовало не менее 12–15 человек (не считая Язова Д.Т., который появился на 3–5 минут и ушел). Я же попал на совещание, когда оно уже началось. Никаких указаний никому не давал, задач не ставил, требований не предъявлял, но проявлял интерес по многим вопросам (надо было «врасти» в обстановку). Однако оказался под арестом. А все остальные не только остались на свободе, но многие успешно продолжали работать.

Я привожу этот фрагмент из августовских событий 1991 года не для того, чтобы высказать свое возмущение тем, что остальные участники совещания не привлечены к уголовной ответственности. Отнюдь! Говорю об этом лишь с одной целью — подчеркнуть, что все в отношении этих людей сделано правильно: не было и нет причин привлекать их к ответственности и тем более брать под стражу, т. к. нет состава преступления.

Особо хочу подчеркнуть решение Верховного Совета Российской Федерации, который отказал Генеральному прокурору РФ в санкции на арест народного депутата России Ачалова, хотя он и действовал вместе со всеми, в т. ч. 16, 17, 18, 19 и 20 августа был в Москве. Нет преступления, и нельзя привлекать к ответственности. Правильно действовал Верховный Совет РСФСР и совершенно неправильно действовал Президиум Верховного Совета СССР.

Народные депутаты Бакланов, Стародубцев, Болдин, Шенин и Варенников арестованы Трубиным и Степанковым обманным путем. Президиум Верховного Совета Союза под руководством Нишанова, нарушая все законы и регламент в угоду Горбачеву, разрешил арестовать народных депутатов, не имея для этого никаких оснований. Не проводя даже голосования. Тем более — не заслушивая депутатов, которых прокуратура намерена арестовать.

Я считаю, что фактически был арестован за то, что, как показал свидетель Горбачев, вел себя активно в беседе на его даче в Крыму, т. е. сообщил ему горькие слова упрека офицеров армии о его бездеятельности в условиях, когда разваливается страна. Горбачев дал прямые указания — арестовать и судить, назвав перед этим всех преступниками и определив состав их преступления. А кто из его окружения мог ослушаться? Да и при

чем здесь закон? Ведь к этому времени никто в стране не выполнял ни законы, ни Конституцию, ни тем более указы президента.

Особым долгом считаю высказать свое отношение к следующей записи Обвинительного заключения — том 1, л. д. 10.

Цитирую: «Для обеспечения практической деятельности ГКЧП, поддержания режима чрезвычайного положения, Язовым, Крючковым и Пуго были задействованы Вооруженные Силы, а также спец. подразделения КГБ и МВД СССР». Конец цитаты. Даю пояснение, т. к. это меня тоже касается.

Во-первых, не Вооруженные Силы, а только несколько частей Московского военного округа и Воздушно-десантных войск, и только в Москве. А все Вооруженные Силы страны были в пунктах постоянной дислокации и никуда не выходили. В Москве же было привлечено из двух дивизий 3806 человек и около двух тысяч от ВДВ. Всего пять тысяч для поддержания порядка в десятимиллионном городе!

Во-вторых, в самой Москве воинские части фактически использовались (были задействованы) не ГКЧП (точнее, не только ГКЧП), а руководством России для охраны Дома Советов и проведения митингов.

В-третьих, части Вооруженных Сил использовались псевдодемократией во всех возможных ролях, в том числе и в роли врага, как это было с западней, в которую попала колонна БМП в районе Смоленской площади. Делалось все, чтобы из этого фактора — Вооруженных Сил — выкачать возможно больше дивидендов для псевдодемократов, используя доверчивость и открытость как руководителей Министерства обороны, так и личного состава войск.

Теперь непосредственно о фактах, по которым обвиняюсь в своих действиях 20 августа.

В первый же день моего ареста, т. е. утром 23 августа (арестован в 3.00) я показал на допросе следующую картину событий.

Подробно зачитаю выдержки из нескольких листов (т. 102) моих показаний. Это очень важно — показания сделаны в первый же день ареста и допроса без адвоката: «Вернувшись из Киева в Москву по указанию министра обороны и разобравшись в общих чертах с обстановкой, я понял, что ни разборка заграждений на проспекте Калинина (для чего мы приготовили 5 инженерных машин разграждения), ни проведение других мероприятий не снимают напряжения вокруг Российского дома и к положительным результатам не приведут. Надо было выводить

войска. Переговорили с министром обороны — он сам был склонен именно к такому решению. Дело в том, что, несмотря на то, что по отношению к Белому дому никаких шагов не предпринималось, экстремистские силы продолжали нагнетать обстановку и во второй половине дня 20.8 взвинтили ее до предела. А это таило в себе тяжелые последствия и могло вылиться в большую трагедию…»

Далее. «Войска из города вывел Язов Д. Т. Он принял по этому поводу вечером 20.8 решение, о чем я знаю, а 21.8 утром объявил его и отдал соответствующим командирам необходимые распоряжения. Мало того, при мне в 7 часов утра говорил с Лужковым и сказал, что окажет помощь в расчистке улиц от завалов».

Продолжая цитировать выдержки из моих показаний того времени и подтверждая их сегодня, обращаю внимание суда на такие слова (том 102, л.д. 46): «Никто и не думал об ущемлении демократии и благополучия народа. Решением ГКЧП создавались условия для поддержания порядка и пресечения возможных действий преступных лиц и организаций.

Введение чрезвычайного положения в столице предусматривало охрану важнейших объектов от возможных их погромов. В том числе: танковая рота МВО охраняла радио России, которое передавало указы президента России и другую информацию в его интересах; танковая рота МВО и батальон десантников охраняли дом Верховного Совета России; батальон прибыл также на охрану Моссовета, но Лужков сказал, что он не нужен, и командующий МВО его убрал.

Не менее примечательно, что с танка МВО выступал Президент России Ельцин (а затем он же, не имея никаких на то прав, незаконно отстранил почему-то командующего МВО Калинина Н. В. от занимаемой должности. Это мог сделать только Президент СССР, но последний не поправил Ельцина. Побоялся. А ведь обязан был это сделать)». Конец цитаты.

Продолжение. Л.д. 93: «На совещание, которое проводилось Ачаловым и Агеевым в Генеральном штабе, я попал по рекомендации министра обороны с целью изучения обстановки в Москве. Агеев сообщил, что в районе Смоленской площади, гостиницы «Украина» и в других пунктах города отмечены выстрелы из боевого оружия, что это представляет общественную опасность. Отмечено было, что таких вооруженных боевиков много и в Белом доме, и что их надо изолировать и разоружить в первую очередь.

Об этих вооруженных людях говорил и генерал Лебедь, это же подтверждал позже офицер КГБ от Плеханова, который также

ходил в Белый дом.

Кроме того, на совещании говорилось, что в Белом доме усиленно ходят слухи о том, что будет штурм, что готовится этот штурм Белого дома».

«Инициатива по взвинчиванию обстановки исходила именно из этого дома. Кому-то это было крайне необходимо. В этих же целях подогревалось и руководство России, которому внушалось, что будет штурм, что их жизням грозит опасность, а вместе с этим нависла якобы опасность вообще над демократией, над государственным строем, Конституцией и прогрессом. На совещании говорилось, что в КГБ имеется отряд, который способен всех незаконно вооруженных гражданских лиц изолировать»…

«Если будут разоружены боевики, то открывается возможность и создаются необходимые условия для встречи руководства. Фактически же все это был пустой разговор. Почему? Я у Ачалова спрашиваю: «Мне непонятно, о каких действиях может идти речь, о каком проникновении в Белый дом можно говорить, когда это здание охраняется десантниками? Как можно даже ставить этот вопрос, если в Белый дом спокойно ходят генералы Воздушно-десантных войск (имеется в виду Лебедь)? Так о каком действии может идти речь?» (л. д. 95)…

«Я унес с совещания у Ачалова недоумение — с одной стороны, идут схоластические разговоры об организации проникновения в Белый дом в условиях, когда его охраняют наши подразделения десантников, а генералы ВДВ свободно ходят по этому зданию; с другой стороны — о необходимости такого проникновения, т. е. надо ли это делать вобще, если мы этот дом охраняем. Одновременно я был убежден, что все присутствовавшие на совещании говорили одно, а будут делать другое, каждому было ясно, что ни о каких действиях в отношении Белого дома не может быть и речи. И формальные рассуждения, и различные реплики являлись только затяжкой времени и имитацией деловитости. Никто не думал реально что-то предпринимать и фактически никто ничего и не предпринимал» (л. д. 115)…

«На этом же совещании был обостренный разговор с генералом Лебедем, после того как он сказал, что если прорываться, то будет много крови. Это вызвало у меня возмущение, и я его оборвал, сказав, что это не его дело. Задача состоит в том, чтобы вообще не допустить кровопролития и даже столкновения. Я ему также сказал: поставлена десантникам задача охранять Белый дом, значит, надо охранять и что он обязан как генерал проявлять оптимизм и воодушевлять людей, а

он проявляет пессимизм и сеет среди личного состава панику.

Это заявление было вызвано неправильным пониманием генералом Лебедем обстановки и его роли и места в решении тех задач, которые ему были определены. Ему надо было охранять здание, а не распространять слухи о штурме и не вселять страх в солдат, что они могут при этом погибнуть». Т. е. генерал должен был заниматься своим делом» (л. д. 187).

Таким образом, если мои показания, о которых я говорил выше и которые я давал в августе — сентябре — октябре 1991 года, сопоставить с показаниями других обвиняемых и свидетелей по этому вопросу (я эти показания сейчас приведу), то суду будет видно, что моя оценка этого совещания была реалистичной и мое недоумение было законным. А также будет понятна и моя роль во всем этом деле.

Даю показания других — в подтверждение отсутствия в моих действиях состава преступления.

Показания военных

1. Министр обороны Д. Т. Язов — том 99, л.д. 207:

«Ачалова я предупредил, чтобы он вместе с работниками КГБ и МВД рассмотрел вопросы действия войск по обеспечению охраны порядка в Москве. О Белом доме речь не шла. После возвращения Варенникова из Киева я попросил его принять участие в рассмотрении мероприятий по координации действий с правоохранительными органами».

2. Начальник Генштаба Моисеев — том 105, л.д. 130: «В Министерстве обороны никаких планов штурма Белого дома не разрабатывалось».

3. Командующий ВДВ Грачев — том 109, л.д. 70. Точнее, даю высказывание следователя, проводившего допрос Грачева:

«Из Ваших показаний получается, что реально никто и не планировал штурмовать Белый дом». (Правильный вывод делает следователь.)

4. Зам. командующего ВДВ Чиндаров (том 109, л.д. 96 и 99): «Вообще на совещании у Ачалова задачи по-военному не ставились. План не вырабатывался. Детали не прорабатывались. Никакого плана захвата не было, никаких док ументов по этому вопросу не имелось и не прорабатывалось…

С военной точки зрения так не делается. Все говорило о том, что никто не был заинтересован и не хотел совершать захват здания Правительства России».

Вопрос следователя: «Слышали ли вы на этом совещании чье-либо предложение усилить формирование КГБ (группу А) транковыми подразделениями, разградителями и боевыми

вертолетами?»

Ответ: «Такого предложения я на этом совещании не слышал».

5. Зам. командующего МВО Головнев А. А. — том 103, л.д. 221: «План штурма Белого дома при мне не обсуждался, и мне об этом ничего не известно».

6. Командир Таманской дивизии Марченков В. И.: «Распоряжения нашей дивизии о штурме Белого дома нам никто не давал».

Все эти показания уже достаточно убедительно говорят о том, что никакого штурма Белого дома не готовилось, никакого плана на этот счет не создавалось, и никто никому никаких соответствующих распоряжений не давал. Одновременно показано, что все военные структуры подчинялись и управлялись.

Но для полной картины по этому вопросу необходимо привести показания и представителей КГБ:

1. Начальник управления правительственной связи генерал Беда — том 10, л.д. 176: «План штурма здания Верховного Совета РСФСР на совещании не обсуждался. На совещании никаких решений принято не было, и утверждать, что на совещании у Ачалова шел разговор о штурме, я не могу… Так вопросы штурма решаться не могли. И мне кажется, присутствующие понимали, что подобным образом этот вопрос решен быть не может. В ходе совещания не было выработано никакого конкретного плана и решения».

2. Начальник 3-го управления КГБ генерал Жердецкий — том 9, л.д. 220: «Сначала к Ачалову зашли Грачев, Агеев, Прилуков и я. Договорились, как проводить заседание. Потом пригласили остальных. Кроме того, запомнил прибытие Варенникова».

3. Начальник УКГБ г. Москвы генерал Прилуков, — том 9, л.д. 232: «Нашу позицию на совещании у Крючкова об отказе от всех насильственных действий поддержали все, в том числе Ачалов, Варенников и Громов».

4. Зам. начальника УКГБ г. Москвы Корсак — том 9, л.д. 210: «Отношение к штурму Белого дома присутствовавших определять затрудняюсь, т. к. обсуждения не было».

5. Наконец, показания председателя КГБ СССР Крючкова В. А. — том 2, л.д. 15. Следователь: «Был ли приказ или устное указание на штурм Белого дома?» Ответ: «Нет! Мы знали, что в Белом доме было определенное число боевиков. Они были вооружены… Позже оказалось, что у них в Белом доме был свой ОМОН — кооператив «Алекс». У гостиницы «Украина» стреляли по БМП.

Возник вопрос — как нейтрализовать опасность, которая

создавалась в районе Белого дома. Агеев и Карпухин получили задание устранить опасную ситуацию. Я дал согласие на проработку этого вопроса с МО и МВД… Конечно, сил у МО МВД и КГБ было вполне достаточно для того, чтобы решить задачу в отношении Белого дома. Но политические соображения плюс нежелательные жертвы — это должно быть на первом плане. Речь могла зайти (если разбирать идею штурма) о том, чтобы войти в Белый дом и обезоружить находившихся там людей — вооруженных боевиков.

Но и это было не решение, а всего лишь один из вариантов… Никакого решения о штурме Белого дома не принималось. Но из Белого дома шли призывы к неповиновению… Никаких препятствий со стороны военных для прохода в Белый дом не чинилось. Однако ораторы у Белого дома призывали людей к разгрому ГКЧП. Я не виню ораторов — они просто ничего не знали о ГКЧП. Но беспорядки могли быть. События могли выйти из-под контроля. Поэтому возник вопрос о разоружении лиц в Белом доме (после этого — договориться)… Конечно, технически операцию можно было провести. О каком-либо отказе исполнителей от проведения операции я не слышал. Да и не мог слышать, потому что команды на ее проведение не было».

Итак, о штурме вопрос не стоял, а о разоружении боевиков говорили.

Мне не известно ни одного случая отказа подчиненных от выполнения распоряжений начальников — правомерны эти распоряжения или нет. Все команды выполнялись беспрекословно. И никто из следствия ни одного примера неповиновения не привел. Но по этому поводу уместно отметить, что различного рода политиканы в августе 1991 года и сейчас продолжают эксплуатировать мысль: «Армия не поддержала ГКЧП и осталась на стороне народа». Несложно понять цель таких заявлений — настойчиво продолжать внушать, вдалбливать народу ложь об антинародном характере ГКЧП. Тем самым отвести от себя удар, избежать ответственности за развал Союза, за нанесение ущерба суверенитету, государственной безопасности и обороне страны, за развал экономики, обнищание народа и за другие аномалии, а также за изменение и деформацию общественного и государственного строя. Вот это-то как раз и является преступлением.

Таким образом, и подсудимые, и свидетели, не договариваясь и не имея такой возможности, говорят об одном и том же. Но самое главное, что на совещании не проводилось обсуждения применения военной силы, как записано в Обвинении, для захвата здания Верховного Совета России и тем более — захвата

руководства Российской Федерации (о последнем вообще никто ничего и нигде не говорил). Следовательно, и мое присутствие на таком совещании никак не могло повлиять на решение как первого, так и второго вопроса, т. е. ни о захвате здания, ни о захвате руководства.

Теперь — о второй части обвинения по 20 августа. По этому вопросу в томе 4 Обвинительного заключения есть даже два варианта обвинения.

Первый (л.д. 140): «Для усиления намеченных для участия в штурме подразделений Варенников, возвратившийся по указанию Язова из Киева, отдал приказ подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов».

Второй (л.д. 157): «Для реализации этих планов (т. е. планов захвата здания Верховного Совета РФ и захвата руководства РФ) Варенников отдал указания подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом».

Совершенно разный смысл. Ну, разве все это не может вызвать недоумение? Хотя и то, и другое — вымысел авторов обвинения.

Придерживаясь истины и принципа — говорить только правду, я обязан заявить, что к этому абсурдному обвинению необходимо присовокупить еще одно — мною было отдано распоряжение подготовить и доставить вечером 20.8 в Москву пять инженерных машин разграждения. По этому вопросу я также намерен дать показания.

Теперь по существу обвинения. Прошу обратить внимание Суда на то, что все это происходит 20.8, во второй половине дня. А накануне, т. е. 19.8, все войска были приведены в повышенную боевую готовность, по которой во все виды боевой техники, в том числе и вертолеты, и танки, загружается боезапас. Следовательно, вертолеты и танки, о которых идет речь, уже были с боезапасом. Мало того, танки к этому времени уже были в Москве.

Уже 20.8 в разговоре с министром обороны просматривалось, что надо поправлять положение в районе Белого дома и что в этих условиях (в интересах разрядки обстановки) надо войска из города выводить. Спрашивается, если министр обороны думает о выводе войск, то как я мог думать о другом? Тем более о штурме? Просто странно.

Таким образом, подводя итог по предъявленным по 20-му августа обвинениям, можно утвердительно сказать, что ни принятие участия в совещании, которое проводилось в Генеральном штабе, ни отданные мной указания по танкам, инженерным машинам разграждения и вертолетам не несли в себе признаков преступного деяния.

Принятие участия в совещании имело цель изучить сложившуюся обстановку в Москве в целом и подробно вокруг здания Дома Советов РФ для принятия решения на последующие действия.

Применение танков мыслилось как запасной вариант на случай, если не будут поданы инженерные машины разграждения для наведения порядка — расчистки магистрали Калининского проспекта и других районов (точнее, для растаскивания стоящих на проезжей части машин и троллейбусов).

Применение вертолетов мыслилось проводить для воздушной разведки района Красной Пресни, маршрутов выхода войск из города и сопровождения частей во время совершения марша.

То, что мною были отданы только предварительные распоряжения и не было поставлено конкретных задач, — вполне логично: конкретные задачи могли быть поставлены только после объявления министром обороны решения о выводе войск.

Общий итог по разделу предъявленного обвинения

Первое. В план срыва подписания Союзного договора 16 августа 91 г. министром обороны маршалом Д. Т. Язовым я не посвящался, как это записано в Обвинительном заключении, да и такого плана в природе не существует, так же как никто на меня не делал ставку по обеспечению режима чрезвычайного положения.

Нигде в материалах предварительного следствия вы, уважаемый Суд, не найдете ни одного доказательства по событиям 16 и 17 августа, подтверждающего существование какого-то плана «срыва Союзного договора». Руководители прокуратуры выдают желаемое за действительное. Хотя теперь я понимаю, почему это произошло.

Господа Степанков и Лисов, видимо, знали, что их литературное творение может вызвать интерес у читателей лишь в том случае, если в нем будет присутствовать соответствующая детективная атрибутика типа: «Дата выступления», «План срыва Союзного договора», «Изоляция президента», «Захват власти» и т. п. Конечно, все это звучит! Интригует.

Более того, я выскажу предположение, что и текст Обвинительного заключения составляли не только юристы. Поэтому выдвинутые обвинения являются умышленно надуманными.

Второе. Открытой ложью звучат утверждения Обвинительного заключения и по 17 августа 1991 г. при встрече на объекте КГБ АБЦ, где якобы были оговорены вопросы: по изоляции президента; о составе ГКЧП; оглашены документы

ГКЧП; обсуждены вопросы взаимодействия МО, МВД и КГБ; а также о том, что надо заручиться поддержкой республик, что была определена дата выступления на 18 августа и, наконец, что направляемая в Крым группа должна была предъявить Горбачеву ультиматум — либо он вводит чрезвычайное положение, либо он уходит в отставку. Ни одно из положений не нашло подтверждения на завершающей стадии предварительного расследования и сейчас, в судебном разбирательстве.

Лишь факт организации поездки в Крым действительно имел место, но цели преследовались иные в сравнении с обвинением, а именно: предложить президенту, а не предъявлять ему ультиматум (хотя как народные депутаты мы могли бы и потребовать) — объявить ЧП в ряде районов страны и т. д.

Третье. Ни на одно из обвинений, перечисленных по 18-му августа 1991 г., нет ни единого обоснования. В том числе о принуждении президента уйти в отставку, так как этого не было, как и не было его изоляции. Он, Горбачев, использовал сложившуюся ситуацию и организовал самоизоляцию, рассчитывая на многое. Но сами события подтвердили крайнюю ограниченность такого его решения.

Следовательно, все обвинения следствия, касающиеся 18 августа, — очередная фантазия, не имеющая ни малейшего подтверждения. Хотя сегодня приходится только сожалеть, что все мы, являясь народными депутатами, могли потребовать от Горбачева сдать пост президента — как условие крайней необходимости, что предусматривал УК РСФСР.

Четвертое. Обвинение, предъявленное в связи с моим пребыванием в Киеве 18, 19 и 20 августа 1991 года, еще более возмутительно и абсурдно. Я не только не требовал от руководителей Украины введения на Украине чрезвычайного положения, а наоборот — внес предложение, обеспечивающее спокойствие и стабилизацию ситуации в республике. Что касается трех областей запада Украины, то они действительно вызывали у меня сомнения. И последующие события 1991, 1992 и 1993 годов подтвердили правильность моих опасений.

В беседах в Киеве о ГКЧП вообще не шло речи, и это подтверждается показаниями руководителей Украины. А направление в Москву на имя ГКЧП телеграмм любого содержания совершенно никого ни к чему не обязывало, а только позволяло старшему органу ориентироваться в обстановке, а также в оценке лицами, находящимися за пределами Москвы, и той ситуации, которая сложилась на Красной Пресне.

Ложь и полуправда об этом периоде — вот основание, на которое опирается обвинительное заключение.

И, наконец, пятое. Вторая половина 20 августа 1991 года. Ни мое участие в совещании, проведенном в Генштабе, ни отданные мной предварительные распоряжения о возможном применении инженерных машин разграждения, танков и вертолетов без конкретного определения целей и задач их использования, так как министром обороны Д.Т.Язовым решение о выводе войск еще не объявлялось, не несли в себе даже признаков преступного деяния.

Таким образом, анализируя каждую позицию следствия и подводя общий итог Обвинительному заключению, я вправе сделать однозначно следующие выводы.

Во-первых, в нашем законе говорится (статья 7 общей части УК РФ), что преступлением признается предусмотренное особой частью настоящего кодекса общественно-опасное деяние, посягающее на советский (именно — советский) общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства (именно — социалистическую!), социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное посягание на социалистический правопорядок. Это — общественно-опасное деяние.

Но все мои деяния, как и деяния моих товарищей в августовских 1991 года событиях, были направлены не против советского общественного и государственного строя. Эти деяния, их сущность не выражала посягательства на социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность. Наоборот, все было направлено только на защиту всего этого! Об этом свидетельствуют и изданные ГКЧП документы, и все его действия.

Так же, как не было посягательства на личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан. И вообще все было направлено на сохранение и утверждение социалистического правопорядка, который, к сожалению, рушился и продолжает рушиться, чего никто не может отрицать. Поэтому общественная опасность, которая могла быть выражена реально причиненным вредом перечисленным объектам или реально содержала бы в себе такую возможность причинения вреда, фактически отсутствовала!

Во-вторых, о Президенте СССР Горбачеве как о личности, т. е. как гражданине и как должностной фигуре.

Поскольку следствием Горбачев признан не потерпевшим, а свидетелем, то вопросы о нанесении ему ущерба как личности или ущемлении его гражданских прав отпадают.

Руководители страны 17 августа, после обсуждения и изучения обстановки в государстве, решили не звонить Горбачеву,

а послать к нему группу и предложить с учетом критического положения принять адекватное решение. Все были уверены, что такое решение будет принято, потому что другого выхода из этой ситуации не могло быть.

В сложившейся обстановке, которую доложила руководству страны группа, вернувшаяся из Крыма, ясно вырисовывалась главная опасность. Горбачев, никак не желая ввязываться в процесс пресечения теневых тенденций в экономике, межнациональных отношениях и пресечения преступности, одновременно намерен был подписать проект Союзного договора, подготовленного в Ново-Огареве, что фактически означало узаконивание развала Союза. Этого нельзя было допустить, и руководство страны, находясь в условиях крайней необходимости, создает ГКЧП и принимает решение — временно передать функции президента вице-президенту, одновременно еще надеясь, что Горбачев правильно оценит обстановку даже лично для себя и подключится к действиям ГКЧП.

Конечно, если ГКЧП и его решения рассматривать в отрыве от складывающейся в стране ситуации, их можно условно (подчеркиваю — условно) назвать не совсем конституционными. Почему условно и почему не совсем конституционными? Формально на несколько дней предполагалось передать обязанности президента вице-президенту в целях срочной стабилизации обстановки. Формально решения по этим вопросам принимал не Горбачев. И эти обстоятельства никто не отрицает, в том числе и я.

Однако фактически ГКЧП действовал не от своего имени, а от имени народа, который выразил свою волю на референдуме о необходимости сохранения Союза. Поэтому фактически действия ГКЧП были направлены на сохранение нашего Отечества — Советского Союза, отвечали интересам защиты нашей Родины, в измене которой меня и моих товарищей обвиняют.

Теперь о чисто юридической оценке наших действий. Действуя в состоянии крайней необходимости, устраняя единственным имеющимся у нас путем опасность развала страны, когда устранить ее при данных обстоятельствах другими средствами было невозможно, я и все остальные действовали абсолютно конституционно, законно и обоснованно. Состояние крайней необходимости есть состояние критическое. Действия, которые мы совершили и которые вытекают из этого состояния, никакой опасности не образуют, ибо они являются абсолютно конституционными.

Итак, деяния ГКЧП совершены в состоянии крайней необходимости, т. е. в интересах устранения опасности,

угрожающей интересам Советского государства, что реально выражалось в недопущении развала Советского Союза. Опасность была в наличии — сам проект договора по схеме 9 плюс 1 уже говорил о выпадении из Союза ряда республик. Источником такой опасности был, в первую очередь, Горбачев — Президент СССР. Реальные условия причинения этого вреда стране, т. е. ее развала, уже были созданы, и это не мнимая, а действительная опасность — сроки и место подписания договора уже были определены и согласованы. Других средств, другого пути, как я уже сказал, другого выхода в это время не было: 20 августа должен был быть подписан новый Союзный договор, а 19 августа предпринимается этот шаг и оглашается всему народу. Что касается ГКЧП, то и он, предполагалось, должен был быть утвержден или отвергнут на Верховном Совете СССР. Ведь неконституционно созданный Горбачевым в 20-х числах августа Госсовет только 5 сентября был утвержден съездом народных депутатов СССР. Хотя съезд, в свою очередь, был разогнан Горбачевым сразу же, на следующий день — 6.9.91 г.

Что же касается соотношения причиненного и предотвращенного вреда, то здесь эти величины просто несопоставимы: вред нанесен только личному престижу Горбачева, который предал свой народ! Но ГКЧП делал все во имя спасения Отчизны! Участвующие в этих событиях военные, кроме того, во имя достижения цели, т. е. во имя безопасности Отчизны, обязаны были и рисковать своей жизнью — так записано в Комментариях к УК.

Таким образом, деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, было вызвано объективной необходимостью, и оно законно.

В-третьих. Об умышленных моих действиях, якобы направленных в ущерб государственной безопасности.

В обоснование этого абсурдного обвинения Обвинительное заключение приводит следующие доводы: 1) смещение главы государства — Президента Горбачева; 2) нарушение нормальной деятельности системы высших органов власти; 3) использование в антиконституционных целях Вооруженных Сил; 4) срыв подписания Союзного договора.

В связи с этим прошу Суд обратить внимание на следующее.

Первое. Ни я и никто другой Горбачева с поста президента не смещал и не имел такой цели, хотя основания для этого были, и надо было это сделать — изолировать и доложить Верховному Совету СССР. Он же как был на отдыхе в отпуске в этот крайне тяжелый для страны период времени, так спокойно и продолжал пребывать в своей резиденции в Крыму, не меняя ни режима

отдыха, ни методов лечения, ни даже содержания своих развлечений. Временное же исполнение Янаевым Г. И. обязанностей президента не является его смещением. Тем более что все это должен был рассмотреть Верховный Совет СССР.

Второе. Деятельность системы высших органов власти в этот период не только не была нарушена, но, наоборот, обострена и подтянута. А все основные руководители исполнительных органов государства, кроме президента, вошли в состав ГКЧП, находясь по-прежнему на своих постах. Президент же находился в отпуске. Таким образом, никакого нарушения нормальной деятельности органов власти не было.

Третье. Вооруженные силы в стране вообще нигде, тем более в антиконституционных целях, не применялись. Ввод же нескольких частей Московского военного округа только в столицу в связи с объявлением в городе чрезвычайного положения выполнен в соответствии с Законом «О правовом режиме чрезвычайного положения». И если бы провокаторы не организовали нападение несмышленых ребят на военную колонну БМП, которая была в 1,5 километрах от Белого дома и двигалась в противоположную от этого здания сторону, то и этой трагедии — гибели трех молодых людей — не произошло.

Что касается принятого в ночь с 18 на 19 августа решения по срыву подписания Союзного договора, то этот вопрос уже разобран.

Надо только дополнительно обратить внимание на два факта:

1) никто не мешал Президенту СССР и президентам республик подписать этот договор в конце августа — начале сентября (главные противники этого акта уже были арестованы), однако подписание не состоялось;

2) вместо подписания Союзного договора Президентом СССР в нарушение Конституции СССР и принятого съездом народных депутатов СССР закона был подписан документ о выходе Прибалтийских республик из состава Советского Союза. Этим актом плюс разгоном съезда народных депутатов СССР было уже реально, физически обозначено разрушение нашей страны, которую сотни лет создавали наши предки. Было совершено вопиющее преступление, на что правоохранительные органы никак не отреагировали, и в первую очередь — Генеральный прокурор СССР.

Следовательно, мной, как и моими товарищами, не был нанесен, тем более умышленно, ущерб государственной безопасности. Она, государственная безопасность, в дни августовских событий пребывала в обычном режиме и в нормальных условиях, если не считать незаконные

антиконституционные действия органов союзной и российской прокуратур, арестовавших обманным способом лиц, отвечающих за государственную безопасность в стране. Вот этим, конечно, был нанесен ущерб госбезопасности СССР, что со временем, я уверен, будет оценено по достоинству, т. к. этим воспользовались все враждебные строю силы как внутри страны, так и за рубежом. Этим воспользовался в том числе и Горбачев.

Четвертое. О моих якобы умышленных действиях, направленных на нанесение ущерба обороноспособности страны.

Обвинительное заключение пытается обосновать это обвинение следующим: якобы Президент СССР, он же — Верховный Главнокомандующий, был отстранен от своих полномочий путем изоляции и тем самым лишен возможности принимать решения по использованию стратегических ядерных сил.

В связи с этим еще раз заявляю: никто Горбачева не отстранял ни от каких постов в государстве и партии, хотя он этого заслуживал. Любые манипуляции с переносными средствами (чемоданами), обеспечивающими только конфиденциальную связь, никакой угрозы и ущерба управлению СЯС не наносили, о чем подробно могу доложить на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда. Думаю, что можно, если требуется, еще раз провести экспертизу.

Пятое. О неконституционности действий, что подчеркивается в заключительной части Обвинительного заключения.

Зададимся вопросом: чем вызвано появление ГКЧП и его действия? Причин много, к ним я еще вернусь в других разделах. Но сейчас только о главных из них.

Это — обстоятельства крайней необходимости. Необходимости недопущения развала Советского Союза, что было разобрано выше:

— Провокационный характер трагедии. Горбачев спровоцировал и появление, и выступление ГКЧП. А глава российского государства или его окружение распустили слухи о штурме Дома Советов РФ.

— Отсутствие мер по пресечению грубых нарушений Конституции, невыполнения указов президента, что выливалось в «войну законов».

— Все ухудшающееся экономическое, социально-политическое положение в стране, обнищание народа, ухудшение криминогенной и межнациональной обстановки.

— Катастрофическое падение авторитета нашего государства.

— Наличие фактов нарушения лично Горбачевым Конституции, о чем буду еще докладывать.

Кроме того, большой ущерб государству Горбачев наносил анархическими лозунгами, которые он необдуманно бросал с трибун съездов и пленумов. Например: «Все разрешено, что не запрещено законом!» А если учесть, что нашими законами многое не предусматривалось, то вполне объяснима и вакханалия, которая поднялась в ответ на горбачевский вексель — призыв к беззаконию, и это тоже привело к развалу Союза и тоже оказало влияние на создание ГКЧП.

Шестое. Об общей направленности Обвинительного заключения, моем отношении к нему и к предъявленному мне обвинению.

В любом процессе, а тем более в таком, как этот, т. е. в процессе, который рассматривает крупные политические проблемы, касающиеся всего государства, к которому привлечено внимание общественности не только нашей страны, но и мира и в котором по делу проходят все основные руководители законодательной и исполнительной власти страны, особое значение имеет Обвинительное заключение.

Наряду с другими мерами и документами оно должно было, на мой взгляд, максимально продемонстрировать стремление Генеральной прокуратуры РФ обеспечить объективность, беспристрастность и справедливость, создать все условия для Суда, чтобы тот нашел истину. Ведь в обстановке возможного

возрождения демократии в России и освобождения ее от тех уродливых форм, которые она уже приняла в течение последних лет, исключительное значение имеют итоги этого политического процесса. Они, эти итоги, покажут:

1) или что у нас уже начинает налаживаться жизнь по Закону, и декларация «О правах и свободах человека и гражданина», принятая Верховным Советом России в 1992 году, находит свое материальное воплощение в жизни;

2) или же все это продолжает оставаться лишь на бумаге и является декорацией, прикрывающей беспредел.

Но Генеральная прокуратура не нашла в себе сил и мужества для признания своих грубых ошибок и не направила в Суд объективное Обвинительное заключение. Наоборот, продолжает отстаивать абсурдные и даже лживые позиции с целью сохранения чести своего мундира. Она предпринимает все, чтобы не обнажились ее истинное политическое лицо и ее услужливые действия в угоду исполнительной власти, в угоду проводимой этой властью политике реставрации капитализма — антиконституционной политике, если говорить о Конституции Советского Союза, Конституции моей Родины — Конституции, которую я защищал 30 лет, в том числе с оружием.

А жаль. Ведь в этом просматривалось не только раскрытие путей дальнейшего развития нашей демократии, но и международный авторитет России, нашего общества. Пора, наконец, нам опять встать в строй развитых, цивилизованных стран мира, хотя бы в области права!

Нет больше смысла раскрывать неуклюжие действия этого высокого государственного органа — Генеральной прокуратуры РФ. Но полезно заметить, что действия Генпрокуратуры по данному конкретному делу не только вредны, но и представляют общественную опасность.

Что касается моих деяний, то в них нет даже формальных признаков преступления. Я не признавал и не признаю себя виновным в измене Родине! Нет в моих действиях признаков и любых других преступлений, а не только вытекающих из статьи 64.

На этом я заканчиваю показания по факту происшедших событий. Прошу Суд учесть, что вторая часть моих показаний также займет по времени весь день и будет в себя включать: мотивы, побудившие к выступлению, причинно-следственные связи событий и нарушение законности Генпрокуратурой РФ.

Итак, первая часть показания была закончена. Вечером после заседания мы с адвокатом Дмитрием Давидовичем Штейнбергом обсудили уже доложенное и внесли некоторые поправки в

показания на следующий день. Вот продолжение моих показаний.

Уважаемый Суд!

Докладываю вторую часть моих показаний. Они затрагивают три принципиальных вопроса: о моих идеалах; мои политические и правовые оценки событий августа 1991 года и нарушения прав человека Генеральной прокуратурой.

Первый вопрос — о моих идеалах, принципах и жизненных позициях, о причинах и мотивах, побудивших меня к действиям в августе 1991 года.

На мой взгляд, все тяжелые проблемы нашего общества и в августе 1991 года, и до сегодняшнего дня, как в фокусе, сосредоточены в известной публикации «Слово к народу», которая была представлена общественности нашей печатью в июле 1991 года, т. е. за месяц до событий. Этот документ (я именно так его оцениваю) был подписан не формально. Я вложил в него лично все, что думал, как и другие авторы, в т. ч. В. А. Стародубцев и А. И. Тизяков, тоже проходившие по делу ГКЧП.

Несмотря на то что прошло уже три года, как это «Слово» появилось, и хотя за это время произошли колоссальные изменения в нашей стране, актуальность поднятых в нем вопросов не только не утрачена, а наоборот — приобрела еще бульшее значение. Разве «Слово к народу» не взывает к единению, консолидации во имя мира, спокойствия и сохранения Отечества?

Прошу Суд обратить внимание только на два фрагмента этого знаменательного обращения.

Вот что там говорилось:

> «Родина, страна наша гибнет!.. Умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего… Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти не любящих эту страну, а раболепствующих перед заморскими покровителями?.. Неужели мы допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну?»

В обращении к армии в этом «Слове» подчеркнуто: «Мы убеждены, что воины армии и флота, верные своему долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом всех здоровых сил общества».

И в заключение сказано: «Не пожалеем же сил для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимые отчуждения человека от власти труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия жизни и самовыражения… Советский Союз — это наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в годины черных нашествий! Россия — единственная, ненаглядная! — она взывает о помощи».

В этих фразах предельно четко выражены жизненная позиция и духовные идеалы, которые могут толкнуть человека на действия только во имя и на благо СССР, нашей великой Российской империи, нашего великого народа. Прошу именно с этих позиций оценивать все мои поступки и деяния.

Вот почему я, как и большинство у нас в стране, в свое время приветствовал также и «Обращение к советскому народу», подписанное Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР 19 августа 1991 года. Этот документ духом и буквой перекликается со «Словом к народу». Считал и считаю сейчас, что в нем честно и убедительно дается оценка и характеристика обстановки того времени в нашей стране. А также определены пути выхода из сложившейся ситуации — кто, когда и как конкретно будет это делать.

> «Обращение к советскому народу» (как и другие документы ГКЧП) было Судом оглашено, поэтому я его зачитывать не стану. Но одну цитату приведу. Это очень важно: «Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса».

И далее перечисляется, что он намерен сделать. Спрашивается — правильно ли этот документ отражает обстановку? Намеченные меры были реально выполнимы, или же все изложенное сделано в популистском духе? А главное — есть ли в этом что-то преступное? Нет! Все сказано во имя интересов народа и ничего преступного! Естественно, что подавляющее большинство населения страны восприняло этот документ не просто положительно, но и с радостью и надеждой: наконец-то руководители начнут заниматься своим делом — наведением в стране порядка.

Я не член ГКЧП, но если бы довелось мне этот документ

подписывать, я бы это сделал без колебаний. Мало того, я бы добился, чтобы он был выполнен.

Конечно, издание Государственным комитетом по чрезвычайному положению «Обращения к советскому народу» еще не означало, что народу сразу уже все стало ясно и что ГКЧП полностью довел до сознания масс свои идеи и цели. Многие еще были в неведении, что происходит, и самое главное — во имя чего. Этим максимально воспользовались враждебные комитету силы.

Утопизм ГКЧП состоял в стремлении найти контакт и общий знаменатель, доброе согласие с теми, кто уже фактически открыто порвал с Советской Конституцией. Приспособленчество и соглашательство в тех условиях означали чистейшей воды оппортунизм. Это очень плохо! Но это не предательство, не измена Родине и своему народу. Мое мировоззрение полностью совпадает с принципами, изложенными и в «Слове к народу», и в «Обращении к советскому народу». То есть я за социализм в истинном его понимании, а не в тех уродливых формах, в которых мы жили в последние годы. Я за Советы и Советскую власть, за соблюдение Конституции и законов, за дисциплину, порядок и истинную демократию в стране, за многоукладную экономику, в т. ч. за частную собственность в масштабах, которые не угрожают социализму, за регулируемый рынок, как в большинстве стран мира, в т. ч. в США, ФРГ, коммунистическом Китае. Я — за былой авторитет нашего государства, его безопасность, суверенитет, полную независимость и надежную оборону.

Все в этих документах было изложено правдиво, очень конкретно, понятно и главное — все было реально выполнимо!

Но когда народу годами не только не могут открыто и честно сказать, как не говорят и сейчас, какое, в конце концов, мы строим общество: социалистическое, капиталистическое или какое-то новое, — это возмутительно! Это оболванивание народа.

Нет сомнения, что демократия должна присутствовать и в том, и в другом, и в третьем случае, т. е. и при социализме, и при капитализме, и при новом социально справедливом обществе. Одни считают, что в капиталистическом обществе демократии больше, другие утверждают, что демократия по-настоящему существует в социалистическом обществе. Но обе эти демократии в том виде, в каком были на 1991 год, на мой взгляд, имели и пороки.

В одном случае — убивают президентов (Кеннеди), политических лидеров (Лютер Кинг), нагло вмешиваются во внутренние дела других стран, устраивают геноцид (Гренада,

Ливия, Панама, Ирак), я уже не говорю о Советском Союзе, который они вообще разрушили. В другом случае — как были, так и остались многочисленные преследования инакомыслящих, демагогия о демократии, о правах и свободах человека, в том числе о свободе слова — в марте 1991 года провели референдум, народ высказался за Союз, а Горбачев подготовил к подписанию проект нового Союзного договора, который предусматривает развал Советского Союза. Такая же ситуация со средствами массовой информации.

Но все это мои личные взгляды, которые не влияют на официальный государственный курс, на государственную политику. В то же время эти взгляды опираются на незыблемые принципы, которые позволяют мне делать соответствующие оценки и выводы. Именно это подтолкнуло меня к действиям в августе 1991 года и фактически выступить против политики Горбачева.

Что касается внутренней политики (социально-политической и экономической ее сторон, благосостояния народа), то, на мой взгляд, наша политика в отношении каждого человека должна быть крайне честной, открытой, правдивой, понятной и реальной. Никакого намека на лживые заявления и фальшивые действия, никаких вихляний и экспериментов! Не нужно никакого «гуманного демократического социализма», как не нужны и «рельсы»… Внутренняя политика должна из года в год приумножать национальный доход (взаимодействуя с внешнеполитическим курсом), увеличивать и улучшать благосостояние всего или абсолютного большинства нашего населения, внедрять в общество истинную демократию. При этом независимо от того, кто и сколько находится у власти, в т. ч. правительство, президент. И без кивков в сторону предшественников, которые будто оставили тяжелое наследство, застойное время, как это постоянно делает Горбачев. И без критики, так сказать «порочного строя», который был якобы прежде, как это делают нынешние власти (Ельцин и его окружение).

Говоря о своих взглядах, хочу подчеркнуть:

1) Да, я был и остаюсь сторонником сохранения, укрепления и процветания Советского Союза, который имел все необходимые объективные условия для такого процветания. Не было только с середины 50-х годов лидера с «царем в голове», который мог бы сохранить темпы развития и обеспечить уже действительное процветание страны.

Являясь реалистом, я понимаю, что сегодня возврата нет к тому Советскому Союзу, но возрождение нашего Отечества — это

вполне реальное дело! Такое возрождение обеспечило бы сохранение существовавшей экономики, культуры, науки, искусства. Оно обеспечило бы единые эффективные меры в области экологии, позволило бы иметь единую оборону. Наконец, обеспечило бы сохранение нашей единой семьи народов Великой Руси, чего так не хотят и боятся на Западе.

2) Я всегда был против развала Союза, против вульгарного выхода каких-либо республик из состава Советского Союза, тем более по указке из-за рубежа, по сценарию Запада. Если уж выходить из Союза, то в соответствии с принятым на съезде народных депутатов СССР Законом «О порядке выхода из состава СССР».

3) Я был против анархии в экономике и войны законов, что в итоге привело к небывалому обнищанию народа, моральному и физическому угнетению советских людей, развалу хозяйственных связей и бесконтрольному грабежу богатств нашего Отечества, развалу СССР.

4) Я был против всевозрастающего национализма, сепаратизма и экстремизма всех мастей, которые приводили к крови, большим жертвам, миллионам беженцев, к полнейшей обреченности ни в чем не повинных людей. А в это время Горбачев делает вид, что всего этого нет.

Характерно, в связи с этим, заявление бывшего советника президента РФ Старовойтовой в «Известиях» № 180 от 11.08.92 г. (статья «Декларация прав человека должна получить гарантии во всех странах»). Цитирую: «Недавно в Америке на встрече, организованной Биллингтом, директором библиотеки Конгресса, Горбачев признался, что он начал понимать значимость национальных проблем только осенью 90 года (!). Мне сказали об этом пораженные конгрессмены — участники встречи». Вот вам лицо нашего лидера! Уже была бойня и в Сумгаите, и в Карабахе, и в Тбилиси, и в Баку, и в Средней Азии… А он только начал понимать.

5) Я был против роста не имеющей на своем пути преград преступности всех видов; против разложения и растления молодежи — будущего нашего Отечества; против падения демографических показателей нашей нации, что особо важно.

Демографическая катастрофа — самый убедительный показатель краха всех проводимых с 1985 года реформ.

Еще Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что к 2000 году русских на земле будет 400 миллионов. Но он ошибался — к 2000 году мы имели в России вообще население 145 миллионов, т. е. почти столько, сколько было в 1910 году. А в США за это же столетие население увеличилось почти в 4 раза (с 75 до 280

миллионов).

Несмотря на годы Гражданской и Великой Отечественной войн, а они унесли десятки миллионов жизней, у нас в России население все-таки росло, хотя динамика роста была не столь яркой. Так, на каждую тысячу человек в 1913 году был прирост 15 человек, в 1950 году, т. е. при Сталине, — 17, в 1960 году — 16, а в 1970–1980 годах — уже только 6–7 человек. Но прирост был.

Сегодня самым тяжелым для нас показателем (и это опубликовано в докладе Детского фонда ООН) является то, что с 1985 по 1991 год уровень общей смертности в России вырос на одну треть, это в 3–4 раза больше в сравнении с другими неблагополучными странами. И главное — отмечается тенденция роста смертности: в первом полугодии 1993 года она возросла в 1,6 раза в сравнении с таким же периодом 1992 года. Резко уменьшилось количество браков, сократилась рождаемость.

6) Я выступал против ущемления интересов и авторитета нашего государства, против одностороннего сокращения Вооруженных Сил и вооружений, нарушения принципа равной безопасности, против уродливых форм конверсии военной промышленности, что вместе взятое наносило колоссальный ущерб обороноспособности, государственной безопасности и, естественно, суверенитету нашего государства. Вот куда надо было смотреть прокуратуре!

7) Я протестовал, когда ущемлялись интересы личного состава и особенно офицеров и членов их семей, выводимых спешно из стран Восточной Европы и Монголии в не подготовленные у нас в государстве районы. Категорически возражал в отношении дискриминационных условий пребывания наших военнослужащих в Прибалтике, Закавказье и некоторых районах Средней Азии.

Фактически по всем вопросам я вносил в разных инстанциях конкретные предложения и готов был включаться в их осуществление. К примеру, предвидя, что Варшавский Договор в течение года развалится, и зондируя почву среди натовцев, как они отнесутся к предложению распустить оба блока, сделал вывод, что последние не только не намерены предпринимать что-то ликвидационное в отношении НАТО, а наоборот — будут этот союз укреплять. Поэтому, учитывая обреченность Варшавского Договора, а к этому его привел Горбачев, я написал министру обороны и начальнику Генерального штаба доклад (конечно, в надежде, что он был представлен и Президенту — Верховному Главнокомандующему), где предлагал хотя бы за несколько месяцев до наступления признаков агонии Варшавского Договора заявить о его роспуске и гласно призвать Запад последовать

нашему примеру в отношении НАТО. Этим шагом мы способны были приобрести в свой актив хотя бы общественное мнение мира. Но и этого не было сделано. А получилось так, что весь мир оказался свидетелем позорного краха нашего оборонительного союза. Конечно, народы мира видели одновременно и другое: что все это — результат хорошо проведенной акции Западом (и в первую очередь ЦРУ) с помощью и активным участием лично Горбачева, а также его друзей по предательству.

Или вот еще пример. Зачем нам надо было брать, унижаясь, деньги у ФРГ для строительства жилых домов офицерскому составу частей Западной группы, выводимых из Германии? Ведь предлагалось вообще ничего не брать. На мой взгляд, немцы обязаны были сами построить нам столько военных городков и жилых помещений для офицеров, сколько требуется, а не ограничиваться теми крохами, которые Коль посулил Горбачеву в обмен на решение Советского Союза дать согласие на объединение Восточной и Западной Германий. Мы только недвижимости и военного имущества оставили в ГДР на 90 млрд. западных марок, а Коль давал 13,5 млрд. и из них лишь 7,8 на строительство. Ведь было бы прекрасно, если бы по мере готовности военных городков и жилого фонда офицерам выводились бы и наши воинские части из Германии. Куда нам с этим спешить? В конце концов, мы же победители! Не по своей инициативе мы оказались в Германии. Это гитлеровцы развязали войну. И мы, громя их, вынуждены были прийти в их логово.

Но ведь даже солидных торгов по этому поводу не было — Запад продиктовал, а Горбачев принял к исполнению. Но кто ему это разрешил? Никто! Я опять возвращаюсь к вопросу, который часто уже задавался: самолично Горбачев управлял страной или с кем-то считался? Ответ однозначен — только самолично и только в ущерб стране (не считая, разумеется, Яковлева и Шеварднадзе, которые с Горбачевым составляли одно лицо). Ни Верховный Совет, ни Кабинет министров, ни Совет Федерации, ни тем более другие государственные органы для него не имели никакого значения!

Так же, не торопясь, надо было поступить в отношении наших войск в Венгрии, Чехословакии и Польше. Ведь Советский Союз освободил народы этих стран от гитлеровской оккупации. И эти страны должны хотя бы компенсировать то, что мы за все десятилетия там настроили. А это тоже миллиарды долларов. Мы же, по милости Горбачева, спешно покинули страны Восточной Европы, подгоняемые бывшими нашими друзьями, которых Горбачев в короткие сроки сделал нашими врагами.

Когда в стране всем уже стало ясно, что мы живем

значительно хуже в сравнении с недалеким прошлым, то Горбачев и его приспешники начали увещевать, мол, не надо драматизировать обстановку. Когда же страна встала на грань катастрофы и должна была уже развалиться, то они заговорили: надо что-то предпринимать, создавать хотя бы какую-то конфедерацию.

Еще и еще раз подчеркиваю: все доводилось до степени необратимости процесса! И делалось это умышленно. Это очень важный вывод, и я прошу Суд обратить на него особое внимание.

Мне, как военному человеку, нельзя обойти Вооруженные Силы. В годы перестройки все делалось Горбачевым только в ущерб стране и Вооруженным Силам, обороноспособности государства, а прокуратура не сделала ему даже замечания. То, что армию надо было сокращать (как и старое вооружение), никогда ни у кого из военных не вызывало сомнений. Но то, что это надо было делать на условиях равной безопасности с Западом, а не односторонне, как это фактически имело место, — это тоже всем было понятно!

Ну, а что было на самом деле? Что у нас вызывало особое возмущение и явилось причиной моего несогласия с политикой Горбачева? Приведу лишь некоторые примеры.

Первый. О стратегических ядерных силах. Под лозунгом «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и якобы в целях «прорыва» в отношениях между Западом и Востоком подписали особо ущербный для Советского Союза договор о сокращении ракет меньшей и средней дальности. Мы сократили своих носителей в 2,5 раза больше и своих боеголовок в 3,5 раза больше в сравнении с США. Возможно, и надо было пойти на прорыв таким методом. Но совершенно непонятно, почему в число подлежавших уничтожению был включен ультрасовременный, превышающий все зарубежные аналоги по всем характеристикам (даже в настоящее время) оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока»? Ведь кроме того, что в то время он только пошел в производство, что перешли на это вооружение армии некоторых социалистических стран и наши военные округа на Западе, что он стоил большого труда ученых и рабочих, что он обошелся народу в миллиарды рублей — он просто по своим параметрам не подпадал под сокращение. И не должен был быть ликвидирован! Кто бы инициативу ни проявлял, — Шульц или сам Горбачев с Шеварднадзе, этот ракетный комплекс должен был остаться. Даже у многих американцев такой дикий шаг вызвал удивление — по соглашению должны были ликвидироваться ракеты наземного базирования с дальностью 500 км и выше (кроме

межконтинентальных), а у «Оки» дальность до 400 км. Ведь уничтожение «Оки» — это государственное преступление. Где же была прокуратура?

Второй пример. Преступлением является и то, что без ведома Верховного Совета американцам передано более 50тысяч кв. км в Беринговом море. Это лишило наш Военно-Морской Флот районов рассредоточения в этих водах, а армию и погранвойска заставило пересматривать свои планы обороны. Не говоря уже о колоссальном материальном ущербе — запасы нефти в шельфе, как известно, соизмеримы с кувейтскими; потеряно также 10 процентов улова ценных пород рыб. Согласно Конституции, право изменять границы имеет только парламент. В данном случае все сделано без ведома Верховного Совета.

Третий пример — о сокращении обычных вооружений и Вооруженных Сил. Да, у нас Сухопутные войска были больше, чем в США, и танков больше. Так у нас и соседей — десятки и сухопутная граница тянется на десятки тысяч километров. Но Горбачев почему-то все-таки пошел на одностороннее сокращение, хотя мы настаивали на том, чтобы в связи с этим предложить американцам одновременно рассмотреть крупное сокращение своего ВМФ, который значительно превышает флоты всех стран. Эта мера позволила бы сохранить паритет в мире. Однако США не только не допустили обсуждения этого вопроса, но, словно в насмешку над нами, Буш присутствовал на церемонии ввода в строй нового авианосца. Горбачев же в период нахождения у власти и пальцем не повел, опасаясь вызвать заокеанский гнев.

Четвертый пример — о выводе наших войск с территории стран Восточной Европы и Монголии. На самом деле это был не вывод, а позорное, трусливое бегство. Бегство в совершенно неподготовленные районы. Даже высокоразвитая, весьма экономически благополучная страна Канада выводила из Европы свою одну тысячу человек в течение двух лет. А мы за год выводили по 100–120 тысяч человек.

В итоге все это нанесло колоссальный ущерб государству, нашей экономике и обороне, моральному духу нашего народа и его Вооруженных Сил. Несомненно, все это делалось осознанно и вопреки несогласию и нежеланию Министерства обороны СССР.

Пятый пример — ликвидация радиолокационной (с фазированной решеткой) станции слежения за космическими объектами в Красноярске. Да, она была построена с некоторыми нарушениями договора по ПРО, где сказано, что станции такого типа должны размещаться по периметру страны (располагать их в глубине страны или выносить за пределы государства не

разрешалось). У нас станция была поставлена несколько в глубине. Политбюро ЦК КПСС и Совмин СССР приняли совместное постановление по этому вопросу с подачи министра обороны Д. Устинова. Это было сделано с целью уменьшения расходов на строительство (в Красноярске станция обошлась около 400 миллионов, тогда курс рубля на рынке шел один к одному; а если бы ее строили на Камчатке или Чукотке, то затраты составили бы более миллиарда). Создание такой станции требовала обстановка — надо было надежно закрыть «дыры» в системе СПРН на важнейшем северо-восточном космическом стратегическом направлении.

США подождали, пока мы почти полностью построили станцию, а затем предъявили претензии: нарушается договор по ПРО — надо станцию демонтировать! Но дело в том, что к этому времени сами США грубо нарушали этот же договор, размещая станцию такого же профиля в Туле (Гренландия) — не в одной тысяче километров от границ США.

Кстати, США сейчас настаивают, чтобы Россия демонтировала станцию на самом главном — северо-западном стратегическом направлении в Скрунде (Латвия). Клинтон даже выделил 7 миллионов долларов на демонтаж. Если это состоится, можно определенно сказать: наша система предупреждения о ракетном нападении полностью разрушена (имеется в виду система наблюдения наземными станциями).

Шестой пример — вывод войск из Афганистана. В феврале 1994 года мы отмечали пятую годовщину вывода советских войск из Афганистана. На официальном вечере, посвященном этой дате, Горбачев сделал беспардонное заявление, проведя аналогию между пребыванием наших войск в этой стране и войной американцев во Вьетнаме (проклиная при этом своих предшественников, принявших решение о вводе войск). Все это делалось, чтобы заретушировать и свою вину в Афганистане. Но фактически ни по целям, ни по задачам, ни по методам действий, ни по привлеченным силам и средствам, ни по потерям, ни по итогам этих событий никакого сходства они не имеют. Наоборот, здесь абсолютно полярная противоположность.

В то же время Горбачев умалчивает о другом. Политбюро ЦК КПСС в 1984 году уже четко знал, что разрешить афганскую проблему можно только политическим путем (на этом постоянно настаивали военные). Однако пришел 85-й, 86-й, 87-й, и только в 88-м начали вывод, а закончили его в 89-м. Но и эта акция, что особо важно подчеркнуть, была умышленно проведена с максимальным ущербом и для нас, и для афганского народа, и с максимальной выгодой для США.

Когда возникла идея проведения Женевских переговоров по афганскому вопросу, военные поставили условие: если предполагается участие в этом процессе США и Пакистана, то они тоже должны нести нагрузку, выполнять обязанности. В частности, мы предлагали, чтобы одновременно с выводом наших войск из Афганистана они ликвидировали на территории Пакистана всю инфраструктуру оппозиции (базы, арсеналы, лагеря и центры подготовки банд, командные пункты и т. п.). Горбачев и Шеварднадзе уверяли нас, что именно так и будет. Причем все будет проводиться под контролем наблюдателей ООН. Выполнение этого условия мы расценивали не только как залог мира на афганской земле, но и как средство воспрепятствования возможной угрозе переброски войны на территорию Средней Азии, что многократно обещал сделать Г.Хекматиар.

Что же произошло фактически? Наблюдатели ООН прибыли. Мы войска свои из Афганистана вывели. Но оппозиция не только ничего не ликвидировала, но с помощью США даже укрепилась. Сразу после ухода советских войск развернула широкомасштабные боевые действия на территории Афганистана. Появились талибы.

Спрашивается, кому нужны были тогда переговоры в Женеве? Ведь мы могли на двусторонней основе так же успешно вывести свои войска, как это сделали и при вводе?! Без участия США и тем более Пакистана. Но нет! Соединенным Штатам надо было показать миру, что якобы благодаря именно их участию, их давлению созданы были условия, когда Советский Союз был вынужден наконец убрать свои войска из этой страны. На всем этом США заработали колоссальные политические дивиденды. А в отношении нашей страны это выглядело позорно, преступно, и это факт.

Седьмой и последний пример — о конверсии военного производства в Советском Союзе. Это вопрос особой важности.

Уже в 1989 году стало понятно, что конверсия военно-промышленного комплекса приняла уродливые формы. Это наносило ущерб не только оборонным предприятиям и обороне страны, но и всей экономике государства. После настоятельных требований военных и руководителей ВПК Горбачев соглашается и 18.10.89 года проводит Главный военный совет. В нем принимают участие не только коллегия МО, руководители ВПК, но и все командующие войсками военных округов и флотов, многие главные и генеральные конструкторы, имеющие отношение к проблеме. После выступлений Горбачев, подводя итоги, сказал, что он полностью разделяет нашу тревогу и оценку

обстановки, даже поблагодарил выступавших и согласился со всеми внесенными предложениями. И пообещал, что в интересах оперативного разрешения всех проблем в этой области и в Вооруженных Силах он будет собирать Главный военный совет в этом составе не реже двух раз в год. А по заявленным критическим вопросам примет самые энергичные меры немедленно.

А что же было в итоге? Ни одной встречи! Проблемы же приобрели катастрофическую форму, т. к. никаких мер по предотвращению развала принято не было.

Но как Горбачев относился к этой сфере? Обычно он разглагольствовал о том, что военная промышленность изуродовала нашу экономику и что Вооруженные Силы — это бремя для советского народа. К этим выводам он подталкивал и других (Арбатова, Коротича). Эта демагогия и постоянное угнетение армии и ВПК имели главную цель — развалить эти две силы в угоду Западу, в первую очередь США. Часто с трибун и со страниц журналов и газет эти лица задавали «эффектные» вопросы: «С кем вы собираетесь воевать? Скажите, кто собирается на вас нападать?» Это была открытая провокация. Кстати, кое-кто из руководителей буквально эти же вопросы задает и в наши дни (например, Черномырдин).

Всем им уместно задать встречные вопросы, а именно:

1) Для какой цели существует блок НАТО и почему он не распущен, как Варшавский Договор, тем более что статусом ООН предусмотрено создавать под эгидой ООН временные формирования для принятия мер в каких-то районах мира?

2) Почему блок НАТО не только не сокращается, а расширяется и укрепляется за счет принятия в свой состав новых членов?

3) Кто командует этим блоком и какие он ставит перед собой цели?

4) Претендуют ли США на мировое господство и как мы должны на это реагировать?

5) Почему все без исключения страны Запада постоянно совершенствуют свое оружие и широко им торгуют, а мы, наоборот, — свернули военное производство?

6) Почему у западных стран существует долговременная программа развития вооружений и укрепления своих национальных Вооруженных Сил, а мы все развалили?

7) Почему страны Запада захватывают все новые и новые рынки тоговли оружием, а мы эти рынки добровольно сдаем?

Эти и другие подобные вопросы тоже имеют прямое отношение к мотивации моего выступления против политики

Горбачева.

Но сейчас хочу еще раз подчеркнуть роль ВПК в общей системе экономики страны, в снижении расходов народа на военные нужды и в укреплении наших внешнеполитических позиций. Лучший способ хорошо все представить — это посмотреть, что делали в прошлом (копируя нас) и делают сейчас руководители крупных держав, которые не предали свой народ, не распродавали богатства своей державы, не ввергали народ в нищету, не уродовали экономику страны, хотя и имели и имеют сейчас мощный ВПК.

К примеру, наш сосед — коммунистический Китай. Он широко развил свой ВПК (как и США, ФРГ, Франция, Италия, Англия и даже Бразилия) и успешно продает оружие на мировом рынке. За счет этого он полностью содержит весь ВПК и частично армию. А с 2000 года всю армию будет содержать на средства, которые приобретает от торговли оружием.

А мы? Мы утратили все традиционные и очень выгодные рынки — их захватили в основном США. Мы полностью развалили свой ВПК. Намерены, очевидно, в ближайшее десятилетие отстаивать свое Отечество с вилами в руках. Во всяком случае, уже известно, что промышленность страны не только не способна поддерживать в боевом состоянии наш ВМФ, но и перестает выпускать боевые самолеты. Теперь, видимо, авиацию будем приобретать за рубежом, как Замбия. Не производим танки.

Если до 1990 года СССР имел устойчивую прибыль от продажи оружия в размере 12–15 млрд. долларов в год (а иногда и 20) — это значительно больше, чем США, то уже в 1992 году все страны СНГ продали оружия только на 2,6 млрд. долларов, в том числе Россия — на 1,5 млрд. Но и это — за счет ранее произведенного вооружения. А США увеличили свою прибыль от торговли оружием в 1992 году в два, а по некоторым видам в три раза. Сейчас на мировом рынке страны НАТО занимают в продаже оружия 70–80 процентов (в т. ч. 50 % США). В 1993 году экспорт оружия в России составил менее 1,5 млрд. долларов, а в США — более 34 млрд. долларов.

Важно отметить, что с утратой рынков продажи оружия мы утратили и политическое влияние на многие страны. Торговля оружием ведется не только ради получения экономических выгод. Параллельно разрешаются и долговременные политические цели. Часто они являются главными.

Я, как и все нормальные люди, видел пагубность политического курса Горбачева, не соглашался с ним, вносил конкретные предложения.

В связи с этим хочу заявить, что готов в любое время дать подробные показания Суду, Генеральной прокуратуре либо парламентской комиссии о том, как политическое руководство страны во главе с Горбачевым целенаправленно разваливало наши Вооруженные Силы и оборону страны в целом.

Приведенные выше примеры можно было бы продолжать. Но даже сказанное говорит о том, что все было сделано так, чтобы нас максимально принизить, превратить в пыль авторитет нашего государства, нанести политический, морально-психологический, военный и невосполнимый материальный ущерб. Отбросить Советскую державу на десятилетия назад.

Я был против такой внутренней и внешней политики и такой позорной перспективы для нашего народа. Не за это мы и наши предки боролись, не за это мы потеряли миллионы жизней в годы Великой Отечественной войны, в том числе в Европе. Не за это! Мы думали о счастье наших советских людей.

Вот мое мировоззрение! Поэтому предателей и изменников ненавидел всегда! И презираю их сейчас. Патриотов поддерживал и вижу себя в их рядах.

Своих взглядов и позиций никогда, нигде, ни перед кем не скрывал, не скрываю и не намерен скрывать и тем более менять. Могу только подтвердить, что мои взгляды, мое мировоззрение создавались и созревали с юных лет. И в первую очередь, в годы Великой Отечественной войны, в годы суровой службы в послевоенное время, в годы войны в Афганистане, в других странах Ближнего и Среднего Востока, Африки, а также в период проводимых нами, военными, миротворческих шагов на Кавказе, в Прибалтике и других районах страны, в период ликвидации катастроф и аварий в России, на Украине, в том числе в Чернобыле.

Я был, есть и останусь человеком коммунистических убеждений. Я не отрицаю весьма далекую перспективу некоторых его положений, но я всегда считал и буду считать, что только социализм способен принести народу социально справедливое общество. Принципы социализма отражают и социальную сущность библейских сказаний, т. е. они — глубинные.

Насмотревшись за четыре с лишним года на все мытарства и страдания афганского народа и видя, что есть, хоть и хрупкая, возможность стабилизировать ситуацию в нашей стране, предпринимал к этому все необходимые меры. На местах во встречах с гражданскими организациями или военными частями, а также в личных встречах с руководителями республик и страны, в выступлениях с трибун различных форумов — везде и всегда старался правдиво, кратко и популярно показать, куда мы

катимся и что конкретно надо делать, чтобы не допустить беды.

Этому были также посвящены мои выступления на съезде народных депутатов СССР и на закрытом заседании Верховного Совета СССР в 1990 году по вопросу обстановки на Кавказе; выступление на заседании Совета Федерации, проведенном Президентом СССР весной 1991 года, по вопросу обстановки в Прибалтике (там также выступал народный депутат А. Денисов); мои телеграммы из Прибалтики и с Кавказа (особенно из Баку), в адрес руководства, кстати, это подтверждает в своих показаниях и свидетель Горбачев; мое письмо председателю КГБ с оценкой обстановки в стране (1990 год) — оно имеется в Генеральной прокуратуре; мой письменный доклад министру обороны и начальнику Генштаба (1990 год) о том, что Варшавский Договор непременно развалится и какие необходимо, на мой взгляд, предпринять выгодные для нашего государства упреждающие меры; доклад Военного совета Сухопутных войск Верховному Совету СССР о недопустимости порочной практики призыва на службу в Вооруженные Силы.

А возьмите мое выступление на научной конференции руководящего состава Вооруженных Сил 7.12.90 года. Оно помещено в журнале, изданном Министерством обороны СССР, и полностью посвящено насущным проблемам нашего государства. Я позволю сообщить только отдельные фрагменты. В расследовании моего дела Суду будут небезынтересны эти взгляды.

Цитирую:

«…Сейчас на первый план выдвигаются причины политического характера. При этом возможность решения оборонных задач ставится в прямую зависимость не только от внешнеполитической ситуации, но и от внутренней стабилизации в стране. Фактически именно отсюда сегодня грозит смертельная опасность разрушения нашего государства. Поэтому теория и практика должны учитывать и эти особенности.

Сейчас нельзя просто опираться на традиционный опыт. Сложившаяся обстановка не имеет даже приблизительных примеров из прошлого.

Мы отвечаем перед народом за оборону государства, и пренебрегать опасностью, которую таит в себе общая обстановка в стране, мы не имеем права.

Нам надо наконец понять, что события, которые происходят у нас сегодня, полностью отвечают стратегическим интересам США и НАТО. Единственное их опасение — чтобы в период развала государства (т. е. СССР) не могло бы произойти несанкционированное применение наших СЯС. Они внимательно

следят за нашим самоедством. Наблюдают и ждут, что мы сами с собой сделаем. А затем без выстрела «помогут» нам завершить эти процессы».

Обратите внимание — это было сказано в декабре 1990 года. Открыто, с трибуны конференции. А сегодня 1994 год, и все это подтверждается.

По итогам научной конференции Вооруженных Сил министр обороны и начальник Генерального штаба направили Горбачеву доклад, где, конечно, были изложены и эти мои мысли.

Спрашивается, какое еще нужно было просвещение и тревожное предупреждение нашему президенту, если главком, заместитель министра обороны, народный депутат открыто поднимает такие вопросы? Ведь это уже протест!

Все это и многое другое я просил приобщить к делу. Однако Генпрокуратура отказала мне.

При встречах непосредственно с Горбачевым и его ближайшими соратниками я также стремился проводить эту же линию — т. е. показывать, что народ, в том числе офицеры и армия в целом обеспокоены положением дел, что они требуют принятия мер, и я называл ему меры и способы проведения их в жизнь.

Об этом я также докладывал Горбачеву на Главном военном совете еще 18.10.89 года; на Совете обороны в 1990 году и летом 1991 года; во время военных маневров, проведенных в границах Одесского военного округа летом 1990 года (привлекались Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Военно-Морской Флот и Воздушно-десантные войска) — мне было поручено готовить, проводить и в ходе учения пояснять Горбачеву характер действий войск. Докладывая, я одновременно настойчиво проводил линию, о которой говорил выше, то есть посвящал его в настроения людей, в наши нужды. Кстати, показал ему также, что подготовка Буша к войне в Персидском заливе не что иное, как проверка возможностей и способностей НАТО мобилизовать и приобщить к своей коалиции другие страны, в т. ч. Советский Союз, принизить роль и место СССР в мире и, наконец, то, что Буш преследовал в этом конфликте и свои личные интересы — в Кувейте добывала нефть его собственная фирма, о чем писала американская газета «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт». Кроме того, я рассказывал Горбачеву о тяжелом положении офицеров в связи с выводом войск из стран Восточной Европы и Монголии. Поэтому то, что я ему говорил уже в 1991 году в Крыму, было для него не ново, и он мне об этом сказал во время беседы. Да и Дмитрий Тимофеевич Язов постоянно и многое ему докладывал.

Во встречах и беседах с И. Силаевым, еще когда он был в

положении первого заместителя председателя Совмина СССР, а затем В. Величко — тоже в этом же ранге (каждому из них поочередно поручалось заниматься Прибалтикой и возглавлять правительственную комиссию, а я в нее входил) я также тогда старался проводить линию на восстановление конституционности и стабильности в Прибалтике.

Смысл моих выступлений, бесед и телеграмм 1990–1991 годов можно проверить хотя бы по шифротелеграммам, которые я направлял из Вильнюса и Баку (кстати, некоторые из них обсуждались и были приняты на Политбюро ЦК КПСС, о чем мне, например, в Баку сообщали Е. Примаков и А. Гиренко). Всегда все в телеграммах я сводил к одному: спрашивал — какую мы ставим перед собой цель? Это, в свою очередь, должно определить соответствующие методы действий. И далее конкретизировал (прошу обратить внимание). Цитирую:

«Если мы решили, к примеру в Литве, заставить все органы работать по существующей Советской Конституции и выполнять положения Конституции Советской Литвы, Указы Президента СССР (а они постоянно подвергались надругательству со стороны Ландсбергиса, что вызывало возмущение народа Литвы), то должны быть и соответствующие меры, и методы наших действий. Я лично полагаю, что на территории Литвы необходимо ввести временно президентское правление (на период приведения всего в соответствие с законом).

Если же мы считаем, что надо только притушить возгорающееся пламя национализма, сепаратизма и анархии (чем, кстати, мы и занимаемся), то надо иметь в виду, что под образующейся коркой мнимого спокойствия будет обязательно создаваться критическая масса, которая в конечном итоге приведет к взрыву и тяжелейшим социально-политическим деформациям, жертвам и крови, и не только в Прибалтике.

И, наконец, может быть третий вариант нашей цели — дать полную свободу событиям, т. е. ничего не предпринимать и никого не трогать. Считать все происходящее нормальным процессом демократического развития, следовательно, не надо «драматизировать» обстановку, о чем нам постоянно напоминают некоторые члены Политбюро. В этих условиях вообще не следует вмешиваться в происходящие процессы, дать полную свободу центробежным силам. Но я предупреждаю: нам надо иметь в виду, что эти силы в конечном итоге разнесут не только Прибалтику, но и весь Советский Союз».

Вот об этом я писал в докладах, и это можно подтвердить документами, телеграммами в Москву. Об этом в 1991 году я говорил на заседании Совета Федерации, где фактически

провоцировал Горбачева к тому, чтобы он обрушился на меня. Но все прошло мимо. Он вообще ушел от ответов на поставленные вопросы.

К сожалению, события развернулись по третьему, катастрофическому варианту.

Что же касается моих практических шагов по умиротворению и стабилизации обстановки, то они имели место фактически везде и постоянно. Приведу только один пример — по Баку. Буквально на третий день после похорон погибших была организована по моей инициативе встреча с коллективом одного из крупнейших заводов города — имени лейтенанта Шмидта. Первоначально встретили меня «в штыки». Несколько часов шел тяжелый, но откровенный, правдивый разговор. Однако в итоге мы расстались не только мирно, но коллектив завода пообещал через два дня прекратить забастовку и приступить к работе. И действительно, через двое суток они разыскали меня по телефону уже в Нахичевани, где я налаживал функционирование железной дороги между Арменией и Азербайджаном, и доложили, что завод работает. И таких встреч было много, в т. ч. в Вильнюсе — с коллективом завода радиоизмерительных приборов; в Степанакерте — по просьбе покойного Поляничко встречался с первым секретарем горкома КПСС, которого я убедил в том, что надо прекратить забастовку хотя бы учителей, школы должны работать — дети не обязаны испытывать на себе гнет неурядиц, которые возникли у родителей. Школы открылись. Были встречи в Цхинвале (Южная Осетия) и т. д.

Так было везде, где мне приходилось бывать. В этих шагах можно проследить мое отношение и взгляды на социально-политические проблемы и явления, которые имели место у нас в стране. Они были однозначны и преследовали одну цель — мир, стабильность, законность и порядок.

В связи с изложенным, на мой взгляд, важно обратить внимание суда на картину, которую пытается сейчас выстраивать свидетель Горбачев в показаниях следователю.

В моих показаниях, как и в показаниях свидетелей Валентина Сергеевича Павлова, Владимира Александровича Крючкова, Дмитрия Тимофеевича Язова, Олега Семеновича Шенина, Олега Дмитриевича Бакланова в ходе предварительного следствия и в показаниях других, проходящих по делу ГКЧП, весьма четко отмечено, что и устными заявлениями в различных условиях, и письменными докладами, и самими практическими действиями я и мои товарищи открыто и ясно еще до августовских 1991 года событий предпринимали шаги по недопущению катастрофы.

А пример из свидетельских показаний Станислава Ивановича

Гуренко? Член Политбюро ЦК КПСС Гуренко ставит категорический вопрос о необходимости принятия мер по недопущению катастрофы, а Горбачев все это амортизирует, фактически игнорирует.

В то же время свидетель Горбачев в ходе предварительного следствия и особенно во время своих последних двухлетних выступлений по телевидению старается ввести общественность и правоохранительные органы в заблуждение. Он, в частности, говорит, что руководители, которые вошли в ГКЧП, всегда и во всем его поддерживали и что, мол, их выступление для него было неожиданным. То есть надо понимать, что вроде в лицо ему они говорили одно, то есть поддерживали и разделяли его политику, а сами фактически плели за его спиной «сети», готовили заговор!

Это лживое заявление! Оно, несомненно, является попыткой обелить себя, отвлечь внимание народа от преступных деяний Горбачева по развалу страны.

Во-первых, фактически все члены ГКЧП и другие лица ему лично официально не один раз письменно и устно докладывали о тяжелой обстановке и о необходимости принятия адекватных мер противодействия губительным тенденциям (в т. ч. речь шла и о ЧП, о президентском правлении).

Во-вторых, сам он — Горбачев — не один раз давал личные указания многим (в т. ч. Валентину Сергеевичу Павлову, Александру Ивановичу Тизякову и др.) разработать вопрос о введении ЧП. Поэтому выход ГКЧП с предложением о введении в ряде районов ЧП не мог быть неожиданностью.

В-третьих, 23.11.90 года было принято постановление Верховного Совета «О положении в стране», где констатируется, что в стране создалась чрезвычайная обстановка, а в постановляющей части президенту четко и ясно предписывалось принять адекватные (т. е. чрезвычайные) меры.

В-четвертых, обстановка в стране, доведенная до критического рубежа, вынудила тех же членов правительства (впоследствии членов ГКЧП) просить Верховный Совет, и последний вынужден был в 1990 году принять Закон «О правовом режиме чрезвычайного положения».

В-пятых, выступление Павлова, Крючкова, Язова, Пуго на закрытом заседании Верховного Совета в июне 1991 года, их доклады — разве это не лучшее подтверждение принародного, открытого и прямого несогласия с линией Горбачева? Ведь они требовали принятия экстренных мер, чтобы предотвратить катастрофу! В том числе имелись в виду в определенных районах и особые, чрезвычайные меры. Правда, докладывалось это культурно, цивилизованно, без непарламентских выражений, что

позволяет себе Горбачев в общении со своим окружением, чем, кстати, гордится.

В-шестых, сам свидетель Горбачев, чувствуя, что введение ЧП неизбежно, тоже занимался изучением этой проблемы, находясь в Крыму. Показывал нам исписанные листы. И в своих воспоминаниях говорит об этом.

Таким образом, для Горбачева принципиально ни вопрос о введении ЧП в отдельных районах страны и отраслях народного хозяйства, ни само выступление ГКЧП, им же самим и спровоцированное, не были неожиданными. И он отлично знал мнения всего своего окружения, в т. ч. лиц, которые потом вошли в ГКЧП.

Весьма важно, что он ждал и желал этого! И хотел, чтобы кто-то ввязался бы в эту историю.

Горбачев, выслушивая такие предложения и даже требования, не говорил ни «да», ни «нет»! Своим бездействием он подталкивал добросовестное окружение к выступлению. При этом расчет был таким: в зависимости от успеха или неуспеха ГКЧП принять соответствующее решение — объединиться с нужными силами. А если выступление будет безуспешным — обвинить во всех грехах. То есть во всех случаях обеспечить себе положение «на плаву».

Что же касается моих действий, то я, с учетом своего служебного и депутатского положения, а также в меру своих сил и возможностей предпринимал все, чтобы наша страна не была ввергнута в пучину бед. И делал это открыто.

Мои действия, естественно, кое-кому не нравились и у нас (Горбачеву, Яковлеву, Шеварднадзе), и за рубежом (особенно руководству США). Американцы не могли простить мне моей позиции по Прибалтике. Даже в связи с этим дважды переносили мой официальный визит в США. Это было очень наглядно. А в итоге так и не пожелали, чтобы я приехал. Считаю, что правильно сделали: тем самым раскрыли свое отношение к тем, кто был против развала СССР.

У некоторых может сложиться мнение, что я именно сейчас высказываю критические замечания в адрес Горбачева. Отнюдь! В ноябре 1991 года мной на полях книги Горбачева «Августовский путч» были написаны комментарии, которые появились в прессе за месяц до свержения его с престола. Там я дал подробные разоблачения всех его основных измышлений. Одна из газет с такой публикацией мною уже представлена в Суде.

Но очень важно, чтобы Суд обратил внимание на маневрирование, предпринимаемое Горбачевым. Цель одна — замести следы и уйти от ответственности за содеянное. Дико

слышать, но факт — он думает баллотироваться в президенты России. Я вынужден еще раз сказать, что этот человек, опираясь на поддержку Запада, может пойти на любой безнравственный и беззаконный шаг.

Таким образом, причины и мотивы, побудившие меня к действиям в августе 1991 года, объективно существовали. Это дестабилизация обстановки в государстве и хаос в экономике, падение уровня жизни народа, реальная угроза государственной безопасности и обороноспособности страны, угроза развала СССР, что было реальным и самым главным.

А в целом — антинародная политика Горбачева. Все это вызывало у меня логичные адекватные законные действия! И никаких признаков преступных деяний я в них не усматриваю. Все законно опиралось на мои идеалы и жизненные позиции, на мои убеждения, а они отвечали требованиям Конституции СССР.

Второй принципиальный вопрос — мои политические и правовые оценки августовских событий 1991 года. Причинно-следственные связи этих событий с теми явлениями, которые их породили.

Августовские события 1991 года не возникли вдруг, внезапно, на пустом месте и на безмятежном политическом горизонте. Создание ГКЧП — это не плод действий беспечных, безответственных людей или лиц, рвущихся к власти. Члены этого комитета, как и я, как и многие миллионы поддержавших ГКЧП, прошли тяжелейшее морально-психологическое испытание, прежде чем решились на такой шаг протеста. Да, ГКЧП полностью не достиг поставленной цели. И это его вина и его беда. Но даже одно то, что члены ГКЧП пошли на такой благородный и ответственный шаг, уже говорит о многом. Это мужественный, патриотический шаг, на который могут решиться самые достойные люди, тем более в той партийно-государственной системе, в которой мы жили. Кстати, последнее, к сожалению, многие не могут себе представить даже сейчас. Такое выступление в тех условиях фактически просто исключалось.

С момента событий и по сей день существует один простой, но принципиальный вопрос, ответив на который можно, на мой взгляд, ответить и на все остальные. Вопрос пространный, но очень важный.

А именно — если бы Горбачев не подвел страну к катастрофе; если бы в государстве выполнялись хотя бы основные положения Советской Конституции, на которой присягал и давал народу клятву Президент СССР; если бы выполнялись Указы Президента и не было войны законов; если бы не были разрушены хозяйственные связи и не наступила анархия в экономике и

финансах, а вместе с этим и обнищание народа; если бы не разрастались межнациональные конфликты, кровопролитие, национализм, сепаратизм и экстремизм, а на пути все возрастающей преступности была поставлена преграда; если бы наша молодежь не подвергалась растлению и разложению; если бы Советскому Союзу не грозил развал, ущемление его суверенитета, государственной безопасности и обороноспособности; если бы всего этого реально не было, то появился ли бы ГКЧП? Или если бы со стороны Горбачева, которому дали неограниченную власть, предпринимались хоть какие-то меры противодействия этим тенденциям, имели бы место вообще августовские события?

Да нет, конечно! И само появление, и действия ГКЧП никакого сходства с путчем, мятежом или государственным переворотом не имели — этот ярлык был навешен в угоду Горбачеву лицами, которые желали использовать события как громоотвод в своих личных политических целях. Фактически же выступление ГКЧП — это протест против бездействия Горбачева в условиях приближающейся катастрофы — катастрофы, которую создал именно Горбачев.

Для членов ГКЧП и некоторых лиц (далеко не для всех), которые поддерживали ГКЧП или выполняли какие-то задания, все окончилось трагично. Но не это главное. Хотя совесть этих людей перед своим народом чиста, честь свою они не запятнали и закон в условиях правового беспредела не только не нарушили, а сделали попытку не допустить попрания Советской Конституции, сохранить Советский Союз. Главное же в том, что Горбачев и силы, стремившиеся к перевороту, использовали фактор появления ГКЧП для форсирования своих действий.

Важно обратить внимание Суда на один существенный момент. Горбачев и некоторые политики из руководства сегодняшнего дня часто заявляют, что якобы ГКЧП повинен в развале Советского Союза, что если бы ГКЧП не выступил, то этого бы не произошло. Это ложь и стремление отвести удар от себя! Если бы ГКЧП и не выступил, то мы вползли бы фактически в ту же катастрофу. Мы к ней уже шли!

Но ГКЧП выступил и все обострил, раскрыл советским людям в своем «Обращении к народу» существо обстановки. Готов был принять меры к наведению порядка. И хотя еще и мер-то не было, а уже на рынках Москвы, у лавочников (особенно на Арбате) цены на все товары понизились 19 и 20 августа в два раза. А 23 августа цены на те же товары подскочили в четыре-пять раз.

Не ГКЧП открыл путь экстремистским силам, а Горбачев, который обезглавил парламент, Кабинет министров, все силовые

министерства, ЦК КПСС, посадив законопослушных руководителей (точнее, интеллигентных, но крайне наивных идеалистов) в тюрьму и тем самым нагнал страху на всех остальных — мол, их тоже может постигнуть та же участь. Таким образом, все было парализовано! Никто и ничто в государственных и партийных структурах не могло оказать какого-либо сопротивления экстремизму и сепаратизму.

Итак, называть ГКЧП антиконституционным, как это делает Генеральная прокуратура в Обвинительном заключении, — это не только безграмотно и совершенно неуместно, но и означает, что делаются умышленные шаги кому-то в угоду, в противоречии с истиной и с существом этого комитета и его действиями. Он, комитет, был ЗА Конституцию, а не против, не АНТИ. Уже только поэтому — конституционный.

И если сегодня еще раз охарактеризовать личности, входящие в ГКЧП (а это самое ближайшее окружение президента, стоявшее во главе всех властных и силовых структур государства), то ни у кого не могло быть сомнений в том, что они, взявшись за стабилизацию ситуации, могли бы справиться с этой задачей. Ни у кого, в том числе и у меня, не было сомнения, что в стране был бы наведен элементарный порядок и для народа была бы создана стабильная, безопасная обстановка, ликвидированы все межнациональные конфликты.

Заставили бы все и всех выполнять и Конституцию Советского Союза, и хозяйственные планы. Был бы положен конец анархии и войне законов, были бы созданы должные условия для развития истинной демократии и многоукладной экономики. А главное — была бы отведена угроза развала СССР, а республики, которые желали бы выйти из его состава, могли бы это решить цивилизованным путем, т. е. по закону. Во всяком случае, не было бы того кошмара, в который ввергли наш народ после августа 1991 года.

Стабильная обстановка, в свою очередь, привлекла бы и инвестиции иностранного капитала. Характерно: Клинтон продлевает коммунистическому Китаю режим наилучшего экономического благоприятствования! И не просто коммунистическому Китаю, а Китаю, который в 1992 году раздавил выступления студентов на центральной площади в Пекине (что, кстати, правильно сделал), а в 1993 году подавил выступления в Тибете.

А у нас десятый год идут по пути так называемой демократии, развалили по требованию и в угоду Западу Советский Союз, за последние годы размыли все коммунистическое, раздавили Советы, расстреляли парламент

России, порвали с международным рабочим и коммунистическим движением, — и что же мы получили от Запада за все это усердие? Практически ничего! Продолжаем пребывать на третьестепенно м уровне, в графе нестабильных стран мира с непредсказуемыми перспективами. А чтобы стратегическое ядерное оружие не могло представлять опасности для США, Клинтон принимает необходимые меры, о чем говорит его визит в Россию и недавний — в Прибалтику. Никто никогда не был и не будет заинтересован в развитии и укреплении России. Наоборот, будут стараться окончательно захомутать нашу Отчизну и командовать. Клинтон приказал к 31.08.94 г. вывести все наши войска из Эстонии — и мы покорно выполняем это требование.

Хочу подчеркнуть — все, входившие в состав ГКЧП, не имели амбиций на власть, большую той, которую уже имели. И никто эту бульшую власть и не получил в течение 19–20 августа 1991 года. У всех уже была чрезвычайно большая власть. А потом, это люди высокого долга, личной порядочности, для которых государственное, общественное — превыше всего. Никто не мог и помышлять зариться на президентскую власть — это обвинение выглядит неуклюже, в чем, надеюсь, Суд уже убедился (и это будет подтверждено в ходе допроса свидетелей, я уверен в этом). Наоборот, намеревались всячески помочь Горбачеву с учетом его трусливой и бездеятельной натуры, может быть, умышленно бездеятельной. А после установления порядка в стране, в т. ч. в народном хозяйстве, Горбачев по окончании своего отдыха мог и должен был вернуться на прежний трон, но уже в новых, более благоприятных для страны и для него условиях. И никто Горбачеву в этом не мешал. И хотя сегодня все это звучит глупо (Горбачева надо было решительно отстранять от власти любым путем), но все было именно так.

Вернемся в 1985 год. Все ринулись поддерживать идею всестороннего совершенствования нашей жизни: экономики, демократии, внешнеполитического курса, т. е. поддерживали перестройку. «Холодная война» заставляла народ беспокоиться о сохранении мира на земле, недопущении вооруженного столкновения. Все эти идеи, изложенные руководителем страны Горбачевым, были восприняты народом с большим энтузиазмом. Тем более что отдельные просветы от таких шагов по улучшению жизни народа уже конкретно просматривались в непродолжительный период руководства страной Ю. Андроповым.

Уверовав в эти идеи и, следовательно, в Горбачева, все, как это было заведено, пошли за ним фактически вслепую, считая его достойным и верным народу лидером. Как это было, например,

тридцать лет при Сталине.

В 1985 году в стране произошел взрыв демократии. Именно взрыв, а не преобразования с разумной подготовкой к ним народа и его всесторонним информированием. Первоначально внешне все казалось эффективным, вроде и правильным, прогрессивным. Якобы в этот период обеспечивалась гласность.

Вместе со взрывом гласности и демократии было якобы позволено говорить (выступать) всем и обо всем на равных: как тем, кому незаконно в прошлом запрещали это делать, так и тем, кто законно преследовался за соответствующие нарушения и преступления, т. е. не только инакомыслящим, но и уголовно наказуемым. Все всплыли! Взрыв так называемой демократии поднял все и всех со дна нашего общества. А социальное дно, как известно, есть в любом государстве.

Неопытному человеку, тем более нашему простому, доверчивому труженику, обычному обывателю в хорошем смысле слова, вдалбливалось, что он, как часто говорили Горбачев и Яковлев, вдохнул воздух свободы. И это внушали методически, постоянно, с напором всеми средствами массовой информации. В действительности же в этой мутной воде политиканы делали свое дело.

Какое же дело делали «архитекторы перестройки» со своими «прорабами»? Главное — провести четкую селекцию: в одном случае — кого допустить к так называемой демократии, а фактически к программе реставрации капитализма, т. е. тех, на кого можно было опираться; во втором случае — кому в этом отказать, а может, и дать по рукам, чтобы не мешал развиваться, так сказать, «естественному объективному демократическому процессу», как любил говорить наш генсек, т. е. по рукам давали тем, кто был против реставрации капитализма.

Но, говоря о демократическом процессе в обществе, целесообразно взглянуть на демократизацию в высшем в то время органе страны — ЦК.

При Сталине в здание ЦК можно было свободно пройти, предъявив партийный билет.

При Горбачеве разрешение на то, чтобы выписали разовый пропуск (при наличии партбилета), давал лично заведующий отделом. Но самое главное — обстановка в ЦК была такая гнетущая, душная, что не хотелось туда приходить. Царила какая-то всеобщая подозрительность, напряженность. Даже разговаривали с посетителями (да и между собой) скованно, не по-человечески, с оглядкой.

И все это посеял Горбачев — «великий демократ». В итоге проводимой политики в стране и партии наступает

гиперполяризация политических сил, в основе которой лежало полное перераспределение средств массовой информации и высоких трибун. Кто их раньше имел и выступал за Конституцию (пусть даже с ошибками и нарушениями), тот полностью лишался этих средств и соответствующих возможностей. А тот, кто якобы олицетворял демократию, но выступал против Конституции, против сохранения Советского Союза, против Советов, против социализма, за капитализм и, следовательно, за обнищание трудящихся, падение престижа, авторитета, государственной безопасности, суверенитета и обороноспособности страны, — тот получал широкую дорогу и все средства массовой информации для обеспечения своих действий.

Из года в год, начиная с 1985 года, у нас в стране становилось все хуже и хуже. Казалось, что давно надо было бы принимать меры, и в первую очередь лично к нему, Горбачеву, и к тем, кто непосредственно организует развал страны. Выражением необходимости таких мер были протесты, которые высказывались, и не один раз, в республиках, в областях, на производствах, на пленумах ЦК КПСС, на съездах народных депутатов. Настроение и возмущение народа, несомненно, доходили и до него. Следовательно, это доходило и до будущих членов ГКЧП. Они, конечно, аккумулировали информацию. Но Горбачев с помощью Яковлева, очень хитро и умело маскируя свою стратегическую цель, скрываясь за бутафорной демагогией о социализме, продолжал вместе со своими соратниками идти прежним предательским курсом. Новые инъекции радужных обещаний в воспаленное сознание народа — и Горбачев опять получает вотум доверия и продолжает вести страну к рубежу, на котором все перерождается, переходит в необратимые разрушительные процессы. Еще раз подчеркиваю этот очень важный вывод.

Для полного и правильного представления о моих переживаниях, о моем внутреннем состоянии в то время (а я уверен, что это переживали почти все мои соотечественники) я прошу Суд выслушать еще один довод. Оценивая сложившуюся обстановку, внутренне каждый из нас, людей, тертых жизнью, чувствовал, что должно произойти что-то тяжелое. Некоторые прямо говорили, что все идет к государственному перевороту. И что для организаторов таких действий было очень важно «спрятать концы», т. е. представить события в таком свете, когда главный смысл всего происходящего, именно сам государственный переворот, был бы скрыт от общественности. А смена социального строя прошла бы под лозунгами социализма и Советской власти. А потом можно было бы и сбросить эту

декорацию о социализме и Советах.

Для этого нужна была надежная ширма. Такой ширмой явился XXVIII съезд КПСС (1990 год).

Кратко прокомментирую несколько фрагментов. Вот фрагмент доклада Горбачева (см. «Материалы XXVIII съезда КПСС», стр. 3):

«За пять лет (т. е. с 1985 по 1990 г.) мы сделали революционный рывок, и это позволило нам выйти на главный перевал. Вопрос сегодня стоит так: либо советское общество пойдет вперед по пути начатых глубоких преобразований, и нас ждет достойное будущее, либо верх возьмут контрперестроечные силы, и тогда страну, народ ждет мрачное время… Так что разговор предстоит начистоту, надо поставить все точки над i».

И далее шла демагогия о том, какое тяжелое наследие нам досталось, о противодействии каких-то бюрократических слоев (безымянных) в управленческих структурах и т. п. «Но мы, — говорит Горбачев, — сделаем все, чтобы перестройка развивалась, как мирная революция, переводя страну в рамках социалистического выбора в новое качество без потрясений» (стр. 9).

Ну, не фарисейство ли это? Для большей убедительности, а точнее — оболванивания людей на съезд было представлено так называемое «Программное заявление XXVIII съезда КПСС», озаглавленное — «К гуманному демократическому социализму» (автор, естественно, Яковлев).

К этому несчастному социализму, к строительству которого, как я уже говорил, за все годы Советской власти мы так по-настоящему и не приступили (при Сталине заложили фундамент), к этому социализму популисты-политики только успевали менять прилагательные и ничего не делали по существу. Вот и на XXVIII съезде социализм уже стал гуманным и демократическим. Хотя он должен быть просто по-настоящему социализмом.

Но «Программное заявление» звучало! И это убаюкивало всех, в том числе и меня.

На стр. 80 говорится: «…партия противодействует силам, которые хотели бы повернуть общество вспять — к буржуазному строю» (это я особо подчеркиваю). А фактически перестройка была подчинена именно этой цели — возродить буржуазный, т. е. капиталистический, строй.

На стр. 89–90 сказано решительно: «Пока существует опасность вооруженных конфликтов, стране нужна надежная оборона».

Ну, не кощунство ли все это? Не цинизм ли высшей степени? Ведь Вооруженные Силы уже разрушались. И разрушались

Горбачевым!

Все заявления, все декларации на протяжении всех лет перестройки были рассчитаны только на притупление бдительности, обман и оболванивание народа. Обстановка в стране уже была плохой и продолжала ухудшаться из месяца в месяц. Лозунги и решения съезда КПСС, съездов народных депутатов, пленумов ЦК КПСС и других форумов не только не выполнялись, но и мер к тому не предпринималось. Более того, демократическими СМИ высмеивались. Однако Горбачевым все подавалось так, что мы за пять лет якобы совершили революционный рывок, другого пути у нас нет, и иного нам не дано. А жизнь становилась уже нетерпимой.

Все это прекрасно видел весь народ. Росло возмущение. Приезжаешь в воинскую часть, в училище, военную академию, на завод, к труженикам колхозов, к ученым (я был народным депутатом СССР) и не знаешь, куда глаза девать, что отвечать на конкретные вопросы, а главное — почему у нас все хуже и хуже и не видно никакого просвета? Ведь перестройка предусматривает улучшение, а не ухудшение.

Поэтому заявление о том, что появлению ГКЧП предшествовал большой период все ухудшающейся жизни народа, считаю обоснованным. Ухудшение сопровождалось постоянным удобрением морально-психологической почвы идеологией Горбачева — Яковлева, рассчитанной на разрушение социалистического государства, нашего Союза, но под лозунгами:

«Нам надо побольше социализма!»

«Социализм должен быть с человеческим лицом!»

«Мы должны больше заботиться об общечеловеческих ценностях».

В один из дней после вечернего заседания на XXVIII съезде КПСС Яковлев встретился в узком кругу с группой единомышленников и в своем выступлении без демагогической паутины прямо сказал, что им написана книга по переустройству «этой страны», но ее пока опубликовать нельзя. «Меня повесят на первом столбе», — так выразился Яковлев. Все это стало известно многим делегатам съезда, в связи с чем разразился скандал.

Отлично понимаю, что, говоря об этом сейчас, я делаю неоценимую услугу Яковлеву, представляя его «выдающимся борцом» против коммунизма, что, несомненно, должно быть оценено по достоинству Западом, ЦРУ и, естественно, российскими псевдодемократами.

Но я представляю и другое: во-первых, я обязан раскрыть истину. Народ должен знать правду. Во-вторых, оценка «подвига» Яковлева соответствующими кругами Запада уже состоялась —

он, как при Брежневе и Горбачеве, и сейчас продолжает руководить СМИ России (никто его столкнуть не сможет, т. к. это номенклатура ЦРУ). В-третьих, как бы Запад ни ценил своих холуев и как бы он им ни платил, все-таки и там предателей считают предателями, как и везде.

Каждому теперь ясно, что творение Горбачева — Яковлева и есть все то, что у нас происходило в годы перестройки и к чему мы пришли сегодня. Задание Запада было выполнено. Хочется еще и еще раз вспомнить высказывание бывшего директора ЦРУ Роберта Гейтца, напечатанное в «Известиях» в декабре 1991 года: «Мы понимали, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно было разрушить только взрывом изнутри. И мы принимали меры. Но то, что творится сейчас у вас (т. е. в Советском Союзе), то это даже для нас какой-то кошмар». Это было сказано в начале декабря 1991 года, до полного разлома Союза и либерализации цен. Даже то, что было тогда, для них уже было кошмаром! То есть разрушительные деформации в Советском Союзе превзошли все их ожидания. А что произошло после, это уже не поддается и описанию. Запад только восторгается нашим саморазрушением и самоедством, что приведет к окончательному падению России.

Но почему у Запада такое неотступное влечение к Советскому Союзу, а сейчас — к его бывшим республикам и в первую очередь к России? Да потому что здесь несметные природные богатства, без которых Западу в перспективе не обойтись, а Европа вообще задохнется через 20–25 лет. Плюс человеческие ресурсы с огромным природным даром. Однако чтобы добраться до этих сокровищ, им надо было сломить нас, что и выполнено, благодаря предательству Горбачева, Яковлева и других.

Предвидя трагедию, мы предпринимали всяческие шаги по недопущению падения нашего государства. Бездействие Горбачева казалось в то время для нас результатом его ограниченных физических и умственных возможностей (власти дали больше, чем любому монарху, но он ею, не хотел, не мог и не знал, как распорядиться). Некоторые объясняли это также и его нерешительностью, трусостью. Фактически все перечисленное действительно имело место. Но главное, как теперь ясно, в другом — бездействие было умышленным и преследовало одну стратегическую цель: довести все процессы разлома государства до такой степени, когда они уже будут необратимыми.

Чью волю исполнял Горбачев? Какую страну он разрушил? Какой ущерб он нанес нашим народам и миру? Эти вопросы интересуют всех. Для иллюстрации сошлюсь на лиц из прошлого

и настоящего. Из прошлого — Черчилль, а из настоящего — Бжезинский (он уже прямо касается Горбачева). Плюс наши соотечественники.

Верховный Совет СССР уже в 1990 году говорил о том, о чем ГКЧП говорил в августе 1991 года, т. е. через 9 месяцев после принятия Постановления (23.11.90 г.).

В Постановлении говорится, что Законы и Указы Президента СССР не выполняются. Отмечено, что «надо признать функционирование и результаты деятельности высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти СССР, республик и местных органов не соответствующими изменившимся политическим и социально-экономическим условиям в стране».

Далее говорилось, что в связи с этим надо принять срочные меры и — цитирую: «…рекомендовать Президенту СССР в двухнедельный срок внести в Верховный Совет СССР предложения…» А далее идет перечисление, по каким вопросам будет разработана программа неотложных мер по улучшению продовольственного положения в стране.

Затем Президенту СССР предлагалось (что особо важно) — цитирую: «…в случае нарушения определенных Конституцией СССР прав граждан и возникновения угрозы их жизни, здоровью и имуществу принять все предусмотренные законодательством СССР меры, вплоть до чрезвычайных» — конец цитаты. Тоже все четко и ясно! У нас война уже шла в ряде районов страны.

Небольшие комментарии некоторых выступлений. О речи Назарбаева на съезде. Надо сказать, Назарбаев являлся Горбачеву близким человеком. И даже у него в декабре 1990 года уже кончилось терпение. Он прямо говорит то, что говорил и ГКЧП в своих документах: Горбачев подвел страну к небывалому за всю историю кризису, все его обещания оказались политическим трепом. Фактически он, Назарбаев, не согласен с политикой Горбачева, с тем, что народ СССР унижен и оскорблен.

Или Черняев — один из самых близких Горбачеву людей, с которым он делился всем и советовался. Даже он вынужден прямо сказать, что именно Горбачев создал ситуацию развала страны, а основное окружение Горбачева отторгало его курс, его политику.

Ну, разве у меня могло быть иное отношение к политике Горбачева? Конечно, в этих условиях всем нам нужно не только реалистично оценивать общую обстановку, видеть правильно то, что на поверхности, но и умело строить тактику и стратегию по отношению к тем силам, которые не предусматривались, но были главными. Организовать решительные действия, а не увязнуть в

схоластической трескотне.

Надо было уже не позже 89–90-го годов создать легальную, мощную оппозицию президенту. И это можно было сделать на базе депутатской группы «Союз», объединившей в себе несколько сот народных депутатов. Я тоже туда входил. И не лавировать, не идти на поводу у президента, доверяясь его очередным лживым заявлениям. Оппозиция должна была четко определиться — куда направить острие нашего удара. Ведь главный враг, который дирижировал всем и всеми, в том числе Горбачевым, Шеварднадзе, Яковлевым, был не на ладони. Его надо было умело выявить, разоблачить и разгромить идеологически и политически. Но этого не произошло. Горбачев не дал! А эта третья сила, воспользовавшись благоприятными условиями, подготовила и с помощью предателей нашего Отечества провела взрыв Союза изнутри, что впоследствии многократно подтвердило ЦРУ.

Эта сила, к которой никаких эффективных мер не было принято (о ее существовании только робко говорилось, в т. ч. и на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17.6.91 г.), и сейчас глубоко заинтересована в дальнейшем разломе нашей России, в разграблении наших богатств и проведении в жизнь своих замыслов — навсегда обосноваться в нашей стране, направляя, так сказать, ее дальнейшее «развитие».

Что же это за сила? Это элита западных держав, в руках которых находится формирование всей внешней и внутренней политики, плюс российская продажная компрадорская буржуазия, российские продажные политики и агенты влияния (собственно, это почти одни и те же лица).

Важно отметить, что на каждом этапе так называемого «нашего развития» за последние годы третья сила делает ставку на соответствующего лидера. Я согласен с утверждениями средств массовой информации о том, что как в 1990–1991 годах Запад переориентировался с Горбачева на Ельцина, так и сегодня Запад уже меняет свои ориентиры, понимая, что на Ельцине далеко не уедешь.

А Горбачев реанимируется. Но это все делается в пику существующему российскому руководству, а не для того, чтобы его поставить у власти. Одновременно Горбачев нервничает. И это понятно — наступает время, когда ему придется наконец отвечать за все содеянное. И он, чтобы отвести от себя удар, теперь пойдет на все, на любую пакость, как это и было в прошлом.

Еще раз вернусь к мысли о том, что выступление ГКЧП, по словам Горбачева, якобы расчистило путь экстремистским силам к захвату власти. В связи с этим я бы хотел заявить следующее:

во-первых, если бы Горбачев не обезглавил, как уже говорилось, все силовые структуры государства, если бы он не разогнал съезд народных депутатов и КПСС, разве это возможно было бы? Разве Язов, Крючков, Пуго так бы все отдали? Да нет, конечно! И, во-вторых, уместно спросить у свидетеля Горбачева: откуда взялись эти экстремистские силы? Они же не появились именно 19-го или 20 августа? Кто их породил? Кто способствовал их появлению, формированию годами в определенные структуры, их закреплению и выступлению? Кто способствовал их вооружению? Кто предоставлял им в первую очередь все СМИ, в т. ч. телевидение?

Ведь до 1985 года и в помине не было ничего подобного! Горбачев и его подельники по разлому Советского Союза — вот кто авторы создания этих экстремистских сил. Этого и доказывать не надо. Но мне совершенно непонятно: человеку доверили уникальное государство — он его умышленно погубил, а сейчас на обломках этого государства этому человеку дают трибуну, чтобы он мог себя обелить. Почему все это у нас возможно?

Уважаемый Суд! Я умышленно изложил все это подробно для того, чтобы правильно и правдиво показать, с кем мы имели дело, и контурно обрисовать ГКЧП, августовские, 1991 года, события и мое отношение к ним. Показать их так, как я представляю. Высказать озабоченность судьбой нашей страны, нашего народа.

Бездействие Горбачева, непринятие им мер там, где этого требовала обстановка, не только выводило все на уровень необратимости разрушительных процессов, о чем я уже многократно говорил, но и подталкивало к действию наиболее сознательную и ответственную часть лиц из его окружения, действительно переживающих за судьбу страны и нашего народа, имеющих мужество, но и соблюдающих такт, а не проявляя грубую силу. Еще и еще раз говорю, что эти действия, безусловно, были спровоцированы бездействием Горбачева и его намеком в Форосе на возможное выступление. Они, эти лица из высшего эшелона власти, оказались одновременно в безвыходном положении, сознавая необходимость спасения Союза, недопущения развала страны, недопущения подписания Союзного договора.

ГКЧП можно упрекать во многом: в нерешительности, в поразительной нерасторопности, в непоследовательности, в слабом информировании народа о целях своих действий, в отсутствии должного контакта со всеми государственными органами и республиками, особенно с Российской Федерацией.

ГКЧП можно критиковать за то, что он не добился встречи с Президентом РФ и не погасил своевременно совместными

действиями возникший конфликт. Ведь тогда еще была надежда, что это можно сделать.

ГКЧП можно и нужно критиковать за то, что он не настоял на том, чтобы Горбачев 18.8 приехал в Москву и разобрал все вопросы, хотя он сам никакой инициативы в этом не проявлял, но это ему предлагалось. Надо было тогда же, 18.8, всему ГКЧП или его большей части вылететь к нему и разрешить все проблемы вместе.

ГКЧП заслуживает упрека и в том, что, взявшись за большое и жизненно важное для страны дело, не довел его до конца, а на первом же крутом повороте прекратил свое существование и предстал беззащитным перед оппозицией, которая, к всеобщему удивлению, оказалась кровожаднее любого врага.

Во всяком случае, ГКЧП можно упрекать, критиковать, ругать и говорить о нем все, что угодно, но обвинять комитет в том, что он антиконституционен и имел целью захват власти — это не только неубедительно и бездоказательно, но и абсурдно! ГКЧП предлагал не останавливаться и не идти обратно в экономическом развитии, а требовал двигаться вперед.

Сегодня еще можно услышать голоса, которые (чтобы хоть как-то смягчить ответственность Горбачева) говорят, что вообще-то у нас во второй половине 80-х годов дела шли не так уж плохо. Можно с ними согласиться, если сравнить эти дела с тем состоянием, в какое нас завели сегодня гайдаровские реформы, которые обрушились на страну с благословения Ельцина.

Наконец, может вызвать недоумение, что не делаются ссылки на существовавшую в стране систему, особенно в высших эшелонах власти, которая фактически не допускала открытых заявлений против лидера. Точнее, заявить можно было, но в таком случае тебя, увенчанного всевозможными ярлыками, немедленно отстранили бы от должности. Действительно, эта система у нас складывалась столетиями и во многом унаследована еще от царизма. Для нас было просто традиционно, что в стране присутствует монархизм или авторитаризм. Шаги же, которые были предприняты в области демократии, начиная с 1985 года, только размыли государственность, но не создали истинной демократии.

Но я прошу Суд обратить внимание и на другую сторону этой проблемы — ведь Горбачеву тоже была известна эта традиция, инерция поклонения монарху-генсеку. И если он — истинный демократ, то логично задать ему вопрос: почему же он не порушил все это?

Фактически же он только использовал эту систему полной бесконтрольности над собой — в своих интересах и в ущерб

стране. Мало того, он постоянно ужесточал требования к окружению — убирал всех, кто мешал. Только из членов ЦК одним махом убрал сто человек — так сказать, «по собственному желанию». Вывел всех тех, кто мог бы на 100 процентов проголосовать «за освобождение Горбачева с поста Генерального секретаря».

В то же время налицо факт уникального парадокса.

В течение 19 и 20.08.91 г. был отключен телефонный аппарат Горбачева только на даче в Крыму, причем временно. Было объявлено также, что вице-президент временно исполняет обязанности президента. В связи с этим все члены ГКЧП и лица, его поддерживавшие, оказались в Матросской Тишине. Президент объявил, что все они — преступники и обвиняются по статье 64 УК РФ. Эти так называемые преступники добровольно свернули свои действия и добровольно отдали себя на милость Горбачева. А Горбачев опять сел в свое президентское кресло и продолжал начатое в 1985 году дело.

Однако странно: когда 8.12.91 г. в Беловежской Пуще руководителями трех республик СССР келейно, втайне от своих народов было принято решение о роспуске Советского Союза и ликвидации как таковых союзных государственных структур, в том числе поста Президента СССР (о чем было немедленно доложено Бушу, а не Горбачеву), в этом случае Горбачев вообще не предпринял никаких шагов ни по отношению к этим лицам, ни к сохранению Советского Союза. Следовательно, он умышленно подрывал суверенитет, государственную безопасность и оборону страны. Не было даже формального Указа Президента СССР о том, что принятое в Беловежской Пуще решение является антиконституционным и его надо считать недействительным. Не было ничего этого! Были только какие-то судорожные, невнятные реплики, заявление дрожащим голосом, а затем… затем переговоры Горбачева с Ельциным по «главным» вопросам: какую Горбачеву занимать дачу и квартиру, какую иметь машину, охрану и обслугу, какая ему должна быть назначена пенсия с учетом занимаемого поста, «вклада» в дело развития так называемой демократии в СССР и внедрения общечеловеческих ценностей, а также многолетней (с 1985 г.) кропотливой работы по достижению высокого уровня обнищания народа и разлома Советского Союза.

А как же с нашим государством? Кто конкретно развалил Советский Союз? Как это произошло и почему это допустили? Кто персонально должен ответить перед народом за все случившееся? Эти вопросы на данном судебном процессе освещены, но ответа официальных государственных органов на них пока нет. Однако я

уверен, что в свое время ответ на них будет. Во всяком случае, должен быть. Тем более что многое стало ясным.

Говоря об оценке событий 1991 года, законно задать вопрос: а был ли государственный переворот?

Ответ однозначен: да, был! На мой взгляд, он имеет три этапа. Первый этап — главный. По времени он шел все годы перестройки, вплоть до августовских событий 1991 года. В этот период определенными силами была создана идеологическая, социально-политическая, материально-техническая и даже кадровая основа для изменения советского общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства и социалистического порядка.

Начался развал государственности, хаос в экономике, встал в полный рост национализм. Все это видел ЦК КПСС. Но, воспитанные в духе беспрекословного подчинения генсеку, члены ЦК смотрели на него как на идола. Лишь отдельные лица могли, но робко, говорить об этой ситуации. Что же касается съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, то эти органы тоже наблюдали сложившуюся картину, но, не имея опыта и практики парламентской работы и борьбы, а также (что самое главное) имея в своем составе лиц, крайне противоположных по своим убеждениям и не способных отразить интересы народа, они не могли предпринять каких-либо радикальных мер по пресечению смертельно опасных для страны тенденций. Хотя отдельные выступления были: в интересах нашего государства Горбачеву предлагалось сложить с себя обязанности Президента СССР. Но эти предложения (в частности, народного депутата С. Умалатовой) развития не получили.

Тем самым в этот период не только умышленно создавались условия для нанесения ущерба государственной безопасности, суверенитету, обороноспособности страны, но такой ущерб уже реально наносился. Причем все это делалось от имени Советской власти под лозунгами социалистического строительства, которые фактически давно уже являлись бутафорией. Постоянно прогрессирующее обнищание народа было налицо, как и другие деформации нашего общества (рост преступности, коррупции, развитие мафиозных структур и их политизация и т. п.).

Второй этап — промежуточный и очень короткий: 19 и 20 августа 1991 года. Он был вспышкой — выступлением руководителей высшего эшелона законодательной и исполнительной власти против разлома государства. Оно явилось протестом против бездействия Горбачева по пресечению негативных тенденций, ведущих страну к катастрофе, против подписания предательского Союзного договора, узаконивающего

развал нашей страны. Но выступление ГКЧП ничем и никак не обеспечивалось. Этим быстро воспользовалась псевдодемократия.

В этот период оппозиционные силы сбросили все маски. Декорации, которыми прикрывались псевдодемократические и профашистские (как в Литве) силы, рвущиеся к власти и уже ранее, в ходе перестройки, пустившие в обществе глубокие корни, были за ненадобностью ликвидированы. В итоге были незаконно арестованы и посажены в следственную тюрьму все основные руководители законодательной и исполнительной власти Советского Союза (кроме, разумеется, президента), уволены или направлены в отставку ряд ответственных работников, неугодных новому режиму, что, конечно, нанесло ущерб государственности. Борьба со всеми теми, кто отстаивал Конституцию, была беспощадной. Таким образом, был открыт путь к беспрепятственным, неограниченным и, что самое главное, незаконным и бесконтрольным действиям псевдодемократии.

Третий этап — основной. С 21 августа 1991 года и все последующее время идет процесс политического, экономического, национального и физического разлома Советского Союза, советской социалистической системы, ее экономической основы, единой культуры, науки, обороны. Все перестраивается на реставрацию капитализма.

Первыми шагами этого развала были: разгон Горбачевым съезда народных депутатов СССР, выделение из его состава Прибалтийских республик в течение всего трех дней (тоже по решению Горбачева), разгром КПСС. А далее — всем известные события, приведшие к катастрофическому состоянию страны и нашего народа. И что самое страшное — развал и разложение общества продолжается, ни одно обещание высших органов власти фактически не выполняется. Во всяком случае — пока, на 90-е годы.

Кто же подготовил и осуществил этот переворот, а с ним и развал нашего государства?

На первом этапе главенствующая роль, безусловно, принадлежала Горбачеву и всем тем, кто в течение всей перестройки вместе с ним непосредственно вел страну к катастрофе.

Нет сомнения, что каждый из членов ГКЧП и лиц, его поддерживающих, еще до его создания хотел все-таки сделать возможно больше для спасения страны и понимал, что, уйдя в отставку, хлопнув дверью, ничего не изменишь. Наоборот, Горбачев вместо ушедшего поставит более послушного и покорного, который будет слепо проводить то, что диктует «вождь», а не Конституция и народ. Это удерживало многих от

подобного шага, т. е. от отставки. Но надо было действовать!

Нужна была мощная, единая, легальная оппозиция, которая бы и спасла наш народ. Однако это не состоялось.

На втором этапе — 19 и 20 августа — создалось, на мой взгляд, безвластие. Причина? Члены ГКЧП втянулись в тяжбу с Президентом РФ, Ельцин обвинил ГКЧП в антиконституционности его образования и действий, объявил членов ГКЧП преступниками, издал ряд указов, призвал народ к неповиновению, к всеобщей бессрочной забастовке, к борьбе против ГКЧП. По этому поводу у здания Верховного Совета РФ собирал митинги, где разжигались страсти. Но народ страны на это не реагировал.

ГКЧП же, включившись в эту перепалку, объявил, в свою очередь, все указы Ельцина неконституционными, а посему не имеющими законной силы. Вместо того, чтобы эффективно влиять на положение в стране, руководить государством, заниматься народом России и давать ему нужную информацию, фактически все время и всю свою энергию ГКЧП затратил на попытки погасить скандальную ситуацию на Красной Пресне.

Но ГКЧП не предвидел, что своим появлением и особенно действиями он создал для сил, рвущихся к власти, исключительно благоприятную возможность и условия не только для смены политической декорации, но и для реальных действий по захвату власти. Была обеспечена абсолютная гарантия успеха, и эти силы воспользовались ею быстро, нахраписто, не считаясь ни с какими законами, приличиями, нравственностью. И, не встречая ни малейшего сопротивления — ни идеологического, ни тем более силового, потому что никто из членов ГКЧП не мог допустить и мысли, что имеет дело с врагами и против них следует применить грубость, а тем более насилие. А эта сила — к своему собственному изумлению и радости — смогла (но это уже на третьем этапе) в течение нескольких дней разгромить все, что считала нужным. За три последующих месяца она окончательно закрепила свое властное положение, хотя совершенно не понимала, что с этой властью делать, с чего начать, куда вести народ, страну? Оказалось, что захватившие власть способны были только на обычную драку, но были совершенно далеки от элементарных понятий государственного управления в современных условиях.

А что же прежняя союзная власть? Оставшись без руководителей, напуганная и преданная Горбачевым, она тихо и безропотно оставила всех и все (в том числе помещения, имущество, созданные всем Советским Союзом и на средства народа и членов КПСС). Оставила и расползлась по своим

квартирам, как протоплазма, не принимая никакого участия в судьбе народа. Это позорно, стыдно, но факт!

Самое же главное — это то, что ГКЧП не видел в лице субъекта российской власти врага. Да и как можно было своих соотечественников, выросших и воспитанных вроде бы в равных условиях, имеющих на вооружении, казалось бы, одну идеологию, считать врагами? Тем более что сам Ельцин еще недавно был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

А российское руководство ярлык врага на ГКЧП повесило и, реализуя полную свободу в использовании средств массовой информации, обливало грязью членов комитета, призывая народ буквально к разгрому ГКЧП. Члены же ГКЧП, как и многие в стране, наивно полагали, что их врагами и врагами народа могут быть только те, кто посягает на интересы народа извне!

Да и поехали члены ГКЧП к Горбачеву 21 августа в Крым не с покаянием, как это некоторые хотели представить, а с целью урегулировать проблемы, создавшиеся в связи со срывом подписания Союзного договора и возникшей конфронтацией с руководством России. Они ясно понимали, что им после этой встречи придется уйти в отставку. Но они верили в то, что сам факт выступления ГКЧП наконец подтолкнет Горбачева хоть к каким-то шагам в интересах спасения государства и народа. Однако тогда еще не могли предположить, что Горбачев — предатель, поэтому и допускали такую наивную веру, в том числе и в отношении себя, что к ним не будет применено насилия: причин-то к этому не было!

На третьем этапе решающую роль, конечно, сыграли и Горбачев с Ельциным, и организаторы беловежского сговора во главе с Ельциным. При этом личное соперничество и даже вражда Ельцина и Горбачева предопределили судьбу Советского Союза. А ведь даже последующие за августом обстоятельства еще не говорили о развале — страна могла остаться в рамках конфедерации или даже новой федерации. Но политики сделали все насильно! Им надо было избавиться от Горбачева, полностью не представляя главных последствий.

Таким образом, резонны следующие выводы:

1. Мои действия, как и действия всех обвиняемых по делу ГКЧП, не должны рассматриваться только в непродолжительный период трех-четырех дней августа 1991 года, в отрыве от всех предшествующих этим дням событий и явлений. Должны быть учтены — и я на этом настаиваю — все причинно-следственные связи. Именно вскрыв эти связи, можно прийти к истине. Вот почему я на протяжении всего периода пребывания в тюрьме постоянно (повторяю) ходатайствовал о создании парламентской

комиссии в этих целях.

2. Августовские события 1991 года не появились внезапно, а созревали годами. И они не имели бы места, если бы Горбачев не привел власть к кризису, а страну и народ к катастрофе. Прикрываясь лозунгами о социализме и Советах, он фактически изнутри разрушал наше Советское социалистическое государство. И действовал Горбачев по сценарию Запада и в его интересах. Вот почему он пользуется популярностью на Западе, но вызывает презрение у советского народа.

3. Членов ГКЧП и поддерживающих его лиц можно упрекать во многих просчетах и ошибках. Но невозможно обвинить их в измене Родине с целью захватить власть, ту самую власть, которая у них уже была на протяжении многих лет и которой они с образованием ГКЧП пользовались только в рамках закона. Нельзя обвинить и в умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны. Это не только недоказуемо, но и абсурдно, тем более на фоне перечисленных мною фактов и с учетом высоких наград, полученных этими лицами именно за заслуги в этой области.

ГКЧП не был антиконституционным, он выступал только за Конституцию и действовал во имя Конституции и сохранения Советского Союза. Хотя практические шаги ГКЧП были недостаточными.

4. Я, как и каждый из членов ГКЧП, доведенный до состояния крайней необходимости, хотел максимально использовать имеющиеся у меня возможности и свои способности для наведения совместно с другими товарищами порядка в стране, восстановления контитуционного строя и Советской власти там, где это уже утрачено, в целом стабилизировать обстановку. И действовал в соответствии с законом.

5. Предостережения, которые делались мной и моими коллегами на разных уровнях в течение 1989–1991 годов, к сожалению, не только оправдались, но и превзошли все наши опасения. Они превзошли все ожидания даже Запада, где так усердно работали над реализацией идеи разлома СССР.

6. Государственный переворот состоялся. Но подготовили его и осуществили не те, кто выступил против политики Горбачева, не ГКЧП, а лица, которых должно наконец постигнуть справедливое и неотвратимое возмездие за ущерб, причиненный государству, за страдания и зло, принесенные народу, за падение нашей державы в глазах мирового сообщества.

Итак, преступление совершено. Но его надо видеть не в измене Родине с целью захвата власти членами ГКЧП и поддержавшими их лицами, а в измене Родине с целью полного

разлома Советского Союза, изменения его общественного и государственного строя Горбачевым и Ельциным.

Это особый, исключительной важности вопрос, которому Суд, надеюсь, уделит должное внимание.

Перехожу к изложению последнего раздела моих показаний.

Третий принципиальный вопрос — о нарушенияхзаконности и прав человека Генеральной прокуратурой и другими официальными лицами.

Представляемый мною с соответствующими пояснениями перечень грубых нарушений Генеральной прокуратуры РФ и других официальных органов является не только классическим примером для нашего и тем более международного права, но и вечно будет хорошим наглядным пособием для всех поколений отечественных юристов.

Не затрагивая уже общеизвестных нарушений законности Генеральной прокуратурой РФ, допущенных ею в отношении всех лиц, проходивших по этому делу (такие, как: постоянные противозаконные угрожающие заявления в печати и по телевидению; издание книги «Кремлевский заговор», которая излагала версию следствия, была выпущена во время следствия и задолго до суда, и многое другое), хочу обратить внимание Суда на нарушения, имевшие место только в отношении меня лично.

Первый факт. О полном игнорировании моих ходатайств во всех властных инстанциях РФ по вопросу назначения парламентской комиссии в целях расследования событий августа 1991 года. По этому факту даю показания подробно.

Учитывая, что события августа 1991 года носят политический характер и что они признаны Генеральной прокуратурой преступными, а все обвиняемые, в том числе все основные руководители законодательной и исполнительной власти (кроме Президента СССР), были взяты под стражу, т. е. учитывая необычность явления, я с первых дней ареста постоянно настаивал на том, чтобы было назначено парламентское расследование событий.

В связи с этим мною были направлены ходатайства во все основные инстанции: Генеральному прокурору РФ, Верховному Совету РФ, отдельно Председателю Верховного Совета, Президенту России. При этом каждому адресату по этому поводу было направлено несколько ходатайств. И все это делалось через Генеральную прокуратуру РФ, т. е. тем порядком, который был установлен в следственном изоляторе.

Для полного представления о сущности моих просьб приведу текст только одного такого обращения к Хасбулатову Р. И. и

отдельные фрагменты из писем к другим лицам (копии писем имеются).

Цитирую:

«Обращение к Председателю Верховного Совета РФ Р.И.Хасбулатову от Варенникова В. И., учреждение МВД.

Уважаемый Руслан Имранович! Мои многократные обращения к Вам непосредственно, а также в Верховный Совет Российской Федерации остаются без ответа. Лишь 27.6.92 г. Генеральный прокурор РФ якобы «по поручению руководства парламента» разъяснил мне в своей формальной отписке, что комиссия Верховного Совета РФ, о создании которой я длительное время ходатайствую, будто уже существовала и свою работу закончила. Но с кем она работала? Какие цели и задачи ей были поставлены? Как и какие она могла сделать выводы, ни разу не встретившись с каждым подследственным? Никто из обвиняемых не знает и не знал о существовании и тем более о работе такой комиссии. Комиссия же такого типа от Верховного Совета СССР вскоре после своего создания была распущена, не решив поставленной задачи (фактически не приступив к работе).

В связи с этим докладываю.

Первое. В моем ходатайстве изложена просьба создать Комиссию парламента России, которая могла бы расследовать и дать политическую оценку обстоятельств августовских событий. А следствие по факту событий уже проведено прокуратурой, как это и положено.

Второе. Расследование обстоятельств политических и ведение следствия по факту — несомненно, разные, на мой взгляд, действия и разные категории. Следовательно, цели и задачи, а также их масштабы совершенно различны. Следствие по факту должно было вытекать из материалов расследования и политических оценок комиссии (а не из заявлений Горбачева М. С. и его требований). Но этого не произошло по причине и сложившихся в стране обстоятельств, и занятой в то время Прокуратурой РФ позиции.

Третье. В сентябре — октябре 1991 года Прокуратура РФ сделала все, чтобы не было «параллельного (как она выражается) следствия». Заместитель Генерального прокурора Е. Лисов 26.10.91 г. в газете «Правда» заявил, что создание парламентской комиссии продиктовано только одним — желанием депутатов «оказаться в поле зрения общества». Далее там же Лисов говорит, что в зарубежной практике уголовное дело, если оно возбуждено прокуратурой, расследуется якобы только следственным органом. Но фактически это не так. «Чисто» уголовное дело — да! Но такого типа, как августовские 1991 года события, т. е.

политические, наоборот — расследуются и оцениваются только парламентскими комиссиями. Эти же комиссии и далее контролируют ход следствия по факту события.

У нас так не получилось. Но без разбирательства парламентской комиссией вообще невозможны никакие выводы. Невозможно найти истину. Именно только эта комиссия Верховного Совета РФ способна и вправе давать политическую оценку действий высших должностных лиц и органов государства: президента СССР, вице-президента, Совета Безопасности СССР и других структур президентской власти, а также Совета Федерации, Кабинета министров, КГБ, МО, МВД — до и в ходе августовских 1991 года событий.

Почему у нас к этому вопросу подходят как к рядовому случаю? Невозможно установить конкретные составы преступлений, их субъективную и объективную стороны, степень вины каждого участника, не зная истинных причин и не представляя полной картины заговора (если он вообще существовал). А это можно установить, только обнажив политическую почву, на которой заговор мог появиться, анализируя хотя бы 90-е годы. Нельзя разорвать причину и следствие. А ведь все причины — именно в социально-политической ситуации, которая сложилась в ходе и в итоге «перестройки».

Четвертое. В свое время можно было понять ревностное отношение к проведению следствия по августовскому делу со стороны руководства Генеральной прокуратуры РФ. Но то был период поиска и утверждения. А сейчас? Сейчас — непоколебимое служение прокуратуры исполнительной власти — и только! А это может нанести непоправимый ущерб и самой прокуратуре, и законодательной, и особенно судебной власти. Поэтому сегодня нет смысла обвиняемым по августовскому делу возмущаться тем, что следствие явно проведено с обвинительным уклоном и что до суда уже фактически выносится решение — это все объяснимо! Но прокуратура, являясь проводником исполнительной власти, не может, не имеет права давать политические оценки и выступать с политическими обвинениями. А в действительности это делается именно так (выступление Е.Лисова 23.01.92 г. в «Российской газете»). Ведь в таких шагах прокуратуры — не только судьба обвиняемых. В этом — испытание молодой демократии, всей правовой системы, авторитета нашего государства. Неужели мы не способны выкарабкаться из омута «права» прошлых лет, которое наиболее проявилось в 1937 году?

Сегодня даже в одной из отсталых стран мира —

Афганистане, в условиях почти 14-летней кровавой войны объявлена стопроцентная амнистия для всех политических, государственных и военных деятелей. А многие из них даже взяты новым режимом на высокую службу (например, начальник Генерального штаба). И это после 14 лет войны! Сотни тысяч убитых, миллионы беженцев, тысячи разрушенных населенных пунктов!

А у нас? У нас — три неполных дня, и те с парадоксальным итогом: кто был в высших эшелонах законодательной и исполнительной власти, но «хотел якобы захватить эту власть», оказался в тюрьме, а тот, кто фактически подтолкнул их к таким действиям, спокойно и свободно живет, организовав заранее свой фонд за счет государства, разъезжает по миру, пополняя этот фонд «законно» заработанным усердием по развалу нашей страны.

Пятое. Ни о чем для себя не ходатайствую, но убедительно прошу рассмотреть возможность создания парламентской комиссии Российской Федерации, которая бы расследовала и дала политические оценки августовских событий. Ничего, что это делается после предварительного следствия (надо учитывать все, что произошло в стране). Но эта комиссия поможет во всем: развяжет затянувшийся правовой узел; поставит все на свое место; сохранит политическое лицо всех государственных органов РФ; даст полную основу для работы суда по объективному определению судьбы каждого обвиняемого человека; откроет перспективы утверждения истинной демоткратии.

Очень прошу о создании комиссии.

С уважением

Варенников

29.6.92 г.».

Аналогичное (и не единственное) обращение весной-летом 1992 года было сделано и в адрес Президента РФ, но там была, кроме того, такая фраза: «Конечно, в ходе политического расследования обязательно «всплывет» Горбачев. Но, учитывая, что им пока еще дорожит Запад как лицом, которое сделало сказочные услуги, комиссия ставить его в сложное положение, возможно, и не будет (во имя государственных интересов)».

Такие же письма были направлены в адрес Генерального прокурора РФ, которые кончались словами: «В связи с этим ходатайствую и прошу Вас поддержать мое предложение о создании указанной комиссии или принять меня лично для беседы.

С уважением Варенников. 27.6.92 г.».

Что касается прокуратуры, то она периодически мне отвечала одно и то же (цитирую): «Такие комиссии от Верховных Советов СССР и РФ создавались. Они получили необходимые материалы от Генеральной прокуратуры России и свою работу закончили».

Но я не из тех, кто бросает начатое дело на полпути. Я продолжал настаивать на создании парламентской комиссии и проведении ею работы с подследственными. Требовал, чтобы были вскрыты причинно-следственные связи по факту событий. Подчеркивал, что не мог появиться ГКЧП, если бы страна не катилась к катастрофе, а президент принимал бы необходимые меры по пресечению негативных явлений в обществе. Даже по факту события в Тбилиси (апрель 1989 г.) была назначена парламентская комиссия, которая всесторонне изучала все, что было связано с трагедией. Комиссия многократно опросила сотни свидетелей. Сделала письменный доклад Верховному Совету СССР. Председатель парламентской комиссии А. Собчак докладывал результаты на съезде народных депутатов СССР. Все было показано по телевидению и представлено в прессе. Но ведь это событие касалось только одной республики нашей страны, точнее, только одного города Тбилиси. В нашем же случае проблема охватила весь Советский Союз, а комиссии фактически не было. И то, что она якобы работала и т. д., так это не только не убедительно, но и странно — ни с одним из обвиняемых никто из членов комиссии ни разу не побеседовал.

Понимая, что наличие в материалах дела заключения и политической оценки событий со стороны парламентской комиссии значительно упростит судебное разбирательство и поможет суду определить истину, я до последнего дня нахождения в следственном изоляторе продолжал настаивать на создании такой комиссии.

Но всем было ясно, что ее работа означала бы обязательное разоблачение допущенных Генеральной прокуратурой РФ нарушений, поэтому последняя сделала все, чтобы решение по этому поводу не состоялось.

В этом я усматриваю то, что мое законное конституционное право было умышленно бюрократически затерто. Поэтому ходатайствую перед Военной коллегией Верховного Суда РФ провести разбирательство этого противозаконного действия.

Второй факт. О задержании Генеральной прокуратурой РФ моих ходатайств, направленных из следственного изолятора через Генеральную прокуратуру в различные официальные инстанции.

Если на письма и ходатайства, направляемые мной в адрес Генеральной прокуратуры РФ, я почти всегда получал хоть и

формально-бюрократические, но ответы, то ни на одно ходатайство, ни на одну жалобу, ни на одно письмо, направленные в другие инстанции через Генеральную прокуратуру, я не получил ни одного ответа.

У меня, естественно, появились сомнения в добропорядочности аппарата Генеральной прокуратуры РФ, да и самого Генерального прокурора лично. Потом некоторые письма, касающиеся общегосударственных проблем, а не меня лично и не имеющих никакого отношения к делу по ГКЧП, я начал передавать через адвоката (в частности, в МО свои взгляды на некоторые насущные проблемы строительства ВС России).

К сожалению, мои сомнения в отношении Генеральной прокуратуры оправдались. Приведу лишь один пример.

В 1992 году, накануне Дня Победы, я, учитывая, что мною дело было уже изучено (статья 201 УПК подписана) направил в Верховный Суд РФ ходатайство о пересмотре меры пресечения. Но к этому времени было принято дополнение к УПК РФ, в котором определено, что ходатайство такого рода рассматривается в судах по месту заключения. В связи с этим мое ходатайство переправляется в Куйбышевский районный суд г. Москвы, о чем меня уведомляют. Зная «объективность» именно этого районного суда и не желая лишний раз быть униженным, я направляю председателю Куйбышевского районного суда просьбу вернуть мое ходатайство мне, заявив при этом, что я отказываюсь от своих ходатайств. Что и было сделано. Но каково же было мое удивление, когда я получаю одновременно и документ из Генеральной прокуратуры РФ от 13.7.92 г. за номером 34-п-55292/6214–91 (копия имеется). Зачитываю текст:

«Председателю Куйбышевского районного суда г. Москвы Купцову А. Ф. Начальнику Учреждения ИЗ-48/4 ГУВД Панчуку В. Н. (для ознакомления подследственного Варенникова).

В связи с рассмотрением в суде жалобы Варенникова направляется его заявление о незаконном содержании под стражей, адресованное Президенту РФ.

Начальник отдела по надзору за расследованием особо важных дел старший советник юстиции А. Ф. Козусев».

Что это фактически означает? Во-первых, направление такого документа и с такой препроводительной из Генеральной прокуратуры уже не что иное, как прямое указание, как надо поступать суду (довольно прозрачно намекается: президент, мол, не стал рассматривать этот вопрос и вам вроде велел поступать соответственно).

Во-вторых, характер документа, подписанного ответственным работником Генеральной прокуратуры, свидетельствует о том,

что вообще заведен стабильный «порядок» прокурорского надзора — невзирая на закон, право, свободы и т. п., держать подследственных, как и в прошлом, в «ежовых рукавицах».

В-третьих, в этом обращении к президенту мною фактически выражалась главная мысль о назначении парламентской комиссии для определения политических оценок по событиям, о чем не говорится в документе Генеральной прокуратуры РФ.

В-четвертых, письмо к Президенту РФ, написанное мною и направленное через Генеральную прокуратуру РФ еще в мае 1992 года, никуда дальше канцелярии прокуратуры не ушло. И лишь в конце июля было переправлено председателю Куйбышевского районного суда г. Москвы, а не адресату, т. е. не президенту.

В-пятых, факт направления копии документа в следственный изолятор для моего ознакомления говорит или об ограниченности работников Генпрокуратуры (уж если мои ходатайства дальше ее стен не уходят, так хоть молчали бы об этом), или же это — наглый цинизм и издевка — вот, мол, знай: куда бы ты ни писал и о чем бы ни просил, все находится у меня, Козусева, и я что захочу, то и сделаю.

Это тоже ущемление моих прав и требует должной оценки судом действий прокуратуры.

Третий факт. Об игнорировании моих просьб встретиться с Генеральным прокурором Российской Федерации.

Учитывая сложившуюся вокруг меня обстановку, я начал настаивать на личной встрече с Генеральным прокурором РФ, тем более что никто из руководства следственной группы за год ни разу со мной не встретился.

Однако мои ходатайства и на этот раз не были удовлетворены. Тогда я иду на крайнюю меру — пишу Степанкову письмо уже как народному депутату России и прошу принять меня буквально на 20–30 минут. Ответ получаю 5.8.92 г. за подписью старшего прокурора по надзору за расследованием особо важных дел младшего советника юстиции Павлова А. следующего содержания (копия имеется):

«По поручению Генерального прокурора РФ сообщаю, что по вопросам, изложенным в Ваших заявлениях от 27.2.92 г. и 25.7.92 г., состоится личная встреча с Вами при очередной проверке следственного изолятора».

Но встречи и на этот раз не было, хотя Степанков в тюрьме неоднократно бывал. Как же так? Ведь необычное дело! Месяцами прошу встретиться. Я вправе просить о такой встрече?

Все это — единая система психологического пресса. И, конечно, она дает свои результаты — губительно сказывается на здоровье. И в этом случае я так же прошу соответствующего

разбирательства.

Четвертый факт. О встрече с народными депутатами Российской Федерации.

Летом 1992 года внезапно была проведена встреча в здании следственного изолятора с народными депутатами РФ Исаковым, Павловым и Саенко. Характерно, что встреча проводилась в присутствии Генерального прокурора Степанкова. Цель встречи — выяснить, не допускаются ли к нам противозаконные действия, и на месте установить возможность и целесообразность изменения меры пресечения.

Я высказал всю правду о грубых нарушениях законности, принципа презумпции невиновности лично Генеральным прокурором РФ, его заместителями. Степанков в ходе моего сообщения бросил несколько реплик, которые сводились к тому, что надо, мол, в своем докладе опираться не на сообщения средств массовой информации, а на его личные заявления. Но, во-первых, находясь в тюрьме, мы не имели возможности слышать и видеть его лично. Во-вторых, если бы все это была ложь и подтасовка прессы или телевидения, то Степанков мог заявить опровержение. Однако такового не последовало. Мои высказывания, возможно, были резкими, но правдивыми.

Группа депутатов в итоге встречи сообщила, что ею будут предприниматься шаги по изменению меры пресечения.

Прошло еще полгода. И только тогда, когда состояние моего здоровья стало совсем плохим и я был помещен в госпиталь под стражей, Генпрокуратурой была пересмотрена мера пресечения. Необоснованное, точнее — преднамеренное затягивание решения этого вопроса в условиях, когда один из подследственных был давно освобожден, убедительно говорит о стремлении Генпрокуратуры РФ побольше поиздеваться надо мной, сломать человека. Поэтому по изложенному факту прошу провести разбирательство и также дать оценку.

Пятый факт. О грубых нарушениях, допущенных при предъявлении мне третьего обвинения.

Сложилась парадоксальная ситуация: мне неоднократно предъявляют бездоказательные обвинения, заставляя меня же доказывать свою невиновность, хотя по закону именно следствие обязано доказать мне мою вину. Но оно этого не делало и не собиралось делать. Генеральная прокуратура фактически бесконтрольно чинила произвол. Каждый раз, опровергая абсурдное обвинение, я все-таки был вынужден доказывать свою невиновность. Фактически я готовил следствие к тому, чтобы оно, используя мои аргументы, могло бы заново предъявить обвинение в совершенно другой редакции. Причем Генпрокуратура каждый

раз подчеркивала, что следствие располагает (или ею добыты) убедительными доказательствами моей вины. Об этом, к примеру, свидетельствует и один из последних документов Генпрокуратуры — постановление заместителя начальника следственного управления от 12.8.92 г. (копия имеется).

В связи с этим я, естественно, потребовал, чтобы мне, в соответствии со ст. 68 (пункт 2) УПК РФ (где говорится (кроме прочего), что при производстве предварительного следствия подлежат доказательству «виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления»), представили эти доказательства. Кстати, там же записано, что «подлежат выявлению также причины и условия, способствовавшие совершению преступления». То есть именно то, на чем я настаивал в течение года, требуя создания парламентской комиссии.

29.09.92 г. заместитель Генпрокурора РФ Лисов Е. К. в своем постановлении пишет, отвечая на мое ходатайство: «На основе имеющихся доказательств конкретные преступные деяния Варенникова и обстоятельства, при которых они были совершены, подробно изложены в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого от 24.08.92 года». То есть постановление от 24.08.92 года — это фактически третье обвинение. И он, Лисов, подталкивает меня, чтобы я с этим обвинением знакомился, как и с предыдущими, опять доказывая ему свою невиновность. Однако третье обвинение я проигнорировал, и в первую очередь потому, что фрагменты из этого обвинения (которое было подписано и предъявлено мне 25 августа 1992 года) уже 19 августа 1992 года (т. е. на неделю раньше) были опубликованы в «Независимой газете» в статье М. Карпова «Хроника ГКЧП» (газета передана в суд). С публикацией я ознакомился 19.08.92 года, увидел там ложь и попросил адвоката разобраться, откуда все это появилось. Он разбирался и сообщил еще до предъявления мне обвинения, что в газете все напечатано слово в слово из постановления Генпрокуратуры.

Это было открытое глумление — мне еще не предъявлено обвинение (хоть оно, как и всегда, лживо, но все-таки официальный документ), а газеты уже это обвинение разнесли по всей планете.

Вот только две выдержки из газеты:

> 1. «В течение дня находившийся в Киеве Варенников направил в адрес ГКЧП пять шефротелеграмм, в которых требовал решительных действий, в том числе ликвидации группы «авантюриста» Ельцина».

2. «Во второй половине дня (надо полагать 19.08.92) по команде Варенникова на аэродром Бельбек в Форосе были выдвинуты разведбат и противотанковый дивизион, перед которыми поставлена задача — по команде уничтожить воздушные средства в случае их несанкционированной посадки».

Несмотря на то что я опротестовал этот выпад газеты и не стал читать третье обвинение, Генпрокуратурой текст этого обвинения с незначительными изменениями был вписан в обвинительное заключение. Это обвинение лживо от начала до конца (см. т. 4, л.д. 156 и 157).

Несомненно, такие действия Генпрокуратуры РФ должны быть оценены судебным разбирательством.

Шестой факт. О безосновательном заявлении Президента РФ Ельцина на встрече с руководителями некоторых средств массовой информации 21.08.92 года.

В связи с тем, что в этом заявлении Ельцина было допущено в отношении меня ложное обвинение, будто я требовал Ельцина расстрелять, я вынужден был поместить в ряде газет (в т. ч. в «Советской России», «Правде») свой протест. Сейчас я не буду зачитывать весь текст опровержения, но заключительную часть этого документа я процитирую: «У меня возникли основательные предположения, что руководство Генеральной прокуратуры РФ, не располагая доказательствами моей вины и пренебрегая имеющимися документами дела, фальсифицирует различные справки и тем самым провоцирует руководителей России на безответственные заявления.

Поэтому я категорически протестую и заявляю, что в условиях существующей в России Конституции и принятой в прошлом году Декларации «О правах и свободах человека и гражданина России» недопустимы оскорбления чести и достоинства людей и тем более их оговоры. Такие действия я расцениваю как внесудебную расправу.

В. Варенников».

23 августа 1992 года.

Я потребовал от Генеральной прокуратуры разъяснений. На это мне Генеральный прокурор РФ 8.09.92 года в документе за № 34-п-55–92/6214–91 (копия имеется) отвечает: «…с показаниями Президента России Ельцина Б.Н., допрошенного в качестве свидетеля, Вы ознакомлены». Действительно, в деле по августовским событиям есть показания Ельцина (том 67, допрос

от 13.01.92 года). Но ни одного слова о Варенникове, как и о Киеве вообще, в показаниях этого свидетеля нет. Лишь свидетель С. И. Гуренко показал, что все это от начала до конца вымысел. Таким образом, Степанков, вихляя, прямого и четкого ответа мне не дает.

Так никто и не соизволил объяснить мне, чем вызван такой выпад — заявление Президента РФ. Все это также является частью общей системы угнетения, организованной Генпрокуратурой РФ, что также требует судебного разбирательства.

Седьмой факт. О ложном выступлении Е. Лисова в «Курантах». Выступление 17 сентября 1992 года, то есть после того, как псевдодемократы безуспешно пытались пышно отметить годовщину так называемой победы над ГКЧП в Москве в целях поддержания тонуса идеологического давления на узников, заключенных в Матросской Тишине, и продолжения формирования у общественности негативного мнения об этих людях, в «Курантах» выступает заместитель генпрокурора Лисов. Красной нитью в его беседе с корреспондентом под рубрикой «Чего бояться прокурору?» у него проходит два положения: первое — показать гэкачепистов преступниками, пытающимися якобы извратить истину с целью выпутаться из этой истории; второе — представить себя идеальным блюстителем закона и права, в т. ч. строго соблюдающего презумпцию невиновности.

Как это было в действительности, можно показать на его же ответах корреспонденту. Последний, обращаясь к Лисову, замечает: «Где-то промелькнуло сообщение, что генерал Варенников звонил из Киева и интересовался, почему российские руководители не расстреляны». Лисов отвечает: «Это не совсем верно. Не знаю насчет звонков…» Обратите внимание: начальник следственной группы более чем год ведет такое важное дело и не знает насчет звонков. Да их просто не было, но он об этом умалчивает, хотя в деле все представлено очень ясно, и он знает.

Цитирую дальше: «…не знаю насчет звонков, но в деле есть телеграмма — она звучит примерно так…» То есть, что значит примерно? Ведь говорит заместитель генерального прокурора страны о человеке, который обвиняется по 64-й статье УК, по которой предусматривается мера наказания — расстрел или срок от 10 до 15 лет с конфискацией всего имущества! Разве допустимы какие-то примерные, приблизительные (а фактически полярно противоположные истине) высказывания? Даже если это не касается 64-й статьи?

Цитирую дальше: «…телеграмма звучит примерно так: требую самых жестких и решительных мер, в первую очередь в

отношении Ельцина». Фактически же это презренная ложь. Ложь, которая выпущена на страницы газеты, чтобы умышленно показать в самом извращенном виде то, что было на самом деле, и тем самым продолжать давить узников, создавать нужное режиму общественное мнение. А на самом деле в телеграмме шла речь о принятии мер к группе (именно к группе) авантюристов, которых возглавляет Ельцин, а не «в первую очередь в отношении Ельцина», как это заявляет клеветник Лисов.

Прошу обратить внимание суда, что не небрежность Лисова и не просто допущенная им ошибка, а умышленный шаг. Месяцем раньше была скандальная история с заявлением Ельцина на пресс-конференции, по поводу чего я выступил с протестом и о чем уже было сказано выше. Лисов, несомненно, в этом детально разбирался (ведь речь идет о чести президента) и знал, конечно, не примерно, а точно, что именно было написано в шифровке — исх. № 17/1970 (том 104, л.д. 118 и 119). Подтасовка в высказываниях Лисова, конечно, имела цель еще раз опорочить меня, оклеветать. И это требует судебной оценки.

Восьмой факт. О провокационных действиях ЛекановаЮ. И., бывшего следователя Генеральной прокуратуры РФ, что также нанесло мне ущерб.

Первоначально со мной работал, т. е. вел допрос следователь Любимов Ю. М. Это тонкий, старой закалки следователь, видевший на своем веку многие аномалии в юриспруденции и поэтому в меру своих уже уходящих сил и способностей всячески лавировал, приспосабливаясь к обстановке. Для того, чтобы я давал ему такие показания, какие нужно, и чтобы своих следов нигде не оставлять, он наговаривал мне целый перечень вопросов. А фактически составлялась наводящая схема моих показаний. Я добросовестно набрасывал их в черновик, а затем давал письменные показания. Прочитав их, Любимов вновь наговаривал вопросы, уточняя кое-что, и т. д. Я давал дополнительные показания, строго придерживаясь навязанной мне схемы. Опыта не было, знания в этой области тоже весьма ограничены, вот нами и могли варьировать следователи так, как им было угодно, чтобы достичь поставленных целей.

Затем мое дело было передано следователям ЛекановуЮ. И., Стоумову А. Н. и еще одному, проводившему съемки допроса (как я позже понял — это то лицо, которое будто вместе с Лекановым продало германскому журналу «Шпигель» кассеты с допросами премьер-министра, министра обороны и председателя КГБ СССР).

За три дня до начала допроса Леканов заходил к нам в следственную комнату, где со мной работал Любимов и адвокат, и в присутствии свидетелей открыто и грубо провоцировал меня.

Он говорил, что сейчас проводит допрос другого обвиняемого (называл фамилию Язова). Так вот он, этот обвиняемый, якобы показывает все, как было. «А Вам (то есть мне), боевому генералу, тем более надо брать все на себя — Вы будете выглядеть авторитетно, солидно, как и подобает Вашему служебному положению. Да и вообще, возьмите Ельцина — к нему давно надо было принять меры! Помните его выступление в Доме кино, когда он выходил на трибуну, закатывал рукава и говорил: «Хватит! Нам пора действовать». И такая обработка Лекановa шла трое суток по 15–20 минут.

Я, конечно, не вступал с Лекановым в дискуссию, но после его ухода каждый раз обращался к присутствующему при этом адвокату и другим лицам и спрашивал: почему я должен брать на себя то, чего я не совершал? О каком выступлении Ельцина говорит Леканов — я впервые слышу, что он выступал в Доме кино? Я действительно в то время об этом ничего не знал.

Прошу обратить внимание суда также на методы самого допроса, которыми пользовался Леканов.

Накануне своего допроса Леканов еще раз встретился со мной — я предложил ему следующий порядок на предстоящем допросе: вначале чтобы он выслушал мое изложение событий, как я их представляю и как оцениваю, а затем он задает мне все интересующие его вопросы, хотя и в ходе сообщения тоже я предполагал отдельные уточнения. Леканов согласился. Но начал свой допрос со слов: «Вы (то есть я) не совсем искренни! Изменилась ли ваша позиция, и что сейчас можете сказать по существу предъявленного обвинения?» (том 102, л.д. 59).

О какой искренности и о какой позиции может идти речь, если я еще вообще с ним ни о чем не говорил? И вообще, корректно ли ставить так вопрос, даже если у следователя есть сомнения в искренности?

Я понял, что Леканов задался целью с первых минут, образно говоря, свернуть мне шею. И хоть я и попытался все-таки сделать сообщение по той схеме, как было спланировано, как мы с ним договаривались, однако из этого ничего не вышло. Все пошло кувырком — бесцеремонно и постоянно перебивая, не давая полностью ответить практически ни на один им же поставленный вопрос, сбивая с мысли, сбивая с толку, Леканов делал все, чтобы подавить обвиняемого. Я не намерен приводить факты и примеры из этого допроса — обо всем этом ярко свидетельствует видеозапись (именно видеозапись, а не текст, помещенный в томе 102 дела), и я прошу уважаемый суд обратить внимание на этот документ, так же, как и на видеозапись допросов других лиц, которые допрошены Лекановым. Это тоже характеризует эту

коварную фигуру.

Внешне будто бы нормально — называют по имени-отчеству, не избивают, но морально-психологическое насилие — это полная проекция 37-го года! Нагло притягивая обвиняемого к схеме своих вопросов, ответы на которые в итоге должны дать подтверждение несуществующей вины! Школа Вышинского, видно, глубоко пустила свои корни, а следовательно, и страдания невинных людей вполне объяснимы и в период так называемых демократических преобразований! Но такие страдания одновременно настоятельно призывают всех уничтожить или хотя бы обезвредить наконец эти плевелы в нашем праве. А для этого также необходима судебная оценка правонарушителя Леканова.

Девятый факт. О незаконном изъятии у меня правительственных наград.

Текст постановления Лисова (том 104, л.д. 71) уже здесь оглашался. Поэтому я воздержусь от цитирования документа, но подчеркну еще раз лишь одну фразу — «В целях обеспечения приговора постановил: провести выемку орденов и медалей».

Мне может прокурор возразить, мол, вас следственные органы и Генеральная прокуратура РФ не лишали наград, а сделали только их выемку. А кто давал им право делать такую выемку? Кем, каким законом им позволено порочить награды, завоеванные в бою? Кто давал право этим людям, в т. ч. Лисову, которые не видели и не знают, что такое война, дотрагиваться до этих святынь, символизирующих защиту Отечества? Где, в какой стране это дозволено? Нет таких примеров!

Но все объясняется довольно просто. В Генеральной прокуратуре «спокон веков» кем-то составлена инструкция, которая предусматривает обязательное изъятие орденов одновременно с арестом. Объяснение дается прозаичное — чтобы родственники не могли их куда-нибудь спрятать и т. п. Однако если у правоохранительных органов есть такие опасения, то можно же ордена, как и другое имущество, описать и предупредить, чтобы все было в сохранности. Нет, на мой взгляд, главная цель в другом — полностью морально подавить арестованных, мол, все уже решено — даже отобраны правительственные награды. И в это тоже требуется решительное вмешательство суда. Надо пресечь эту порочную практику.

Перечисленные мной нарушения законности делались в общем потоке максимального давления на незаконно арестованных обвиняемых, по общему сценарию, который имел две основные цели: максимально опорочить невинных людей и обязательно всех их сломать физически и морально-психологически, чтобы они утратили всякую способность к

защите и сопротивлению. Наверное, они чего-то и добились, но только не в отношении меня. Одновременно средствами массовой информации, которые уже почти десять лет в руках Яковлева, подгонялось общественное мнение под якобы законное обвинение. Они, эти средства, и сейчас делают свою работу, печатая то полностью «Обвинительное заключение», то якобы допросы на предварительном следствии, то обзывая суд самыми последними словами, рассчитывая на то, что тем самым подтолкнут его к желаемому для Горбачева и Ельцина приговору.

И, наконец, последнее — о грубых нарушениях закона, допущенных при моем аресте. Вопрос не раскрываю, имея в виду, что он подробно будет разобран на судебном следствии при допросе свидетеля Нишанова Р. Н. Отмечу только, что и статьи 34-я и 35-я Закона «О статусе народного депутата СССР», и статья 106-я Конституции СССР были нарушены и, следовательно, принятое постановление Президиума ВС СССР должно быть судом исследовано.

Таким образом, незаконные действия, допущенные в отношении меня Генеральной прокуратурой РФ и другими официальными органами, не только порочны с позиции закона и нравственности, но они наносят моральный, физический и материальный ущерб человеку и государству. Многие из них общественно опасны и уголовно наказуемы.

Короткое заключение

Подводя итог всем показаниям, я вправе сделать вывод о том, что причины и мотивы, побудившие меня к выступлению в августе 1991 года в поддержку руководства страны, образовавшего в последующем Государственный комитет по чрезвычайному положению, логически и непременно вытекали из той обстановки, в которой находилась страна, из обстановки, в которую ввергла страну политика Горбачева.

Я не согласен был с этой политикой, разрушающей Советский Союз! Считал своим гражданским долгом, долгом народного депутата СССР, своей офицерской честью непременно поддержать орган, который должен был поставить преграду этому развалу, не допустить катастрофу нашей страны.

Важно подчеркнуть, что к такому выводу я пришел не сразу. Этот путь, к сожалению, занимал многие годы — особенно 89-й, 90-й, 91-й. Хотя уже в перечисленные годы налицо были не просто ошибки Горбачева, а просматривались умышленные действия, наносящие государству колоссальный ущерб. Даже в 1989 году это было отчетливо видно и надо было принимать решительные меры.

Но существовавшая в то время в стране система подавляла здоровые силы, не позволяла им проявиться, хотя внешне вроде появилась и гласность, и демократия. Фактически же это была декорация, прикрывавшая истинные цели Горбачева. Он вместе со своими подельниками по разлому СССР использовал это в своих интересах. Убирал со своего пути всех неугодных (не справился только с Ельциным), вливая в сознание тех, кто оставался во властных структурах, мысль о том, что только повиновение ему лично избавит нас от всех испытаний. А фактически продолжал изнутри разрушать нашу Великую Державу.

В итоге представленных суду показаний я также подчеркиваю, что нет в действиях ГКЧП и, следовательно, в моих, поддержавших этот Комитет, никаких преступных деяний. Я вправе сегодня поставить сакраментальный для моего дела, священный для меня лично вопрос: есть ли связь между тем, что произошло в течение нескольких дней августа 1991 года, и тем, что этим дням предшествовало за последние годы? Или же все это произошло спонтанно? Есть ли причины, уходящие еще в 80-е годы, породившие и создание и выступление ГКЧП, или нет этих причин?

Я постарался дать подробные на этот счет показания,

опираясь широко на множество примеров, приведенных свидетелями (в т. ч. Горбачевым) на предварительном следствии. Надеюсь, что такие данные будут предметом особого внимания суда для дачи необходимых оценок.

Наконец, вполне объяснимы (с учетом происшедших в обществе деформаций) и незаконные в отношении меня действия Генеральных прокуратур СССР и РФ, как и других официальных органов государства. В основе этих действий — политический курс, а не Право и Закон. Кроме того, руководители этих органов обязаны были продемонстрировать не только свою приверженность, но и безропотную преданность не Закону, а вождю (иначе их могли просто убрать). Наконец, они также обязаны были блюсти честь мундира и своего ведомства, даже если это будет в ущерб Конституции.

Все перечисленное, конечно, ярко и многогранно проявилось в моем деле потому, что не было и не могло быть у Генеральной прокуратуры объективных причин для предъявления мне обоснованного обвинения.

Но если мы не хотим, чтобы наше общество было окончательно изуродовано и пришло в аморфное состояние (а Право и Закон были и остаются основой государственности), то всему этому беспределу надо положить конец. Как это и пытаются делать истинные патриоты.

Верю, что Военная коллегия Верховного Суда объективно рассмотрит и оценит все мои показания.

Варенников

Август 1994 г.».

Эти два дня, в течение которых я давал показания, были очень напряженными. По окончании заседания ко мне подходили многие товарищи, поздравляли с ярким и смелым, как они говорили, выступлением. Особенно тепло отозвался о моей речи Владимир Александрович Крючков. По его мнению, мол, показания были аргументированны и убедительны, честны и справедливы.

Как всегда вечером, перед тем как идти домой, мы с Д.Штейнбергом уточнили наши действия на следующий день. Оказалось, что уже завтра, с учетом моих показаний, меня будут допрашивать судьи, государственный обвинитель, защитник потерпевших. Кроме того, задавать вопросы будет и мой защитник — адвокат Д. Штейнберг.

В связи с этим дома я готовился к судебному заседанию особо тщательно, прикидывал, прогнозируя, какие и от кого могут

последовать вопросы. Разумеется, весь их перечень я составить не мог, но все-таки многое совпало с тем, что я предполагал.

И вот снова зал заседаний. Судьи буквально атакуют меня вопросами — настолько жесткими, что во время перерыва я даже сказал: «Этим судьям надо работать не в суде, а в прокуратуре». По некоторым проблемам я был вынужден, с позволения председательствующего, давать дополнительные показания. Но чем дальше шел допрос, тем больше я убеждался, что подход ко мне со стороны председательствующего явно предвзятый. Нарушалась состязательность сторон в рассмотрении ряда вопросов, например, по какому-то разделу рассматривались претензии ко мне, а мои претензии по этому же разделу игнорировались.

На суде были оглашены мои показания, которые я дал на предварительном следствии. Естественно, кое-какие положения с тем, что я доложил сейчас, совпадали не полностью, что вызвало ряд вопросов. Разумеется, приятного в этом было мало.

В своих показаниях на суде я не мог с точностью «до микрона» воспроизвести то, что показывал на предварительном следствии в течение года. Где-то была недосказанность или даны другие акценты. Но то, что я был невиновен, было доказано на всех этапах следствия, так же как и преступные действия исполнительной власти. А это — главное.

Однако поскольку принципиальных, существенных расхождений не было, то и опасаться каких-то негативных последствий не стоило.

И все-таки напряжение между мной и судом нарастало все больше и больше. Однажды даже я вынужден был более 40 минут доказывать суду, что он ко мне не справедлив, что вопросы рассматриваются односторонне и лишь те, что направлены против меня. Я отметил, что часто речь идет о событиях, к которым я вообще не имел отношения. Мало того, в объявленных списках вызываемых по моему делу свидетелй числятся лица, о которых я впервые слышу и с которыми во время августовских дней я вообще не контактировал, да и они меня не видели.

Резко выразив свой протест суду, я в итоге заявил: «Если суд не встанет наконец на правовой путь исследования дела и не ограничит разбирательство рамками именно моего дела, а не всего ГКЧП, я буду вынужден прекратить дачу показаний. Или же пусть мне предъявят новое обвинение, границы которого должны включать все факты, которые интересуют суд».

Во время перерыва, еще находясь под впечатлением своего выступления, я подумал — а не заявить ли мне о недоверии суду? Дмитрий Давидович успокаивал меня, мол, в судах всё бывает, но

в принципе мою идею о замене состава суда не отвергал. Однако когда заседание закончилось, а я полностью успокоился, он посоветовал пока повременить с таким заявлением: «Посмотрим, как они будут вести дело завтра и послезавтра». Я согласился, но дома все-таки ходатайство написал.

На следующий день заседание проходило более мирно: исследовались все стороны вопроса. Не исключено, что Д.Штейнберг переговорил с председательствующим В. Яськиным и народными заседателями В. Подустовым и Н.Юрасовым, обрисовав обстановку и мои намерения, и это сыграло свою роль.

Наконец, начался допрос свидетелей.

В суд было вызвано более тридцати свидетелей.

В ходе же следственных действий мною было заявлено ходатайство о том, чтобы в качестве свидетелей были допрошены дополнительно еще ряд товарищей. Однако вызвать всех, кто входил в число ранее подсудимых по делу ГКЧП, а сейчас амнистированных, суд отказал. Но из числа тех, кто не обвинялся (а я просил пригласить Жардецкого, Корсака, Беду, Головнева, Чиндарова и других), многих все же пригласили.

Кстати, в целях исследования обстоятельств, связанных с незаконной передачей надзорных функций бывшим Генеральным прокурором СССР Н. Трубиным бывшему Генеральному прокурору РФ В. Степанкову, а также для исследования вопроса, связанного с законностью моего ареста как народного депутата СССР и длительным содержанием в следственной тюрьме, я ходатайствовал вызвать в качестве свидетелей Н. Трубина и В. Степанкова. Однако суд мне в этом отказал.

Бесспорно, показания всех свидетелей представляли, да и представляют и сейчас большую ценность. Тем более что они были даны в результате обращения к ним председательствующего суда, а также после моего обращения. Перед допросом председательствующий разъяснял каждому свидетелю его гражданский долг и обязанность правдиво рассказать все известное ему по делу ГКЧП, но в рамках, касающихся только подсудимого Варенникова. Одновременно свидетель предупреждался об ответственности за отказ от дачи показаний или дачи ложных показаний. У свидетеля бралась подписка о том, что ему разъяснены его права и обязанности, он понял свой долг и ответственность.

Каждый раз, когда эта обязательная процедура заканчивалась, я поднимал руку и просил слова для обращения к свидетелю. Председательствующий мне никогда в этом не отказывал. Обращаясь к каждому из них по имени и отчеству, я говорил:

«Прошу вас, прежде чем давать какие-нибудь показания в отношении меня, глубоко вдуматься в существо обвинений, которые мне предъявлены. Я обвиняюсь в измене Родине с целью захвата власти, в умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны. Это самая тяжелая статья и соответственно предусмотрена самая тяжелая кара. Давая показания, вы несете ответственность. Поэтому будьте осмотрительны, чтобы исключить нежелательные для вас последствия».

Говоря об этом, я преследовал две цели. С одной стороны, макс имально провоцировать выступления против себя, хотя был абсолютно уверен, что и в этих условиях показания в большинстве случаев будут в мою пользу. Тот же, кто побоится это сделать, может в показаниях ограничиться общими фразами. Однако мне было важно, чтобы судебное следствие видело мою открытость.

Вторая цель — открыть глаза свидетелю. Ведь далеко не каждый из них ясно представлял, к какому уголовному делу он имеет отношение и какие для него могут быть последствия, исходя из тех показаний, какие он намерен дать. Для него лично и, следовательно, для его семьи. Это касалось в первую очередь тех, кто находился на государственной службе.

Но, к всеобщему удивлению и большой общей радости, несмотря на мои «старания», не нашлось ни одного свидетеля, который в чем-то бросил на меня, мои действия или высказывания хотя бы небольшую тень. Наоборот, подавляющее большинство свидетелей выступали с патриотическими речами и тепло отзывались лично обо мне. Конечно, я им всем бесконечно благодарен за это, но самое главное — они своими выступлениями показали народу, что не угас огонь борьбы за социалистическое Отечество.

Нет возможности, да и необходимости воспроизвести всё. Приведу лишь выступления всех свидетелей и общее содержание речей наиболее ярких фигур.

В числе первых выступал заместитель министра обороны РФ, Герой Советского Союза, генерал-полковник Борис Всеволодович Громов.

Откровенно говоря, я, наверное, за него переживал больше, чем он сам. Кстати, инициатива вызова Б. Громова в качестве свидетеля принадлежала суду. И когда я увидел его фамилию в списке, то первым побуждением было немедленно обратиться через адвоката к суду и исключить его из числа свидетелей. Но Д.

Штейнберг мне разъяснил, что, во-первых, подсудимому некорректно вмешиваться в работу суда, а тем более определять, кого из названных судом оставлять в списках, а кого исключать. Во-вторых, список уже объявлен, поэтому предложение запоздалое, и никто вносить коррективы не будет. В-третьих, не в интересах подсудимого делать из этого проблему — пресса может раздуть такое пламя, что всем будет тошно. Я согласился.

Б. Громов появился в зале по приглашению суда. Как всегда спокойный (во всяком случае — внешне), он ровной и уверенной походкой прошел на свое место. А когда его пригласили на трибуну и объяснили его обязанности, я обратился к Громову со своим «провокационным» предложением — вначале хорошо взвесить свои показания, учитывая, что он находится на службе.

На мой взгляд, из всех свидетелей, находившихся в тот момент на государственной службе или в отставке, в самом сложном положении был Борис Всеволодович Громов. Во-первых, он находился на государственной службе и занимал высокий пост заместителя министра обороны. Во-вторых, туман сомнений властей придержащих в отношении роли и места в августовских 1991 года событиях первого заместителя МВД (а эту должность тогда занимал Б. Громов) еще не рассеялся. К тому же министр внутренних дел СССР Б. Пуго застрелился. Все это накладывало отпечаток и ставило Б. Громова в очень сложное положение.

Мне очень не хотелось, чтобы у него были неприятности.

Выясняя отношение свидетеля к подсудимому, что предусматривалось кодексом, председательствующий спросил у Громова:

— Какое у вас отношение к Валентину Ивановичу?

— Прекрасное. Самое доброе, честное и откровенное.

— А у вас, Валентин Иванович, к свидетелю Громову? — обратился ко мне В. Яськин.

— Такое же, как и у него ко мне, — ответил я. А сам подумал: «Это же надо! Как бы его искренность и откровенность не вышла ему боком. Ведь столько уже поломанных, загубленных судеб».

Борис Всеволодович в своем выступлении подробно обрисовал сложившуюся обстановку и причины, почему страна попала в такое положение. Давал безжалостные характеристики Горбачеву и его политике. Прямо заявил, что наш доверчивый и благородный народ, поверя ему, возлагал большие надежды на перестройку, фактически же это был пустой звон и страна была ввергнута в катастрофу. В этих условиях деятели из руководства страны, преданные народу, конечно, были обязаны принять меры, чтобы спасти хоть что-то, для чего и создали Государственный комитет по чрезвычайному положению — ГКЧП. Его активно

поддержал генерал армии Варенников. Являясь патриотом нашей Родины, он не мог поступить иначе.

И далее Громов дает всесторонюю положительную характеристику как служебной деятельности, так и личных качеств Варенникова. Что же касается ГКЧП, то Б. Громов заявил: «Целиком и полностью поддерживаю цели и задачи комитета, его выступление против политики Горбачева. Надо было это сделать еще раньше. Одобряю все документы, которые изданы комитетом, — они справедливо оценивают обстановку и реалистично подходят к вопросу выхода страны из кризиса и стабилизации обстановки. Но я критикую комитет за недееспособность и схоластику — сказали много и то, что нужно, но ничего не сделали. За непоследовательность, нетвердость в проведении своих решений в жизнь, слабую организаторскую работу и фактически отсутствие управления страной, за трусость взять реальную ответственность на себя и навести надежный порядок в стране. Я критикую ГКЧП за то, что он не оправдал доверия народа».

Это были сильные, справедливые слова. Выступление Б.Громова произвело на всех огромнейшее впечатление не только своим содержанием, справедливой оценкой произошедших в стране событий, но всех покорило его мужество. Далеко не каждый заместитель министра (тем более заместитель министра обороны) отважится на такое выступление. А ведь чтобы смело сказать правду, требуются личная отвага и мужество. Не каждый обладает такой силой духа, как Громов, чтобы в тяжелых условиях подавления демократии решиться на такой поступок. Ведь совсем недавно был издан Указ Президента РФ № 1400 о разгоне Советов всех уровней. Еще не остыли стволы танковых орудий после расстрела Дома Советов. Еще не высохли слезы на воспаленных глазах матерей, потерявших своих детоей у этого здания с зияющими разбитыми окнами и закопченным от гари фасадом… В этой обстановке далеко не каждый осмелится выступить на суде «над изменником Родины» так, как это сделал Б. Громов.

Вопросов Борису Всеволодовичу задавали мало. Он дал исчерпывающие ответы. Председательствующий поблагодарил его, и Б. Громов освободил место на трибуне очередному свидетелю.

А я еще долго думал об этом выступлении, опасался, что Ельцин этого Громову не простит, а в том, что ему, Ельцину, об этом доложат, не было никакого сомнения. Тем более что именно эти показания были опубликованы в газетах. Но вроде все обошлось. Однако грозовая обстановка вокруг Б. Громова

сгущалась. И она разразилась, когда назрела война в Чечне, т. е. ждать пришлось недолго.

Борис Всеволодович был категорическим противником этой войны. Он настаивал на политическом пути разрешения кризиса. Имея огромный опыт войны в Афганистане, глубоко понимая, как сложно погасить этот «пожар», если он уже разгорелся, и осознавая, насколько тяжелы его последствия, Б. Громов делал все, чтобы война не началась. И возможность такая была — Дудаев был готов встретиться с Ельциным и договориться.

Однако в то время министром обороны был П. Грачев, который на весь мир заявил, что он сможет одним десантным полком в течение месяца навести в Чечне порядок. И хотя он тоже в свое время был в Афганистане, но оказался неспособным сделать из этого горького урока правильные социально-политические выводы. Да и в военном отношении он с трудом тянул на командира дивизии, а тут вдруг ему вручили Вооруженные Силы огромной страны, поставив министром обороны. По своим возможностям и способностям он просто не соответствовал занимаемой должности, однако был предан Ельцину. А для последнего это было все, поэтому-то он и говорил, что Грачев — лучший министр обороны за последнее десятилетие. Возможно, границы мышления и лексика застолья тоже сближали президента и министра. Но то, что Громов и Грачев — совершенно разные люди и разные военачальники, так это факт. Они не сопоставимы ни по культуре, ни по интеллекту, ни по возможностям анализировать, мыслить, предвидеть и даже просто говорить. Когда в беседе с корреспондентом Грачев говорит: «Я удивлен на ваш вопрос…», то невольно думаешь: «Да что же в конце концов у нас происходит? Что можно ожидать от такого министра?» И неудивительно, что Грачев стал одним из основных могильщиков наших Вооруженных Сил. Зато сам обогатился. И жил и живет сейчас припеваючи.

А вот Б. В. Громов по всем параметрам относится к элите наших Вооруженных Сил.

Но продолжу повествование о суде.

Интересным было выступление на одном из заседаний бывшего начальника ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск маршала артиллерии Владимира Михайловича Михалкина. Он тоже уделил большое внимание оценке произошедшего в стране, с болью говорил о беспределе в развале государства и его экономики, о процветании преступности, при этом никто не несет ответственности за случившееся. Органы, призванные по долгу службы стоять на страже закона, решительных мер к наведению порядка не принимают. Исключительно остро маршал говорил о

самой трагедии, постигшей наше Отечество, о развале Советского Союза! Владимир Михайлович говорил: «Так что же получается? Раньше, если человек украл мешок картошки, так его судят и сажают в тюрьму, а сейчас развалил государство и никакого спроса, живет себе припеваючи».

Владимир Михайлович Михалкин тепло отозвался обо мне. Возможно, на него повлияла наша долголетняя совместная служба, начиная с Прикарпатского военного округа.

Большой интерес вызвало и выступление свидетеля — бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Михаила Николаевича Хронопуло. В основном он говорил о «фантазиях» Генеральной прокуратуры, об охране участка побережья, где располагалась резиденция Президента СССР, а также о преступных решениях, которые якобы имели место на аэродроме Бельбек — главной авиационной базы, через которую шла вся физическая связь Москвы и других городов страны с Горбачевым.

М. Н. Хронопуло положительно высказался в мой адрес. Однако, очевидно желая подчеркнуть свое личное ко мне уважение, он заметил: «…я обязан был выполнять все распоряжения генерала армии Варенникова, так как он был заместителем министра обороны». В связи с этим я был вынужден развернуть небольшую дискуссию, в ходе которой пояснил, что главнокомандующему Сухопутными войсками — заместителю министра обороны подчиняются только Сухопутные войска, т. е. все военные округа и группы войск, шесть военных академий, около сорока высших военных (по соответствующим родам войск) и других училищ, в том числе суворовских, а также базы, склады, арсеналы, научно-исследовательские институты, полигоны, учебные центры и некоторые другие структуры. Но распоряжения главкома Сухопутных войск не распространяются на другие виды Вооруженных Сил, в том числе на Военно-Морской Флот, где есть свой главком и тоже заместитель министра обороны. Что же касается воинского звания, то генерал армии является начальником только для младших офицеров и ниже. Поэтому для старшего офицера, а тем более высшего звена — генералов и адмиралов — он не является начальником.

Кажется, это недоразумение мы уладили.

От Комитета государственной безопасности в качестве свидетеля выступал начальник одного из главных управлений генерал-лейтенант Александр Владиславович Жардецкий, который глубоко и обоснованно оценил сложившуюся в стране к августу 1991 года обстановку и на этом фоне раскрыл конкретные события, которые имели место. То есть фактически он

подтвердил мои показания на суде о том, что события августа 1991 года нельзя считать случайностью — это результат разрушительной антинародной политики, которую проводил Горбачев. Что касается ситуации вокруг Дома Советов РСФСР, то это была открытая и наглая демонстрация неповиновения союзным властям, пренебрежения Конституцией СССР, но все это прикрывалось громкими заявлениями о якобы необходимой защите демократии. Фактически это было антиконституционное, контрреволюционное выступление, возглавили которое Борис Ельцин и его окружение. В самом здании скопилось несколько сот незаконно вооруженных боевиков, которые представляли большую опасность для населения. В этих условиях Комитет государственной безопасности считал своим долгом разоружить этих людей. Однако засевшие в Доме Советов ельцинисты действовали так, как это обычно делают террористы или бандиты — прикрываясь многочисленной толпой, как щитом, Ельцин и его окружение постоянно призывали к защите Белого дома. И люди приходили. Но не столько на защиту (так как для этого не было причин — защищать было не от кого), сколько просто поглазеть. А заодно выпить и закусить на халяву. Да и деньги раздавали налево-направо — по указанию Г. Попова. Кстати, в первоначальных заявлениях Г. Попов называл 68 миллионов рублей, которые якобы были розданы «защитникам» Белого дома. Затем эта цифра уменьшилась, и в итоге образовалась цифра 24 миллиона — это проходило и на первом суде.

Таким образом, выступление на суде генерала Жардецкого подтверждало опасность ситуации, сложившейся на Красной Пресне, и необходимость разоружения боевиков, засевших в Доме Советов РСФСР.

Особый интерес представляло выступление командира подразделения «Альфа» Героя Советского Союза генерала В.Ф. Карпухина. Не анализируя всех передвижений этого подразделения в августовские дни, отметим, что «Альфа» имела высокую готовность к действиям и была способна безупречно выполнить любой приказ своих начальников. В. Ф. Карпухин на суде прямо заявил, что его подразделение было готово выполнить любую задачу. Однако никаких распоряжений об активных действиях, в том числе о проникновении в Белый дом с целью разоружения боевиков они так и не получили. В. Ф. Карпухин также развенчал тех, кто разносит нелепые слухи, будто личный состав подразделений КГБ, в том числе «Альфа», отказались выполнять приказы в отношении Белого дома. Он еще раз подтвердил готовность «Альфы» к действиям, но, увы, приказ о них так и не последовал.

Необычными были выступления и действия председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР Р.Нишанова. Когда его вызвали в зал заседания суда как свидетеля, то он уже с порога начал громко причитать, что произошла досадная ошибка: ни у кого даже в мыслях не должно быть, что генерал Варенников мог совершить преступление против Родины, Валентин Иванович патриот своей страны, предан своему народу, поэтому все надо немедленно поправить… В общем, в этом духе он продолжал еще долго. Но самое удивительное то, что он подошел ко мне и неожиданно обнял меня. Вот какие «глубокие» чувства вдруг пробудились у него, когда запахло тем, что его могут привлечь к уголовной ответственности за нарушение закона. Став за трибуну и дав расписку в том, что будет говорить только правду, Р. Нишанов снова продолжил восхваления в мой адрес. Наконец, председательствующий остановил поток его красноречия, и Нишанову начали задавать вопросы — судьи, государственный обвинитель, защита. Я же воздержался от вопросов, потому что после излияний Рафика Нишановича чувствовал себя весьма неловко. Ведь он даже не дал мне договорить, в чем я обвиняюсь. Он возмутился, что Варенникова могут в чем-то обвинять! Не будем гадать — все это шло от души и сердца Нишанова или того требовали обстоятельства, но факт такой был.

Все вопросы, адресованные Нишанову, крутились вокруг одного момента — почему были грубо нарушены положения, регламентирующие порядок снятия с народного депутата СССР неприкосновенности и привлечения его к уголовной ответственности. Нашанов каждый раз говорил, что он ни в чем не виноват, что здесь допущена ошибка и ее надо поправить, после чего снова с еще большей энергией начинал восхвалять Варенникова. И хотя Р. Нишанова «пощипали» основательно, он из всей этой истории все-таки выскользнул, отделавшись только испугом.

Но кто бы ни выступал на этом процессе и что бы он ни говорил, главное внимание участников суда, средств массовой информации и граждан, присутствовавших на заседании и собиравшихся перед зданием Верховного Суда, было приковано к Горбачеву. О дне его прихода на заседание было известно заблаговременно. Поэтому «Трудовая Россия» во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым встретила его так, как он того заслужил.

Народу собралось очень много, но и милиции было не меньше. Переносными ограждениями определили границы участка, где было позволено стоять митингующим. С проезжей части дороги всех вытеснили на тротуары. Народ стоял с плакатами, огромными карикатурами на Горбачева и постоянно

скандировал: «Горбачев — иуда!», «Горбачев — предатель!», «Горбачева под суд!» и т. п.

Но когда Горбачев подкатил к центральному подъезду — народ взревел! Творилось что-то неописуемое. В него полетели помидоры, яйца, какие-то коробки. И, несмотря на то что от проезжей части до входа милиция сделала «коридор», Горбачев и его спутники (он приехал с дочерью и помощниками) еле проскочили в здание.

Со временем в сознании людей стирается всё, что в свое время натворил Горбачев. Может, потому, что его преемник Ельцин «затмил» Горбачева. А тогда все — и развал страны, и разграбление страны, и «война законов», и пустые полки, и разрыв экономических связей, и непомерный рост преступности, и нарождение капитализма, и холуйство перед Западом, и все то, что привело нас к краху, — все это еще было слишком свежо в памяти.

Допрос Горбачева длился два дня. Он стал единственным свидетелем, который давал показания так долго. Первый день его допрашивали суд, государственный обвинитель и защитник. А на второй день вопросы задавал я. Весь день. С утра и до вечера, с часовым перерывом на обед.

В первый день особое внимание Горбачеву уделили прокурор А. Данилов и народный судья генерал В. Подустов. Своими вопросами, особенно о развале Советского Союза, они буквально загнали Горбачева в угол. Доведенный до «белого каления», Горбачев начал выкрикивать: «Я понял, куда я попал!», «Я понял, что это за суд!» и т. п. Но председательствующий его осадил, успокоил и предупредил, что судебное следствие идет в рамках закона и никаких нарушений нет. И тогда народный судья В. И. Подустов с еще с большим вниманием продолжил допрос.

Вообще-то Горбачев участие в суде хотел использовать для поднятия своего политического имиджа. Впереди были выборы Президента России. Возможно, он рассчитывал как можно более эффектно разделаться с Варенниковым, чтобы идти на выборы. Но его планы были разрушены уже в момент появления у здания Верховного Суда. А потом начались сплошные «спотыкания», начиная с первой фразы его показаний. На вопрос председательствующего: «Как вы относитесь к Варенникову?» — Горбачев ответил: «Нормально, уважительно». На такой же вопрос, заданный мне, я ответил, что отношусь к нему (Горбачеву) с неприязнью. Это уже наложило отпечаток на атмосферу допроса свидетеля.

Впрочем, первые осложнения Горбачев создал себе сам. В начале своего выступления он сказал:

— Уважаемый суд! Я долго думал о том, идти мне на этот суд или не идти?

— То есть как это: идти или не идти? — перебил его председательствующий и посмотрел на Горбачева.

Тот, переминаясь с ноги на ногу, ничего толком не смог объяснить. Тогда А. Яськин объявил, как отрубил:

— Если бы вы не явились в суд, то вас бы привели. Вы — свидетель.

Не найдя, как отреагировать на такой оборот, Горбачев долго перебирал свои листочки. А когда наконец собрался с мыслями, то начал жаловаться, какое тяжелое наследство ему досталось. Застойный период, по его мнению, поразил все сферы жизни и деятельности государства. И лишь с началом перестройки народ облегченно вздохнул — гласность и демократия двинули общество вперед.

При этих словах в зале поднялся шум — присутствующие не могли сдержать своего негодования. Председательствующий вынужден был призвать к соблюдению порядка.

Перейдя к показаниям, которые касались Варенникова, свидетель Горбачев постоянно подчеркивал: «Валентин Иванович имеет большие заслуги перед государством», «он внес большой вклад в дело строительства и развития Вооруженных Сил», а «события августа 1991 года — это просто эпизод, куда его втянули…» и т. д. Однако совершенно ничего не сказал о том, что я, будучи у Горбачева в Крыму, «кричал на него», как это он подавал в прессе. Явно просматривалась тенденция задобрить Варенникова, а вместе с ним и всех участников судебного заседания. Тогда можно было бы надеяться на то, что все последующее разбирательство будет проходить в либерально-снисходительном ключе.

Сей подтекст был выражен, всем была ясна общая направленность выступления Горбачева. Поэтому нельзя было расслабляться. Но хотелось бы особо отметить одну деталь — мелочность Горбачева, его узкое мышление. Приведу только два примера из его выступления. В своей речи он упомянул о том, как народ встретил его при входе в здание Верховного Суда: «Я знаю, чья это работа! Это Шенин все организовал!» Мне неизвестно, насколько причастен к событиям на улице Олег Семенович Шенин, но то, что Горбачев акцентировал внимание на этом позорном для него эпизоде, было весьма и весьма странно.

Когда Горбачев стал говорить о ГКЧП, его составе и лицах, активно поддержавших этот комитет, он бросил такую фразу: «Вот они сидят все в один ряд. Я каждого из них за уши вытянул на тот пост, который каждый из них занимал. А что они в

благодарность сделали?» То есть Горбачев рассуждал прагматически: «Коль я поставил их на эту должность, то они и обязаны мне служить». А как же Конституция? А долг перед народом и Отечеством? Нет, такие категории его не интересовали. Именно ему все должны были служить. Как в рабовладельческом обществе.

Однако к концу первого дня Горбачев скис. Реакция на вопросы стала замедленной. Ответы были вялые. Ушел он из зала понурый. И уезжал уже не от парадного подъезда, а скрытно, со двора, чтобы не попасть на глаза народу.

На следующий день он также тайно со двора пробрался в здание суда и присутствовал на заседании уже с сокращенной свитой (в частности, не приехала его дочь, и правильно сделала: зачем позориться?!). Весь этот день вопросы задавал Горбачеву я. Правда, половину из них председательствующий снял, так как, по его мнению, они носили политический характер, но на половину Горбачеву все же пришлось давать ответы. Но уже то, что вопросы прозвучали, позволяло делать выводы о том, что у нас в стране произошло и по чьей вине. Приведу три вопроса.

Обращаясь к Горбачеву, я называл его «свидетель». Он же вначале обращался ко мне по имени-отчеству, затем — только по фамилии. А в какой-то момент взорвался и сказал, обращаясь ко мне: «Вы не забывайтесь: я — свидетель!» — и при этом поднял руку вверх. Затем, резко опустив ее вниз и показывая на пол, добавил: «А вы — подсудимый!» Видимо, хотел подчеркнуть колоссальную разницу между нами: небо и земля.

Естественно, я должен был немедленно отреагировать, что я и сделал: «Верно! Это — пока! Пока вы свидетель, а я подсудимый. Но придет время, и мы ролями поменяемся». Чтобы пресечь полемику, председательствующий периодически вмешивался и предлагал переходить к следующему вопросу.

Весь перечень вопросов приводить не буду, но некоторые из них приведу.

— Свидетель, — спрашиваю я Горбачева, — скажите, постановления и другие решения Верховного Совета СССР для вас как для президента страны были обязательны, или это касалось только народа, а вы могли их не выполнять?

Понимая, что вслед за этим последует другой и основной вопрос, Горбачев всячески маневрировал, не давая прямого ответа. Видно, прикидывал, что может быть в вопросе.

Я настаивал:

— Свидетель, вы все-таки ответьте на конкретный вопрос: постановления Верховного Совета СССР для вас были обязательны или вы могли их не выполнять?

И лишь после третьего захода он вынужден был сказать:

— Да, постановления Верховного Совета мною должны были выполняться.

— Тогда скажите, свидетель, почему вы не выполнили постановление Верховного Совета СССР от 23 ноября 1990 года? Оно называется «О положении в стране». В констатирующей части этого постановления говорится, что в стране у нас создалась чрезвычайная обстановка. А в постановляющей части давалась рекомендация: Президенту СССР принять адекватные, т. е. чрезвычайные меры по наведению порядка. Почему вы не выполнили это?

Естественно, Горбачев прямо не отвечал, а развернул демагогию, как он это умеет делать. Перебивая его, я говорю:

— Мы к вам в Крым приехали в августе 1991 года. Это через девять месяцев после того постановления. И приехали с теми же предложениями, что и в постановлении, т. е. о введении чрезвычайного положения там, где этого требовала обстановка. И если бы еще в конце 1990 года были бы приняты меры, как записано в постановлении Верховного Совета, то, может, не было бы и событий в августе 1991 года. Почему вы не выполнили постановление?

После длительного горбачевского словоблудия я, обратившись к председательствующему, сказал, что свидетель умышленно затягивает время, уходит от ответа, поэтому я предлагаю перейти к следующему вопросу.

Генерал В. Яськин согласился и предложил задать следующий вопрос. Я спрашиваю Горбачева:

— Свидетель, скажите, после того, как мы побывали у вас на даче в Крыму, вы считали себя еще президентом или считали, что вы уже лишились этого поста?

Вопрос, конечно, был неожиданным и принципиальным. Чувствовалось, что Горбачев не был готов к ответу, поэтому и начал издалека. Послушав несколько минут характерную для Горбачева демагогию, я вынужден был прервать его и вновь повторить вопрос:

— Скажите прямо: вы считали, что оставались президентом, или считали, что вы уже не президент?

Горбачев опять начал рассказывать обо всем, но не отвечал на вопрос. Я понимал, что ему надо выиграть время, чтобы сообразить, что для него выгодней. И он, естественно, мысленно метался, а посоветоваться было не с кем — главный советник (Раиса Максимовна) отсутствовал. Когда стало ясно, что Горбачев прямо отвечать на поставленный вопрос не хочет, я вынужден был обратиться к суду:

— Уважаемый суд, прошу вас заставить свидетеля ответить на конкретный вопрос!

— Вы знаете, вам придется ответить, — заключил генерал В. Яськин.

Загнанный в угол, Горбачев, немного помешкав, сказал:

— Я оставался президентом.

Я поворачиваюсь к суду и заявляю:

— Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти. Скажите, какую власть я хотел захватить? Если законодательную, то она сидела в Матросской Тишине рядом со мной в лице Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова. Если исполнительную, то она в лице председателя Правительства Валентина Сергеевича Павлова и силовых министров тоже сидела в одних стенах с нами. В отношении судебной власти ко мне никаких претензий нет. А вот этот свидетель сейчас сказал, что он как был президентом, так им и остался. Какую я хотел захватить власть?

Конечно, в этой обстановке положение председательствующего было сложным, но он быстро нашелся и сказал:

— Валентин Иванович, это мы еще обсудим, а сейчас давайте перейдем к следующему вопросу.

— Свидетель, — снова обращаюсь я к Горбачеву, — сейчас я задам вам вопрос, в котором будет мало комфорта. Но я вынужден его задать.

И сделал небольшую паузу, Горбачев заерзал (его посадили на стул, он уже не мог стоять). Глядя ему в глаза, я продолжил:

— Скажите, свидетель, почему вы в итоге своей деятельности стали ренегатом в партии и предателем своего народа?

Конечно, никто никогда подобного ему не говорил. Он сразу вскочил и начал кричать: «Это произвол, это недопустимо! Что здесь вообще происходит? Почему его не приведут в порядок?» В этом же духе он продолжал «выступать» еще несколько минут. Председательствующий тоже поднялся со своего места и стал его успокаивать, говоря, что все идет в рамках судебной процедуры… Я смотрел на эту перепалку и думал: «Вот это надо было сказать Горбачеву раньше, хотя бы в 1987–1988 годах. Может, тогда и не было бы такой трагедии».

Выяснение отношений закончилось, и Горбачев, подводя итог, сказал:

— Я подам на него в суд!

— Это ваше право… Можете подавать в суд по месту жительства, — отреагировал В. Яськин.

А я подумал: «Вот будет хорошо, если он подаст в суд. Ведь у

меня миллионы свидетелей».

Все сели на свои места, успокоились. Обычно председательствующий вопросы, носящие политический характер, снимал. В данном случае из-за поднятого Горбачевым переполоха вопрос снят не был. Но Горбачев не ответил, почему он предал народ. Тогда я в наступившей тишине громко говорю:

— Так я жду ответа!

Горбачев беспомощно развел руками, а председательствующий, словно спохватившись, объявил, что вопрос снят, так как носит политический характер. Верно, но ведь он освещает истину — кто предал наш народ.

Наверное, за всю свою жизнь Горбачев никогда не испытывал такого принародного унижения, как на этом суде. Было позорище и на заседании Верховного Совета РСФСР, когда Горбачев стоял на трибуне, а к нему подошел Ельцин и тыкал Горбачеву в лицо бумаги и требовал — вот, читай. И тот читал. Но это был эпизод. А здесь два дня допроса его в качестве свидетеля, два дня позора. Однако Горбачев мог его избежать, избери он положение не свидетеля, а потерпевшего. Потерпевший мог на судебный процесс не являться. Но ни высшее юридическое образование Горбачева, ни руководство Генпрокуратуры, которое дало Горбачеву право выбора, в какой роли ему выступать, ни ближайшее окружение не подсказали ему, как правильно себя вести на суде.

Однако, наверное, мы зря беспокоимся по поводу того, что Горбачеву доставлены неприятности. Видимо, лично он на все это смотрит проще, практичнее и спокойнее, чем мы думаем.

Взять хотя бы случай с его женой Раисой Максимовной. Как он переживал, когда она умерла! Сколько слез, сколько страданий… Но не прошло и полугода, как мы видим Горбачева — улыбающегося, жизнерадостного! — в кругу московской элиты, встречающей Новый, 2000 год.

Вот тут весь Горбачев.

После Горбачева суд допрашивал еще многих свидетелей. И все допросы были интересными. Но они имели значение в основном только для расследования уголовного дела, а политический фактор уже, как правило, отсутствовал.

Наступил день прений сторон. Первым выступил государственный обвинитель — прокурор, полковник Аркадий Борисович Данилов. Для того, чтобы на него не давили и не влияли начальники, готовиться к выступлению на суде он уехал за город. Его речь произвела эффект разорвавшейся бомбы — государственный обвинитель потребовал снять с подсудимого все обвинения за отсутствием в его действиях состава преступления.

Свою речь А. Б. Данилов произнес 9 июля 1994 года. Как и день объявления приговора, это был для меня судьбоносный день.

Вот эта речь государственного обвинителя А. Б. Данилова:

Высокоуважаемый суд!

Приступая к отведенной мне роли в процессе на завершающем этапе, я хочу заявить, что в своей речи отрекаюсь от личных и политических пристрастий, помню лишь о высшей цели — торжестве правосудия.

Волей-неволей, давая оценку делу, я вынужден буду рассматривать его в соотношении с событиями, предшествовавшими тем, которые привели Варенникова на скамью подсудимых, и последовавшими за ними.

Увы, иначе поступить нельзя, ибо дело это — лишь следствие и отражение глубинных исторических процессов, свидетелями и участниками которых оказались все находящиеся в этом зале.

Поскольку я ограничен рамками обвинения, предъявленного Варенникову, постараюсь уложить свои доводы в жесткую схему, установленную законом.

Итак, Варенников обвиняется в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР, т. е. в измене Родине. В том числе ему инкриминируется участие в заговоре с целью захвата власти — совместных действиях с лицами, образовавшими Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) и принявшими участие в его создании и работе.

Очевидно, следует проследить — какие предпосылки лежали в основе создания этого комитета, ибо, не исследовав истоки его появления, нельзя сделать правильный вывод по тем объяснениям, которые приводит Варенников в обоснование своих поступков, ставших предметом судебного разбирательства.

Сам по себе тот факт, что данное, начатое три года назад, дело до сих пор не завершено, свидетельствует о его незаурядности.

В августе 1991 года — именно эта дата взята за точку отсчета предварительным следствием — огромная страна — Союз Советских Социалистических Республик, занимавшая территорию, равную одной шестой части суши земного шара, оказалась в глубоком кризисе, который поразил экономическую, политическую, социальную сферы великого государства.

Почему и как это произошло — ответят, наверное, лишь историки грядущих поколений.

Сама по себе констатация этих фактов — а они не являлись секретом — требовала от людей, стоявших у руля управления

государством, принятия кардинальных мер, дабы великая держава не была ввергнута в пропасть.

Не входя в область предположений: «что было бы, если бы…», оценим лишь то, что было и что есть (стало), исходя из той отправной точки августа 1991 года.

Итак, глава советского государства — Президент СССР М. С. Горбачев связывает свои надежды с подписанием нового Союзного договора, установив для этого дату 20 августа 1991 года.

В противовес ему ряд государственных деятелей видят в этом факте окончательный развал государства и полагают, что спасти положение можно лишь экстренными мерами чрезвычайного характера…

Следует отметить, что идея о необходимости чрезвычайных мер появилась не вдруг и не только у лиц, которые ранее были привлечены к уголовной ответственности в связи с данным делом.

3 апреля 1990 года был принят Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», по поручению президента прорабатывался механизм реализации этого закона на практике, 16 мая 1991 года принят Указ Президента СССР «О неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей народного хозяйства», который начинается со слов: «Народное хозяйство находится в критическом состоянии. Падает производство, национальный доход уже сократился на 10 процентов». Этот Указ ввел в обиход и в повседневную жизнь сотен тысяч людей понятие «меры особого режима работы» — цитируется по тексту, подписанному лично Горбачевым.

Иными словами, существовали объективные предпосылки для того, чтобы — по Чехову — ружье, висевшее на сцене в первом акте, выстрелило в последнем.

Нельзя сбросить со счетов и предпосылки, которыми руководствовались лица, вошедшие в ГКЧП и к нему примкнувшие.

Все эти люди ссылались на то, что Союзный договор фактически перечеркивал результаты мартовского (1991 года) референдума по вопросу о сохранении Союза. Не случайно этот довод предварительное следствие и не пыталось опровергнуть и обошло вниманием в процессуальных документах, поскольку одно лишь количество республик, собравшихся подписывать Договор, вполовину уменьшило состав, определенный ст. 71 Конституции СССР.

Поскольку договор, подписание которого было намечено, является одним из отправных пунктов событий августа 1991 года,

следовало бы дать развернутый анализ юридической его обоснованности, соответствию Конституции СССР аспектов подготовки, принятия и т. д. и т. п.

Впрочем, это, видимо, будет не один год предметом изучения теории государства и права.

Более интересен подход к этой теме практиков, непосредственно находившихся в высших эшелонах власти Союза ССР.

Бывший председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Н. Нишанов показал в суде, что последний вариант проекта Союзного договора не соответствовал итогам мартовского (1991 г.) референдума по вопросу о сохранении Союза ССР. Сам Нишанов, занимая одну из высших ступеней в иерархии государственной власти, фактически был отстранен от разработки этого важнейшего для страны документа.

Несмотря на объявленный срок подписания договора, механизм подписания, очередность, состав участников, вступление в силу не были до конца отработаны.

Высший орган государственной власти — съезд народных депутатов СССР вообще оказывался в стороне от развернувшихся событий вопреки ст. 73 и 108 действовавшей Конституции СССР.

На это обстоятельство обратил внимание и Р. И. Нишанов, с чьим мнением трудно не согласиться.

Плодившиеся день ото дня параллельные органы власти, не предусмотренные Конституцией СССР, подменяли собой существовавшие структуры, вносили анархию и дезорганизацию в государственный механизм.

Ввиду того, что проблемы государства все туже и туже затягивались в узел, ситуация требовала немедленной разрядки.

Характерными словами описал Язов мотивы, которыми руководствовался он и его сподвижники: «Все ближайшее окружение Горбачева было против распада Советского Союза. Поэтому и создалось впечатление, что оно выступило против Горбачева. Да не лично против Горбачева, а против развала СССР! Для меня не было большей беды, чем развал Советского Союза».

Не вдаваясь в оценку всей деятельности ГКЧП, лиц, входивших в состав комитета, а также их единомышленников, которые ранее были привлечены к уголовной ответственности в связи с данным делом, хочу все же перечислить ряд фамилий и должностей, поскольку эти обстоятельства имеют существенное значение.

Итак, непосредственно в состав ГКЧП вошли Бакланов О. Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В. А. — председатель КГБ СССР, Павлов В. С. — премьер-

министр СССР, Пуго Б. К. — министр внутренних дел СССР, Язов Д. Т. — министр обороны СССР, Янаев Г. И. — и.о. Президента СССР, а также Стародубцев В. А. и Тизяков А. И.

Обнародованные ГКЧП «Заявление советского руководства», «Обращение к советскому народу», «Постановление № 1» приводили Конституцию СССР и законы СССР в качестве главенствующих правовых документов, подчеркивая их безусловное верховенство на всей территории СССР.

Привлеченные к уголовной ответственности по данному делу лица, в т. ч. и Варенников, неоднократно, с первых же допросов на предварительном следствии, говорили о том, что их действия не были рассчитаны на длительный период времени.

Свидетель Павлов В. С., в частности, показал в суде, что Горбачев пользовался авторитетом у государственных деятелей Запада и экономическая помощь СССР оказывалась под «Горбачева». Хотя бы по этой лишь причине устранение его с политической арены было нежелательным.

Объективным свидетельством того, что ГКЧП был образован на непродолжительный срок, является тот факт, что на 26 августа 1991 года была созвана внеочередная сессия Верховного Совета СССР.

Допрошенный в суде свидетель Егоров А. Г. по этому же вопросу показал, ссылаясь на слова Крючкова В. А. о том, что Горбачев не должен уходить в отставку, ему необходимо отдохнуть на период наведения порядка в стране.

В обвинении указано, что «в августе 1991 года группа лиц, занимавших высшие гос. посты… не разделявшие позиции Президента СССР в вопросах оценки ситуации в стране, путей и форм дальнейшего осуществления процесса реформ, стремясь сорвать подписание Союзного договора, ввести в стране чрезвычайное положение и добиться тем самым изменения государственной политики, встала на путь организации заговора с целью захвата власти».

Следует сразу же отметить, что в перечне должностей и фамилий, вошедших в данный пункт обвинения, имя Варенникова отсутствует.

Исходя из этого факта, следует сделать вывод о том, что непосредственно у истоков ГКЧП подсудимый не стоял.

Конкретные первоначальные действия с участием Варенникова, вмененные ему, датированы 16 августа 1991 года.

В соответствии с фабулой обвинения, в этот день «Язов к участию в заговоре привлек своего заместителя», при этом посвятил его в планы срыва подписания Союзного договора и введения чрезвычайного положения. На Варенникова при этом

планировалось возложить обязанность по непосредственному обеспечению режима ЧП.

Подсудимый Варенников по данному эпизоду обвинения показал в суде, что его нельзя было посвятить в планы по срыву подписания Союзного договора и введения чрезвычайного положения по той лишь причине, что такого плана просто не существовало.

Где, кто и когда возложил на Варенникова обязанность по непосредственному обеспечению режима ЧП, обвинение не раскрывает, а подтверждений тому в деле не имеется. Сам Варенников факт встречи с МО Язовым в тот день не отрицает, подчеркивая, что это была обычная встреча, носившая рабочий характер. Затрагивалось в беседе и положение в стране, при этом МО Язов предупредил о возможном применении закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» в некоторых районах страны. В связи с этим МО предупредил, что Варенников должен быть готов отправиться в Киев для обеспечения порядка на территории КВО, ПрикВО и ОдВО.

Допрошенный в качестве свидетеля Язов в судебном заседании показал в этой части, что в связи с опубликованием нового Союзного договора он пригласил к себе Варенникова и Ачалова 16 августа 1991 года и изложил свою позицию о том, что с подписанием договора Вооруженные Силы СССР в их прежнем виде перестанут существовать, оборона государства будет разрушена. Если в складывающейся ситуации встанет вопрос о введении ЧП, то Варенников поедет на Украину. Но окончательное решение принято не было.

Не подтверждает обвинение в этой части и допрошенный в суде Ачалов, который был третьим участником разговора 16 августа 1991 года.

Вывод:

Доказательства эпизода обвинения по 17 августа 1991 г.

Встреча на объекте «АБЦ» Варенникова, Крючкова, Язова, Болдина, Бакланова, Павлова, Шенина, Грушко, Ачалова.

Подсудимый показал по данному эпизоду обвинения, что он действительно принимал участие в совещании 17 августа 1991 г. на объекте КГБ «АБЦ», при этом предметом обсуждения были два вопроса: 1) оценка обстановки в стране и 2) что в этой обстановке делать.

Какой-либо план не разрабатывался, дата 18 августа 1991 г. не определялась как начало выступления.

Принято общее решение — ехать с докладом к Горбачеву, просить принять адекватные меры, в т. ч. ввести в некоторых районах и отраслях народного хозяйства страны чрезвычайное

положение. А если Горбачев захочет остаться в тени, то поручить это кому-либо другому, например вице-президенту.

Крючков и Павлов говорили о проекте Союзного договора, который вел к распаду СССР.

Никакие другие вопросы на заседании не рассматривались, обвинение в этой части ничем по материалам дела не подтверждается.

Участники совещания — Крючков, Павлов, Болдин, Бакланов, Шенин, Язов, допрошенные в суде, показали, что на встрече 17 августа 1991 года они согласованно пришли к выводу, что подписание Союзного договора приведет к развалу государства. К тому же сам договор противоречил результатам мартовского общенародного референдума.

В связи с этим было принято общее решение — лететь к Горбачеву, доложить еще раз обстановку в стране и убедить не допускать подписания нового договора.

Если предположить, что лица, привлеченные ранее к уголовной ответственности, могут излагать показания в выгодном им свете, то в целях объективности необходимо проанализировать и иные доказательства, которыми располагает суд. Свидетель Егоров показал, что на объекте «АБЦ» вопросы об изоляции президента, отключении у него связи, усилении охраны, захвата власти, состав ГКЧП и его функции не обсуждались.

Выводы следствия о противоправном характере действий Варенникова не основаны ни на законе, ни на материалах дела (по конкретному эпизоду).

18 августа 1991 года Варенников в составе делегации вылетел в Крым.

По показаниям допрошенного в суде Плеханова, он лично заранее сказал Варенникову о том, что у президента будет отключена связь, этот факт бесспорен.

Сам же Варенников расценивает его как обстоятельство, которое должно было облегчить разговор, не дав Горбачеву отвлечь внимание на какие-то другие разговоры.

Факт ограничения связи, бывшей в распоряжении Президента СССР, подтверждается показаниями свидетеля Карасева Н. В., пояснившего, что объект «Заря» имел связь с Москвой лишь по паролю.

Варенников: когда на даче президента в Крыму ему представили офицера Министерства обороны, то Варенников, не будучи осведомлен о роли и функциях этого должностного лица, ограничился выслушиванием доклада и положением общего характера — чтобы было все нормально и не было происшествий. При этом при обмене репликами между ними прозвучало, что

отсутствие связи у президента — временное и вскоре связь будет восстановлена.

Язов: «О существовании средств связи, управлении стратегическими силами в Форосе Варенников не знал и не мог знать».

Свидетель Кириллов В. А. показал в суде, что, будучи оператором абоненского комплекта № 1, он не получал от Варенникова указаний ни об отключении аппаратуры, ни об отправке ее в Москву.

Болдырев В. И., давая свидетельские показания в суде по тому же вопросу, обратил внимание на то, что в протоколе допроса на предварительном следствии отсутствуют несколько ключевых слов, что исказило смысл изложенных им обстоятельств, в т. ч. по вопросу использования «ядерного чемоданчика».

В совокупности же с показаниями свидетеля Генералова В. В. следует вывод о том, что, во-первых, на объекте «Заря» не было узла связи МО; во-вторых, Варенников не являлся инициатором встречи с оператором абонентского комплекта № 1; в-третьих, отключение АК-1 было за пределами полномочий Варенникова.

На основании этого, поскольку иных данных ни на ПС, ни в суде не добыто, данный эпизод подлежит исключению из обвинения как вмененный необоснованно.

Варенников: «Да, ЧП предлагалось ввести, но это совершенно не ставилось в зависимость с отставкой президента!»

Непосредственно к изоляции, в т. ч. к действиям Генералова, Варенников отношения не имел и обвинение в этой части подтверждения не находит.

В части противоправных действий Варенникова, вмененных ему в составе группы лиц, обвинение является недоказанным.

В соответствии с указанием Язова на военном аэродроме Бельбек провел встречу с Громовым, Чичеватовым, Скоковым, Шустко, Хронопуло, Михалкиным, которых ориентировал на действия в условиях ЧП.

В ночь на 19 августа 1991 года был образован ГКЧП.

Допрошенный в суде Язов показал, что именно он отдал Варенникову распоряжение собрать в Бельбеке командующих войсками округов и проинформировать их о порядке введения повышенной боевой готовности. В отношении Хронопуло Язов никакого распоряжения не давал; на самого же Хронопуло Язов — по этикету — возложил функции сопровождающего зам. министра обороны на территории, относящейся к ведению Черноморского флота.

В обвинении верно указано, что встреча была не инициативой

самого Варенникова, а выполнением распоряжения Минобороны.

Никто из участников совещания не сказал о том, что ЧП рассматривалось как неизбежный шаг, речь Варенникова носила информативный, а не приказной характер.

«Варенников, выполняя отведенную ему роль в заговоре, прибыв в Киев… встретился с руководством Украины и потребовал от него поддержки действиям ГКЧП и введения чрезвычайного положения в ряде областей Западной Украины».

Содержащаяся в обвинении формула об отведенной Варенникову роли в заговоре не подтверждается никакими материалами дела, поскольку ни на предварительном следствии, ни в суде никто из допрошенных лиц не показал, как именно предписывалось поступать Варенникову в Киеве в условиях создания ГКЧП.

Сам Варенников, допрошенный в суде, показал, что он действительно встречался с председателем Верховного Совета Украины Кравчуком Л. М. и др. должностными лицами, однако ни от кого из них не требовал поддержки действий ГКЧП, не требовал и ввести ЧП в ряде областей Западной Украины, хотя в предположительной форме такая возможность обсуждалась, и то инициатором этого был сам Кравчук. Шифротелеграмма, имеющаяся в деле, полностью совпадает со словами Варенникова по этому факту.

Следует сказать, что допрошенный в ходе судебного следствия свидетель Гуренко С. И., в объективности показаний которого сомневаться не приходится, полностью опроверг данный пункт обвинения, поскольку пояснил, что он присутствовал в течение всего разговора Варенникова с Кравчуком и Варенников при этом никаких противозаконных просьб или требований не выдвигал, в том числе не требовал поддерживать действия ГКЧП и вводить ЧП в Западной Украине.

Свидетель Язов Д. Т. показал в суде, что указание о встрече с Кравчуком он Варенникову не давал, но предупредил, чтобы тот был готов к такой встрече, если решится вопрос о введении ЧП. При этом, безусловно, предполагалось, что решение о введении ЧП может быть принято лишь республиканскими органами власти.

Таким образом, данный пункт инкриминируемых деяний подлежит исключению из обвинения.

Варенникову вменяется тот факт, что в течение 19 августа 1991 г. он направил в адрес ГКЧП пять шифротелеграмм, текст которых исследован в суде и выдержки из которых содержатся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Опуская то обстоятельство, что некоторые слова и фразы

общего характера могут быть истолкованы (или поняты) по-разному, следует задаться вопросом — является ли написание и отправка этих телеграмм противоправным, уголовно наказуемым действием. Поскольку суд не может выйти за рамки предъявленного обвинения, с точки зрения соответствия закону необходимо, на мой взгляд, анализировать именно цитаты, содержащиеся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Сам Варенников подтверждает свое авторство в написании телеграмм, при этом поясняет, что их содержание было продиктовано конкретной ситуацией в стране и в Москве. В частности, Варенникову было известно о взрывоопасной обстановке у Белого дома, которую необходимо было разрядить.

Помимо этого, следует учесть, что отправленные телеграммы носили рекомендательный характер, не имели никаких практических результатов и последствий.

В частности, Варенников, как Главком Сухопутных войск, не дал распоряжений по подчиненным войскам во исполнение тех предложений, которые содержались в телеграммах.

По 7-му пункту обвинения — а его содержание Варенников не отрицает — имеется подтверждение свидетеля Михалкина.

Вместе с тем, если расценивать тот факт с точки зрения уголовного законодательства, он в силу своей малозначительности не может рассматриваться как преступление (обращение в войска дать телеграммы в поддержку ГКЧП). В обвинении указано, что Варенников отдал распоряжение командующему ЧФ Хронопуло об усилении охраны и подготовке к обороне аэродрома Бельбек. Во исполнение этого рота морских пехотинцев, разведывательный батальон и противотанковый дивизион с полным вооружением заняли позицию на аэродроме.

Перед ними была поставлена задача уничтожения самолетов в случае их несанкционированной посадки.

С точки зрения конструкции обвинения в данном пункте не указано — где и когда Варенников отдал также распоряжение. Не приведена и причина — чем было вызвано такое распоряжение.

Сам Варенников по приведенному эпизоду показал, что действительно высказал Хронопуло свои соображения о недостаточной охране аэродрома Бельбек, сделал он это в разговоре по телефону из Москвы вечером 20 августа 1991 года.

Однако Хронопуло не подчинен Варенникову по службе и не мог воспринимать подобное замечание как приказ.

Свидетель Язов в суде дал дополнительные пояснения по тому же вопросу — аэродром Бельбек был подчинен Главнокомандующему войсками ПВО, и ни Варенников, ни

Хронопуло самостоятельно не могли принять решения в отношении этого объекта. К тому же, подчеркнул Язов, Варенников не являлся прямым начальником для Хронопуло.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Хронопуло М. Н. показал, что он, как командующий ЧФ, не был подчинен Главкому Сухопутных войск, а если и получал какие-либо распоряжения от Варенникова, как зам. МО, то выполнял их лишь после доклада о том Главкому ВМФ и его приказания на этот счет.

Отвечая на вопросы по пунктам обвинения Варенникова, Хронопуло дал принципиальные разъяснения, что, во-первых, никаких особых распоряжений по ЧФ в связи с введением ЧП не было, в т. ч. и по изоляции объекта «Заря», где находился президент;

во-вторых, аэродром Бельбек находился в подчинении ГК ПВО, а не в ведении ЧФ; в связи с указанным обстоятельством охрана и оборона его не возлагались ни на Хронопуло, ни на Варенникова; направлены же были туда подразделения ЧФ по рекомендации Варенникова из Москвы вечером 20 августа 1991 г., т. к. аэродром нуждался в дополнительной защите — поскольку, в частности, был сигнал о том, что кто-то в эфире 19 августа 1991 г. пытался установить связь с аэродромом;

— в-третьих, никто и никому не давал команд на уничтожение самолетов в случае их несанкционированной посадки. К тому же, как пояснил Хронопуло, перечисленные подразделения направил на аэродром его подчиненный Романенко, и сами по себе морские пехотинцы, разведбат и ПТД-н не предназначены и не в состоянии предотвратить посадку самолетов на аэродром, это задача средств ПВО.

Таким образом, само по себе усиление охраны объекта не носит противоправного характера, поскольку не определены конкретные цели и задачи, силы и средства их достижения. Не опираясь на иные доказательства, выпадая из общей хронологии событий, данный эпизод подлежит полному исключению из обвинения Варенникова.

С изложенной позицией, кстати, согласуется и тот факт, что уголовное дело в этой части в отношении всех участников прекращено за отсутствием состава преступления.

Обвинение: 20 августа, вернувшись в Москву, Варенников принял участие в обсуждении вопроса о применении военной силы для захвата здания Верховного Совета России и руководства России; во исполнение этого Варенников дал указание подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом.

Данный пункт обвинения — один из наиболее серьезных и остановиться на нем следует подробнее.

Сам Варенников как на предварительном следствии, так и в суде давал последовательные показания по данному вопросу, показания согласованы и не противоречат друг другу.

Варенников подтвердил сам факт совещания у Ачалова и свое участие в этом совещании, наряду с представителями МВД и КГБ.

При этом Варенников отмечает, что главным обсуждаемым вопросом был поиск решения по нормализации обстановки у Белого дома — в первую очередь разоружение боевиков внутри здания.

Однако, реально оценив ситуацию, участники пришли к окончательному решению, что любые насильственные меры чреваты кровопролитием и поэтому не могут быть применены.

С военной точки зрения план захвата здания Верховного Совета не разрабатывался, приказы по войскам на это не отдавались, реальные действия не предпринимались.

Эти показания согласуются с иными доказательствами, исследованными в суде.

Так, бывший министр обороны СССР Язов Д. Т., допрошенный в качестве свидетеля, показал в суде, что именно по его указанию Варенников, только что прилетевший из Киева, принял участие в совещании у зам. МО Ачалова. При этом Язов не ставил Варенникову какой-либо конкретной задачи, и ему достоверно известно, что по итогам совещания Варенников никаких приказов по войскам не отдавал. Напротив, вечером 20 августа 1991 года Варенников высказал Язову свои соображения о необходимости вывода войск, с чем Язов согласился и что нашло поддержку у коллегии МО утром 21 августа 1991 года. Войска были выведены из Москвы без боевого применения.

При этом Язов отметил, что примененное в обвинении понятие «боевая операция» нельзя рассматривать как военный термин, поскольку он подразумевает боевые действия по меньшей мере войскового объединения (армии). Равным образом неприменим и термин «штурм» в отношении здания Верховного Совета России.

Если даже иметь в виду косвенную заинтересованность Язова в изложении событий, то и другие свидетели дали в судебном заседании аналогичные показания.

Достаточно, на мой взгляд, сослаться в этом случае на показания свидетелей Жардецкого, Карпухина и Громова.

Ни один из этих допрошенных в суде лиц не показал то, что кто-либо из руководства МО, КГБ, МВД дал приказ о захвате здания Верховного Совета России или тем паче руководителей

республики.

Таким образом, если говорить о ситуации в целом, то никто из участников совещания у зам. МО Ачалова не получал и не давал приказаний по захвату здания Верховного Совета России. Причина, по которой не состоялся так называемый «штурм Белого дома», даже в изложении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения свидетельствует о добровольном отказе, что в силу ст. 16 УК РСФСР (привести текст) исключает уголовную ответственность. Этот вывод строится, повторяю, на предполагаемой следствием же противоправности действий Варенникова, выразившихся в присутствии на совещании в МО.

Уже в силу этого не вижу необходимости иной интерпретации и оценки описываемых событий.

По поводу фразы о захвате руководства России. Никакими материалами дела она не подтверждается и потому подлежит безусловному исключению из обвинения.

Что же касается танков и вертолетов, то их предполагаемое использование никак не было связано с боевым применением.

Сам Варенников на этот счет показал, что распоряжение о подготовке танковых рот он дал с целью последующего их использования в качестве машин разграждения — для очистки улиц Москвы от баррикад, завалов и т. п.

Вертолеты же предназначались для обеспечения вывода войск из Москвы, и ни для чего иного.

При этом боевое снаряжение танков и вертолетов было не в силу особого на то распоряжения Варенникова, а обычным состоянием техники, находящейся в повышенной боевой готовности.

Данные показания Варенникова ничем не опровергнуты.

Допрошенный в судебном заседании свидетель ПавловВ.Е. показал, что 20 августа 1991 года получил распоряжение Варенникова перебазировать вертолеты из Тулы в Подольск с целью ведения воздушной разведки для обеспечения вывода войск из Москвы, что включало в себя отслеживание пробок, скоплений техники, облет кольцевой дороги. О каком-либо боевом применении ни Варенников Павлову, ни Павлов в подчиненные части приказов не давали.

Фактически же распоряжение Варенникова выполнено не было, т. к. спустя несколько часов Язов запретил все полеты.

Объясняя противоречия, имеющиеся в показаниях, свидетель Павлов пояснил, что он лично никому из подчиненных не давал приказов летать над Москвой.

Бывший в тот период заместителем командующего МВО

Головнев А. А., допрошенный в суде, показал, что, будучи осведомлен о распоряжении Варенникова в отношении подготовки танковых рот, он лично не получал приказа на боевое применение танковых подразделений.

Варенникову вменено, что в результате неправомерного ввода войск в Москву в ночь с 20 на 21 августа погибли три человека: Комарь, Кричевский и Усов, а также неправомерными действиями ГКЧП был причинен ущерб на общую сумму 24,2 млн. руб.

В данном случае предварительное следствие применило принцип объективного вменения, поскольку известно — и это не требует отдельной аргументации, — что Варенников к вводу войск в Москву не имел никакого отношения.

После Указа и. о. Президента о введении ЧП в Москве распоряжения о вводе войск давали: МО, командующий войсками МВО Калинин и командующий ВДВ Грачев. Опуская рассуждения о правомерности или неправомерности ввода войск, следует сказать, на мой взгляд, лишь о том, что в момент, когда вводились войска, Варенников в Москве отсутствовал, о вводе войск первоначально ничего не знал, 19 и 20 августа 1991 года никаких приказов и распоряжений по войскам, находившимся в Москве, не давал.

Помимо этого, необходимо сказать и о том, что для вменения последствий в виде гибели людей и нанесения материального ущерба необходимо наличие прямой причинной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями.

В теоретическом отношении такая связь отсутствует хотя бы потому, что в отношении конкретных военнослужащих по эпизоду гибели трех лиц уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. Об ответственности должностных лиц — опять же теоретически — можно было бы вести речь лишь в том случае, если конкретные исполнители приказов допустили противоправные действия.

Помимо этого, ни на предварительном следствии, ни в суде не добыто убедительных свидетельств, подтверждающих саму сумму ущерба, выраженную в 24,2 млн. рублей.

Этот вопрос затрагиваю в целях объективности, поскольку обвинение надлежит исследовать в полном объеме, исходя из требований ст. 20 УПК РСФСР.

Для вменения последствий в виде гибели людей и материального ущерба оснований, требуемых по закону, не имеется.

Варенников, следуя фабуле обвинения:

— грубо нарушил Конституцию СССР;

— сместил главу государства;

— нарушил нормальную деятельность системы высших органов власти;

— использовал в антиконституционных силах Вооруженные Силы;

— сорвал подписание Союзного договора; т. е. умышленно действовал в ущерб государственной безопасности страны.

Далее он же:

— отстранил Президента — Верховного Главнокомандующего от исполнения своих полномочий;

— лишил его путем изоляции возможности принимать решения, связанные с использованием стратегических ядерных сил; т. е. умышленно действовал в ущерб обороноспособности страны.

Состав измены Родине предусматривает деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности страны: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти.

Не конкретизируя обвинение и не согласуя его с диспозицией п. «а» ст. 64 УК РСФСР, следствие предоставило возможность суду и участникам процесса решать эту головоломку самостоятельно.

С точки зрения теории уголовного права попытаемся рассмотреть инкриминируемые Варенникову действия через призму состава преступления.

1) Объект преступления.

Это, очевидно Союз Советских Социалистических Республик и атрибуты, присущие ему как государству.

На мой взгляд, довольно будет сказать лишь о том, что ныне, на момент применения уголовного закона, сам объект перестал существовать.

2) Объективная сторона.

Как видно из приведенной мной диспозиции ст. 64 п. «а» УК РСФСР, Варенников не совершил ни одного действия, попадающего под описание измены Родине. В период с 18 по 21 августа 1991 года (когда, кстати ГКЧП был распущен Указом вице-президента Янаева Г. И.) Варенников продолжал оставаться ГК СВ и зам. МО СССР, не выросли в должностях и другие лица, образовавшие ГКЧП.

3) Субъект преступления.

(Опять же исходя из сегодняшнего положения страны и ее

граждан), в п. «а» ст. 64 УК РСФСР фигурирует специальный субъект — гражданин СССР (т. е. никто другой не может быть привлечен к уголовной ответственности по данной статье. С декабря 1991 года эта категория граждан около 300 млн. человек) де-юре перестал существовать, перейдя в другое качество и приобретя иной статус. (Распад или развал СССР объективно способствовал В. И. избежать уголовной ответственности.)

4) Ну и, наконец, субъективная сторона.

Закон прямо указывает на то, что преступление должно быть совершено с прямым умыслом.

Совершенно уверенно могу сказать, что у Валентина Ивановича Варенникова, Героя Советского Союза, прошедшего Великую Отечественную войну, неоднократно раненного в боях по защите Отечества, бывшего по личному распоряжению маршала Жукова начальником караула, сопровождавшего Знамя Победы, всю жизнь отдавшего служению Родине, умысла на измену ей не было!

Высокочтимый суд, прошу учесть еще два важных обстоятельства.

Варенникову вменена измена Родине. Понятие «Родина» можно рассматривать и как символ, философскую, нравственную, правовую, категорию, и — более приземленно — как некую территорию, ограниченную по периметру полосатыми пограничными столбами.

Так вот, если обратиться к термину во втором понимании, то в нынешней ситуации вина и ответственность Варенникова (по теории) должны быть уменьшены соразмерно уменьшившейся территории страны.

Я не стремлюсь к софизмам или парадоксам, я всего лишь пытаюсь дать правильную юридическую оценку рассматриваемым обстоятельствам.

А суть затронутой проблемы в том, что в соответствии со ст. 4 УК РСФСР по данному кодексу надлежит квалифицировать лишь те преступные действия, которые совершены на территории РСФСР.

Варенникову же Валентину Ивановичу — я еще раз подчеркиваю — по кодексу РФ вменены деяния, совершенные на территории Украины — в Крыму и в Киеве. Замечу, что уже по формальным основаниям часть обвинения не может быть оценена с точки зрения действующего (и действовавшего ранее) уголовного законодательства Российской Федерации.

В своей речи мне не обойти и анализ такого института, как крайняя необходимость.

Поскольку понятие это звучало в устах многих, в т. ч. и Варенникова, с первых же дней следствия, позволю себе привести текст ст. 14 УК РСФСР.

Я приводил ранее цели и мотивы лиц, создавших ГКЧП, в т. ч. их субъективное восприятие происходивших событий.

Была ли — хотя бы гипотетически — в тот момент угроза интересам Советского государства? Полагаю, с учетом того, что это государство перестало существовать, угроза была не

предположительной, а реальной.

Оценка ситуации в стране, данная в документах ГКЧП и в выступлениях Крючкова, Язова, Пуго на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР в июне 1991 года, подтвердилась в негативной части.

Опасения более чем оправдались: в течение полугода и в последующем страна оказалась развалленной на куски, ввергнута в нескончаемую войну, экономическую разруху.

Единая армия, МВД, КГБ, растащенные по национальному признаку, стали противоборствовать друг другу.

Превышение смертности над рождаемостью, в любом нормальном государстве объявленное бы бедствием № 1, в странах, входивших в СССР, в том числе в России, преподносится как заурядное, обыденное и, более того, закономерное явление.

Жизнь сотен тысяч людей оказалась под угрозой, не говоря уже о нарушении прав и свобод — здесь счет идет на миллионы.

Поэтому действия конкретного лица — В. И. Варенникова как нельзя более вписываются в классическую схему, именуемую в уголовном праве крайней необходимостью.

Оценка дела оказалась бы неполной, если бы экс-президент СССР стал фигурой умолчания.

Бесспорно, Горбачев является стержнем всего дела и без анализа роли, которую он сыграл в известных событиях, нельзя составить полную картину происшедшего.

Поскольку, повторяюсь, я не выхожу за рамки, очерченные в начале своего выступления, то и в данном случае следую лишь фабуле обвинения.

Я приводил ранее ссылку на проработки мер чрезвычайного характера, это было на протяжении 1990–1991 годов. В судебном заседании оглашался еще один немаловажный документ. Достоверность данных, содержащихся в нем, подтвердил, кстати, и свидетель Горбачев.

Речь идет о заседании правительства 3 августа 1991 года, накануне отлета Горбачева в Крым.

На этом заседании красной нитью проходят разговоры о чрезвычайных мерах как средстве выхода иза кризиса. Сошлюсь на цитату Горбачева: «Поэтому нужны чрезвычайные меры — значит, чрезвычайные. Заставляйте всех… Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры».

И чуть далее по тексту стенограммы: «Я завтра уеду в отпуск с вашего согласия, чтобы не мешать вам работать».

Я остерегаюсь произнести слово «подстрекательство»

применительно к сказанному, но уж наверняка можно употребить слово «подталкивание» к определенному результату.

Тот факт, что слова, поведение и действия Горбачева нередко были двусмысленными, подтверждают, на мой взгляд, две характерных детали по окончании встречи президента с делегацией 18 августа 1991 года в Крыму — заключительными словами Горбачева были: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение».

Эти слова в том же примерно изложении привели и остальные участники встречи, помимо Варенникова.

Второй деталью было то, что встреча закончилась рукопожатием, и этот жест со стороны президента вполне можно было истолковать как благословение.

Примечательно, что и сам Горбачев, будучи допрошен в суде, не отрицал этих обстоятельств.

Зададимся еще одним вопросом: все ли сделал М.С.Горбачев как президент, глава государства, в той, по его же словам, неординарной обстановке?

Мог ли он реально вылететь в Москву вместе с прилетевшей к нему делегацией? Думается, мог.

Мог ли он реально задержать прибывших к нему?

Мог, он и сам заявил об этом в судебном заседании.

Мог ли он прорвать блокаду или хотя бы попытаться это сделать? Вполне. Тем более что, по словам самого Горбачева, в те дни и даже часы решалась судьба государства, вверенного ему.

Вел себя неадекватно обстановке.

Свидетель Гугенко С. И. показал в суде, что 18 августа 1991 г. между 15 и 16 часами ему неожиданно позвонил Горбачев и безмотивно проинформировал о плохом самочувствии, новокаиновой блокаде и вместе с тем сообщил о необходимости вылететь в Москву, где предстоит «большая драка».

К чему относился этот звонок, к сожалению, так и остается загадкой.

Впрочем, к сему секрету есть ключ, точнее, подсказка: при возвращении в Москву из Крыма Горбачев на встрече с корреспондентами заявил, что всей правды о случившемся он никому не скажет.

Охотно верю в это.

Своеобразно положение Горбачева и в деле. При наличии признаков ст. 53 УПК РСФСР предварительное следствие не нашло необходимым признать его потерпевшим.

Исходя из этого, логически и текстуально, ему не был причинен моральный, физический или имущественный вред.

Таким образом, налицо еще один казус, каких немало в деле.

Давая оценку словам и поступкам Горбачева, я не могу оставить без внимания высказывания, с которых он начал свое выступление в суде.

Оставляя на его совести «юриста» определения судебному процессу, данные им суду, остановлюсь лишь на том, что он долго думал, сомневаясь, стоит ли идти в суд.

Этот подход — следствие принятых ранее двойных стандартов — по известной формуле: «что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Если рядовой гражданин по закону обязан прибыть в суд и дать показания, то президент, хотя и бывший, ставит себя над судом и над законом. Надо полагать, привычка давняя и укоренившаяся.

Этот штрих вполне совпадает с портретом бывшего Президента СССР, который был нарисован участниками августовских событий, и он вполне дает суду право сделать выбор о достоверности показаний противоборствующих сторон.

Коснусь проблемы нарушений законов, связанных с привлечением подсудимого к уголовной ответственности.

В суде бесспорно установлено, что при лишении Варенникова депутатского иммунитета были нарушены и действовавший регламент работы ПВС СССР, и закон о статусе народных депутатов СССР.

К сожалению, мы можем лишь констатировать этот факт, не в силах исправить допущенные нарушения.

Хотел бы обратить внимание суда и на другие принципиальные обстоятельства.

Прокуратура СССР и прокуратуры союзных республик силами в несколько сот человек в течение многих месяцев расследования проверяли причастность тысяч людей к событиям 19–21 августа 1991 года, задавая допрашиваемым один и тот же вопрос — что вы делали в эти дни?

В соответствии с логикой обвинения, инкриминированного Варенникову, любые действия любого лица, если он не находился в те дни у здания Верховного Совета России, в той или иной степени способствовали ГКЧП.

Вместе с тем следует задаться элементарным вопросом — почему Прокуратура СССР и Генеральная прокуратура РСФСР возбудили уголовные дела в отношении ГКЧП лишь 21 августа 1991 года?

Подводя итог сказанному, в комплексе вопросов, которые предстоит решать суду в совещательной комнате, излагаю свою позицию еще по двум вопросам: ущерб, названный в обвинении, взысканию с Варенникова не подлежит — и в силу недоказанности, и в силу отсутствия гражданско-правовой вины

подсудимого.

И, кроме того, полагаю, что акт амнистии, от которого отказался Варенников, не применим в рассмотренном деле.

В соответствии с законом и повинуясь ему, прошу: Варенникова Валентина Ивановича, привлеченного к уголовной ответственности по п. «а» ст. 64 УК РСФСР, оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

А. Данилов

Август 1994 г.

Едва А. Б. Данилов закончил свою речь, как весь зал встал и буквально взорвался аплодисментами, хотя в зале суда аплодисменты запрещены. Присутствующие аплодировали мужеству и профессиональной честности государственного обвинителя, для которого служение закону и справедливости оказалось выше служения «монарху». Напрасно председательствующий пытался угомонить присутствующих, все было тщетно. Тогда он, вконец рассерженный, громогласно произнес:

— Объявляется перерыв. После перерыва судебное заседание будет закрытым.

Весь перерыв зал возбужденно гудел. Чувствовался общий подъем. Все обсуждали содержание речи и особенно вывод А. Б. Данилова, отмечая его мужество, приверженность закону и истинно государственный подход. И потом долго еще говорили об этой речи. Вспоминают ее и сейчас.

После перерыва выступил защитник — адвокат Дмитрий Давидович Штейнберг. Он не только защищал Варенникова, но и обличал Генеральную прокуратуру. При этом умно и остро показал ограниченность бывшего прокурора России Степанкова.

Вот краткие тезисы речи Д. Штейнберга:

«Уважаемые судьи!

Полтора столетия назад известный мыслитель, почетный член Петербургской академии наук Гете сказал: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто день за днем за них вступает в бой». Эти крылатые строки очень образно и точно, как мне кажется, характеризуют всю жизнь, всю деятельность Валентина Ивановича Варенникова. И сегодня, отказавшись от амнистии и спокойной жизни, он как бы вновь вступил в бой за отстаивание и установление исторической правды августовских событий и защиту своих принципов и убеждений. И какой бы приговор суд ни вынес ему, я глубоко убежден, что Валентин Иванович

Варенников войдет в историю своей страны прежде всего как честный, принципиальный человек, преданный ее идеалам.

Три года назад в нашей стране произошли события, послужившие поводом для рассмотрения настоящего дела в суде. В августе 1991 года группа ответственных лиц, занимавших ключевые позиции в государственном руководстве, открыто выступила с протестом против политики, проводимой главой государства.

Что же побудило их отчаяться на подобный шаг? Какими мотивами они руководствовались? Ответы на эти вопросы можно найти в реалиях того времени.

В 1985 году после избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в стране была провозглашена новая политика — обновления общества. Первоначально народ с доверием относился к акциям нового генсека. Люди стали открыто излагать свои мысли, критиковать друг друга, в том числе и публично, не боясь при этом быть наказанными.

Однако проходило время и декларированные Горбачевым обязательства (цитирую) «в короткие сроки выйти на самые передовые научно-технические позиции, на высший уровень производительности общественного труда» (конец цитаты — это из выступления на мартовском Пленуме ЦК в 1985 году) оставались словесной мишурой, не более.

Наоборот, под лозунгами перестройки, гласности и обновления страна постепенно погружалась в пучину хаоса и анархии. Верными спутниками перестройки стали: разрыв хозяйственных связей, стремительный спад производства, резкое падение уровня жизни, межнациональные конфликты, шельмование армии и правоохранительных органов. Нравственное разложение молодежи также стало символом проводимой партполитики. На торговые прилавки выбрасывались боевые знамена, ордена, награды. И в этом смысле Россия была единственным государством в цивилизованном мире, торговавшая своим прошлым, своей историей и своими святынями.

Как сорняки на почве суверенитетов произрастали в республиках различные пронационалистические движения: «Саюдис» в Прибалтике, «Рух» на Украине, Народный фронт в Азербайджане, «Бежик» в Узбекистане и другие, которые ставили перед собой совершенно определенную задачу — свержение Советской власти и целей своих не скрывали. В пресечении деятельности этих фронтов государственные органы никаких мер не предпринимали.

Последовательно проводилась политика по дискредитации

роли партии, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций.

Кстати, о партии. Забегая немного вперед, я бы хотел процитировать те показания, которые давал в судебном заседании свидетель Горбачев. Он, в частности, говорил: «Сколько раз меня подталкивали с леворадикальной стороны: бросьте, оставьте пост Генерального секретаря, надо раскалывать компартию, она мешает проведению реформ. Но я понимал, что собою представляет КПСС. Это структура, которая своими корнями доходит вплоть до детского сада, уже не говоря о производстве и научных коллективах. И поломка этой структуры означала уничтожение страны». Понимание вроде объективное и правильное.

Как известно, вернувшись из форосского плена, уточню, из самоплена, Горбачев подтвердил свою приверженность социалистическим идеалам и обновлению партии, о чем заявил публично на весь мир. И через день так же публично заявил о сложении с себя обязанностей Генерального секретаря и призвал Центральный комитет самораспуститься.

Итак, с одной стороны, мы наблюдаем твердое понимание того, что разрушение партийной структуры означало разрушение руководства страны в целом. С другой стороны, мы наблюдаем призыв к этому разрушению.

Предпосылки, а точнее, необходимость принятия чрезвычайных мер в стране возникли задолго до августовских событий, и, в частности, об этом говорил в своей речи государственный обвинитель.

Но я бы хотел обратить внимание суда на одно обстоятельство, принципиальное с моей точки зрения. Инициатива введения в стране чрезвычайных мер и несогласие с проводимой главой государства политикой исходили не от бывших членов ГКЧП, и эта инициатива исходила даже не столько от Верховного Совета, решения которого с предложением главе государства ввести чрезвычайное положение имеются в деле. Давая… показания в суде, Горбачев, в частности, пояснил, что, по разным социологическим опросам, ГКЧП поддерживало около 40 процентов населения. Я не знаю, насколько этот показатель достоверен, но из материалов дела мне известна другая цифра.

В декабре 1990 года, на шестом году перестройки, когда страна находилась уже на грани гражданской войны и катастрофы, по требованию трудовых коллективов в Москве было собрано совещание руководителей государственных предприятий, руководителей трудовых коллективов. Стенограмма этого собрания… есть. На собрании присутствовало три тысячи

руководителей государственных предприятий и трудовых коллективов. Участие в этом собрании принимало руководство страны, в том числе и Горбачев.

Процитирую отдельные фрагменты из выступавших там ораторов, которые позволяют правильно оценить то состояние, то настроение, которое царило в трудовых коллективах.

Том 61, лист 177. Собрание открыл Рыжков, бывший председатель Совета Министров. В частности, он сказал: «Союзное правительство — за обновление Союза ССР на началах Федерации. Но против того, чтобы под лозунгом обновления шел развал великого государства, рубились по живому связи. Без Союза и вне Союза у страны нет будущего». Вскоре после этого выступления Рыжков был освобожден от занимаемой должности. А выступая на позапрошлой неделе в программе по четвертому телеканалу, Рыжков поведал весьма фантастические известия. Он сказал, в частности, журналистам, что, начиная с 1990 года, при составлении экономических программ слово «Советский Союз» уже не употреблялось.

С аналогичной трактовкой ситуации выступил его заместитель Воронин, это том 61, лист 204, академик Абалкин, 206-й лист, который сказал следующее: «Надо смотреть правде в глаза. А правда заключается в том, что уже более года в стране разворачивается кризис».

Выступал на этом совещании и Тизяков Александр Иванович, тот самый Тизяков, который впоследствии будет органами прокуратуры привлечен к уголовной ответственности по данному делу. На этом совещании, по существу, Александр Иванович в очень корректной форме обвинил главу государства в некомпетентности. Он сказал: «Михаил Сергеевич, я не хотел бы вас обидеть, но основные направления — это концепция, а надо работать над программой рыночных отношений. Рыночные отношения нельзя организовать, если не будет стабилизированной экономики, рынка нам не видать».

Но наиболее остро, наиболее резко на этом собрании выступил Шебелевич.

Это директор электромеханического завода Эстонии, председатель трудовых коллективов Эстонии. Лист дела 265, 266, 267. Он сказал следующее: «Лично я не сомневаюсь, что пройдет немного времени и нам будут известны мемуары или публикации, в которых будет рассказана правда о закулисных деяниях политиков за рубежом и внутри страны, ведущих страну к полному краху, к экономической зависимости, совершая при этом преступления перед великой страной и ее народом. Нам необходимо сегодня на 1991 год просто ввести чрезвычайное

положение в стране с мораторием на экономические суверенитеты всех союзных республик». Аплодисменты. Это реакция присутствующих. Я говорю по стенограмме.

«Нам надо на Совете Министров, вместе с представителем президента создать чрезвычайный комитет по спасению ситуации. Я просто уполномочен заявить как председатель трудовых коллективов Эстонии — никому не позволим, ни президенту, ни Верховным Советам республик, решать нашу судьбу и передавать нас в собственность вместе с недвижимым имуществом как крепостных». Аплодисменты. Примерно в такой же тональности выступал Тосклицкий — это председатель правления Запсибжилстроя, который обвинял главу государства в том, что над строителями проводятся эксперименты.

Таким образом, инициатива о введении в стране чрезвычайных мер, обусловленных и предусмотренных, кстати, законом «О правовом режиме чрезвычайного положения», исходила все-таки от простых людей.

В свое время известный анархист Бакунин сказал: «Разрушение — есть созидание». Горбачев, как мне представляется, многое почерпнул у Бакунина. Не всю деятельность бывшего генсека (в особенности последние его годы) можно уложить в рамки аналогичной формулы — обновление есть разрушение, о чем он, кстати, здесь нам и поведал в судебном заседании. Когда ему задавали вопрос: почему при разработке нового Союзного договора не учитывались те республики, которые исторически, в первозданном виде вошли в состав Советского Союза? — Михаил Сергеевич на это ответил, что речь шла об обновлении Союза. Вот под термином «обновление» он как раз, видимо, понимал, так сказать, разрушение того государства, которое было с момента его создания и образования.

Произошедшие в августе события следовало оценить в единой совокупности всех факторов, побудивших ГКЧП и Варенникова выступить против проводимой политики. И неоднократно об этом вот здесь мой подзащитный говорил. Валентин Иванович Варенников настаивал на исследовании всех обстоятельств, а не только тех, которые указаны в формуле обвинительного заключения. Он настаивал на доскональном исследовании мотива, который побудил его выступить в августе 1991 года, а также он настаивал на установлении времени, когда этот мотив возник. И все эти обстоятельства, с моей точки зрения, являются принципиальными.

Но вместо объективного осмысления произошедшего, — я опять возвращаюсь к августовским событиям — руководство

России, даже не предоставив возможности бывшим руководителям страны высказаться, объяснить свои поступки, приняло решение и дало поручение соответствующим органам арестовать их и возбудить уголовное дело.

Уже были даны правовые оценки на самом высоком политическом уровне, так что само предварительное следствие представлялось как формальная процедура. Более того, уже в ходе самого следствия бывший Генеральный прокурор РСФСР Степанков заявлял, что если даже суд их отпустит, то прокуратура все равно арестует.

В 1992 году в журнале «Советская юстиция» было опубликовано письмо известного американского адвоката, который призывал осторожно и только на основании закона оценивать произошедшее. Но никто его, к сожалению, не слушал. Предварительное следствие, само обвинение — это отдельная песня, это своего рода практическое пособие по игнорированию Конституции, уголовного и уголовно-процессуального законов. Считаю своим профессиональным долгом подробно остановиться на вопиющих фактах нарушения законности, допущенных Генеральной прокуратурой при расследовании дела Варенникова Валентина Ивановича, тем более что в руководящих постановлениях пленума Верховного Суда о дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия подчеркнута необходимость повышения требований к качеству материалов производимого расследования. Указано, что выводы суда не могут базироваться на материалах, полученных с нарушением процессуального порядка их собирания.

Тщательной проверке подлежит соблюдение в стадии расследования права обвиняемого за защиту. Особое внимание должно уделяться проверке заявления о недозволенных методах расследования и других нарушениях закона. Материалы предварительного следствия и действия отдельных руководителей Генеральной прокуратуры войдут в историю отечественного правосудия как позорное явление, компрометирующее сам процесс правоприменительной деятельности.

Как это ни удивительно, но лица, возбудившие дело по статье 64, проявили завидное непонимание закона. Дело доходило просто до парадокса. В материалах дела, том 152, лист дела 163, имеется стенограмма заседания Верховного Совета России от 27 декабря 1991 года, где рассматривалось представление Степанкова на возбуждение дела в отношении Ачалова. Я объясню, почему я говорю об этом представлении: это единственный документ, где Генеральная прокуратура

сформулировала свою правовую позицию.

Исаков Владимир Борисович задает вопрос Степанкову: «Уважаемый Валентин Георгиевич, статья 64 «измена Родине» включает в качестве обязательного квалифицирующего признака совершение действий, причинивших ущерб безопасности оборонной мощи СССР. В связи с тем, что СССР больше не существует, по статье 64 их осудить нельзя, тем не менее вы предлагаете нам дать согласие на привлечение депутата Ачалова именно по этой статье. Не видите ли вы здесь парадокса?»

Степанков: «Парадокса здесь никакого нет, речь идет о трактовке вами этой статьи». И дальше идет шедевр, который можно вообще цитировать на первых курсах юридических вузов. Степанков говорит, дословно: «Им не предъявлено обвинение в измене Родине как таковое, всем им предъявлено обвинение по одному из квалифицирующих признаков, содержащихся в этой статье, заговор или захват власти, поэтому другие признаки, содержащиеся в этой статье, следствием не доказываются».

Ну, я не вижу смысла комментировать эту нелепость. Я думаю, студенты начальных курсов юридических вузов прекрасно знают, что признаки преступления являются основанием для возбуждения уголовного дела, а совокупность признаков образует состав. И предъявление обвинения преследует цель предъявлять обвинение, если пользоваться терминологией Степанкова, как таковое. Не случайно Исаков ответил ему репликой: «Вы как юрист отлично понимаете, что ни один суд не осудит их по одному из признаков». Но здесь председательствующий отключил микрофон, и на этом дискуссия была прекращена.

Вот такая правовая позиция была у Генерального прокурора, она в документальном виде есть.

Уважаемые судьи, переходя к оценке обвинения, я с полной ответственностью заявляю, что Варенников привлечен к уголовной ответственности незаконно. Если обратиться к содержательной части, то обвинение, которое ему предъявлено, в законе не существует. Обратимся к материалам дела. И в обвинительном заключении, и в постановлении от 24 августа 1992 года о привлечении Варенникова в качестве обвиняемого эта последняя формула обвинения присутствует (том 139, дело 160). В частности, указано: «…Таким образом, Варенникову предъявлено обвинение в измене Родине, в форме заговора, с целью захвата власти». И дальше раскрывается содержание самого обвинения: все уже было согласовано и виновные фактически приступили к захвату этой власти.

В статье 64 Уголовного кодекса, на которую ссылается следствие, отсутствуют нормы, предусматривающие возможность

увеличения уголовной ответственности за измену Родине в форме захвата власти, а именно так сформулировано обвинение. Все формы измены Родине перечислены в законе. И согласно закону, захват власти является не формой, а целью. И это, как вы понимаете, не одно и то же, поскольку форма относится к объективной стороне преступления, а цель — к субъективной.

Для чего же следствию понадобилось обосновывать свое обвинение не существующей в законе правовой нормой и оценкой? Я могу высказать собственное предположение. Дело в том, что если в чисто теоретическом плане рассматривать состав преступления, предусмотренный статьей 64 в форме заговора с целью захвата власти, то этот состав является формальным.

Следствие, указав, что Варенников привлечен к заговору, принял в нем активное участие, не привело ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что Варенников участвовал именно в заговоре. Никто из лиц, участвовавших во встречах, не давал повода для такой трактовки.

По этой причине, видимо, следствие занялось поиском криминала в дальнейших действиях Варенникова, подгоняя не действие под закон, а наоборот — закон под действие.

Согласно статье 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвинение должно содержать точную формулировку закона и дополнение этой формулировки новыми правовыми понятиями недопустимо. Кроме того, согласно статье 7 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступлением признается общественно опасное деяние, предусмотренное законом.

В руководящем постановлении пленума Верховного Суда «О строгом соблюдении закона при рассмотрении уголовных дел» указано, что при совершении преступления необходимо добавить точную квалификацию в точном соответствии с законом.

Тем не менее я продолжу подробный анализ этого обвинения и разбора этого незаконного процессуального акта. В обвинении Варенникова содержится утверждение о том, что он умышленно действовал в ущерб обороноспособности страны. Какой страны — не сказано. Выступая здесь, в суде, я уже говорил, что обвинение Варенникова настолько не конкретизировано, что защищаться от подобного обвинения в установленном законом порядке просто невозможно.

Итак, Варенников действовал в ущерб обороноспособности страны. Это таинственная, неизвестная страна нам не названа. И остается догадываться: то ли речь идет о СССР, то ли это Россия, то ли это Украина, где Варенников три дня находился, а может быть, Крым.

Вопреки требованиям закона, в обвинении Варенникова отсутствует время и место совершения преступления, а вместо этого… хронология его действий.

Изложенный в обвинении довод о захвате власти не конкретизирован. Какую конкретную власть, по мнению следствия, намеревался захватить именно Варенников?

Действующая в 1991 году Конституция СССР предусматривала несколько видов власти: это — власть высшего органа государства — съезда народных депутатов (Верховного Совета) СССР, исполнительная власть — Правительство Советского Союза, власть Президента — как главы государства, судебная власть.

К сожалению, в обвинении не конкретизируют. То ли Валентин Иванович Варенников претендовал на власть главы государства? Но для этого надо было, видимо, указать, то ли он претендовал на все виды власти вместе взятые, то ли он претендовал на какой-то отдельный, другой вид власти.

В словаре Ожегова определение власти дается как право и возможность распоряжаться кем-нибудь, чем-нибудь. Неизбежно при осуществлении защиты Варенникова приходилось сталкиваться с понятиями терминов, которые употребляло следствие. И я пришел к выводу, что отдельные термины они (следователи) просто не понимают.

Итак, кем, чем собирался распоряжаться Варенников по мнению следствия — неизвестно. Неизвестно это и самому Варенникову, и, кстати, мне, его защитнику, — тоже.

Говоря о несостоятельности обвинения, хотел бы обратить внимание суда на непоследовательность действий прокуратуры в оценке деяний, предусмотренных законом.

Мы прекрасно знаем, что преступление, предусмотренное статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, никакими сроками давности не ограничивается. Естественно, в связи с этим я бы хотел задать вопрос бывшему Генеральному прокурору СССР и его нынешнему российскому коллеге. А почему до сих пор органы прокуратуры не возбудили уголовное дело по статье 64 по факту смещения Никиты Сергеевича Хрущева в 1964 году? Теперь доподлинно известно, что смещение Хрущева происходило вопреки его воле. И если встать на позицию следствия, то здесь наиболее очевидные признаки состава преступления, но уголовное дело по этим событиям прокуратура не возбуждала. Я подчеркиваю, сроками давности они не ограничены. Ну, постараюсь сам ответить на этот вопрос — почему.

Дело в том, что, смещая Хрущева, его окружение стремилось не к захвату власти, а к изменению государственной политики

внутри государства. А всей полнотой власти и Брежнев, и Суслов, и Громыко, и другие руководители государства обладали. Примерно то же самое было и в августе 1991 года, когда высшие должностные лица страны добивались изменения государственной политики внутри своей страны от Горбачева, совершенно не претендуя на его власть, на его пост и прочее. И тем более не посягая на внешнюю безопасность страны. Примечательны показания Жардецкого — бывшего начальника военной контрразведки Комитета государственной безопасности. Он, в частности, здесь сказал, что если бы стояла задача захвата власти Горбачева и устранения его от власти, то эта задача могла бы быть эффективно выполнена только силами Комитета государственной безопасности и к реализации этой задачи не требовалось бы привлекать ни Министерство обороны, ни Министерство внутренних дел, ни другие силы, а тем более ее руководителей.

Продолжаем анализировать обвинение Варенникова. Хочу обратить внимание уважаемого суда, что, в нарушение требований статьи 205 Уголовно-процессуального кодекса, в обвинительном заключении Варенникова отсутствует один из его необходимых элементов. В законе перечислено, что именно должно содержаться в обвинительном заключении.

Так вот, в обвинительном заключении Варенникова не приведены, как того требует закон, доводы обвиняемого в свою защиту и результаты проверки этого. Впрочем, как я уже говорил, видимо, никто такой задачи не ставил. И дальнейший анализ материалов предварительного следствия — явное тому подтверждение. Была поставлена задача — подтвердить те правовые оценки, которые даны на самом высшем политическом уровне! И следствие занималось выполнением этой задачи. Полагаю, что суд даст надлежащую оценку обвинению Варенникова не только в приговоре, но и вынесет соответствующее частное определение в адрес Генеральной прокуратуры, в связи с допущенными грубейшими нормами закона.

А в том, что в действиях Валентина Ивановича Варенникова нет состава преступления, уже все убедились».

Выступление моего адвоката Дмитрия Давидовича Штейнберга тоже внесло свой вклад в юридическое развенчание предъявленного мне обвинения.

На следующий день было назначено мое выступление — последнее слово. Надо ли говорить о том, как я волновался.

Далеко не каждый может представить себе состояние человека, который должен сказать так и такое, что могло бы

повлиять на суд, даже если он беспристрастный. Одно дело, когда человек что-то натворил и хочет как-то выпутаться из этого. И совсем другое — когда явно ни в чем не виновен, а прокуратура в угоду президенту хочет подогнать твои действия под статью Уголовного кодекса.

Каким получилось мое последнее слово — судите сами:

«Уважаемый Председательствующий!
Уважаемый Суд!

В августе 1941 года я принял военную присягу и пошел защищать свое Отечество от немецко-фашистских захватчиков.

В августе 1991 года, т. е. через 50 лет, я вновь встал на защиту своей Родины. Но уже от внутренних скрытых врагов и предателей советского народа.

А в августе 1994 года я должен узнать от Суда — честно я прожил свою жизнь, принес я своим трудом пользу нашему народу или, как сказано в обвинении, нанес умышленно ему ущерб?

Для любой нации война — самое тяжелое испытание. Так было и для нас в годы Великой Отечественной войны: тяжелейшее испытание и для нашего народа, и для его армии. Все солдаты и офицеры — все воины всех видов Вооруженных Сил и родов войск находились в крайне трудных условиях. Но для воинов стрелкового полка, для солдат и офицеров всех его взводов, рот, батарей и батальонов война — это самое тяжелое испытание. Здесь нет пауз в бою. Нет специального времени на отдых (а иногда и на подготовку к бою). Здесь вечно не хватает личного состава, времени, материальных и боевых запасов. Зимой и летом, весной и осенью они — только в поле! И вечно в поту и пыли, по пояс в грязи, в непроходимых болотах или снежных сугробах. И все время только пешком или ползком. Летом при палящем солнце и суховее, часто нет капли воды даже для раненого. А в зимнюю стужу и темную ночь нельзя зажечь и спичку, чтобы согреться, — это смерть, противник немедленно откроет ураганный огонь.

Очень много говорят о маневре. Но на большой войне в рамках тактического звена — это сложно выполнимое дело. Как правило, надо было стоять насмерть, когда враг обрушивался большими превосходящими силами; или идти только вперед, сокрушая все на своем пути, совершенно не думая ни о жизни, ни о смерти. У всех была одна забота — разгромить врага.

Но это была война, так сказать, с открытым противником. Сильным, коварным, хитрым, но он был перед тобой и ты знал, что его надо уничтожить, иначе он поступит так же с тобой и

твоим народом. Все было ясно!

Но, оказывается, обычная война, какой бы тяжелой она ни была, не может сравниться с таким страшным явлением, как морально-политическая деформация общества, подрыв всех устоев изнутри невидимым врагом, хотя он находится рядом. Когда политические паразиты — клещи-носители морально-политического энцефалита, пользуясь отсутствием предохранительных мер, отсутствием бдительности, но присутствием честной, открытой души и тела нашего народа, впиваются в людей, в их здоровые организмы, а в сравнении с капиталистическим обществом — фактически стерильно чистые, не развращенные и не изуродованные не только наркобизнесом, но и бизнесом вообще, эти клещи своими бациллами убивают у наших людей все человеческие качества — мораль, нравственность, культуру и даже чувство патриотизма. Общество становится уродливым, его перспективы — самые мрачные. Эта болезнь тем более опасна, что она инфекционна — легко передается от человека к человеку и средствами массовой информации (тем более что СМИ находятся в руках производителя этой инфекции).

В таком тяжелом положении оказалось наше общество. Советские люди, привыкшие выступать против нашествий единым щитом и имевшие в своей среде, как и в прошлые века, достойных лидеров и полководцев, оказались на этот раз бессильны против предателей и изменников. Почему? Да потому, что в высшее руководство государства всегда у нас верили (или, во всяком случае, никогда не могли даже подозревать в измене). У нас же этот пост занимали изменник и его небольшая группа. А все остальное окружение хоть и было патриотично, но, находясь под давлением сложившейся системы, не способно было себя проявить, а действовало только по указке лидера-предателя. В этом вся трагедия.

У нас, у поколений, которые поднялись за годы Советской власти, не было в практике, чтобы у руководства страны стоял изменник. Они, эти руководители, допускали ошибки, у них были недостатки, но никто из них не раболепствовал перед Западом и не был предателем.

Однако наше законодательство было далеко не совершенно и на пост лидера имел возможность вырваться авантюрист. Мало того, наше законодательство совершенно не контролировало его деятельность, чем и воспользовался Горбачев.

Все видели, как он втягивает страну в трясину погибели!

И вот нашлась группа руководителей, которая, несмотря на традиции и опасность, создала ГКЧП и выступила, чтобы

предотвратить катастрофу. Но эти люди сами стали жертвами.

В последнем слове хочу затронуть несколько вопросов.

I. Обвинительное заключение

После мощных, честных и аргументированных выступлений государственного обвинителя Аркадия Борисовича Данилова и защиты адвоката Дмитрия Давидовича Штейнберга можно было бы вообще ничего и не говорить на эту тему — все поставлено на свое место. Но, учитывая, что это мое последнее слово на суде, было бы неправильным с моей стороны не воспользоваться возможностью еще раз прокомментировать обвинительное заключение.

Предъявленное мне обвинение, несомненно, затрагивает мою честь, тем более что это умышленно ложное обвинение.

Но даже моя честь и достоинство не могут быть главными в этом деле. Фактически предъявленное мне обвинение на первый план выдвигает даже не общероссийскую и союзную, а глобальную проблему. Речь идет о насильственном разломе Советского Союза — государства, которое своим авторитетом и мощью надежно поддерживало паритет и стабильность в мире, уверенно — до 80-х годов — пресекало амбиции некоторых стран на мировое господство.

Проблема Советского Союза, конечно, затмевает мои личные вопросы. И я четко и ясно себе представляю, что это вполне естественно. Вместе с тем чрезвычайно важно подчеркнуть, что обвинительное заключение умышленно уводит Суд и общественность от истинных изменников и виновников трагедии, постигшей Отечество, лиц, виновных в насильственном разломе Советского Союза, насильственном изменении советского государственного и общественного строя, умышленном нанесении ущерба госбезопасности и обороне страны.

И умышленно уводит от всего этого именно обвинительное заключение! А ведь Генеральная прокуратура должна стоять на страже соблюдения законов.

Этой цели был посвящен и бесцеремонный, нарушающий элементарные принципы презумпции невиновности «бестселлер» Степанкова — Лисова «Кремлевский заговор». Еще задолго до суда, фактически в условиях проведения предварительного следствия, вдруг появляется книга с изложением версии следствия Генерального прокурора страны. Где еще такое возможно?

Без зазрения совести Степанков пишет на стр. 213 (цитирую): «Во второй половине 21.08.93 г. пришло подтверждение факта насильственной изоляции Президента». Кстати, это

«подтверждение» было Степанковым получено от Руцкого и Силаева. Но возникает вопрос — если президент действительно был насильственно изолирован (естественно, силами ГКЧП), то как могли беспрепятственно проникнуть на дачу и тем более к президенту Руцкой и Силаев? Не было никаких схваток и тем более боев по деизоляции — и вдруг они оказались рядом с изолированным насильственно Горбачевым?

Но, не обращая внимания на эти «детали», Степанков делает решительный вывод — коль президент был изолирован (цитирую): «надо провести аресты членов ГКЧП. Трубин объявил о возбуждении уголовного дела, но об арестах речь не шла».

И еще одна цитата (стр. 214):

«Мы поняли, что кроме нас заниматься арестами некому. Позвонили в Белый дом Бурбулису и сказали, что на свой страх и риск возбуждаем против членов ГКЧП уголовное дело и проведем арест».

И далее: «Разве можно было их отпустить с миром? Стоять и смотреть, как Крючков, Язов, Пуго возвращаются в свои чудовищно сильные ведомства?» — конец цитаты.

Когда 21.08 из Крыма в Москву прилетел самолет и Крючков спустился по трапу (цитирую), «ему объявили, что российской прокуратурой против него возбуждено уголовное дело». И далее: «Он только спросил — а почему Россия? И тогда ему объяснили, что так решено в соответствии с законом, он ничего не возразил».

Конечно, как можно возражать, когда вокруг уже стоят добры молодцы! Но важно другое — в соответствии с каким законом предписано республиканской прокуратуре возбуждать уголовное дело против союзного министра и тем более арестовывать председателя КГБ СССР?

Но где был Генпрокурор СССР? Видя эти противозаконные действия, он, на мой взгляд, сам решил проявить себя на этой стезе: обманным путем проводит аресты народных депутатов.

А далее Трубин и Степанков, как злостные нарушители закона, совершают сговор — как им действовать дальше, о чем Степанков пишет на стр. 244 и что уже вчера комментировал Дмитрий Давидович Штейнберг.

Спрашивается, почему так действовали прокуроры? Ответ однозначен — потому что они не прокуроры, а холуи и делают все в угоду своим президентам!

Так же обстоит и с обвинительным заключением — от начала до конца оно составлено в угоду власти и не с обвинительным уклоном (как принято говорить в кругу юристов), а открыто ложно! Это подтвердили все вызванные на суд свидетели! Государственный обвинитель Данилов проявил деликатность —

не сказал об этом.

Я прошу Суд обратить внимание на период, который предшествовал составлению Обвинительного заключения.

То, что Степанков задался целью всех незаконно арестованных оболгать, — это ясно! Лисову — руководителю следственной группы надо было подвести хоть какую-нибудь видимость закона под эту ложь.

Прокуратура мечется. Естественно, сегодня содержание да и сама форма обвинения зависят от политической ситуации.

Как известно:

1. 23.08.91 г. — меня арестовали и мне объявили, что уже присутствует «тяжесть совершенного преступления».

2. 02.09.91 г. — Лисов в постановлении пишет, что «уже собраны достаточные доказательства, что Варенников умышленно действовал в ущерб государственной независимости» — статья 64 УК РСФСР.

При чем здесь государственная независимость? Да еще и достоверные доказательства?!

3. 29.11.91 г., т. е. через три месяца Лисов в постановлении пишет: «Варенников совершил преступление, предусмотренное статьей 1–1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

4. 23.12.91 г., т. е. еще через месяц, тот же Лисов в своем постановлении пишет, что «уголовное дело в отношении (перечисляются лица, в т. ч. Варенников) в части измены Родине прекратить — за отсутствием состава преступления». И далее говорится, что вменяется обвинение — заговор с целью захвата власти, как самостоятельное преступление.

Но в Уголовном кодексе под такое самостоятельное преступление нет статьи!

Генпрокуратура в тупике. Думает восемь месяцев. Не прекращать же дело! А что скажут вверху? Не закон, а именно вверху — что скажут?!

12.08.92 г. Степанков отменяет постановление Лисова и все возвращает к измене Родине с целью захвата власти, пункт «а» ст. 64 УК РСФСР.

24.08.92 г. тот же Лисов, добросовестно переделав документ, предъявляет мне очередное обвинение в духе требований Степанкова, но предварительно за неделю до представления его мне, т. е. 19.08.92 г., он публикует его в «Независимой газете». А затем уже появляется и Обвинительное заключение.

Извините, у меня практики нет, но где еще можно найти такой правовой цирк? Такую насмешку над законом?!

Полтора года длилось только предварительное следствие.

Весь Нюрнбергский процесс с момента ареста преступников до приведения приговора в исполнение занял год и четыре месяца. Так это какая война, какие жертвы, 24 преступника, из которых 2 освобождены по болезни, 3 оправданы, в т. ч. Дениц — Главнокомандующий ВМФ, — остальные наказаны.

На чем строилось предъявленное мне Обвинительное заключение, что ему предшествовало, чем оно наполнено и как выглядит в правовом отношении — все это предельно вскрыто всеми без исключения свидетелями, Государственным обвинителем, защитой, моими показаниями и Судом!

Но главное (и я это подчеркиваю еще раз) — конечная цель Обвинительного заключения состоит в том, чтобы направить Суд и общественное мнение по ложному пути, увести всех от главного, кто же подвел страну к катастрофе и кто насильно, вопреки желаниям народа, разрушил ее?

II. Несколько слов о статье 64 УК РФ

Измена Родине всегда считалась и считается тягчайшим преступлением перед своим народом. Это преступление всегда вызывало и будет вызывать презрение и ненависть любых народов.

Что касается заговора с целью захвата власти, как разновидности измены Родине, то по нашему закону, как я понимаю, это понятие содержит в себе весьма конкретную цель: изменить существующий советский государственный и общественный строй.

Захват власти, как я понимаю, может быть совершен и из карьеристских побуждений, т. е. это должно быть проявлено заменой законно избранных или назначенных руководящих деятелей государства в своих интересах.

Я также глубоко понимаю, что измена Родине — это (цитирую статью 64): «деяние, умышленно совершенное в ущерб государственной независимости или военной мощи СССР», и что лицо, решившееся на этот шаг, должно (как записано в Комментарии к УК РФ стр. 142, пункт 36) «желать совершать это деяние».

Генеральная прокуратура, чувствуя, что эти факторы для меня звучат дико, делает соответствующие, более подходящие, на ее взгляд, формулировки в обвинении. Я к этому возвращаться не буду.

Но объявленное на всю страну, на весь мир обвинение по ст. 64 плюс постоянное вдалбливание народу, что они виновны, они преступники — это меня, конечно, очень беспокоило всегда! Даже и во время этого суда. Поэтому, чтобы прояснить этот вопрос, я

всегда даже провоцировал собеседника на острый разговор.

И здесь каждому свидетелю, Суд это помнит, я умышленно, прежде чем задавать ему вопросы, говорил, что обвиняюсь в измене Родине с целью захвата власти, в умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны и что это обвинение предъявлено мне высшей в стране прокурорской ступенью — Генеральной прокуратурой.

Учитывая это мое обращение, плюс обстановку в стране, положение каждого на работе и т. д. — тут каждому из свидетелей, прежде чем отвечать на вопросы, есть над чем подумать.

Но я слышал только правдивые честные возмущения, предъявленные обвинением. Даже от свидетеля Нишанова.

III. О моем отношении к амнистии

23 февраля Госдума приняла два важных постановления. Эти документы имеют ко мне прямое отношение.

Первое постановление — «Об объявлении политической и экономической амнистии».

Цитирую ту часть, которая касается меня: «В целях национального примирения, достижения гражданского мира и согласия в соответствии с пунктом «в» части 1-й статьи 103 Конституции РФ Госдума постановляет:

Первое. Прекратить все уголовные дела, находящиеся в производстве следователей, и дела, не рассмотренные судами в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности:

а) по событиям 19–21 августа 1991 г., связанным с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и с участием в его деятельности.

Девятое. Данное постановление вступает в силу с момента опубликования. Пункты 1 и 2 постановления подлежат исполнению немедленно» (конец цитаты).

Конечно, Дума была обеспокоена тем, что людей, арестованных по событиям 3–4 октября, надо было во что бы то ни стало освободить. Но большинство голосов можно было получить лишь в том случае, если в одном пакете будут отражены интересы и той части депутатов, которые заинтересованы в амнистии лиц, привлеченных к уголовной ответственности за экономические преступления.

Однако одновременно (в пакете) Дума принимает второе постановление — «О признании утратившим силу Постановления Государственной Думы», которым отменяет принятое 16.02.94 г. Постановление «Об утверждении состава комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года».

Это был недопустимый компромисс, размен. Родственникам безвинно погибших 3 и 4 октября его трудно понять. Но мотив был ясен — под шумок освобождения людей из тюрьмы Ельцин решил замести все следы своего октябрьского преступления.

Прекращение деятельности комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года означало, что отныне останется тайной, сколько погибло людей в период 3–4 октября и кто виновен в этой гибели.

Но будем честны до конца. Примененные в первом постановлении пышные фразы типа — «национальное примирение», «гражданский мир и согласие» и т. п. были не чем иным, как бутафорией. Ведь совершенно не понятно, о каком национальном примирении идет речь? Если имеется в виду район Северного Кавказа, так надо прямо так и сказать! Или гражданский мир и согласие — кто с кем должен жить в мире и согласии? Кто кем недоволен и почему? Это, во-первых. Во-вторых, Ельцин этим шагом решил закрыть свой позор с расстрелом Дома Советов. В-третьих, почему должны по этому поводу принимать какой-то специальный документ? Ведь все то, что должно обеспечить мир и согласие, должно быть заложено в Конституции. Если же этого нет, то надо внести.

Но самое главное в разрешении этой проблемы — мир и согласие — сосредоточено в экономических реформах. Если они будут отвечать интересам народа — будет мир и согласие.

Теперь непосредственно об амнистии.

В первом постановлении сказано, что уголовное дело по событиям 19–21 августа 1991 года надо прекратить немедленно, а участников в создании ГКЧП и его действиях освободить от наказания, т. е. амнистировать.

Но что это значит? Это не только амнистия для тех, кто якобы виновен в создании ГКЧП и его выступлении. И, пожалуй, эта амнистия не столько по отношению к ним. Фактически это способ спрятать концы в воду и утаить истинные причины появления и выступления ГКЧП. Точнее, эта амнистия в первую очередь для тех, кто хоть пока и не привлекается к уголовной ответственности, а проходит свидетелем, но является главным государственным преступником в деле развала Советского Союза.

Я не мог с этим смириться.

Когда 1 марта 1994 года на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда РФ было официально объявлено постановление Госдумы об амнистии и каждый из нас был опрошен, как он относится к этому акту, я заявил, что против решения Госдумы об амнистии возражений не имею, но прошу иметь в виду, что я ни в чем не виновен и одновременно

ходатайствую о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Это было мое как бы моральное условие принятия амнистии.

Откровенно говоря, я и тогда не хотел принимать амнистию, но пошел на этот шаг (и об этом знают все мои товарищи по делу) лишь потому, что было общее мнение.

После амнистии многие устроились на работу, многие занялись капитально своим здоровьем. А некоторых я сам уговаривал принять амнистию (например, Стародубцева, которому надо было руководить и колхозом, и ассоциацией крестьян, и заседать в Федеральном Собрании).

Я же в итоге от амнистии отказался потому, что не хочу, чтобы канул в Лету сам факт развала Советского Союза. Эту трагедию надо было осветить, а дело по этому поводу возбуждено не было.

Считаю, что этот вопрос уже довольно хорошо освещен на этом процессе, а вот то, что Генеральная прокуратура не отреагировала на мое ходатайство, пересланное ей официально Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации еще 25.06.94 г., является нарушением, которое не украшает Генеральную прокуратуру. Ведь положено ответить через 10 дней.

Генеральную прокуратуру не украшает и другое — вчера не успели объявить предложение государственного обвинителя Данилова, как Генеральная прокуратура спешит заявить в «Новостях»: «Это мнение независимого прокурора, его личное мнение. А Генеральная прокуратура еще выскажется — все зависит, какое решение будет принято судом!»

Разве это не прецедент?! Разве это не давление на Суд! Еще Суд не завершил свою работу, а Генеральная прокуратура уже дает понять, что будет настаивать на обвинительном приговоре.

Ну, в какой еще стране могут быть такие чудеса с правом?

IV. Некоторые уроки и выводы

1. Проведенный судебный процесс, независимо от решения Генпрокуратуры по поводу моего ходатайства, на мой взгляд, уже показал и осветил вопрос — почему и в угоду кому был развален Советский Союз и кто организатор этой трагедии.

2. Как бы политические структуры ни маневрировали, стараясь увести народ от главного, никогда с повестки дня жизни России не будет снят вопрос о расследовании трагедии насильственного разлома нашего Отечества.

В этом расследовании тоже заложен гражданский мир и согласие.

3. Годы перестройки и последующее время, так сказать,

демократических преобразований говорят только об одном — необходимы законы, обеспечивающие Свободу и Право человека, а не только декларирование этого.

Плюс законами должны быть созданы законопослушные исполнительные органы, а также органы, объективно осуществляющие надзор за выполнением законов. Законы должны действовать. Например, принят закон о выборах — надо проводить выборы по закону.

4. Очевидно, уже пришло время (все-таки прошло три года), когда историкам, писателям, политологам, журналистам можно было бы уже включиться в исследование трагедии, постигшей наше Отечество. Ведь не было у нас в истории такого тяжелого горя. Событие эпохальное, историческое для всего человечества.

5. Какие бы коллизии еще ни ожидали наше общество, что бы ни происходило с различными структурами государства, каждый честный человек должен думать о своем Отечестве и действовать в меру своих сил и возможностей на его благо.

Нельзя допустить, чтобы народ ослеп, оглох, потерял надежду и полностью утратил веру.

6. Никогда нельзя строить иллюзий, уповая на чудо, которое якобы придет к нам с Запада или Востока. Никто нам просто так не поможет. Судьба наша в наших руках.

Стратегический план разрушения всех государственных и общественных институтов СССР — это вовсе не борьба с коммунизмом и не главная причина «холодной войны». Это была идеологическая ширма, за которой скрывались истинные причины. А они имеют глубокие исторические корни. Они же связаны с объективными законами дальнейшего развития наиболее благополучных стран. Дело в том, что техника и технология (особенно в области энергетики) достигли своего естественного предела. Последующее повышение их эффективности без дополнительного вливания сырья невозможно. А сырье — у нас.

7. Предатели нашего народа нервничают. Вчера в своем интервью радио «Свобода» Горбачев, узнав о том, что происходит на нашем суде, заявил: «И это мы идем к правовому государству?»

Видите ли, он вел к правовому государству, пока его полностью не развалил.

Что ж, чувство нервозности — для него характерное чувство. Боится. Знает, что его ожидает.

8. Государственный комитет по чрезвычайному положению был создан руководством страны только во имя сохранения Союза и защиты Советской Конституции, а не наоборот, как это стараются представить Горбачев и Генеральная прокуратура РФ.

Странно, они здесь едины.

Можно было бы объяснить — почему, но это и так видно. Главное — это то, что ГКЧП был создан в положении крайней необходимости, а это снимает все вопросы.

9. Патриотические, честные, благородные силы в нашем обществе проявляют себя все больше и больше. Они есть и среди тех, кому доверено самое высокое — Право, Закон.

Особо я обязан отметить мужественные поступки прокурора Генеральной прокуратуры Аркадия Борисовича Данилова, адвоката Дмитрия Давидовича Штейнберга.

Несомненно, их поступки войдут в историю, как и весь этот судебный процесс. Что бы у нас на суде ни было, какие бы обострения ни принимал процесс — все двигалось к раскрытию истины.

V. Заключение

Начну с тех мыслей, которые уже были высказаны в начале моего Последнего слова — три года прошло с тех пор, как я был арестован, и все дни этих лет я постоянно находился в тисках тяжелых, гнетущих мыслей, порожденных предъявленным обвинением.

Как и любому моему соотечественнику, мне были известны истины, которые являлись незыблемыми принципами: значение каждого человека измеряется его трудом, заслугами перед Родиной, а человеческое достоинство — силой патриотизма. Зная это, я, на мой взгляд, и действовал соответственно. В 41-м над страной нависла смертельная опасность — и я пошел на ее защиту. В 91-м опять возникла тяжелая угроза нашему государству — опять встал на защиту Отечества.

Но когда случилась со мной беда — меня арестовали (а я первоначально посчитал это нелепой ошибкой), то я говорил, что и в беде нельзя падать духом. Однако, когда все иллюзии рассеялись и стало очевидным, с кем я имел дело и кто именно является изменником Родины, — я стал убеждать себя, что неизбежное надо нести с достоинством. И нес.

Но, конечно, покоя не было. И его не будет, пока не прояснится истина. Ведь даже и сейчас, хоть и очень редко, но бывают случаи, когда идущий навстречу знакомый человек вдруг переходит на другую сторону улицы. Ясно, что не хочет встречаться с подсудимым.

Ну, что же, хоть кое-кто и шарахается и мне это неприятно, но хожу я свободно и открыто, чего, уверен, не сможет сделать Горбачев. Да что там Горбачев? Гайдар в Государственной Думе ходит с охранником. Не знаю, как он спит, но это же дико. Я не

могу себе представить, чтобы даже в 90-м году кто-то в Верховном Совете СССР появился с охраной (кроме, конечно, Горбачева).

После августа 1991 года Горбачев уже стал калифом на час. Но свое окончательное гнусное дело в отношении страны успел сделать: умышленно арестовал и посадил в тюрьму председателя Президиума Верховного Совета, премьер-министра, министра обороны, председателя КГБ (министр внутренних дел якобы застрелился), секретаря ЦК КПСС, заместителя председателя Совета обороны, руководителя администрации Президента, ряд народных депутатов СССР.

Этим самым он сразу решал в своих интересах ряд задач: не только обезглавил все основные законодательные, исполнительные и партийные структуры, силовые министерства, но и нагнал тем самым страх на всех, кто в этих структурах остался. Полностью их нейтрализовал и сделал недееспособными. Этим шагом он также убрал всех и все, что ему мешало, и открыто, цинично заявил: «Теперь на нашем пути нет никаких преград». Арестовав, он также отомстил тем, кто осмелился у него на даче отключить телефон или вел себя недостаточно, на его взгляд, корректно.

Отомстил! А удовлетворение этого чувства (так же, как и популярность, корыстолюбие, меркантильность, барство) было неотъемлемой частью его внутреннего содержания. Хоть в этой книге уже об этом говорилось, но я хочу еще раз повторить: еще на съезде народных депутатов СССР во время обсуждения кандидатуры Горбачева на пост Президента, народный депутат от Кемеровской области Теймураз Авалиани буквально выкрикнул с места: «Одумайтесь, кого вы выбираете? Я его прекрасно знаю и много лет слежу за его работой — это пустой человек, он загубит страну. Он никогда ни о ком и ни о чем не заботится, кроме себя и своих ближних, а также вышестоящих начальниках. Это мстительная и коварная личность. Он не может быть Президентом!»

Это были слова пророка. Но Горбачева небольшим большинством все-таки избрали. Совершена роковая историческая ошибка. И эта ошибка уже реально сказалась на всем последующем времени, в т. ч. и в августе 91 года. Обезглавив и парализовав все, что могло хоть как-то сопротивляться антиконституционным действиям, Горбачев открыл путь сепаратизму и экстремизму. Умышленно!

Но Горбачев и сейчас, на суде, продолжал настаивать на том, что этот путь был открыт выступлением ГКЧП. Изложенный выше аргумент убедительно показывает явную неуклюжесть Горбачева. Мало того, резонно спросить у него — а кто породил и вырастил,

вооружил и вдохновил на действия этих сепаратистов и экстремистов? Ведь в стране до 1985 года малейших признаков всего этого не было и невозможно было, чтобы такое появилось. Это не отвечало интересам народа.

Резонно, что сегодня наши люди, измученные тяжелыми испытаниями, проклиная изменников и предателей нашего народа, одновременно жестко упрекают ГКЧП — почему, взявшись за нужное и большое дело в интересах народа, комитет не довел его до конца?! В этих условиях неубедительным будет ответ, что, мол, нас арестовали. Люди же немедленно спросят, но почему вас арестовали, почему вы позволили это им сделать, ведь у вас была вся сила?!

И я согласен с упреками. Каждый человек в государстве должен заниматься своим делом и отвечать за свой участок — один пашет, другой сталь льет, третий науку и культуру двигает, четвертый следит за исполнением законов, пятый обеспечивает госбезопасность и оборону страны.

Горбачев с помощью своих «архитекторов» и «прорабов перестройки» хитро и тонко заводил троянского коня в нашу социалистическую крепость (и в нашу страну, и в страны социалистического содружества).

Ведь процветание социалистического лагеря (а в ГДР и Чехословакии было действительно процветание, другие страны тоже жили хорошо) было как кость в горле у Запада, особенно у Рейгана, Тэтчер. Они стали приближать Горбачева (еще с 1984 года) и учить его уму-разуму. Ученик оказался послушным, падким на похвалы и другое… То есть он был для Запада удобной фигурой.

И неудивительно, что первые ростки приватизации были не при Чубайсе, а при Горбачеве еще в 1987–1988 годах, когда начали организовываться так называемые концерны. А его анархический лозунг: «Все разрешено, что не запрещено законом»! — это уже было прямым указанием на развал советской социалистической системы.

Фактически именно Горбачев организовал антинародный переворот! Именно он вогнал стране нож в спину. Проводится референдум, народ высказывается за Союз, а Горбачев готовит договор, узаконивающий развал уникального государства. Это было антиконституционно. И ГКЧП выступил правильно, но проявил наивность, и его членов посадили в тюрьму. А оставшиеся в Верховном Совете, в прокуратуре, КГБ, МО, МВД, ЦК КПСС были подавлены страхом. Никто не выступил.

Наша страна была, конечно, ближе к истинному социализму, чем к капитализму. Об этом многократно еще в 90-м году

заявляли многие западные социологи, наблюдая потрясающие даже деформации в социально-экономической сфере.

Но если, допустим, Горбачев и его клика пришли к выводу, что капитализм для нашего народа лучше, чем социализм, то не надо насильно набрасывать хомут — проведите референдум. Ведь это не рядовой, а судьбоносный вопрос. Ведь референдума по капитализму не было. А Горбачев подло и хитро ввел троянского коня. Используя доверчивость и открытость народа, он вгоняет еще один нож в спину — широко распахивает двери для капитализации.

А наш народ, приученный за 70 лет Советской власти ко многим гарантиям, которые обеспечивает государство, даже сейчас продолжает наивно в это верить.

Мне понятны были слова Ельцина (я их читал только недавно), когда он с гневом с трибуны Дома кино громил Горбачева, называя его изменником, говорил, что он развалил страну, что предал свой народ. Я был полностью с ним согласен — обвинение справедливое. Но мне совершенно не понятен ход дальнейших действий. Да, надо было избавиться от Горбачева — загубил страну. Но почему был избран Беловежский вариант? Ведь ненависть и презрение к предателю не должны были в итоге обернуться против народа — новым предательством.

Почему Российское государство не поддержало Государственный комитет по чрезвычайному положению, который выступал не против Ельцина и других руководителей республик, а против политики Горбачева?! То есть против того же, о чем говорил и Ельцин. Логичнее было согласовать эти действия, а не идти на временный блок с Горбачевым. Ведь в итоге уникальное государство было окончательно развалено лишь потому, что надо было Ельцину избавиться от Горбачева.

Это мне совершенно непонятно. Я был против любого развала страны.

Еще одна проблема. У нас в СССР существовала одна партия — КПСС. Являясь партией, она составляла и государственную структуру (так сложилось исторически). Возник вопрос об исключении ст. 6-й из Конституции. Статью убрали, но ведь вместе с этим нарушили и управление страной, ее экономикой. Мы же вместо этого стержня, вокруг которого строилась вся государственность, ничего не создали.

Это было сделано умышленно. Такой шаг был направлен на развал государства, а не только партии.

Мало того, к этому добавляется многопартийность. Наша страна не имела враждующих классов, у всех интересы общие. Если нет классов, то логично вообще не иметь никаких партий.

Ленину потребовалась партия единомышленников для решения политических задач. Но уже во второй половине XX века нам никаких политических задач решать не требовалось. И народ вполне мог бы опираться на Советы и общественные организации, которые бы смогли заниматься и социалистической идеологией.

Но мы пошли вроде по демократическому, а фактически ложному пути многопартийности. Что же в итоге приобрели? Усилили центробежные силы и в угоду Западу разнесли страну в кровавые клочья. И даже на этом не успокоились.

Верно народ говорит — ГКЧП был обязан не допустить развала государства. Это можно было сделать только отстранением Горбачева от власти, чего, к сожалению, не произошло.

В итоге хочу отметить следующее. В следственном изоляторе Матросская Тишина мне было предъявлено первое обвинение. Цитирую:

> «Варенников является одним из участников заговора с целью захвата власти и группы лиц, захвативших власть, т. е. подозревается в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.
>
> Основанием для задержания Варенникова является тяжесть совершенного им преступления, и, находясь на свободе, он может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу.
>
> *Подпись — Белоусов.*
>
> *23.08.91 г., 5 ч. 45 мин.»*

Уже тогда на этом документе я написал: «Не считаю себя участником заговора и цели захвата власти не ставил. Варенников».

То есть с первого часа моего ареста я уже четко и ясно заявил, что в никаком заговоре я не участвовал (его попросту не было) и тем более цели захвата власти не ставил, ни я, ни другие. У всех власти было достаточно.

Характерно, что уже в письме Генпрокурору Степанкову 31.08.91 г. (т. е. через неделю после ареста) я писал: «Никогда ни у кого и мысли не было о захвате власти. Наоборот, всегда стремились к укреплению существующей власти и спасению страны от катастрофы».

И сколько бы в последующем ни проходило допросов, сколько бы все новых обвинений мне ни предъявлялось, я никогда не сомневался в своей невиновности. Даже наоборот, чем дальше

шло следствие, тем больше я убеждался в абсурдности предъявленного мне обвинения, как и обвинения ГКЧП в целом, а также в том, что к истинным виновникам разрушения страны, изменникам Родины и предателям нашего народа меры приняты не были.

В то же время Генеральная прокуратура РФ не желала признать свою ошибку, она маневрировала и продолжала обвинять вопреки закону, который гласил: «Общественно опасное противозаконное деяние может быть признано преступлением только тогда, когда оно совершенно виновно». Тем не менее Генпрокуратура на каждом листе Обвинительного заключения пишет, что якобы каждое наше, и мое в том числе, действие совершено умышленно и с ущербом для государства.

Но вся трагедия состоит в том (и об этом говорят все дела), что отсутствует само преступление. Поэтому я и не мог его совершить, разумеется, если рассуждать с позиций логики. А если с позиции морали, то я вообще не способен на преступление. А суд все оценит с позиций права.

Таким образом, мое заявление о моей невиновности, на мой взгляд, обоснованно. Я не считал и не считаю себя виновным.

Но я с горечью и с глубоким сожалением переживаю чувство неисполненного долга — я не все сделал, как и мои товарищи, чтобы не допустить развала нашей Родины. В этом я каюсь.

Искренне надеюсь, что Военная коллегия Верховного Суда РФ оценит все показания объективно и вынесет справедливый приговор.

Варенников

Август 1994 г.».

Фактически Последнее слово писалось накануне и в ночь перед заседанием, поэтому оно недостаточно отшлифовано, но главное я постарался изложить.

И вот наконец наступил день вынесения приговора. Снова раздается уже привычная команда: «Встать, Суд идет!» Мы все встаем. Судьи в мантиях с суровыми лицами (так мне показалось) вышли на свои места, но не сели. Председательствующий генерал Виктор Александрович Яськин начал зачитывать текст приговора. На это ушло целых полчаса! В документе одно за другим отметалось обвинение, сфабрикованное Генпрокуратурой.

Чем дальше читал приговор В. А. Яськин, тем больше становилась моя уверенность, что все может окончиться благополучно. Наконец В. Яськин произнес: «Суд приговорил…» — и сделал паузу. У меня сердце оборвалось. Как же так? Вроде

все обвинения отметены и вдруг — «приговорил!». Но, оказывается, существует такая судебная формула и она употребляется независимо от меры наказания или вывода суда.

Итак, вот текст приговора от 11 августа 1994 года:

Именем Российской Федерации

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего генерал-майора юстиции Яськина В. А.,

народных заседателей генерал-майора Подустова В. И. и контр-адмирала Юрасова Н. П.,

при секретарях майоре юстиции Сокерине С. Г., капитане юстиции Зинченко В. И. и старшем лейтенанте юстиции Неустроеве В. С.,

с участием государственного обвинителя — старшего военного прокурора Главного управления по надзору за исполнением законов в Вооруженных Силах полковника юстиции Данилова А. Б. и защитника-адвоката Штейнберга Д. Д.,

рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению бывшего Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР — заместителя министра обороны СССР генерала армии

Варенникова Валентина Ивановича, родившегося 15 декабря 1923 г. в г. Краснодаре, русского, имеющего высшее образование, женатого, в преступлении, предусмотренном п. «а» ст. 64 УК РСФСР,

установила:

На 20 августа 1991 г. намечалось открытие подписания Договора о Союзе суверенных государств, что, по мнению ряда высших должностных лиц страны, привело бы к разлому и прекращению существования СССР.

16 августа 1991 г. министр обороны СССР информировал Варенникова В. И. о возможном введении в стране чрезвычайного положения.

На следующий день Варенников В. И., по указанию Язова Д. Т., присутствовал на совещании высших должностных лиц государства на объекте КГБ «АБЦ», в ходе которого высказывалось мнение о необходимости введения чрезвычайного положения в целях предотвращения распада Советского Союза и улучшения экономического положения в нем. Здесь же принято решение о направлении группы лиц в Форос, где отдыхал Президент СССР М. С. Горбачев, с целью побудить его ввести чрезвычайное положение либо поручить это сделать другим. В эту группу, по предложению Язова Д. Т., был включен и Варенников В. В.

18 августа группа в составе заместителя председателя Совета

обороны СССР Бакланова О. Д., руководителя аппарата Президента СССР Болдина В. И., секретаря ЦК КПСС Шенина О. С. и Варенникова В. И. вылетела в Форос. Вместе с ними полетели начальник службы охраны КГБ СССР Плеханов Ю. С., начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХОЗУ КГБ СССР Генералов В. В. и другие сотрудники КГБ.

По прилету в Крым Варенников В. И. узнал, что Плеханов Ю. С. отдал команду отключить все виды связи у Президента СССР, а по прибытии в резиденцию последнего — и об отсутствии связи с абонентского комплекта № 1.

Встретившись с Горбачевым М. С., Бакланов О. Д., Болдин В. И. и Шенин О. С. доложили о состоянии дел в стране и КПСС, а Варенников В. И. — о трудностях обеспечения обороноспособности и вопросах, возникавших в армейской среде в связи с процессами, проходившими в государстве, и ухудшением условий военной службы.

Не получив от Президента СССР формального согласия на введение чрезвычайного положения, Бакланов О.Д., Болдин В. И., Шенин О. С. и Плеханов Ю. С. улетели в Москву, где в ночь на 19 августа был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП).

Варенников В. И., по поручению министра обороны СССР, вечером 18 августа на военном аэродроме Бельбек встретился с заместителем министра внутренних дел Громовым Б. В. и провел совещание, в ходе которого обсудил с командующими войсками Киевского, Прикарпатского и Северокавказского военных округов Чечеватовым В. С., Скоковым В. В. и Шустко Л. С., командующим Черноморским флотом Хронопуло М. Н. и маршалом артиллерии Михалкиным В. М. действия подчиненных им войск в случае введения чрезвычайного положения.

Утром 19 августа, после обнародования документов ГКЧП, Варенников В. И., по поручению министра обороны СССР, встретился с руководством Украины и рекомендовал им ввести чрезвычайное положение в западных областях республики.

Наблюдая за развитием событий в Москве, он в течение 19 августа направил в адрес ГКЧП пять шифротелеграмм с информацией о ситуации на Украине и требованием принятия более решительных мер в отношении руководства РСФСР, противодействовавшего мероприятиям ГКЧП.

Кроме того, Варенников В. И. рекомендовал командующим войсками военных округов направить телеграммы в поддержку действий ГКЧП.

Возвратившись 20 августа в Москву, он, по поручению министра обороны СССР, присутствовал при обсуждении в

кабинете заместителя министра обороны СССР вопроса о применении вооруженной силы для захвата здания Верховного Совета России, в котором находилось руководство республики.

Он же дал указание подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов.

Ознакомившись с обстановкой у здания Верховного Совета РСФСР и в целом в г. Москве, Варенников В. И. предложил во избежание кровопролития не штурмовать названное здание и вывести войска из столицы.

Не желая кровопролития, руководство Министерства обороны, Министерства внутренних дел и КГБ СССР отказались от захвата этого здания, а 21 августа 1991 г., по решению министра обороны СССР и коллегии Министерства обороны СССР, войска выведены из г. Москвы.

В судебном заседании Варенников В. И., не признав себя виновным в каком-либо преступлении, показал о своих действиях, как изложено выше, и пояснил, что совершил их в целях сохранения Советского Союза.

Выполнение им перечисленных действий подтверждается и другими доказательствами, исследованными в ходе судебного разбирательства.

Так, свидетели Язов Д. Т. и Ачалов В. А. сообщили, что 16 августа 1991 г. они и Варенников В. И. обсуждали положение дел в стране и первый сказал о возможном введении чрезвычайного положения.

Органами предварительного следствия вменялось, что Варенников В. И. в тот день был посвящен Язовым Д. Т. в планы срыва подписания Союзного договора. Однако как подсудимый, так и перечисленные свидетели отрицают это, в связи с чем обвинение в этой части признается необоснованным.

Не нашло подтверждения и содержащееся в обвинительном заключении утверждение, что на Варенникова В.И. планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения. Это утверждение противоречит не только показаниям подсудимого, свидетелей Язова Д. Т. и Ачалова В. А., но и тому, что по решению министра обороны СССР Варенников должен был улететь и фактически улетел 18 августа из столицы на несколько дней. Не возлагалась на него такая задача и после его возвращения в г. Москву.

Как показали свидетели Крючков В. А., Язов Д. Т., Павлов В. С., Бакланов О. Д., Болдин В. И., Шенин О. С., Ачалов В. С., Егоров А. Г. и Грушко В. Ф., 17 августа 1991 г. Варенников был на совещании высших должностных лиц, в ходе которого обсуждалась сложившаяся в стране ситуация и высказывалось

мнение о необходимости введения чрезвычайного положения для предотвращения разлома СССР и улучшения экономического положения в нем. Там же принято решение о направлении делегации к Президенту СССР с целью побудить его ввести чрезвычайное положение самому либо поручить это сделать другим. По предложению Язова Д. Т. в эту группу был включен Варенников В. И. Он, по показаниям названных лиц, на совещании присутствовал, но в обсуждении не участвовал.

Органами предварительного следствия вменялось, что в ходе этого совещания определена дата выступления и согласованы действия по захвату власти, который должен был осуществиться путем изоляции Президента СССР в Форосе, отключения всех видов связи и предъявления ему требования ввести чрезвычайное положение или уйти в отставку. В случае его отказа продолжить изоляцию силами КГБ, объявить Горбачева М. С. больным и неспособным по этой причине осуществлять свои полномочия, возложить их на вице-президента СССР, создать ГКЧП из числа участников заговора, наделив его всей полнотой власти, и ввести в стране чрезвычайное положение.

Обвинение Варенникова В. И. в этой части является лишь предположением, основывающемся на отдельных объяснениях подозреваемых или обвиняемых Язова Д. Т., Павлова В. С. и Грушко В. Ф.

Из этих лиц лишь Язов Д. Т. в начале следствия показывал, что при встрече на объекте 17 августа 1991 г. обсуждались вопросы изоляции и отставки Горбачева М. С. по болезни и передачи власти ГКЧП.

Однако еще в ходе предварительного следствия он назвал эти объяснения неточными и заявил, что 17 августа изоляция Горбачева М. С., объявление его больным и создание ГКЧП не затрагивались. Два последних вопроса были подняты и решены 18 августа в отсутствие Варенникова В.И.

Не дают основания для бесспорного вывода о том, что перечисленные вопросы обсуждались 17 августа, также объяснения Павлова В. С. и Грушко В. Ф. о согласовании даты выступления, планах предъявления Горбачеву М. С. требования уйти в отставку или объявления его больным, создания ГКЧП они никогда не показывали.

Из показаний участвовавших в совещании лиц видно, что после принятия решения о направлении в Форос группы лиц возникали опасения, что Горбачев М. С. их не примет либо прикажет арестовать. В связи с чем Крючков В. А. заявил, по объяснениям Павлова В. С., что «ситуация будет под контролем», а по показаниям Грушко В. Ф., что с группой полетит Плеханов

Ю. С., который знает охрану и примет меры. Из этих слов он, Грушко, сделал вывод, что Горбачев М. С. будет изолирован.

Другие присутствовавшие на совещании лица о таком выводе не сообщали.

Таким образом, в ходе предварительного следствия не добыты бесспорные доказательства того, что ВаренниковВ.И. присутствовал при обсуждении планов захвата власти путем изоляции Президента СССР, объявления его больным, создания ГКЧП и наделения его всей полнотой власти либо знал о таких планах из других источников.

В судебном же заседании все допрошенные участники этого совещания категорически заявили, что перечисленные вопросы в присутствии Варенникова В. И. не обсуждались.

На основании изложенного суд находит, что эта часть обвинения является необоснованной.

Органами предварительного следствия вменялось, что на упомянутом совещании также решено использовать войска Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности СССР для обеспечения режима чрезвычайного положения.

Это обвинение основывалось на показаниях Егорова А.Г. и Язова Д. Т. о том, что последний предлагал обсудить вопросы взаимодействия органов Министерства обороны, МВД и КГБ.

Однако Варенников В. И. и другие участники совещания на предварительном следствии не подтвердили, что они слышали это предложение.

В судебном же заседании все отрицали, что на совещании затрагивался вопрос использования войск для обеспечения деятельности ГКЧП или хотя бы их ввод в столицу.

Поэтому и эта часть обвинения признается необоснованной.

Согласно обвинительному заключению на названном совещании оглашались документы будущего ГКЧП.

Хотя участники совещания и показали в суде, что фрагменты проектов документов оглашались, но это не может быть положено в основу обвинительного приговора в отношении Варенникова В. И., поскольку постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого эти действия ему не вменены.

Из показаний участников совещания усматривается, что оглашенные фрагменты не позволяли судить о содержании документов в целом и не свидетельствовали о планах отстранения Президента СССР, объявления Горбачева М.С. больным, его изоляции, создания ГКЧП и захвата власти.

В начале предварительного следствия Варенников В. И., как и Язов Д. Т., показал, что на том же совещании говорилось об

отключении связи у Президента СССР. Однако затем он заявил, что об отключении названной связи он впервые услышал от Плеханова Ю. С. в полете или по прибытии в Крым, такой же позиции он придерживался и в судебном заседании. Свидетель Язов Д. Т. заявил суду, что на предварительном следствии он ошибся, фактически же он узнал об отключении связи до или после совещания. Остальные участники совещания также показали, что на нем этот вопрос не затрагивался. А свидетель ПлехановЮ.С. подтвердил, что он сообщил Варенникову В. И. об отключении связи после посадки в Крыму.

Исходя из изложенного, суд считает недоказанным обвинение Варенникова В. И. в том, что он еще до вылета к Президенту СССР знал об отключении у него связи.

Как объяснил подсудимый, после сообщения Плеханова Ю. С. он полагал, что связь у Президента отключена лишь на время встречи с ним. Это утверждение в определенной мере подтверждается показаниями свидетеля Кириллова В. А., согласно которым после его доклада оботсутствии связи с абонентского комплекта № 1 Варенников В. И. сказал, что связь будет восстановлена на следующий день.

Факт встречи с Президентом СССР подтвердил подсудимый, свидетели Бакланов О. Д., Болдин В. И., ШенинО.С. и Горбачев М. С., которые также сообщили, что прибывшие, убеждая Президента ввести чрезвычайное положение самому либо поручить это сделать другим, говорили о критическом положении в экономике и общественно-политической жизни страны, а Варенников В. И., в частности, — о трудностях обеспечения обороноспособности и вопросах, возникавших в армейской среде в связи с процессами, проходившими в государстве, и ухудшением условий армейской службы.

По показаниям Варенникова В. И., Бакланова О. Д., Шенина О. С. и Болдина В. И., Горбачев М. С. хотя и назвал попытку спасти страну от развала путем введения чрезвычайного положения авантюрой и говорил о возможности принятия чрезвычайных мер через съезд народных депутатов или Верховный Совет СССР, однако закончил встречу рукопожатиями и словами: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение». Эти слова Президента СССР они расценили как фактическое согласие на введение в стране чрезвычайного положения при одновременном его желании остаться в стороне от принятия такого решения.

Признав правильность оценки прибывшими ситуации в стране, свое высказывание о возможности введения чрезвычайного положения решением съезда народных депутатов

или Верховным Советом СССР, а также рукопожатия при расставании, свидетель Горбачев М. С. отрицал произнесение указанных слов или одобрение каким-то иным способом введения чрезвычайного положения неконституционным путем.

Проанализировав доказательства, суд пришел к выводу, что, несмотря на высказывания М. С. Горбачева об антиконституционности и авантюризме предложений прибывших, непринятие им мер к их задержанию, его предложение созвать съезд народных депутатов или сессию Верховного Совета для обсуждения вопроса о введении чрезвычайного положения, рукопожатия при расставании давали Варенникову В. И. основания полагать, что Президент СССР если и не одобряет, то не возражает против попытки спасти страну от развала путем введения чрезвычайного положения.

Этот вывод подтверждается также объективными действиями членов ГКЧП, которые после провала задуманного полетели к Горбачеву М. С. для обсуждения возможного выхода из создавшейся ситуации.

Органами предварительного следствия Варенникову В.И. вменялось, что непосредственно он потребовал от Президента СССР уйти в отставку.

Несмотря на то, что свидетель Горбачев М. С. последовательно заявлял о таком требовании Варенникова В. И., суд находит обвинение в этой части необоснованным, поскольку никто из остальных присутствовавших при встрече это обстоятельство не подтвердил ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании.

Как утверждают Болдин В. И., Шенин О. С., БакановО. Д. и Варенников В. И., последний заявил Горбачеву М. С. о своей, а не Президента СССР отставке.

Показания этих лиц подтверждаются приобщенным к делу рапортом Варенникова В. И. с просьбой о его отставке, датированным 19 августа 1991 г., и показаниями свидетеля Язова Д. Т., согласно которым Варенников В. И. по телефону доложил ему из Киева о том, что он высказал Горбачеву М. С. свою готовность уйти в отставку.

Органами предварительного следствия в обвинение Варенникову В. И. включено и то, что после его отъезда из Фороса Генералов В. В. принял меры к изоляции Президента СССР и блокированию его резиденции.

Суд считает эту часть обвинения необоснованной, так как по делу не добыты бесспорные доказательства того, что Варенников В. И. оказывал содействие в осуществлении этих мер либо был осведомлен о намерении их совершить.

Как пояснил подсудимый, уехав от Горбачева М. С., он по указанию министра обороны СССР встретился на военном аэродроме с заместителем министра внутренних дел СССР Громовым Б. В., а затем провел совещание с командующими войсками Прикарпатского, Киевского и Северо-Кавказского военных округов генералами Скоковым В. В., Чечеватовым В. С. и Шустко Л. С., командующим Черноморским флотом Хронопуло М. Н. и маршалом артиллерии Михалкиным В. М. Свидетели Хронопуло М. Н. и Михалкин В. М. показали, что в ходе этого совещания Варенников В. И. сообщил им о возможном введении в стране чрезвычайного положения и обсудил с ними те статьи Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», которые касались действий военнослужащих в этих условиях. Свидетель Язов Д. Т. подтвердил, что указанное совещание проведено по его распоряжению.

Этот свидетель также показал, что по его заданию Варенников В. И. полетел в Киев и встретился с руководством Украины.

Как показали свидетель Гуренко С. И. и подсудимый, последний предлагал руководству Украины ввести чрезвычайное положение в западных областях республики, однако, когда Кравчук Л. М. заявил, что не видит в этом необходимости, Варенников В. И не настаивал.

Факт направления Варенниковым В. И. пяти шифротелеграмм с информацией о ситуации на Украине и требованием принятия более решительных мер в отношении руководства РСФСР подтверждается подлинниками этих документов, приобщенными к делу.

По показаниям свидетеля Михалкина В. М., Варенников В. И. через него советовал командующему войсками Прикарпатского военного округа направить телеграмму с одобрением действий ГКЧП. Такая телеграмма была подготовлена, но не отправлена. Эти показания подтверждаются тем, что телеграмма не приобщена к материалам дела.

Не приобщены к делу и телеграммы из других округов.

По показаниям свидетеля Хронопуло М. Н., в телефонном разговоре он высказывался о необходимости усиления охраны аэродрома Бельбек. Как сообщил далее свидетель, еще до этого разговора он ставил перед министром обороны СССР и главкомом ВМФ вопрос об усилении охраны названного аэродрома, Главнокомандующему Военно-Морским Флотом он доложил и о предложении ВаренниковаВ. И. и получил распоряжение выделить силы и средства. После этого по его, Хронопуло, приказу на аэродром был направлен батальон морской пехоты.

Задачу уничтожать самолеты он не ставил, и Варенников не просил его об этом, что подтвердил и подсудимый.

Поскольку их показания не опровергнуты, суд находит необоснованным обвинение в выделении большего количества сил и средств и постановке перед ними задачи уничтожать самолеты в случае их несанкционированной посадки.

Как показали свидетели Язов Д. Т. и подсудимый, 20 августа 1991 г. последний, по распоряжению министра обороны СССР, был на совещании представителей Министерства обороны, КГБ и МВД СССР. О том, что на нем обсуждался вопрос о действиях против лиц, находившихся в здании Верховного Совета РСФСР, также показали свидетели Ачалов В. А., Громов Б. В., Карпухин В. Т. и другие участники совещания. Из показаний допрошенных лиц видно, что Варенников В. И. лишь присутствовал и активного участия в обсуждении не принимал.

По выводам органов предварительного следствия, захват здания Верховного Совета РСФСР не состоялся в связи с решением предполагаемых исполнителей этой операции отказаться от ее осуществления, то есть по независящим от воли организаторов причинам.

Между тем никто, кроме Громова Б. В., не показывал о том, что он заявлял об отказе участвовать в операции, если приказ о ее поведении будет отдан. Из показаний Крючкова В. А., Карпухина В. Т. и других допрошенных по этому эпизоду лиц видно, что решение не проводить штурм здания Верховного Совета РСФСР вызвано нежеланием пролить кровь людей, находившихся в этом здании и возле него.

При таких данных суд признает, что операция не состоялась в силу добровольного отказа от нее.

Как усматривается из показаний Крючкова В. А., Язова Д. Т., Ачалова В. А., Громова Б. В. и Агеева Г. Е., Варенников В. И. внес вклад в достижение добровольного отказа, заявляя первым двум о нежелательности проведения боевых действий из-за того, что они повлекут человеческие жертвы.

Органами предварительного следствия Варенникову В.М. вменялось, что он дал указание подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов для реализации планов захвата здания Верховного Совета РСФСР.

Подсудимый подтвердил, что он давал указание генералам Петрову В. А. и Павлову В. Е. о подготовке соответственно танковых рот и вертолетов, но сделал это не с целью их использования при штурме указанного здания, а для обеспечения вывода войск.

Свидетели Петров В. А. и Павлов В. Е. показали, что

Варенников В. И., отдавая упомянутое распоряжение, не ставил задачу подготовиться к боевым действиям.

Таким образом объяснения подсудимого не опровергнуты.

Кроме того, из показаний подсудимого и этих свидетелей видно, что Варенников В. И дал указание лишь о подготовке к перемещению танков и вертолетов, но команду на перемещение не давал.

Следовательно, он добровольно отказался от использования боевой техники, что в силу ст. 16 УК РСФСР устраняет его уголовную ответственность.

Органами предварительного следствия Варенникову В.И. вменено, что в результате неправомерного ввода войск в Москву в ночь на 21 августа 1991 года погибли Д. Комарь, И. Кричевский и В. Усов, и то, что городскому хозяйству причинен ущерб на 24,2 миллиона руб лей.

Суд признает это обвинение необоснованным, поскольку Варенников В. И. не был членом ГКЧП и по делу не добыты доказательства того, что он участвовал в принятии решения о вводе войск либо способствовал их вводу или перемещению.

Постановлением о привлечении в качестве обвиняемого Варенникову В. И. вменялось и то, что, отстраняя от исполнения полномочий Президента СССР, являвшегося Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами, на которого возложена координация деятельности государственных органов по обеспечению обороноспособности страны, руководство Советом обороны, и лишив его путем изоляции возможности принимать решения, связанные с использованием стратегических ядерных сил, он умышленно действовал в ущерб обороноспособности страны.

Эту часть обвинения суд также признает необоснованной, поскольку по делу не добыты доказательства, бесспорно свидетельствующие о том, что Варенников В. И. знал о планах отстранения Президента СССР и его изоляции либо как-то умышленно этому способствовал.

Органы предварительного следствия квалифицировали действия Варенникова В. И. как измена Родине в форме заговора с целью захвата власти, то есть преступление, предусмотренное п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

Суд считает такую оценку ошибочной.

Согласно диспозиции ст. 64 УК РСФСР обязательным признаком измены Родине является наличие у виновного умысла на причинение ущерба суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР.

Ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании не добыты доказательства, подтверждающие, что Варенников В. И. желал или сознательно допускал наступление таких вредных последствий для своей Родины.

Как усматривается из программных документов ГКЧП, в поддержку которого действовал Варенников В. И., и его объяснений, которые ничем не опровергнуты, он руководствовался лишь интересами СССР и имел целью содействовать разрешению сложившихся в стране кризисных проблем. При этом он не только не желал, но и не допускал наступления вредных последствий, указанных в ст. 64 УК РСФСР.

Хотя Варенников В. И. оказывал содействие ГКЧП с использованием своего служебного положения, его действия, совершение которых признано доказанным, не содержат состава должностного или иного преступления.

Делая такой вывод, суд исходит из следующего.

В августе 1991 г. Варенников В. И. находился на действительной военной службе. В соответствии с воинскими уставами приказ начальника является обязательным для беспрекословного, точного и своевременного исполнения военнослужащим. Большинство же своих действий (присутствие на совещаниях 17 и 20 августа 1991 г., встречи с Президентом СССР и руководством Украины, проведение совещания с командующими войсками военных округов) он совершил не по собственной инициативе, а по приказу министра обороны СССР. Совершая инкриминированные ему действия, он не располагал достоверными данными, позволяющими считать, что происходящие события фактически противоречат воле Президента СССР — Главнокомандующего Вооруженными Силами государства. Мотивами и целью содеянного им были не корыстные побуждения или иная личная заинтересованность, а сохранение и укрепление своего государства, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 г. Действия Варенникова В. И. не повлекли материальный ущерб или иной существенный вред. Более того, ознакомившись с обстановкой в Москве 20 августа 1991 г., он своими советами Язову Д. Т. и Крючкову В. А. способствовал отказу от кровопролития.

К тому же и органы предварительного следствия не усмотрели, в отличие от некоторых других привлеченных по делу лиц, в действиях Варенникова В. И. признаков незаконного использования служебного положения или превышения должностных полномочий.

На основании изложенного Военная коллегия Верховного

Суда Российской Федерации, руководствуясь п. 2 ст. 5, ст. ст. 303, 309, 313, 314, 316 и 317 УПК РСФСР,

приговорила:

Варенникова Валентина Ивановича по обвинению в преступлении, предусмотренном п. «а» ст. 64 УК РСФСР, оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

Меру пресечения в отношении него — подписку о невыезде отменить.

Вещественные доказательства, перечисленные на листах 153–167 пятого тома обвинительного заключения, хранить в местах, указанных в этом заключении.

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Председательствующий по делу генерал-майор юстиции В. А. Яськин».

Едва председательствующий закончил чтение приговора, как народ и в зале и на улице буквально взревел: «Оправдали! Ура!» Ликование вышло за все рамки — все целуют и обнимают друг друга, плачут, кричат, аплодируют…

Генерал В. Яськин, генерал В. Подустов и контр-адмирал Н. Юрасов сели и, улыбаясь при виде всего, что творилось в зале на этот раз, не препятствовали излиянию человеческих чувств.

Это была Победа! Победа Закона и Права над произволом и беспределом. Эта победа осветила особым светом таких людей, как А. Б. Данилов, В. А. Яськин, В. И. Подустов, Н. Н. Юрасов, Д. Д. Штейнберг. Было бы несправедливо не вспомнить и первый состав суда, который тоже вел следствие в рамках закона. Это А. Т. Уколов, Ю. Д. Зайцев, П. И. Соколов. Благодаря чести и мужеству всех, кого я сейчас перечислил, оказалось возможным при разгуле беззакония, ставшего в России нормой в ельцинскую эпоху, отстоять закон и справедливость.

Да, в этот день можно было торжествовать победу. Но вместе с радостью в душе металась тревога: что день грядущий нам готовит? И эта тревога с каждым месяцем становилась все сильнее — ведь страна разрушается…

Глава IX
Новый протест Генеральной прокуратуры. Третий суд

Взрывная реакция властей на оправдательный приговор. Злобные высказывания Яковлева: «Надо этот суд судить!» Давление на всех и вся. Скрытое гонение государственного обвинителя. Протест Генеральной прокуратуры на оправдательный приговор. Протест Верховным Судом принят. Заседание Президиума Верховного Суда — третий суд по делу Варенникова. Честь судебной власти. Бесчестие Генпрокуратуры. Президиум Верховного Суда решил оставить в силе приговор, вынесенный Военной коллегией Верховного Суда. Выше только Бог!

Далеко не всем, наверное, доводилось видеть ураган. Мне «посчастливилось» наблюдать его в школьные годы в Новороссийске. А в зрелые годы — в Заполярье и на севере Афганистана. Огромные массы воздуха вылетают, как из-под пресса, и несутся, сметая все и неся с собой тоже буквально все, что встает на пути. Налетает он внезапно и буйствует в пределах часа, но иногда может продолжаться и несколько часов. И за короткое время способен преобразить и ландшафт, и населенные пункты, и людей.

Так и эта весть об оправдательном приговоре. Она, как ураган, не только охватила всех, кто был в здании суда и вокруг этого здания, но и по различным каналам молниеносно распространилась повсюду. Десятки, сотни тысяч людей вмиг узнали, что вынесен невиданный вердикт — оправдали того, кого, по мнению демократов, надо было расстрелять или как минимум посадить на 10–15 лет в тюрьму со строгим режимом, отобрав у семьи все, что было нажито трудом за многие годы.

Уже буквально через несколько часов я имел возможность и по радио и по телевидению услышать и увидеть всех, кто занимал полярно противоположные позиции в отношении этого события. Приговор по делу Варенникова, как бы кто его ни вертел, имел и политический характер.

Истинных патриотов этот приговор радовал, вселял надежду и веру в торжество справедливости. «Демократы» же, начиная с Ельцина, остервенев, громили всех (в первую очередь Генпрокуратуру), кто не обеспечил нужный им приговор, и

принимали самые решительные меры, чтобы поправить положение. Генпрокуратуре было приказано немедленно опротестовать оправдательный приговор и потребовать, чтобы Варенникова судили вновь.

Естественно, так называемые демократы не могли сдержать своих чувств. Перебивая друг друга, давали самые «изысканные» оценки тому, что произошло, и требовали, чтобы восторжествовало «право». А Яковлев договорился даже до того, что «надо этот суд судить!». То, что Варенникова надо пересуживать вновь, — вопроса нет! Надо! А суд же, который осмелился оправдать Варенникова, надо немедленно судить, чтобы другим было неповадно, а то ведь так можно дойти до того, что и демократию загубим. Не дали же погибнуть демократии в сентябре — октябре 1993 года! Да, расстреляли парламент, да погибли люди, но зато спасли демократию — раздавили все ненавистные Советы до Верховного Совета РСФСР включительно, посадили своего президента на законное место (хотя и сам президент был уже незаконным) и страна пошла вперед к победе…

Вот так-то: суд надо судить!

И судили! И было два подсудимых: Варенников и Оправдательный приговор Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Не прошло и недели после суда, как Генеральная прокуратура РФ заявила протест на оправдательный приговор Верховного Суда, при этом дала циничное и ложное описание событий и вины подсудимого. «Свободная» пресса и телевидение растрезвонили это на все лады. Но надо отдать должное, что даже в демократической прессе, как и на каналах телевидения и на некоторых волнах радио, нашлись и умные люди. Они или молчали или тонко, чтобы не навлечь на свою голову беду, намекали, что, мол, едва ли из этой суеты что-то получится.

В связи с появлением в прессе публикации протеста Генеральной прокуратуры РФ, я вынужден был официально обратиться к руководству Верховного Суда страны с заявлением.

Вот этот документ:

«Президиуму
Верховного Суда РФ
от В. И. Варенникова

Заявление

Генеральная прокуратура РФ 16.09.94 года опубликовала в

прессе полный текст протеста на оправдательный приговор Военной коллегии Верховного Суда РФ по делу Варенникова.

Учитывая намерения Президиума Верховного Суда РФ рассмотреть протест в ближайшее время, я заявляю, что готов дать необходимые объяснения и ответить на все интересующие Президиум Верховного Суда РФ вопросы.

В то же время обязан отметить, что доводы Генеральной прокуратуры РФ, изложенные в протесте, не только безосновательны, но и позорны для юриспруденции в целом. Все перечисленные в протесте позиции повторяют положения Обвинительного заключения, а оно абсурдно и во многом наполнено ложным содержанием.

Мало того, подписавший протест заместитель генеральной прокуратуры РФ М. Д. Славгородский сам подпадает под ст. 130 УК РФ, так как утверждает, что Варенников якобы в своей шифротелеграмме писал, что «надо принять меры по ликвидации законно избранного Президента РСФСР», чего в действительности не было и даже не предъявлено в Обвинительном заключении. Налицо гнусная клевета.

В то же время автор протеста умышленно не учитывает важный фактор — подсудимый был не только заместителем министра обороны и главнокомандующим Сухопутными войсками ВС, но и народным депутатом СССР, что принципиально меняет его положение, а также значительно расширяет права и обязанности.

Протест Генеральной прокуратуры РФ — это позорные шаги надзорного органа. Они порочат наших людей, усугубляют и без того тяжелую правовую обстановку в стране, не способствуют достижению политического согласия в обществе.

Варенников

20.09.94 года».

Как видит читатель, я готов был к последующим сражениям. И опять я не задумывался о последствиях для себя. Не рисуюсь. Я действовал искренне и во имя главной цели — разоблачить преступников, развалivших СССР. Но и в то время, и сейчас я не могу понять: почему в капиталистическом мире или в том же коммунистическом Китае просто прокуроры и Генеральные прокуроры — это нормальные государственные служащие, стоящие на страже Закона и порядка. А у нашей, ставшей демократической, России прокуроры, как правило, какие-то правовые и нравственные уроды? Почему в капиталистической Южной Корее Генеральный прокурор может привлечь за

денежные махинации к уголовной ответственности и президента, и премьер-министра, а у нас в России они чего только не творят — и все как с гуся вода? Почему в капиталистических США Билла Клинтона таскали за шиворот целый год только за то, что он эту Левински заставлял, чтобы она молчала о том, что была с ним в интимных отношениях, а у наших демократов ни по одному из пяти пунктов абсолютно доказанных обвинений, предъявленных Ельцину, импичмент не состоялся — не хватило голосов, хотя только в развязанной им в Чечне войне погибли тысячи людей, десятки тысяч были ранены и искалечены, миллионы стали беженцами. Но российские «демократы», видимо, считают, что это — нормальное явление. Ведь гибнут не все эти чубайсы, гайдары, черномырдины, бурбулисы, шумейки, березовские, сванидзе, шахраи и их близкие, нет. Все они живы-здоровы и продолжают процветать. Это народ гибнет.

Наконец, возьмите финансовые документы о гигантских махинациях «семьи» Ельцина и приобретении ею огромной недвижимости в различных странах мира — в самых престижных и экзотических местах. Ведь суммы уже давно перескочили за девять нулей в долларовом исчислении (тогда как государственный бюджет России на 2000 год всего 25 миллиардов).

А посмотрите, какая чехарда с прокурорами. Если где-то появится нормальный, честный прокурор, его обязательно выживают из прокурорской сферы. Так получилось, например, и с полковником А. Б. Даниловым, который выступал в качестве государственного обвинителя. Его потихоньку выдавили из Главной военной прокуратуры. А с Генеральными прокурорами, вообще, за последние десять лет беда. Степанков, окончательно запутавшись в своих политико-финансовых махинациях (с немецким журналом «Штерн», с изданием книги «Кремлевский заговор» и т. п.), был наконец снят. Ильюшенко, еще до назначения Ельциным на этот пост известный всей стране своим взяточничеством и другими паскудными делами, сам через два года закончил тюрьмой. Назначенный после него на эту должность не прокурор с железным характером и мертвой хваткой (как швейцарский прокурор Карла дель-Понте, хоть она и в юбке), а преподаватель с юрфака Скуратов был все эти годы декорацией, а не истинным Генеральным прокурором. Правда, на первых порах он пытался соответствовать своему высокому посту. В начальной стадии первой чеченской войны он было нашел много крупных нарушений закона, но вскоре его вызвал к себе Ельцин (транслировалось по телевидению), цыкнул и грозно сказал: «Генеральная прокуратура работает слабо…» Скуратов —

не круглый дурак — сделал для себя «правильные» выводы и залег на несколько лет. А в 1999 году опять у него вдруг начали «прорезаться прокурорские зубы» — напал на след Березовского, дочери президента России Татьяны Дьяченко, зятя президента Окулова… Но «семья» внимательно следила за событиями и, как только увидела, что Генпрокурор может подложить им бомбу — немедленно, причем даже ночью, руками заместителя прокурора Москвы возбудила прямо в Кремле уголовное дело против Скуратова (не имея на то ни оснований, ни прав). На этом основании президент своим указом отстраняет его от должности.

А потом Россия долгое время вообще жила без Генпрокурора. И ничего — справлялась: как воровали, так и воруют, только уже не просто в крупных суммах, а в колоссальных, астрономических! И просвета никакого. А Скуратов за все свои годы так и не вскрыл ни одного крупного дела, не разоблачил ни одного махрового вора-олигарха, хотя их полно. Вообще не оставил никакого следа, если не считать скандала, который также по указанию «семьи» был организован ближайшим окружением. Скандал был нужен в «подтверждение» того, что Скуратова сняли правильно, хотя в основе его лежало увлечение женщинами и только, в чем сам глава «семьи» грешен в тысячу раз больше.

Очевидно, обстановка в Генеральной прокуратуре, да и в стране в целом нормализуется лишь тогда, когда президентом станет наконец нормальный человек, патриот своего Отечества, способный мыслить по-государственному, доступный и обязательный. Правда, настрадавшись и намучившись с Горбачевым, и особенно с Ельциным, мы хотели бы, чтобы новый президент хотя бы приостановил поток добра российского за рубеж, прекратил холуйствовать перед Западом и не позорил бы Россию перед всем миром. А если говорить по существу, то лучше бы вообще отказаться от поста президента. Или же он должен выполнять и обязанности председателя правительства. Это обеспечило бы оперативность и эффективность управления страной.

А тогда, в 1994 году, Генеральная прокуратура РФ в лице заместителя Генерального прокурора России М.Д.Славгородского опротестовала оправдательный приговор, вынесенный Верховным Судом по делу Варенникова. Верховный Суд принял протест, но несколько месяцев не назначал даты начала суда. Прежде Президиум Верховного суда должен был изучить дело, а потом, по мере готовности к судебному следствию, будет объявлена и дата заседания.

Пресса продолжала время от времени обсуждать создавшуюся ситуацию. А я, конечно, переживал. И не только за себя —

переживал за страну. До чего же мы докатились: гражданин выступает за единство Отечества, за его спасение, а его обвиняют в измене Родине!? Это же абсурд! Да и о личной чести думал! Одно дело, когда ты с помощью суда и юристов-патриотов, все-таки сбросив с себя мразь клеветы, обмоешь себя чистой ключевой водой правды, и совершенно другое — когда формально будешь свободен, а фактически окажешься опять в помоях клеветы и лжи. Поэтому и к новому судебному процессу я готовился капитально.

Приблизительно за месяц Президиум Верховного Суда объявил, что судебное заседание назначено на 3 февраля 1995 года. Сообщение вроде обрадовало — наконец-то будет поставлена точка всем этим судебным мытарствам, но и встревожило: совершенно неясен настрой Президиума суда. Конечно же, я в этот период особо консультировался с бывшим министром юстиции РСФСР Владимиром Александровичем Аболенцевым, с бывшим Генпрокурором СССР Александом Яковлевичем Сухоревым и другими высокими юристами.

Время смутное и опасное. Ельцин расправлялся с каждым, кто смел думать иначе, чем он. А думать именно так, как думал он, мало кто умел, потому что тот не способен был вообще думать (тем более нормально). Его постоянно обуревал страх, и на этой почве он такие фортели откалывал, что все столбенели от Запада до Востока, не говоря уж о самой несчастной России (к примеру, расстрелял из танков Верховный Совет РФ). Вся государственная структура строилась на личной преданности президенту и явно выраженном холуяже. Кто позволял себе чуть вправо-влево, тот вышибался из обоймы президентской администрации, то бишь, «семьи», а также из правительства. А то, что некоторые кричат на митингах или в Госдуме: «Долой президента — губителя России!» — так пускай себе кричат. Чем бы дитя ни тешилось… Ведь от этого крика ничего не изменится. Для иллюстрации, кто именно окружал Ельцина в администрации, приведу один пример, близкий мне, как военному человеку. В составе администрации есть такая должность — помощник президента по вопросам национальной безопасности, он же председатель комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским званиям и высшим специальным знаниям. Наверное, президенту нужен в этой области специалист высшего класса, тем более что для него лично она совершенно неведома — он в Вооруженных Силах не только не служил, но видел их части только на парадах.

Верно, надежный специалист с высокими знаниями и богатой практикой нужен. Кто же занимал этот пост? Ю.М. Батурин. Он окончил физико-технический институт, юридический институт,

факультет журналистики МГУ, работал в США в качестве исследователя в Институте перспективных русских (?) исследований (последнее невольно вызывает вопросы: сам-то он русский? И на кого работает — «исследуя»?). Как видите, если взять проблемы безопасности или конкретно Вооруженных Сил и военные кадры, то здесь он не в зуб ногой, никакого представления о безопасности государства в целом, об экономической, военно-технической, чисто военной безопасности у него быть не может. И странно, что именно ему вручили судьбу военных кадров. А от них ведь зависит судьба Вооруженных Сил, без которых не может существовать государство, точнее, государство как таковое просто пропадет.

Засев на Старой площади, Батурин, конечно, имел влияние (а точнее власть) на Вооруженные Силы и другие силовые структуры РФ значительно большее, чем Административный отдел ЦК КПСС. Но сами Вооруженные Силы он просто не мог себе представить. Вообще до того военных видел издалека — только в научно-производственном объединении «Энергия», где он работал сотрудником и куда приезжали люди в военной форме, имеющие отношение к космосу. А остальное черпал из средств массовой информации. Как-то через год или два пребывания Батурина на своем посту он впервые выехал в войска, и его показали по телевидению на стрельбище. Он стрелял из пистолета, а затем из автомата. Это был цирк. Конечно, вся телесъемка была сделана в популистских целях. Допуская даже, что оператор, гражданский человек, из того, что видел, вынес одно (что и надо было Батурину): вот он каков, даже умеет стрелять! А фактически он ничего не умел и не умеет, не знал и не знает Вооруженные Силы, а тем более проблемы безопасности страны. Загубил и то, и другое. Это был могильщик Вооруженных Сил. И турнули его поделом, но было уже поздно. А делал-то он все, конечно, по рецептам США. Силовые министры типа П.Грачева были просто его марионетками. Ведь действовал он «от имени и по поручению». А кто пойдет к царю уточнять — поручал он или не поручал? Это же риск. Рисковать же — дураков нет. Вот все и катилось так, как нужно Вашингтону.

Батурин со Старой площади полетел в космос. Что значит иметь связи! Вот он и совершил полет на халяву. Какое слово он в науке сказал? Кому этот полет был нужен? Одному Батурину! Вот такой он эрудит, такое колоссальное образование, такая глобальная практика — лишь только он мог взглянуть на Россию из США и глазами США, а затем на ту же Россию и на планету Земля — из космоса. Есть еще у кого-то такой человек? Нет, только у нас. И он еще не сказал своего последнего слова в

разрушении и расхищении России. Этот бультерьер в затемненных очках и впредь будет рушить наше Отечество. Благо что сейчас Федеральная служба безопасности (а ранее КГБ или МГБ), как и 10, и 15 лет назад, не представляет для такого типа людей никакой опасности.

Кресло Ю. М. Батурина занял Е. В. Савостьянов. Это такой же «демократ» и такой же могильщик Вооруженных Сил, как и его предшественник, но с еще более изощренными и жесткими методами. Образование у него скромнее, чем у Батурина: окончил только горный институт. Но зато он ближе к безопасности государства, так как работал в должности начальника Управления КГБ по Москве и Московской области, хотя какой-нибудь чисто военной (или военизированной) подготовки не имел.

Сравнивая Батурина с Савостьяновым, мне до сего времени так и неясно, почему Ельцин (точнее «семья») Батурина турнул из администрации. Ведь он в поте лица трудился, загоняя Вооруженные Силы в могильник, стоял на страже «демократии», чего и требовали Ельцин и Запад. И вдруг…

За весь период работы в Госдуме я лишь однажды «проявил слабость» и позвонил Савостьянову в надежде приобрести в его лице союзника, чтобы улучшить пенсионное обеспечение бывшего члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Григория Васильевича Романова, который фактически всю жизнь занимался промышленностью. Романов и его жена, ветеран Великой Отечественной войны, бедствовали: им даже недоставало средств на приобретение лекарств. А ведь Григорий Васильевич был еще и Героем Социалистического Труда. Нищенская пенсия, которую установил Ельцин, подрывала здоровье Романовых и угнетала морально: вот она, «благодарность» государства, за их огромный труд на благо Отечества.

Когда я начал объяснять ситуацию, Савостьянов, перебив меня, понес грязный поток на голову Романова. И заключил: «Вы его не знаете, а ходатайствуете. Только одно то, что он устроил своей дочери свадьбу в Эрмитаже и взял для этого царскую посуду, уже только это не позволяет рассматривать его пенсионное обеспечение». Понимая, что осла бессмысленно тянуть, если он уперся (даже если он физик или горный инженер), я решил оставить его в покое, чтобы он не вздумал взбрыкнуть и разрушить уже выстроенную небольшую конструкцию по этой проблеме. Мирно закончив с ним разговор, я продолжал действовать. И через два месяца все-таки добился, что Григорий Васильевич Романов, а вместе с ним и Николай Никитович Слюньков начали получать персональную пенсию.

Савостьянов — это носитель лжи и демократических помоев. Ведь все, что он сказал о Романове и свадьбе его дочери в Эрмитаже, — это гнусная ложь Горбачева, которому она потребовалась, чтобы, опорочив Романова, выбить еще одного конкурента на пост генсека. Вот это правда. И не думаю, чтобы бывший работник КГБ Савостьянов этого не знал. Знал, но умышленно распространял ложь, потому что Романов, как и все честные люди, был и остается противником развала Советского Союза, противником грабежа народа, разворовывания наших богатств, растления молодежи, чудовищного разгула преступности, которая уже стала нормой российской жизни. А Савостьянов, конечно, за все это. Такие, как он, вместе с Ельциным, и довели страну до последней черты.

Итак, наступило 3 февраля 1995 года. Мы заранее сосредоточились в здании Президиума Верховного Суда РФ, куда пришло много моих друзей. В том числе прибыл и первый заместитель председателя КПРФ Валентин Александрович Купцов. Это было приятной неожиданностью. Видимо, по тактическим соображениям официальных лиц от КПРФ ни на первом, ни на втором судебном процессе не было.

В. А. Купцова я хорошо знал давно, еще во времена, когда он был первым секретарем Вологодского обкома КПСС. Вологодская область в целом преуспевала (особенно Череповецкий металлургический комбинат). Основы правильного его развития были заложены еще Анатолием Семеновичем Дрыгиным. И все его последователи, в том числе Валентин Александрович Купцов, умело поддерживали традиции. Присутствие его на суде, как и других моих товарищей, несомненно, было для меня моральной поддержкой.

Мы заняли свои места. В назначенное время появились члены Президиума Верховного Суда Российской Федерации во главе с его председателем Вячеславом Михайловичем Лебедевым. О нем я уже был хорошо информирован Владимиром Александровичем Аболенцевым. Владимир Александрович на протяжении всех судов меня морально поддерживал, и я искренне благодарен за это. Он же поведал мне о высокой подготовке и большой судебной практике Вячеслава Михайловича Лебедева, о его принципиальности и святом подчинении Закону. Конечно, внутренне это меня укрепляло. Но человек есть человек, и в условиях установившегося в России беспредела, когда после расстрела Верховного Совета РФ президент распоясался, от него можно было ожидать чего угодно. И стоило В. М. Лебедеву или его заместителю Н. А. Петухову (он же председатель Военной коллегии Верховного Суда) чуть-чуть зашататься в своем

решении, как все могло бы рухнуть.

Наконец, В. М. Лебедев открыл судебное заседание, определил порядок работы и предоставил первое слово судье Верховного Суда РФ З. Ф. Галиуллину, который довольно обстоятельно и, на мой взгляд, беспристрастно доложил суть вопроса. Я в своем выступлении постарался раскрыть основные положения, затронутые в докладе, и показать абсурдность предъявленных мне обвинений. Затем выступил мой защитник адвокат Д. Д. Штейнберг, который, естественно, вел линию в одном ключе со мной. Для меня было странным (но я в тонкостях юриспруденции не разбираюсь), что были приглашены потерпевшие, к которым я совершенно никакого отношения не имел. Выступили и они, и их адвокат.

Заместитель Генерального прокурора М. Д. Славгородский, как и следовало ожидать, ничего нового в сравнении с предъявленным мне ранее обвинением сказать не мог. Он голословно повторял избитые и развенчанные на втором суде факты и настаивал на возвращении моего дела в суд для нового рассмотрения.

Разумеется, я выступил с репликой и раскрыл примитивность приемов Генпрокуратуры РФ, ее неспособность доказать хотя бы какую-то часть моей вины. Было лишь обычное перечисление фактов, имевших место в августовских событиях 1991 года. Сами же события не подпадают под разряд преступных, а некоторые их них были вынужденной мерой.

До обеда шло судебное разбирательство протеста Генпрокуратуры РФ, а затем суд удалил всех присутствующих из зала, продолжив заседание в закрытом режиме. Видно, выступили все 13 членов Президиума (или подавляющее большинство), потому что заседание длилось до позднего вечера. Я предполагал, что среди членов Президиума нет единства в оценке проблемы, следовательно, идут жаркие выступления.

Покинув зал заседания, мы в ожидании решения суда вышагивали по коридорам и комнатам, старались по различным каналам вести разведку — что же происходит за дверями зала Президиума. Получали отрывочные, иногда противоречивые данные. В целом все сводилось к тому, что единства среди судей нет. Это удручало. И дальнейшее ожидание было еще более тяжелым.

Наконец, вечером всех нас неожиданно пригласили в зал. Мы быстро заняли свои места. Волновал один вопрос — какое решение? Я приготовился все подробно записывать. Вот входят члены Президиума Верховного Суда, у всех озабоченный вид, никто из них не смотрит по сторонам. Все размещаются на своих

местах, все успокаивается. Пауза. До чего же томительны последние минуты и секунды ожидания. Но вот председатель Президиума Верховного Суда РФ Вячеслав Михайлович Лебедев открыл свою папку и, быстро прочитав текст, объявил: «Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановил: протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в отношении Варенникова Валентина Ивановича оставить без удовлетворения». Затем так же быстро закрыл папку, встал и ушел. Весь состав суда тоже быстро встал и вышел их зала.

Все мы, начиная с меня, вначале даже не сообразили, что произошло. Поэтому зал так бурно не отреагировал на объявленное В. М. Лебедевым постановление. Когда шок прошел, мы начали дружно рукоплескать и поздравлять друг друга с таким финалом.

Все! Долгий судебный марафон наконец-то завершился. Как говорят в народе, выше только Бог!

Теперь Победа Права и Закона полностью обеспечена! И даже если меня убьют (к примеру, собьет машина при переходе улицы и т. п.), рассуждал я, то цель-то достигнута: на суде позорное клеймо предателя и изменника Горбачеву все-таки было поставлено, а его продолжатель, разрушитель, и грабитель Ельцин так же был пригвожден к позорному столбу. Сначала — еще в моей шифротелеграмме из Киева в Москву на имя ГКЧП, а на суде была подтверждена гнусность его антиконституционных действий.

Мы ликовали.

Честь судебной власти была защищена, а бесчестие Генпрокуратуры еще раз было выставлено на всенародное обозрение.

Вот начало и концовка исторического документа.

Постановление

Президиума Верховного Суда Российской Федерации
г. Москва 3 февраля 1995 года

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в составе:

Председателя — В. М. Лебедева

Членов Президиума — В. И. Радченко, Н. А. Петухова, Н. Ю. Сергеевой, В. П. Верина, В. М. Жуйкова, Р. М. Смакова, А. Е. Меркушова, А. Я. Перепеченова, М.

Каримова, В. Ф. Езина, В. К. Вячеславова, Ю. А. Свиридова.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 378 п. 1 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановил:

Протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в отношении Варенникова Валентина Ивановича оставить без удовлетворения.

Председатель В. М. Лебедев».

Весь текст постановления не приводится потому, что он во многом повторяет предыдущее постановление суда.

Однако наконец все стало на свое место. Фактически был оправдан не только я лично, но и все, кто проходил по делу ГКЧП.